

РОССИЯ
XX ВЕК

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
ДЕМОКРАТИЯ

РОССИЯ
XX ВЕК

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ
ИЗБРАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ: 1992-2005

АЛЕКСАНДР
ЯКОВЛЕВ

ИЗБРАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ:
1992-2005

ДОКУМЕНТЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД
«ДЕМОКРАТИЯ»
(Фонд Александра Н. Яковлева)

РОССИЯ. XX ВЕК

ДОКУМЕНТЫ

СЕРИЯ ОСНОВАНА В 1997 ГОДУ
АКАДЕМИКОМ А.Н. ЯКОВЛЕВЫМ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Г.А. Арбатов, А.Н. Артизов, Е.Т. Гайдар,
В.П. Козлов, В.А. Мартынов, С.В. Мироненко,
В.П. Наумов, Е.М. Примаков, Э.С. Радзинский,
А.Н. Сахаров, Г.Н. Севостьянов, Н.Г. Томилина,
С.А. Филатов, А.О. Чубарьян

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ФОНД «ДЕМОКРАТИЯ», МОСКВА

РОССИЯ.
XX ВЕК

Д О К У М Е Н Т Ы

АЛЕКСАНДР
ЯКОВЛЕВ

**ИЗБРАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ:
1992-2005**

СОСТАВИТЕЛЬ
А.А. Яковлев

МОСКВА 2009

ББК 63.3(2)64 Яковлев
А45

*Общественный фонд «Международный фонд “Демократия”
(Фонд Александра Н. Яковлева)»
выражает благодарность Фонду Б.Н. Ельцина
за поддержку данного издания*

Александр Яковлев. Избранные интервью: 1992—2005 / Сост.
А45 А.А. Яковлев. — М.: МФД, 2009. — 480 с. — (Россия XX век. Документы).

ISBN 978-5-89511-016-4

Сто интервью выдающегося российского политика, государственного и общественного деятеля Александра Николаевича Яковлева — уникальный документ постперестроечной эпохи; в них как в зеркале отражается российская история после 1991 г., позиции и борьба различных политических сил в рамках трех периодов: 1992—1993 гг., 1994—1999 гг. и 2000—2005 гг., а также эволюция взглядов самого А.Н. Яковлева, прошедшего путь от одного из высших руководителей КПСС до социал-демократа и либерала-диссидента. Сборник снабжен подробным комментарием и будет интересен не только специалисту-историку, но и самому широкому кругу читателей.

ББК 63.3(2)64 Яковлев

ISBN 978-5-89511-016-4

© А.А. Яковлев, составление, предисловие,
научно-справочный аппарат, 2009
© Общественный фонд «Международный фонд
“Демократия” (Фонд Александра Н. Яковлева)», 2009

Предисловие

Перед читателем — вторая книга Международного фонда «Демократия», посвященная выдающемуся российскому государственному деятелю и политическому мыслителю Александру Николаевичу Яковлеву¹. Если в предыдущем томе вниманию читателей были предложены документы эпохи перестройки, то данная книга представляет собой сборник интервью А.Н. Яковлева российским СМИ постперестроечного периода¹¹.

А.Н. Яковлев родился 2 декабря 1923 г. в деревне Королево Ярославской губернии в обычной крестьянской семье. Его отец, Николай Алексеевич Яковлев, работал в колхозе, затем в лесничестве; мать, Агафья Михайловна (урожденная Ляпушкина), воспитывала четверых детей — Александра и трех его сестер — Екатерину, Людмилу и Тамару. Детство А.Н. Яковлева прошло в деревне и описано его двоюродным братом Константином Федоровичем Яковлевым в повести «Осиновские чудаки» (Ярославль: Верхне-Волжское книжное издательство, 1973). Вспоминая это время, Александр Николаевич говорил, что это была самая счастливая пора его жизни.

А.Н. Яковлев — из того поколения, которое со школьной скамьи ушло на фронт. В августе 1941 г. он был призван на военную службу, в 1942 г. лейтенант, затем старший лейтенант Яковлев — командир взвода в составе 6-й отдельной бригады морской пехоты. 6 августа 1942 г. Яковлев был тяжело ранен в бою. Лечение протекало долго; из госпиталя в г. Сокол он выписался только 4 февраля 1943 г. После увольнения из армии по болезни Яковлев вернулся в родительский дом, в поселок Красные Ткачи. Вернулся с искалеченной ногой, на костылях. Несмотря на тяжелое материальное положение семьи, он по совету отца решил продолжить учебу и в сентябре 1943 г. поступил в Ярославский государственный педагогический институт им. К.Д. Ушинского. Там студенту Яковлеву предложили возглавить кафедру военной и физической подготовки, что позволило ему и учиться, и помогать матери и маленьким сестрам: отец был призван почти одновременно с сыном, зимой в окопах тяжело заболел, долго лежал в госпитале, вернулся домой уже после войны.

В 1945 г. Александр Николаевич женился на Нине Ивановне Смирновой (Яковлевой), вместе они прожили 60 лет и вырастили двоих детей — Наталию и Анатолия.

В 1946 г., после окончания института и года учебы в высшей партийной школе в Москве, А.Н. Яковлев был направлен в распоряжение Ярославского обкома ВКП(б), где с ноября 1946 по январь 1948 г. работал инструктором Отдела пропаганды и агитации. В январе 1948 г. был переведен в газету «Северный рабочий» на должность заведующего отделом пропаганды марксизма-ленинизма и члена редколлегии, в июле 1950 г. стал заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома, а в

¹ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008.

¹¹ Документам, опубликованным в первой книге, предпослан краткий биографический очерк. Предисловие к данному сборнику в основных моментах повторяет этот очерк. Первую попытку написать более или менее полную биографию А.Н. Яковлева предпринял в 2008 г. канадский журналист Кристофер Шульган в своей книге «Советский посол» (Shulgan C. The Soviet Ambassador. Toronto, 2008).

июле 1951 г. — заведующим Отделом школ и вузов Ярославского обкома КПСС. В марте 1953 г. его перевели в Москву на должность инструктора Отдела школ ЦК КПСС.

В 1956 г., после XX съезда КПСС, оказавшего на А.Н. Яковлева огромное влияние, молодой инструктор попросился на учебу в Академию общественных наук при ЦК КПСС. После двух лет учебы в Академии он был направлен — по первой послевоенной программе обменов студентами и аспирантами — на годичную стажировку в Колумбийский университет (США), где изучал принципы американского федерализма, двухпартийную систему и «новый курс» Ф.Д. Рузвельта.

В 1960 г. А.Н. Яковлев вернулся в ЦК КПСС на должность инструктора Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам. Умный, пишущий и сверхэнергичный молодой партработник из провинции, с кандидатской степенью, прошедший стажировку за рубежом, оказался находкой для центрального аппарата, да он и сам с готовностью отдавал свои таланты партии. Вскоре его повысили до заведующего сектором, а затем заместителя и первого заместителя заведующего Отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС. После разгрома «молодежной группы» во главе с А.Н. Шелепиным и «ссылки» заведомо пропаганды В.И. Степакова послом в Югославию А.Н. Яковлев получил должность и.о. заведующего Отделом пропаганды.

В начале 1970-х гг. А.Н. Яковлев руководил рабочей группой, занимавшейся обсуждением новой конституции (впоследствии названной «брежневской»). В ходе этой работы и подготовки к празднованию 50-летия СССР он занял позицию, не устраивавшую партийных руководителей национальных республик, прежде всего П.Е. Шелеста и Ш.Р. Рашидова, которые отстаивали принцип «самоопределения вплоть до отделения». В 1972 г. А.Н. Яковлев опубликовал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма» с критикой национализма в России и, что важно, национализма в союзных республиках. Эта статья, сыгравшая роль «пробного шара» в процессе разработки новой конституции и вызвавшая горячие споры, дала повод расставить точки над «і». Яковлеву приписали близость к впадшему в немилость А.Н. Шелепину, а с другой стороны — обвинили в излишней приверженности курсу XX съезда КПСС на преодоление культа личности Сталина. Партийные бонзы из национальных республик утверждали, что, критикуя националистические проявления в России, он обижает «старшего брата». При этом руководители республик давали понять, что они «не против» великодержавного национализма, если, конечно, последний «не против» национализма местного.

К началу 1970-х гг. относится зарождение так называемого культа Брежнева, попытки развертывания которого в аппарате А.Н. Яковлев подверг критике, надеясь на здравую реакцию Генерального секретаря. Быстро завоевывавший популярность в ЦК идеолог, которого все чаще можно было видеть рядом с Л.И. Брежневым, начал беспокоить М.А. Суслова. Кроме того, в Яковлеве увидели конкурента сформированной в начале 1960-х гг. в международных отделах ЦК «группе консультантов», которая, по замыслу секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова (председателем КГБ Андропов стал лишь в 1967 г.), должна была занять ключевые позиции в сфере идеологии. В результате Яковлев, так и не примкнувший ни к одной из негласных партийных «фракций» и групп (хотя в какой-то момент едва не вошел в «ко-

манду» А.Н. Косыгина), оказался в своего рода политическом вакууме, что и предопределило направление его послом в Канаду.

Годы в Канаде (1973—1983) стали поворотными для А.Н. Яковлева. Как дипломат он позволял себе шаги, которые никогда не мог себе позволить кадровый «мидовец», в частности завязал дружбу с премьер-министром П.-Э. Трюдо — блестящим политиком, посвятившим себя защите суверенитета Канады, ее национального единства и прав канадских граждан на достойную жизнь. Десяти лет в Канаде оказалось достаточно, чтобы понять, в какой тупик завела нашу страну концепция «мировой революции» и на какой смертельно опасный для всего человечества путь встали две ядерные сверхдержавы — Советский Союз и США. В молодости Трюдо придерживался социалистических взглядов, что способствовало установившемуся между двумя политиками взаимопониманию. Впоследствии Трюдо сыграл важную роль не только в организации контактов между М.С. Горбачевым и Р. Рейганом, но и в налаживании отношений между КПСС и социал-демократическими силами Запада.

В 1983 г. А.Н. Яковлев организовал поездку в Канаду секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству, протеже Ю.В. Андропова М.С. Горбачева, и будущим соратникам удалось найти время для откровенного разговора. Их оценки положения дел в партии и стране совпали. Вернувшись в Москву, Горбачев настоял на «возвращении» Яковлева, который был назначен на пост директора Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР.

В 1985 г., после избрания М.С. Горбачева Генеральным секретарем ЦК КПСС, А.Н. Яковлев был переведен в аппарат ЦК на пост заведующего Отделом пропаганды, в следующем году стал секретарем ЦК, еще через год — членом Политбюро. Благодаря усилиям Яковлева в первые три года перестройки получила практическое воплощение концепция «гласности», подняла голову пресса. Яковлев сыграл важную роль в снижении международной напряженности, налаживании отношений с США, странами Западной Европы, Китаем и Японией. Неоценим вклад А.Н. Яковлева в разрушение «железного занавеса», возвращение нашей страны в цивилизованный, информационно открытый мир.

Поворотным моментом для перестройки в 1988 г. стала история с «письмом Нины Андреевой», высветившая раскол в партии по вопросу о продолжении реформ. Стремясь сгладить конфликт, М.С. Горбачев осенью 1988 г. «отодвинул» Е.К. Лигачева и А.Н. Яковлева от руководства идеологией (назначив на этот пост В.А. Медведева), при этом Лигачев был «брошен» на сельское хозяйство, а Яковлев стал отвечать за вопросы международной политики.

Деятельность А.Н. Яковлева в 1988—1990 гг. как руководителя, принимавшего принципиальные решения во внешней политике СССР, пока не изучена. Многие документы свидетельствуют о его значительном вкладе в практическую реализацию концепции «нового политического мышления». «Бархатные» революции лета — осени 1989 г., прокатившиеся по странам Восточной Европы, были бы невозможны без активно проводившейся А.Н. Яковлевым политики «ненасилия» в отношении стран социалистического блока. Важным направлением его деятельности стал также Азиатско-Тихоокеанский регион, в налаживании отношений с которым он видел инструмент установления «многополярного мира».

Исключительно велика роль А.Н. Яковлева в привлечении иностранных инвестиций и международной помощи. Во многом благодаря его усилиям удалось сформировать привлекательный имидж СССР за рубежом, что позволило переломить отношение к перестройке как к опасному для Запада курсу на модернизацию социализма. Больше того, деятельность Яковлева способствовала тому, что перестройку стали воспринимать как задачу, которую необходимо решать всему мировому сообществу. Все это было бы невозможно без урегулирования так называемых региональных конфликтов — задачи, в решении которой А.Н. Яковлев принимал самое деятельное участие; и прежде всего это относится к окончанию военных действий СССР в Афганистане.

В 1988—1990 гг. Яковлев активно участвовал во внутривнутриполитической жизни страны. По его настоянию был введен институт президентства, а также изменена 6-я статья Конституции СССР, что лишило КПСС монополии на власть. В СССР появились партии, поначалу формально, а затем и реально альтернативные КПСС, законодательная власть перешла к Съезду народных депутатов. А.Н. Яковлев был решительным сторонником рыночной экономики и как мог способствовал внедрению ее механизмов в экономическую жизнь страны.

А.Н. Яковлев настаивал на скорейшем заключении нового союзного договора на принципах равноправия, выступал против любых проявлений сепаратизма, считая при этом применение силы абсолютно неприемлемым, противодействовал нагнетанию напряженности и провоцированию конфликтов, прежде всего на национальной почве.

Важным фактором, повлиявшим на эволюцию взглядов А.Н. Яковлева, стала его работа в качестве председателя Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий. Подробное ознакомление с судьбами жертв сталинизма привело к тому, что Яковлев начал испытывать глубокое отвращение, а позже и ненависть к лицемерной «системе», провозглашавшей принцип верховенства закона и интересов личности, а на деле превратившей общественную жизнь в вотчину бесконтрольной и самодостаточной партийно-советской бюрократии. После избрания весной 1990 г. М.С. Горбачева президентом СССР А.Н. Яковлев де-факто сложил с себя обязанности члена Политбюро и секретаря ЦК КПСС, а на XXVIII съезде КПСС вышел из всех руководящих органов партии, отказавшись и от выдвижения на пост заместителя Генерального секретаря.

А.Н. Яковлев последовательно выступал за принятие программы «500 дней» (программы Явлинского — Шаталина), считая, что лежавший в ее основе политический альянс М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина мог спасти СССР и двинуть вперед реформы. Однако последующие события, кульминацией которых стала демонстрация силы в Литве и Латвии, убедили его в том, что в стране складывается ситуация для консервативного реванша. В апреле 1991 г., спустя шесть лет после апрельского Пленума ЦК КПСС, А.Н. Яковлев направил М.С. Горбачеву письмо, в котором заявил о своем решении действовать независимо от президента, так и не сложившего с себя обязанности Генерального секретаря. В мае — июле 1991 г. было создано альтернативное консервативному крылу в КПСС и КП РСФСР Движение демократических реформ, лидерами которого стали Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлев и другие политические деятели, а в конце июля 1991 г. Яковлев подал в отставку с поста старшего советника президента СССР. 15 августа 1991 г. Центральная

Контрольная комиссия КПСС рекомендовала исключить Яковлева из партии. Не дожидаясь требуемого уставом КПСС, но вполне ожидаемого решения первичной парторганизации, А.Н. Яковлев заявил 16 августа 1991 г. о выходе из КПСС.

В дни августовского путча А.Н. Яковлев решительно встал на сторону российского президента Б.Н. Ельцина, к удивлению путчистов поддержавшего президента СССР М.С. Горбачева. После разгрома ГКЧП Яковлев вернулся к «многое понявшему», по его словам, Горбачеву, став государственным советником по особым поручениям, и оставался рядом с президентом СССР до самой его отставки в декабре 1991 г. В течение всего этого периода он настаивал на скорейшем заключении союзного договора на любых условиях, в том числе в форме конфедерации, и в любом составе, считая, что это единственный способ продолжения эволюционного развития по пути демократии.

После распада СССР в конце 1991 г., А.Н. Яковлев стал вице-президентом «Горбачев-Фонда», создание которого было обговорено Горбачевым и Ельциным в процессе передачи дел. Несмотря на заявленный научный характер работы Фонда, его деятельность не ограничивалась наукой, затрагивая, вопреки договоренностям с Б.Н. Ельциным, сферу политики. Впрочем, работа А.Н. Яковлева в Фонде длилась недолго, фактически прекратившись осенью 1992 г. после отказа М.С. Горбачева дать свидетельские показания в Конституционном суде по делу КПСС. В отличие от Горбачева, Яковлев выступил в КС, разъяснив действия демократического крыла партийного руководства, которое запустило ради спасения страны механизм перестройки. Примерно в то же время Яковлев был вызван в Генеральную прокуратуру, где ему показали документы и материалы, свидетельствовавшие о том, что в течение ряда лет его телефон прослушивался, а о его действиях и контактах КГБ регулярно докладывал М.С. Горбачеву. Впоследствии Яковлев не раз говорил, что счел себя оскорбленным устроенной с ведома Горбачева слежкой, а Горбачев со своей стороны неоднократно отрицал, что подобное имело место.

В конце 1992 г. А.Н. Яковлев согласился возглавить созданную 2 декабря 1992 г. Комиссию при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий.

После распада СССР А.Н. Яковлев последовательно выступал за принятие временного, на переходный период, Конституционного акта, созыв на его основе Учредительного собрания, перевыборы парламента и Президента, наконец обсуждение в парламенте и принятие на общенародном референдуме новой Конституции. С его точки зрения, Россия должна была стать парламентской республикой, а на переходный период им допускалось временное усиление полномочий Президента. Летом 1993 г. А.Н. Яковлев принял участие в работе Конституционного совещания, рассматривая его как подготовительный этап к созыву Учредительного собрания. Однако события приняли неожиданный оборот. Речь шла о сохранении демократического вектора развития — против Президента выступили не столько сторонники парламентской республики, сколько экстремисты из Фронта национального спасения (ФНС). Во время событий 3—4 октября 1993 г. Яковлев поддержал действия Президента по подавлению мятежа.

Созданное в мае — июле 1991 г. межреспубликанское Движение демократических реформ в 1992 г. утратило значительную часть своей базы —

прежде всего в результате распада СССР и нежелания руководства бывших союзных республик воссоздавать обновленный Союз, но также в результате того, что потеряло главного оппонента — КПСС. Электорат Российского движения демократических реформ (РДДР) во главе с А.А. Собчаком и Г.Х. Поповым тоже сузился — теперь его составляли те, кто выступал и против советской системы, и против политики российского президента. Результаты голосования на выборах в декабре 1993 г. стали шоком для РДДР, рассчитывавшего легко преодолеть пятипроцентный барьер. Казавшееся сильным Российское движение демократических реформ получило менее 5 % голосов, и, следовательно, партийный список движения, куда входил и А.Н. Яковлев, в Госдуму не прошел.

В конце 1993 г. с подачи Е.Т. Гайдара и по просьбе Б.Н. Ельцина, стремившегося не допустить повторения октябрьского (1993) мятежа и видевшего в телевидении инструмент стабилизации, А.Н. Яковлев занял пост исполняющего обязанности руководителя телерадиокомпании «Останкино», а также стал главой вновь созданной Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию (ФСТР). Еще до назначения А.Н. Яковлева в президентской администрации планировалось привлечь к задаче создания нового ТВ крупных предпринимателей, не теряя при этом «государственного лица» телевидения. Яковлев придерживался иной точки зрения, считая, что новое телевидение должно быть в основном частным, однако в конце 1994 г. Ельцин обнародовал указ о создании новой компании, согласно которому 51 % ее акций должны были принадлежать государству. В начале 1995 г. на базе «Останкино» было создано АОЗТ «Общественное российское телевидение» (ОРТ), которое окрестили «полугосударственным» каналом.

Процесс создания ОРТ сопровождался громкими скандалами, попытками вернуть «Останкино» на исходные позиции государственного канала. Настоящей трагедией стало убийство первого генерального директора ОРТ журналиста В.Н. Листьева. В марте 1995 г. А.Н. Яковлев заявил о своей отставке с поста и.о. руководителя «Останкино», после чего был сразу же освобожден Президентом и с поста главы ФСТР, оставшись, впрочем, председателем номинального Совета директоров ОРТ в роли представителя государства. Несмотря на свои 51 % акций, государство практически не финансировало ОРТ, и все расходы на его содержание легли на частный бизнес. ОРТ стало трамплином для публичной политической карьеры Б.А. Березовского, сумевшего найти рычаги влияния в высшем руководстве страны.

В 1995 г. А.Н. Яковлев основал и возглавил Российскую партию социальной демократии (РПСД), надеясь объединить демократические силы России — как левого, так и правого фланга. Создавая РПСД, он предлагал Ельцину сформировать на социал-демократической платформе «партию власти». При этом Александр Николаевич настаивал на существенном обновлении идеологии социал-демократии, предлагая в качестве платформы объединения концепцию социального либерализма (либерализм в политике и социал-демократизм в экономике). Концепция РПСД как политического инструмента объединения обсуждалась еще в 1993 г., а осенью 1994 г. приобрела реальные очертания. Мощным активом партии могли стать «Останкино» и создававшееся ОРТ, однако изменение планов Ельцина относительно парламентских выборов 1995 г. и президентских выборов 1996 г. привело к тому, что РПСД на самом старте лишилась всех преимуществ поддержки со стороны власти, которая реализовала совершенно другую идею — идею

«двух блоков»: «правоцентристского» («Наш дом — Россия») во главе с председателем правительства В.С. Черномырдиным и «левоцентристского» (блок спикера И.П. Рыбкина). После провала плана мобилизации бюрократии на парламентских выборах декабря 1995 г. окружению Президента не оставалось ничего другого, как срочно заняться умиротворением левого фланга и пойти на политический альянс с крупным капиталом, поскольку времени на политическую раскачку в преддверии президентских выборов уже не было. Эти действия власти вызвали резко негативную оценку со стороны А.Н. Яковлева. Однако речь шла не только о составе парламента, задачу борьбы за который Президент и его советники провалили, но и об исходе президентских выборов в июне 1996 г. А.Н. Яковлев, видевший гораздо более серьезную опасность со стороны блока коммунистов и националистов, поддержал переизбрание Б.Н. Ельцина на новый срок.

Выборная кампания 1995—1996 гг. закрепила авторитарные тенденции властной верхушки, заключившей ради собственного выживания временный союз и с левым флангом, и одновременно с крупным капиталом и пожертвовавшей ради этого политической жизнью и гражданским обществом. Все это вынудило А.Н. Яковлева оценить ситуацию как крайне опасную для демократии и охарактеризовать сложившийся способ правления как «демократуру» — режим, опирающийся на бюрократию, формально сохраняющий демократические процедуры, но на деле самодостаточный и не нуждающийся в обратной связи с обществом.

Несмотря на крайне неблагоприятные тенденции, РПСД продолжала существовать и даже участвовала в выборах 1999 г. в составе блока «Союз правых сил». В 1998—1999 гг. А.Н. Яковлев поддерживал Е.М. Примакова — председателя правительства, а осенью — в начале зимы 1999—2000 гг. еще и кандидата в Президенты РФ, — понимая, что в ситуации «демократуры» хоть как-то повлиять на политику возможно, только играя на «чужом поле» — по правилам новой номенклатуры. В конце 1990-х гг. вернулась ситуация, характерная для середины 1980-х годов, когда любые изменения системы можно было произвести, только действуя «изнутри». Понимая, что для него лично время политических игр такого рода истекло, А.Н. Яковлев передал РПСД в руки и на попечение К.А. Титова — губернатора Самарской области, председателя комитета Совета Федерации, в свое время члена Движения демократических реформ, сопредседателя блока СПС на парламентских выборах 1999 г. и кандидата в президенты РФ на выборах 2000 г. В начале 2000 г. СПС раскололся — одна его часть поддержала избрание В.В. Путина, другая выступила против. После победы Путина на президентских выборах ситуация кардинально изменилась. Слабые попытки Титова объединить РПСД с отколовшейся частью демократов не привели к успеху, надежды на создание сильной оппозиции из руководителей регионов начали таять — движение «Отечество — Вся Россия» (ОВР) было постепенно укрошено и в конечном итоге волилось в «Единую Россию». При этом в 2001 г. президентская администрация намекала РПСД на желательность объединения мелких политических сил левого фланга, которые могли бы стать альтернативой одиозной КППРФ — временной союзницы не успевшего развернуться на политическом поле чисто виртуального «Единства». На горизонте РПСД замелькали фигуры лидеров ФНС И.В. Константинова, С.Н. Бабурина, А.И. Подберезкина, Г.Н. Селезнева и других «героев» октября 1993 г.

Последней попыткой РПСД выбраться из тупика стало слияние с Российской объединенной социал-демократической партией (РОСДП) М.С. Горбачева и создание Социал-демократической партии России. СДПР потенциально давала возможность консолидировать не только мелкие левые объединения, но и левый фланг в целом — и при этом даже подключить к общему делу спасения российской политической жизни «старых» либералов. Но главное, на что рассчитывали идеологи объединения, — это выйти в усиленном составе (Горбачев + Яковлев) на международный уровень и найти опору в широком фронте заинтересованных в демократизации России сил. По сути дела, была предпринята попытка разыграть тот же, говоря шахматным языком, дебют, что и в конце 1980-х гг. Впрочем, как показала дальнейшая история СДПР, эти надежды были во многом иллюзорными, и социал-демократов постигла общая судьба российских партий, сломленных, обескровленных или уничтоженных системой демократуры.

Несмотря на социал-демократические взгляды, А.Н. Яковлева неизменно можно было обнаружить в компании либералов — Александр Николаевич считал их деятельность полезной и необходимой для развития демократии в России, хотя и недостаточной, требующей существенной корректировки. После 2000 г. его позиция в этом отношении изменилась: с его точки зрения, либералы старшего поколения, боровшиеся со старым большевистским тоталитаризмом, свою задачу выполнили, и теперь на смену им должны придти совершенно другие люди. Среди новых угроз А.Н. Яковлев выделял идеологию «суверенной демократии», т.е. концепцию развития России как замкнутого национального государства. При этом А.Н. Яковлев не терял надежды на то, что для решения новых задач политических средств окажется достаточно.

Работа Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий протекала неровно, а в конце 1990-х гг. пошла на спад. Поначалу А.Н. Яковлеву удалось добиться принятия нескольких президентских указов — в том числе о реабилитации духовенства, казачества, о детях репрессированных и др. Однако после 1996 г., когда стала проводиться политика «примирения и согласия», работа Комиссии затормозилась. Как и в советские времена, было запущено негласное «мнение» — «зачем будоражить народ?»

С деятельностью Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий был тесно связан основанный А.Н. Яковлевым еще в 1993 г. Международный фонд «Демократия». Поскольку Комиссии удавалось сделать относительно немного, в рамках Фонда была развернута работа по публикации документов, касающихся массовых репрессий в СССР. В выходящей под редакцией А.Н. Яковлева серии «Россия. XX век. Документы» увидело свет более 50 томов. Главная заслуга в их появлении на свет принадлежит Александру Николаевичу Яковлеву. Издание серии было продолжено после кончины А.Н. Яковлева.

Еще в 1990 г. доктор исторических наук, профессор А.Н. Яковлев был избран действительным членом АН СССР по отделению экономики и международных отношений. Книги и статьи Яковлева, написанные до перестройки, посвящены вопросам историографии внешнеполитических доктрин США и идеологическим вопросам. В ходе перестройки и в постперестроечный период Яковлев опубликовал целый ряд книг и статей, посвященных защите демократии, в том числе: «Предисловие. Обвал. Послесловие» (1992), «Кре-

стосев» (2000). Особое место в его наследии занимают интервью и беседы с государственными и политическими деятелями мира. В последние пять лет жизни А.Н. Яковлев написал мемуары, оставив в качестве идейного завещания книгу воспоминаний — «Омут памяти» (2001), в переработанном варианте получившую название «Сумерки» (2003).

А.Н. Яковлев умер 18 октября 2005 г. Он похоронен на Троекуровском кладбище в Москве.

* * *

Важное место в наследии А.Н. Яковлева занимают многочисленные интервью отечественным и зарубежным СМИ. В данной книге публикуются интервью российским средствам массовой информации в период с 1992 по 2005 гг. Всего удалось выявить около 200 интервью А.Н. Яковлева этого периода, однако на самом деле их гораздо больше: Александр Николаевич никогда не отказывал во встречах журналистам региональных и даже районных изданий, однако отыскать такие материалы трудно из-за слабости информационного обеспечения российских библиотек и отсутствия необходимых справочно-библиографических источников. В настоящем издании публикуется 100 интервью. Беседы расположены в хронологическом порядке, публикуются полностью, без купюр и исправлений. Сборник снабжен научно-справочным аппаратом — примечаниями и указателем имен, которые читатель найдет в конце тома. В состав примечаний включено также несколько документов из личного архива А.Н. Яковлева.

Составитель благодарен своим родным — Н.И. Яковлевой, Т.А. Уманской и Н.А. Ушацкой за помощь, оказанную в ходе подготовки рукописи к печати.

Составитель признателен также В.Л. Шейнису, сделавшему ряд ценных замечаний и уточнений.

А.А. ЯКОВЛЕВ

1992—1993 годы

№ 1

«ВСЕ МЫ ЕЩЕ БОЛЬШЕВИКИ...»

Поиск, 8—14 февраля 1992 г. Беседу вела Е. Понарина.

Внимание журналистов к серьезным политикам вряд ли когда-либо ослабнет. Ибо их оценка прошедшего и умение заглянуть в будущее нередко помогают обществу избежать многих неприятных коллизий. К таким собеседникам «Поиска» относится академик Александр Яковлев.

Так сложилось, что последний раз он выступал у нас в дни, когда, предупредив о грозящей диктатуре, ушел в отставку Эдуард Шеварднадзе¹. Поэтому первый вопрос после долгого перерыва:

— *Каким был для Вас, Александр Николаевич, прошедший год?*

— Очень тяжким. И политически, и физически. Но его тяготы закладывались раньше — когда была отклонена программа «500 дней»² и в ускоренном темпе пошел процесс консолидации реакционных сил.

Я не говорю, что я был яростным сторонником программы, она не лишена недостатков, но была рыночной, могла стать началом движения вперед. В той конкретной политической обстановке она стала платформой экономических реформ. И когда ее угробили, то, грубо говоря, абортировали саму идею преобразований. Взамен тут же разразилась борьба за возвращение власти большевикам, и в методах начавшие эту борьбу не церемонились.

Особое обострение лично я почувствовал сразу после литовских событий³, когда обнаружил подслушивание и слежку за собой. Причем нарочитую, демонстративную. И как-то получалось, что не я уходил от дел, а дела уходили от меня. В гениальной структуре бюрократического аппарата все отработано, вы даже не видите, не знаете, как это делается. Исполнитель чьей-то воли как бы мистичен, витает, но, тем не менее, делает свое дело... Ощущение такое, когда тебе о близком человеке начинают нашептывать по телефону, присылать письма. На политическом уровне вынести это не легче.

А потом демарш сил реванша 28 марта⁴, требование отставки Горбачева⁵, активизация парламентской группы «Союз»⁶... Удивительно — люди, которые тянут назад, очень быстро объединяются, забывая разногласия и личные обиды. Демократы часто ссорятся из-за чепухи — и разбегаются в разные стороны.

— *Может, потому, что не такие уж настоящие демократы? Говорят, в ее среде надо вырасти, а мы все из колыбели тоталитаризма... Отсюда чуть что — и на поверхность амбиции...*

— По-разному понимают слово «демократия». Одни — как систему взглядов, политических действий, направленных на установление в обществе действительно демократических отношений, институтов. Другие используют его как средство достижения власти. Такой же инструмент, как в иной среде понятие «верной отмычки». Или «твердой исполнительной вла-

сти на основании закона». Я, кстати, за последнее. Но и этот лозунг можно рассматривать лишь как средство достижения власти, а не суть.

Так вот, слово «демократия» у нас каждый понимает и использует по-своему. И когда романтика понятия рассеивается, оголяется естество — всего-навсего борьба за власть. И видно: все мы еще большевики. Один — чуть-чуть большевик. Другой — немножко больше большевик. Третий еще побольше большевик. И четвертый совсем большевик. Так долго еще будем...

— *...носить в душе родимые пятна большевизма?*

— Конечно. И об этом полезно помнить, чтобы не заблудиться в оценках.

— *Вы не боялись, что большевизм 28 марта доведет до стрельбы?*

— Боялся. Хорошо, что обошлось. Кстати, в тот день разумным политикам стало ясно: противопоставление армии народу выглядит страшно провокационно. Те дни знаменательные. Сегодня открыл свой архив и с удивлением обнаружил, что еще с марта [1991 г.] начал всерьез думать о создании новой партии, обнаружил с десятков проектов на этот счет. Писал для себя, для осмысления — партия, движение⁷. Судя по датам — буквально каждые десять дней писал товарищам записки по этому поводу...

— *Простите, можно назвать имена этих товарищей?*

— Шеварднадзе, Вольский, Собчак, Шаталин, Попов... Некоторые удивляются: за что же меня исключили из партии?⁸ Да просто КГБ узнал о том, что я писал, что готовил. Мне было абсолютно ясно, что нужно конституционным путем отодвигать КПСС от власти. Но не получилось конституционным — руководство КПСС решило покончить жизнь партии самоубийством. Партия была морально расстреляна своим аппаратом, своим руководством.

— *Вам 19 августа⁹ сразу стало ясно, что это самоубийство?*

— Да. Хотя, размышляя, можно было представить три варианта. Первый — неудача путча. Второй — что это будет освящено решением Верховного Совета Союза и примет затяжной характер. Третий — они возьмут власть, но на какой-то недолгий период. Кстати, мое личное мнение: путчисты добились бы гораздо большего успеха, не введи они танки. Я знаю многих моих товарищей, которые колебались. «Кого идти защищать? Все вы одним миром мазаны, опять борьба за власть». И вдруг — танки. «Ах так, меня хотят на испуг взять, под прицелом держать?!» Это был серьезный психологический просчет заговорщиков.

— *Не будь танков, не было бы победы демократии?*

— Ну какая победа? Противник же не вышел на поле. С клюшками постояли, в пустые ворота поглядели и впали в эйфорию. Победили-то только в Москве да Санкт-Петербурге, а в провинции, в республиках заговорщики тишком взяли власть. Под лозунгом «Освободимся от контроля Москвы!» К чему стремились — к независимости? Да нет, к власти. Вместо одной диктатуры — 15 получили. «Ваше, союзное, министерство было плохое, а наше будет хорошее». Но для человека-то что сделали? Ничего. Жить ему стало хуже: разделение всегда дороже, чем объединение. Ведь чтобы пошли преобразования, нужно прежде всего единое демократическое пространство. В каких формах там будет демократия — где сейм, где парламент, где меджлис — пусть определяют национальные традиции. А пока сложилась неолевашевская клановая власть.

— *Вы это и о России?*

— Нет, скорее о других. Мне и раньше было ясно, сам себе надоел, повторяя: «Только бы не допустить перехода национального в националистическое». Остаться на почве национального языка, национальной культуры, национальных традиций, национальной самоидентификации... Нет, соскользнули. Практически во всех республиках.

— *И в наиболее интеллигентной Прибалтике?*

— Конечно! Я даже письма послал в Латвию¹⁰: да разве можно вынести такое отношение к иноязычным — 16-летний ценз оседлости! Где это видано? Никакой идеей спасения малой нации не оправдаешь. Финляндия, где шведского населения 4 процента, имеет два официальных языка. И не боится потерять свою «identity». Сохранить себя можно, только развивая других! А пока всем просто очень хочется поволодеть...

— *Потому СНГ и не складывается, что ни у кого нет желания найти общий язык?*

— Конечно. С самого начала это было ясно. Ну вы знаете — каждый, даже очень больной организм требует координации его функций. Даже умирающему нужны сердце, печень, мозг... У СНГ ничего этого нет. Даже оставшиеся единые структуры — армию — растаскивают. Ради народа? Да нет, всего лишь ради упоения властью. Ничто так не развращает, как власть. Поэтому я пока не вижу шансов создать и единое экономическое пространство. Многие предпочитают создать пространство для себя лично, а не для людей, не для народа.

— *А многие винят в этом команду Гайдара: с российскими деньгами опоздали¹¹, с либерализацией поспешили¹²...*

— Ругать их легко. Для этого ни ум напрягать не надо, ни будоражить чувства — что ни скажи, все в точку! Но стоит ли? Да, без приватизации торговли, поскольку госторговля — враг свободного рынка, не обойтись. Без демополизации нашей сверхмонополизированной экономики тоже нельзя. И без того, чтобы иностранному капиталу дать гарантии свободных действий, ничего не получится. И надо, чтобы на рынок были немедленно брошены капиталы, земля, средства производства, жилье. Без всего этого свободные цены не будут свободными. Они останутся, как сейчас, монопольными. И производитель будет праздновать свой эгоизм, будет поправлять свои дела за счет взвинчивания цен, а не за счет производства.

Нельзя путать в общем-то хорошую цель — сбалансировать бюджет — с более серьезной целью реформ: улучшением жизни людей. Надо сейчас стимулировать производство, а пока этого практически нет. Хорошо еще появился Указ о свободе торговли¹³. Начнется хоть какое-то перераспределение товаров. Но нужна ее приватизация, нужна... Я свою программу могу изложить, но тем не менее я бы дал время правительству действовать. Отступить им нельзя. Я им искренне сочувствую — ругают, клянут со всех сторон. Но надо идти вперед, они нуждаются для этого в поддержке.

Не их ошибки меня смущают. Смущает отношение к демократии, к печати, сползание кое-где к антидемократическим действиям... Они ведь дают повод «коричневым» надеяться, что с «некоторыми ребятами» в правительстве можно и договориться... Угроза неофашизма реальна. Я о ней писал еще два с половиной года назад, вычислительно, теоретически, исходя из предполагаемой раскладки сил¹⁴.

— В связи с этим Вас не тревожат участившиеся конфликты Ельцина с его окружением? Руцкой, Хасбулатов, Бабурин...

— Я бы не ставил их в один ряд. Вот Руцкой. Рискованно торопиться с его оценкой. Во многом он искренен. Скажем, когда говорит о падении нравов.

— Разве их «уронила» перестройка?

— В том-то и дело, что в этой безнравственности мы жили десятилетиями. Теперь она просто перестала прятаться. Мы пожинаем плоды того, что создали — этого нового советского человека... И я бы легко Руцкого не отдавал в противоположный стан. Он человек горячий, усердный, на полпути не останавливается. И он высказывается!¹⁵ А сколько там тех, кто ненавидит «так называемую демократию», но произносит иные слова? Уверяю, при каком-то повороте событий они себя проявят. Это более опасно. Люди в засаде всегда опаснее, чем в открытом поле.

— А конфликт между Ельциным и Хасбулатовым?

— Я не вижу там особого конфликта. Роль Бабурина посерьезнее. Он поставил на ложно понятую национальную идею. Не знаю, что из этого у него выйдет, но пока примкнул к людям, которые пачкают прекрасное слово «патриотизм». Святое слово. Но превратить это понятие в средство противопоставления другой нации, в прокурорские обвинения — это грязно. Я патриотизм понимаю так: хоть маленькое, хоть что-то полезное, но конкретное сделать для своего народа, своей страны. Это культура, достоинство, широта, открытость нации.

— Ваше Движение демократических реформ¹⁶ из ряда таких дел?

— Все зависит от обстоятельств. Мы его создали как движение, способное противостоять монополизму коммунистической партии. Но монополист исчез. Сейчас оно выглядит как движение за сохранение общеэкономического пространства, как движение, пытающееся поддержать демократические силы других государств, областей, краев... И, видимо, представляет собой какую-то силу, если в некоторых республиках, ныне государствах, на наши съезды людей не пускают...

Мы знаем, но не кричим об этом. Мы ведь не движение митингов и демонстраций. Мы не хотим шумливости, не склонны к политике спекулятивно-популистского характера, не делаем по каждому поводу заявлений только для того, чтобы о нас лишний раз слышали... Даже не считаем своих членов.

Но мы ищем людей, которые на следующих выборах могли бы достойно представить демократию. И бьемся за то, чтобы наше движение было правозащитным и правотворящим. По идеологии — это левый центр, либерализм.

— По Вашему мнению, Союз распался навсегда?

— Я не знаю, когда закончится дезинтеграционный, центробежный цикл. Но центростремительный будет. И в европейском масштабе, и в масштабе нашей страны. Какой вариант возобладает первым? Все зависит от трансформации нашего сознания.

Для СНГ нужна структура вроде парламента¹⁷, без нее не обойтись. Возможно, возникнет свой экономический регион, но иной конфигурации, чем бывший Союз. И, может быть, конфигурация эта будет непостоянна. Скажем, с Украиной будет трудно. Но Прибалтика, как мне видится, примкнет к нам. И Беларусь, и Грузия, и Армения, и Казахстан. Азербайджан — нет.

Вся Средняя Азия — нет... Впрочем, кто знает: история изменчива и на-смешлива.

Если же этого не произойдет, то скорее всего Россия сама примкнет к конфедерации Европейского сообщества.

— *Можно личный вопрос: почему Вы пришли в Фонд Горбачева?*¹⁸ *Ведь в прошедшие годы он Вас не раз обижал. Вы сами говорите, что и слежка, и подслушивание, и прочее шло при попустительстве властей...*

— Я пришел из нравственных соображений. Когда людям тяжело, им надо помогать. Я исхожу в своих поступках из собственных убеждений, а не из того, как кто ко мне относится. Вернее, так: если следовать обидам, можно обидеть только самого себя. Мы же вместе все начинали. И встать в позу, сказать, что я ни при чем, это не по мне. Конечно, я не занимался экономикой...

— *Но поддерживали все направления к рынку, это все видели!*

— Поддерживал, хотя в конкретном плане делал бы сам что-то по-другому. Но я не корю себя за то, что делал в идеологии, как работал с прессой. Честно могу смотреть любому в глаза. А обиды, это все... мелочи.

— *Чем Вы будете заниматься в Фонде?*

— Научкой. Я вице-президент по науке. Во-первых, у меня есть один, непосредственно мой проект: «История русской общественной мысли конца прошлого и этого века». Во-вторых — координационная деятельность шести-семи центров фонда, которые будут заниматься прогностическими исследованиями. Совместные с зарубежными учеными программы. Мы работаем по контрактам. То есть приглашаем под тему основного исполнителя, выделяем средства, а он подбирает себе команду по типу временного творческого коллектива. Работает и в условленный срок, скажем — год, полтора, выдает готовый результат. В виде монографии, исследования, результаты которого мы будем продавать. Заказы уже есть. Все больше из-за рубежа.

— *Какие темы?*

— Скажем, изучение перспектив вхождения России в мировое хозяйство. Вообще, проблематика, нацеленная на создание новой цивилизации, очень интересна. Скажем, говорят, что мы идем от социализма к капитализму. Но к какому конкретно? Все это гораздо сложнее. Есть японский капитализм, есть шведский, есть американский, а мы куда? И хорошо ли, что капитализм в целом как система стал в мире монополистом? Я думаю — это плохо. Он теряет форму, которую держал, пока противостоял социализму. Найдутся ли новые стимулирующие начала, какими они будут?

Будет центр политологических программ. Возглавит его Александр Ципко. Будет — экономических. Там руководителя пока нет. Нужен молодой, толковый.

— *Явлинский не подходит?*

— Подошел бы. Но у него есть свой центр, да и занят он. Нужны более свободные, не задействованные структурами власти.

— *Фонд существует целиком на деньги Горбачева?*

— Пока да. Но мы надеемся на контракты, продажу своих исследований. Первые шаги уже сделаны. Будут и спонсоры. Наверняка...

— *А Фонд намерен кого-то поддерживать?*

— Безусловно. Прежде всего — молодежь, рвущуюся к знаниям, культуре. Мы хотели бы способствовать формированию действительно нового поколения политиков.

№ 2

«ВОЗМОЖНО, МНЕ МСТЯТ ТЕ ЖЕ ЛЮДИ»

Известия, 15 февраля 1992 г. Беседу вел А. Остальский.

Международное коммунистическое движение было «совершенно искусственным, нежизнеспособным образованием, спасаемым в значительной мере деньгами КПСС», — вот почему оно так легко развалилось, считает Александр Яковлев.

А его безусловно можно считать экспертом в этом вопросе — пусть и недолго, но все же он в качестве секретаря ЦК КПСС курировал Международный отдел¹ — тот самый, что в числе прочих своих дел занимался и тайным финансированием зарубежных компартий. За полтора года Яковлеву, по его словам, удалось добиться уменьшения ассигнований на эти замечательные цели с примерно 25 до приблизительно 12 миллионов долларов в год, и будь его воля — прекратил бы эти незаконные выплаты вовсе. Но не успел, не смог преодолеть глухое сопротивление десятилетиями функционировавшей, отлаженной системы.

«Коммунистическое движение было необходимо прежде всего для того, чтобы оправдать систему власти в нашей стране, а также чтобы продвигать идею “мировой революции”, в которую некоторые, как ни странно, еще верили. Этими миллионами оплачивались славословия лидеров коммунистических партий на съездах КПСС», — считает Александр Яковлев, и ему кажется странным и несправедливым, что на него кто-то возлагает теперь ответственность за финансовые вливания, искусственно продлевавшие жизнь комдвижения. «Я даже первых секретарей компартий зарубежных не принимал почти никогда, этим все больше Лигачев занимался... А на меня жаловались — что это такое, дескать, секретарь по международным делам, а коммунистических лидеров принимать не желает... Меня шесть лет на всех съездах и пленумах обвиняли в том, что я вместе с Шеварднадзе и Горбачевым развалил коммунистическое движение... И в каком-то смысле это так и есть. Но только отчасти. Что это за сила такая, что это за “движение”, которое в считанные годы могут развалить два-три человека?»

«Помните митинги “в защиту армии” год назад? Помните плакаты, мне посвященные? На одном — я в ракурсе прицела, с надписью: “На этот раз не промахнемся!” И еще один со словами: “Яковлев — агент ЦРУ”. Оба были выполнены далеко не кустарно. Как я доподлинно узнал теперь, оба эти плаката были изготовлены в КГБ — с санкции “высокого чекистского начальства”. И несли их на демонстрации тоже работники КГБ.

Только что на Манежной площади² опять звучали те же обвинения в мой адрес. Это — нападки справа, и я не собираюсь ни спорить с этими людьми, ни как-то оправдываться. Но когда по поручению демократической власти меня начинают пугать допросами... Я вот дожил до того, что мне звонят домой и говорят: “Ну что, допрыгался, и тебя теперь на суд поташат?” Такой благодарности я от демократической власти не ожидал.

— *Насколько секретным было распределение средств? Знали ли Вы о существовавшей системе до того, как стали курировать Международный отдел?*

— Я впервые узнал об этих выплатах, будучи послом в Канаде³. И то лишь потому, что резидент КГБ поделился со мной этим секретом. Канадская компартия была ничтожно маленькой, не имевшей никакого влияния. Поэтому, видимо, и деньги, предоставляемые КПСС, были невелики.

— *Насколько, по Вашим данным, компартии контролировались КГБ?*

— По-моему, практически не контролировались. КГБ в этом отношении просто использовался для секретной передачи денег, выделенных ЦК КПСС. В контроле КГБ над компартиями не было никакой нужды. Напротив, для КГБ связь с этими людьми была опасной.

— *А Международный отдел ЦК? Там были люди из КГБ?*

— Нет, насколько я знаю. Вообще, долгое время существовало положение, запрещавшее брать на работу в ЦК людей из КГБ. Только потом, когда образовался Отдел международной информации⁴, для него последнее положение почему-то было отменено. Но вообще я на собственном опыте убедился в том, что КГБ — это государство в государстве, огромная сила, способная уничтожить кого угодно. Весь вопрос только во времени. В тридцатые годы это делалось за считанные часы. В наше время на меня им времени не хватило. Немного не хватило. После провала путча мне показали бумагу, где я фигурирую как глава какой-то вымышленной конспиративной организации демократов, и у меня там какая-то дурацкая кличка — «Папа»... Почему «Папа», бог его знает... И это донесение какого-то якобы серьезнейшего агента! Вот что сочиняли. И теперь я думаю: кому это нужно сейчас — приписывать мое имя к истории «денег КПСС»? И не могу избавиться от ощущения, что это те же самые силы, те же самые люди мстят мне теперь за свое поражение.

№ 3

АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕФОРМЕ НЕТ

Инженерная газета, № 25, февраль 1992 г. Беседу вел В. Соловьев.

— Начнем с того, что, на мой взгляд, никакого процесса формирования Содружества нет¹. Пока что не сделано сколько-нибудь значительных шагов в этом направлении после его провозглашения. И недавняя минская встреча² тоже не принесла твердой уверенности, — так несколько неожиданно, отвечая на вопрос: «Что вас тревожит в процессе становления Содружества Независимых Государств?» — начал нашу беседу авторитетный политик и ученый Александр Яковлев.

— Возможно, я не прав, и если кто-то докажет обратное, я готов согласиться, но считаю, что это дело нежизненное, — продолжал Александр Николаевич. — Почему? Да потому что нет никакого механизма для того, чтобы Содружество координировало хоть в чем-то свои действия. Остался единственный механизм — армия, но и то некоторые бывшие республики ведут дело к ее распаду.

— *Но в чем причины такого поведения государств-членов Содружества? Почему они до сих пор так и не приступили к созданию институтов, поддерживающих его жизнеспособность?*

— Да потому, что многие республики не стремятся к этому. Если августовский путч³ был разгромлен в Москве, в Ленинграде, еще некоторых городах России, то, объективно говоря, он победил в ряде республик, где бывшие руководители коммунистической партии освободились от контроля Москвы и установили свою диктатуру.

— *И все же, какие институты, по Вашему мнению, должны быть в Содружестве, чтобы оно стало жизнеспособным? Кроме армии, конечно.*

— Во-первых, я убежден, что должен быть какой-то согласительный полузаконотворительный координационный парламентский орган из представителей всех государств⁴. Даже совершенно самостоятельные политически страны Западной Европы создали же Европарламент. Да и НАТО скоро превратится в орган, берущий на себя обязанность защиты безопасности всех стран. А мы начинаем растаскивать это по национальным квартирам.

Взять, например, экономику. Здесь одна централизованная диктатура заменяется пятнадцатью. И сейчас предприятия вовсе не в руках коллективов, частных лиц, акционеров, а в руках местных министерств и прочих бюрократических организаций, которые не дадут развиваться единому экономическому пространству. А без единого экономического пространства, без единого стратегического пространства мы не можем рассчитывать на жизнеспособное Содружество.

— *Ваше мнение о ходе экономических реформ в России.*

— Никогда еще не было так легко критиковать это правительство и его реформы, как сейчас. Действительно, все признаки для критики есть. Высокие цены, раздражение людей, 90 процентов которых поставлены за черту бедности. Я могу этот список продолжить. Но встает другой вопрос: а где, собственно, альтернатива, а где другой подход, а кто его предложил?

— *Но, с другой стороны, нельзя сказать, что программа правительства России не нуждается в определенных корректировках. Каких же?*

— Я лично считаю, что без приватизации в торговле никаких свободных цен не будет. Ибо госторговля — это враг любой рыночной экономики, враг любой конкуренции. И она пойдет на все, чтобы сорвать эти реформы. Сейчас издан указ о свободе торговли⁵. Но он должен был быть еще осенью прошлого года. Без демополизации, без ликвидации этих монстров — концернов, которые диктуют монопольные цены, никаких свободных цен тоже быть не может. И еще я одной вещи не понимаю. Раз уж вы выпустили на свободу цены продуктов производства, надо выпускать и землю, и средства производства, капитал и жилье и так далее. Но, я надеюсь, эти коррективы будут внесены.

— *Александр Николаевич, Вы входите в руководство авторитетного Движения демократических реформ⁶. Естественно, интересна ваша точка зрения на роль движения в Содружестве Независимых Государств.*

— Во-первых, нам бы очень хотелось, хотя это чрезвычайно сейчас трудно, удержать общее демократическое пространство. Как-то поддержать затухающий огонь демократии в республиках. И чтобы он не гас в некоторых наших российских областях, где очень активизировалась партбюрократическая номенклатура. И, конечно, мы считаем несправедливыми и провокационными обвинения, будто мы собираем под свое крыло партработников, партаппарат. Мы собираем людей порядочных. Я вовсе не утверждаю, что мы не сделаем ошибок в этом плане. Пока что к нам ближе интеллигенция, предприниматели. Мы на что рассчитываем? Нам кажется, что центростремительный цикл снова начнется. Надо быть к нему готовым.

— *А как Вы относитесь к высказываемой некоторыми политиками идее, чтобы Движение демократических реформ стало своего рода конструктивной оппозицией нынешнему правительству России?*

— Мы обсуждали этот вопрос, и знаете, перед каким препятствием остановились? Сейчас правительство в самом сложном периоде своей деятель-

ности. Против него с цепи сорвались все, кто хочет ликвидировать, стереть с лица земли демократические перемены и вернуться к чтимому ими Сталину. Пусть это будет Сталин II. И в этот момент мы начнем разбирать по косточкам действия этого правительства? Мы-то это сделаем не криком, а профессионально. И, как это ни парадоксально, за нами пойдет интеллигенция. И мы окажемся невольными помощниками красно-коричневых — а ведь они на столбах будут вешать всех, кто не с ними. И не только людей — они же удавят и страну.

— *Мы беседуем после Вашей зарубежной поездки⁷, в ходе которой Вы обсуждали и проблемы западной помощи России. И поэтому последний вопрос: какова Ваша позиция относительно того, на каких условиях должна оказываться такая помощь?*

— У меня здесь позиция давнишняя, я могу ее повторить. Первое — все-таки надо думать о том, как самим все делать. И меньше всего надеяться на то, что какая-то помощь нас может кардинальным образом выручить. Второе. Надо открыть двери иностранному капиталу. Но обеспечить твердые условия его существования, чтобы законы не менялись каждый день. Такое обещание было дано, надо его подкрепить законодательно. В-третьих, кредиты должны предоставляться Западом не вообще, а под конкретные дела. Эту твердую позицию Запада я всячески поддерживаю. Что у нас сейчас должно быть приоритетом?

Это инфраструктура агропромышленного комплекса. Уборка, перевозка, хранение, переработка, торговля. Договорились? Вроде конкретно? Нет, еще не конкретно. Давайте договоримся о строительстве нескольких тысяч хранилищ на местах, недалеко от дорог, чтобы не везти зерно за тридевять земель. Давайте договоримся о 500 мясоперерабатывающих комбинатах. И так далее. И только под это и финансировать. Вот тогда реформа получит прочный фундамент.

№ 4

«ДЛЯ МЕНЯ МЕРИЛО ДЕМОКРАТИИ — ЧЕЛОВЕК»

Демократическая газета, 4 марта 1992 г. Беседу вел Г. Ни-Ли.

Александра Николаевича Яковлева называли и называют идеологом перестройки. Одни — уважительно, другие закавычивают эту фразу, чтобы подчеркнуть свое саркастическое отношение к ней. Нет уже КПСС, членом Политбюро и секретарем ЦК которой был Яковлев до XXVIII съезда. Нет СССР, советником первого президента которого был Александр Николаевич, но значительность фигуры академика Яковлева меньше от этого не стала. Вот почему его появление на Конференции общественных сил 15 марта незамедлительно получило диаметрально противоположные трактовки «левых» и «правых».

С вопроса: «Почему Вы пришли на конференцию, созванную по инициативе ДПР и Народной партии “Свободная Россия”¹, и как Вы оцениваете ее результаты?» — началась наша беседа с Александром Николаевичем Яковлевым.

— Я с самого начала поддерживал демократические процессы и демократию. Поддерживал даже тогда, когда эти процессы шли туго и сложно. Но мне никогда не нравились крайности. В начале перестройки основной

оппонент был «справа», и он был единственный в виде аппаратной машины КПСС. Сегодня у прогресса есть иной оппонент, тот, что стоит на левом краю. Но по своей сути обе крайности смыкаются, тем более когда для них есть общая опасность — демократические перемены. Поэтому я могу сказать, что всегда стоял на позициях левого центра. Эта позиция привела меня на конференцию, созванную партиями центра, и конференция меня не разочаровала.

Может быть, то, что произошло в Октябрьском зале Дома Союзов, станет шагом на пути создания левого центра, который сможет противостоять болезненным идеям популизма.

Когда была выдвинута идея создания Движения демократических реформ² (кстати говоря, название это придумано мной), я думал о единении сил в центре для того, чтобы эти силы могли противостоять «правым», которые набирали силу и вели в ту пору интенсивные атаки на демократию. Если вашим партиям удастся составить такой центр, сплотить вокруг него здравомыслящие демократические партии и силы, создать программу действий такого центра (а может быть, партии?), найти пути решения острейших проблем, которыми больны наше общество и государство, то это будет иметь непереоценимое значение для демократии.

— *Александр Николаевич, насколько я понимаю, именно этим задачам должно служить созданное в начале лета прошлого года Движение демократических реформ. Не следует ли из Ваших слов, что ДДР свои задачи не выполнило, что сегодня мы не можем всерьез рассчитывать на движение?*

— Основная задача Движения демократических реформ на начальном этапе его создания сводилась к консолидации всех демократических сил страны для борьбы с «правой» опасностью, с угрозой необолюшевизма. У Российского Движения демократических реформ иные цели и задачи. Другие цели и задачи появились теперь и у Международного демократического движения. Мы нацелены в будущее. Я убежден, что в конце концов произойдет интеграция экономических и политических сил государств, входивших недавно еще в СССР. Произойдет обратное тому, что произошло в декабре³, когда каким-то странным, недемократичным путем было объявлено о кончине Советского Союза, разрушено не просто государство, а, в конечном итоге, усложнена жизнь людей во всех отношениях. К прежнему Союзу возврата нет, но интеграционные процессы тоже неизбежны. В какой это форме будет, сказать сегодня трудно. Возможно, это будет свободная конфедерация в составе для начала, скажем, 3—4 государств с координационным парламентом или общим Советом. Или еще что-то. К этому Сообществу могут свободно и на разной основе, с разным статусом присоединяться другие. Иными словами, должен начаться процесс в интересах людей, а не в интересах правящих верхушек.

— *Вы сказали недемократическим, а я вспомнил ту критику, которая обрушилась на ДДР в декабре прошлого года, когда партия высказала серьезные сомнения по поводу жизни СНГ, рожденного в Беловежской пуще. Нас обвиняли в отступлении от идеалов демократии, а наши прогнозы о предстоящем скором развале экономических связей, о проблемах, которые возникнут в связи с армией и флотом, и прежде всего Черноморским, стали в то время объектами насмешек со стороны как «правых», так и «левых».*

— Давайте разберемся. Для меня мерило демократии — человек, других мерил нет. И когда я выражаю какую-либо свою позицию, я ставлю во главу

угла человека, а потом уже рассуждаю. Что дает это человеку? А у нас до сих пор государство, нация ставятся выше человека. Хватит уже стоять на голове, пусть, наконец, человек будет в центре. У него есть свои органические права, и для их реализации он нанимает государство, чтобы государство гарантировало человеку соблюдение этих прав, защитило его, человека, от чиновничьих злоупотреблений, от преступности, от голода и так далее. Ради всего этого рано или поздно интеграционные процессы, повторяю, начнутся.

— *Извините, Александр Николаевич, все еще слышатся голоса «справа», утверждающие, что Яковлев является идеологом развала СССР...*

— Спекулятивный абсурд. Никто ни в одном моем выступлении, ни в одной моей статье не найдет даже намека на то, что я за распад страны. Давайте вспомним, за что я выступал. Я выступал за право республик Прибалтики на самоопределение, за то, чтобы народы Прибалтики сами решили свою судьбу. Но когда началась возня вокруг гражданства, когда декларировался шестнадцатилетний «ценз оседлости», я написал письмо⁴, в котором говорил, что ни в одной стране мира нет таких правил и что сам факт наличия такого ценза ни в какие демократические двери и даже щели не лезет. Да, я выступал за конфедерацию, за то, чтобы все народы получили право на самоопределение. Я был и есть против той идиотской сверхцентрализации, которая повергла в ужасное состояние все народы. Согласитесь, что давление центра на мою Ярославскую область было ничуть не слабее, чем на Джамбулскую или Ферганскую. И все-таки просто сказать «до свидания, СССР» не могу, иначе совесть моя будет не на месте. Но то, что Советского Союза, как государства, а не как страны, уже нет, — это реальность, и крики на митингах в поддержку реанимации прежнего Союза — это крики из прошлого. Они мешают развитию идеи «Нового единства», пугая империей. Вернуться к интеграции можно только через сознание людей. Люди должны сами понять, что же для них лучше.

— *Мне кажется, кстати говоря, что немалую роль в развале Союза сыграли не только вполне конкретные исторические условия, но амбиции президентской рати...*

— В самом деле, у не столь давно избранных президентов появилась какая-то болезненная страсть к власти. За исключением, пожалуй, Назарбаева и Акаева, которые более трезво смотрели и смотрят на данную им власть. В октябре еще я говорил о местных правителях, что многие из них временные. История их уберет со сцены. Мои прогнозы начали сбываться: двоих уже нет. Муталибова и Гамсахурдии⁵. Их беда в том, что они были пробольшевиками, чистейшим продуктом своего времени. Я знаю, что Вы мне хотите возразить по поводу Гамсахурдии, который был диссидентом и отбыл срок по политическому делу. Но образ его действий, стиль жизни в качестве президента Грузии был большевистским. Если властью не удастся распорядиться демократически, то происходит ее захват и распухание от собственного величия, но очень скоро начинается отрезвление, окажется, что справлять власть очень тяжело. Восторги уходят и остаются реальность. Начинается давление снизу, и надо отвечать за взятые на себя обязательства.

— *...Или тебя сметают, как это произошло в Грузии, или на смену несостоятельной власти приходит иная власть — власть затворов и тюремных решеток. Диктатура.*

— Для того чтобы этого не произошло, должны объединяться силы демократического центра, они сегодня способны противостоять реакции.

№ 5

«МЫ ЖИВЕМ В СТРАНЕ РАЗРЕШЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ»

Россия, 6—12 мая 1992 г. Беседу вел А. Евлахов.

Когда я шел на эту встречу, то невольно возвращался к эпизоду уже почти двухлетней давности. Встречаясь на XXVIII съезде КПСС с демократическим меньшинством¹, Александр Николаевич тогда упомянул о своей работе над книгой о марксизме и пошутил: «Меня за нее повесят». Ибо нет в этой стране человека, которого прежняя номенклатура ненавидела бы сильнее, чем А. Яковлева. Не только потому, что был умнее многих и своими действиями вынимал из-под ее представителей насиженные кресла. Будучи сам участником войны, А. Яковлев рушил миф об отторжении преобразований старшим поколением. Именно поэтому самые грязные и злобные публикации о нем в национал-коммунистической печати всегда приурочивались, в соответствии с нравственными принципами их авторов, к Дню Победы.

ПЕРЕОЦЕНКА

«За все эти годы я встречал только двух мыслителей, которые так остро ощущали выдуманность марксизма, его противоестественность, враждебность всему живому. Первым из них был покойный грузинский философ Мераб Мамардашвили, сказавший, что марксизм является криминальной теорией, созидающей криминальное общество, подменяющей жизнь нежизнью, общество необществом. Вторым человеком, взявшим на себя ответственность сказать главную правду о марксизме, сказать, что воплощенный марксизм неотвратимо вел к аморализму, является автор этой книги — Александр Яковлев. Наверное, сейчас трудно объяснить, почему именно ему было суждено стать на защиту нравственности, одному из первых ощутить, что рост свободы в нашей стране и даже победа в демократической революции пока что не прибавили нам морали — ни политической элите, ни простым смертным. Наверное, в этом сказалась и внутренняя потребность в покаянии, и простая человеческая мудрость человека, который много повидал в этой жизни».

А. Ципко. Вступление к книге А. Яковлева «Предисловие. Обвал. Послесловие»².

Случилось так, что из печати эта книга вышла в буквальном смысле накануне нашей беседы. С нее мы и начали разговор.

— Александр Николаевич, так что же все-таки коммунизм — «великое упущение», «наиболее необычное политическое и интеллектуальное заблуждение», как его охарактеризовал З. Бжезинский, или «дорога к рабству», как еще полвека назад писал один из основоположников современного либерализма — Хайек?

— Всякое определение имеет долю условности, поэтому ни одно из них не абсолютно. Маркс попал в рабство принципа аналогии, или ему очень хотелось, чтобы такая аналогия сработала. Очевидность «нищеты», «угнетения», «рабства», то есть того, что когда-то было в действительности, привело к ошибочному убеждению о неизбежном кризисе, саморазложении традиционных институтов гражданского общества, прежде всего семьи и частной собственности, которые складывались веками. В действительности же

ни один из прогнозов Маркса, на которых держится все здание мировоззренческих выводов «научного социализма», не подтвердился на практике. Будь эти прогнозы сугубо научными — это было бы вполне естественным. Однако психология Марксова учения — это психология проповеди, пророчества, мессианства, а не науки. Наивно упрекать марксизм за те пробелы, что обусловлены знаниями и представлениями того времени. Однако важно понять, что превращение ученого в политического вожака наносит его изысканиям смертельный удар, заставив подгонять реальность под схему. Энгельс, хороня Маркса, говорил, что человечество стало ниже на голову. Но человечество теряло Христа, Ньютона, Моцарта, Пушкина, Достоевского. Они принесли человечеству разум, красоту, радость. Марксизм в конечном счете привел нас в пропасть. Впрочем, об этом более подробно сказано в первой главе теперь уже вышедшей книги.

— *Вы начали работать над ней еще в середине восьмидесятых, когда большинство нынешних либералов доходило разве что до критики сталинизма и противопоставления революционного Ленина прозревшему, якобы изменившему точку зрения на социализм. Но теперь, когда книга наконец увидела свет, многое уже не предмет полемики. Даже Албания, столь долго придерживавшаяся коммунистических рецептов, их отвергла³. Да и в Западной Европе левые силы, пожалуй, еще никогда не получали такого поражения. Думаю, что многие зарубежные компартии, не имея столь длительной материальной поддержки со стороны КПСС, вообще давно бы прекратили свое существование.*

— Это тоже упрощенный подход. Какое-то число сторонников эти партии имели бы в любом случае! Не менее односторонне подходят и к проблеме финансирования. С этим наследием «холодной войны», конечно, надо было кончать, однако и со многим другим тоже. К тому же эту помощь и так в последние годы сократили. Конечно, 250 миллионов долларов за последние десять лет, ушедшие на эти цели, звучат внушительно. Но что это в действительности? Сумма всего лишь одного индустриального проекта. И если говорить о средствах, которые шли «не туда», то почему никто не возьмется за проблему милитаризации страны? Кто может оценить, во сколько обошелся «второй город», построенный под Москвой? А министерства? Ведь под каждым из них еще одно. Я и Шеварднадзе оказались под шквальным огнем не только из-за политических взглядов, а потому, что покусилась на неприкасаемое — военно-промышленный комплекс, который действительно «проел страну».

— *Скажите, какое впечатление у Вас было от лидеров зарубежных компартий. Это люди искренне заблуждающиеся, верящие в идею, или скорее циничные, которые, как сказал как-то бывший резидент КГБ в Дании Михаил Любимов, получаемые из нашей страны деньги тратили на личное обогащение.*

— Когда я работал еще послом в Канаде, то, будучи однажды на Старой площади, высказал свою точку зрения на их компартию зам. зав. Международным отделом. Ответ его, по крайней мере по тем временам, меня поразило. Он сказал: «Знаешь, у нас таких «мертвяков» полным-полно». По этикетским соображениям я не хотел бы распространяться об интеллектуальности тех или иных генсеков. Однако деградация в последний период была просто фантастическая. Многие из них обленились настолько, что даже выступления на проходящие в Москве форумы себе не готовили. Их речи писались сотрудниками Международного отдела ЦК КПСС, а ими лишь озвучивались.

МИФЫ НАРОДОВ СНГ

Из книги:

«Не поддается пониманию, почему массами овладели утопии, почему история не захотела найти иную альтернативу насилию, кроме насилия? Почему человек столь слаб и беспомощен? Почему столь грубо, бесчеловечно, цинично растоптаны идеи социальной справедливости и свободы? ... То, что десятилетиями довлело над сознанием людей, не может уйти в одночасье. Иллюзии марксистской идеологии еще живы. В сущности, нет сегодня ни одной политической силы, которая была бы от них совсем свободна... Авторитарность въелась не только в государственные, социальные, политические структуры. Авторитарность и насилие глубоко сидят в сознании и психике почти каждого. Здесь — самая неприступная крепость. Здесь — корни наших бед и проблем...»

— *А какие мифы пришли на место прежних?*

— Прежде всего, не ушли еще старые. В том числе один из наиболее опасных, несущий постоянно размножающуюся бациллу — миф о власти. С ним связана вера во всемогущество облеченной ею личности, вера в спасителя — начиная с председателя сельсовета, который способен привести людей к светлому будущему. Это меня беспокоило еще со смерти Сталина, но то же и сейчас. Вот пришел один президент, вот другой. И люди вновь и вновь связывают свои надежды не со способностями личности, не с ее работой, а с некой мистической силой, называемой властью. Или другой миф — демократия. Ведь он тоже не из новых. Семидесятилетний кошмар тоже назывался демократией. Правда, «социалистической». Времена изменились. Однако и сегодня мы лицемерим, превращая это слово то в пугало, то в универсальный ключик, который будто бы способен открыть все двери. Многие люди, называющие себя демократами, до конца еще не осознали, что мы, в сущности, пока живем в стране разрешенной демократии. Власть народа... Но ее как не было, так и нет. Для рядового человека в сущности ничего не изменилось. Он бесправен и унижен системой, как и раньше. Чиновничество никуда не ушло.

— *Безусловно. Какая разница человеку, кто его будет унижать, не решая элементарный вопрос и требуя mzды, — партийный или государственный чиновник, первый секретарь райкома или глава администрации? Я часто думаю, не порождаем ли мы новый миф, говоря о неизбежности авторитаризма, превознося роль исполнительной власти.*

— Это мы умеем. Хотя усиление исполнительной власти я бы только приветствовал, если бы оно, конечно, шло в соответствии с разделением трех властей. Ведь если говорить о демократии всерьез, то она может состояться только при сильной и независимой судебной власти. Однако для этого ничего не делается. Человек лишен даже минимальной возможности поспорить с властью. Вот поэтому я и говорю о том, что нужна система судебной власти, а не только Конституционный суд, с создания которого мы начали. Должна быть ответственность за несоблюдение закона любым чиновником. Советы стали губить сами себя, взявшись за все и не будучи к этому подготовленными, превратив законодательную власть в митинг. Это уже было с союзным съездом. Митинговость похоронила и Февральскую демократическую революцию 1917 года, неизбежно ведя к правой — корниловской или левой — большевистской диктатуре.

— Александр Николаевич, на курс страны в минувшие семь лет влияло слишком много составляющих и, конечно, было бы абсурдно предъявлять какой-либо счет лично Вам. Тем более что Ваш диапазон ограничивался полюсами идеологии и международных дел. И тем не менее, наверное, были ситуации, когда Яковлев должен был что-то сделать, но не мог «перешагнуть за флажки».

— Я очень много думаю об этом. Тем более когда происходит такое, что не должно бы присниться и в страшном сне. И все же... Что бы там ни было, но нам удалось избежать большой крови, не допустить ни единого выстрела в Восточной Европе, где, в сущности, сменилась социальная система.

— Все это так. Но я о другом. Вспомните, к примеру, ситуацию на XXVIII съезде КПСС, где на Вас обрушились фундаменталисты. Было тошно это наблюдать и абсолютно ясно, что вести дискуссии там не с кем, да и незачем. Я тогда подошел к Вам в перерыве и спросил, почему бы именно Вам не возглавить оппозицию, не встать во главе еще слабой демократической платформы. Соверши Вы тогда этот шаг, и, быть может, очень многое пошло бы по другому сценарию. Однако Вы мне ответили, что надо попытаться сохранить единство.

— Мы думали осуществить этот раскол на следующем, XXIX съезде⁴. Я не пошел на шаг, о котором Вы говорите, по причине лояльности к Горбачеву. Теперь, конечно, я хорошо понимаю, что это было ошибкой, и сожалею о ней.

— Вообще таких субъективных моментов было слишком много. Как Вы в этой связи расцениваете распад Союза? Явился ли он следствием объективных процессов или результатом борьбы за власть?

— И то, и другое. Союз в прежнем виде все-таки основывался на имперской почве, и ее надо было менять. Но в том, как это было сделано, сыграли роль моменты субъективного характера. Больше всего меня волнуют здесь противоположность, неконституционность свершившегося. Поскольку существовал союзный парламент, то он, конечно же, должен был распустить себя сам.

— Это еще и этическая проблема.

— Об этом я уже и не говорю. Нам надо наконец привыкать к уважению друг друга. Вот в Японии⁵. Горбачева принимали на самом высоком уровне, с ним встречался император. Однако посол России ни встретить, ни проводить не пришел. Дело не в Горбачеве даже. Но это бьет по престижу российского руководства, и на месте президента такое поведение я бы без реакции не оставил.

НАСТУПИЛО ВРЕМЯ «ЗА»

Из книги:

«Наше общество беременно высоким уровнем конфликтности. Но конфликтность порождает потребность в защите — военной, экономической, социальной, — а потребность эта, в свою очередь, рождает иерархию определенных отношений. ... Тенденция к региональному феодализму будет, на мой взгляд, определяющей в нашей внутренней жизни на ряд предстоящих десятилетий. И центральным звеном здесь станут новые республики; министерства и ведомства, где они сохранятся; крупнейшие концерны. Если наше развитие не сорвется в ближайшее время на какую-то иррациональную траекторию, то по-настоящему раскрепощенным будет лишь поколе-

ние, которому сейчас 17—20 лет. ... Главный же вопрос сейчас: что и как должно быть сделано для того, чтобы реформы действительно стали постоянным и неотъемлемым институтом общественной жизни?.. Эти направления я символически называю «Семь “Д”»: Депаразитация; Демилитаризация; Денационализация; Деколлективизация; Демонополизация; Деиндустриализация — экологическая; Деанархизация. ... Частная собственность — рынок — демократия — это генетический код нормальной цивилизации. ... Наступило время “За”».

— *Александр Николаевич, а как Вы оцениваете нынешние реформы российского руководства? Вспомните, сколько нас пугали неготовностью России к свободной экономике, к демократии, сколько говорили о неизбежности чуть ли не бунтов. Однако именно Россия в сравнении с другими «бывшими советскими» оказалась восприимчивой к преобразованиям. Что же до бунтов, то иной раз задаешься вопросом, кто прожил столетия в условиях демократии — французы, поджигавшие, переворачивавшие автомашины и громившие магазины в конце шестидесятых, или мы?*

— Во-первых, я никогда не считал, что у нас будут какие-то массовые выступления. Что же касается запугивания, то оно у нас в крови. Власть укрепляет себя, нагнетая страх. И неважно, кто называется этой угрозой — демократы, номенклатура или толпа. Хотя я не считаю, что самое трудное для нас позади. Предпринимательство и дух частной собственности, как мы видим, не смогли вытравить и минувшие семь десятилетий. Они имеют исторические корни. Труднее будет, когда начнется безработица. Ведь ее у нас, в сущности, никогда не было.

— *А до революции?*

— Не в таких масштабах, как в других странах. Ведь мы были аграрной страной, и промышленность существовала в основном в нескольких крупных городах. Что же до реформ... Недавно в Японии я высказался на эту тему, а радио потом отреагировало весьма своеобразно. Мол, раз Яковлев критикует, то или он объединился с противниками преобразований, или дела действительно идут из рук вон плохо. Однако я действительно считаю, что Кабинет министров России, разбираясь в макроэкономике, не избавлен от иллюзий. Иллюзией был отпуск цен при стопроцентной госторговле, не является панацеей и бездефицитный бюджет. Пора, давно пора переводить реальное производство на реальные экономические рельсы.

— *Вы тоже считаете, что правительство слишком чутко к рекомендациям Международного валютного фонда?*⁶

— Да, это есть. Его рекомендации — для слаборазвитых стран, которой при всем развале экономики Россия все же не является. Есть и иные иллюзии. Например, в отношении налогов. Их просто нереально получить тем образом, который ставит во главу угла правительство. У нас просто нет в традициях, как на Западе, заполнять ежегодно декларации о доходах. Кто их будет контролировать: фининспектора, еще одна армия чиновников? Да их просто скупят на корню те, кому надо, и никаких налогов правительство не получит. Надо было просто брать фиксированную часть дохода по месту каждой работы. Это больше соответствовало бы тому, к чему люди привыкли.

— *А что Вы думаете о сопротивлении переменам: номенклатурный реванш — это миф или реальность?*

— Это как на него посмотреть. Объяснять все трудности реформ заговором «бывших», конечно, абсурд, если не попытка найти внутреннего врага.

Но и недооценивать сопротивление реформам нельзя. Ведь смотрите, сколько времени прошло, а решить вопрос с землей, сделать ее и средства производства товаром так и не удается. Посмотрите на результаты поименных голосований по вопросу о земельной реформе на минувшем Съезде народных депутатов⁷. Среди тех, кто был «против», те же лица — первые секретари да председатели колхозов. Это что — идеологические пристрастия? Да ничего подобного. Этими депутатами двигал вполне реальный интерес — угроза утратить рычаги влияния, опасность ненужности огромной армии сельских чиновников.

Когда представители Движения демократических реформ⁸ приезжают из глубинки, из того же Белгорода, то они прямо говорят: у нас ничего не происходит, время остановилось. В кабинетах руководителей под ленинскими портретами принимаются решения в духе прежних времен, проходят те же по сути партхозактивы.

— *Значит, мы опять упираемся в политические проблемы и в центре, и на местах. Что делать? Есть два пути. Или пойти на существенное ограничение законодательных функций Съезда с передачей их Верховному Совету, или принять новую Конституцию и проводить новые выборы.*

— Конечно, надо проводить новые выборы. Но по партийным спискам. Чтобы депутат представлял не самого себя, а выражал интересы конкретных политических сил, за которые проголосуют избиратели, чтобы он был зависим от выдвинувшей его партии. Парламент должен стать небольшим по численности, но профессиональным. Входящие в него люди должны хотя бы понимать, о чем идет речь. И уж безусловно представительная власть не должна быть совокупностью представителей профессий — рабочих, крестьян, медиков, учителей.

— *Это безусловно. Такой подход, если мне не изменяет память, кроме нас, был разве что в Италии во времена Муссолини. Однако получим ли мы в результате новых выборов такой парламент? Не изберем ли мы на волне люмпенизации всей нашей жизни политиков типа Жириновского?*

— Это зависит от того, когда будут проходить выборы. Если в этом году осенью, когда еще не наступила стабилизация, то получим. Однако я не верю, что такой выбор окажется подавляющим, скорее всего, это будет лишь небольшая часть избранных депутатов.

— *Но ведь наша многопартийность переживает кризис. Правда, не только у нас — на Западе традиционные партии, надоев всем, тоже не привлекают избирателя. И там, и у нас идет ориентация на некую «третью силу».*

— Ее я понимаю как партию здравого смысла. Пока ее нет, но думаю, что процесс подготовки к выборам должен стать катализатором ее формирования.

— *Александр Николаевич, Вы охарактеризовали нынешнюю ситуацию словами «страна разрешенной демократии». Вы были одним из тех, кто подвел наше общество к этой первой ступени. Однако в нашей стране судьба реформаторов всегда была незавидной. Если говорить прямо — у Вас слишком много недругов. Как вы думаете, если у власти окажутся силы, стремящиеся все бремя ответственности возложить на Вас, чтобы переключить общественное мнение с реальных проблем на поиск врагов, заступится ли за Вас пресса, поднимет ли голос «против» интеллигенция?*

— Я не могу думать по-другому. Если нет, то не стоило и жить. Это было бы слишком ужасно. Я не хочу в это верить.

№ 6

**«Я САМ ПРИШЕЛ К ОТРИЦАНИЮ ТОГО, ЧТО МЕНЯ ОКРУЖАЛО
БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ»**

Столица, № 26, июнь 1992 г. Беседу вела Е. Колесникова.

— Александр Николаевич! В своей книге «Предисловие. Обвал. Послесловие»¹ Вы написали: «Наступило время “ЗА”. За демократию и личные свободы... За счастье и справедливость для всех... За экономику и государство, служащие людям»... Мне же кажется, что наступило время «ОПЯТЬ». Опять нетерпимость, опять бюрократия и номенклатура, опять идет возня вокруг власти и больших денег... Выходит, опять облапошили?

— Ваше недоумение правомерно. Но я, размышляя об этом же, постоянно натываюсь на барьер. Допустим, нынешнее правительство окончательно заходит в тупик и подает в окончательную отставку. Кто вместо него?

— В нашем государстве, называлось ли оно СССР или как теперь — Россия, этот мучительный для народа вопрос — а кто вместо? — возникал постоянно. Но свято место еще ни разу пусто не бывало.

— Я же не про конкретных людей говорю. Претендентов полно. Меня волнует проблема политической ориентации — а вдруг необольшевики придут? Хотя не думаю, что они завладеют властью в том составе, в котором выступают сегодня. За ними явно стоят более умные люди, пребывающие пока в тени.

— По-вашему, идея коммунизма еще себя не изжила?

— Конечно, нет! Пренебрегать силой необольшевиков опасно. И напрасно Вы так снисходительно о ней спрашиваете. Во-первых, с чисто практической точки зрения. Озлобленность людей может достигнуть столь высокого уровня, что будет безразлично — кто сменит демократов. Чтобы накормить ребенка, жертвуют чем угодно, а уж демократией в первую очередь. Во-вторых, коммунистическая идея — это часть нашей истории и общественного сознания. Надо задать себе вопрос: а почему именно к нам пришла эта мессианская идеология? Почему ради нее народ отказался от государственности, от православия — разумеется, в широком смысле этих понятий? Да потому, что эта неорелигия опять нам подходит: с ее теократической тенденцией и ритуальным образом. Мы в душе обожаем теократию, и в душе нам привлекательны все эти ритуалы.

Вспомните любые реформы в России. Все они кончались упадком. Грозный начал хорошо — кончил людодерством. Александр I начинал Сперанским — кончил Аракчеевым. Екатеринушка переписывалась с Вольтером, ах, как вольтерьяничала, какие у нее были вольнолюбивые забавы, и тоже известно, чем кончила. А Александр II, величайший реформатор, а НЭП, а XX съезд КПСС...

— Вы допускаете, что очередное реформаторство, начатое перестройкой, закончится так, как всегда заканчивалось в России? Короче, замкнется на «железной руке»?

— Вполне допускаю.

— А те люди, у которых сейчас власть, могут, стараясь ее удержать, сделать ставку на диктатуру?

— Понимаете, у них ведь мало что в методах изменилось. Слова новые, методы старые. Ну, была выстлана дорога к власти ковровым покрытием из демократии. А под ним, похоже, — железобетонные плиты... того же самого

психологического фундаментализма. Давайте спросим себя: какие изменения произошли в демократическом плане за последнее время? Где человек продвинулся в своем сознании, мироощущении?! Да нигде. Экономические свободы появились? Как не было их, так и нет. Личной свободы стало больше? Нет, она все в том же объеме, что и до 19 августа прошлого года². Ваши коллеги обижаются, когда я им говорю: что же вы присмирели? Опять в публикациях чувствуется подхалимаж к высокому чиновнику, да и к среднему тоже, какое-то благоволение началось. Это серьезное отступление от демократии, это опасный симптом.

— *Разве прежнюю власть журналисты критиковали объективнее и смелее?*

— Они ее так не боялись.

— *Но, согласитесь, тогда не было такой истерии — вплоть до призывов к фактическому насильственному свержению законно избранных институтов власти, какую сегодня можно увидеть в «Советской России» и других большевистских изданиях.*

— Ну, это не смелость, это просто за гранью провокаций.

— *Что же, должна признать: иные мои коллеги из вполне вроде бы демократических изданий сегодня чувствуют себя комфортно в дружеских отношениях с новой властью. И не хотят рисковать этим комфортом.*

— Думаю, дело не только в этом. Началась эпоха экономического принуждения. Или завтра газета лопнет, или она должна написать что-нибудь приятное. Я в принципе против, чтобы издания получали деньги от правительства, тем более, если они именуют себя независимыми.

— *«Столица» тоже дотацию получила. Но цензуры пока не ощущаем.*

— Посмотрим, как пойдут ваши дела дальше. На какой публикации иссякнет правительственное финансирование.

— *Получается, что после августа никаких дополнительных свобод не появилось? И ситуация в сторону демократии не развивается?*

— Она действительно не развивается, но тут надо быть справедливыми — не только по вине правительства. Скажем, Съезд не принял закон о земле³, и это серьезный удар по реформам.

По моему глубокому убеждению, одна из главных ошибок перестройки заключалась как раз в том, что закон этот не был принят еще в 1986 году. У нас в стране, когда нет собственника, особенно крестьянина, никакие демократические реформы не осуществить. Я предупреждал об этом Михаила Сергеевича лет шесть назад. Но он мне (и это тоже справедливо) возражал: «Пока отдать землю невозможно. Сразу все преобразования и закончатся». Мы проскочили рабовладельческий строй, этого опыта в генах не заложено. Мы так и не вступили в капитализм, остались где-то на купеческом уровне. Мы умудрились сохранить феодально-помещичий строй, когда Европа строила свой социализм. Таким обществом труднее управлять, чем любым другим.

Когда анализируешь правителей, их деятельность, вроде бы вывод напрашивается сам собой: пора бы им и кулаком по столу ударить, жесткими мерами остановить разнузданность, беспорядок. Но в России, как я уже говорил, кулак всегда стол проламывает. Значит, нужна умная политика компромиссов. Ведь пришли же мы к нынешним результатам фактически на компромиссах, делая каждый день порой по едва заметному шажку вперед.

Ну, вот я вспоминаю Политбюро. Какие бескомпромиссные там собрались люди, какие твердокаменные позиции занимали! И я считаю, им было легче. Им не в чем даже сейчас оправдываться: было у людей такое убежде-

ние — и все. Вредное для общества, губительное — это неважно. Последовательность всегда выглядит привлекательнее сомнений. Но нам, двум-трем «нетвердокаменным» из Политбюро, все время приходилось идти на компромиссы. Тут немножечко задобрить, там чуть-чуть отступить. Отвяжутся, мы дальше идем. И ситуация развивалась вперед.

— *Вы вспоминаете об этом так, будто оправдываетесь. В Ваших последних выступлениях, на мой взгляд, слишком много оправдательных интонаций. Они появились из-за обильных обвинений в Ваш адрес, или Вы сами чувствуете себя виноватым в «результате» перестройки?*

— Перемены были необходимы, я был к ним причастен, и тут мне оправдываться не в чем. Что касается публичных обвинений, то там полно обычных вымыслов. Мне несколько раз советовали ответить газете «Дно» (партийная кличка «День»). Она упрекает меня в чем угодно, в том числе и в отступничестве. А я ни разу не ответил. Почему? Когда обвинения предъявляют не для того, чтобы услышать противоположное мнение, а чтобы просто опорочить человека, не стоит и отвечать.

Вот сейчас Егор Лигачев написал книгу⁴. Я ее не читал, но слышал — там полно голословных обвинений в мой адрес. Я тоже по заказу японских издателей пишу книгу и размышляю — а почему бы мне не рассказать о фактах, раскрывающих сущность Е. Лигачева? Например, помню, как я написал записку по поводу антисемитской книги Романенко «О классовой сущности сионизма». Хлесткая записка получилась, резкая. Предложил записку вместе с книгой разослать по обкомам партии. Лигачев держал ее, держал, месяца два прошло, а потом выяснилось: все острые моменты он из записки вычеркнул и дал указание — разослать только первым секретарям обкомов. И это по поводу откровенного антисемитизма книги! Таких случаев я могу привести сотни. Хотя до сих пор не убежден — буду ли я это делать.

Или другие мои «обвинители» — вся эта когорта — Проханов, Куняев, Бондаренко, Бушин, Володин... Ведь подлинные русофобы именно они: приписывают русскому народу всякую пакость. Но в полемику с ними мне советуют не вступать — дескать, это будет выглядеть оправданием...

— *Оправдания в этом случае ни при чем. Poleмика с оголтелыми людьми бессмысленна. Все-таки в любом споре надо чувствовать, что твой оппонент равен по уму, воспитанию, интеллигентности...*

— Вы меня сбиваете с толку... Пожалуй, я вычеркну про Лигачева.

— *Александр Николаевич, я — удивлена. Вы не производили впечатления сомневающегося человека.*

— Меня очень задевает неправда в мой адрес. Никак не могу к этому привыкнуть. Вот выступил тут В. Селюнин⁵, которого я глубоко уважаю. Наивный, милый человек вдруг по телевизору сообщает: он, дескать, видел своими глазами сценарий суда над Синявским и Даниэлем. И там подпись А. Яковлева. Сказал бы кто другой, Проханов, например, я бы не удивился... Да Бог с ним, с Селюниным, но приписывать такой полет ума ЦК КПСС, будто эти люди сценарий написали... Смешно...

— *Не дураки же там работали?*

— Все было гораздо проще. Однажды я прочитал замечательное высказывание: «Мир не так прост, как нам кажется. На самом деле он еще проще». В ЦК КПСС тоже все было гораздо проще, чем теперь изображают. Да, была записка — как освещать процесс над Синявским и Даниэлем, но называть ее сценарием все равно что газету «День» — интеллектуальным изданием.

В ЦК партии огромная, если не большая часть работы шла вхолостую. Сплошная имитация деятельности: писали какие-то записки, составляли планы... А уж кто очень хотел что-либо выполнить, тот и выполнял. «Сценариев» никто не заказывал, поэтому их никто и не писал.

— Значит, изощренные финансовые операции, идеологические планы, о которых сегодня столько разговоров, — очередной миф? А деньги партийные — тоже выдумка?

— Все это должно быть расследовано и опубликовано. Что я подозреваю: когда сократили членские взносы, в Управлении делами ЦК начались разговоры — а не положить ли деньги под проценты в коммерческие банки? В частности, в Автобанк. Положили, вероятно, и это послужило поводом для разговоров. Но все это я говорю с чужих слов.

Всерьез же надо заняться другим. У нас в государстве была и по-прежнему существует такая империя, как КГБ. Она никогда и никому, кроме первого лица (да и то не всегда), о своих делах не докладывала и вела их так, как считала нужным. Правильнее говорить о государственных деньгах, которые бесконтрольно уходили по каналам КГБ. Причем не на нужды госбезопасности, а на Бог весть что.

Поймите, не мне партию защищать, меня оттуда благополучно исключили⁶. Но я-то уж знаю их квалификацию. Меня вызывали по поводу партийных денег, и я давал показания. По документам потрачено на помощь коммунистам из других стран за последние 10 лет примерно 220 миллионов долларов. Американцы итальянцам миллиарды давали (чтоб коммунисты к власти не пришли). Я вот все думаю — почему никто не заинтересуется, как, скажем, Внешторг работал долгие годы, из каких денег миллионные взятки получали его работники? Ведь как действовали внешторговцы. Допустим, на Политбюро рассматривают вопрос: надо купить за границей завод. Требуется 100 миллионов. На самом же деле — 92 миллиона. На Политбюро спорят, рассуждают, хотя никто не знает — какова реальная стоимость этого завода. Наконец решают выделить 97 миллионов. Внешторговцы с радостью уходят, а спустя время докладывают: задание выполнено успешно, приобрели за 95 миллионов. Им — ордена за сэкономленные народные деньги. Но никто не подозревает, что три миллиона (95 минус 92) исчезли в неизвестном направлении.

Или еще, пора разобраться — как хлеб закупали? Там ведь тоже настоящая мафия орудовала. Мы уже 200 миллиардов золотом заплатили с того момента, как стали закупать хлеб. Десятой доли этих денег хватило бы, чтобы оборудовать хлебную отрасль на самом современном уровне, от хранения зерна до пекарен. Но каждый год чиновники настаивали на необходимости импорта! И по каким ценам закупали хлеб! Всегда выше мировых рыночных. На разнице кто-то также сотни миллионов заработал, по сравнению с которыми партийные деньги — сущая ерунда.

Вот где надо поискать. Но никто не собирается вести расследование. Боятся или связаны? Меня этот вопрос занимает. Когда-то, если мы не вернемся к диктатуре, все это всплывет.

— Вот Вы опять заговорили о диктатуре. Хотя сегодня легко обнаружить признаки и авторитаризма, и безвластия...

— Да, безвластия, которое ходит рядом с авторитаризмом. Например, последняя кликушеская акция в Останкино с откровенно фашистскими признаками⁷. Шовинизм, антисемитизм, оскорбление властей и главы госу-

дарства, но власть бездействует, не понимая, видимо, что подобное безволие безответственно и антидемократично.

Если продолжить тему об авторитаризме и демократии, то стоило бы затронуть и такой вопрос. В чем я видел основную цель перестройки? Точнее, как представлял ее в «романтическом» плане? Должно было произойти переустройство отношений между человеком и государством. Советский человек всегда находился «внизу», под прессом государственной машины. А в ходе перемен эта пирамида должна была перевернуться. Но как государство «сидело» над гражданином, так и «сидит». Как решало за него все, так и решает. Я, например, всегда выступал за конфедерацию, за самостоятельность государства, но все-таки предпочел бы, чтобы меня спросили: разъединяться, скажем, или объединяться. А то проснулся и слышу о принятом решении в Беловежской пуще⁸.

— *Что ж, по каждому вопросу советоваться с народом?*

— По каждому не надо, а по таким важным — обязательно. Иначе какая это демократия?! Наши политики пришли к власти на волне конфронтации. Общество же, особенно наше, нуждается в ответственных и нравственных руководителях. Нынешнее поколение политиков обречено уйти. Есть разница между истинным убеждением человека в демократии и теми, кому эту демократию «позволили». Последних — большинство. Лично мне никто демократию не «позволял», я сам пришел к отрицанию того, что меня окружало большую часть жизни.

№ 7

«РОССИЯ ВЫБЕРЕТСЯ ИЗ БОЛОТА И СТАНЕТ СИЛЬНЕЙШЕЙ ДЕРЖАВОЙ В МИРЕ»

Деловой мир, 4 августа 1992 г. Беседу вела Е. Рублева.

— *В своих интервью Вы не раз говорили, что успех реформ будет определяться двумя словами: переход к рынку. Как вы, человек из команды Горбачева, оцениваете ход нынешних экономических преобразований?*

— Я думаю, никто, и я в том числе, не ожидал, что будет выбрана та модель реформ, которая сейчас реализуется. Возможно, это ошибка, но я был и остаюсь противником метода шоковой терапии. Мне казалось более уместным идти по пути постепенного выравнивания цен, соотношения затрат труда с его стоимостью, уничтожения структурных перекосов между различными отраслями экономики. Но в нашей экономике сложилось совершенно нетерпимое положение. За шесть лет — это и наша вина — в ней почти не произошло структурных изменений. Наша индустрия до сих пор на 60 % военная. И военно-промышленный комплекс, естественно, серьезно препятствует структурным изменениям в экономике. Почти полвека минуло с окончания Второй мировой войны, а мы до сих пор до конца не можем разобраться, сколько средств уходит у нас на военные нужды, куда и как именно. Если невозможно проследить расходы, то совершенно очевидно, что здесь широкое поле для бесхозяйственности и злоупотреблений.

Эта проблема усугубляется еще и тем, что в России и по сей день есть немало мест, где неведомы такие понятия, как демократия и рынок. Как был секретарь райкома коммунистической партии реальным хозяином, так

и остался. Только должность поменялась. Я бы сказал, что сегодня окончательно оформились локальные феодально-коммунистические структуры и кланы, которые в большинстве случаев существовали еще в период Леонида Брежнева. Только тогда они находились под контролем центра, а сейчас прикрываются новыми лозунгами реформаторов. И это тем более опасно, что в глазах мирового общественного мнения эти структуры воспринимаются как нечто новое, как законные плоды развернувшихся реформ.

— *Уверена, Вы глубоко анализировали эту ситуацию. Неужели из нее нет выхода?*

— Анализируя, я все чаще задаю себе вопрос: насколько рыночной является нынешняя экономическая политика? Мне всегда представлялось, что субъектом рыночных отношений является собственник. Для России этот вопрос звучит по-особому. Здесь никогда не было нормальной, вольной частной собственности, и потому здесь всегда правили люди, а не законы. Может, сегодня рано об этом говорить, но меня не покидает сомнение, что основное внимание государства и чиновников главным образом направлено на то, чтобы перетянуть одеяло в сторону государства. Это касается и кредитов, и денег, и западной помощи. Я не думаю, что так задумало правительство, но получается, что от сегодняшних экономических мер, кроме людей социально незащищенных, больше всего страдают предприниматели. Как бы в ближайшее время мы не разорили тех, кто только начал работать, как бы не отпугнули тех иностранных инвесторов, которые решились вкладывать деньги в нашу экономику в столь непростое для нее время. Надеюсь, что это понимают и в правительстве. Если сейчас будут погублены фермерство, предпринимательство, то останется широкое пространство для модернизированной, но в любом случае деформированной государственной собственности.

— *Какие шаги, на Ваш взгляд, должны быть предприняты в первую очередь для выхода из создавшегося кризиса?*

— Я за сильную исполнительную власть. Без нее решать серьезные вопросы нельзя. Но я против того, чтобы власть исполнительная уничтожала законодательную. Между ними должен быть создан сдерживающий баланс. Нам еще предстоит построить треугольник, без которого немислимо ни одно демократическое общество. А в его основе — власть законодательная, исполнительная и судебная.

— *Каковы Ваши главные опасения, связанные с судьбой российских реформ?*

— Специалисты-историки насчитывают до полутора десятков попыток реформировать устройство России. И тем не менее до реальной демократии стране еще достаточно далеко. Меня мучают исторические аналогии: все, что свершалось прогрессивного в России, — свершалось неволей, методом силового давления. Так было при Иване Грозном, Петре Первом, Никите Хрущеве. Все они начинали с реформ, а заканчивали репрессивными мерами. Вот я сейчас и опасуюсь: вдруг это чертово колесо опять повернется в ту же сторону и страна выйдет на новый виток авторитаризма, естественно, вопреки замыслам и намерениям реформаторов?

— *Но надежда остается?*

— Я верю. Быть может, это несколько наивное, романтическое ощущение, но мне кажется, что мы выберемся из этого болота. Более того, мне кажется, что ведущие экономические державы — США и Германия — пойдут к упадку, а Россия будет накапливать силу. И уже поэтому я бы совето-

вал с Россией не ссориться. Россия будет расти, ибо если к ее богатствам приложить энергию новых молодых предпринимателей и новых политиков, которые воспитаны не на конфронтации, а на согласии и примирении, то, я думаю, Россия сделает огромный рывок вперед в экономическом и духовном отношении.

№ 8

«В СЛУЧАЕ МОЕЙ ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ...»

Куранты, 5 сентября 1992 г. Беседу вел А. Наджаров.

Старый друг его предупреждал: на тебя готовится транспортное происшествие. Берегись. И тогда еще не исключенный из КПСС¹ секретарь ЦК Александр Яковлев подошел к председателю КГБ В. Крючкову и сказал: «Передай своим — они просчитаются. Я оставил письмо, и его опубликуют по трем адресам». Письмо начиналось словами: «В случае моей внезапной смерти...».

Крючков дал задний ход — и задуманное покушение на А. Яковлева не состоялось. И все же след оно, видимо, оставило... С тех пор Александр Николаевич говорит с людьми с какой-то особой искренностью. Будто в последний раз. Таким было и это интервью с ним.

— *Александр Николаевич! Представьте себе то, чего на самом деле не могло быть: август прошлого года без путча. Скажите, вот, не случись его, продержалась бы эта руководящая и направляющая система еще год или два?*

— Нет, конечно.

— *Почему?*

— Дни партии были к этому времени уже сочтены. Да и когда мы организовывали Движение демократических реформ², то всерьез задумывали, чтобы КПСС к нему никакого отношения не имела. Однако я и теперь считаю — она могла бы реформироваться, перейти в конструктивную оппозицию. В этом случае она омолодилась бы, прогнала своих идиотов-руководителей, очистилась бы от аппаратных мерзостей, сократилась наконец. Могу ошибаться, но, мне кажется, осталось бы все-таки не менее 3,5 миллионов. То есть КПСС имела шанс выжить, если бы она решительным образом отказалась от наиболее свирепых положений марксизма, от отрицания гражданского общества, среднего класса...

— *Она была бы тогда не коммунистической, а, скажем, социал-демократической.*

— Конечно. Уже на XXVIII съезде была принята программа скорее социал-демократическая, чем коммунистическая³, хотя на практике политический курс стал еще более реакционным.

— *Не думаю, что руководство легко бы рассталось со своими многочисленными привилегиями.*

— Да, это так. Тем не менее я вижу, что нынешние привилегии ничуть не хуже. Уж я-то знаю свои привилегии, которыми пользовался. И все же сверх положенного тогда мало кто брал. Был, понимаете ли, некий закон страха, который, в сущности, всегда присутствовал в нашей стране. Все были рабами системы.

— *Насколько мне известно, люди этой системы предлагают свою помощь команде Ельцина. Вот и Михаил Сергеевич в одном из интервью в «Комсомолке» выразил такое пожелание. Зря, мол, Ельцин не приглашает опытных руководителей, специалистов, зачинателей реформ. Они могли бы ему помочь выйти из нынешнего тяжелого положения в экономике. Как Вы считаете, почему Ельцин этих людей не приглашает?*

— Это для меня, в общем-то, загадка. Понимаете, во всей этой истории... я вот как раз в своем первом интервью «Курантам» сказал в декабре прошлого года⁴ то, на что многие в российском правительстве даже обиделись: драма нашей демократии — это отсутствие оппозиции. Эта драма будет углубляться. Повторяю, все беды, которые сейчас у правительства страны, это от отсутствия нормальной и здоровой, влиятельной, не шутовской, оппозиции.

— *Сейчас, кажется, происходит ее формирование. Причем демократической оппозиции.*

— Ну, дай Бог, как говорится! Понимаете, в нежелании принять помощь тех, кто стоял у истоков реформ, есть, на мой взгляд, смешная попытка волевым и болевым порядком обозначить начало истории. Такая вот старая большевистская манера. Как хочу, когда хочу — тогда и начинаю. Ну совершенно по-марксистски: все, что было до августа 91-го⁵, — это, мол, только предыстория человечества, а вот теперь начинается его подлинная история. Что это за жажда революции такая!

— *А может быть, здесь что-то другое? Например, тот же Ельцин был знаком с резолюциями М.С. Горбачева на сводках прослушивания его телефонных разговоров. Такое не могло не оскорбить чисто по-человечески. Или, допустим, ну зачем разочарованные люди? Они и сегодня видят одни трудности и не хотят замечать очевидных успехов.*

— Может быть. Только ведь и меня, как выяснилось, прослушивали⁶. Нет, я все-таки не могу поддержать такую позицию. Между прочим, Михаил Сергеевич как-то всерьез уверял меня: «Имей, мол, в виду, что ничего подобного нет, мне никогда бы и в голову не пришло тебя подслушивать». Трудно такому не поверить. Но я-то знал, когда это началось. После вильнюсских событий⁷.

— *А почему?*

— Понимаете, буквально на другой день после Вильнюса я начал активно агитировать Горбачева, чтобы он немедленно сел в самолет и полетел в Литву. Он должен был сам посмотреть, что там к чему.

— *То есть было очевидно, что там была самая настоящая провокация Крючкова?*

— Безусловно. И я тогда не скрывал, что это трагедия не только для Литвы, но и для всей страны. Более того, я считал, что обязательно надо привлечь к уголовной ответственности тех, кто начал это кровавое дело.

— *Кого? Крючкова?*

— Ну конечно, в основе провокации был КГБ. Я и тогда был уверен в этом, и до сих пор не сомневаюсь. Хотя у меня никогда не было никаких фактов, да и сейчас нет.

— *Ну сейчас, допустим, они уже есть. Я имею в виду материалы уголовного дела по ГКЧП. Собственно, для многих журналистов события в Вильнюсе не стали неожиданностью. Но каково было в газетах читать высказывания Горбачева о том, что он ни сном ни духом ни о чем таком не знал. А ведь еще за*

три дня до этого в ЦК КПСС были собраны руководители центральных газет, которым было предложено выделить корреспондентов для поездки в Вильнюс, где ожидались определенные события.

— Почему же это до сих пор не опубликовано?

— Ну вот мы сейчас это и сделаем.

— К сожалению, Горбачев слишком доверял Крючкову.

— А Язову?

— У меня до сих пор не очень укладывается, что Язов влип в эту историю с ГКЧП. Это, наверное, идет от фронтовой нашей корпоративности. Ведь Язов — мой сосед по фронту. Мы в тех же частях в одно и то же время служили под Ленинградом — я в морской пехоте, а он в пехотной дивизии. Вообще-то, он самый настоящий служака. Чтобы Язов пошел на предательство? Знаете, даже его поведение на Политбюро не давало оснований подозревать его в чем-то. Он всегда избегал вступать в политические споры. И вдруг в такую авантюру влипнуть, с войсками, танками...

— *И короткая перестроечная эпоха закончилась нутчем. Скажите, Александр Николаевич, Вы стояли у истока нынешних реформ, Вы себе так представляли ход событий? Или иначе?*

— Нет, не так. Хотя, в принципиальном плане, да, я стоял за рыночный вариант экономики.

— *За капитализм?*

— Рыночная экономика не имеет никакого отношения к капитализму. Не он придумал рыночную экономику и не он ее закончит.

— *Капитализм — это власть крупного капитала, власть денег. Разве не к тому мы идем?*

— Черт его знает. Какая-то упрощенность в этом есть. С другого начну. Я отвергаю вот эти термины — капитализм, социализм. Считаю их очень условными. По сути, по своему содержанию — я не знаю, что такое капитализм. Не знаю его основополагающих принципов и признаков. По крайней мере, после 30-х годов, после перестройки Рузвельта в США. Думаю, никто сегодня не знает и того, что такое социализм.

— *Потому что социализма пока нигде не было?*

— Конечно. Это пока что только идея. Собственно, проблема состоит в переходе к более естественным экономическим отношениям, отношениям саморегулирующимся, а не управляемым из какого-то центра. Я стою на позиции самого широкого самоуправления, чтобы государство свою роль свело до минимума. Причем не само по себе, а чтобы люди это сделали... Ведь ничего у нас по существу не изменилось с 85-го года⁸ в этом смысле. Не изменилось, к сожалению, и после августа 91-го. Как человек бегал за государством, так он и бежит, как он его боялся, так и боится.

— *Ну, может быть, сейчас меньше, чем раньше.*

— Понимаете, сняли чуть-чуть с самого верха, содрали эту жуткую заразную коросту, кровавую корку мы сняли. Но общество, отношения человека с государством остались прежними. В этом все дело. Хорошо, конечно, что мы со сталинизмом, тоталитаризмом наконец покончили. Ну а дальше-то что? Дальше мы бы должны видеть, что создаются более или менее нормальные условия для правильного построения отношений человек — общество — государство. Но ничего этого не происходит. Потому что основополагающих вещей не создано. Нет ведь в стране гражданского общества, нет собственника, нет настоящей защиты человека законом. Вам податься же

некуда, если произошло несчастье. Ну куда вы побежите? Суда-то до сих пор нет. До сих пор законодательная и исполнительная власти не хотят создавать сильную третью судебную власть...

— *Говоря о том, что Вы не так представляли себе реформы, что Вы имеете в виду: отсутствие шкалы приоритетов?*

— В первую очередь, настоящая реформа — это когда люди начинают что-то делать. Люди! Не каждый человек в отдельности. Может быть, это слишком идеально. Я понимаю, что в 85-м году другого пути, кроме революции сверху, и быть не могло...

— *По причине всеобщей апатии?*

— По ряду причин. Апатия, страх, жесткий партийный режим — все было. А военно-промышленный комплекс? Он же фактически захватил власть. Да такую, что ему иногда удавалось и на первые роли своих людей выдвигать. Брежнев, например, — типичный представитель военно-промышленного комплекса. Если бы меня спросили, а кто все-таки организовал путч, мое глубочайшее убеждение — военно-промышленный комплекс. Он больше всего страдал от перестройки.

— *Так ведь и сегодня жив курилка. Значит, может еще один путч организовать?*

— Не думаю. Сейчас иная обстановка. Путч, на мой взгляд, абсолютно исключен.

— *Что, на ваш взгляд, сегодня дестабилизирует обстановку?*

— К примеру, хамское отношение к людям, которое опять стало проявляться в полной мере. Если раньше человек со своей болью по райкомам бегал, то теперь, когда их нет, когда не работает суд, на сцену трети силы выходят. Демократия всего только при двух властях — законодательной и исполнительной — это не демократия. А тут еще кризис прессы, которой тоже норовят манипулировать.

— *То есть двух балансирующих моментов недостаточно, нужно не менее четырех?*

— Четыре — обязательно! Это бесспорно. Без этого демократии в России нет! Какая тут демократия? Исполнительная и законодательная власти царапаются между собой? Так это в скрытой форме было и раньше.

— *Во всем мире прекрасно знают, что парламент — это говорильня. Другое дело, что наша говорильня...*

— Да, это очень интересно. Такое, думаю, в историю войдет. Как пример бессмыслицы. Люди же как не знали, что они делают, так и не знают. В этом издержки варианта революции «сверху». Ее потенциал стал иссякать. Причем даже не сегодня, а где-то с началом I Съезда народных депутатов СССР⁹. К тому времени уже стало ясно, что необходимо переходить с варианта революции «сверху» к революции «снизу». И тогда были попытки это сделать. Я имею в виду предложения Сахарова, чтобы съезд взял на себя власть, чтобы были приняты определенные изменения в Конституции.

— *На том съезде мне пришлось встретиться с В. Ландсбергисом, так вот он говорил, что нужно немедленно бросить все и срочно принимать Союзный договор. Иначе потом будет поздно.*

— Он-таки был прав. Я, когда вернулся из Прибалтики, был убежден, что нашел там согласие. И если бы тогда была принята концепция настоящей конфедерации...

— Скажите, Александр Николаевич, а что, на Ваш взгляд, можно отнести к достижениям нынешнего руководства?

— Конечно же, указ о приостановлении деятельности руководящих партийных структур¹⁰. В тех конкретных условиях, когда стоял вопрос: быть или не быть, и как быть, когда некоторые обкомы поддержали ГКЧП, когда в путче участвовала самая что ни на есть правящая верхушка, нужно было поступить именно так и не иначе. Что касается полного запрещения? Я в принципе против запрещения любых партий, если они, конечно, не проповедают насилие. Второе достижение — удалось наконец серьезно потеснить военно-промышленный комплекс. Он оказался в некоторой растерянности и страхе, что могут докопаться до его корней, до того, откуда есть пошел путч. Сейчас эта растерянность прошла. Более того, ВПК, кажется, пошел в атаку.

— Однако Вольский, к примеру, утверждает, что идеи всех демократических преобразований родились именно в военных институтах и на заводах...

— Ну, вот видите как. А вообще-то, я бы на месте Ельцина свою команду подрасширил.

— Дабы он сделал то, чего не смогли или не стали делать Горбачев и его люди?

— Конечно. Ведь вот смотрите: разве команда Ельцина виновата в том, что Съезд отверг Закон о земле¹¹? В этом одна из главных бед перестройки. Она должна была начаться с земельной реформы. Ее надо было еще в 86-м году провести или, по крайней мере, начать. Жестко начать.

— Теперь это ясно. Но разве люди были к этому готовы?

— Не были. Но Бог с ней — с колхозно-совхозной землей. Пустующие-то земли, пустующие! Даже в Подмоскovie их полно. И на моей Ярославщине, в Костроме, в Пскове, Твери. Вот она — пустующая земля... Пусть идут туда люди и работают. Почему нельзя было разрешить вот такую форму хозяйства?

— Да ведь и сейчас это, как оказалось, не просто.

— Потому что поздно уже стало. Осторожность появилась. А тогда бы люди с верой и энтузиазмом пошли. Особенно если бы их на 5 лет освободили от налогов. Ну а сейчас главная неудача, за которую я переживаю, — это экономическая реформа. Ведь, понимаете, был взят курс именно на шокотерапию. Я-то и до нее был уверен, что он обречен на неудачу. Это у нас абсолютно невозможно.

— Ну почему же? Реформаторы считают, что год назад в магазинах ничего не было, люди ходили злые, а сейчас все есть. Были бы деньги...

— А их-то как раз и нет. Хотя, конечно, свободная продажа основных видов продуктов питания, промышленных товаров, причем свезенных со всего мира, дело неплохое. И все же в гуманитарном плане идея сбалансирования бюджета, если она превращается в самоцель, не очень, мягко говоря, плодотворна.

— Александр Николаевич, власть всегда подразумевает некоторое насилие. Где она прежде всего должна его проявить?

— В первую очередь нужно нанести удар по уголовному элементу. Нельзя дальше реформы проводить в условиях, при которых люди начинают бояться на улицу выйти. Что это за демократия тогда? К уголовной преступности — это убийство, насилие, грабеж, бандитизм и т.п. — общество должно быть сейчас абсолютно беспощадным. Иначе ни в чем не будет успеха.

— *То есть Вы учитываете возможность временного введения чрезвычайного положения?*

— Нет. Но мы должны очень жестко требовать от правоохранительных органов исполнения законов.

— *Я недавно разговаривал с начальником ГУВД Москвы Аркадием Мурашевым. Он говорит: «А что, собственно, страшного? В Нью-Йорке преступность четверо выше, чем в Москве». Зря, мол, беспокоимся.*

— Он-то может и не беспокоиться. Это его вопрос. А я беспокоюсь, потому что на улицу выйти страшно. Нам Нью-Йорк по этому вопросу догнать не очень-то хотелось бы. Если уж так хочется сравнивать, пусть посмотрит на обыкновенный средний американский городок — там какова преступность? Или почему в Исландии только одна тюрьма и в той уже давно никто не сидит — нет преступности как таковой. Нет, боюсь, при таком отношении к делу проблема преступности скоро не разрешится. Нынешнее руководство не понимает, что если бы общественность действительно видела, что правительство против уголовщины, это ослабило бы позы в общественном мнении к твердой руке. Вот здесь твердая рука и проявилась бы. А то сколько разговоров о коррупции, но ни одного крупного коррупционного дела до сих пор нет. Сколько говорят о лоббировании депутатами криминальных структур, а имена их остаются в тайне.

— *Вы сейчас говорите, вероятно, не только на основании личного мнения, но и на основании анализа обстановки, который проводит Фонд Горбачева?*¹²

— Конечно. У нас есть план аналитической работы, есть заказы в стране и из-за рубежа. Это, естественно, все платное, на коммерческой основе. Вот труды последнего времени: «Политические силы России», «О современном понимании социалистических ценностей», «Избирательная система в свете мирового опыта», «Технология политических кампаний», «Либерализм и демократия», «Опыт Запада и перспективы России», «СНГ: состояние и перспективы развития», «Россия на мировой карте», «Особенности новой геополитической ситуации», «Российская экономическая реформа: на пороге нового этапа».

Какой еще прок от Фонда? Ну вот съездил я в США. 600 тонн медицинских всяких лекарств собрал там, выступая по телевидению. Потом пришлось просить Ельцина, чтоб самолет за ними послал¹³.

— *А средства Фонда? Каковы они?*

— Сейчас примерно 40 миллионов рублей. Правда, пока все идет в основном на себя, содержание здания. Впрочем, появились неплохие заказы на исследования — от «МЕНАТЕПа», например. Думаю, скоро Горбачев-фонд сможет оказывать не только консультативную, но и финансовую помощь.

— *Александр Николаевич, а каков вклад в Фонд его одноименного председателя?*

— Его часто приглашают выступить, рассказать о своем понимании ситуации в стране. Потом вручают чек, скажем, на 5—10 тысяч долларов. Горбачев все в Фонд отдает.

— *А зарплата у Вас и Горбачева какова?*

— У меня 9 тысяч рублей в месяц, у него что-то около одиннадцати.

— *Скажите, а вообще-то изменился как-то Михаил Сергеевич с августа девяносто первого?*

— Да. Правда, не сразу, а через недельку примерно.

— *Что с ним произошло?*

— Он понял, что вот эти — справа: там для него даже щелочки нет. И он стал тверд в своих убеждениях. Я чувствую это по терминологии его, по логике, по словосочетаниям. Он безусловно теперь настроен гораздо более демократически.

— *Кстати, убедился он в том, что в людях не разбирается?*

— Это — да. Михаил Сергеевич признал свои кадровые ошибки. А ими он меня, надо сказать, всегда удивлял. Неглупый же человек, достаточно образованный, начитанный. Есть и инстинкт политический. Но что для меня загадка — абсолютно не разбирался в людях. Говорили же ему, к примеру, не годится Кравченко в председатели Гостелерадио¹⁴. Причем на президентском совете проголосовали против. А он: «Ну как хотите — а я все равно назначаю». Сейчас Горбачева поливают везде и всюду, журналы печатают мерзости. И только теперь он понял, что кого раньше в газетах ругал, у тех с ним остались нормальные человеческие отношения до сих пор. Те же, кого он защищал, его мажут как хотят. Главное, что Горбачев осознал: люди, обиженные им, и тогда были честны, когда его критиковали. Они искренне это делали и пытались ему помочь. Жаль, что ближе к президенту СССР оказались подхалимы и негодяи.

— *Тогда последний вопрос: как Вы предполагаете, возможно ли новое возвращение Михаила Сергеевича в большую политику?*

— А зачем? Возможность очень невелика. Это может быть только случайностью, а не закономерностью. Думаю, работая в Фонде, мы с Михаилом Сергеевичем принесем стране больше пользы.

№ 9

«ПО ДВЕ СТРАНИЦЫ В НАШЕЙ ИСТОРИИ УДАВАЛОСЬ ПИСАТЬ ТОЛЬКО ЗЛОДЕЯМ»

Комсомольская правда, 23 октября 1992 г. Беседу вел О. Шевцов.

Нам удалось разыскать А.Н. Яковлева в Риме, он приехал в Вечный город для участия в конференции под названием «Новая европейская безопасность», которую организовала газета «Интернэшнл геральд трибюн»¹.

— *В своем интервью лондонской «Таймс» Вы утверждаете, что у Горбачева нет политического будущего. Так ли это?*

— Если из текста выдернуть фразу, может исказиться ее смысл. Политикой в условиях демократии может заниматься любой, тем более что под политикой у нас понимается все что угодно — от политологии до общественной деятельности. И в этом смысле у каждого есть политическое будущее. Но что касается Михаила Сергеевича, то я не вижу необходимости и возможности для его повторного появления на политической арене.

— *Тем не менее, в том, что Ельцин пытается «задавить» Горбачева², многие на Западе увидели повод заговорить о новой роли президента СССР, а также о том, что нельзя исключать новых перемен в российских верхах.*

— За «кухонными» историями о том, как поссорились Борис Николаевич с Михаилом Сергеевичем, многие обозреватели не замечают серьезнейшего явления. Меня, например, очень волнует раскол в демократическом лагере. Нет единства в «Дем. России»³. Новые демократы ведут свою историю с августа 1991 года и не склонны сотрудничать с первой волной реформаторов.

К сожалению, сейчас много политиков, пришедших на конфронтационной волне. А нужны не лозунги и демонстрации. Требуется новое поколение политиков — людей с деловым подходом. Ведь коммунисты тянут назад, ультрапатриоты льют реками слезы, дескать, «продали Россию», но в программах разницы нет. Впрочем, даже время программ прошло. Никто не читает их и не слушает речей. Необходима стратегия малых дел, которая, впрочем, не отрицает и кардинальных реформ, прежде всего — земельной, реформы банковской системы и т.д.

— *Ну вот ведь и Горбачев всегда был центристом, пытавшимся усидеть между правыми и левыми. Может быть, как раз и приходит его время возглавить единение?*

— Горбачев лишь пытался быть политическим центром. Я его знаю очень хорошо. На самом деле он — вынужденный обстоятельствами прагматик. И все же он написал свою страницу в истории России. И хватит. По две страницы в нашей истории удавалось писать только злодеям.

История с визами, безусловно, не помогает сплочению реформаторских сил. Мне в свое время довелось присутствовать при передаче власти Горбачевым Ельцину⁴. И надо сказать, тогда беседа была деловой. Настоящий разговор двух мужчин. Если бы этот стиль сохранился и дальше, это имело бы большое значение для нормализации политической жизни страны.

К обоим политикам я отношусь очень хорошо. Судить и осуждать со стороны легко. Как бы критически ни оценивалась деятельность правительства, нужно думать о том, что может быть вместо нынешней команды. Альтернатив кабинету среди демократов пока нет. Хотя я критикую Гайдара и не являюсь сторонником шоковой терапии, уверен, что нужно дать правительству возможность продолжить свой курс. Возможно, какие-то изменения в его состав и следовало бы внести, тем более что компетентные кандидатуры для пополнения всегда имеются. Достаточно назвать такие известные фамилии, как Явлинский, Вольский, Святослав Федоров, Собчак и др.

— *А как Вы относитесь к суду над КПСС⁵? Можно ли считать правомерным с юридической точки зрения разбирательство одной части бывшей партийной номенклатуры с другой? Ведь процесс-то явно политизирован.*

— Будем реалистами. Разбирается ведь не дело о загрязнении реки пестицидами, а об итогах 70-летнего правления КПСС. А нужен ли процесс? Нет, я так не считаю. Коммунисты подняли в Конституционном суде вопрос об отмене антипартийных указов Ельцина, а группа Румянцева в ответ — вопрос о конституционности КПСС. На мой взгляд, это чистая схоластика. Общеизвестно, что партия была и государством, и самой Конституцией. Тяжелое положение у членов Конституционного суда. Кстати, это первая попытка создать третью независимую власть — судебную. И, как показывает практика, ни исполнительные, ни законодательные структуры не заинтересованы в ее независимости. Так что о чисто юридическом процессе речь вести нельзя изначально.

— *Как утверждают демократы, правые могут прийти и в результате путча, а могут и вполне конституционно, через выборы. Чего больше опасаться?*

— Да был уже путч! И чем он кончился (а другим он кончиться и не мог), известно. У нас трудно захватить власть переворотом. Пример 1917 года нехарактерен, тогда власть валялась и ее взяли. Штурм Зимнего напридумывали потом.

На выборах правые, по оценкам нашего Фонда, могут получить сейчас до 25 процентов голосов, а в отдельных областях — абсолютное большинство. Но что, кроме трескучей фразы и ставки на люмпена, они могут предложить России — не ясно. Вообще, переход от люмпенско-иждивенческого государства к нормальному, работающему — трудный переход. Поэтому я и желаю успеха правительству Гайдара. Это редкий шанс стать на рельсы цивилизованного развития.

— *А поправения нынешней команды не следует бояться?*

— Помимо путча, есть не менее грозная опасность — ползучая контрреволюция чиновничества. Аппаратчик стал еще большим хамом, совсем похожим на персонажи Салтыкова-Щедрина. Главным лозунгом у него стало: «Пшел вон!» Взятничество развернулось в невообразимых масштабах. Причем чем выше, тем больше берут. Раньше чиновник боялся райкомов, анонимов и других доносов. Сейчас — нет. Новое правительство берет из старой номенклатуры не лучших, а худших. Не в политическом смысле (бюрократ аполитичен), а в профессиональном. Аппарат разбух, хотя демократы пришли под лозунгом «против всесилия и произвола властных структур!» Но власть меняет настроение, и сейчас уже не хватает административных зданий, оставшихся от бывшей номенклатуры. Раньше тоталитаризм строился по формуле: моновласть плюс монособственность. Сейчас моновласть при плюрализме. Но сильных партий с внутренней дисциплиной фракций нет, а отсюда и политический хаос в законодательных структурах. Следствие — всесилие аппарата.

— *А как Вы оцениваете собственное политическое будущее? Ведь Фонд Горбачева могут закрыть. Не собираетесь ли Вы назад в большую политику?*

— Фонд, наверное, не закроют. Никаких укрывательств от налогов там нет. Хотя я хозяйством не занимался, акты я видел. Не успел Фонд проработать 6 месяцев — и уже нарушение. Впрочем, слава Богу, корыстных мотивов нам не вменяют. И тысячу квадратных метров оставили. Пока хватит. Вообще, это не самая великая драма в истории России. Я отношусь к этому спокойно.

№ 10

«ПОДЛИННОЙ И ПРОЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ ПОКА НЕ СОСТОЯЛОСЬ»

Вечерняя Москва, 6 ноября 1992 г. Беседу вел В. Мотяшов.

Еще несколько лет назад достаточно было в кругу сведущих в политике людей спросить: «Слушали вчера выступление Аэна?», и было ясно: речь идет о члене Политбюро, главным, как признавали многие, идеологе перестройки Александре Николаевиче Яковлеве.

Сегодня он не «наверху» и не на виду. Но слово его по-прежнему авторитетно. У этого многоопытного политика, прошедшего сложный путь, воевавшего в десантных войсках¹ и получившего отметину на всю жизнь, испытавшего опалу и почти невероятный взлет, сохранившего, даже побывав в послых, вполне крестьянскую внешность и окающий волжский говор, всегда было то, что встретишь нечасто: независимость мысли и собственная философия. И если ему приходилось пересматривать некоторые казавшиеся незбылемыми убеждения и отказывать в доверии вчерашним кумирам, то делалось это не под влиянием политической конъюнктуры.

Поэтому его мнение интересно. Не только для единомышленников, но и для противников, которых у него немало.

— *В последнюю неделю, кажется, не было мало-мальски серьезной газеты, которая бы не прокомментировала «литовскую сенсацию» — победу партии А. Бразаускаса на выборах в сейм². Это наводит на определенные размышления. Ведь Вы были признанным лидером реформаторского крыла в КПСС. Какие причины удержали Вас от того, чтобы пойти на создание жизнеспособной партии левого толка, организационно оформить то, что существовало идейно к XXVIII съезду, а может, еще раньше? Не был ли упущен исторический шанс? Ведь в случае его реализации совсем по-другому могло бы пойти развитие страны?*

— Да, согласен, исторический шанс был упущен. В суматохе той борьбы, ожесточения справа, нетерпения слева, трудно было сделать правильные выводы. Считаю это своей ошибкой. Ошибкой, ибо я действительно не сделал попытки организационно объединить реформаторское, честное крыло партии, хотя была очевидной потребность в жизнеспособной партии, готовой идти на реформы, на преобразование общества на основе демократического развития.

Кроме того, меня постоянно сдерживала лояльность к М.С. Горбачеву. Единое дело, которым мы были связаны, да, пожалуй, еще дисциплинированность, годами вошедшая в мою плоть и кровь еще со времен войны. Надо сказать и о том, что в то время, я имею в виду период XXVIII съезда, рядом не оказалось человека, готового пойти на любой риск и вместе начать крупнейшее историческое дело.

Впрочем, все это позади. Поезд ушел. Руководство партии покончило самоубийством, заодно предав и миллионы честных людей, их надежды, убеждения, их прошлое и будущее. Что же касается попыток некоторых лидеров бывшей партийной номенклатуры вскочить на подножку последнего вагона, то они конвульсивны. А вот объединение с монархистами, национал-патриотами, охотнорядцами и прочими бывшими «заклятыми друзьями»³ просто непристойно. В борьбе красных и белых погублены миллионы, а теперь трогательный союз на основе общей ненависти к демократии.

О победе партии Бразаускаса. Вижу здесь положительный смысл. На этом этапе реформ неизбежно движение к центру, к практическим делам. Если же говорить конкретно о Прибалтике, то, думаю, возвращение Бразаускаса, возможно, отрезвит те ультранационалистические круги, которые встали на путь разрушения отношений с Россией, на путь дискриминации некоренного населения этих республик. И тем самым на путь, который противоречит долговременным интересам независимых государств Прибалтики.

— *Ваша политическая карьера тесно переплетена с судьбой М.С. Горбачева — и в годы пребывания его у руля бывшего СССР, и сейчас. Многие люди отдавали Вам роль своего рода «серого кардинала» при генсеке. Возможно, термин не самый удачный, но все же хотелось бы знать: в какой мере Ваша позиция определяла позицию «первого человека», насколько сильно было Ваше влияние, прежде всего интеллектуальное, на политику, которую он проводил?*

— Мне всегда сложно говорить о М.С. Горбачеве. Уже приходилось подчеркивать — с его именем связана крупнейшая страница в истории. Не могу за собой признать роль некоего «серого кардинала», ибо одной из особенностей характера Горбачева было то, что он старался «ладить» со всеми, подвергался влиянию со многих сторон. И тут уже приходилось при постоянных общениях защищать свою позицию. Да, я участвовал в формулирова-

нии многих документов, во встречах на высшем уровне. Мою позицию считали нередко слишком радикальной. Но и сопротивление реформаторскому курсу с каждым днем ожесточалось. Именно это сопротивление и тормозило реформы, делало их половинчатыми, зигзагообразными.

Личные отношения с М.С. Горбачевым всегда были хорошими. Мы часто спорили, но считали это нормой отношений. Нормой человеческой и политической. Но постепенно, как мне кажется, главари ВПК, включая КГБ, может быть, особенно КГБ, увидели реальную угрозу в моих позициях и начали кампанию оттеснения меня на обочину политической жизни. Я это чувствовал. Это сказывалось и на наших отношениях с Президентом.

До сих пор удручен фактами подслушивания моих телефонных разговоров, не могу понять смысл утайки документов, связанных с секретным протоколом по пакту Риббентропа — Молотова. Я был вынужден доказывать их существование по косвенным признакам и был поставлен в тяжелейшее положение, под новый огонь критики, оскорблений, клеветы. А тем временем подлинники секретных протоколов спокойно лежали в сейфах ЦК, были известны. Нечто подобное произошло и с документами по Катыни⁴. Грустно все это.

— Если «прокрутить» назад пленку событий последних лет, то нельзя не признать, что политический успех Б.Н. Ельцина во многом определялся тем, что он — при любом отношении к нему — человек поступка. В этом он, безусловно, оказался сильнее Горбачева. Как бы Вы расставили акценты, рассматривая соотношение смелости и осторожности в политике, где бы провели грань между решительностью и ответственностью?

— Каждое время выдвигает своих политиков. Думаю, что на первом этапе преобразований необходим был руководитель, способный на компромиссы, на то, чтобы амортизировать ситуации, которые грозили взрывом. Тут, разумеется, очень важно не оказаться жертвой компромиссов, а быть хозяином их. Думаю, что это не всегда удавалось. Но все же подчеркну — в то время никакие реформы не были бы возможны, если бы приобрели форсированный характер. Тетива времени могла лопнуть.

Ну, скажем, разве можно было поставить на повестку дня перестройки вопрос о конфедерации, о фермерстве, о частной собственности, о многопартийности, то есть поставить-то было можно, но подобные предложения надолго бы задержали преобразования страны. Заметим, что и до сих пор вопрос о земле не решен в парламенте России, до сих пор вопрос о частной собственности идет со скрипом.

Б. Ельцин пришел к власти на волне уже других настроений. Большинство граждан России выбрали реформаторский курс. Это было поражение партийно-государственных структур. Но этот этап был подготовлен тем, что у людей стал проходить страх. Страх перед физическим уничтожением, перед моральными преследованиями. Страх перед партией и всем ее репрессивным аппаратом.

Что касается споров о соотношении смелости и осторожности, решительности и ответственности, то они в значительной мере схоластичны. Смелость может быть в известных условиях выражением осторожности. Да порой и для осторожности нужна смелость.

Если же говорить не о политическом или психологическом контексте, в которых действуют те или иные политики, а просто о характерах, то, думаю, Б. Ельцин обладает бойцовскими качествами. Их он проявил и тогда, когда

его травили, преследовали. И тогда, когда он пришел к власти и начал реформы действительно рыночные. Мы видим свистопляску обвинений, нападков, оскорблений. В этой ситуации, конечно, тяжело работать. Не каждый выдержит.

— *Какие чувства Вы испытываете, когда сравниваете то, что вдохновляло Вас в 1985 году⁵ и чего ждали Вы от перестройки, с тем, что получилось в 1992-м?*

— Да, в начале перестройки я был, конечно, романтиком. Хорошо это или плохо, но это так. В то время я верил в реформирование социализма. Мне казалось, что стоит удалить из машины подавления, которая держалась на страхе, славилась волонтаристскими решениями, накопившуюся грязь, почистить, убрать очевидные несуразности, перейти на демократические рельсы, установить парламентскую республику, в которой бы КПСС наряду с другими партиями боролась за власть, добиться права на многообразие хозяйственной деятельности, торжества закона, — и все пойдет хорошо.

В то время я не до конца понимал, что огосударствление, обобществление всего и вся погубило Труд, свободный труд человека, его интерес к труду. Что подавление демократии погубило Закон. Что запрет на свободу творчества, на духовную свободу погубил Мораль. И вот, когда встали все эти вопросы, то есть когда начались реформы, оказалось, что даже самые маленькие из них входят в противоречие с системой. Система насмерть встала на свою защиту. И здесь, конечно, были сделаны просчеты. Может быть, не хватило опыта.

И все же, какие бы мрачные, тягостные мысли ни посещали меня иной раз в ночных раздумьях, я уверен, что, независимо от того, какую оценку происходящему дают многие страдающие сегодня люди, Россия встала на верный путь. И если судьба позволит выкарабкаться из экономической трясины, я думаю, мы будем счастливы. Я верю в это.

— *Было время, лагерь демократов активно пополнялся за счет выходцев из КПСС. С августа прошлого года, когда демократы пришли к власти, мы видим обратное движение: их стан покинуло немало бывших активистов «ДемРоссии», в том числе и тех, которые защищали Белый дом в разгар путча. Вам не кажется необычным этот уход от власти в оппозицию?*

— Полагаю, что в демократическом государстве, вставшем на демократический путь, такие переливы вполне естественны. Здесь надо еще учитывать, кто конкретно уходит в ту или иную сторону, под влиянием каких конкретных обстоятельств, каких особенностей характера, профессиональной деятельности, прошлых наслоений, настроений и т.д.

Среди защитников Белого дома, и это я знаю точно, было немало таких людей, которые вовсе не разделяли все демократические устремления времени, но решительно не хотели возврата к прошлому. И после того, как заговор потерпел поражение, они отошли в сторону. А некоторые из них даже перешли в ранг сомневающихся, сопротивляющихся, недовольных и т.д.

Кроме того, в оппозицию перешли и те, кто участвовал в демократическом движении ради личных интересов, ради обретения власти. Но когда эта власть ушла к другим, им это показалось обидным. Они оказались не у дел. И вот чувство, скажем так, несправедливости и толкает их в оппозицию. Думаю, что здесь есть и просчет политиков, оказавшихся волею судеб у власти. Я считаю нерасчетливым, когда люди, действительно стоящие на позициях борьбы со старым строем, вдруг оказываются не востребованными. Это опасный горючий материал.

— Любой монополизм, включая политический, деструктивен. Вы сами не раз об этом говорили. Правомерно ли отождествлять рост оппозиционных настроений в российском обществе со стремлением определенных сил в нем к политическому реваншу?

— Представим себе, что нынешнее правительство России не подвергается критике, что оно работает в обстановке всеобщего одобрения, всеобщих аплодисментов, расточаемых ему хвалебных эпитетов. Мы быстро выродились бы в квазиобщество, где действуют маски, где люди превращаются в роботов, а народ — в толпу. Живые соки потеряют свою жизнотворящую роль, а общество начнет умертвлять само себя.

Но дело все в том, что оппозиция оппозиции рознь. Я вовсе не утверждаю, что оппозиция должна быть гладенькой, добренькой. Однако считаю, что надо твердо договориться: любые действия любой оппозиции должны быть конституционными, уважительными к конституционной власти, руководствоваться стремлением изменить политику легальным путем, если оппозиция не разделяет ее. А самое главное — действовать через парламенты, через законы.

И вот этого пока нет. Можно оскорбить, наклеить ярлыки, предъявить какие-то несуразные обвинения. Демократия — это прежде всего власть Закона. Тоталитаризм — власть беззакония.

— Пусть споры о путях развития стран и народов решает история. Но люди живут в настоящем. Что мы все-таки строим и должны строить? Видите ли Вы место социалистической идеи в том жизненном укладе, который сейчас у нас в таких муках рождается?

— Сам вопрос о том, что мы строим, в известной мере навеян стереотипами прошлого. Мы уже как-то приучены, что обязательно должны строить — или капитализм, или социализм — без выбора. А я думаю, что сначала мы должны выбраться из экономического кризиса и добиться нормальной работы демократического механизма.

Что мы строим? Да мы строим то, чтобы государство не стояло над человеком в качестве надсмотрщика. А человек стал во главе всего и вся. Если мы не одолеем государство, то никакого демократического общества не будет. У нас до сих пор человек принижен государством — что-то у него всегда просит, унижается перед ним. А государство довольно. Чиновник доволен. И все остается так, как было.

Далее. Надо построить такое общество, чтобы человек мог реализовать себя полностью. Жизнь коротка. Человеку отведено мало времени. И надо дать ему возможность, чтобы заложенный в нем талант, гений, мастер, гуманист был полностью реализован. Общество должно создать условия, чтобы такая самореализация состоялась как можно раньше.

Но все это возможно только в условиях, когда будет править Закон. Пока независимой судебной власти нет. А без нее законодательная и исполнительная власть обречены на волюнтаризм, там всегда есть призывы к тому, чтобы урвать побольше власти, отнять ее друг у друга, учитывая, что судебного арбитра не создано. И все это «геройство» происходит на глазах людей, воспитывая правовой нигилизм, дальше углубляя его.

Не будем спорить, какой строй мы создаем. Пустой это спор. Пустой потому, что и капитализма, о котором писал Маркс, давным-давно нет. А социализм пока что никому не удалось построить. Мы не знаем, что это такое. Так не лучше ли заняться устройством нормальной, счастливой и земной жизни?

— *В своих философских и политических воззрениях на развитие мира вообще и России в частности Вы большое место отводите этическому началу. В какой степени морально то, что с нами сегодня происходит? Ведь ломка прежних устоев пошатнула не только экономику, но и разрушительным образом сказывается на духовной и нравственной жизни?*

— Убежден, что главное в облике общества — отношения между людьми, нравственность, совесть. Экономика в конце концов наладится, если люди захотят работать. Будет и жилье, будут и дороги. Все будет, если того захочет человек. Но вопрос морали, совести, человеческих отношений — вопрос более сложный.

Я не разделяю точку зрения, что именно в последние несколько лет разрушена духовная и нравственная жизнь. Так не бывает. Духовность, нравственность складываются десятилетиями, столетиями. Как это может быть? Человек был нравственным — и вдруг за год, за два, три стал безнравственным. Бросился в преступность, стал грубым, нетерпимым, озлобленным. Ну не бывает так. А не более ли правильна мысль: годы беззакония, бессмысленных жертв, убийств, двойной морали, лицемерия — все это и воспитало в человеке то, что выплеснулось сегодня наружу, когда колпак страха взорван.

Разумеется, тяготы экономической жизни делают человека злым, неспокойным, неуравновешенным. Он боится за судьбу своих детей. А если к этому добавить, что власть, особенно на местах, отгорожена от народа, боится людей, ибо люди говорят ей все, что думают, то, конечно, ситуация усложняется. Предстоят годы и годы, чтобы в человеческие отношения все больше и больше проникали нравственность, совесть, этика. Но сначала надо создать элементарные экономические и политические условия для того, чтобы слова совести, слова нравственности стали убедительными и воспринимались достойным образом.

— *Ваше отношение к версии о мировом заговоре против России?*

— Вся эта демагогическая чепуха о мировом заговоре служит чисто политическим целям в оголтелой борьбе за власть. Это мировое коммунистическое движение во главе с руководством КПСС ставило целью перманентную мировую революцию. Это похоже на мировой заговор. Он имел и свою доктрину — марксизм-ленинизм. Страна затратила на этот заговор сотни и сотни миллиардов рублей, милитаризовала государство и сознание, а народ остался нищим. Вот это настоящий заговор против собственного народа.

В самом деле, как это можно представить себе, чтобы американцы и бразильцы, французы и японцы, индусы и англичане, немцы и новозеландцы задумали некий мировой заговор и начали его осуществлять против России? Как это вообще возможно? Если мы сами себе не навредим, никто не может навредить нам. Искать врагов, виноватых на стороне — занятие пустое, хотя и очень привычное для правящих элит.

— *Ситуация в стране крайне тревожная, многие эксперты предсказывают обострение ее в связи с продолжающимся спадом производства и ростом цен. Что способно предотвратить социальный взрыв?*

— Ситуация действительно тревожная. Я думаю, в течение ближайшего года она будет оставаться такой. Хватит терпения — вырвемся на простор народной инициативы. Не хватит — значит, придется возвращаться назад. Снова в казармы. А потом будем жалеть, как же мы снова промахнулись, и не первый раз...

Конечно, надо многое сейчас поправлять. Я, например, не понимаю упрямства номенклатуры в отношении частной собственности на землю. Это основа всех реформ. Без нее никакие реформы не будут действенными. Пока человек не собственник — он не свободен. Ему нечего защищать. Ему и будуще-то безразлично. Вот он и живет — то ли теплится, то ли мерцает, то ли горит, то ли пропадает во мгле. Да и не живет он, ибо у него нет своего интереса, интересов своих детей, внуков. А значит, и интересов общества.

Не понимаю также, почему так запутанна, сложна налоговая система. Ведь рост производства, рост инициативы возможны только при низких налогах. Но наша налоговая система пока что душит людей, ее боятся, от нее прячутся, стремятся обмануть. Налог должен быть простым, ясным. А главное — стимулирующим производство, труд, заработок.

Я, например, не очень понимаю, почему нельзя освободить от налогов по крайней мере две сферы — инвестиции в инфраструктуру сельского хозяйства и инвестиции в новые технологии. Произойдет переливание капитала на основе интересов. И мы получим искомое.

Трудно понять, почему власть так терпимо относится к произволу чиновничества. Оно разбушевало, взбесилось, издевается над людьми. Я несколько раз слышал от чиновников: «Ну что, дождались вашей демократии? Вот и получайте!» Он, бедняжка, так и ждет возвращения к старому. Чиновники без взятки ничего не хотят делать.

Думаю, нам нужны независимые банки, в которые человек мог бы вкладывать свои сбережения по международным правилам. Вот человек и начнет верить банку, независимо от того, швейцарский он или московский. Вот тогда доллары, которые зарабатывают предприятия, потекут не на Запад, а останутся в стране. Долларовое бегство может быть приостановлено только одним — интересом человека.

Или, скажем, такой вопрос: парламент не дает землю в частную собственность. Ну а почему бы, к примеру, в Нечерноземье не нарезать 100 тысяч участков и не предложить все участки бесплатно увольняющимся офицерам и прапорщикам, выдав им определенные субсидии на обустройство? Тогда ни один парламент не встанет поперек этой идеи. Мы получим заинтересованных людей, огромный народнохозяйственный эффект.

Да мало ли еще о чем можно сказать. Не обязательно очень мудро — все это лежит на поверхности.

Но главное, что способно предотвратить социальный взрыв, — это последовательное и неуклонное проведение экономической реформы и политических преобразований. Мы еще во многом живем в старом большевистском мире. И методы наши большевистские, и сознание еще там, в прошлом. Ни в коем случае нельзя откатываться назад, делать послабления.

В области политических преобразований необходимо объединение всех реформаторских сил. Надо кончать счеты, взаимные упреки. Я думаю также, что необходимо создать некое подобие сената, или Государственной думы, или Государственного собрания, члены которого бы назначались Президентом. Сюда могли бы входить представители всех политических течений, кроме, естественно, исповедующих насилие. Это должен быть коалиционный орган. Он необходим на переходный период. Туда бы входили люди, которые пользуются доверием общества или его отдельных слоев, которые, как говорят, имеют свой электорат (круг избирателей, единомышленников. — *Ред.*).

— *Возможно ли введение в стране чрезвычайного положения, кто в этом может быть заинтересован?*

— Не думаю, что чрезвычайное положение улучшит ситуацию. Нет. Оно ухудшит ее. Усилит настроения разочарования. Да и не решит ни одного вопроса.

В то же время надо принять самые жесткие экономические меры на производстве. Не будет товаров — не будет рынка. И сколько бы мы ни упражнялись в монетарной системе, ничего не выйдет. Пока не будет товаров, пока не будет их конкуренции — не будет нормальной экономики.

Второе. Надо ввести систему на основе закона, исключающую необоснованное повышение цен. Ни в одном государстве производитель не может повысить цену с потолка. Он ее должен обосновать. А сейчас у нас повышение цен по хотению. Мало кто заботится о снижении себестоимости, сокращении затрат труда, об организации производства, — мы об этом уже забыли. Если так без конца повышать цены, ничего пугного с экономикой не сделать. Вот повысили цену на хлеб — говорят, новая мука дорогая. Но правительство Москвы заверяло, что муки из старого запаса до нового года хватит...

Просто так ввести чрезвычайное положение опасно, ибо все имеет свою логику в политике — кому-то это может понравиться, кому-то — нет, кто-то захочет потом оттянуть выборы, ну и так далее. Да и о каком введении чрезвычайного положения может идти речь, если оно существует вот уже более 70 лет. Надо постепенно отменять его, а не вводить.

— *Конечно, крайне неблагоприятное дело — давать какие-либо прогнозы для нестабильного общества. И все же: какие сценарии развития событий в России наиболее вероятны в ближайшие месяцы?*

— Прошлое уходит, оставляя после себя выжженную экологическими и технологическими бедствиями землю, выжженную бесхозяйственностью и милитаризацией экономику, выжженные коррупцией и жадой власти национальные отношения, выжженные цинизмом, безразличием и аморальным образом жизни души людей. Выжить на этом пепелище нелегко, ибо прощание со сталинизмом — апогеем большевизма — слишком затянулось.

При всех благотворных переменах последнего семилетия все же нельзя обманывать себя: подлинной и прочной демократии пока не состоялось. Драма нашего развития в эти годы — дай-то Бог, если она не обернется трагедией, — в том, что политическая демократия пока не имеет опоры в главном — в экономических свободах: в сфере собственности, предпринимательства и торговли.

Вот почему у демократии нет пока прочной социальной базы. Ее сторонники разбросаны по разным силам и движениям, по национальным квартирам. Вот почему экономика захлебывается в трудностях, мечется между полуадминистративными и полуэкономическими решениями. Вот почему интересы человека с его болями, нуждами и надеждами остаются в стороне. Страна измучена, народ устал.

На этой почве вновь оживает правая опасность. Бурьян разнолик. И почва удобрена. Силы реакции уже сегодня, как застоявшиеся лошади, ржут и притопывают в лихорадочном нетерпении. И пусть не обманывают нас клоунады с переодеваниями.

Конечно же, наша демократия еще молода и, хочется сказать, еще недостаточно разумна. Она порой падка к неолевостовским методам. К ней прилипают разного рода суетливые попутчики, которые исповедуют только

личные интересы. Нередко торжествуют амбиции и властолюбие. Быстро приспособливается бюрократия, ничуть не меняя своего облика. И многое другое, до боли знакомое.

В этих условиях демократический выбор для нас — не блажь и не роскошь. Радикальная реформация общества императивна, неизбежна.

Если смотреть на вещи трезво, то надо сказать: сегодня демократия находится в положении Наполеона, сумевшего занять Москву и обустроиться в Кремле, но не знающего или смутно представляющего себе, что ему делать дальше с этой победой. И не надо на этот счет обманываться, давать увлечь себя новыми мифами. Не надо — чтобы не пришлось пережить потом новые разочарования и новые мерзости.

№ 11

КРЕСЛОЛОГИЯ КАК НАУКА

Невское время, 28 января 1993 г. Беседу вел М. Шабалин.

— *Александр Николаевич, сегодня только ленивый не говорит о противостоянии исполнительной и законодательной властей России. Как долго это будет продолжаться, и чем чревато такое противоборство?*

— Опасность этого конфликта, на мой взгляд, следующая.

Пусть бы себе спорили и ругались, но ведь из-за этих споров важные практические вопросы — экономические, социальные — не решаются. Начиная с вопроса о земле и заканчивая проблемой банкротства предприятий (а без этого мы никогда не выберемся из бюджетного кризиса). Свара, возня на вершине властной пирамиды — сигнал для властных структур другого уровня. Между райсоветами и районными администрациями возникают те же самые споры и дискуссии: кто главнее... Все это от слабости. Когда обе власти сильны, они не будут спорить между собой, кто главный. Слабость законодателей приводит к тому, что нет необходимой законодательной базы реформ, а исполнительная власть не может добиться исполнения даже существующих законов. Я подозреваю, что причина медлительности законодателей — в их боязни расстаться со своими креслами. Они держатся за них мертвой хваткой. Креслология — это теперь целая наука...

— *Каковы, на Ваш взгляд, шансы у апрельского референдума¹?*

— Если на референдум будет вынесен вопрос о частной собственности на землю и второй вопрос — о том, кому вы доверяете принятие Конституции, я думаю, люди придут голосовать. Если же вопроса о земле не будет, боюсь, что референдум не состоится.

— *Как Вы относитесь к идее созыва Учредительного собрания?²*

— На первом съезде ДДР³ я поддерживал идею Учредительного собрания, но сейчас я считаю, что нужно не учредительное, а конституционное собрание. Власти у нас уже есть, учреждать, собственно говоря, нечего, зато нужно оградить Конституцию от бесконечных поправок, которые вносят в нее те или иные парламентские фракции. Вспомните, что творилось на VII съезде⁴, когда принимались поправки, противоречащие ранее принятым законам! Представьте, что на новых выборах победит какая-нибудь очередная партия — она, естественно, будет менять Конституцию под себя и для себя.

— Вас не пугают последние заявления членов правительства о том, что страна на пороге гиперинфляции и экономической катастрофы?

— Я вообще не сторонник столь категорических высказываний. Включаешь телевизор и слышишь: «Мы у края пропасти». Включаешь радио: «Мы на пороге катастрофы». Да, тяжело. А чего мы ожидали, выпрыгивая из одной системы в другую? Еще слава Богу, что это было мирное выпрыгивание, без гражданской войны. Так что я не смотрю на вещи столь мрачно. Мне как гражданину неприятно, когда меня пытаются убедить, что я идиот, что в стране живут идиоты и такие же идиоты нами управляют, что мы сами копаем себе яму и только того и ждем, чтобы в нее свалиться. Коли уж взялись за великое историческое дело, так давайте доведем его до конца без истерики.

№ 12

ПОРА И ВЛАСТЬ УПОТРЕБИТЬ

Труд, 23 февраля 1993 г. Беседу вел В. Сиснёв.

В специальном представлении Александр Николаевич Яковлев, «либеральный член Политбюро», ненавидимый «истинными коммунистами» и их союзниками, активный участник августовских событий 1991 года, не нуждается. Поэтому скажу только, что в США он находится по приглашению трех крупных университетов¹, и сразу перейду к беседе с ним.

— Простите, Александр Николаевич, но начать придется с малопривлекательной для Вас темы — с сенсации, которую произвело интервью бывшего шефа КГБ², ныне подсудимого Крючкова, утверждающего, что Вы еще со времен стажировки в Колумбийском университете³ работаете на ЦРУ и что он докладывал об этом в свое время Горбачеву, но генсек тогда отмахнулся. У Вас есть что сказать по этому поводу?

— Вся статья — нанизывание одной лжи на другую, в обычном стиле ведомства, которое возглавлял автор. Не знаю, как они работают сейчас, а в прошлом это был нормальный стиль. Я таких доносов начитался вдосталь, особенно что касалось интеллигенции. Хотел бы сразу сказать, что не хочу вступать в полемику, потому что не вижу фактов, вокруг которых она была бы уместна, вижу только фальсификацию. Впрочем, есть и отдельные вкрапления истины. Я действительно критиковал и Крючкова, и вообще КГБ. Думаю, что настоящее расследование, куда эта служба тратила деньги, еще впереди, народ за это еще спросит. Прав он и насчет «грязного белья» в гебистских досье, этого добра они запасли фактически на весь советский народ. Мы ведь помним горы трупов, которые были результатом этой системы, я бы сказал, ударной, эсэсовской частью системы.

Верно и то, что я критиковал государственный строй и деятельность партийной верхушки, переродившейся в нечто чудовищное. Хотя тогда я, честно признаться, еще питал надежду, что партия может возродиться, говорил об этом на XXVIII съезде⁴. Недавно меня приглашали в прокуратуру, чтобы ознакомиться с записями моих телефонных разговоров, сделанных КГБ, и спросить, замечал ли я слежку, за мной установленную. Имеется в виду не «застойный период», а перестроечный, когда КГБ вроде бы тоже «демократизировался». Прокуратура, насколько я знаю, намерена возбудить дело против Крючкова — я ведь был как-никак депутатом. Слежка для меня не была секретом, но я просто не обращал внимания. А зря, нельзя прощать и,

значит, поощрять такие вещи, личная терпимость тут оборачивается общественным злом. Пусть помнит об этом нынешнее поколение политических деятелей демократического направления. Такого рода «покладистость» дает врагам демократии возможность все больше и больше наблеть.

Ну ладно, вернемся к записям моих разговоров. Показали мне, кроме них, две гебистские докладные записки: Яковлев, мол, тесно связан с демократическими кругами, он — за реформу партии, за рыночную экономику, за многопартийность и свободу слова. Точно записали, это ведь я выговаривался с друзьями, с единомышленниками. И как бы ни складывались нынче дела в нашем обществе, я продолжаю стоять на тех же позициях. Суть в ином: доносы эти симптоматичны в том смысле, что свидетельствуют — с самого начала верхушка КГБ объявила войну перестройке и всем прогрессивным преобразованиям.

Я каюсь перед своими соотечественниками и приношу им извинения, ибо имел отношение к назначению Крючкова председателем КГБ⁵. Скажу откровенно: меня тогда поразило, что руководитель внешней разведки, заместитель председателя КГБ так радикально судит о нашей действительности, — гораздо радикальнее, чем я сам судил в то время. Он выступал против засилья КГБ, поносил тогдашнего председателя Чебрикова, его заместителя Бобкова, возмущался тем, что они следят за советской интеллигенцией, нарушают тем самым свободу слова, заявлял, что КГБ пора кардинально реформировать. И прочее, и прочее... Теперь-то ясно, зачем он это делал: подсиживал Чебрикова, чтобы поскорее занять его пост. А как только занял, сразу изменил тон: стал искать врагов, «агентов влияния», заговорил опять языком «холодной войны». Достаточно вспомнить его выступления перед депутатами. Молодец, артист, я просто восхищен таким талантливым лицедейством — всех обманул. И сейчас ведь продолжает показывать эти милые артистические данные. С какой ненавистью высказывается о Горбачеве. А ведь я не помню, чтобы кто-то еще так подхалимничал перед Горбачевым. Да и передо мной тоже.

И нельзя же до такой степени терять чувство меры. Вот он будто бы по поручению Горбачева беседовал со мной о моем нехорошем поведении. Ну ведь бессовестное вранье же. Не было поручения, не было беседы. И кто это может себе представить, чтобы председатель КГБ вызывал для такого собеседования члена Политбюро! О чем — о том, что, мол, нехорошо шпионить в пользу империалистов. Нет, это мне очень нравится. Шедевр филерского фольклора. Перед отъездом сюда я говорил с Горбачевым, он подтвердил, что никаких докладов по этому поводу от Крючкова не слышал. Думаю, он сам выскажется на эту тему, ему это сподручнее.

На что я лично хотел бы обратить внимание — на должностное преступление председателя КГБ Крючкова. Куда это годится — с 1960 года они знают, что я служу ЦРУ, и все это время закрывали глаза. Безобразия! Более того, не опротестовали назначение Яковлева послом в Канаду — а уж что удобнее для распродажи государственных секретов, послы ведь в курсе всего происходящего. И когда в Политбюро выбирали, тоже промолчал товарищ председатель. Раз так, я сам проявлю бдительность: буду категорически настаивать, чтобы все эти «агентурные данные» были проверены и «заслуживающие доверия источники», цитируемые Крючковым, были названы. Именно названы — народ должен знать своих «героев».

Теперь несколько слов насчет утверждения, будто бы я плохо отзывался об Азербайджане и чуть ли не натравливал армян на азербайджанцев. Ложь

от начала до конца. Ложь и попытка переложить свою вину на чужие плечи. Мне известно, что Крючков приложил руку к кровавой драме в Сумгаите — с тем, чтобы испытать тогда Горбачева «на твердость». На его руках кровь, пролитая в Вильнюсе, Риге⁶. Страшную роль он играл в афганских событиях⁷, до самого конца считал, что наши войска оттуда выводить нельзя. Большинство тамошних руководителей были его ставленниками, и он был как бы связным между ними и советским руководством. Однажды даже привез мне в подарок афганскую военную форму.

— *Какие же практические шаги Вы собираетесь предпринять для защиты от клеветы?*

— Во-первых, обращаюсь к президенту Ельцину с просьбой дать поручение о расследовании этого дела. И чтобы общественности «не пудрили мозги»: источники раскрыть нельзя, это нанесет ущерб государственной безопасности... Буду настаивать, чтобы все — прав я или виноват — было предано гласности. А вообще-то, слушайте, что это за источники такие были у КГБ? Пишет, что струсил я, дескать, появиться на митинге у Моссовета 19 августа, трус я, спрятался. Позвольте, ведь я не только на митинге выступал, а там послов принимал в тот день, Мейджору оттуда звонил, обращение к народу там написал. А Крючков явно не знает, что я и на митинге рядом с его конторой у бывшего памятника Дзержинскому речь держал⁸. Ну жаль, что поздновато, а то надо бы поставить вопрос о служебном несоответствии председателя, пользующегося такими «источниками».

— *На этой ноте «крючковскую» тему и закончим?*

— Нет, закончить я хочу на серьезной ноте. Чем он меня задел, это ложью о моем отношении к Отечественной войне: сам, мол, фронтовик, а видите, что говорил... С ним мы сочтемся, а все нормальные люди пусть знают: Отечественная война для меня — святое. Я сам, как говорится, горло перегрызу любому, кто захочет бросить тень на память миллионов погибших.

— *Как Вы оцениваете тот факт, что, вопреки заявлению министра юстиции о незаконности «реанимационного» съезда РКП, он все-таки состоялся⁹? Есть ли, по-вашему, у Зюганова, Куцова и их сторонников шанс снова стать «руководящей и направляющей силой нашего общества»?*

— Думаю, что нет. Хотя они утверждают, что численность партии уже достигла полумиллиона, думаю, что народ за ними не пойдет. Не думаю, что это серьезная заявка на власть, но это серьезная заявка на дестабилизацию в обществе, на то, чтобы расчистить путь гражданской войне. Это еще больше усилит конфронтацию, злобу, нетерпимость. Большевики же занимались этим 75 годочков. Наша идеология была не марксизм-ленинизм, наша настоящая идеология была — нетерпимость. Тотальная слежка, культивирование доноительства, безоговорочное подчинение только одной «генеральной линии» во всех областях общественной жизни — это и есть государственная идеология нетерпимости.

— *Александр Николаевич, считаете ли Вы с высоты своего опыта, что происходящее сейчас у нас в стране — не просто противостояние исполнительной и законодательной власти, а попытка реванша всех реакционных элементов, сплотившихся под флагом «парламентаризма» и даже «истинной демократии»? За нее, за «истинную», ратует ведь и Зюганов...*

— А как же, конечно, они теперь все выговаривают, как свое, слово «демократия». И одновременно твердят, что демократия, демократы виноваты во всем. Двоедушие, двоемыслие всегда были качеством нашего партийного

бытия. Но, я думаю, сейчас происходит весьма опасный процесс. Опасный не потому, что большевики объединяются с монархистами, хотя выглядит это странновато: пролили в Гражданскую войну моря крови, уничтожили миллионы людей из-за взаимной ненависти, а теперь такая трогательная любовь. Опасность в том, что они, а также национал-социалисты и черт знает кто еще — все сплотились воедино¹⁰, нашли общего врага. Какого же? Да вот ту самую демократию. Вы посмотрите, какая идет спекуляция на ошибках, допущенных в социальной сфере. Я тоже вслух говорил и могу повторить, что политику «шоковой терапии» в этой области нужно было просчитать с большей тщательностью, лучше ее подготовить. Но говорить о том, что сами эти реформы полностью провалились, я бы не торопился.

Антидемократический фронт крепнет, наглет, имеет свои органы печати, в которых допускается все что угодно — оскорбления, унижения, травля людей. И меня просто поражает терпимость государственных властей. Почему такая беспомощность — непонятно. Президента требуют — «На рельсы!», распространяют о нем гнусные байки вроде той, что Лимонов изложил в «Дне»: мол, когда Ельцин находился с официальным визитом в Париже, к нему в гостиницу приводили девок с улицы. Это только один образчик, не хочется копаться во всей этой пакости. И ничего, никакой реакции. Полная безнаказанность. Свобода печати используется врагами этой свободы на полную мощь для клеветы. Более того, некоторые из этих органов получают государственные субсидии, чтобы им было выгоднее лить помой.

Вам, наверное, лучше меня известно, что, скажем, корреспонденты «Правды» за рубежом чувствуют себя лучше всех, тогда как другие журналисты не могут быть уверены за свой завтрашний день. Я, и не только я, много раз говорил: ведь есть соответствующие финансовые органы, ну проверьте, откуда берутся у подобных «оппозиционных» рупоров деньги, валюта. Допустим, от военно-промышленного комплекса. Значит, что же, ВПК не тратит деньги на жилье для офицеров, а тратит их на поддержку «Советской России», «Дня», «Правды»? Вопрос резонный? Мне кажется, вполне. На Конгрессе интеллигенции я выступать не собирался, но потом все-таки произнес полутораминутный спич. О том, как мой дед-крестьянин однажды зимней ночью в период волчьих свадеб, когда они становятся особенно злыми, ехал на санях. И вот за ним, он рассказывал, увязалась волчья стая. Он им сначала шапку бросил как отступное, потом кожух, потом рукавицы, потом валенки — и приехал домой в исподнем. У нас нынче тоже происходит своего рода «волчья свадьба», и как бы нашей демократии тоже не остаться в одном исподнем¹¹.

Объективно говоря, происходит действительно самый настоящий реванш. Реакция, потерпев поражение в августе 1991 года¹², изменила тактику и ведет наступление по двум направлениям. Во-первых, хотят опять сделать структуру Советов однопартийной, восстановить тем самым монопольную власть. Это та же самая власть партии, только в виде Советов. Меняется форма, остается содержание. А вместо Политбюро — Президиум Верховного Совета. Второе направление — через чиновничество. Оно совсем озверело. Если раньше его все же как-то контролировали парторганы, то сейчас оно полностью бесконтрольно и всевластно. А настоящие судебные органы не создаются, что, по-моему, устраивает и законодательную, и исполнительную власть на местах. Мне пишут и рассказывают, что люди приходят к чиновнику, а тот говорит: «Вы хотели демократии — вот вам демократия. Пшел вон!» Именно так — чиновническое озверение.

— Видите ли Вы возможность выйти из нынешнего кризиса без всенародно-го референдума?

— Если имеется в виду новая Конституция, то нужен не референдум, а конституционная ассамблея. Выходить на референдум с вопросами, как следует сформулировать такую-то статью Конституции и не нужно ли изменить то-то или оставить то-то, — это, извините, ахинея. Иное дело, если вопрос стоит о земле, о форме власти. А вообще говоря, я вижу в референдуме определенную опасность. Пока не сложились политикообразующие факторы, которые позволяли бы людям точно решать, какая власть лучше — парламентская или президентская. Ведь смотря какая парламентская и какая президентская. Сейчас я вроде проголосовал бы за президентскую, но придет время, когда выборы будут проходить на основе партийных списков и образуется нормальная ситуация, когда правительство будет формироваться победившей партией. Не созрели мы до этого.

— Руководители «Демократической России», как Вы знаете, настаивают на, так сказать, — «декоммунизации»¹³ — на лишении права бывших партработников, начиная с райкомовского уровня, занимать государственные должности. Как Вы к этому относитесь?

— Этого я не поддерживаю, это опять углублять раскол в обществе. Мне прекрасно известно, что многие «бывшие» быстренько «перестроились», то есть перекарасились, оставшись по сути теми же самими, и находясь в госаппарате читают не что-то иное, а «Правду». Но нельзя всех стричь под одну гребенку. Мне известно и множество людей, которые с облегчением сбросили с себя партийный мундир и честно служат новой России.

— Насколько глубоко, по Вашему мнению, начатые реформы успели проникнуть в толщу российской жизни? Можно ли их повернуть вспять? Возможен ли у нас свой термидор того типа, что мог произойти в августе девяносто первого, но, к счастью, не произошел? Что Вы думаете о неутрахающих толках насчет возможной гражданской войны и возвращении к «старым добрым временам»?

— Если не будет пресечена антигосударственная, антиконституционная деятельность сил реваншизма, которые подняли головы и толкают народ к гражданской войне, не исключен трагический поворот событий. Реальных социально-экономических оснований при всех трудностях сегодняшнего дня для возврата к прошлому нет. Уверен, лишь ничтожное меньшинство людей хочет этого. Но если реваншистам удастся то, чем они занимаются с утра до вечера, то есть возбудить ненависть к власти, к государству, можно ожидать всякого. Может быть, в локальном варианте. Я не имею в виду армию, не думаю, что ее удастся втянуть в авантюру.

Основная же мысль моя сводится все к тому же: власть должна быть властью, а не киселем. Разумеется, я всегда буду настаивать, что все должно делаться в пределах закона. В законе ведь все есть, что нужно для пресечения антигосударственной деятельности. Призывы к насильственному свержению власти — разве это не наказуемо? И что же? Куда ни глянешь — импотенция власти. Так нельзя, так мы сами себе петлю помогаем вязать.

— Каким же Вы видите наше будущее — ближайшее и более отдаленное?

— Я не сторонник катастрофического мышления. Несмотря на тревожные симптомы, я все-таки не думаю, что народ пойдет за неокommунистами или другими проповедниками реванша. Да и за кем идти-то? Вы посмотрите, что за лидеры, что за программы... Весь их расчет: используя бедственное положение значительной части народа, порожденные им недовольство,

злость, подтолкнуть его к тому самому бунту — «бессмысленному и беспощадному». Ничего из этого не выйдет, если мы очнемся от спячки и заставим закон работать. Это относится ко всем — от президента до прокуратуры и судов. Президент должен действовать в этой обстановке более решительно — в пределах своих полномочий, конечно, но помня о своей ответственности перед обществом за его стабильность и безопасность.

КСТАТИ.

В адрес главного редактора газеты «Правда» пришло письмо от Александра Николаевича Яковлева.

«Я решительно поддерживаю, — говорится в нем, — требование, содержащееся в групповом письме относительно расследования обвинений, выдвинутых бывшим председателем КГБ Крючковым в мой адрес».

Коллективное письмо, о котором упоминает Александр Яковлев, было подписано Сажи Умалатовой, Альбертом Макашовым, Юрием Голиком и другими и опубликовано в «Правде» 17 февраля.

«Хотел бы надеяться, — пишет Александр Яковлев, — что данное требование продиктовано желанием знать факты, а не болезненные фантазии».

№ 13

КАК Я БЫЛ АМЕРИКАНСКИМ ШПИОНОМ

Литературная газета, 24 февраля 1993 г. Беседу вел Э. Чепоров.

13 февраля газета «Советская Россия» опубликовала отрывок из книги бывшего председателя КГБ СССР Владимира Крючкова¹. Посвящен он Александру Николаевичу Яковлеву, бывшему члену Политбюро ЦК КПСС, бывшему советнику Президента СССР М.С. Горбачева, а ныне председателю государственной комиссии по реабилитации². В. Крючков, ссылаясь на, как он пишет, «полученные неофициальным путем — по каналам КГБ — сведения», обвиняет А. Яковлева в многолетнем шпионаже в пользу Соединенных Штатов Америки. Прокомментировать эти обвинения наш нью-йоркский корреспондент попросил А. ЯКОВЛЕВА, находящегося сейчас в поездке по Америке³.

— Если исходить из логики В. Крючкова, то не исключено, что Вы в очередной раз приехали в США за получением заданий от американских спецслужб...

— «По Крючкову», все уезжающие за границу — потенциальные шпионы. На подобной посылке десятилетиями строилась деятельность этой организации. Сейчас я в США по приглашению нескольких университетов, а также Гуверовского института. Я участвую в научных конференциях, где обсуждаются проблемы отношений между Востоком и Западом, Севером и Югом, вопросы американской внешней политики в новых условиях, отношения с Россией.

— В «Советской России» говорится, что существовали сведения о Ваших связях со спецслужбами США. Доказательства на сей счет, однако, не приводятся из-за нежелания автора «раскрывать важные источники и даже поставить под удар живых людей». Несмотря на это, В. Крючков предлагает читателю поистине взрывоопасную информацию. Чем, на Ваш взгляд, продиктована такая решимость?

— Крючков всегда был мастером провокаций. Видимо, и он, и его соратники избрали накануне суда над ними нападение как лучшую форму защи-

ты⁴. Они знают, что им придется отвечать за участие в августовском заговоре⁵. Путч поставил страну в тяжелейшее положение, фактически привел к ее развалу, ко многим нынешним трудностям. Нарушен был эволюционный процесс развития реформ. Что же касается «источников» информации, то пусть мой бдительный оппонент объяснит, почему он задумался об «угрозе Яковлева» только в 89—90-м годах, если «сигналы» на меня, как признается, шли еще с 60-х. Сейчас В. Крючков делает ужимки — мол, не хочу подводить информаторов. На меня, значит, можно натравить общественное мнение, а своих доносчиков он вправе вообще вывести из игры.

— *Ваш оппонент говорит о «недопустимых с точки зрения безопасности государства контактах А. Яковлева с представителями иностранной державы». Как выглядит такая претензия с точки зрения посла — Вы долгие годы занимали этот пост в Канаде⁶, — с точки зрения деятеля, активно участвующего в политическом процессе?*

— Раньше, как известно, любой контакт с иностранцем должен был фиксироваться, и надо было спрашивать на него разрешение у резидента КГБ, если дело происходило за рубежом. Надо было потом докладывать о результатах этих контактов работникам КГБ. Видимо, В. Крючков еще живет в той золотой поре. Кстати, меня упрекали еще в Канаде, что я не советовался, с кем мне встречаться и о чем говорить. Помню, когда поступило указание из Москвы, что каждый работник должен заносить в особую тетрадку в посольстве все сведения о своих встречах, все факты, которые могут быть интересны спецслужбам, давать «психологическую характеристику» тем, с кем встречался, у меня произошел скандал с этими службами. Я сказал дипломатам, чтобы они эту инструкцию не выполняли.

Объективно ситуация для каждого человека, независимо от ранга, была совсем не простой, поскольку КГБ был государством в государстве и делал что хотел — мог написать о вас что угодно, и вы не в состоянии были это проверить. Все зависело от того, в каких отношениях вы были с доносчиком: невзлюбил — запачкает, возлюбил — оставит в покое. Это вопрос власти. Они ведь заставляли людей вилить перед ними хвостом. Я помню случай, когда пришел из Москвы приказ — выслать одного сотрудника в 24 часа. Оказалось, что он «осуждал» одно из восточноевропейских правительств, говорил о его ошибках. Я отказался его выслать. А потом выяснилось, что этот бедолага просто пересказал статью из советской прессы, а доносчик ее не читал и немедленно «простучал» в Москву. Это очень существенный вопрос — о так называемых недопустимых контактах. Из-за них стали невыездными многие тысячи людей. Не потому, что говорили с иностранцами «не то», а потому, что не доложили работнику разведки. Поганая была система — одни в посольстве имели статус непогрешимых, были «верны партии и родине», других же подозревали в желании не то сбежать, не то продать информацию. А сбегали-то чаще всего и информацией торговали именно «непогрешимые».

— *По версии В. Крючкова, М. Горбачев, получив от него информацию о сомнительности Вашего поведения, об интересе спецслужб США к А. Яковлеву, «покрыл» Вас, спас от возможного разоблачения. Какова Ваша версия этих событий?*

— Никаких разговоров на эту тему с М. Горбачевым у меня тогда не было. Уверен, что он никогда не вел подобных бесед и с В. Крючковым. Если бы председатель КГБ действительно доложил о своих подозрениях относительно меня, то реакция М. Горбачева была бы однозначной — конечно,

расследовать. Приобрети это дело официальный характер, и я бы немедленно подал в отставку, потребовав судебного разбирательства. Уже после публикации в «Советской России» я беседовал с М. Горбачевым, и он категорически отверг, что В. Крючков сообщал ему порочащую меня информацию. Ну а то, что по поручению М. Горбачева шеф КГБ разговаривал со мной на ту же тему, — это вообще смехотворно. Он рисует впечатляющую картину: Яковлев, мол, «тяжело вздыхал», не знал, что отвечать. Но такой ситуации, такого разговора не то что не было, а и быть не могло. Стоит только представить себе картину — председатель ГБ беседует с членом Политбюро, секретарем ЦК, обвиняя его в шпионаже. Такой утраты чувства юмора я даже от В. Крюčkова не ожидал.

— *Крючков видит в Вас «злого гения», «роковую фигуру нашей истории». Вас такая оценка удивляет?*

— Ни в коей мере. На протяжении [многих] лет я был любимой мишенью подобных деятелей. На пленумах ЦК, на пленумах республиканских компартий меня обвиняли в развале партии, Союза, социалистической системы, коммунистического движения. Отдел парторганов ЦК давал указания, какие в отношении меня принимать резолюции. Я располагаю интересными письмами, адресованными в ЦК от местных ревизионных комиссий в связи с исключением меня из партии. Все они из разных мест, но их тексты абсолютно одинаковы. Практика тут проглядывала простая: критикуя меня, критиковали М. Горбачева. С точки зрения широкого понимания преобразований, у нас с М. Горбачевым позиции были одинаковые. И когда сейчас В. Крючков, спекулируя на настроениях, мягко говоря, не очень прогорбачевских, утверждает, что я настойчиво продвигал М. Горбачева к власти, — это правда. Я считал и теперь считаю, что в то время, в тех условиях он был оптимальной фигурой для руководства страной, для реформ.

— *А какова в ту пору была позиция Крюčkова?*

— Большого подхалима, чем В. Крючков, и по отношению к М. Горбачеву, и по отношению ко мне, не существовало. Для сравнения: у нас были и остались серьезные разногласия с Е. Лигачевым, но чтобы тот позволил себе подхалимничать перед кем-либо — ничего подобного никогда не было. А В. Крючков унижался.

Кстати говоря, я не могу простить себе того, что приложил руку к назначению его на пост председателя КГБ. Когда В. Крючков был начальником внешней разведки, нам приходилось встречаться — он говорит неправду, что мы впервые встретились в 83-м году, это произошло значительно раньше⁷. Тогда В. Крючков подавал себя как радикального реформатора, критиковал колхозно-совхозную систему, безжалостно ругал Чебрикова, Бобкова, других руководителей КГБ, говорил, что органы тратят огромные деньги, но действительной защитой государства не занимаются. И сумел обмануть. У меня создалось впечатление, что этот человек способен повернуть деятельность огромной машины КГБ на пользу делу. Но как только он стал председателем, ему как будто язык поменяли — старый выбросили, а новый пришили. Стал вешать об «агентах влияния», об угрозе империализма и прочие вещи в духе «холодной войны».

— *В. Крючков пишет, что не слышал от Вас «ни одного доброго слова о русском народе»...*

— Любопытная это была бы сцена — секретарь ЦК встречается с председателем КГБ и вдруг начинает: «Владимир Александрович, а вы знаете, как

я люблю свою родину, свой народ!» У любого нормального человека должно было бы возникнуть подозрение — чего это он, наверное, нашкодил вчера? Не знаешь даже, что на это ответить. Он патриот на языке. Я не знаю, например, где он был в войну. Зато мне известно, что он организовывал провокации в Сумгаите, в Риге, в Вильнюсе. Известно, что вместе с некоторыми военными он хотел затянуть войну в Афганистане⁸. Такой вот «патриот»...

— *На посторонний взгляд, признаться, несколько комичным выглядит вопрос В. Крючкова: а где А. Яковлев был в дни путча? По его наблюдениям получается, что «архитектор перестройки», как он выразился, проявил себя крайне бледно, защищая демократию...*

— Документально зафиксировано, я и в прокуратуре знакомился с этим, что в те дни за мною было установлено наружное наблюдение, ездили машины КГБ, мои телефоны прослушивались. Как же это ему, председателю, не доложили? Экий непрофессионализм... Я уж не говорю о митинге у Моссовета, куда я якобы не пошел. Но это же «техническими средствами» установлено, что я там был (*смеется*). В. Крючков «не заметил», что я выступал и на митинге на Лубянке. Посещения послов. Листовки, которые я написал⁹. Сведения обо всем этом должны были быть у председателя КГБ. Что бы потом устроить разборку с «предателем». Но с другой стороны, меня радует — раз у них ничего на меня не было, я бы, может, спасся!

Хотя, если серьезно, то вряд ли. Претензии КГБ ко мне копились задолго до путча. Недавно меня в российской прокуратуре познакомили с письмами-доносами в КГБ о моих политических взглядах. В. Крючков пересылал их в ЦК. Обвинял меня в том, что я «сторонник рынка», что считаю «малоэффективной» госсобственность, что «выступаю за многопартийную систему». Не знаю, зачем нужно было доносить об этом в ЦК, я все это говорил публично. Это для характеристики руководства КГБ и в доказательство того, что оно всегда было против преобразований. Неудивительно — для В. Крючкова богом был, предметом поклонения Ю. Андропов, поставивший на поток заполнение инакомыслящими тюремных камер и психушек, высылки из страны.

— *Намерены ли Вы официально отреагировать на публикацию в «Советской России»?*

— Непременно. Хотя не в моих привычках отвечать на всякую клевету и выпады. Сколько я читался гнусеньких статей о себе и никогда, кроме как на статью А. Макашова¹⁰, не отвечал, считал это ниже своего достоинства. Да и другие дела были, поважнее. Мне всегда казалось, что люди сами разберутся, что к чему. Так и происходило. Но я не могу оставить публикацию в «Советской России» без внимания, потому что вижу в ней звено в цепи согласованных акций. Сегодня оболгали меня, завтра примутся за других...

Я уже отправил в «Правду» письмо, в котором поддерживаю напечатанное в ней предложение группы лиц — Т. Авалиани, Ю. Голика, С. Умалатовой и др., — требующих от Б. Ельцина расследования этого дела¹¹. Я намерен обратиться к Президенту России с просьбой довести его до конца. Буду настаивать на том, чтобы разбирательство было публичным, чтобы не было ссылки на то, что нельзя «подвести» стукачей. Думаю, для меня это будет не самая приятная полоса в жизни, но для общества это будет полезно — посмотреть еще раз, какими методами орудуют люди вчерашнего дня.

Мне бы не хотелось, однако, чтобы все свелось к перепалке между бывшим шефом КГБ и мной. Речь идет о гораздо более серьезных вещах — о необходимости осознать опасность наступления консервативных, реваншистских

сил. Они, эти силы, выиграли атаку на реформы в 89—90-м годах, когда погубили план «500 дней»¹². Эта победа их воодушевила, они сумели на какое-то время «развернуть» М. Горбачева, заставили его «советоваться» с Политбюро, стали шаг за шагом отвоевывать плацдармы. Правда, Михаил Сергеевич скоро понял, что его место не среди них, и в результате в апреле следующего года уже раздались требования его смещения с поста Генсека¹³. Потом они решили завершить экономический путч политическим¹⁴. И после поражения, пережив недолгий период некоторой растерянности да еще пользуясь безнаказанностью и ошибками демократической власти, начали вновь укреплять свои позиции. Посмотрите, что сейчас происходит. Чиновничество откровенно ползучим, кротовым образом восстанавливает старые порядки, творит произвол над людьми, заставляет их кланяться, издается над ними. Коррупция побила все рекорды. То есть делаются попытки восстановить старую государственно-мафиозную сталинскую структуру.

Противники реформ делают расчет на нынешние трудности. Для них чем хуже — тем лучше, для них это питательная среда, поле деятельности. Люди же для них вообще никогда и не существовали.

— *Вам не кажется, что такая тенденция не встречает серьезного противодействия властей?*

— Скажу откровенно, меня не может не удивлять благодушие правительства, не принимающего мер против фашистской опасности.

Нам следовало бы видеть главную угрозу реформам в нашей собственной бездеятельности, в нашем благодушии.

№ 14

«Я ВЫБРАЛ БЫ КЛУБ ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ»

Вечерний клуб, 27 марта 1993 г. Беседу вел Н. Михайлов.

Поводом для этого интервью послужил телефонный звонок. Александр Николаевич Яковлев позвонил в редакцию «Вечернего клуба» после публикации статьи «Как Нина Андреева поссорила Михаила Горбачева с Егором Лигачевым» (см. «ВК» от 13 марта 1993 г.). Вице-президент «Горбачев-фонда» высказал свое мнение, уточнил некоторые детали той истории пятилетней давности. Наш корреспондент попросил А.Н. Яковлева ответить на некоторые другие вопросы.

— *Александр Николаевич, со страниц газет «Советская Россия» и «День» не сходит тема Вашего, извините, шпионажа. Бывший председатель КГБ СССР В. Крючков утверждает, что в свое время к нему поступила оперативная информация о Ваших «недопустимых» и «несанкционированных» контактах с представителями одной из западных стран¹. Как я понял, со спецслужбами типа ЦРУ. Когда же Вас завербовали?*

— По так называемой «оперативной информации», которой якобы располагает Крючков, это должно было случиться 33 года тому назад, когда я стажировался в Колумбийском университете США².

— *Это потрясающе! Все Штирлицы перед Вами просто меркнут: три десятка лет агент ЦРУ работает в ЦК КПСС, становится членом Политбюро...*

— А бдительные чекисты не могут его разоблачить! За это время сменилось, по-моему, 8 председателей КГБ. Куда они все смотрели?

— Ну, Крючков-то смотрел куда надо. Получив на Вас компромат, он пошел к Горбачеву и потребовал провести необходимую проверку. Вся беда в том, что Горбачев не разрешил ее проводить.

— Но посоветовал Крючкову и зав. общим отделом ЦК Болдину переговорить со мной. Всю эту чушь я читал.

— И Крючков с Вами говорил?

— Конечно, нет. Да это и представить невозможно. Чтобы трусишка-зайчишка Крючков пришел к члену Политбюро с таким разговором? Такого просто не могло быть, потому что не могло быть никогда.

— Вы не хотите подать на Крючкова в суд за клевету?

— У меня на столе лежат телеграммы от рабочих комитетов Кузбасса, где говорится, что они готовы подать на него в суд в защиту моей чести и моего достоинства. Я понимаю их чувства, но делать этого не буду.

— Почему?

— Не хочу уподобляться Крючкову. Это его специальность — сажать в тюрьмы людей за политику. А я считаю, что в тюрьмах должны сидеть только убийцы и насильники.

— Если Вы не против, давайте вернемся в Колумбийский университет. Когда и как Вы туда попали?

— Очень просто. В конце 50-х годов было заключено первое соглашение между СССР и США о международном обмене студентами и аспирантами. Первые слабенькие результаты хрущевской оттепели. Двадцать человек от них — к нам, столько же от нас — к ним. Тогда я учился в аспирантуре Академии общественных наук, до этого уже поработал инструктором ЦК КПСС — словом, мне «доверили» возглавить нашу группу. Кстати, добрая половина из наших «студентов» были ребята с Лубянки. В том числе и Олег Калугин, который оказался вместе со мной в Колумбийском университете.

— Вы знали, что он и другие из внешней разведки?

— Знал. Впрочем, как мне кажется, разведывательной работой они тогда не занимались. Вживались в страну, учили язык... Олег Калугин учился на факультете журналистики.

— А «ихние» спецслужбы Вами интересовались?

— Ни в малейшей степени. Все разведки мира одинаковы — «интересуются» прежде всего теми, кого можно на чем-то подловить: на выпивках, женщинах и т.п. Что касается меня, то это был заведомо не тот случай.

— И сколько Вы пробыли в США?

— Один год. Потом вернулся в родную академию, защитил диссертацию по историографии внешней политики США и чуть было не уехал в Ярославль ректором пединститута³. Очень хотел: Ярославщина — моя родина, этот пединститут я заканчивал. Но случилось иначе. Пришлось вернуться в ЦК, где и прошел все ступеньки.

— От инструктора до члена Политбюро.

— С 12-летним перерывом. Сначала была Канада, куда в 1973 году меня отправили послом⁴.

— Говорили, что это было «наказанием» за статью в «Литгазете»⁵?

— Поводом, по крайней мере, послужила статья. Она называлась «Против антиисторизма». Я писал в ней об опасности шовинизма и национализма, их проявлениях в литературе. Кому-то из влиятельных людей она не понравилась. От содержания статьи я не отказываюсь и сегодня, хотя, конечно, сейчас я написал бы ее иначе. В статье я критиковал, к примеру,

Герберта Маркузе, которого, как и все мы, не читал. Много цитировал Ленина, стараясь обезопасить себя. Впрочем, это мало помогло. Помню, как Кириленко, который вел заседание секретариата ЦК, где обсуждался «мой вопрос», сказал мне: «Ты, Саша, меня в теорию не затягивай. Поступили сигналы, что статья ошибочная. Это мы отметим, но наказывать тебя не будем». А утром приносят бумагу: принято решение — направить послом.

— *Из Канады Вы вернулись при Андропове. Он к Вам благоволил?*

— Я думаю, его уговорил Горбачев, с которым мы познакомились, когда он приезжал в Канаду⁶. И вернулся я не в ЦК КПСС, а директором Института мировой экономики и международных отношений⁷. Нет, с Андроповым у меня были плохие отношения. Я, например, всегда считал, что глушить зарубежные радиостанции идеологически глупо (запретный плод особенно сладок), а экономически расточительно: это дорогое удовольствие. И на какое-то время нам удалось добиться отмены глушения. Но Андропов возражал, а после событий 1968 года в Чехословакии настоял на своем. Мое противодействие он, конечно, запомнил. И вообще любое противодействие в КГБ не забывают. Там ничего не забывают.

— *Крючкову Вы тоже противодействовали?*

— Как оказалось, да. Я это почувствовал после вильнюсских событий. Когда я сказал, что случившееся — это не только трагедия Литвы⁸, но и наша общая трагедия, — это вызвало откровенное раздражение и у Крючкова, и в какой-то мере у Язова. Это меня насторожило. «Почему? — подумал я. — Значит, дело нечисто». Кто стоит за провокацией в Вильнюсе? Что там делала «Альфа»? Вопросов было много, и КГБ это не могло нравиться.

— *Вы считаете, что Крючков и Язов могли действовать через голову Горбачева?*

— Могли. Сумгаит⁹ показал им, что это возможно.

— *Значит, в КГБ Вами были недовольны? В чем это проявлялось? В прослушивании телефона?*

— О такой мелочи я уж не говорю: мои телефоны прослушивались всегда. Но не только это. В прокуратуре России мне показали два доноса, направленных из КГБ в ЦК КПСС. Назывались они так: «О политических взглядах А.Н. Яковлева». И знаете, что ставилось мне в вину? Только, пожалуйста, не смейтесь, воспримите это серьезно. Виноват я был в том, что: 1-е — отстаиваю демократический путь развития; 2-е — ратую за рынок; 3-е — одобряю многопартийную систему; 4-е — выступаю против колхозов, совхозов, монополии государственной собственности и т.д.

— *В каком же году это писалось?*

— В том-то все и дело! Это был уже восемьдесят девятый или девяностый (точно не помню) год. В то время даже самый замшелый секретарь райкома объявлял себя демократом и рыночником, а на Лубянке это по-прежнему проходило по разряду идеологических диверсий. А теперь представим на минуту, что в августе 1991 года ГКЧП победило. Людей стали бы просто сажать за подобную демократическую «крамолу» — у меня в этом сомнений нет.

— *А что это за список «агентов влияния», о которых в свое время говорил Крючков?*

— Этот список — в нем были фамилии в основном людей творческих профессий из Москвы и Ленинграда — Крючков приносил Горбачеву, утверждая, что эти люди готовят заговор.

— *Во главе, естественно, стоял Яковлев?*

— Естественно. Горбачев отмахнулся от списка как от нелепости. Но ведь эта нелепость кем-то сочинялась! И люди из этого списка были первыми претендентами на расправу по «декретам» ГКЧП.

— *За то время, пока они сидели в Матросской тишине, общество стало относиться к ним заметно снисходительнее, если не сказать больше. А Вы?*

— 26 августа 1991 года я выступал на телевидении в программе «Без ретуши». Договаривались о передаче со мной до путча, а выступать пришлось сразу после него. Это было нелегко, и я боюсь, что журналисты остались мною недовольны. Они меня спросили: что бы я сделал с путчистами. Я сказал, что их надо морально осудить, запретить заниматься политикой и... отпустить. Это вызвало недоумение...

— *Вы и сейчас сказали бы то же самое?*

— Сейчас? Нет. И не из какого-то чувства мести. Но посмотрите — они же ничего не поняли. Я не увидел ни у одного из них не то что покаяния — даже тени раскаяния. Но по-прежнему считают себя светочами прогресса и гаранты народного счастья. Но ведь не может порядочный человек не испытывать чувства раскаяния. Иначе это нравственная патология. Не может! А они могут. Идут сейчас грудью вперед, не замечая, каким это выглядит фарсом. Такое впечатление, что они просто выпали из времени. Зато для телевидения и газет они сейчас герои. (Не понимаю, почему — видимо, на всякий случай).

— *В своем телеинтервью Лукьянов вспомнил слова Микояна, который якобы говорил, что в политике друзей не бывает. Вы согласны с этим?*

— Глядя на то, что произошло за эти годы со многими людьми, готов согласиться.

— *В эти годы Вы были сначала очень близки с Горбачевым, потом ушли в отставку, теперь снова рядом. У Вас были с ним объяснения?*

— Конечно. Но я не хотел бы их выносить на всеобщее обозрение. С именем Горбачева связаны две великие вещи: он уничтожил страх внутри страны и конфронтацию в мире. Уже одним этим он останется в истории. А бросать в прошедшее камни, злобно отрицать его — это чисто большевистская черта. У нас ведь каждая новая власть объявляет прошлое предисторией и только собственные деяния — началом подлинной истории, новой эрой. Вот сегодня мы перечеркнули перестройку. Ну и что — от этого уменьшились наши трудности? Людям стало лучше?

— *Александр Николаевич, меня не поймут, если я не спрошу Вас, как вы оцениваете сегодняшнюю ситуацию? Что Вы думаете об Обращении Ельцина к гражданам России? О позиции Верховного Совета?*¹⁰

— Я понимаю чувства Президента. Поставьте себя на его место. Вам постоянно грозят импичментом. Вас постоянно упрекают, оскорбляют, шельмуют. Естественно, что вы захотите поставить себя на проверку: пусть те, кто избирал вас, скажут вам: «да» или «нет». Доверяет вам народ или не доверяет? А иначе как работать? Ведь ему же государством управлять, а не баню топить. И я не понимаю, почему со стороны Верховного Совета такая суетливая реакция, а со стороны Конституционного суда такая торопливость в оценках. Пусть решает народ. Но если уж он скажет Президенту «да», то кончайте вытирать об него ноги. Извольте уважать выбор людей.

— *Предсказав путч в августе 1991 года, Вы показали себя мастером политических прогнозов. Дайте еще один прогноз. Чем все это кончится?*

— Для прогноза требуется информация и понимание логики развития данной системы. Мы же с вами живем в сюрреалистическом мире. Я не знаю, что завтра сделает Президент, куда понесет Верховный Совет и т.п. У нас полно лидеров партий (хотя членов партий нет), каждый из которых рвется в президенты. У нас есть демократы по убеждению, но есть демократы и по должности, которые гораздо ближе к большевизму, чем к демократии. Хотел бы ошибиться, но боюсь, что будет еще много суеты, неутоленных амбиций, поисков ведьм. Дай Бог избежать крови!

— *Если можно, несколько слов о личном. Ваша семья, дети, внуки...*

— О, здесь я богатый: двое детей, три внука, три внучки. Старшей внучке 24 года, она закончила иняз, младшему внуку — 7 месяцев. Дочь — книжный дизайнер, работает в маленьком частном издательстве, которое ставит своей целью издавать только хорошие книги. Сын — кандидат философских наук, главный редактор нового философского журнала «Путь». К моему удивлению, в этом году он собрал 2,5 тыс. подписчиков. Все мы очень дружны.

— *И последний, традиционный для нашей газеты, вопрос. Членом какого клуба Вы хотели бы стать?*

— Я бы с удовольствием пришел в клуб добрых и порядочных людей. Они могли бы собираться за чашкой чая, но не для того, чтобы спорить о политике, на кого-то нападать, с кем-то сражаться или просто сплетничать. Они могли бы говорить о литературе, философии, искусстве, они могли бы сомневаться и сопереживать, чтобы потом самоутвердиться в творчестве. Нам всем нужно научиться неторопливой человеческой мудрости. Без революционных порывов и авантюристических экспериментов.

№ 15

«БЕЗУМИЕ НЕ ДОЛЖНО ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ»

Аргументы и факты, № 13, апрель 1993 г. Беседу вел Г. Морозов.

В беседе с нашим корреспондентом события в стране анализирует вице-президент Горбачев-фонда А. ЯКОВЛЕВ.

— Сейчас идет наиболее тяжелый для России период — период перераспределения собственности, а следовательно — и власти. И поскольку соотношение государственной и частной собственности сегодня 90 % к 10 % в пользу государства, суета вокруг этого будет продолжаться еще долго — до тех пор, пока не наступит равновесие — 50 % на 50 %.

Тем не менее я полагаю, что подобного обострения существующего конфликта можно было избежать. И пока не будет должного уважения к институту президентства и к Президенту лично, не будет и порядка: если становится понятно, что о Президента можно безнаказанно вытирать ноги, то какво же может быть отношение к исполнительной власти на местах?

— *Еще недавно все казалось донельзя просто — с одной стороны Президент и его окружение, с другой — Председатель Верховного Совета и парламент. Теперь в лагере противников Ельцина каким-то образом оказались и вице-президент, и председатель Конституционного суда, и генпрокурор¹.*

— С одной стороны, это разделение на два противоборствующих лагеря вроде бы и присутствует, с другой — его нет. Нельзя сказать, чтобы в Верхов-

ном Совете все были безоговорочно против Ельцина и за Хасбулатова. Все зависит от того, как накалены страсти. Когда я наблюдал за голосованием на прошлом Съезде по поводу поправок к Конституции², у меня создалось впечатление, что стоило сделать перерыв на пару часов и итоги голосования были бы совершенно другими. Но депутаты были заведены какими-то слухами, домыслами, предположениями, их призывали не расходиться из зала, мотивируя это тем, что вернуться в него потом уже не удастся. А депутаты ведь тоже люди, и хотят они этого или не хотят, у них поднимается давление, они начинают нервничать, постепенно приходят в возбужденное состояние и в конце концов становятся неспособны адекватно оценивать ситуацию.

Я не могу сказать, что полностью разделяю экономическую политику правительства. Я поддерживаю общий вектор развития России по пути реформы. Назад пути нет. И те, которые ходят с красным флагом, просто не понимают этого. Хорошо, завтра власть окажется у них в руках. Разве снизятся цены, вырастут зарплаты, прекратится спад производства, повысится его продуктивность? У них нет даже программы, в которой бы содержалось что-то, кроме общих требований: расширить, повысить, понизить, сузить. Единственное, что можно от них услышать, это то, что они против. Сначала «против» контрреволюционеров, потом «против» врагов народа, еще недавно — «против» Горбачева, теперь — «против» Ельцина. А «за»-то за что?

— *Поначалу складывалось такое впечатление, что и Председатель Верховного Совета, и вице-президент, и даже председатель Конституционного суда уже как бы вынесли свой «приговор» Президенту. Казалось, что им осталось лишь привести этот «приговор» в исполнение.*

— Я не думаю, что такой «приговор» действительно был вынесен. И потом, вы знаете, после пьянки всегда наступает похмелье. И неизбежно встает вопрос: «А что дальше?» Ответ на этот вопрос найти не так просто.

Тем более что дальше может произойти самое страшное и в то же время самое вероятное. Придут люди, которые скажут: «Ну вот что, ребята, пошалили, побаловались — и хватит. Теперь мы будем решать, что и как делать». Ведь от того, что происходит сейчас, теряют все ветви власти.

— *Каково, с Вашей точки зрения, сегодняшнее положение Президента? На кого Президент мог бы опереться в данной ситуации?*

— Наступила пора создания какой-то коалиции здравомыслящих сил. Я говорю не о партиях, а о людях (независимо от их партийной принадлежности), которые стоят на позициях прагматизма и профессионализма и готовы не бороться за власть, а работать.

Может быть, в этом есть что-то от романтизма, идеализма, но мне кажется, что ставки сегодня слишком высоки, чтобы восторжествовало безумие. Ведь если безумие действительно восторжествует, то это значит, что на ближайшие десятилетия мы снова обречены погрузиться в пучину нашего страшного прошлого, о котором сегодня уже начинаем забывать.

№ 16

«25 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ СЕРЬЕЗНЫЙ»

Неделя, № 16, апрель 1993 г. Беседу вел В. Пауця.

Сегодня страна вновь, в который уже раз, стоит перед выбором. А в голове — сумятица. Осознанным или эмоциональным будет наш сегодняшний

выбор? С чем общество подошло к референдуму¹ и что может ожидать нас после него? Об этом мы беседуем с Александром Николаевичем ЯКОВЛЕВЫМ.

— Меня часто спрашивают: думали ли мы, когда начинали перестройку, что из этого получится? Согласны ли с тем, что сейчас происходит? Отвечу так: никто, в том числе и мы, не мог предугадать, расписать по дням, что будет. Но в идеале, конечно, наша Реформация, великая Реформация, не предполагала такого резкого снижения жизненного уровня народа. И, конечно, никому в голову не приходило, лично мне, например, что демократизация сама по себе, а точнее установление демократических процедур приведет к такому резкому столкновению властей.

Я все-таки не думал, что, несмотря на жесточайшее сопротивление реформации, фронт сопротивляющихся будет столь обширен, а сопротивление — столь длительным. Мне казалось, что слово «свобода» и возвышающаяся над ним организационная форма — демократия возьмут в человеке верх, увлекут его. И ради этого люди могут претерпеть материальные тяготы, пойдут на самоограничения, усмирят амбиции. Казалось, что под натиском обстоятельств даже зло как-то умерит себя.

Иными словами, я был, собственно говоря, романтиком. Но романтиком, который строит свои представления на предположениях фундаментального плана: природе человека, его извечном стремлении к свободе, демократии, самовыражению, инициативе...

Наверно, во всех наших реформаторских начинаниях мы недооценили иждивенческий характер общества, зараженность люмпенством огромной массы людей... Недооценили люмпенство как явление.

— *Получается, что, строго говоря, наше общество было не готово к такому повороту в своей судьбе, который предлагали Вы?*

— В свое время я писал о том, что в конечном счете Реформация сведется к сражению между теми, кто хочет работать, самореализоваться, проявить инициативу и за это получать соответственно, и теми, кто привык к равенству, пусть в нищете. Кто работать не хочет, а если и желает самореализоваться, то только через четко выраженную большевизмом систему иерархического отбора, селекции по идеологическому принципу.

Нужно видеть лозунги этих несчастных людей, которые носят портрет Сталина! Может быть, они даже не понимают, что носят в руках не портрет, а чашу крови, такую тяжесть, такой грех, который человечество еще долго не простит. А все из-за того, что тогда, мол, был порядок. Какой порядок? Чепуха. Никакого порядка не было. Какой же это порядок когда, начиная с 40-го года каждый год в тюрьме сидело по миллиону человек только за опоздания на работу и за невыработку трудодней. Так продолжалось до 53-го года. Вот такой был порядок.

И что я вижу сейчас на этом Верховном Совете, на этом Съезде² Те же лица. Я узнаю своих бывших критиков. Я помню, как на пленумах ЦК они кричали: «Яковлев натравливает печать на аппарат, он презирает аппарат, ведет дело к уничтожению коммунистического движения, соцсистемы...» Но самое противное... сегодня приходится читать статьи августовских заговорщиков³. Они обвиняют всех и вся в предательстве, в отступничестве, в демократизации. Но ведь все они голосовали за это на пленумах ЦК, в Политбюро. За то время прошло больше 30 пленумов, два съезда и одна конференция, больше 400 заседаний Политбюро было проведено, и ни разу никто из них не проголосовал — против. Все голосовали — за. Все это — присущее

большевизму, возведенное в ранг высшей морали и высшей политики двоедушие и лицемерие.

И сейчас похожее происходит. Мы все еще не вылезли из большевистской шинели. В нас еще сидит чертик тоталитаризма, шевелится, что-то борется, подсказывает...

Я себе плохо представляю мораль людей, которые вчера воевали против любого демократического, свободного слова, а сегодня ратуют за демократию. И даже обижаются, что с ними обходятся недемократично. Вот вам высший образец оголтелого лицемерия!

И тут не должно быть обиды на каких-то конкретных людей. Нет. Система у нас была такая. Ее нужно судить.

— *И все-таки, как Вы относитесь к этим людям? Со многими из них Вам, вероятно, пришлось работать долгие годы...*

— Вы знаете, с жалостью. Жизнь их ничем не радуется. Привычная жизнь ушла. Покаяться, осознать какую-то ответственность за беды России, народа, за предательство, которое ходило по земле как смерть с клюкой, не хотят. Кто знает, сколько было доносчиков, сколько людей погибло из-за них?.. Это тоже, оказывается, нужно было во имя светлого будущего.

А миллионы расстрелянных, умерших в лагерях и тюрьмах?..

Твори во имя «светлого» будущего что хочешь, любое преступление. Отсюда и злость, и нетерпимость.

Есть люди, которые говорят о единстве в прошлом. Да, действительно, спали все мы в одной душной казарме. Но сны-то видели разные. И мне казалось, что стоит открыть клапан и отравленные газы вырвутся наружу, люди прочихаются, одумаются. И не то чтобы начнется мир и благоденствие, нет. Каждый человек — со своим характером, со своим прошлым. Тут ничего не сделаешь. Но все-таки, думал я, уровень нетерпимости, злобы, ненависти друг к другу спадет.

Увы, этого не произошло. Тот слой, который упорно держится за старое, хочет все-таки, чтобы дело кончилось кровью, гражданской войной. Он никак не может принять крах тоталитаризма, не может допустить, что великая Реформация России может обойтись без крови, без гражданской войны.

— *Но кровь-то льется уже...*

— Я о России говорю. В некоторых бывших союзных республиках действительно идет кровавая борьба за власть. Вы что думаете, там какие-то межнациональные конфликты? Да нет же. Идет борьба за власть, клановая борьба за власть, в том числе и между феодально-большевистскими группировками. Правящей российской элите пока все-таки удается избежать этого.

— *Хотелось бы надеяться, что не «пока», а навсегда. Но никуда не деться от ощущения, что тучи сгущаются и может грянуть гром.*

— Действительно, смотрите: когда страна распалась, что разверзлось под этим? Бездна злобы. Может быть, раньше она как-то канализировалась в доносы, в выступления на партсобраниях с разоблачениями, с критикой, самокритикой?.. Это ведь тоже было специально придумано большевистской властью: покаяйся, иначе тебя... Это же тоже способ насилия над человеком, приведения его в состояние робота, манкурта. С 23-го по 53-й год у нас в тюрьмах пересидело более 40 миллионов человек.

Не случайно Сталин постоянно придумывал «процессы». Это нужно было, чтобы направить ненависть людей на так называемых врагов народа, отступников, ренегатов и так далее. Люди жили этим. Посмотрите кинохрони-

ку, газеты тех лет... Увидите не молчаливое одобрение, а кричащее, подчас ликующее одобрение.

А вот это половодье ненависти, направляемое государством, вдруг вырвалось наружу, так и ищет себе выход, упорно тянет нас назад. И чем хуже социально-политическая обстановка, тем сильнее паразитируют на этом «вчерашние».

— Я помню москвичей в августе 91-го, я вижу их сейчас... Неужели то был только всплеск доброго энтузиазма, объединивший людей? Почему новым российским властям не удалось направить энергию людей на доброту и созидание?

— Думаю, Ельцин, демократические силы были не готовы принять полную власть, которая нежданно-негаданно свалилась на их головы. Но кто мог подумать, что большевики, военно-промышленный комплекс в 91-м году пойдут на такую авантюру? Я, правда, чувствовал, предполагал и говорил о том, что дело идет к попытке государственного переворота. Правда, мне казалось, что это должно произойти поближе к партийному съезду⁴. Но после победы в экономическом путче, когда программу «500 дней»⁵ провалили и мы стали отходить от реформ, затормаживать их, — они расхрабрились, пошли на политический путч и, слава Богу, провалились. Так вот, демократия не была готова к власти, начала весьма некомпетентно и наделала много ошибок, в том числе с шоковой терапией. Нельзя было вводить в стране либерализацию цен⁶, не подготовив ее путем демонополизации, создания конкурентной среды, без того, чтобы бросить на рынок землю, жилье, средства производства.

А с другой стороны, понимаете, государства еще не было и нет. Границ — нет, армии — нет, все государственные рычаги разболтаны, разбросаны, финансовая система расшатана, рублевая зона очень широкая... Как регулировать общественные процессы, этот поток капиталов? Все это пало на несчастные головы этого молодого правительства враз. Но все-таки некоторых ошибок, конечно, можно было избежать.

— Были и манипуляции общественным сознанием, и политические игры, и популизм, и падение жизненного уровня. Было много такого, что не могло не разочаровать. И вот мы опять приперты к стенке: или — или. Может быть, это очередная манипуляция? С какими мыслями мы должны идти на референдум?

— Трагедия всей нашей реформации в том, что мы все время пытаемся ошастливать людей сверху, облагодетельствовать их. И раньше так было: вот вам стипендия, вот вам зарплата, квартира, то да се. Это все — чисто советский подход. Снизим цены, а если и повысим, то только ради вас. А народ как безмолвствовал, так и безмолвствует. А если и политизирован, то по линии раскола, распада — кто кого? Как будто это самый главный вопрос: за Хасбулатова ты или за Ельцина.

Между тем демократического выбора, по сути, нет. Человек поставлен в какие условия? Голосовать за Ельцина? А как быть с высокими ценами, с ростом преступности? Не голосовать за Ельцина? А за что же тогда голосовать? За то, чтобы вернуться назад? Хотя бы немножко. Но дорога назад будет еще более дорогой, чем дорога вперед. Тут, по-моему, хоть какой-то свет брезжит в конце туннеля, а по дороге назад вообще темнота.

Я очень боюсь, что, если при голосовании мы ошибемся, к власти придут силы вчерашнего дня. Силы, которые добьются реванша, еще более злы, чем в то время, когда они были у власти. Если состоится реванш — это

значит, что Господь Бог благословил вас на возвращение того, что было утрачено. Значит, ты прав. А раз прав, то можешь быть более смелым и жестоким. Поводов для этого достаточно. А люди (часть людей во всяком случае), судя по всему, готовы, как говорится, своими руками бить налево и направо своих же собратьев.

С другой стороны, видите, как происходит: чиновник совсем озверел. Если раньше хоть что-то его удерживало — партком, райком, райисполком, то сейчас и этого нет. Он делает, что хочет. Конечно, это раздражает людей.

Так вот, одна из главных ошибок Ельцина и новой демократической власти состоит в том, что после 91-го года они не привели в соответствие с задачами этой власти весь аппарат. Нужно было провести новые выборы сверху донизу. Это, кстати, то, чего и мы, реформаторы первой волны, не сделали в свое время. Мы тоже хотели новое вино влить в старые мехи. Вот вино и прокисло.

— *Да, кислое вино — к изжоге. И все же, Александр Николаевич, вопрос стоит довольно жестко...*

— Я и хочу вам объяснить, какие две стороны реально существуют в этой ситуации, как я это сам понимаю. Сейчас вне зависимости от того, кому-то нравится Ельцин, кому-то не нравится, он стоит за продолжение реформ. Ему явно мешают, хотя противная сторона и возражает: где это мы помешали? Ну хотя бы с землей, с законом о банкротстве. Сколько времени шло обсуждение этих вопросов? Полтора года. А сколько воды за это время утекло, сколько пришлось на поддержку обанкротившихся предприятий угрохать денег? Триллионы, наверно.

Что меня больше всего удивляет? Вносит какой-то депутат предложение — хорошее или плохое, гениальное или дурацкое — все равно идет обсуждение. Стоит внести какое-то предложение Президенту, оно автоматически и наотмашь отрицается, причем с гулом. Не вдумываясь, проголосовали — и все. Так государственные дела не делаются. Это — безответственность. Даже если есть такие депутаты, которые убежденно против Президента, все равно они обязаны вдуматься в существо вопроса.

Поэтому я как гражданин должен выразить доверие Президенту. Но при одном условии: через год должны быть проведены выборы всех и вся. Вот тогда можно будет в известной мере стабилизировать обстановку. Причем я тешу себя надеждой, что на новых выборах к власти придут люди более прагматичные, более склонные к здравому смыслу, люди, которые уже не будут заниматься заурядными политическими играми.

Но что меня утешает? Люди все меньше и меньше начинают интересоваться политикой. Это очень хорошо. В нормальном государстве так и должно быть. Все должны заниматься своим делом. В этом же смысл реформации. Мы должны создать нормальное демократическое общество, где человек был бы защищен и у него были бы возможности для самореализации. Роль государства в этом и заключается.

— *Демократического государства и, наверно, гражданского общества. Готово ли наше общество к такой трансформации?*

— Я думаю, да. Сейчас для этого уже больше возможностей. Может быть, они пока не очень видны, но уже появляется собственник. Пока не будет собственника, не будет и гражданского общества. Сейчас ведь идет борьба за собственность. У нас 90 процентов — это государственная собственность, 10 процентов — частная. Лишь когда появится примерное рав-

новесие видов собственности (когда, скажем, я захочу вас съесть, но уже не смогу, равно как и вы меня), вот тогда установится и равновесие власти.

— *Как Вы думаете, прорастает ли из того хаоса, в котором мы живем сегодня, какая-то идея, которая давала бы надежду на лучшее будущее? И видите ли Вы людей, которые уже, может быть, формируются вокруг этой идеи как личности, как политики?*

— Скоро конфронтационное поколение политиков уйдет. Они мастера конфронтации, оппозиции, разрушительства, но кроме этого они ничего не могут. На их место придут люди умеренные, прагматики, профессионалы. Это неизбежно.

Что у нас должно быть? Я, например, верю, что для России, по законам циклов, нами еще не познанным... Что пришел ее век! Это не мессианская идея, это другое. Так вот, Россия будет самой демократической и самой богатой страной.

То, что нас веками делало бедными — наше богатство, — в условиях демократического общества, если мы на этом устоим, именно оно сделает нас самыми благоденствующими, богатыми в жизни, а не только по ресурсам.

Почему «самой демократической»? Мы слишком долго жили под спудом, под тиранией. И вот этот потенциал стремления человека к свободе, к своему «Я» обязательно вырвется наружу. Человек сам будет творить свое «Я» и свою жизнь. И я думаю, что это произойдет довольно скоро. Движение к свободе, к благоденствию пойдет быстро.

Но пока некоторые утешаются злыми, с волчьим оскалом митингами. Вот вам, пожалуйста, уровень людей, их сознание, психология. Это те, которые раньше сажали в тюрьмы. Они готовы снова сажать, вешать... И это тоже может нас ожидать. Вот почему 25 апреля имеет особое значение.

— *Вы действительно думаете, что все это еще возможно, что это так серьезно?*

— Я часто слышу, что митингующие под красными знаменами — это мифическая сила. А что, 25 человек ЦК в октябре 17-го года⁷ — это не мифическая сила была? Да никто их всерьез не воспринимал.

А сегодня то же самое можно провести конституционным путем. Проголосовали (как в свое время Гитлера возвели?) — вот и все. И тогда начнется: ах, где мы были? Вот вам и мифическая сила. Подумаешь, бабуленьки ходят с лозунгами. Да за ними люди стоят, готовые власть взять и готовые расправиться со всеми, кто с ними не согласен.

Нет. Сейчас действительно очень серьезно вопрос стоит: «или — или». 25 апреля — день очень серьезный.

№ 17

«ПОКА ДЕМОКРАТЫ СПОРЯТ, ОППОЗИЦИЯ НАБИРАЕТ СИЛУ»

Век, 22 мая 1993 г. Беседу вел В. Дорофеев.

— *Александр Николаевич, мы беседуем с Вами в очередной пик наивысшего напряжения для неокрепшей российской демократии. Как Вы оцениваете нынешнюю политическую ситуацию в России?*

— Вы знаете, наверное, впервые я затрудняюсь сделать категоричные выводы. На первый взгляд, ситуация вроде бы предельно проста. Идет борьба

за передел собственности, а значит, и власти. Она имеет свою логику. Но действия сторон непредсказуемы. Новое вино — вино реформ — влито в старые мехи, сшитые номенклатурой. Именно это и порождает иррациональность как в мышлении, так и в действиях огромного количества людей, вовлеченных в политику. Разве не признак иррациональности, что в стране, разгромившей фашизм, укрепляются позиции неофашизма. Специфического российского, но фашизма. Я говорю в данном случае не о точном калкировании программы, а о направленности мышления, требованиях «железной руки», о поисках ведьм, о нетерпимости...

— *Александр Николаевич! Но ведь в нынешней иррациональности, с точки зрения любого рядового человека (я не люблю слово «обыватель»), есть и доля Вашей вины. Вы же стояли плечом к плечу с М.С. Горбачевым у истоков перестройки. Разве вами не прорсчитывались возможности «феномена иррациональности»?*

— Нет! Многое возникло, получило развитие помимо воли и устремлений. Мы, начиная по сути революционные преобразования общества, думали о сугубо эволюционном пути грядущих реформ. В некотором смысле то была революция отрицания революции как феномена качественных изменений общества. И когда августовские события девяносто первого¹ поспешили окрестить «революцией», это меня покорило. Да, демократия защищалась против сил реваншизма. Но люди, которым вдруг захотелось назвать те три дня революцией, как-то враз подзабыли, откуда, собственно, взялись защитники Белого дома. Они что, появились вдруг? Нет. То же стихийное движение «Живое кольцо»² было подготовлено предшествующими шестью годами.

— *Согласен, подобной трактовкой августовских событий девяносто первого был посеян иррационализм сегодняшний. И все же происходит...*

— Происходит то, что и должно происходить. Перестройка, точнее, те реформы, которые декларировались тогда, предполагали качественные изменения общества и строя. Главное из них — проблема собственности. И вторичный вопрос — о власти. В специфических условиях России вторичный вопрос стал сегодня главенствующим, хотя основная проблема переустройства общества — проблема собственности — практически не решена или решается крайне медленно. Мы, не решив главной проблемы, бежим дальше, стремимся бездумно копировать западную модель государственного обустройства. Да еще ломаем в спорах копыя: какой капитализм демократичнее — американский или французский, а соответственно и государственные структуры. Но даже если бы кто-то хотел внедрить в нашу жизнь французский или американский опыт, он не сможет. Потому что там источник собственности иной, чем у нас. Он — результат естественного, эволюционного накопления богатства, семейного или группового, а не результат передела государственности, как у нас.

— *Александр Николаевич, летом девяностого года, когда наше общество точно так же было поляризовано и кризис государственности напоминал кризис России сегодняшней, Вы стали одним из организаторов Движения демократических реформ³. Сегодня ДДР практически на политической арене не слышно. В чем дело?*

— Все по законам сопромата. КПСС была запрещена, исчезла цель, во имя которой, собственно, и создавалось ДДР. Сегодня же обстоятельства политической жизни в России требуют совершенно иного подхода к консолидации демократических сил. Я искренне сожалею, что в стане демократов

такой разброс мнений. Мне, например, не всегда даже ясно, о каких нюансах они спорят. Но противник у них весьма серьезный, набирает силу. Скажем, тот же Фронт национального спасения⁴.

— *Каковы реальные шансы у оппозиции, чтобы прийти к власти?*

— Небольшие. Да, она жаждет реванша, набирает очки на ошибках демократов, которые после августа 91-го впали в эйфорию, заняли сектантскую позицию: нам никто не страшен, нам никто не нужен, обойдемся своими силами. Сегодня нечто подобное наблюдается и у непримиримой оппозиции. Она после решения Конституционного суда по делу КПСС, после решения Минюста по Фронту национального спасения тоже впадала в эйфорию, забыв о синусоиде, по которой развиваются все политические циклы: вверх — вниз. Это происходит и с личностями в политике. И те, кто поддается политической эйфории, готовят себе поражение. Правда, в определенной мере судьба оппозиции напрямую зависит и от правящей элиты, от того, насколько серьезно люди, стоящие у власти, способны воспринимать реальность. Ведь не секрет, что некоторые демократы относятся к оппозиции пренебрежительно. Дескать, клоунада. Увы, далеко не так. История уже не раз доказывала, что, даже агонизируя, партия может выдвинуть лидера, который окажется способным переломить ход событий, определив на какое-то время судьбу не только своего движения, но и страны.

Я лично считаю, что правительство должно пополниться профессионалами-прагматиками вне зависимости от их политических взглядов. Если они готовы к решению конкретных проблем, если специалисты своего дела, то пусть возьмут на себя ответственность за судьбу страны. На месте наших лидеров я бы сделал шаг в сторону центра и здравого смысла.

— *На месте Ельцина?*

— Для меня необходимость подобного шага бесспорна. Не потому, что я всегда стоял на позициях либерального реформизма. Просто на данный момент это императив для политического лидера России. До последних съездов я рассуждал по-другому: дескать, надо достичь согласия наверху, прекратить обмен ударами, не отравлять газом конфронтации атмосферу в обществе и неукоснительно проводить курс реформ. Но реформ обдуманных, целенаправленных и, главное, профессионально грамотных. Понимаете, в ноябре 91-го⁵ вектор реформирования выбрали вроде правильно. Но дорожки, по которым мы все двигались, оказались какими-то кривыми. То одно не удалось, то второе не просчитали, то третье не учли. А всё вместе сложить — нет уверенного движения вперед.

После последних съездов я пришел к выводу, что руководству России нужно корректировать направление исторического поиска.

— *До этого ли нынче президенту?*

— Тут надо отойти от сугубо личных симпатий-антипатий к Борису Ельцину, согласия или несогласия с его высказываниями и поступками, ибо по большому счету речь идет о том, продолжим ли мы начатые реформы, или следующая власть, чтобы заявить о себе звучно, рекламно провозгласит: все было не так, а вот теперь мы!..

Случись переворот, им трех дней хватит, чтобы разобраться с политическими оппонентами. Списки для санкций, насколько мне известно, кое-кто уже заготовил. Поэтому выход один: оказать моральную поддержку президенту, а затем всеобщие выборы. Сверху донизу. Но не торопясь. Я лично предпочитаю весну или осень следующего года.

— *Очевидно, к тому времени и новая Конституция⁶ все же пройдет некую апробацию в общественном сознании.*

— Как раз принятие новой Конституции я бы не форсировал, поскольку Основной закон, по которому жить стране, принимается не в переходный период, когда в государственном устройстве многое не определилось. Зачем спешить? Чтобы потом вносить в Конституцию бесчисленные поправки? Я за временный Конституционный акт, в котором был бы обозначен блок основных положений, по которым должна жить страна в переходный период. Закон о выборах должен отвечать задачам переходного периода. Чаще надо менять руководителей, парламентариев. Я не хочу бросить упрек в чей-то адрес, но нынешнее противостояние властей возникло не на пустом месте, не только из-за столкновения лишь отдельных личностных амбиций. А из природы российской демократии именно в переходный период. Это поколение политиков объективно сформировалось, взросло на конфронтации к прежнему режиму. По характеру некоторые из них, мы в этом убедились, когда настала пора конкретных дел, не знают, что делать. Многие из них вообще оказались неспособны руководить страной. Вот в чем драма российской демократии. Так было и после февраля 17-го, это же повторилось и спустя 70 лет. Таких людей постепенно должны заменить профессионалы.

№ 18

«ИДЕТ ТО, ЧТО И ДОЛЖНО ИДТИ, ЕСЛИ МЫ ЭТО ДЕЛО НАЧАЛИ...»

Голос, 7—13 июня 1993 г. Беседу вела О. Коваленко.

— *Александр Николаевич, Вас называют идеологом перестройки. Как Вы сегодня оцениваете свои идеи: насколько они претворились в жизнь, что не состоялось? О чем душа болит?*

— Очень жалею социально обиженных людей. Страшно обидно за людей, которые при прежней власти сотрудничали с ЦК и правительством, старались, искренне верили, что работают ради блага, не особенно зная, как там начальство. Начальство всегда на одно лицо. И они вдруг попали в положение коллаборационистов. Это большевистская манера выяснять, чем ты занимался до 1917 года, до 1985-го, до августа 1991-го!

Не сочтите меня лично квасным патриотом, но всегда был период даже какой-то «внутренней болезни» скорее все сделать, чтобы общество стало светлым и богатым. Особенно после войны...

— *После войны мы действительно встали на ноги. А сейчас?*

— Я не сторонник трагикомических оценок сегодняшнего положения. Идет то, что и должно идти, если мы это дело начали. С той ли глубиной тяжести? Может быть, можно было и полегче. И думалось, что будет полегче. В чем, так сказать, тогда, в 1985-м¹, произошла психологическая ошибка? Вот этот романтизм, который всегда сопровождает любые повороты, революции, когда переворачиваются крупнейшие глыбы истории, — он зовет вперед, окрашивает жизнь свирепым желанием участвовать в этом переустройстве. Но иногда создает определенные иллюзии. Например, свобода! Я знал, что свобода для нас дело новое, для нас воля важнее. Такова традиция...

— *Есть ли в этих понятиях разница: воля и свобода?*

— Я вижу большую разницу. Воля — это для меня. Я хочу быть вольным, и для меня больше ничего не существует. Вы хотите быть вольным — старайтесь, бейтесь, завоевывайте. Свобода — это совсем наоборот: это чтобы вы были свободны, а потому и я буду свободен. Желание свободы для других! Воля — для себя. До свободы нашему человеку далеко. Наш человек стал вольным — что хочу, то и делаю. Законов не хочу знать, власть не хочу знать, хотя по традиции немножко власти побаиваюсь, потому что не совсем «протрезвел» от прежнего рабского состояния.

Теперь касаясь меня лично. Я отвечал за свободу печати, искусства, я курировал это дело². И это удалось, слава Богу! Я этим горжусь.

— *Вы думаете, сейчас действительно есть свобода печати? То наблюдательные советы, то указ Президента... Разделение прессы явно на проправительственные и оппозиционные издания, куда инакомыслящему не попасть...*

— Это вопрос борьбы политической, это не свобода печати. В любой стране есть проправительственные и антиправительственные издания, хотя не так четко выраженные. У нас это болезнь молодости. Свобода печати всегда относительна. То, что требует денег, не может быть абсолютно свободным. Я не вижу ничего страшного в том, что одна газета проправительственная, другая — оппозиционная, если она не допускает того, что допускают газеты «День» и «Советская Россия», — они против движения. Если бы эти издания просто отстаивали свою точку зрения, я был бы «за».

— *И леворадикалы не стесняются в выражениях, подогревая противостояние, а должны бы подавать пример...*

— Демократические издания должны держать марку, согласен. Обидно, когда под эмоциональным давлением или в силу некомпетентности, амбициозности, тщеславия используют непроверенные факты, «сильные» выражения...

Второе, за что я отвечал, международная политика³. Я считаю, что дела в этой сфере пошли правильно. Меня спрашивают: вы не чувствуете вины за то, что творится сейчас? К чему я имел отношение — не чувствую! Есть чувство обиды, горечи по другим обстоятельствам. Агропромышленный комплекс надо было перестраивать уже в 1986 году. Этот вопрос не раз обсуждался с Горбачевым. Но если бы мы тогда предложили фермерство... «Нас сомнут!» Я тогда скептически относился к такой точке зрения, полагая, по инерции, что у Горбачева как Генерального секретаря много сил. А теперь, когда увидел, что наш парламент до сих пор не готов к этому и не принимает по-настоящему Закон о земле — все с оговорками, понял, что в 1986-м это была бы гибельная борьба.

И наконец, в политической области: для перехода к демократической системе необходимо было разделение КПСС на две партии — консервативную и демократическую. Они вступили бы на соревновательный путь. Я писал об этом записки Горбачеву⁴... Не осуществилось.

— *Вы член какой-либо партии сегодня?*

— Меня исключили из КПСС⁵, и Боже упаси от партий. Мне путь в них отрезан не только по внешним, но и по внутренним причинам.

— *Анатолий Собчак сказал о Горбачеве: «Ушел в политическое ничто». Действительно ли Фонд Горбачева и он сам не имеют политического влияния⁶? Все в прошлом?*

— Конечно, в прошлом. Будет ошибкой надеяться на какое-то возрождение. Но это не значит, что Горбачев ушел в небытие. История распорядится

через людей, а люди сегодня (и те, что за реформы, и те, что вроде бы против) говорят: Горбачев начал не то! А что «не то»? Он вписал крупную страницу в историю страны. Потом это оценят.

— *Как Вы считаете, на новом витке борьбы за президентство будет Горбачев выставлять свою кандидатуру?*

— Это его дело. Я не знаю, будет или не будет, но я бы на его месте не стал. Более того, я на его месте демонстративно не стал бы заниматься вообще политической деятельностью.

Я ушел из Фонда Горбачева, оставшись вице-президентом на общественных началах. Не думаю, что этот Фонд сегодня влиятельная сила. Если не поддерживать правительство, надо переходить в оппозицию. А как Горбачеву переходить в резкую оппозицию, если он выступает за реформы? Он по-своему видит некоторые аспекты реформ, но в принципе — за реформы. И демократия для него — это не просто слово, которым играют, это все в его политической жизни. В его характере есть сильная сторона — он категорически против любого насильственного решения вопроса.

— *Александр Николаевич, недавний референдум⁷ не убрал противостояния властей — оно обостряется с каждым днем, теперь уже по поводу новой Конституции⁸. Это противостояние будет нас преследовать? Это суть демократического общества?*

— Суть-то суть, если бы это не была борьба между реформацией и реставрацией, когда все предложения Президента отвергаются моментально только потому, что это предложения Президента. Давайте на минутку сунем ноги в президентские ботинки и вспомним, как принимались поправки к действующей Конституции. У меня после этого тоже бы пропала вера в способность Съезда принять новую демократическую Конституцию. В демократических государствах годы идут, чтобы одну поправку внести, а тут по десятку в день! Одна статья противоречит другой! При подобной легкости уже завтра из Основного Закона можно сделать Бог знает что. Вот и возник вариант Конституции собственно президентской.

— *Сторонники Ельцина называют ее гарантом политических и экономических свобод. А гарантируются ли социальные права, социальная защита человека?*

— Там есть и социальная защита. Но надо учитывать новый этап нашего развития. Если мы хотим покончить с люмпенством, иждивенчеством, с уравниловкой, надо сказать человеку — и конституционно: «Дорогой мой, работай, и тогда будешь жить хорошо. А вот если у тебя травма, авария, детей много — тогда государство будет помогать». Не надо создавать никаких гарантий для здорового человека, если мы не хотим плодить лентяев и пьяниц. Детям, престарелым социальные гарантии нужны. Главное тут — сделать поворот в психологии людей, а для этого потребуется не один годочек.

— *Неоднозначную оценку вызывает Конституционное совещание, назначенное на 5 июня⁹. Одни заявляют о его совершенной ненужности (слепок Съезда), другие говорят о необходимости совещания и наделении его учредительными функциями. Не торопится ли Президент?*

— Я выскажу свою точку зрения. На переходном периоде, на мой взгляд, нужно было бы ограничиться временным конституционным актом. Для Конституции пока не созрели ни политикообразующие, ни экономикообразующие, ни нравственнообразующие факторы. Вода еще бурлит, газ не выключен, страсти кипят. Официальная экономическая обстановка сложная, «дырявая». Поэтому было бы лучше принять конституционный акт, содер-

жащий разделы о правах человека, о четком разделении властей, а также Закон о выборах и Федеративный договор. Выбрать новый парламент, нормальным конституционным путем разработать новый Основной закон, вынести его на всенародное голосование. Вот тогда будет Конституция!

— *Но процесс уже пошел!*

— И во многом по вине парламента. Зачем было доводить дело до импичмента?¹⁰ На основании чего? Импичмент выносят не по словам и речам, а за то, что нарушил Конституцию на деле. К сожалению, уже ничего не изменишь, уже обсуждаются два варианта Конституции. И люди сейчас автоматически проголосуют за президентский вариант, даже не вникая в суть...

— *Наверное, нам мешает наша неизбывная тоска по единовластию, вера то в царя-батюшку, то в суперпрезидента...*

— Да, царистская психология сидит крепко. И большевики бы не смогли стать большевиками, а остались бы коммунистами в идеальном плане, если бы не эта традиция. Сегодня опять надежда на кого-то, опять боимся надеяться на себя...

Но в данный момент, когда субъекты на местах еще не наелись суверенитета и власти, сильная президентская власть необходима. Лично я стою за ликвидацию Советов как проводников большевистской (не хочу путать большевиков и коммунистов — это разные вещи) политики. За Президента — авторитетного человека, обязательно в возрасте. Оставить ему армию, полномочия больше, чем у немецкого, меньше, чем у американского. Арбитр! А вот правительство, сформированное на многопартийной основе по результатам выборов, пусть работает. Тогда мы будем спрашивать за все дела не с Президента — единого перста, а с тех депутатов, которых мы выбрали, оценивая, как они влияют на правительство.

— *Какой Вам видится сегодняшняя роль интеллигенции?*

— Ее надо вытаскивать из положения прослойки. Интеллигенция — это мозг нации, элита нации. Она должна говорить решающее слово, пусть пока хотя бы не то, ЧТО ДЕЛАТЬ, а то, ЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ.

— *Чего же в нынешней ситуации не надо делать?*

— Сегодня надо спрятать в карман личные амбиции и помогать общему делу. Если есть конкретная программа — вноси в общую копилку. Но год, конечно, для нас будет «крутой» — принятие Конституции при столкновениях и разногласиях, возможные выборы Президента, парламента... Пойдет ли Ельцин на второй срок? Должен пойти. Как же на полпути оставлять страну...

№ 19

«ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ НАМ НЕ НУЖНА»

Российские вести, 17 июня 1993 г. Беседу вела Р. Сергазиева.

В предыдущем, а вернее, в нынешнем, не замороженном многочисленными поправками Основном законе, ярко были выражены контуры государственной идеологии. Ее парадно-декларативная часть — «все для человека, все во имя человека». И ее истинный, скрытый смысл — «каждый — лишь винтик в государственной машине». Проект новой Конституции, который

сейчас проходит обкатку на Конституционном совещании¹, ведь тоже должен очертить образы государственной идеологии. Какой она будет теперь? С этим вопросом я обратилась к Александру Яковлеву — ученому-историку, политику, знающему все прелести предыдущей идеологии.

— Да не нужна нам государственная идеология, — удивил меня своим ответом Александр Николаевич. — Особенно после того наследия, которое мы так долго имели. Если начинать разговор о государственной идеологии, значит, опять нужно будет создавать моноидеологию. А моноидеология — это всегда страшно. Как любое «моно»: моновласть, монособственность. Моноидеология — это блокирующая стена для любого развития. Конец мысли, полное отупение, когда люди из мыслительного организма превращаются в нечто автоматическое. Так мы и жили много лет. Мыслить, конечно, не запрещалось. Но, признаемся себе честно, даже про себя остракистских мыслей мы боялись. Поэтому я не верю ни в какую государственную идеологию.

— *Но как тогда может существовать государство?*

— Идеалами. И для меня они звучат однозначно: это идеалы свободы человека. Свобода человека, не ограниченная ничем, кроме закона, выработанного сообща. Человек свободен — вот и вся государственная идеология. Он свободен в экономической деятельности, в политической, в интеллектуальной. Он свободен нравственно. Что еще может быть более святым, великим, чем свобода человека?

— *Прозвучит ли этот гимн свободе человека в новом проекте Конституции?*

— Да. В новой Конституции, текст которой мы отрабатываем, закреплены существенные свободы человека. Но давайте будем откровенны, мы уже привыкли: Конституция — одно, а жизнь совсем другое. Ведь у нас уже были конституции. И в них уже было все необходимое, например, свобода митингов и демонстраций. Но ведь, кроме как на праздниках, никто не митинговал, причем с отпущенными районом плакатами, портретами, лозунгами. Нужны механизмы, чтобы Конституция имела прямое действие.

— *Я думаю, мало кто из наших читателей понимает, что значит прямое действие Конституции. Нас не то что этому не учили, нас этим пугали.*

— Вы правы, при советской власти был только один-единственный случай прямого действия Конституции, он вошел во все учебники². А ведь это право любого гражданина. Если нарушается какая-то статья Конституции, затрагивающая ваши личные интересы, например, неприкосновенность вашего жилища, то вы имеете право подать в суд на чиновника. Причем вам не нужно копаться в законах или подзаконных актах, вы ссылаетесь прямо на Конституцию.

— *Но мы не приучены ходить в суд с жалобой на чиновника...*

— Психологический барьер. Нас специально так воспитывали. Если вы жалуетесь, на вас смотрят не как на человека, который хочет восстановить справедливость, а как на зануду-жалобщика, на муху, которая жужжит и мешает. Таков результат деятельности предыдущей власти, ведь над нами так долго довлела парадигма насилия. А вот если нам удастся достичь общества свободы, тогда чиновник, отмахивающийся от вас, будет нарушать не вашу свободу, а свою собственную. Только когда мы достигнем такого уровня сознания?..

№ 20

ТЕНЬ ПРАВИТ ДЕМОКРАТИЕЙ

Литературная газета, 27 октября 1993 г. Беседу вел А. Борин.

— Недавно «Литгазета» опубликовала любопытные цифры. Армия бывшего СССР имела 12 тысяч генералов. Сейчас их на тысячу больше. В Министерстве обороны СССР служило 6200 человек. В российском МО насчитывается уже 8100 работников. Разве такая картина только у военных?

— Нет, это общее явление. Вспомните, какие шли разговоры после 1991 года¹. Нужны 14 министерств, не больше. Потом — 26 министерств. Теперь, если не ошибаюсь, у нас уже 72 ведомства. Скоро достигнем того, что было до 85-го года². Нет уже ни ЦК, ни московских обкома и горкома, нет райкомов, а зданий для чиновничества, для аппарата не хватает. Он как попер, как разбух... И возникает вопрос: кто же в конце концов победил в августе 1991 года? Демократия? Нет, я думаю, августовскую победу присвоило себе чиновничество — в большинстве своем злющее, безответственное, авторитарно-хамское. И в этом, если угодно, не последняя причина того, что через два года опять состоялся мятеж и в Москве пролилась кровь³.

— Кого Вы называете чиновником? Премьер-министр — чиновник? А про сто министр? Или руководитель местной администрации?

— Каждый, кто служит в системе управления и получает зарплату от государства, — чиновник. Это, естественно, не мешает работникам высших эшелонов власти, разрабатывающим стратегические проблемы, быть в то же время и политиками.

— За два года появилось, набрало силу новое чиновничество?

— Новые талантливые люди, разумеется, пришли. Однако никакого нового чиновничества как явления нет, не существует. Сегодня правит бал то же самое чиновничество, которое худо-бедно пережило 1953 год, смерть Сталина, 1956 год⁴, процветало в годы перестройки... Наверху шли глобальные перемены, уходили и приходили генсеки, менялись члены Политбюро, советы министров, сами министры, их заместители, меняются президенты, но неизменным оставался чиновник. Его эти бури начиная с того же 1953-го не касались и не очень-то трогали. Только служит он уже не в ЦК, а, допустим, в Совмине, или в Советах, или в президентской структуре. А так всё то же самое.

— Мне кажется, чиновник в чем-то даже выиграл, ему никогда еще не жилось так вольготно, как сегодня. Прежде его все-таки в страхе держали.

— Да, конечно. Раньше хоть райком существовал. Его побаивались. Позвонит инструктор райкома, скажет: «А чего такой-то у вас хамит?» Могли и уволить. Сегодня чиновник стал действительно бесстрашным в отношении простого гражданина. И все-таки в силу своей внутренней психологии, генетического кода он заинтересован в авторитарной власти. Душой с ней. Казалось бы, в аппарат президента набираются люди демократических настроений. Но однажды я спросил у киоскера внизу, какие издания пользуются здесь особенным спросом. И знаете, что он назвал? «День», «Правду», «Советскую Россию»... И покупают их вовсе не потому, что хотят знать оппонента, а по убеждению, по душевной склонности.

— Опять узды захотелось? Надоела безнаказанность?

— Нет, дело в другом. Авторитарная власть обеспечивала чиновнику, я бы сказал, простоту в работе, оберегала его от всяких сложностей. А чиновник по натуре своей враг всяких сложностей для себя. Он не хочет усложнять

себе жизнь. Зачем? Марксизм-ленинизм всегда стремился к упрощению любых структур, к их социальной прозрачности. Никаких междометий, все должно быть предельно ясно. Но наш чиновник — это же слепок с системы. Он тоже хочет решать все вопросы элементарно просто, примитивно, особенно по линии «отказать». Зачем ему какие-то там нововведения, которые сулит демократия? Учиться надо, а учиться не хочется. Советский чиновник всегда был против любых нововведений. Даже хилые реформы, не влияющие на путь исторического развития — что-то починить, подмазать, исхудившееся колесо сменить, — очень часто упирались в чиновничество и умирали на его уровне. При этом оно пыталось присвоить себе функцию обратной связи между элитой и народными массами. На самом же деле чиновничество боялось и сегодня боится любой обратной связи. Вниз оно несло только то, что ему выгодно, и вверх тоже выносило то, что ему выгодно. Оно могло кого-то поддержать, прославить, но с таким же успехом могло что-то и задушить, похоронить. Могло даже натравливать людей на негодные ему действия самой власти. Сегодня меня больше всего затрагивает именно эта сторона дела. Чиновник сегодня работает против демократии.

— *А кто ему в этом помогает? Я видел людей вполне демократических убеждений, порядочных, которых чиновник с легкостью убеждал, что предлагаемое нововведение, предлагаемая реорганизация есть только прожектерство, пустая фантазия, а к тому же еще и подкоп под их, демократов, права. И милые, честные люди охотно покупались. Разве синица в руках не лучше, чем журавль в небе? Их наповал сражал реализм чиновника.*

— Помните «Тень» Евгения Шварца? Злобная, коварная Тень человека, пользуясь его благородством, доверчивостью, стала им помыкать, управлять и чуть было его не погубила. Но при этом Тень тоже ведь ссылалась на свой реализм, говорила человеку: ты мне поверь, я всегда была ближе к земле, чем ты... Имея огромную власть, чиновник всегда стремится остаться в тени, не устает убеждать вас, что он всего лишь скромный исполнитель руководящей воли.

— *После августовской победы решено было некоторые административные структуры заменить общественными, призвав туда людей, чья личная репутация не вызывает сомнений. Идея прекрасная. А что выходило иной раз на практике? Во-первых, общественный совет, или комитет, или комиссия все равно не в состоянии переварить весь гигантский объем работы, львиная ее доля, как и прежде, остается в руках чиновника. Во-вторых, многие из тех, кто вошел в эти общественные организации, здесь не специалисты, сюда их призвали за их демократические убеждения, а не потому, что они знают дело. А раз так, то они чаще всего вынуждены опять-таки верить на слово чиновнику. Разве когда-нибудь чиновник имел такую замечательную ширму? Разве мог под прикрытием таких безусловно честных и чистоплотных людей удовлетворять свои далеко не бескорыстные интересы?*

— Да, конечно. Только очень часто происходит сращивание интересов и тех и других. Нередко никакой чистоплотности в демократических верхах я не вижу, чему чиновник, разумеется, несказанно рад. Он и обслуживает этого демократа, и льстит, угождает ему, и ездит на нем как хочет. И пуще всего боится изменения того испокон века существовавшего и сегодня вполне еще существующего порядка, который оставляет чиновнику великое, ни с чем не сравнимое право — не сделать. Может сделать, а может и нет. Решение передается в его руки. И переломить это «право не сделать»

очень часто может только взятка. Курица, поросеночек, доллар... Словом, идет бартерный обмен. Именно поэтому чиновник с такой яростью сопротивляется совершенствованию законодательных норм. Нет, он будет, разумеется, настаивать на ужесточении тех законов, которые ограничивают права людей, объясняя это необходимостью укрепить порядок, искоренить преступность и т.д. Но попробуйте только заикнуться о законе, который как-то регламентировал, ограничивал бы его, чиновника, власть! Исключал бы хамство, унижение людей. Я убежден, что, если не будет законов, ограждающих людей от произвола, холодного презрения чиновников, ждать нам чего-то путного не придется. Чиновник постоянно будет «жевать» человека.

— *Какая же демократия без таких законов?*

— В том-то и дело. И чиновник это отлично знает, кожей чувствует. Более того, с развитием демократии централизм неизбежно должен будет уступить место децентрализму, вертикаль обязательно должна будет смениться горизонталью. А для нашего выросшего в тоталитарной системе чиновника это смерти подобно. Окопавшись наверху, в центральных структурах, снизу он не слишком виден, а стало быть, и бесконтролен. Генеральный прокурор, министр, премьер-министр, президент — все эти якобы контролирующие инстанции ему, чиновнику, в общем-то, не очень страшны. Здесь, в столице, он далек от них. Один из тысяч ему подобных. Поди проверь его, разгляди. Другое дело — внизу, на местах, где я знаю вас, вы знаете меня. Тут уж ему деваться некуда. Куда он пойдет? В соседний подъезд? Вот и стоит старый чиновник насмерть, не отдавая свои функции тем, кто внизу. Пугает: «Вам хаос нужен!» А на деле спасает себя, свое доходное место, свою бесконтрольность. Демократия же на все это покушается. Или покусится — если не сегодня, то завтра. Потому-то при всех, казалось бы, удобствах демократии — и в райком на ковер чиновника уже не вызовут, и можно проворачивать свои делишки за спинами доверчивых демократов, — демократию он не примет никогда, ни при каких условиях. Более того, будет рыть яму, пропасть между демократической властью и народом. Пускаясь, когда надо, на любые провокации. Недавний скоропалительный обмен денег⁵ — что это, если не настоящая провокация, целью которой было восстановить людей против власти? «Смотри, дорогой мой россиянин, кто тобой правит. Согласись поскорее на авторитарный путь. Сам же видишь, тебе будет лучше». А не уговорит, не убедит, не соблазнит — применит силу. И кровь прольет, как недавно уже пролил. Есть и другой вариант. Чиновник по-своему переделает тех демократов, которые просто жаждут переделаться, ибо всегда были прощелыгами, а не демократами.

— *Получается, что, пока не изменится сама система управления, чиновничество каким было, таким и останется. Придут новые люди — система все равно обомнет их по-своему. Но с другой стороны, всесильный чиновник не даст измениться системе.*

— Да. А потому ждать, пока отомрет прежняя система и народится новая, пока она приведет с собой хорошего чиновника, наивно и небезопасно. Надо действовать уже сегодня.

— *Как?*

— Есть два пути. Один достаточно долгий, трудный, рассчитанный на перспективу. Состоит он в широкой — за счет государства и за счет бизнеса — подготовке компетентного управленца. Авторитарному строю компетентный чиновник ведь был совершенно не нужен. Существовали, конечно, области,

где высокая квалификация требовалась. Например, хороший танк, самолет или атомную бомбу безграмотный человек не сделает. Но в государственной машине режим нуждался прежде всего в людях некомпетентных. Кому надо было знать, скажем, проблему кредитования, если оно строилось на основе, чрезвычайно далекой от настоящего кредита? Я уж не говорю о том, что для малограмотного политического руководителя многознающий исполнитель был просто опасен.

— *А второй путь?*

— Он менее гуманен. Чиновник чаще всего труслив, боязлив, он хамит только до тех пор, пока ему разрешено, пока он чувствует свою безнаказанность. Так вот сейчас не чистка нужна, как некоторые предлагают. Один будет чистить по совести, а другой — примеряясь к себе, к своему пониманию. Опасное дело. Нужно, чтобы чиновник знал, что каждый его шаг на заметке. Ты обязан был сделать, но не сделал или не так сделал, проявил пристрастие, субъективность или просто безобразно проволялся, — прощай. Ищи себе другую работу. И в печати надо объявлять, за что такие-то и такие-то уволены. И, думаю, если освободить по стране тыщонку человек за неисполнение конкретных обязанностей, дело бы сдвинулось с нынешней точки, которая буквально близка к смерти.

— *Ох, Александр Николаевич, беда, мне кажется, в том, что свои конкретные сегодняшние обязанности чиновник чаще всего как раз выполняет. Другое дело — каковы они сейчас, эти его обязанности.*

— Нет, даже их не выполняет, уверяю вас. То, что ему выгодно, — да, делает. Остальное — ни в какую.

— *Какова ответственность чиновника на Западе?*

— Там действует контрактная система. В Канаде, например, в министерстве иностранных дел контракт заключается на два года. Могут, конечно, и продлить его, если человек на своем месте и хорошо работает. А могут и расторгнуть. Решает это специальная комиссия, которую возглавляет сильный и достаточно независимый профессионал. В свое время такой комиссией руководил посол Канады в России Форд. От МИДа он не слишком зависел, зависел в основном от премьера.

— *Во многих наших частных фирмах тоже действует контрактная система.*

— В частных фирмах вообще другой подход к чиновничеству. Хама, бездельника, бездарного работника хозяин держать не будет, он хочет знать, за что платит человеку. Потому-то чиновник всеми силами сопротивляется сокращению государственного сектора. Он для него и власть, и жирный кусок, и гарантированная безнаказанность.

— *Сегодня в газетах пишут: первый редут, который мы взяли, — это коммунистическая партия. Второй — Советы. Что дальше?*

— Третий редут, конечно, чиновничество. Но овладеть им будет не легче, чем первыми двумя.

— *Даже при самых оптимальных результатах предстоящих выборов?*

— Что вам сказать? Когда пал Белый дом, это означало, что фашизм не прошел, демократию удалось отстоять. Но в первые же часы после этого началась беспардонная компрометация демократии. На улицах стали избивать ни в чем не повинных людей. Те, из Белого дома, вчера избивали заместителя председателя правительства Москвы Александра Брагинского⁶, эти сегодня избивают журналистов. Нет, конечно, бесчинствуют не сами чиновники из силовых структур. Но они допустили. Они не остановили. Они не

обеспечили безопасность людей, не защитили их права. Те, кто распускает кулаки, твердо знают: «Сегодня нам можно, сегодня нам все дозволено». Повернись дело по-другому, эти люди с яростью стали бы избивать демократов. И чиновник точно так же это благословил бы. Потому что такова уж его, советского чиновника, психология: «Что там написано на высоком знамени, мне не важно. Мне важно, чтобы при всех режимах сохранялись моя автократическая власть и сила». И если подобное положение не изменится, то даже победа на декабрьских выборах⁷ будет сведена к нулю. Тем более если в парламент ринутся чиновники разного уровня. Может случиться уникальнейшее в истории явление. Все, что установится и устоится в России, мы станем называть демократией, но на самом деле это будет автократическим правлением чиновничества. Не исключено, что такое положение устроит даже многих из демократической элиты. И понимание в массах оно, допускаю, найдет. Им будут обещаны порядок, защита от преступников и спекулянтов. Постепенно создастся некое автократическое болото, называемое демократией. А человек как был, так и останется незащищенным, придушенным. С колен мы так и не подыдемся. Хотя и на митинг, наверное, сможем сходить, и высказываться будем против кого угодно, включая президента, и газеты по-прежнему будут писать, что захотят. Все это надо понимать, учитывать, заранее предвидеть. А как мы рассуждаем? Вот победим на выборах, и все авось образуется. Да ни черта не образуется, если мы будем стоять в стороне и упиваться своими победами. Истинный хозяин положения, бессмертный чиновник, по-прежнему станет играть свою игру да еще нагло ухмыляться.

— *Под любым знаменем?*

— Да, под любым.

№ 21

СУДЬБА И ПОЛИТИКА

Деловой мир, 29 ноября — 5 декабря 1993 г. Беседу вел Г. Вирен.

С академиком Российской академии наук, председателем Комиссии при президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, президентом Международного фонда «Демократия» и Международного фонда милосердия и здоровья Александром Николаевичем Яковлевым беседует корреспондент «ДМ» Георгий Вирен.

ДЕТСТВО, ОТРОЧЕСТВО...

— *Александр Николаевич, я хочу начать разговор с давних времен — Вашего детства, юности. Я хорошо помню Ваших отца и мать. Особенно большое впечатление на меня — тогда студента-первокурсника — произвел Николай Алексеевич: строгий, степенный, немногословный, он казался классическим крестьянником, словно сошедшим со страниц прозы XIX века... Расскажите о своей семье.*

— Начну с мамы, Агафьи Михайловны. Она не умела ни читать, ни писать. В девять лет ее отдали в няньки, за кормежку... Ее семья нищенски жила, отец ее выпивал... Мама трудилась с детства до конца дней своих, без остановки. Я всегда вспоминаю ее работающей по дому. Всю жизнь мама пеклась только о семье, о детях, никогда ничего для себя! Отец тоже много

работал — то в колхозе, то в лесном хозяйстве. Вместе со своими братьями ходил по деревенским новостройкам — крыл крыши дранкой, я от него научился делать дранку, косить, пахать и все остальное по хозяйству. Отец действительно был очень серьезным, степенным, сдержанным...

— *А что передалось Вашему характеру от родителей?*

— От мамы, наверное, трудолюбие. А от отца — интуитивный здравый смысл...

Я порой даже не могу четко самому себе объяснить, почему поступаю так или иначе, просто что-то мне подсказывает, как надо действовать. Или, напротив, не надо...

— *Александр Николаевич, признаюсь, что, когда бываю в вашем родном доме, на Ярославщине, мне так все там вокруг нравится, что даже мелькает шальное желание остаться жить в тех местах навсегда. (Для читателей поясню: дом Яковлевых находится рядом со знаменитой Карабихой — усадьбой Некрасова.) Великолепная русская природа, окружавшая вас с детства, как-то повлияла на вашу душу, характер?*

— Я очень люблю родные места, каждый год туда езжу, прежде всего — на могилу родителей. Собираемся все — сестры с мужьями, детьми, внуками... Бываю я каждый раз и в Королеве, в той деревне, где родился. Теперь там три дома осталось. Недавно мне предложили взять землю на месте сгоревшего дома моего деда, где я появился на свет...

— *Возьмете?*

— А почему бы и нет? Может, действительно взять, построить там что-нибудь... Неприятие общественной собственности на землю во мне не всякие там теории воспитали, а сама жизнь. По своей деревне видел, как мы жили на своей земле: пусть трудно, небогато, но мясо раз в неделю ели, не голодали, себя кормили и еще что-то на рынок везли. А после коллективизации деревня исчезла... И когда ты видишь гибель родной деревни, то тебя ничто не убедит, что это правильно, человечно, гуманно, в конце концов — экономическая эффективность!

Политически я понимаю неприятие Сталиным частной собственности на землю: рано или поздно крестьянин-собственник потребовал бы власти. А Сталин ее делить ни с кем не хотел.

— *Александр Николаевич, когда я задал вопрос, я, честно говоря, имел в виду влияние природы, а не социальных условий. Но Вы ответили как политолог... Вы природу-то любите?*

— Очень. Может быть, именно поэтому не очень умею на эту тему распространяться... Каждый раз, когда бываю в родных местах, иду и в лес. Прохожу там, где собирал грибы в пять, семь лет...

— *Кстати, у Вас есть увлечения, хобби?*

— Вот это и есть — собирать грибы. А еще — играть в шахматы.

СОРОКОВЫЕ, РОКОВЫЕ

— *Вы уже упомянули о войне. Я знаю, что в армию Вас призвали, когда Вам не было и 18 лет. Оказались Вы в Удмуртии, в городе Глазове, куда было эвакуировано Ленинградское стрелково-пулеметное училище, где Вы учились. А в 18 лет и два месяца Вы попали на фронт — лейтенантом, в распоряжение Балтийского флота, в морскую пехоту. При каких обстоятельствах Вы были ранены?*

— Это случилось у деревни Виняголово Ленинградской области. Наши роты выполняли, очевидно, отвлекающий маневр — разведку боем. Готови-

лись, тренировались, на бумаге все было расписано детально. Но бой прошел глупо — много людей погибло. А я был искалечен. Вот как это произошло. Наступать планировали на рассвете. Но утром я увидел, что туман от земли стал отрываться раньше, чем ожидалось. Я как крестьянский парень знал: в просвете между туманом и землей видимость превосходная, как будто все ярко освещено. Это какой-то оптический эффект. Я сразу побежал в соседнюю роту, ею командовал старший лейтенант Болотов. Он тоже понял, что атаку надо начинать немедленно. И сделать это было можно: по телефону связаться с частями — артиллеристами, минометчиками, изменить план... Мы с Болотовым пошли к майору-координатору. А тот пьяный... Мы говорим: «Нас перестреляют!» А он орет: «Мальчишки!» И мы пошли в атаку, когда просвет между туманом и землей уже доходил нам до пояса... Да, мы ворвались в немецкие окопы, подавили их огневые точки. Но потери были очень большие... Меня ранило в расположении немцев: офицер — выстрелом в грудь и фельдфебель — в ногу... Оттуда меня вытаскивали на руках пять человек. Четверых из них убило... Это была святая традиция морской пехоты: на поле боя ни раненых, ни мертвых не оставлять. Нас, морских пехотинцев, немцы в плен не брали. Но и мы их тоже... А когда я был в санбате, ко мне пришел комиссар бригады и попросил рассказать, как было... Я рассказал. Майора разжаловали и послали в штрафную роту.

— *А Вы не боялись быть откровенным с комиссаром?*

— Боялся?! Да это же все сказки, будто кто-то на фронте кого-то боялся! Ведь все вооружены были одинаково... Например, со СМЕРШем такие были отношения. Приходит ко мне смершевец: «Старшой, язык до зарезу нужен, оставьте кого-то в живых, приведите!» И ставил поллитра... Какой там страх!

— *Вернемся к Вашему последнему бою. Если бы майор не был пьян, то все могло бы сложиться иначе?*

— Могло, конечно. Но не в майоре дело. Это страшно, но тогда командование особо ценило офицеров, не жалевших жизни солдат. Если ты взял деревню, потеряв десятки людей, — ты герой, пиши бумаги на награды. А если ты такую же деревню взял, допустим, хитростью, ночью, без потерь личного состава — ну что ж, нормальное дело, за это ордена не жди, могут даже трусом назвать...

— *Как повлияла война на Ваш характер?*

— Очень сильно. Я быстро, резко повзрослел. Когда я пришел с фронта, мне не было и 21 года, но я чувствовал себя намного старше. И долго я не был адекватен своему возрасту, в невоевавших ровесниках мне многое казалось смешным... Лет десять я был старше самого себя и лишь потом начал чувствовать себя на столько лет, сколько было.

УЧЕНИЕ КАК СТРАСТЬ

— *Вернувшись с фронта, Вы решили продолжить учебу. А когда Вы впервые почувствовали тягу к учению, к чтению?*

— Рано. Причем ярко выраженных пристрастий у меня не было, просто я всегда хотел учиться. Читать научился от деда, когда мне лет пять было. А в восемь лет я уже читал вслух «Псалтирь» на старославянском — никто не знает, я — тоже, как и от кого научился! Все время тянулся к чтению — ребята в лапту играют, а я на траве лежу и читаю какой-нибудь клочок газеты... Из классиков я первым прочел Лермонтова — с тех пор он для меня

поэт номер один. Потом — Гоголя, которого считаю самым великим писателем, Чехова, «Тихий Дон» Шолохова... Не я сам выбирал книги, а они меня. То, что оказывалось в сельской библиотеке или у друзей, то и читал. Помню, книжку «Колчаковщина» раз пять прочел — других в это время не было.

— *Не могу удержаться от вопроса о Ваших нынешних литературных пристрастиях. Но я все чаще сталкиваюсь с тем, что людям трудно назвать любимого современного писателя, поэтому спрошу так: чьи произведения вы обязательно прочтете, если увидите их в свежем номере журнала?*

— Обязательно Виктора Астафьева и Фазиля Искандера. Очень ценю двоих, к сожалению, рано ушедших из жизни, — Сергея Довлатова и Нодара Думбадзе.

— *Вот и сразу ясно, что Вы за читатель — Вы любите прозу, в которой о серьезных вещах часто говорится с юмором, иронией, прозу, написанную ясным, невычурным языком и при этом — добрую, светлую, даже если касается она трагических событий... Вернемся в 43-й год: Вы сразу выбрали истфак Ярославского пединститута?*

— Нет. Подавал документы в Московский институт международных отношений и в Горьковский кораблестроительный — не приняли по здоровью (когда послом посылали — здоровье не помешало!). Тогда пошел в медицинский — поступил. Выхожу из приемной комиссии и вижу, как на лестнице девочки режут: их не взяли! Мне их жалко стало — у них мечта рухнула, а мне все равно было. Я вернулся и забрал документы — пусть, думаю, на мое место одна из этих, заплаканных, поступит! А в педагогический меня приняли с радостью (тогда экзаменов для фронтовиков не было — брали по документам). Но я заявление подал на литературный факультет. А ректор, увидев это, сказал: «Коммунист? На литфак? Ну нет, так не пойдет, давай на истфак!» И я начал учиться... А через два года послали меня в группе из 16 человек на экзамены в Высшую партийную школу. Четверо, в том числе я, поступили. Год я учился в Москве и то время вспоминаю с добрыми чувствами. Хоть это и был 47-й год, на семинарах мы говорили все что хотели, свободно спорили, и никого не выгнали. Наверное, там действовал запрет на работу КГБ в партийных учреждениях... Но потом всех, кто имел, как я, незаконченное высшее образование, отослали обратно. Дома я подал заявление в аспирантуру пединститута, но тут меня вызвали в обком партии и предложили пойти инструктором.

— *Сомнений не было?*

— Сомнений? Да ты что! Это же было огромное доверие... Я сейчас иногда у беспредельно революционно настроенных господ спрашиваю: «Вы знаете хоть одного человека, который бы сам отказался от предложения работать в партийных органах?» Что-то я пока утвердительных ответов не слышал... Два года работал в обкоме. Там же и первую статью написал — «Соревнование по телефону»: очень меня возмутила показуха в соцсоревновании в одном из районов. Первый секретарь того райкома рассердился. Тогда первый секретарь обкома вызвал его на бюро, а меня — на трибуну. На том заседании был главный редактор областной газеты, и он, увидев, что статья понравилась, тут же попросил отпустить меня в газету. Меня сразу утвердили. И три года я работал в газете. Для меня это, наверное, были самые счастливые годы. Я научился русскому языку, элементарной логике, появилась любовь к слову, мне нравилась газетная работа...

— *С сегодняшней точки зрения даже трудно представить себе, что работа в газете в сталинские годы могла нравиться. Кажется, что ничего и не было, кроме проработок, разоблачений, обвинений, идеологических кампаний... А Вы, как я знаю, не любите никого разоблачать — это не в Вашем стиле. И все же Вам легко работалось?*

— Дело в том, что можно жить под тем или иным режимом, в данном случае — сталинским, большевистским, но это не значит, что ты всегда живешь в этом режиме. И это касается не только личностей, но и целых учреждений — будь то газета, институт или даже парторганизация. Жизнь богаче, многообразней, насыщенней, чем то, что связано лишь с политикой, политическим строем... Но вскоре меня отозвали из газеты обратно в обком.

— *А как Вы попали в Москву, в ЦК?*

— Однажды приехала к нам с проверкой инструктор из ЦК — строгая, типичная партийная функционерша. И думаю, что я ей понравился.

Я заведовал отделом школ и вузов. Месяца через три после ее отъезда она позвонила и попросила меня приехать в ЦК, объяснив, что со мной хотят побеседовать по итогам ее поездки. Я приехал, и мне предложили пойти в ЦК инструктором отдела школ, науки и вузов. Это было в 1953 году, дней через пять после смерти Сталина.

ОТ АППАРАТЧИКА СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ ДО ДЕМОКРАТА

— *Александр Николаевич, можно ли хотя бы пунктирно проследить Ваш путь от партработника сталинских времен до человека, который выступал в Конституционном суде с весьма резкими оценками КПСС?*¹

— Всерьез заставил меня измениться XX съезд². Он меня потряс. Я по характеру импульсивен, а то, что я услышал от Хрущева, звучало как призыв к совести. И дальше уже нельзя было жить по-старому, хотя я твердо верил: социализм тут ни при чем. Да, некоторые неприятные вещи я и раньше ощущал. Например, работая в обкоме, я знакомился со сводками КГБ и понимал жуткое положение преподавателей вузов: их письма вскрывали, разговоры подслушивали, среди них были осведомители... Но лишь после XX съезда мне стала понятна вся та страшная жизнь, когда над всеми постоянно висела тень тюрьмы, лагеря, расстрела, страх доноса... Вот Крючков обвинил меня, что я чуть ли не шпион³, так ведь я плевать на это хотел — в прямом и переносном смысле. Но это сейчас. А если бы тогда?! И мне захотелось разобраться, ответить себе на многие вопросы, и я снова решил учиться. Трижды просил разрешения пойти в Академию общественных наук и лишь на третий раз получил добро. Это было сразу же после XX съезда.

Вот те годы в АОН и привели меня в итоге к нынешней позиции. Там я заново и всерьез прочел Маркса, Ленина. И был поражен множеством противоречий в их работах. Что это, — спрашивал я себя, — поиск истины или служение политике? И понял, что Ленин служил политике. Талантливо, надо признать. И фанатично. У него было настоящее заболевание властью. Он беспощадно рвал со всеми, кто был с ним не согласен. Думаю, что раскол 1903 года в российской социал-демократии — трагедия России. Тогда возник большевизм, имеющий весьма отдаленное отношение к идеям коммунизма. Марксизм остался бы нормальным политологическим учением в ряду многих, если бы не повенчался с идеологией насилия, революций, классово-борьбы, отрицания общечеловеческих ценностей и т.д. Большевизм взял из него все, что служило власти: идею диктатуры пролетариата, пред-

ставление о революциях как о локомотивах истории и прочее. Моновласть, моноидеология, монособственность и насилие — это и есть большевизм. С 1903 года социалистическая идея в России деформировалась, и потому социалистического общества у нас не было и быть не могло — была воссоздана на новой основе ре-феодалная система... Но кроме Маркса и Ленина я ведь в АОН читал и Канта — философа номер один, и Ницше, и многих иных великих мыслителей...

— Будучи аспирантом АОН, Вы на год были посланы на стажировку в США, в Колумбийский университет⁴. Пребывание в Америке не открыло Вам глаза на многое из того, что происходило дома?

— Скорее наоборот — добавило патриотизма, даже ультрапатриотизма. Я там прочел массу книг по советологии, полных раздражающей лжи и всяких глупостей. Ну а когда встречалась правда, то в душе тоже возникал какой-то протест: не трожь, не сыпь соль на раны! Да и какой смысл прибегать демократическому государству ко лжи? Все время терзал вопрос: за что они нас так ненавидят? Это обижало. Ведь в конце концов в гонке новых вооружений действительно лидировал Запад, и это не пропаганда, что мы все время догоняли их... Когда всю вину за напряженность в мире валят только на СССР, у меня это вызывает чувство горечи. Психология военно-промышленных комплексов везде одинакова, у холодной войны — не одна нянька.

СУДЬБЫ ПАРТИЙНОЙ ЭЛИТЫ

— Вернемся домой. И продолжим разговор о лжи применительно к делам домашним и сегодняшним. Как с точки зрения психологии Вы могли бы объяснить то, что многие деятели десятилетиями руководили крупными партийными организациями, а в возрасте более чем зрелом в одночасье превратились в крутых антикоммунистов, рядом с которыми ветераны-диссиденты выглядят почти лояльными Советам гражданами?

— Это я и понимаю, и не понимаю. Антикоммунизм и коммунизм — оба тоталитарны по своей природе. В то же время переход на другие позиции — это и протест против реального общественного устройства, которое называлось социализмом, когда произвол догмы властвовал над жизнью. Жизнь отторгла это насилие и люди тоже. Но естественным образом проявились и люди, которые никогда ни в какие идеи не верили, они верили во власть, только во власть. И когда появилась возможность получить ее, всякие идеи отскочили в сторону. Это типичный большевизм. Его главные пружины — политические, психологические, какие угодно — нетерпимость и стремление к власти. Чисто большевистская черта — взять и удержать власть любой ценой. А уж потом можно заняться идеологическим прикрытием. И, повторю, не стоит говорить здесь об убеждениях — фарисейство и лицемерие, ничего более.

— В политической жизни очень не похожих стран происходит один и тот же процесс. Условно его можно назвать «возвращение партийной элиты». Во главе государств борцов против советского режима одного за другим сменяют выходцы из высших эшелонов компартии. Где-то они приходят под грохот пушек (Грузия, Азербайджан), где-то — спокойным парламентским путем (Литва). Ну а кое-где выходцы из верхушки КПСС и не уходили никуда, а сейчас лишь укрепили свое положение (Туркмения, Узбекистан, Казахстан)⁵. Все это выросло в политическое явление. Как Вы можете его прокомментировать?

— Это говорит о том, что партия даже в своем высшем эшелоне была весьма неоднородной. Многие уже в 85-м году⁶ были готовы к демократи-

ческим переменам, открыто говорили об этом. Например, у меня с М. Горбачевым были на этот счет очень откровенные разговоры. Перемены надвигались. Атмосфера накалялась. Развязка приближалась. Реформаторское крыло в КПСС укреплялось. Без него вообще никакие изменения были бы невозможны. Но надо было идти дальше, размежевание стало необходимым. Но этого не случилось. И тут я вижу и свою вину: не хватило характера и ответственности, да еще врожденное чувство лояльности свою роль сыграло...

Еще в декабре 1985 года я письменно предлагал разделить КПСС на две партии, то есть организационно закрепить фактическое положение вещей⁷, но дальше этого не пошел...

— *Восемьдесят пятого года?*

— Да, именно. Возникли бы две партии, которые соревновались бы цивилизованно, облагораживая в этой конкуренции друг друга, нормально боролись бы за власть на выборах. Наша история могла пойти по другому пути, если бы это случилось... А если говорить о конкретных людях... Вот Бразаускас⁸. Да он же всегда был социал-демократом по убеждениям, уж я-то это точно знаю! Но поскольку социал-демократической партии у нас не было, Альгирдас пытался реализовать свои идеи в рамках КПСС...

— *Напомню вторую сторону явления: бывшие крупные партийные функционеры обычно сменяют радикальных демократов...*

— И это понятно: радикализм не жизнеспособен. Любой радикализм — будь то демократический или большевистский. Он хорош для крутых поворотов, когда срочно требуется поводырь, тот, кто мобилизует, поведет на борьбу... Но жизнь человеческая не из крайностей состоит. И, выполнив свою функцию, радикализм неизбежно должен уйти на отдых.

МЕСТО НА КАРТЕ

— *Где Вы видите свое место на сегодняшней запутанной, во многом неясной политической карте России?*

— Я ни к кому не примыкаю, кроме демократии. Верю, что у России только один путь — путь демократического развития, глубоких реформ. Пока у нас демократии нет. Есть воля или вольница, что никакого отношения к свободе, демократии не имеет. Это — расхлябанность, безответственность, уродливый эгоцентризм. А идет это от тысячетней рабской униженности — корни те же, что у бунтов Разина, Пугачева, у народовольцев. Борьба за волю отнюдь не борьба за свободу. Потому что свободный человек никого убивать не будет. Потому что моя свобода возможна лишь тогда, когда и другие свободны. А воля — напротив — только для себя. И в ущерб другим. Если же говорить тактически, то я больше доверяю тем «старым» демократам, кто пришел в демдвижение по убеждению, теряя посты, власть. Наиболее комфортабельно в идейном смысле я чувствую себя среди тех, с кем мы начинали этот путь, — в Российском движении демократических реформ⁹.

— *Однако Вы вместе с Гайдаром, Бурбулисом, Чубайсом создавали блок, который теперь известен как «Выбор России». Вы покинули его?¹⁰*

— Нет, во многом я разделяю их позиции. Буду всячески поддерживать их. Делить тут нечего. Демократы должны объединяться. Я верю в многообразие, в важность соперничества разных мнений, идей и политических сил —

ведь даже самый прогрессивный монополизм неизбежно загнивает. Повторяю: мое отношение к Гайдару, Бурбулису, Чубайсу не изменилось.

— *Чем же они Вас привлекают?*

— А это честные люди. Молодые, они сами бросили себя на рельсы. Они ведь понимают, что аплодисментов не дождутся. В этом они похожи на нас, тех, кто начинал борьбу за демократию. Мы понимали, что лично нам это благ не принесет. Я ведь знал, что потеряю и должность, и охрану, и мои портреты по Красной площади носить перестанут, что всякие чиновники, которых раньше от усердия колотило при одном моем голосе по телефону, будут игнорировать даже мои просьбы... Все понимал. И они понимают. Геннадий Бурбулис уже испытал это все на себе. Егор Гайдар тоже.

— *Я-то ждал, что Вы скажете, чем Вам импонируют их идеи, а Вы вернулись на нравственную позицию...*

— А меня все время в эту сторону поворачивает. Пока в политике мы не будем этически, нравственно оценивать все решения, поступки, толку будет мало. Еще Аристотель говорил, что человек отличается от животного только одним: он еще не разучился краснеть...

— *Ну что ж, тогда о нравственности. Важный нравственно-политический вопрос, который сейчас, то затихая, то вновь вспыхивая, дебатруется в обществе, — вопрос о покаянии. Кто-то требует от бывших членов КПСС покаяться за все преступления партии в XX веке, кто-то заставляет повиниться демократов за развал страны, обнищание народа, а иные считают необходимым покаяние всех от мала до велика. Вы однажды написали: «Покаяние — внутренняя работа души и совести, а не общенациональный стриптиз». Вы можете что-то добавить?*

— Да. Парадокс в том, что искренне каяться готовы лишь те, кому не в чем каяться! Те, кто сознательно убивал, унижал, те никогда каяться не станут. А большинство спросит: «А в чем мне каяться? Я ничего дурного не сделал. Был равнодушен? Приспосабливался? А что я мог? Строить баррикады? Но у меня — дети, семья, я ими рисковать не имею права...» Громкие призывы к покаянию могут в итоге привести лишь к еще большему расколу нашего и без того не единого общества. Покаяние возможно лишь в себе и для себя. Я прожил, наверное, сложную жизнь. Всякое бывало. Но спрямленных, как палка, жизней не бывает. Разве что жизнь бабочки — от рассвета до заката... Все имеют свои тайны, свои грехи, нет безгрешных людей... Иначе не было бы ни покаяния, ни исповеди.

— *Окуджава написал в стихотворении «О Володе Высоцком»: «Как умел, так и жил, а безгрешных не знает природа...»*

— Верно. Но вот еще вопрос: а что считать грехом? Сейчас мы живем в эпохе варварства — и она будет длиться, пока люди убивают друг друга. Когда каждый поймет, что убивать другого — значит убивать себя, из варварства мы должны перейти в постконфронтационную эпоху. И возникнет иное понимание понятия «грех». Но и тогда будут какие-то грехи, идущие от несовершенства человеческой природы. Достичь совершенства, как известно, невозможно...

— *Но мы все же пытаемся создать более совершенное общество, отказавшись от социализма и идя в капитализм...*

— Во-первых, ни в какие «социализмы» и «капитализмы» я не верю. Это все терминологические условности. О том, что в России не было социализ-

ма, я уже сказал. А капитализм — тоже миф. Ну что является его главными признаками? Говорят, что частная собственность и рынок. Так ведь все это существовало до классического капитализма! А сегодня — кто отважится доказать, что капитализм в США и капитализм во Франции — это одно и то же? В XX веке по Европе прокатилась волна социал-демократии, и в результате сложилась система разных общественных устройств, основанных на социальных компромиссах. Нынешний капиталист и ранний, так сказать, классический — это разные вещи. Я недавно был в гостях в США у одного миллиардера. И вот деталь: он сам возил меня на своей машине, без шофера, и не видел в этом ничего необычного... Это наши нувориши пока щеки надувают, суют в глаза свое богатство, так ведь это от неотесанности, от бескультурья. Со временем пройдет... А Япония? Ее «капитализм» — это социальное партнерство плюс патриотизм. Их патриотизм в том, чтобы работать, делать свою страну богаче, а не болтать. Это некоторые наши псевдопатриоты считают главным орать, что наша нация самая, самая лучшая, а другие — так себе... У каждой страны свой путь. И его не может не быть у России с ее тысячелетней историей. Поэтому я как ученый против апологетики любого чужого варианта развития... Но брать хорошее, уже испытанное никогда не зазорно.

БАРРИКАДЫ ЧИНОВНИКОВ

— *Так какое же общество нам строить? Или ничего не загадывать, а строить как строится, положиться на Бога и вперед — авось выйдет что-то путное, вывезет кривая к молочным рекам с кисельными берегами?*

— Строить надо на основе здравого смысла. И главное — стремиться создать общество, обеспечивающее оптимальные условия для самореализации личности, то есть общество здравого смысла. Именно в этом предназначение любого общественного устройства. Жизнь коротка, и тот строй лучше, который создает человеку лучшие условия для самореализации. Я не глашатай абсолютного индивидуализма, понимаю, что человек обречен жить в обществе, но право на самореализацию — святое право. А сейчас и у нас, и на Западе государство продолжает господствовать над человеком, а чиновник постоянно загораживает дорогу к свободе...

— *Как написал однажды Евгений Евтушенко: «Хуже нету черта, чем чиновник, ведьмы нет когтистее, чем власть...»*

— Вот-вот! Там, где есть независимые суды, парламенты, печать, там чиновник и вообще государство вынуждены вести себя осторожней, поэтому степень наглости и произвола бюрократов в разных странах разная. По идее свободный гражданин должен нанимать себе слуг, которые выполняют те функции, которые ему не по силам. Это — президент, министры, главный полицейский города. И если они не выполняют своих обязанностей, то должны уйти. А у нас? В ночь на 4 октября этого года¹¹ я поехал в Москву из загорода. Свидетельствую: милиции на улицах не было, город управлялся только светофорами... И это лишь крохотный пример полной безответственности тех, кому мы платим. Сейчас переходный период, время борьбы, когда решается вопрос: или человек наконец встанет выше государства, или оно его вновь придушит. В России государство всегда было связано с насилием. С 1985 года началась «революция сверху». В 1991 году низвергнута КПСС¹², которая одновременно и парадоксально была носителем и тормозом этой революции. А сейчас кто носитель революции? Чело-

век к ней не подключен. И случится это только тогда, когда он получит собственность!

— Но ведь на Западе собственность давно священна, однако Вы и тамошним обществам отказываете в звании истинно демократических.

— Правильно. Все дело в степени свободы. Частная собственность — первый шаг на пути к ней. На Западе он уже сделан, и теперь многое зависит от уровня развития культуры в широком смысле: науки, образования, искусства. Она стала решающим фактором. Так будет и у нас. Поэтому, занимаясь экономикой, нельзя забывать, что культура-то превыше всего. И я считаю серьезной стратегической ошибкой наших радикальных реформаторов то, что в России культура сейчас оказалась на обочине.

ВРЕМЯ БАНАЛЬНОСТЕЙ

— Россия снова на распутье. Вы рассказали о векторе, по которому, с Вашей точки зрения, она должна следовать. Ну а какие конкретные шаги Вы считаете нужными именно сегодня?

— Наступило время конкретных тривиальностей. Все уже сказано, пережевано, истолковано, но если простые, привычные, повседневные дела не возьмут верх над многомудрием слов, то мы пропадем. Начну с простого: тебе кто-нибудь объяснил, как ты будешь жить завтра? К чему тебе готовиться?

— Нет, конечно. Напротив, чем больше читаешь и слушаешь заявления наших лидеров, тем больше запутываешься.

— А нужна такая система, при которой правительство, нанятое тобой, просто не имеет права не объяснить народу, что его ожидает! Иначе — это презрение к людям. Вот, скажем, ваучеризация¹³. Шум, гам, реклама, заседания, конференции! Но кто-нибудь сказал, как тебе компенсируют твой вклад, если завод, куда ты ваучер вложил, обанкротится? Или кто-нибудь объяснил внятно, куда мы идем в социальном плане? Сейчас я вижу активность только в двух сферах — в строительстве личных дач и в фермерстве. С дачами все ясно, а что касается фермеров, то это — энтузиасты, которые пытаются доказать, что они могут работать эффективней колхозов. Но ведь их душат налогами, и, вероятно, скоро задушат. Как и предпринимателей, занятых не торговлей, а производством; им, по-моему, скоро установят налог на прибыль в размере 101 %... Все это лишает труд человека мотивированности, а значит, и работать по-настоящему он не станет. Вот следствие отсутствия обратных связей между властью и человеком. А без них ничего хорошего ни из каких реформ не выйдет.

А знаем ли мы, куда и как распределяются наши налоги? Нет, неизвестно. Какая же это демократия? Мы сегодня часто говорим об опасности возврата авторитаризма, но ведь он никуда не уходил, он живет с нами!

— А вот еще одна банальность: пора спрашивать с самих себя. Мы охотно критикуем начальство — князюшку, государя, вождя, гениального генсека и еще более гениального президента. Ну а сами-то мы где? Пока мы не привыкнем требовать в первую очередь с самих себя, до тех пор мы ни на шаг не продвинемся к демократии... Да, пришло время банальностей, и нечего искать новые идеи, надо просто работать, чтобы реализовать то, что давно обсуждено... Но пока люди у нас не хотят работать, в основном потому, что государство продолжает быть поводом.

НАКАНУНЕ СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЯ

— *Самое время спросить: чем Вы заняты теперь?*

— Во-первых, я председатель Комиссии при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий¹⁴. Сейчас в этой комиссии мы активно занимаемся Кронштадтским мятежом¹⁵. Удивительные вещи выясняются! Например, установлено, что многие «свидетели» по делу о мятеже просто не существовали! Следователи все выдумывали, резонно надеясь, что никто ничего проверять не будет, если они придут к выводам, угодным властям. Устанавливаются и факты, которые заставляют иначе оценивать нашу историю. Скажем, известно, что были Кронштадтский, Ярославский и Тамбовский мятежи. И вроде бы все... А документы показали, что в это время крупные выступления против большевиков прошли примерно в двухстах местах России! То есть мы имеем основания говорить не об отдельных «вспышках контрреволюции», а о массовом народном недовольстве режимом.

— *Какие еще посты Вы занимаете?*

— Я президент Международного фонда милосердия и здоровья¹⁶.

Тут моя роль в том, что я беру на себя вопросы, которые надо согласовывать с правительством. Являюсь одним из учредителей Российско-американского университета, вхожу в совет директоров Фонда «За выживание», которым руководит академик Е. Велихов. Остаюсь вице-президентом Фонда Горбачева¹⁷, но это чисто формально. Кроме того, часто бываю за рубежом по приглашению университетов — читаю лекции о положении в России. Переходные периоды всегда сложны, и иностранцам важно понять, что происходит у нас...

— *Это и нам, россиянам, не худо бы понять...*

— Если говорить только по сути, то, на мой взгляд, вектор нашего движения правильный, но вот плитки, которыми укладывается дорога, часто хрупкие, ломкие, недоделанные. Вот парадокс! Все делается, чтобы движение остановилось: и чиновники стараются, и бюрократы всех рангов, и авторитаризм не сдаётся, а все равно мы идем к демократии... Видимо, инерция толчка так велика, что остановить движение трудно, даже мятежами...

— *О демократии: недавно вы создали фонд, который так и называется...*

— Да, Международный фонд «Демократия»¹⁸, президентом которого я являюсь, создан всего два месяца назад. Пока мы переживаем период становления. В наших планах — своя газета, ориентированная на интеллигенцию, и теоретический журнал, который, наверное, назовем «Человек и власть». Думаем вести научные исследования, установить стипендии для молодых, активно работающих интеллектуалов.

— *А откуда деньги?*

— Будем просить у деловых людей. Надеюсь, они нас поймут.

— *Александр Николаевич, Вы по-прежнему энергичны, многое успеваете, Ваша работоспособность вызывает белую зависть. Но все-таки 2 декабря Вам исполнится 70 лет. В этом возрасте для людей, как правило, особенно важны семья, дети, внуки. И Вы, как я догадываюсь, не исключение?*

— Отнюдь. Например, самое радостное для меня событие последнего времени — это то, что мой младший внук Колька начал ходить! А самая старшая внучка Наташа — уже совсем взрослая. А другая, Саша, ей 18 лет, уже преподает в школе русский язык и очень этим увлечена... Ну и так далее.

— Значит, Саша пошла по стопам бабушки?

— Да, Нина Ивановна много лет была учительницей.

— А дети — Наталья и Анатолий?

— Наташа — генеральный директор издательства «Материк», сейчас крутится, бегаёт — ищет кредиты для задуманных изданий. Хотя печатать классику, книги по истории искусства. А Анатолий — выпускник философского факультета МГУ, кандидат наук, специализировался по зарубежной философии, а с прошлого года стал главным редактором философского журнала «Путь».

НАПОСЛЕДОК

— Александр Николаевич, Вы — автор многих книг, статей, опытный журналист и в то же время — человек, который дал не одну сотню интервью. Скажите, есть ли вопросы, которые Вам никогда не задавали, а Вы на месте интервьюера задали бы Яковлеву обязательно?

— Интересно... Да, иногда возникают такие вопросы к себе... Вот, скажем, о том, что связано с самым сложным периодом моей жизни — с 1985 по 1991 годы... Никто не знает, сколько я провел бессонных ночей (банально звучит, но... правда), сколько было раздумий, мучений, вызванных моим вынужденным лукавством, тем, что приходилось наступать себе на горло, делать вид, что с чем-то согласен... Можно было встать в Политбюро в позу несогласия и выглядеть героем. Это было бы очень эффектно... Ну а польза делу какая? Ведь гласность в стране вводилась медленно, явочным порядком, шаг за шагом, и приходилось играть в разные игры: когда-то молчать (меня один оратор на пленуме ЦК даже назвал «великим молчальником»), иногда делать вид, что ты ни при чем... Но в итоге для гласности было сделано даже больше, чем можно было надеяться в тех условиях, и тут моя совесть чиста... Меня порой начинают ловить на противоречиях в том, что я говорил прежде и говорю сейчас. Но ведь смотреть надо на дела, а не на слова! Но давались мне эти игры очень, очень тяжело... Даже трудно сейчас находить точные слова, чтобы объяснить все: то ли начнешь охорашиваться, то ли удариться в самобичевание... Но есть и другое, что остается «за кадром». Вот, например, недавно у себя на участке я сажал яблони, и так мне это понравилось, так хорошо было! Почему-то об этом меня никто никогда не спрашивает...

№ 22

**«Я БОЛЬШЕ УВАЖАЮ ДЕМОКРАТОВ ПО УБЕЖДЕНИЮ,
ЧЕМ ДЕМОКРАТОВ ПО НАЗНАЧЕНИЮ»**

Независимая газета, 2 декабря 1993 г. Беседу вел С. Ступарь.

— Александр Николаевич, за плечами уже 70 лет. Какие наиболее яркие страницы жизни Вы сами хотели бы вспомнить накануне юбилея?

— Вопрос этот для меня не новый. Я сам часто задумываюсь над ним. А действительно, какие же моменты в моей жизни были самыми яркими? И как-то так видится, что вся жизнь сама по себе является яркой, и вот так выделить что-либо из нее трудно. Но все-таки самое яркое, что запомни-

лось, это, конечно, детство. Я вырос в деревне Королево в Ярославской области в крестьянской семье. Там и получил первые уроки жизни. Дальше юность... У нашего поколения ее практически не было. Война. Ярким воспоминанием было, пожалуй, лишь одно — это бесконечное количество смертей моих друзей и товарищей, но это скорее трагические страницы, а не яркие. С 1941 по 1943 год я был на фронте, и повидать пришлось всякое. В ходе одной из рукопашных схваток в окопах противника получил тяжелое ранение и в 1943 году был демобилизован из армии по инвалидности. С тех пор хромаю на одну ногу. Это и определило в значительной степени в дальнейшем мою судьбу. По возвращении в 1943 году в Ярославль поступил учиться в местный педагогический институт. Людей тогда не хватало, а тут молодой фронтовик — был замечен и вскоре направили учиться в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Затем в 1946 году вернулся в Ярославль на партийную работу. Прошел там путь от инструктора до заведующего отделом обкома КПСС. Что бы ни говорили о партийной работе, в то время это была хотя и рутинная, но интересная работа. Сейчас иногда создается впечатление, что все тогда думали и действовали одинаково, партийные функционеры шли к людям с некой злой волей. Это совсем не так. В Москве, наверное, действительно было все — репрессии, интриги и многое такое, о чем даже говорить не хочется. Но вот на периферии, на селе люди жили другой жизнью. Они боролись за выживание. Причем эта борьба была как бы окрашена надеждой на лучший завтрашний день. Человек ведь, как бы ему ни было трудно, все равно продолжает жить иллюзиями, мы все равно продолжали верить, потому что это естественное свойство человека — верить в лучшее. И дальше так будет, и даже сейчас мы делаем то же самое. Утопии все равно будут с нами. Другое дело, что будем ли, захотим ли мы теперь наши жизни насильно запикивать в рамки этих утопий, глину из себя делать, возобновляемые ресурсы... Но все равно мы всегда останемся где-то романтиками на грани с утопиями.

Затем двадцать лет (с 1953 по 1973 год) работы в аппарате ЦК КПСС. Здесь, конечно, пришлось повидать и испытать многое. Ярким впечатлением был, конечно, XX съезд партии¹. Он оказал на меня огромное влияние.

В 1973 году был отправлен послом в Канаду, где пробыл 10 лет². Это, конечно, было все ответственно и любопытно, но неинтересно... скучно. Для этой работы надо иметь соответствующий характер, который исходил бы из принципа — чем скучнее, тем лучше. Это не для меня.

Ну и, конечно, самый яркий и интересный период — это последний. Он для меня еще пока даже не поддается полному осмыслению и анализу. Как только я пытаюсь это делать, все время в сознание внедряются разные противоречия. Ты себе говоришь одно, а тебе откуда-то там из сознания кто-то кричит: «Да нет, не то, не так!» Вот эти внутренние споры и драки, видимо, еще будут продолжаться. И не только у меня. Вы заметили, например, что сейчас пока еще не появилось ни одного серьезного художественного произведения, которое бы описало ту глубочайшую драму последних лет. Психологическую драму вот этого вот перелома в сознании людей, в их привычках, впечатлениях, взглядах... Драма, трагедия и комедия — все тут! И нет пока такого адекватного описания. Даже на научном, даже на политическом уровне. И это понятно. Очень трудно пока осмыслить эти события, ибо они еще не закончены! Еще пока не ясно, какие последствия возникнут за теми или иными уже совершёнными действиями.

— Но Вы все-таки пытаетесь осмыслить этот период?

— Да, конечно. Вот только что, буквально несколько дней назад, я закончил рукопись новой книги, которая будет называться «Реформация в России и большевизм: от Горбачева к Ельцину»³. Я прекрасно понимаю, что в ней с точки зрения анализа многие вещи уперлись и не поддаются объяснению. Но я убежден, что если мне выпадет жребий пожить еще энное количество лет, то через некоторое время я буду читать эту свою книжку с любопытством в том смысле, что вещи, над которыми я сегодня мучился, тогда станут ясными как божий день. Сама жизнь очистит эти явления от налета конъюнктуры, субъективных действий, давления... все будет яснее тогда.

— А не кажется ли Вам, Александр Николаевич, что многие события, происшедшие в последний период нашей российской истории, произошли по субъективным, случайным причинам. Ну, например, кто-то на кого-то обиделся и поступил не так, как задумывал, а иначе. В результате мы имеем зачастую совершенно противоположный результат тому, который хотели получить.

— Это верно. Но для этого надо еще понять, почему этот деятель поступил именно так, а не иначе. А вот это уже не случайно. Это, казалось бы, на первый взгляд случайное субъективное действие в итоге явилось результатом действия многих субъективных сил, предыдущего опыта. И тогда это решение уже не выглядит субъективным и замешано на объективных вещах. Конечно, есть сугубо субъективные причины, например кадровые. Не будь их, разве оказалось бы столько предателей вокруг Михаила Горбачева в 1991 году? Да то же самое происходит и сейчас, судя по опыту 3 и 4 октября в Москве⁴. Может, в другом виде, в другом ракурсе, но повторилось.

Я думаю, что мы сможем избежать этого субъективизма в значительной степени только тогда, когда уйдем от идеологической селекции, которая и сейчас еще продолжается при демократической власти, а при большевизме была абсолютной. Когда мы от такой идеологической селекции кадров перейдем к селекции по профессиональному принципу, тогда будет и меньше влиять фактор субъективизма.

В западных демократиях ведь не случайно чиновники — государственные служащие не участвуют в политической деятельности. Они могут участвовать в выборах, симпатизировать какой-либо партии, но если вы его спросите, за какую партию он голосовал, то он не ответит. Он скажет, что голосовал, например, за Мак-Милана как за личность, но не за его партию, которая его не интересуется. Конечно, его все интересуется, но он демонстративно не подчеркивает этого, и в этом заложен серьезный смысл. Поэтому весь этот субъективизм идет от продолжающейся идеологизированности нашей жизни. Только тогда идеологическая селекция отражала интересы большевизма: моновласти, монособственности, моноидеологии. Сейчас эта идеологическая селекция отражает интересы пришедших к власти демократических сил. Не случайно ведь до сих пор возникают требования о люстрациях.

А ведь принцип-то здесь должен быть совсем иной: если кто-то совершил какой-то проступок — пусть решает суд. Не виноват — так не виноват.

— Александр Николаевич, события 3 и 4 октября в Москве показали, что в России есть силы, не просто называющие себя фашистами, но и способные решительно действовать. Как Вы считаете, после разгрома октябрьского мятежа осталась ли опасность прихода фашистов к власти в России?

— Я думаю, что если мы будем вот так спокойно относиться к этому явлению, как сейчас, то приход фашистов к власти в России остается вероят-

ным. Чтобы этого избежать, надо добиваться того, чтобы в России действовали законы. Например, чтобы выполнялся закон о преследовании за разжигание национальной розни. Или, например, как понять такой факт? Президент запрещает издание газеты «День», а она продолжает продаваться в Москве, хотя и под другим названием. Причем печатается то в Беларуси — что можно подвести под понятие подрывной деятельности соседнего государства, хотя я думаю, что правительство этой республики не причастно к этому, — то в Липецке, то в Мытищах. А между прочим, директора типографий находятся на контракте с государством. Ну где вы такое можете увидеть? В каком демократическом государстве такое может случиться? Нигде. Только у нас. А это говорит лишь о благодушии власти. Получается синдром какой-то странной демократии, которая своим действием или бездействием удивительным образом превращается в антидемократию. Ибо когда люди судят о демократии как о возможности просто поговорить о демократии или покрасоваться — это антидемократия и к власти как таковой никакого отношения не имеет. А на самом деле власть сейчас не у демократов, а у чиновников. Наши министры изображают, что у них власть. Да нет у них никакой власти! Это все театр. Власть у чиновников, у директоров предприятий, председателей колхозов и совхозов. Вот они и деругся против реформ.

— Ну, с принятием новой Конституции⁵ все, наверное, должно измениться?

— А кто будет ее выполнять? Опять же чиновник. А суды у нас еще в значительной степени номенклатурные, из прошлого. На уже состоявшихся судебных процессах против фашистских действий на 99 процентов выигрывают вот эти представители фашизма. Судебные иски не имеют успеха. Почему? Потому что за борьбой между исполнительной и представительной властями мы как-то забыли про третью власть — судебную, которая продолжает действовать в основном по-старому: во-первых, некомпетентно, во-вторых, с определенным идеологическим уклоном, который еще сохранился от прежних времен.

— Как же Вам, Александр Николаевич, в условиях партийного догматизма и интриг удалось сформировать нормальное демократическое мировоззрение и, образно говоря, сохранить живую душу?

— Как-то вот так получалось, что с самого начала мне приходилось общаться все больше с представителями творческой интеллигенции. Это было и в Ярославле, и затем в Москве. Моими товарищами и друзьями были музыканты, художники, писатели со своеобразным мышлением и взглядами, со всеми присущими им пороками, но и со всеми надеждами, романтикой. Главным же, что изменило мое мировоззрение, мою идеологию, было то, что я занимался идеологией. И занимался, должен вам сказать, серьезно. И стало постепенно как-то, шаг за шагом, все чаще «тошнить». И я тогда снова обращался к первоисточникам. Когда ты молодой, то просто веришь, а становишься постарше, одной веры становится уже мало, хочется разобраться поглубже. А как только ты начинаешь разбираться в том, во что веришь, вот тут оно и трескается. Оказывается, и здесь все замешано на власти, на лицемерии и лжи. По крайней мере на высшем уровне.

— Может, на Вас значительное влияние оказала учеба в США 1957—1958 гг. в Колумбийском университете?⁶ Вы ведь были одним из первых среди советских людей, которым позволили сделать это.

— Нет. Хотя, конечно, в информационном смысле я многое там приобрел и узнал. Но в идеологическом плане получился обратный эффект.

Это ведь было время идеологической войны. Поэтому, когда ты читаешь дурацкую пропаганду о своей стране, это вызывает лишь недоумение, и начинаешь думать, что же это за демократия такая, если она опускается до самой примитивной лжи. Это не способствовало пониманию, а, наоборот, вызвало лишь подозрительность к искренности всех этих слов, которые были лишь прикрытием обыкновенного массового оболванивания.

— *Александр Николаевич, Ваша успешная партийная карьера в те годы, наверное, не могла бы быть таковой, если бы не было какого-то могущественного покровителя, «толкающего» Вас по ступенькам вверх? Протекционизм ведь был обычным явлением в те годы.*

— Это интересно, но у меня никогда не было никаких «покровителей». Вот уж чем я могу гордиться, подводя определенные итоги, так именно этим. Хотя гордиться тут особенно нечем, нормальное дело. Но за свою партийную карьеру я ни разу не пользовался чьей-либо протекцией. Я сам все для себя делал. Начал писать, а это тогда замечалось. Потом, что было важно, биография нормальная — из крестьян, фронтовик, все столбики составлены по графам. Нет, я как-то всегда сочинял свое сознание сам и, кстати, до сих пор это делаю. Для меня абсолютных авторитетов не существует, хотя, конечно, интересуется, кто что думает, но чтобы чья-то точка зрения воздействовала на меня — этого нет.

— *Но тем не менее, Александр Николаевич, Вы все-таки решили принять участие в выборной кампании 1993 года, баллотируясь в Государственную думу по списку Российского движения демократических реформ⁷. Почему вы выбрали именно РДДР, а не другую партию или блок?*

— Если честно сказать, то для меня важно то, что РДДР все-таки возникло еще в период могущества КПСС. И я больше верю в демократические убеждения тех людей, которые тогда начинали, чем-то рискуя, не зная еще, чем дело закончится. И поэтому я больше уважаю демократов по убеждению, чем демократов по назначению.

— *В случае избрания в Государственную думу, чем бы хотели там заниматься?*

— Ой, вот никогда не надо загадывать, ей-Богу. Я считаю так, что, когда человек начинает сам лепить свою карьеру, он обязательно провалится. В какой-то искусственной дележке власти я участия принимать не буду, это не для меня. Я лучше еще одну книжку напишу.

— *То есть Вы верите в судьбу?*

— Да, верю. Есть такое. Есть такое.

— *Александр Николаевич, все-таки 70 лет — немалый возраст. Чувствуете ли Вы этот груз лет?*

— Нет. Не чувствую. Меня даже настораживает это. Я иногда думаю про себя: а вдруг вот начну что-то забывать, трудно подбирать слова, связки, да мало ли еще чего. Но нет. Сплю хорошо, по ночам не хожу. Праздники переносю хорошо. В общем, все вроде по-прежнему. Хотя с 20 лет являюсь инвалидом и два осколка живут со мной — один в легких, другой в ноге. Бегать я не могу, быстро ходить тоже, но я к этому уже как-то привык. Это уже мое как бы. Да и времени нет заниматься таким самокопанием. Кроме писания книг, закручивает суета вокруг всех этих разных общественных обязанностей. Да и, слава Богу, пока и люди не забывают. Заходят, советуются. Просто поговорить иногда. Так время и летит.

— *А на досуге физическим трудом занимаетесь?*

— Да, работаю на даче. Вот этой осенью только посадил 20 деревьев — яблонь, слив и вишен. Да вот морозы ударили, а снега мало. Беспокоюсь, как бы не померзли. Жалко будет. Но, может быть, Бог даст, и пронесет.

— *А семья большая сейчас?*

— Жена, двое детей уже взрослых, шесть внучат, три сестры. Каждый год собираемся с ними в родительском доме в Ярославской области проведать могилы родителей.

№ 23

«У НАС СВОЕ МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ»

Президент, 15—17 декабря 1993 г. Беседу вели А. Зверев, В. Щепкин.

Есть люди, мнение которых всегда почитается в обществе в силу их жизненной мудрости, огромного опыта. Александр Николаевич Яковлев, который недавно отметил свое 70-летие, известен, наверное, любому из нас. Он один из тех, кого бешено ненавидят «непримиримые», обвиняя его в «предательстве интересов партии» (которая, кстати, успела, прежде чем испустить дух, отобрать у него партбилет), в развале СССР, поддержке «оккупационного режима»... Брань к вороту не липнет. Человек, сумевший не переметнуться, не перекраситься, а в мучительной борьбе с самим собою и всей своей прошлой жизнью кардинально пересмотреть свои взгляды, достоин всяческого уважения. Потому с его мнением и считаются. Потому его слово авторитетно.

— *Александр Николаевич, как Вы оцениваете нынешнюю ситуацию в России?*

— Сегодня мы многое рассматриваем через призму того, что произошло в последние месяцы. Отвечая на упреки многочисленных критиков событий в Москве в начале октября¹, скажу: во-первых, демократию, конечно же, через дуло или ствол пушки не строят. Это очевидно. Тут наши критики правы. Лично для меня, например, фактором, определившим отношение к этим событиям, стал ответ на вопрос: а кто пришел на защиту Белого дома? Говоря по совести, еще не знаю, как сам бы поступил, не будь этих защитников. Но когда к парламенту пришли откровенные фашисты, не скрывающие своих целей, средств, намерений, то вопрос для меня решился однозначно: фашизм требует соответствующей реакции.

Мне могут возразить, дескать, раньше-то куда смотрели, когда фашизм наступал? Почему власти этого как бы не замечали? Так ведь я и сам неоднократно задавал этот вопрос нашим лидерам. В журнале «Новое время», еще в марте. И раньше, на Конгрессе интеллигенции, где призвал всех здравомыслящих людей объединиться против фашизма². Это было в феврале.

Я был очень рад, когда, выступая на другой день перед телезрителями, президент сказал о том же — о необходимости борьбы с фашизмом. Резко, недвусмысленно сказал. Но то ли в силу известной консервативности наших правоохранительных органов, которые не разделяли эту точку зрения, то ли еще почему, но слова так и остались словами. В конце концов это и привело нас к трагедии, заставило прибегнуть к крайним мерам.

Демократия получила сейчас более широкое поле для маневра. Она в очередной раз выстояла в открытом бою, но как бы не проиграть сражение в «ползучем варианте»! Возможность такого исхода есть. Силы реставрации объединяются, и очень активно.

— *Демократия выстояла, но победила ли? И если нужна победа, то какой ценой?*

— После этих весьма и весьма трагических событий, в ходе демократических реформ наступает, наконец, период созидания. Хватит, навоевались. Пусть каждый, наконец, займется своим делом. Уберет с дороги камень, подметет свой дом.

Уверен, сапоги-валенки будут, экономика стабилизируется. Но уже ощутили провал там, где задним числом не доделаешь. Я говорю о культуре. Ну не допишешь «потом» два романа или четыре оперы. Или, что еще важнее, не пошлешь девятиклассника снова «доучиваться» в первый класс. Это уже необратимо!

Мина, заложенная под наше будущее, рано или поздно разорвется. Как этого не понимают и наше правительство, и власть предрержащие — вот где для меня загадка!

— *Когда в СМИ или с высоких трибун говорят о культуре, образовании, подразумевают обычно сугубо материальный аспект: добавить средств, улучшить снабжение...*

— Конечно, чтобы учить детей, нужны стены, школа, где бы они чувствовали себя тепло во всех отношениях. Чтобы были учителя, которые могут учить, и учебники, по которым можно учиться. Это — самое что ни на есть неотложное. Хотя важнейшей стороной остается и содержание учебных предметов, и квалификация учителей.

В духовной культуре, по-моему, вообще творится нечто несусветное. Когда я, скажем, беру билет в театр, то тем самым отдаю свои деньги на культуру, а не на ту же армию или содержание разбухшего бюрократического аппарата. А с меня плюс ко всему взимают еще и налог за покупку. По существу, налог с культуры! Ну кто, когда, какое государство наживалось на культуре?

— *Александр Николаевич, Вы — действительный член Российской академии наук. Многие утверждают, что интеллектуальный потенциал общества является показателем его здоровья. Между тем экономический кризис особенно сильно ударил по нашей интеллигенции, ученым. Они вынуждены сегодня заниматься бизнесом, коммерцией. Что ждет отечественную науку?*

— При таком отношении государства скорее всего упадок. Есть азбучная истина: в цивилизованном обществе нет ничего рентабельнее науки. Иные изобретения приносят доход, который не в состоянии дать ни одна из отраслей промышленности. Просто подсчитывать размеры этого дохода нам, как говорится, недосуг.

Другое дело, что и науку надо реформировать. В чем-то себе отказывать, а в чем-то кардинально пересматривать собственную деятельность. Есть ли в мире институты с пятнадцатью тысячами сотрудников? Или объясните мне, как можно — целым институтом! — ходить на работу философствовать? Философов нам нужно — одного, ну двух. Но десять тысяч...

К слову, в общественных науках я больше доверяю системе специализированных журналов. Пусть в их штатах будут двадцать, сорок, шестьдесят

сотрудников — талантливых ученых, консультантов. Но зато и результат работы окажется налицо. Суммируя, скажу: отношение к науке, как и в целом к культуре, нам нужно в корне менять.

— *Вы — оптимист? Суждено российской демократии обрести когда-нибудь свою неповторимость, самобытность?*

— Российская демократия даже при нормальном ходе вещей будет непохожа ни на одну из известных европейских демократий. Во-первых, потому, что мы ее завоевали с опозданием лет на пятьсот и. стало быть, совсем в другое время строим. Во-вторых, мы все-таки географически расположились как бы на стыке культур, европейской и азиатской: ни от того, ни от другого не отделаться, не отмахнуться. И в-третьих, за спиной у нас — тысячелетний крестьянский уклад, вековые традиции культуры столь великой, сколь и уникальной.

Я убежден, что, если мы когда-нибудь определим для себя, что же такое демократия (а мы пока этого еще не знаем), поймем ее как отношения между людьми, — родится нечто новое, гораздо более передовое, чем даже нынешние европейские модели. Более того, России суждено, уверен, стать державой наиболее демократической и процветающей. Это законы цикла, тут уж ничего не сделаешь. (Вспомните историю падения и взлета греческой, римской империй). Запад пойдет вниз, мы — на подъем. Если, конечно, сами себе не помешаем.

Иногда сам себе задаю вопрос: что же всех нас ждет? Не знаю, не хочу загадывать. Я стою за мировое экономическое, человеческое пространство, не признающее надуманных границ, препонов, идеологических клише. Уверен в главном — у России свое место под солнцем. Великое место.

№ 24

АРХИТЕКТОРУ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРЕДСТОИТ ПЕРЕСТРАИВАТЬ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Известия, 24 декабря 1993 г. Беседу вел Г. Симанович.

Итак, Александр Николаевич Яковлев назначен руководителем Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию и одновременно будет исполнять обязанности председателя РГТРК «Останкино», сменив на этом посту Вячеслава Брагина¹.

— *До какой степени неожиданным было для Вас предложение президента?*

— Абсолютно неожиданным.

— *Можно легко предугадать, в чем станут упрекать президента его оппоненты: ведь Вы никогда профессионально с телевидением связаны не были.*

— Да, если, конечно, не считать заведование сектором телевидения и радио в отделе ЦК КПСС в те времена, когда появились «Маяк», «Кругозор», когда, собственно, и строилось «Останкино»². Я неплохо знаю этот комплекс, его помещения, службы. Разумеется, многое предстоит изучить и узнать в структуре нынешнего «Останкино», как говорится, своими руками пошупать механизмы, вращающие эту сложную машину.

— *В какой степени Вы намерены влиять на тематику, характер, художественный уровень останкинских программ?*

— Я все-таки вижу свою задачу как стратегическую, далекую от столь конкретной опеки над телепрограммами.

— Но у Вас есть свои вполне определенные и твердые политические симпатии и антипатии. В какой степени они будут сказываться на эфирной политике государственных каналов?

— Главное мое партийное пристрастие, основной предмет моей симпатии — демократическая реформа в России. С этим связаны мои надежды, здесь мои ориентиры. Подвижность реформ высока, ход их драматичен и сложен. «Четвертая власть» обязана чутко слушать и передавать пульс времени. Дай Бог справиться с этой задачей, не впадая в крайности, сохранив и хороший догматизм демократа, и ощущение динамики демократического обновления.

— Что Вас беспокоит больше всего на этом, начальном этапе вашей новой работы?

— Во многом еще предстоит разобраться. Но, по имеющимся у меня сведениям, одной из самых больших является проблема коррупции на телевидении, связанной с многомиллиардными рекламными заказами. Техническая оснащенность государственного телевидения сегодня такова, что необходима модернизация, то есть срочная помощь правительства. Предварительные, обнадеживающие переговоры об этом у меня уже состоялись.

— Ваш новый пост — тяжелая ноша. И в физическом, и в психологическом плане. Вас не обидит вопрос, как Вы это осилите в Вашем возрасте?

— Не обидит. Я понимаю, сколько потребуется энергии. Надеюсь, ее у меня хватит. Возраст — далеко не всегда надежный критерий. Я знавал 30-летних, которые проявляли на серьезных должностях пассивность и апатию, более свойственную восьмидесятилетним. Не в возрасте дело...

1994—1999 годы

№ 25

«ЕСЛИ СКАЗАТЬ ЖЕСТКО, Я БЫ УСТАНОВИЛ СЕЙЧАС ВРЕМЕННУЮ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НОВОВВЕДЕНИЯ»

*Московские новости, 30 января — 6 февраля 1994 г.
Беседу вели В. Лошак и Е. Чекалова.*

Какую бы должность ни исполнял Александр Николаевич Яковлев, масштаб его личности был и будет выше любого назначения. Тем не менее поводом для нашей беседы стала новая роль, которую взял на себя Яковлев, — руководителя Федеральной службы по теле- и радиовещанию¹.

— Честно сказать, начал я на телевидении совсем не с того, что планировал. Погряз в бумагах, в несуразности финансов: государство — должник «Останкино», «Останкино» — должник Минсвязи. Деньги перекладывают в одном и том же кармане, каждый раз добавляя НДС.

МН: А чем бы Вы хотели заниматься? Каковы внутренние мотивы такого изменения жизни?

— Многие мои друзья так и спрашивают: «Ну зачем тебе это надо?» Я и сам спрашиваю: зачем? Это ведь кратчайший путь к потере репутации. Кратчайший — как прямая между двумя точками. Но я чувствую и свою ответственность за определенный этап демократического развития страны. Как всегда бывает в российской истории, в какой-то переломный момент обязательно мы инерционно проезжаем мимо, потом оглядываемся назад, а уже поздно. Вот сейчас с 1985 года до декабря 1993-го — этап, который исчерпал себя. Это не значит, что он был бесполезен, со всеми ошибками и с успехами.

МН: В каком смысле исчерпал?

— В том смысле, что преобразования, демократическое, экономическое развитие — они же строились на старом государстве, старой номенклатурой, путем перераспределения власти среди элиты. Вполне резонно спросить: а что после декабря изменится? Та же элита, то же распределение власти, то же тоталитарное наследие. Чиновник ходит хозяином по земле мимо власти. Он отказывает вам, он выгоняет вас за дверь и управляет властью. Когда он подхалимничает перед вышестоящими — это тоже проявление власти. Вот этот многоликий наш прославленный чиновник продолжает осуществлять власть. А есть еще верхний слой, который изображает, что он властен.

Как бы мы и что бы ни писали, но принятая Конституция² — это законодательный акт, который пропахал старое государство, провел юридическую борозду. Подходить ко многому надо уже по-другому, раз мы строим демократическое, правовое государство. То есть разрушительный этап закончен, и все должно быть направлено уже совершенно на другое. Если сказать жестко, я бы сейчас установил временную уголовную ответственность за нововведения. Кто выдвинул большую новую идею — под суд. Давайте каждый делать пусть маленькое, но дело. Дело. А Россия страдает — то мы такое строим, то эдакое, то еще что-либо. Но все проваливаем! Капитализм, социализм, коммунизм — все проваливаем. Я все-таки думаю: когда

человек будет поставлен перед реальной проблемой личной собственности, ответственности за себя, потихоньку что-то начнет меняться. Пусть через все эти рытвины — коррупцию, воровство, преступность. Они, кстати, тоже не случайны. К чему бы это вдруг такой букет? Это сугубо объективное явление, и с ним ничего не сделаешь. Этот этап проходит, человек должен убедиться, что такое все равно ни к чему не приводит: украл, прожил, пропил, раздарил, удовлетворил какие-то страстишки... Это не переспектива.

МН: Как вообще происходило новое назначение?

— Президент сначала прозондировал, потом сам позвонил в выходной. Позже встретились.

МН: Ради чего Вы пошли на телевидение?

— Ради того, что, если мы и дальше будем с вами накачивать катастрофическое сознание в обществе (а для этого формальное основание есть), мы действительно разорвем его. Я думаю, общество находится на грани психологического надрыва.

Надо нашими средствами, в частности телевидением, как-то успокаивать народ. Вот милая девочка-диктор появляется: «В нашей стране, которая не-удержимо катится в пропасть, dna этой пропасти не видно...» Через 2 часа новый выпуск «Новостей», другая выходит, не менее красивая: «В нашей стране, которая несется в пропасть...» И вот за день услышишь 8—10 раз все это. Неужто жизнь из одних пропастей?

МН: Психологически над Вами не висит эта черда людей, бесславно закончивших карьеру именно на месте руководителей «Останкино», от Лапина до Брагина³?

— Меня это не волнует. Я уже и изгнан был, и сам уходил. Нет, не волнует. К проблеме властного порядка я равнодушен абсолютно. Я понимаю, что начнется бешеная критика со стороны моих «старых друзей». Делать-то им больше нечего. Мы должны выработать — со временем, конечно, — иронический подход к этому. Если бы еще не семья, которая продолжает остро реагировать, — дочь, сын, жена, — то совсем было бы хорошо. Внутренних газет я уже не читаю. «Московские новости» вы мне присылаете, а других я не выписываю. Уж извините, ничего нового в газетах за последние годы не появляется. Ничего. Ну, может быть, иногда сообщат о научном открытии. А в политике мы как зашоренные лошади. Конная молотилка, которая ходит по кругу. Там лошадям обязательно надевают шоры, чтобы они не отвлекались ни направо, ни налево. Одно и то же, одно и то же.

МН: Мы недавно перечитали сборник «Реализм — земля перестройки» — Ваши статьи и выступления с 1985-го по 1990-й⁴. Насколько совпали те идеи, которые Вы закладывали в зону гласности, с тем, что сейчас произошло с прессой, телевидением?

— В принципе то и не то. Почему то? Свобода слова, печати должны быть. Это вне обсуждения. Без этого общество не построить. Тем более что четвертая власть никому не нужна, кроме общества. Законодательной, исполнительной власти не нужна, судебной власти тоже не нужна. Она нужна только обществу. И в этом ее специфика. Но понимаете, то, чего я боялся, к сожалению, оправдалось. И раньше во всех выступлениях я говорил: пишите что хотите, единственное, о чем я вас умоляю, — не врите, проверяйте факты, не надо оскорблять людей ложью. Гласность — это величайшее дело

для общества — вдруг подменяется дезинформацией, и это трагедия для демократии, это может ее убить, особенно в российских условиях. Защищать принципы демократии — это прежде всего быть абсолютно правдивым в фактах!..

МН: Вы сказали о том, что Вы постарались оградить себя от газетного чтения. Как же Вы все это смотрите по телевидению, когда Вам приходится просто с детьми, с женой Ниной Ивановной сидеть дома у экрана?

— Раньше я не мог смотреть телевидение с внуками и Ниной Ивановной ввиду пошлых программ, какая-то буквально школа обучения половой жизни. Когда в одном фильме идут события с подробностями, со вкусом — с женой мне стыдно было смотреть, с которой мы нажили двоих детей и шестерых внуков. Как же это можно смотреть?! Почему это считается раскованностью? Обыкновенное хулиганство! Представьте себе: все скинул с себя — и на тротуар. Так это действие наказуемо. А по телевидению — можно на 90 миллионов людей, на детей. Я этого не понимаю. Могу сказать, что у нас этого не будет.

МН: А какова Ваша линия в реорганизации «Останкино»?

— За полтора месяца я не могу упрекнуть ни одного человека в «Останкино», который игнорировал бы мою просьбу. Этого нет. Я ожидал худшего, ожидал сопротивления. Ничего подобного. Даже достаточно жесткие организационные изменения, скажем, упразднение администрации председателя. Я сейчас подпишу этот приказ и оставлю 130 из 300 человек — конечно, это жестоко. Делать-то нечего. У нас есть люди, которые вот уже год ничего не выпускают, ничего не делают и получают не только зарплату, но и премии.

Возможно, оно будет каналом акционерного характера при государственном участии, поскольку государство заинтересовано в политических и информационных программах, как в детских, скажем. Участвовать в этом деле акционерами, но при определенном договоре, при определенных эстетических условиях. У нас же нет эстетики дня, эстетики событий. Все это очень часто случайно. Кто что протолкнул.

МН: Ну а кадры? Скажем, с именем Добродеева был связан лучший, с точки зрения профессионализма, период информационных программ.

— А не согласились бы вы с такой постановкой вопроса — что это было время интересное, а не передачи?

МН: Да, время, но у людей подходы были другие к информации.

— Мне кажется, журналисты, мы все, иногда преувеличиваем собственное значение в событиях. Забываем: не мы их создаем — само время. Но, конечно, мы можем выполнять свою роль профессионально или непрофессионально, пошло или красиво. Это верно.

Но преувеличение профессионализма очень часто ведет к профессиональному кретинизму, когда человек становится рабом своей профессии. И выскочить из этой колеи, как на гонках, он уже не может. С пути сбился — упал. Я понимаю, что это важно, но сейчас какая-то волна: профессионалы, профессионалы... После новогоднего «Огонька» собрал в первый рабочий день людей, заставил их смотреть «Огонек». Я говорю: «Господа профессионалы, посмотрите вашу профессиональную продукцию». Сидели смотрели.

МН: И что потом?

— Стыд был очевиден.

МН: Вы полагаете, что стыд заставит выпускать хорошие передачи?

— А назовите хотя бы одну очень плохую передачу после нового года.

МН: На наш взгляд, сегодня в катастрофическом положении находится ИТА⁵. Нужно с информацией что-то делать, особенно с программой «Утро» и дневными новостями. Опять вдруг всплыли сюжеты про тракторы. Кому это нужно?

— *(Вздыхает.)* У этих корреспондентов нет денег даже на бензин. Что с них возьмешь?

МН: Знакомясь с Вашими статьями и выступлениями, мы обратили внимание, как в самые разные времена Вы возвращались к понятию гуманизма. Насколько мы все-таки можем гуманизировать наше общество?

— Я не оставляю этой сумасшедшей мысли. То, что выплеснулось, должно было выплеснуться. Мы же этого преступника 75 лет воспитывали! Хорошо, что не весь народ такой. Мы ж воспитывали доносчика, вора, человека без инициативы, чтобы он, упаси Господи, сам ничего не начинал делать. Мы воспитывали человека, который надеется только не на себя. Циника, искореженного человека. Если вы изменили жене — вас в партком, как будто измена кончается на этом. И вот ему надо перейти в новое состояние. Зло накопленное разбушевалось. Надо человеку стать естественным, только тогда он может стать гуманным. Свободным человек должен стать. Пока никакой свободы нет. Мы только ракушки отодрали от себя: в тюрьму за политику не сажают, говорим что думаем. Что особенно не думаем, тоже говорим. Но все равно путь к естественному человеку еще не пройден из рабства. Почему переходный период такой тяжелый? Да потому, что мы идем от феодального общества.

МН: Вы спокойны за будущее своих шестерых внуков?

— Я спокоен. Есть одна угроза — возвращение в ту или иную форму большевизма. Я лично не боюсь жириновских⁶.

МН: Как Вы определяете большевизм?

— Фашизм. Обыкновенный фашизм.

МН: Каковы главные его проявления у нас?

— Это классовая борьба. Если у немецкого фашизма была борьба наций, у нас — борьба классов. Это насилие как повивальная бабка истории. Это революции как локомотивы истории. (Я все цитирую.) Это отрицание гражданского общества. Это отрицание частной собственности. Это презрение к среднему классу, который назывался «дрянью».

МН: Когда Вы поняли, что обновление социализма невозможно?

— Где-то в конце 1987 — начале 1988 года. Действительно, в начале перестройки мне казалось, что стоит убрать у социализма вот эти «измы», дорожку почистить, колеса некоторые сменить... Мы сами себя мистифицировали. Мне казалось, когда «свобода», «инициатива» станут реальностью, все изменится. Ведь многое в конституции было провозглашено. Когда реформы начались, мы и напоролись на реальный социализм: реформировать ничего было нельзя, система сопротивлялась бешено. Я тогда предлагал разделить партию на две⁷. Сокрушить монстра можно было лишь с помощью тоталитарной пружины самой партии...

МН: Сегодня все это выглядит трагично?

— Нет. Много сделано. Мы были обречены на непоследовательность, нерешительность. Другого пути, кроме компромиссов, не было. Реваншизм противопоставил реформам кровь. Да мы и сейчас мостим дорогу плитками ошибок, хотя в целом дорога правильная.

№ 26

«НАСТУПИЛА ПОРА ПРАГМАТИКОВ...»

Аргументы и факты, № 13, март 1994 г. Беседовал В. Старков.

— Александр Николаевич, разгорелся скандал вокруг документа о якобы готовящемся заговоре против Президента России¹. Как бы Вы могли прокомментировать это событие?

— Здесь есть своя логика. Был один путч — неудачный. Была угроза смещения Президента во второй половине прошлого года, но она привела к октябрьским событиям². Все эти попытки не дали результатов. А руки, в которые так и не попала власть, чешутся. Нужна новая тактика. Ведь не случайно ни в 91-м году³, ни в прошлом провинция даже не шелухнулась в ответ на московские события. Кроме возмущения, там не было ничего. И те, кому хочется прервать ход реформ, понимают, что военный путч уже нереален. Поэтому одни новую программу пишут, другие перекрашиваются, третьи быстро отделяются от имиджа левейших, архилевейших радикалов, поскольку уже неудобно таковыми быть. Я вижу в появившейся бумаге желание еще раз поиграть на нервах руководства. У одного вызвать подозрение к другому. И думаю, что это не в последний раз.

— Но удивительно, что «версия» о заговоре упоминает даже и такого близкого к Президенту человека, как В. Черномырдин.

— Я думаю, что сейчас есть люди, которые хотели бы поссорить Предсовмина с Президентом. Для страны это было бы очень плохо. И это тоже один из вариантов так называемого путча — путем «вбивания клина». Все это политические «игрушки», с которыми наше общество незнакомо, но к которым, увы, приходится привыкать. На самом же деле, я считаю, что сейчас у нас есть возможности для стабилизации обстановки, особенно если мы начнем заниматься делами. И правительство, и Президент, и местная администрация. Кстати, сейчас власть перемещается на места, и это хорошо.

Интересно, что они уже многие вопросы, которые мы в свое время решали на Политбюро, решают сами. И правильно, и прекрасно! Причем регионы, при всей своей мощи и силе, и в уме не держат, чтобы разъединяться, разбегаться. Так, может быть, вот на эти два года договориться и просто поработать?

— Коммунисты тоже к этому зовут.

— У коммунистов другого выхода нет. Путч они уже два раза устроили, общество может с них и спросить.

— Из всего этого следует, что Вы предлагаете непростой, но в то же время соблазнительно ясный путь мира и согласия. И с оптимизмом смотрите на нынешнее развитие ситуации. А ведь, я помню, именно Вы полгода назад предрекали грядущие катаклизмы: мол, ребята, прячем семьи — и по сугробам. Есть ли сейчас эта «сугробовая ситуация»?

— Сейчас нет. Оба предыдущих раза я угадывал. А вот недавно был в Австрии, они чуть не в панике говорят: у вас амнистия, наступление коммунизма... А у меня такое ощущение, что в этом обществе что-то щелкнуло и часы пошли в нужном направлении.

Да, есть Зюганов, Бабурин, Умалатова, но что-то изменилось. Бдительность сохранять надо, лопоушества, которое так присуще демократическим силам, нельзя допускать. Но тем не менее после этих двух путчей авторитет тех, кто стоял за ними, резко упал. Не потому, что мы, демократы, оказа-

лись такими умными (наоборот, мы все делали для того, чтобы возвысить противников), но в силу объективных обстоятельств. Да и люди просто устали от всего этого, они поняли, что те, кто заботится о народе, не будут призывать к атаке.

— *Не таится ли в таком «мирном» развитии событий своя опасность: на местах, за счет местных выборов устранить от власти демократические силы, постепенно вернуть на министерские посты в центре старую номенклатуру. Это ведь уже происходит...*

— Да, действительно, назначают и будут назначать профессионалов, в отличие от непрофессионалов. Но вот вопрос: бояться ли нам этих профессионалов? Кого — да, а кого уже и нет. У меня были контакты с такими людьми. Они говорят: «Зачем вы толкаете нас к красно-коричневым? Мы давно политически нейтральны, мы готовы к рыночной экономике, к новому режиму власти, готовы участвовать в выборах. Но мы не согласны с тем, что делаете и как делает правительство. И больше ничего». Почему не допустить, что эти заявления — искренни? Если так, то это прекрасно. Мы всегда будем по методам расходиться, иначе не получится никакого плюрализма. Главное — не расходиться по цели. Я вообще думаю, что сейчас наступила эпоха прагматиков. А откуда их брать? Пока только из номенклатуры, хотим мы этого или нет. И если там уже есть не идеологизированные политики, а люди, преданные своей профессии, пусть работают.

Я думаю, общество сейчас нуждается в каком-то кратком отдыхе. Просто перевести дыхание. А для следующего этапа нашего развития еще надо посмотреть, с какими функциями нам нужен Президент. В конце концов, думаю, мы придем к выводу, что Президент у нас должен быть как арбитражная фигура: иметь отношения с армией, с внешними делами — и все. Остальное пусть делают профессионалы в парламенте и кабинете министров. Но и отвечают за свои дела.

— *Неужели так легко мы обратим во благо наследие прошлого? Есть ведь и абсолютно неприемлемые вещи, унаследованные нами от большевизма.*

— Да, и одна из неприятных черт большевизма заключалась в том, чтобы жить не жизнью, а имитацией жизни. Это страшная проблема, почти повсеместно унаследованная и нынешним чиновничеством. Она выражалась прежде всего в том, чтобы плодить бесконечное число призывов, соревнований, решений. Решений Политбюро, решений Секретариата, решений правительства, коллегий министерств, разных других государственных организаций, решений бюро обкомов, крайкомов, райкомов. Все эти решения, как черное облако, покрывали жизнь. Почему это происходило? В общем-то, это явление достаточно понятное. Когда ты не можешь решить настоящему какие-то жизненные проблемы, ты должен их заменить имитацией жизни. И люди жили в нереальном мире ложных надежд.

— *Это, кстати говоря, срабатывает.*

— А как же! Иначе большевизм не прожил бы 70 лет. А он живет и до сих пор. Потому что и сегодня среди решений самых разных уровней опять 10 % идут от жизни, а 90 % — мертвые. Глава администрации одной области показал мне папку решений, которую он накопил, и сказал: «Мне это не нужно, у меня другая жизнь». Там он ничего для себя не находит. Это продолжающаяся имитация жизни. Директор свинофермы под Москвой рассказывал, что ему выгоднее сейчас всех свиней зарезать, продать, у него будет 3 млрд руб., и если положить их в банк, тогда все рабочие этой свино-

фермы будут в два раза больше зарплату получать и ничего не делать. Он спрашивает: что же это за экономик?

— *Поговорим о способности управления. Вы, наверное, один из самых опытных на сегодняшний день политиков. При том, что постоянно рисковали карьерой, семейным благополучием, даже жизнью. В чем, по-вашему, искусство руководства?*

— Важно всегда чувствовать, что надо делать. Но есть определенные периоды в истории, когда еще важнее твердо усвоить для себя, чего не делать. Я, например, никогда не вступал в споры с Политбюро по мертвым, пустым вопросам, которые там часто поднимались. Вопросы при этом бывали очень крупные, и я должен был в обсуждении участвовать, но молчал, потому что чувствовал — они мертвы. Честно скажу, это чутье. Отделение «мертвого» вопроса от «живого» — какой-то внутренний механизм, который у меня работает.

Дальше. Наберись терпения выслушать людей. У меня было много случаев, когда человек приходит, говорит-говорит... Я ему в конце отвечаю, что ничего не могу сделать. А он мне: «Да я знаю, все равно спасибо, хоть выслушали». Почему-то в нашем обществе так сложилось, что мы не умеем по-человечески выслушать людей. Второе. Я бы посоветовал подрастающим чиновникам никогда ничего не обещать. Это обман, которым мы до сих пор занимаемся, то есть хотим один обман заменить другим. Можешь — сделай, и человек будет благодарен. Если ты сделаешь, не обещая, благодарность гораздо выше.

Сейчас, когда я читаю в чужих мемуарах, какие иногда нам приписываются сложные политические операции, интриги, то впору зазнаться. Но, увы, ничего подобного не было. Не надо считать нас такими умными.

— *Вы были членом Политбюро, человеком не просто входящим во власть, а стоящим у руля власти. Нет ли у Вас сегодня чувства, что вот пацаны сидят в Кремле, там же, где Политбюро заседало, творят какую-то ахинею... Это ведь касается не лично Вас, а целой страны. Заводы на грани остановки, угольщики бастуют. Ощущение, что при Вас такого не было.*

— Нет, такого чувства нет ни в малейшей степени. Я фаталист и считаю, что, значит, так тому и быть. Нас действительно с должности никто не гнал. Были и дача, и машина, и охрана. Мы же сами все начали. Многие сейчас этого не понимают. Но иначе могла бы быть просвещенная, но все же тоталитарная власть. Горбачев к этому вполне подходил. И надо отдать ему должное, он тоже в чем-то пошел на разрыв. И перевернул великую страницу в истории. Ведь можно было продержаться еще, ну десяток лет, но все равно это кончилось бы социальным взрывом. Неизбежно. Уже тогда мы шли к краху. Стабилизация, построенная на нефтедолларах, кончилась. И слава Богу, что энергия распада пошла у нас внутрь, а не вынырнула вовне. Тогда полный крах, всеобщая война...

— *Вернемся в день сегодняшний. Мне кажется, Вы довольно скупо рассказываете в прессе о своей работе на новом посту — председателя «Останкино»⁴. Как состоялось само назначение? Вы ведь и Борису Николаевичу, наверное, ничего не обещали?*

— Когда был зондаж, я отказался. Потом отказался второй раз. Мне это ни к чему. Я бы книгу еще написал... А ведь взялся за дело, которое ведет кратчайшим путем к потере репутации. Но в последнем разговоре я сказал Борису Николаевичу, что, во-первых, никто не должен вмешиваться в мои дела, это должна быть президентская структура. Если кому-то захочется да-

вать мне указания — я ухожу. Второе — я изложил ему идеологию «Останкино», как я ее мыслю. Суть такова. Мы людей взбаламутили. Конь встал на дыбы, до сих пор так и стоит, нельзя ли все-таки поставить его на четыре ноги? Попытаться средствами телевидения вывести общество из этого вздыбленного состояния. Надо видеть недостатки, критиковать их. Наши телекомментаторы все твердят: вот мы над пропастью, остался один шаг. А я говорю им: уже третий год мы этот шаг никак не делаем. Что же все толчемся-то? *(Смеется)*. Я как-то задался вопросом: сколько у нас предприятий в финансовом отношении не должны никому и им никто не должен? Оказалось, что таких 30 %. Так хоть бы об одном рассказали!..

— *Но в общем и целом Вы все же заняли совершенно новую и непривычную позицию: говорят, Вы не вмешиваетесь в подготовку программ, в работу студий. Это подход главнокомандующего, разрабатывающего стратегию и не желающего следить за тем, пришит ли у солдата чистый воротничок и правильно ли намотаны протяжки?*

— Да, я не хочу вмешиваться в программы. Видимо, это недостаток, но я даже не смотрю программы, которые пойдут в тот или другой день. Это не мое дело. Есть люди, которые отвечают за это. Я настаиваю сейчас, скажем, на освещении таких тем: собственник, чиновник, фермер, бюрократ, малый бизнес. В какой редакции, в каком это виде — это не мое дело, но я хочу, чтобы эти темы сейчас звучали, а профессионалы, которые этим делом занимаются, пусть сами ищут, в какой программе что сказать.

— *А как Вы вели себя в тяжелейшей ситуации с Министерством связи? Ведь телевидение оказалось чуть ли не под угрозой закрытия.*

— Я сказал: если правительство закроет телевидение, открывать его будет уже другое правительство. Распорядился не вмешиваться. Нельзя ставить себя в положение просящего. Пусть попробуют выключить. Я выполняю приказ правительства, оно мне платит. Я не пошел на заседание правительства по этому вопросу и передал, что с протянутой рукой туда не пойду.

Меня сейчас упрекают в одном — почему я такой спокойный? Обещают не дать денег, разгромить в ближайшее время во всей печати, дать в два раза больше отрицательной информации обо мне. Я знаю, почему она появится. Я издал приказы о запрещении бартера, о централизации рекламы.

— *И что дальше?*

— Пусть студии приватизируются и соревнуются, пробиваясь в эфир. Мы будем покупать программы. И рекламу отдадим, если купим передачу. Я думаю, мы разделим рекламу так: из 100 % — 40 % идут централизованно, 40 % — идут студии, остальные 20 % распределяются художественно-экспертным советом по рейтингам.

— *Между прочим, многие последние рейтинги ставят на первое место отнюдь не «Останкино», а, например, НТВ.*

— Я считаю, что это нормально. У всего вновь появляющегося рейтинг будет более высоким. Давайте подождем полгода.

— *А Вам не жалко, что ушли такие силы, как Миткова, Киселев? Ведь они могли бы быть в Вашей команде.*

— Двойственное чувство. С одной стороны — жалко. Я был бы рад, если бы они были у нас, но поскольку они ушли туда, где им больше платят, где они себя лучше чувствуют психологически, я рад за них. У меня и с Киселевым, и с Митковой добрые отношения. А требовать настоящей работы с людей, платя им гроши, нельзя. Это унижительно.

— Сейчас говорят о том, что две государственные телекомпании — это слишком много, что, может быть, нужно оставить какую-то одну из них. Что вам делить с РТВ? Да и не может даже богатая страна позволить себе два государственных Би-би-си.

— Я согласен, действительно нужна одна государственная компания, а для другой надо искать формы привлечения национального капитала. Например, нынешнее «Останкино» может войти как составная часть будущего акционерного общества. Но дело не только в финансах. Во-первых, «Останкино» — все-таки весь бывший Советский Союз и весь мир. Во-вторых, я лично считаю, что у «Останкино» должно быть свое лицо, и мы не должны точно дублировать другую телекомпанию.

— Знаете, Александр Николаевич, тех, кто удивлен Вашим хладнокровием, и в самом деле можно понять. Откуда в Вас эта неторопливая рассудительность, которая помогла решить множество проблем и, надеюсь, поможет и с проблемами телевизионными? Это философское спокойствие?

— Что мне помогло более здраво смотреть на вещи?.. Меня ведь воспитала не советская власть. Меня воспитал отец — даже политически. Я помню, как его арестовывали, как он прятался, кто и как его об этом предупреждал⁵. Я все это видел. Помню, когда в 41-м году было заявление ТАСС о Германии, отец с четырьмя классами образования сказал: «Все, сынок, война будет», — когда все вокруг только и твердили, что о ненападении. Как отец снимал портреты Сталина, а потом и Хрущева. Он был первым председателем колхоза — и ушел из него, сказав, что люди работать стали меньше. И значит будет беда. Простой ответ, правда? Стали меньше работать — быть беде. Только он, рассуждая простыми, здоровыми категориями, не подозревая, что это философия, вложил их в меня.

— Ну уж если мы затронули далекое прошлое, то расскажите, сколько лет Вы пробыли в Канаде⁶?

— 10 лет.

— Был ли у Вас переводчик?

— Первый год, для страховки. Чтобы был человек, который подтвердит, что я этого не говорил. Остальные девять лет я уже обходился без переводчика.

— Сколько лет вы учились в Колумбийском университете?⁷

— Год в аспирантуре.

— Вместе с Калугиным?

— Да.

— Когда Вы поехали туда, Вы понимали, что «подмачиваете» биографию, что это какой-то прокол в биографии?

— Да, я понимал это. И Крючков использовал этот прокол⁸. Хотя среди моего окружения из 17 человек, которые приехали вместе со мной, 14 были не от науки, вернее, от науки другого профиля.

Когда прокуратура завела на меня уголовное дело, были подняты все документы. Но ничего не нашли, кроме двух доносов. Олег Калугин давал интервью по моему делу, его и официально допрашивали. Допрашивали также Горбачева, Бакатина, Чебрикова.

— Чьи это были доносы?

— Резидентуры. Причем доносы эти — просто мои высказывания: я критиковал работу КГБ.

— А чем Вы еще занимались в Колумбийском университете?

— Я писал диссертацию по историографии американской внешней политики.

— *На какие доходы Вы живете? Лично Вы.*

— Я наконец-то получил зарплату в «Останкино», около 300 тыс. руб. Пенсия у меня 112 тысяч как у инвалида войны.

— *А как члену Политбюро?*

— Когда подошел пенсионный возраст, я подал все документы в районное отделение собесас, пусть он определит по закону. Тогда мне определили 400 руб. Две пенсии — гражданскую и военную. Военную пенсию я получаю с 20 лет. Члены Политбюро, уходя на пенсию, получали 500 руб. Болдин возмущался, докладывали Горбачеву. Как же так — в собес пошел!

— *Книги приносят какой-нибудь доход?*

— Я подсчитал (в издательстве дали мне полные подсчеты о доходах государства от книг), что, если бы мне дали все эти деньги, это было бы больше, чем все мои зарплаты — и в Политбюро, и до него.

№ 27

«ОСТАНКИНО» СЧИТАЕТ ДЕНЬГИ

Голос, № 12, 1994 г. Беседу вел А. Наджаров.

Три месяца назад, придя на телевидение¹, Александр Яковлев выслушал немало настораживающих сообщений о корыстных преступлениях в «Останкино».

— *Они подтвердились, Александр Николаевич?*

— Не во всем. К примеру, кое-кто из операторов, как мне говорили, не гнушался «брать на лапу» за показ во время, скажем, хоккейного матча глубокомысленного лица сделавшего «частный заказ» бизнесмена...

— *Возможно. Только это, по-моему, совершенно ненаказуемо.*

— Правильно. Однако есть еще такое понятие: репутация. И, сложившись определенным образом, она сама по себе исключает возможность продолжения работы подобного ловчицы в любом серьезном учреждении.

— *Ну а более крупные нарушения Вы обнаружили?*

— Не я. Специальное расследование по моей просьбе Президент поручил провести контрольной комиссии его администрации. Только что она закончила работу и вроде бы по-настоящему серьезных преступлений не обнаружила. Есть, правда, кое-какие подозрения, касающиеся хозяйственной деятельности бывшего заместителя генерального директора «Останкино» Бандуры, но делать выводы тут пока рано — собранные документы мы недавно передали в суд, пусть он разберется.

— *Кстати, о криминале. В последнее время распространяются слухи то о якобы нездоровье Президента, то о готовящемся очередном путче². Вот и во время отпуска Ельцина ваш же канал передавал тревожное сообщение одного из новых агентств о внезапном воскресном визите Черномырдина в Сочи, о неработающих телефонах Белого дома...*

— Ерунда все это, и зря в информационный выпуск поставили непроверенное сообщение. Черномырдин, правда, летал к Президенту, но не в воскресенье, а в понедельник, и не по поводу «готовящегося переворота», а утрясать поправки к бюджету, и уж, конечно, не из-за ельцинского самочувствия — мне бы его здоровье.

— Значит, как в том анекдоте про человека, который не выиграл машину, а проиграл, не в лотерею, а в преферанс, и не машину, а сто рублей.

— Вроде того. Только, по-моему, такие кампании кем-то регулярно организовываются. Раньше этим занималось некое специальное подразделение крочковского КГБ. Теперь его нет, но пакостное дело, похоже, живет.

Честно говоря, беседовать с Александром Николаевичем о всякой уголовщине было как-то не очень удобно. Тем более что всех нас в конечном итоге не очень интересует «кухня» ТВ. Какие же недостатки видит руководитель «Останкино» в деятельности первого государственного канала, как намерен их преодолевать?

— Сразу скажу, что многосерийные мексиканские мелодрамы мы показывать будем — у них, сколь бы они лично мне ни не нравились, очень высокий рейтинг зрительского интереса.

— Ну а родное, российское кино? Ведь сколько сделанных в последние годы фильмов зритель так и не увидел!

— Согласен, только киношники требуют за каждый показ по 15 миллионов, а где их взять, если государство оплачивает работу государственного же канала только на 30 процентов? А ведь кроме платы за показ нужно еще Минсвязи платить за часовой сигнал по 35 миллионов. Тут же никаких рекламных денег не хватит. Словом, и нам, и кинематографистам нужно садиться считать деньги. Вместе считать.

— *Время от времени из эфира исчезают некоторые передачи, куда-то пропадают отдельные ведущие. По каким критериям Вы определяете их право на эфир?*

— А я этим вообще не занимаюсь. Есть редакции, телеобъединения, в их руках то, о чем вы говорите. Так что цензором или добрым дядюшкой я на телевидении не числюсь. Однако скажу, что на месте руководителей редакций я бы попросту гнал тех журналистов, которые свои отношения в коллективе выясняют через прессу. Я сам старый газетчик³, еще в районке начинал и что-то не припомню, чтобы, скажем, на свое начальство газетные репортеры жаловались в «Спортлото».

— *Пожалуйста, несколько слов о новых телепередачах «Останкино».*

— Их множество. Однако главными мы стараемся делать информационные и чуть было не исчезнувшие публицистические программы. Между прочим, обиды на меня некоторых ведущих заключаются в том, что нет у них в рамках выпуска новостей простора для морализирования. И правильно, что нет. Ты зрителю факты давай, выводы он сам сделает. Что, впрочем, совершенно не исключает умного анализа, квалифицированного комментария. Это у нас, увы, запущенный участок. Ведь нельзя же считать анализом мальчишеский пинок, даваемый походя, допустим, Президенту, который, по мнению юного автора сюжета, якобы что-то упустил или недосмотрел. Кстати, о юных. В их среде — я имею в виду МГУ — родилась неплохая идея серии передач по «горячей теме». Еще одну серию «Останкино» начинает готовить по провинциальным городам, на которых, как говорится, стоит Россия.

— *А каковы Ваши личные телевизионные планы, Александр Николаевич?*

— Из «Останкино» через какое-то время уйду. Указом Президента я, вообще говоря, назначен председателем Гостелерадио. Первый канал — это временно. Вот закончится это совместительство, и вместе с коллегами займусь выдачей лицензий на эфир. Их будут получать, уверен, лучшие передачи, фильмы, режиссеры и журналисты.

№ 28

«ГОСУДАРСТВЕННОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ ГОСУДАРСТВО ДЕНЕГ НЕ ДАЕТ»

Куранты, 15 июля 1994 г. Беседу вела К. Михайловская.

— Хотелось бы, Александр Николаевич, начать разговор с истории, поскольку Вы — человек исторический, тот, кого долгое время называли идеологом перестройки. Можно предположить, что Вам открыты многие исторические тайны. Однако наша сегодняшняя тема не история, а телевидение. Вы являетесь на телевидении чиновником самого высокого ранга, возглавляете эту империю СМИ¹ и способны средствами телевидения оказывать влияние на политический тонус нации. Обладает ли действительно руководитель ТВ такой властью? Я слышала даже такое мнение: если бы в свое время не произошло изгнания с ТВ Егора Яковлева², выборы в стране имели бы другой результат.

— Прежде всего, хочу сказать, что результатами прошедших выборов я доволен. В отличие от распространенного мнения, будто демократия потерпела поражение. А я считаю, что выборы 12 декабря — победа демократии.

Во-первых, оппозиция с улиц пришла в парламент и играет теперь по парламентским правилам, то есть по правилам и на поле, предложенном демократами. Ведь не оппозиция же придумала парламент, она такого и не допустила бы никогда. Мы получили парламент, в котором охотно работают все представленные, избранные народом силы — от крайних оппозиционеров реакционного толка до самых радикальных демократов. Это очень большая победа для России. Конечно, я понимаю все парламентские сложности, я далек от мудрости, над которой иронизировал когда-то Чехов: если тебе изменила жена — радуйся! Ведь она изменила только тебе, но не Родине. Я отдаю себе отчет в том, что нашему парламенту, как и обществу, еще предстоит движение к демократии, но сам факт создания в недавно тоталитарной России свободно избранного парламента с самым широким спектром политических пристрастий — это вселяет оптимизм. Так что сетования на прошедшие выборы я считаю неосновательными³.

Во-вторых, впрочем, это, пожалуй, во-первых, Россия утвердила первую в своей истории демократическую Конституцию⁴ и такие институты, как частная собственность, многопартийность, разделение властей, права человека и т.д. Что же это такое, если не победа демократии?

— Как ни относиться к факту выборов, нельзя отрицать того, что телевидение сыграло в них большую роль. Политические пристрастия его руководителя способны, мне кажется, изменить ход истории. Не так ли?

— Это вопрос скорее теоретический.

В настоящий момент дело не столько в личности, сколько в деньгах. Да-да, в обыкновенных деньгах. Может показаться парадоксальным, но сейчас ход истории во многом определяется деньгами. Да и не только сейчас. Классики ленинизма прекрасно понимали, что это за могучий рычаг, отсюда и шли все гигантские экспроприации, начавшиеся буквально в первые часы после революции. Поэтому вопрос о том, как способно ТВ влиять на историю, надо сузить до более прозаического вопроса: сколько у ТВ денег? Вот на этот вопрос я готов ответить со всей прямотой: денег у телевидения нет. Государственному телевидению государство денег не дает.

Я не считаю, что оплату пяти часов вещания в сутки можно считать финансированием телевидения. Государство относится к своему ТВ, мягко говоря... с непонятым равнодушием. Порой я даже думаю: нет ли какого-то

определенного плана в том пренебрежении, с каким к нам относятся во властных структурах. Может быть, в задачу входит приведение ТВ к полному упадку? Или, наоборот, воцарение на ТВ полного хаоса и анархии, когда свободные охотники, купив за бешеные деньги лицензию на отстрел, могут охотиться в телевизионных угодьях без всяких ограничений? Возможно, такое вот неконтролируемое пространство как раз и нужно кому-то, чтобы держать в нем своих егерей? Не могу, конечно, утверждать, но мысль эта приходит порой как фантастическое предположение.

Трудно поверить, что в верхних эшелонах власти не понимают, каким могучим орудием влияния является телевидение. Ведь из разговоров с Борисом Николаевичем и с Виктором Степановичем вытекают полное понимание и поддержка. Когда я говорю, что это вопрос не финансовый, а политический, все соглашаются — да, это так! Все распоряжения, все указания отдаются даже в моем присутствии, но ничего не исполняется, и в Министерстве финансов дело вязнет. Денег нет! Мы, говорят, за! Мы всё понимаем, но в Центробанке денег нет.

— *На днях стало известно, что Президент дал Фонду культуры 4 млрд рублей. Стало быть, государство еще с сумой не ходит?*

— Можно лишь заметить, что во время попытки октябрьского переворота⁵ именно телевидение во многом решало исход дела. И сейчас, когда я вижу, что те самые люди, которые тут, в «Останкине», под пулями сидели, получают по 100 тысяч рублей в месяц, а я не могу им прибавить ни копейки, я утрачиваю способность смотреть на вещи с исторической колокольни. Хотя нужно ли доказывать, что я обеими руками за Фонд культуры.

— *У них в Фонде был пожар, и особняк сгорел. Восстанавливать особняк, конечно, надо, но еще важнее восстанавливать страну...*

— Это право Президента — оказывать поддержку по своему усмотрению. Речь идет не о личной поддержке, а о государственной политике. Вот Ленин как-то сказал: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». Он это сказал не потому, что был киноманом и поклонником Веры Холодной, он понимал огромную силу этой технической новинки. Теперь дело идет к тому, чтобы прекратить это самое «кино». Ну хорошо, давайте его прекратим! Кому-то это будет интересно и выгодно. Но надо ясно понимать, что если погаснет ТВ сегодня, то открывать его будет кто-то другой. Мы в Министерстве финансов сказали, что будем скоро вместо сериалов или футбола показывать портреты министра и его заместителей. Потому что ни на что другое у нас денег нет. На портреты хватит.

— *Ходят настойчивые слухи об остановке государственного вещания. На месяц или даже два. Насколько это серьезно?*

— Ну, месяц-два — это срок неизвестно откуда взявшийся. Но мы с Попцовым⁶ всерьез обсуждали вопрос об остановке вещания, скажем, на полчаса — с объяснением причин, по которым мы это делаем.

— *А разве реклама, Александр Николаевич, не дает достаточных для нормальной работы денег?*

— С этой рекламой шум поднимают страшный. Нет места, где бы нас за рекламу не критиковали. Реклама, конечно, деньги дает, но реклама — вопрос сложный. Я вам приведу лишь один аспект рекламного дела. Говорят: вы рекламируете сомнительные фирмы, которые не смогут выполнить данные в рекламе обещания. Несколько скандалов уже возникло. Однако, как только мы попытались снять, например, рекламу «Джи-Эм-Эм», тут же из

Думы руководители ЛДПР прислали письмо-ультиматум: если мы не возобновим рекламу этой фирмы, партия будет голосовать против финансирования телевидения. Партия не только не считает нужным скрывать свои финансовые связи, но и не стесняется прибегать к откровенному шантажу. Скажем, вот у меня личная правительственная связь с Ельциным, с Черномырдиным — эти телефоны молчат, я ни разу никакого давления с этой стороны не испытал. А вот на парламентском и чиновничьем уровне все еще идет эта аппаратная игра, этот обмен угрозами, требованиями...

— *Может быть, тогда и не стоит впадать в эйфорию по поводу результатов выборов?*

— В эйфорию никогда впадать не надо ни по какому поводу. Но, глядя на наш парламент трезво, не могу согласиться с той огульной критикой, которая подчас звучит. Посмотрите на парламенты западных демократий, на японский парламент — там открытое выражение своих мнений является нормой, даже если носит подчас излишне бурный, эмоциональный характер. Хорошо, что у нас люди получили возможность выражать свое мнение не на митингах, а в парламенте.

— *Это достижение у нас уже было в виде Верховного Совета СССР, где свобода словоизъявления доходила до мордобоя, но оно продвинуло нашу страну не к демократии, а к путчу. Так, может быть, свобода словоизъявления — не самое главное на пути к демократии?*

— Пусть эти слова звучат банально, но я стоял, стою и стоять буду, пока жив, за свободу слова. Мне тоже неприятны ошибки, ложь, неправда, ярлыки, порой откровенная политическая ангажированность прессы. И тем не менее право людей на выражение собственных мнений — это такое поле, на котором нельзя выезжать на тракторе. Стоит только начать ездить по этим бороздам трактором... Нам надо идти путем пусть более трудным, более медленным, но путем профессиональной этики, формирования ее начал, поддержки профессиональной морали.

— *Откуда же она возьмется, профессиональная мораль?*

— Не из мифических, конечно, каких-то таинственных источников. Когда люди будут возвращаться к нормальным условиям существования, их сознание тоже будет нормализовываться... Понимаете, когда человек получает 80—100 тысяч в месяц, а у него дети, а если это еще женщина одна, без мужа, с детьми... туг, извините, мне трудно учить ее этике. Надо добиться, чтобы люди жили в нормальных условиях, вот тогда и можно спросить и профессионализм, и дисциплину.

— *Александр Николаевич, не способствует ли такой либеральный взгляд на вещи, который мне очень симпатичен, не способствует ли он превращению телевидения в рынок, барахолку, на которой можно продать и купить все? Надо только знать, кому и сколько дать, и тогда можно протащить на ТВ любую рок-группу, любые политические программы. Говорят, что количество долларов, кочующих из кармана в карман на ТВ, не поддается исчислению.*

— Я об этом слышал еще до моего прихода сюда. Поэтому первым моим шагом, еще до моего назначения, было создание комиссии из работников Контрольно-ревизионного управления при Президенте и КРУ Министерства финансов⁷. Ну, искали-искали... так все мелочами и кончилось. Я зама своего по экономике освободил, один документ передали в судебные органы... Вот и все! Когда мне говорят: а вот они платят, они купили, я отвечаю: покажите — кому, кто, сколько. Одни разговоры. Вот Вы ходили здесь, ви-

дели, какая это гигантская корпорация — тысячи людей. Вы полагаете, я могу объявить ТВ заповедником человеческих добродетелей? Или объявить политнабор Добролюбовых и Чернышевских? Нет, мы — часть этой страны, часть системы. И весь спектр — и моральный, и политический — он и у нас представлен. Я скажу Вам спасибо, если Вы принесете мне факты и положите на стол документы, свидетельствующие о коррупции. Не принесете? И никто не дает. Ссылаются на коммерческие, независимые студии, которые делают для нас программы. Но опять же — ведь мы у них эти программы покупаем. Вот сейчас месяц была торговля — крик, гам, друг друга убеждали — что за сколько купить. Но ведь это официальная закупочная комиссия, а не просто мы встретились с глазу на глаз... Нормальный процесс — покупка программ у независимых студий.

— *В последнее время на государственном ТВ заметны изменения: заканчивается, похоже, вакханалия свободы, когда в эфире мог комфортабельно расположиться всяк, кто хотел. Но не наступает ли реставрация, когда вместе с исчезнувшими было дикторами возвращаются и подзабытые герои. Характерен, в частности, выход фильма о Чурбанове. Какую идею закладывало ТВ, когда делало этот фильм?*

— Мы фильм о Чурбанове не делали. Мы его купили у независимой студии. Я этот фильм оцениваю не слишком высоко, так же как и личность Чурбанова. Но я нигде не заявлял, что на ТВ работают одни только демократы и все заряжены на спокойное общественное развитие, — нет, люди здесь разные, и, может быть, это даже хорошо. Может, неправильно, когда ТВ подстраивается под личные вкусы руководителя? Во всяком случае, повторю: я никогда не встану на путь цензурирования.

— *Есть ли в таком случае какой-то критерий, действующий на государственном ТВ, для определения степени политической лояльности, допустимой для эфира?*

— Есть. Такие критерии есть. Мы не дадим выйти в эфир с фашистскими призывами к насилию, с лозунгами национальной розни.

— *Недавно в программе «Совершенно секретно» вышла передача о книге Берии-сына. Она имела совершенно безобидный вид программы-размышления, осмысления прошлого. Однако под маской леди торчали рыжие усы. Если учесть, что книга, основная идея которой — реабилитация Лаврентия Павловича, была заказана и оплачена издательством «Сотби», то у наивного телезрителя, естественно, возникает вопрос: а не оплачивалась ли из тех же источников эта старающаяся остаться в рамках благопристойности, но совершенно неблагопристойная передача? Вы считаете, что передачи такого рода — откровенно политически ангажированные и, вероятно, щедро оплаченные — имеют право появляться на государственном ТВ?*

— С Берией, конечно, вопрос сложный... Историю надо изучать, в том числе и с помощью киноматериалов. Обнаруживаются документы, которые как будто говорят о том, что Берия не был носителем злой воли, а лишь исполнителем, и не худшим из всех. Однако верить этим документам как высшей истине нельзя. Берия, видимо, был похитрее других. Это был один из кровожаднейших людей, стоял по колено в крови... Но здесь, мне кажется, дело не в какой-то идее, которую журналист пытался реабилитировать, а в скандальном интересе к имени: ах, как это интересно! Как это можно здорово сделать! То есть опять мы упираемся в тот же вопрос профессиональной этики. Журналист набирает очки на остроте темы.

— *На остроте темы очки можно набирать по-разному. Есть острая гражданская публицистика, такая, как в передаче «Пять шагов от Кремля», сделанной редакцией «До 16 и старше». Такие передачи тоже поднимают рейтинг и редакции, и журналистов, но они находятся на большой моральной высоте. Останется ли на ТВ такая острая гражданская публицистика?*

— Да. От острой публицистики мы не откажемся. Я категорически просил придать передаче «Человек и закон» еще большую остроту. Надо поднимать вопрос о преступности, о ее причинах, истоках, ничего не приглаживая. Может быть, будем делать ее раза три в неделю. Вообще необходимо расширять круг тем и географию. Я как-то сказал, что ТВ должно вырваться за Садовое кольцо. Тот, кто много ездит, знает, что провинция живет совсем другой жизнью, чем Москва. Там на наши политические песчаные бури уже начинают посматривать с иронией. Там, конечно, есть свои игры, свои отношения, но они не носят такого ожесточенного характера. Провинция живет спокойной жизнью. А провинция — это Россия, огромная Россия. Вот почему реальные проблемы жизни надо показывать не в треугольнике: Госдума — правительство — президент, а через жизнь городов, сельских мест. Надо пустить эту Россию на экран, только тогда и можно понять, что у нас происходит в действительности.

— *Вы недавно вернулись из-за рубежа, что Вас интересовало там?*

— Я был в Англии⁸. Изучал отношения между государством и государственной компанией Би-би-си. Там есть чему поучиться.

— *Ваши поездки вносят что-то новое в работу ТВ?*

— Да, вот одна идея намечается очень интересная с американцами. Есть такая знаменитая передача «Сезам стрит», она сейчас идет в 18 странах. О, это замечательные мультики, 154 серии по полчаса. Мы договорились делать по часу, русский вариант.

— *Последний вопрос. Вы так уверенно приняли предложение стать во главе вот этой империи средств массовой информации, но не было ли сомнений на этот счет?*

— Я ведь очень хорошо понимаю, что работа на ТВ — это кратчайший путь к потере репутации. Но в политической деятельности жить только тем, что заботиться о репутации, нельзя. Да Бог с ней, с репутацией! Надо дело делать. Вот мы Россию вздыбили. Она вскинулась на дыбы и так стоит. И вся муть, накопившаяся за семьдесят годов, всплывает в разных вариантах: и в псевдодемократическом, и в фашистском, и еще Бог весть в каком — криминальном, во всяком... И все разводят руками — как будто все мы прилетели однажды утром с другой планеты, как будто это не наши люди, замороженные. Так вот, Россия вздыбилась. А теперь пора успокаиваться, надо спокойно работать. Каждому на своем месте.

№ 29

НАМ ВСЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ

Учительская газета, 9 августа 1994 г. Беседу вела В. Молодцова.

— *Александр Николаевич, сейчас очень модно говорить, что школа стала не такая, не тому и не так учит. А какой была Ваша школа, Вы ее вспоминаете?*

— Рискую впасть в банальщину, но меня больше всего поражает, когда школу без конца ругают. Не знаю, может быть, действительно что-то изме-

нилось к худшему, действительно что-то стало не так... Я при этом всегда вспоминаю свою школу. Как измерить ту теплоту чувств, которую при этом испытываю, то внутреннее удовлетворение, если хотите — наслаждение, которое сопровождает эти воспоминания?

— *Что Вы при этом вспоминаете главным образом? Учителей?*

— Я не смогу назвать учителя, к которому я бы относился с какой-то настороженностью, что ли, ибо этого просто не было. Помню свою первую учительницу Елену Сергеевну Морутину (кажется, фамилия была такой). Она учила меня с первого по четвертый класс. Это была четырехклассная сельская школа при церкви в Ярославской области. Я, кстати, каждый год там бываю.

— *А что запомнилось — уроки, какие-то поступки учителя, его отношение к Вам?*

— Я не помню, чему меня учила Елена Сергеевна, помню теплоту ее отношения ко мне, к другим ученикам. Однажды зимой были очень сильный мороз, метель. Может быть, не пойти в школу? Для меня даже мысль об этом была невероятной, я настоял, хотя мама меня не отпускала — идти надо было четыре километра. Закутала меня мама в свой большой теплый платок, и я отправился. Другие ученики сидели дома. Елена Сергеевна даже испугалась, когда меня увидела. Но дала книжку, я ушел в класс, сел на свое место. Хоть и давно это было, но как сейчас вижу: налила она мне чаю, намазала хлеб медом, у нее муж разводил пчел. Елена Сергеевна как рассчитала: дома будут беспокоиться, отец за мной придет. Действительно, через несколько часов пришел испуганный отец — мама волновалась, не замерз ли.

— *Это была самая первая школа в Вашей жизни?*

— Да, потом надо было идти в другую школу — в семилетку — в пятый класс. Это были, пожалуй, самый сложный период в моей школьной жизни и самый сложный возраст. Пятый класс был единственным, где мои оценки сразу пошли вниз. В начальной школе у меня были хорошие оценки. То есть оценок как таковых не было, писали словами — «хорошо», «очень хорошо». Тут же, в новой школе, все складывалось не так хорошо.

— *Но мальчишки в этом возрасте всегда и озорники, и двоечники.*

— Неудачи продолжались недолго. В шестом классе все пошло на улучшение. В этой школе все было по-другому, об этом периоде у меня остались воспоминания скорее не от учебы, а от того, как складывался школьный коллектив; мы начали вместе играть в волейбол, сами сделали площадку, посадили что-то вокруг школы.

— *А об учителях вспоминаете?*

— Учителей было уже много, и что меня поражало, так это их терпимость. Вот сейчас говорят: ученики — хулиганье, безобразники, шалуны. А какими были мы, деревенские школьники?! Ей-богу, мы сильно шалили, но, когда я вспоминаю все «наши безобразия», все то, что мы себе позволяли, одновременно вспоминаю и какую-то удивительную, просто родительскую терпимость учителей. Помню, в 7-м классе мы очень сильно расшалились, и наш директор Николай Евгеньевич Кузнецов (подпольная кличка «Кузнец») запер нас у себя в кабинете. Запер на ключ и ушел — такое наказание нам придумал. А мы сидели-сидели, надоело, открыли окно (школа была одноэтажной) и убежали. На следующий день шли в школу со страхом — что же с нами сейчас будет?

— *И что было?*

— А ничего. Ничего не было. Вы знаете, Николай Евгеньевич даже не напомнил, не спросил: куда, дескать, вы вчера подевались, не выговорил: вы такие-сякие. Он вел себя так, как будто ничего не было, и как мы были ему благодарны.

— *Мудрый педагогический ход?*

— Да. Вы знаете, я иногда думаю, почему наша, моя школа была хорошей? И отвечаю сам себе: потому что по многим предметам учителями были мужчины. Беды школы, по моему убеждению, начались тогда, когда она превратилась почти в женскую.

— *Ну что же Вы? Вы ведь всё могли, всё было в Ваших руках, почему же не сделали так, чтобы мужчины пришли в школу?*

— Платить надо было как следует, а этого не получалось.

— *Вы своим образованием довольны? Если б вернуться к началу жизни, все было бы по-другому?*

— Нет, я доволен своим образованием. Я хотел учиться всю жизнь, и это, конечно, свидетельствует, что я учился в хороших школах. Хотя приходилось мне трудно. В 8—10-м классах я учился уже в другой школе, средней: 5 км туда, 5 — обратно, каждый день, зимой и осенью. После семилетки мои одноклассники пошли кто куда: кто — на курсы, кто — работать, один я пошел учиться дальше. Мама меня страшно уговаривала, чтобы я этого не делал.

— *Почему?*

— Она была совершенно неграмотная и считала, что или глаза испорчу, или с ума сойду. Ну, насчет глаз она оказалась права.. Меня поддержал отец — он всегда был на моей стороне: «Если хочет, пусть учится». Его голос был решающим, и вот я учился в средней школе, учился вполне осознанно. Причем в моем отношении к образованию были не только эмоции, но и понимание, зачем мне все это нужно. Я с такой благодарностью вспоминаю учителей... Трое из них погибли на войне... Может быть, потому, что в этой школе мне было легче психологически, я учился хорошо. У меня не было трудностей с учебой, хотя, может быть, это и плохо, когда трудностей нет.

— *Учились играючи?*

— Может быть, это и не следовало бы печатать в газете, но скажу: я никогда не делал домашних заданий. Естественно, за такое поведение я получал двойки.

— *И Вы называете это «учился хорошо»?*

— А у меня ни разу не было даже тройки в итоговых документах. За домашние задания двойки ставили, но это не означало, что двойка на что-то повлияет, будет иметь какое-то значение в итоге. Вызывали к доске, ставили оценку за ответ. Как правило, хорошою.

— *А как же Вы могли отвечать, не уча?*

— На уроках (это, может быть, будет звучать как назидание и нескромность) я был пределом учительских мечтаний: сидел, внимательно слушал, терпеть не мог, когда меня отвлекали, передавали записочки, начинали перемигиваться. 5—6 уроков ежедневно я сидел и слушал, запоминал.

— *У Вас была отличная память?*

— До ранения на фронте такая память была, что сам удивлялся. Стихи я учил не дома, в школе. Приду: «Что сегодня задано?» Беру книгу, читаю один-два раза.

— *А запоминали на всю жизнь или только до урока?*

— Часть, конечно, до урока, расскажешь и забыл за ненадобностью. Часть запоминалась, скажем, «Евгения Онегина» я помнил долго, до госпиталя, даже гордился этим.

— *В школе ценили только способность хорошо запоминать?*

— Нет, конечно. Удивительные были учителя. В 9-м классе преподавал историю Петр Николаевич Чуваев: то, что я стал историком, его заслуга. Так вот, Петр Николаевич заставлял нас готовить доклады. Знаете, на какую тему был мой первый доклад в жизни? По Ярославскому мятежу¹. Я не знаю, какие проявились законы человеческого развития, какие таинственные силы тут оказывали влияние, участие, но теперь, спустя много лет, мне приходится заниматься этим Ярославским мятежом. Мне сейчас страшно интересно было бы послушать, что я говорил тогда... Помню только, что сильно волновался, у доски говорил все время «правые, левые». Мой приятель Гришка Холопов с первой парты возьми да подсказки: «Верхние, нижние», я повторил, а учитель изумился: «Какие верхние-нижние?!» Я думаю, был хорош сам принцип — ученик готовит доклад, проводит в меру своих сил какое-то исследование.

— *Причем это когда было — до войны! Сейчас о докладах порой говорят как о новаторстве в педагогике.*

— Не знаю, как сейчас, но тогда, до войны, в провинциальной школе это действительно было новаторством.

— *А где была эта школа?*

— В бедном рабочем ткацком поселке, при фабрике прошлого века. Наша школа, конечно, от городских школ отличалась, слава Богу.

— *Почему «слава Богу»?*

— А я город не люблю, не вижу смысла в городском существовании.

— *Как же так? А в городе-то живете нынче?*

— В конце концов — да, к сожалению.

— *О чем сожалеть, ведь Вам все-таки в жизни повезло. Сельский мальчик получил хорошее образование, сумел хорошо прожить жизнь, занимается делом, о котором многие и мечтать не могут. А сейчас такая ситуация, что сельские дети не могут получить полноценное образование. Иногда не видят смысла в этом. Понятно почему: когда-то образованный человек пользовался уважением, сейчас — нет. Создается подчас впечатление, что образование человеку не нужно. Посмотрите, мы говорим о чем угодно — о политике, об экономике, о выборах, о рынке, о реформах, — но только не об образовании.*

— Конечно, это неправильно. Если бы я сейчас составлял программу для какой-то новой партии, я бы составил ее очень просто, ответив на вопрос: что такое человек и что ему для нормальной жизни нужно. Перво-наперво ему нужно здоровье. Это первый приоритет. Во-вторых — образование, в-третьих — нормальная среда обитания. А уж потом все остальное. А мы твердим об экономике, агротехнике, сами все запутываем, делаем из этого какие-то удивительные политические выводы, ведем бои.

— *Один политик по первой нашей просьбе прислал в редакцию программу своей партии по образованию, написанную собственноручно. Знаете, кто это был?*

— Жириновский, что ли?

— *Он самый, Владимир Вольфович. По школам проехал, программу обнаружил, голоса интеллигенции в свою пользу собрал. И учительские, между прочим,*

тоже. Может быть, в том его успех на выборах и состоял, что об образовании подумал?

— Спекулятивный. Не надо, я не хочу о нем говорить.

— *Ну хорошо, не будем говорить о Жириновском. Поговорим о Президенте. Вы ведь человек, близкий Борису Николаевичу?*

— Нет, я — кошка, гуляющая сама по себе.

— *Но все-таки Вы, наверное, знаете точный ответ на один вопрос. Хоть Вы и кошка, извините, кот, который сам по себе, но в Президентский совет входите². Так вот, как Вы думаете, почему Президент уже почти год не может найти времени, чтобы вручить приз «Учителю года России-93»?*

— Я вообще об этом конкурсе впервые слышу.

— *Как? Ведь мы его проводили вместе с телевидением?*

— А я вообще телевизор не смотрю. Я удивляюсь людям, письмам, статьям, в которых передачи критикуют, недовольны чем-то. Как можно тратить время на телевизор?

— *Вы серьезно?*

— Серьезно. Я не трачу времени на чтение газет, на то, чтобы смотреть телевизор. Жизнь слишком коротенькая, чтобы тратить ее на очередной боевик.

— *Как же Вы живете? Телевизор не смотрите, газет не читаете?*

— Я не сказал, что ничего не читаю: я читаю толстые журналы.

— *Когда человек не смотрит телевизор, это значит, что его не устраивает то, что ему предлагает телевидение. Нынешнее ТВ Вам не нравится, а какое нравится? Может быть, Вы считаете, что ТВ вообще не должно быть?*

— Нет, оно должно быть, но... Я все понимаю, оно должно быть, оно должно учитывать вкусы всех зрителей. Но ТВ никогда не удовлетворит всех. Всегда кому-то что-то нравится, кому-то не нравится. Много разных людей, много разных вкусов.

— *И все же. Поэт сказал, что нам не дано предугадать, как наше слово отзовется. А как отзовется передача, предугадать дано? Вы это знаете, анализируете?*

— Конечно, каждый день мне приносят аналитические материалы, я знаю, кто за что, кто — против чего, читаю вырезки из газет, письма. Такой анализ идет каждый день.

— *Когда Вы пришли на ТВ, у Вас были какие-то планы относительно реорганизации, относительно каких-то новых программ для детей, для интеллигенции. Вы отказались от всего или Вам удалось, как Вы считаете, что-то сделать?*

— Нет, почему отказался? Просто сейчас я шесть месяцев в основном хожу с протянутой рукой, прошу денег. Пока Госдума дала средства только на 5 часов вещания в день. Что серьезного можно сделать в таких условиях? Ни-че-го. Будем как-то искать деньги, давать рекламу.

— *Так Вы не против рекламы?*

— А что делать? Я не восхищен этой перспективой, но знаю, что при похоронах ТВ присутствовать не буду. Думаю, в конце концов мы встанем на ноги и сумеем показать, что ТВ что-то такое, что нужно обществу.

— *В командировке в Израиле я видела телевизионный детский канал, очень позавидовала местным детям и пожалела наших — у них такого нет.*

— Я был недавно в Америке. Мы договорились об одной интересной затее. В Америке и в 18 других странах есть программа детских мультяшек,

очень интересных, ужасно смешных и ужасно добрых. Американцы обещают рассмотреть вопрос о предоставлении нам техники для производства отечественных телемультисериалов. Сценарии будут наши, подберем героев фильмов — привычные для наших детей игрушки, куклы, — которых они хорошо знают.

— *Но это все же один из многочисленных сериалов, хоть и детский. А многие мечтают о новых детских, юношеских, авторских программах, я знаю, Вам часто предлагают такие сценарии, новые передачи, новые проекты.*

— Странные вещи происходят. Приходят люди: желаем создать свои программы. Очень много гениев появилось, которые с удивительным отсутствием юмора, с удивительной убежденностью говорят: «Если моя передача будет, то произойдет переворот в ТВ».

— *Закон жизни: чем человек непрофессиональнее, тем проще (на словах) у него получаются «перевороты» в той сфере, где он дилетант.*

— Многие непрофессионалы считают так: сегодня пришел, рассказал о своем предложении, завтра ему должны дать эфирное время. Так не бывает. Почему я должен выбросить одну передачу, потому что другому захотелось попробовать свои силы?

— *Я знаю одного заместителя министра, который решил, что сможет создать свою передачу вместо той, что уже была долгое время, видел себя в роли ведущего. В результате исчезла с экрана передача для педагогов, которая была на Российском ТВ единственной. У заместителя министра, как и следовало ожидать, ничего не получилось, педагоги лишились единственного окна в свой педагогический мир. Но это нетипичный случай. Замечаю, что дилетанты все-таки добиваются своего и эфирное время получают. Вероятно, платят большие деньги?*

— Поскольку нам не дают денег на то, что хотим показывать, мы, конечно, деньги ищем. Причем выгоднее искать деньги не только для производства программ, но и для оплаты сигнала. Стоимость сигнала — это 80 процентов платы за час вещания. (Сигнал стоит 40 млн рублей в час).

— *Вы имеете в виду трансляцию?*

— Да. Мы отдаем эти деньги Министерству связи, а на производство программ при этом остается 20 несчастных процентов: тут и телецентр, и творческие группы и т.д. Мы, конечно, заинтересованы в том, чтобы были люди, которые за все заплатят. Но мы не менее заинтересованы в том, чтобы не отдавать в руки этих людей содержание. Причем пока это, слава Богу, в наших руках. Мы понимаем: отдав часть рекламы, легче легкого заполнить все 24 часа. Придут боевики, фильмы с насилием, сексом. Определенная часть общества будет возмущаться, а другая — смотреть с удовольствием.

— *Александр Николаевич, а может быть, имеет смысл разработать, принять и финансировать государственную программу по детскому и педагогическому вещанию? Сделать так, чтобы государство эту тематику поддерживало, давало деньги именно на это? Ведь в конце концов оно должно быть заинтересовано в этом, ведь не только Ваше личное дело — забота о детях и педагогах, о воспитании молодежи, о нравственном воспитании общества?*

— Я думаю, здесь вопрос надо решать так: запускать спутник и открывать такую образовательную программу. Но я бы не делал ее чисто образовательной. На мой взгляд, это должна быть скорее воспитательная программа. Где бы был человек и ничего, кроме человека: его здоровье, образование, семья, его отношение к чему-то.

— Год назад, когда мы начали наши контакты с российским ТВ, возник проект получения образования с помощью телевидения. Это не новая идея — в Америке, Англии, Израиле, других европейских странах есть открытые ТВ-университеты. Только у нас пока ничего подобного не получается. Как Вы к этому относитесь?

— Я — реалист. В образование по ТВ я не верю.

— А как зарубежные проекты, которые успешно реализуются, поддерживаются странами и их народами, дают возможность получать образование всем, и главное — провинциалам, живущим в селах, в маленьких городах?

— Я — консерватор в образовании. Если человек не читает, никакого образования у него не будет. Хотя ТВ, конечно, ему в этом подспорье большое. Но я сторонник чтения. Когда я воспитывал своих детей, внуков, я давал и даю им один совет — читайте больше.

— Вам удается их убеждать?

— В общем — да. У нас всегда были хорошие отношения.

— Вы совпадаете во взглядах? Отцам и дедам хочется, чтобы подрастающее поколение делало жизнь с них, следовало их указаниям, слушало их. Ваши дети и внуки всегда разделяли Ваши идеалы, принимали их, делали так, как Вы того хотели?

— Знаете, я думаю, должно быть обязательно понимание того или иного поступка. Правда, у молодых всегда свое понимание.

— И все-таки воспитание, как правило, идет на каких-то идеалах, ценностных установках. Сейчас все перевернулось: старое ушло, новое не наступило. Учителя нишут: дети не хотят ходить в школу, они стали в основном зарабатывать деньги. Стал популярным тезис о том, что главное — были бы деньги.

— Все пройдет.

— Вы уверены?

— Через все это надо пройти. Я не верю в концепцию потери идеалов, я не знаю, что это такое.

— Но ведь все так усердно об этом говорят.

— Вот это меня больше всего и пугает. Какая-то неведомая сила навязывает обществу эту идею. А что мы потеряли? Я частенько выступаю в разных аудиториях, получаю записки с таким вопросом и использую свой способ. Предлагаю: встаньте, скажите, какую ценность лично вы потеряли?

— И каков результат?

— Никто не осмеливается встать и сказать.

— Приобретение образования — ценность?

— Да.

— Но дети ныне учиться не хотят.

— Вы хотите сказать, что мы эту ценность потеряли? Что люди не учатся?

— Не потеряли пока что, но теряем.

— Все нормальные люди учатся.

— Во-первых, далеко не все имеют эту возможность. Во-вторых, не все верят, что образование — значимый приоритет в обществе. Особенно сегодня.

— Не знаю, у меня внучка в университет поступила, учится. Внук в седьмом классе. Школа обычная, нормальная, все учатся, вечера проводят.

— Вам повезло со школой. Или с внуками.

— Какая-то часть ребятшек выбегают на улицы — торгуют, стекла протирают. Как и во всем мире, я только из США³ — там мальчишки так же

себя ведут. Ну, кто не хочет учиться, пусть не учится. Уж тут я бы не с них, а с родителей больше спросил.

— *А я бы еще и с государства — оно должно создавать для детей такие же условия, какие другие государства создают для своих.*

— Опять мы уповаем на государство — создай условия... А ты, родитель, где? Когда говорят о бедных старых брошенных (когда детей нет, это часто действительно так) людях, восклицают: «В какое положение попали старики!» А в какое? Что, у стариков этих нет детей? И что это за морализм такой, который мы установили в последнее десятилетие: дети не должны вроде бы заботиться о своих родителях, это, видите ли, государство должно делать! А дети где? Я с 17 лет, как стал лейтенантом, стал переводить матери 400 рублей из своей шестисотрублевой зарплаты, с 1942 года и всю жизнь, чтобы она могла жить как следует, я ей помогал.

— *Что же, Вы правы, о помощи родителям мы как-то вообще перестали говорить.*

— Нет, не признаю я этих разговоров о бедных, брошенных государством стариках. Другое дело, что в деревне старики действительно остаются одни, никого рядом с ними нет, хлеба купить негде, больница далеко. Вот здесь, конечно, государство должно помогать.

— *С другой стороны, дети — взрослые дети — тоже озабочены трудностями жизни, подчас еле-еле концы с концами сводят. Сколько одиноких женщин, которые одни воспитывают своих детей. Им бы кто помог, а не что они сами будут помогать своим родителям.*

— Это еще одна проблема: поддержка женщин, поддержка материнства. Ребенка надо поместить в садик, помочь матери найти работу. Общество должно прийти на помощь. Но знаете, эти одинокие, трудно живущие женщины чаще всего о своих трудностях молчат. Чаще всего о помощи кричат, требуют ее люди, которые не хотят работать и не будут работать. Они будут только кричать. Извините, почему я, работающий, должен делиться с человеком, который не хочет полноценно работать и потому бедствует?

— *Но есть исключения, есть люди, которые в силу каких-то обстоятельств попали в сложную экономическую ситуацию. Те же учителя, например. Что ж им, молчать и соглашаться с политикой государства?*

— Я политики правительства в этом отношении не понимаю. Если и есть проблема в обществе, которая требует внимания, которую надо решать в первую очередь, так это проблема образования. Ведь самая что ни на есть заглядывающая далеко вперед сфера — это, конечно, образование. Образование и семья должны быть объектами особой заботы.

— *Причем учителю иногда надо не столько копейку дать, сколько сказать доброе слово. Почему я и о Президенте Вас спросила: если бы он одному — лучшему — приз вручил, другим — тысячам добросовестно работающих — сказал доброе благодарственное слово от имени государства, как много это было бы для российского учителя, как много значило в его работе. Хотя слова, конечно, остаются словами — легче, лучше жить от этого не становится.*

— Я согласен с Вами: надо создать для учителя действительно сносные условия жизни и работы. Для тех учителей, которые хотят работать, которые понимают, как надо работать с детьми педагогу, если он действительно педагог. Я с горечью вспоминаю, как однажды моя внучка пришла из школы со слезами: учительница сказала ей, что будет ставить двойки до тех пор, пока та не пойдет в РК ВЛКСМ и не получит комсомольский билет.

— Не вините в том одного учителя: он, несчастный, был поставлен в такое положение, когда его принуждали совершать подобные поступки. С одной стороны, учил добру и справедливости, с другой...

— Добру и справедливости... Пусть взрослый человек идет и сам отвечает: не буду так поступать. Ведь главным для него должны быть интересы ребенка, а не ВЛКСМ,

— Ну, теперь нет ничего: ни пионерской организации, ни комсомольской. Впрочем, хорошо ли это? В результате дети остались как бы ни при чем. Нужны новые организации?

— Надо организовывать. Мы же сами все скомпрометировали своей собственной работой. Никто другой — мы. Кто разрушал, разгонял? Кто приходил в школы и распускал пионерские, комсомольские организации? Сами распались при первой возможности.

— Нет, был приказ тогдашнего министра образования Днепрова, в котором запретили существование в школе пионерских и комсомольских организаций. А школы подчинились. Правда, не все: в некоторых пионерские организации есть.

— Не верю я в силу приказов министра. Многие вещи должны делать сами школы, сами директора. Почему были новаторы? Потому что они делали что-то свое, отличное от общего закона. Тем и славились. Так и тут, каждая школа должна решать, что ей нужно. Каждая школа в отдельности, без оглядки на приказы.

— Мы очень много говорим об общем экономическом пространстве. Об общем педагогическом, образовательном — много меньше. Должно ли ТВ способствовать созданию такого пространства, возможна ли такая программа по I-му каналу «Останкино», где бы велась речь об образовании в СНГ, обо всем том новом, что есть в государствах, входящих в это Содружество? Образовательные цепочки ныне распались. Вы скажете — денег нет, но, может быть, страны СНГ на паях могли бы создать такую программу?

— А зачем все это нужно?

— Чтобы не изобретать велосипед. Чтобы не придумывать то, что уже придумано, разработано. Украина может что-то позаимствовать у России, Россия — у Белоруссии, Белоруссия — у Узбекистана и т.д. Сегодня никто толком не знает, как работают русские школы в странах СНГ, как работают национальные школы в той же Прибалтике и т.д. Раньше учителя ездили друг к другу, был творческий Союз учителей...

— Вот пусть творческий союз и работает.

— Он и работает.

— Очень хорошо. Когда меня по инструкции принуждают к обмену опытом... Хорошему директору школы что, инструкция нужна?

— Иногда и хорошая инструкция тоже.

— Да нет, он нуждается в хорошем материальном обеспечении школы, в сплочении вокруг нее родителей, в хороших учителях.

— Кто спорит? Но ведь в каждой школе директор будет тратить время на то, что его коллега где-то на Украине уже давно изобрел. Раньше учителя могли ездить, смотреть, обмениваться опытом. Теперь, чтобы поехать, нужно много денег. Никто никуда поехать, как раньше, не может.

— Я не знаю, что Вам ответить на это. Я заведовал Отделом школ в обкоме партии⁴, я запах школы знаю...

— Поэтому я с Вами все это и обсуждаю. С другим не стала бы.

— Я был в свое время инструктором ЦК КПСС по школам. Мы устраивали много совещаний, семинаров, мало что они давали для обмена опытом, да и не верю я в обмен опытом, верю в личное творчество учителя, в его творческое начало. Ему нужны комфортные условия для работы, хорошая зарплата, чтобы он ни о чем не заботился. Вот тогда, может быть, у него появится интерес к работе.

— Интерес к работе у учителя и был при всех условиях. Просто школе трудно и учителю трудно по многим причинам.

— Школа переживает переходный период. Там многое не следовало бы второпях рушить. Я вот вообще себя не корю, что воспитывался на Лермонтове и Гоголе, — это мои любимые классики. Кстати, первое собрание сочинений Лермонтова я прочитал в 5-м классе.

— Это особая любовь к Лермонтову или к чтению как таковому?

— В 3-м классе я женщинам в деревне читал «Псалтырь» по-старославянски. Не знаю, кто меня научил этому, может быть, дед. Сейчас я не могу по-старославянски читать, а тогда читал. Насчет любви к чтению. Любил читать с детства. Ребята играли, а я читал, читал. В сельсоветовской библиотеке книги брал. Интересное дело: первая книжка, которая произвела на меня сильное впечатление, — «Колчаковщина». Я прочел в 4-м классе про Колчака, про партизан в Сибири. В одном из интервью я как-то сказал о том, что никак не могу найти эту книгу. Кто-то мне ее прислал, оказывается, автора посадили, книжку из библиотек изъяли, поэтому я и не мог ее найти.

— Вы так четко помните свои детские годы. Эта память помогает Вам жить?

— Конечно. Потому что это память не только о детстве, но и о семье, о семейном нашем воспитании. Нам надо возвращать семейное воспитание на свое место, не обобществлять его. Меня ругают, что Маркса критикую⁵. А его за одно то, что отрицал семейное воспитание, нужно порицать. Наоборот, все начинается в семье, там должны воспитывать детей.

— У Вас все время расписано чуть ли не по секундам. Трудно работать?

— Я никогда не жаловался на трудности. Работа есть работа, не хочешь работать — уходи.

№ 30

ДЕД ЭПОХИ

Независимая газета, 10 августа 1994 г. Беседу вела К. Владина.

Недавно вышла книга академика Александра Яковлева «Горькая чаша»¹. Что меня поразило в ней? Оценки. Особенно одна: «Юрий Андропов — человек хитрый, коварный и многоопытный. Нигде толком не учился. Организатор моральных репрессий, постоянного давления на интеллигенцию —сылки, высылки, тюрьмы, психушки...».

Опытный политик никогда не показывает своего истинного лица. Привык скрывать чувства, не выражает вслух всего, что думает. Однако тут, в книге, — не побоялся, высказал.

Может быть, потому, что мертвые не наказывают. Но суд истории еще страшней. На обложку книги вынесены слова: «Это мое покаяние, мое свидетельство и мои надежды».

Александр Яковлев — политик в самом точном смысле слова. Он отдает политике всю свою жизнь и играет в ней «по протоколу» всегда вторые роли. На самом же деле — нередко первые. И не только. Он стоял у истоков многих процессов. Ходят слухи, что он автор перестройки, с его идей все начиналось. Кто же он?

Мне захотелось снять «грим» с автора книги «Горькая чаша». Сразу скажу: я не отношусь к его сторонникам и тем более — к противникам. Поэтому, очевидно, мне легче подняться «над», что в целом и соответствует званию журналиста.

В сотнях интервью, выступлениях, книгах последних лет Яковлевым создана широкая палитра образов чисто политических: радикала-реформатора, политика-прагматика, идеолога партии, позже — ее разрушителя... Не смею утверждать, что образы эти являлись плодом авторского воображения. Напротив, они обладают всеми чертами оригинала. Настоящий политик — это всегда игрок.

Но какой же из имиджей является его истинным лицом?

— *Александр Николаевич, у Вас много масок, главная — патриарха. Побочная, но существенная — «деревенский простак», легко заговаривающий зубы дотошному журналисту. Академик, свободно оперирующий самыми модными теориями... А сами-то Вы что о себе думаете?*

— Начну с журналистов. Я не первый раз слышу такое, что вот, мол, заговариваю зубы. Конечно, я взвешиваю слова, но я стараюсь говорить правду. То, что я не хочу говорить, я просто не говорю. Но что такое правда? Можно и говоря правду солгать, и обманывая — сказать правду. Время сегодня такое крутое. Объективно не оцененное пока. Умные головы оценят его, сделают анализ всего. Но хочется оставить все-таки какие-то «горошинки», свидетельства этого времени, чтобы эти «горошинки» были не банальным остроумием, произнесенным на ходу, а основывались на какой-то реальной базе.

Как я себя вижу, спрашиваете? Знаете, я как-то не задумывался над этим. Своим недостатком, например, считаю слишком критическое отношение к себе. Даже когда себя защищаю...

Возможно, это что-то вроде мазохизма, вроде какой-то зверек грызет, одолевают сомнения. Вот, скажем, мне всегда мешал работать в политике и мешает до сих пор мой принцип лояльности, я его иногда просто ненавижу. Понимаете, если я теперь с кем-то начал работать, с тем, кого знал раньше, то никогда не могу, скажем, разносить этого человека в газетах — не могу! Даже того, с кем каким-то образом у меня пересекались дорожки. Даже если из чисто идейных каких-то соображений он начнет пускать в меня стрелы. Мне неохота с таким связываться.

* * *

Глядя на то, как Яковлев акцентирует свои возрастные преимущества, нельзя не заметить в этом и элементов игры: годы действительно почтенные. Не случайно его прозвище: дед эпохи. Но взгляд-то буравящий, искрометный, молодой.

— *Воз, который Вы сегодня тащите, заставляет усомниться в том, что Вы подумываете о покое. Возможно, это намеренная позиция, убаюкивающая врагов, попытка убежать от преследующего времени. Но что же на самом деле?*

— На самом деле, когда я думаю о нелегком для меня решении², я вам уже говорил и сейчас повторю, что это кратчайший путь к потере репутации

у какой-то части людей. Меня иные обвиняют в страшных грехах. Вот записка, которая пришла ко мне на одном из моих последних публичных выступлений: «Пятого июля в “Известиях” была Ваша статья, где Вы указали на необходимость в целях перестройки роста резкой политизации народа. Что Вы имели в виду — показать народу образ врага-демократа? Вы, А.Н., настоящий организатор ГКЧП в августе 91-го года³. Так же, как Ельцин — организатор кровопускания в октябре 93-го года⁴. Карцев А.С.». Видите, всякого наслушаешься... И все-таки ответу на Ваш вопрос. Я чувствую свою личную ответственность. Россия вздыбилась. Я не знаю, осуждают меня, не осуждают, но я доволен происходящим.

— *Я хочу Вас понять...*

— Да, я недоволен бываю каким-то отдельным фактом, недоволен чьим-то шагом. Но все это не имеет серьезного исторического значения. Я доволен, что Россия — это мое прочное внутреннее убеждение — вышла на путь к своему настоящему благосостоянию, процветанию. Это будет самая демократическая и самая богатая страна в мире...

— *Ваши внуки увидят это?*

— Да, конечно.

— *Уверены?*

— Уверен. Потому что земля уже дышит. Даже я надеюсь увидеть... Мы уже были свидетелями, как в силу ряда обстоятельств страна катилась вниз — из-за милитаризации, ведь нас подкосила именно милитаризация, она все съела.

— *Мы как раз пришли к тому, что я хотела бы от Вас услышать. Вас называют «дедом эпохи». Как Вы можете охарактеризовать время, в которое начиналась демократия, обернувшаяся позже произволом? Сегодня многое в борьбе прошлых лет перестройки выглядит иначе... Какой Вы видите сейчас свою роль и роль Лигачева? Я связываю одно с другим...*

— Позволю себе не согласиться с вашей постановкой вопроса. Началось все, как Вы сказали, с демократии, а кончилось произволом. Я не согласен с этим...

— *Вы отец нашей демократии, Вы боролись за демократию. За такую, как сейчас?*

— Знаете, нельзя бороться за ту или за эту. Бороться можно только за демократию, то есть за свободу человека.

— *И чем она обернулась?*

— Она обернулась в конечном итоге свободой человека! Вы мне, конечно, можете возразить: ну какая это свобода? И вот если сейчас кто-то победит из тех, кого мы с вами не называем демократами, то мы за это проголодуем, потому что мы очень любим пока еще, чтобы нас в очередной раз пнули: вот, мол, настоящий начальник. Смотри, как он все в руках держит. Хозяин! Смотри, какой крутой молодец! А коли пинок получил от начальника, тоже радость: «Ах, как сладостно, не так ли?» Вот так и наша структура складывается, начиная с того, кто пашет, строит, и дальше...

— *Очень мало кто пашет и строит, Александр Николаевич. Большею частью торгуют, воруют и убивают... Вот это и есть «наша структура». Произвол!..*

— А кто это делает?

— *Люди, люди... которые получили демократию, в том числе и с Вашей помощью, Александр Николаевич.*

— Ну, наверное. Но если бы не мы, то потом кто-то сделал бы то же самое, может быть, еще тяжелее обернулось бы. Раз уж мы совершили этот

переворот и прервали историческое развитие... Я удивляюсь, что этот качественно новый переход к другой форме собственности и государственности идет столь спокойно, без крови.

— *Вы шутите, спокойно? Вы сами мне рассказали, что у Вашей дочери машину сожгли.*

— Ну и что? Да хоть бы десять машин сожгли. Все равно спокойно. Я еще раз Вам говорю: ведь это переход к другой форме собственности, к другой форме власти.

— *И главное — к другому сознанию...*

— Да, к другому сознанию. И нет гражданской войны. И слава тебе Господи! Это было моей самой главной мечтой — ненасильственная эволюционная революция. И она идет. Не было еще такого в истории. Это совершенно уникальное явление. Попытки же где-то стрельнуть... А как же? Потому что столкнулись совершенно противоположные интересы. Сначала тоталитарный режим надо было сломить через тоталитарную партию, другого пути не было. Наши либералы, демократы вопили: «Вот, коммунистическая партия!..» Объективно партия сыграла огромную роль в истории страны. При всей моей неприязни к ней. Потому что только используя ее тоталитарный характер, выразившийся как в организованности, так и в дисциплине и послушании, можно было сломать тоталитарный режим...

— *Ваши столкновения с Лигачевым носили только концептуальный характер, или присутствовало личностное противостояние? Но ведь Вы не позволили себе ни разу унизить его и перейти к личным выпадам. Почему же с разрушением партии была разрушена и элементарная этика поведения в общественных структурах?*

— Наше с Лигачевым противостояние никогда не переходило во что-то личное. Более того, оставались достаточно корректные отношения. Даже когда собирались выступить — он ли против моей записки или проекта или я против него, мы созванивались и предупреждали друг друга. Например, звонил он и говорил: «Александр Николаевич, я буду на Политбюро выступать против». Естественно, я стоял и стою на противоположных позициях во многих вопросах, в вопросах собственности, партийности, плюрализма, гласности, отношения к прошлому. Но я должен сказать, что Лигачев никогда не ставил это противостояние в контексте собственной карьеры. А ведь многие из номенклатурно мыслящих людей примеривали это к личным интересам.

— *Вы сумели найти новое свое амплуа, это амплуа — стать Яковлевым.*

— Чего не знаю, того не знаю. Может быть, нам удастся из этой бури, от этой бесконечной стрельбы словами прийти к какому-то другому состоянию критического анализа и более спокойному отношению друг к другу. Говорят: демократия — это парламент, демократия — это разделение властей, всенародно избранный президент и т.д. Да нет же! Демократия — это характер человеческих отношений. Ну вот наши с вами отношения... Понимаете, я желаю вам всего самого хорошего, чего желаю и себе, но прежде всего вам. Вот это демократия.

Вспоминаю, в 1973 году меня шуганули в Канаду⁵. И журналисты вслед мне не плюнули. Мне продолжали писать из Москвы, а ведь отношения между журналистской братией и партийной структурой всегда достаточно напряженные. Журналисты тоже были рабами и ненавидели свое рабское положение и тех, кто их топчет, кто им приказывает, кто заставляет... Для меня было страшновато ехать из Канады в первый отпуск.

— *Вы боялись встреч?*

— Я знаю по опыту других: неугодный человек — тем более запретный человек.

— *Когда мертв телефон...*

— И Вы знаете, я приезжал — начинались звонки. Не надо ли чем-то помочь?.. Мне надо было ехать в Ярославль. Кто мне давал машину каждый отпуск отца с матерью навестить? По очереди — редактора газет. МИД не давал никогда. А тут никогда никаких отказов. И, может быть, это самое главное. Почему я и сказал: демократия — это отношения людей.

— *Вернемся, Александр Николаевич, от прошлого к настоящему, а потом перейдем к будущему. Как могло случиться, что Вы растеряли своих соратников? Своих самых близких. Ваши рупоры остались далеко за бортом политической деятельности. Один безуспешно ищет спасения в Бостоне, другой — на обочине⁶, третий — на периферии...*

— В личном плане мы остались вместе. Какой бы нажим ни был. И я ни на йоту не собираюсь менять отношения к этим людям. Поэтому, естественно, переживаю, сожалею. Это должно было случиться. Как и в прежние времена: пока государство будет стоять над обществом и человеком.

— *А с кем Вы сейчас, кто вокруг Вас?*

— Знаете, честно говоря, никогда не стремился создавать команду специально.

— *Она сама создавалась?*

— Вот именно, сама. Если же потребуется — я фаталист, — она вновь сама сложится.

— *Наверное, поэтому и Ваша судьба столь неоднозначна. Это скорее относится к факторам времени, а не к Вашим личностным чертам.*

— Видимо, да, есть какая-то ниточка. Вот когда я уходил из власти в 1991 году — это было нелегко для меня. Я почувствовал потребность уйти от политической деятельности. Еще в апреле предупреждал о готовящемся государственном перевороте...

— *Не прочли...*

— Может, и прочли. Но не учли, не поверили. Несколько раз устно говорил: что-то должно случиться... Ухожу в отставку⁷, тут же меня исключают из партии⁸, я делаю заявление о путче — 16 августа. 19-го «Правда» выходит с обвинением в мой адрес — всё нас пугает путчем и разговором. А путч уже идет, но не успели поправить, газета вышла. (*Александр Николаевич очень долго смеется, настолько заразительно, что и я не сдержалась. Смеется вместе. Он продолжает.*) Путч закончился поражением. Это настраивало на эдакую розовую оптимистическую волну, они все это по-дурацки сделали. А если бы не по-дурацки?! Какая это силища — армия, КГБ, партия, этот триумvirат! Я очень был встревожен.

— *С вашей склонностью к прозрениям... Но на смену людям, которых смела волна жизни, пришли демократы. Александр Николаевич, объясните мне: одна демократическая газета имеет хозяина, другая — другого, третья — третьего. И как это совмещается с независимостью печати?*

— Да потому что государство... Разве это дело? Такого нет ни в какой другой стране. Почему не создана до сих пор параллельно пусть частная или акционерная организация, которая бы взялась за распространение печати? Я десять лет жил в Канаде. Ко мне в резиденцию приносил газеты по утрам мальчик-школьник за небольшую плату. После этого он бежал в школу.

А у нас продолжается без конца государственный грабеж. Закрывать все эти газеты придется? Тогда нашей «духовной пищей» станут газеты «Завтра» и «Советская Россия», которые неизвестно из каких источников кормятся. Это явно политическая ошибка. Так же, как и то, что теперь нам Дума выдвинула средства на пять часов вещания. Что я должен сейчас делать? Уйти? Уйти и сказать, что я в разрушении телевидения участвовать не буду? Или добиваться, чтобы дали больше денег? Или должен искать источники? Но такие, которые бы не влияли на содержание программ?..

Каждое время рождает своих героев. Ведь это и на самом деле так. Последующий этап, объявленный революцией 1991 года, ни одной новой идеи не выдвинул. И это объяснимо. Дай Бог переварить старые. И я уже сказал в печати: я бы без суда и следствия сажал в тюрьму всех, кто выдвигает новые идеи. *(Опять академик заразительно смеется.)*

— *Не в Канаду, а прямо в тюрьму?*

— Да, прямо в тюрьму. Сейчас огромная нужда в имеющих совесть и мышцы. Мышцы, конечно, не в прямом смысле.

— *Совесть, говорите?*

— Ну, необходимы определенные этические принципы труда.

— *Это — верно, но никто же не хочет...*

— ... спокойно работать. Да иные хотят. Но вот понимаете...

— *Государство теперь не мешают...*

— Как не мешает? Мешает. Попробуйте вы организовать что-то типа своего издательства, вас обложат высочайшим налогом. Что вы будете делать?

* * *

Стиль политического мышления Яковлева в основе своей прагматичен. Как истинный политик (хотя и идеолог по должности) он меньше ориентируется на позиции, идеи и взгляды людей, больше ищет возможности достижения практических целей. Поэтому он столько лет сотрудничал в аппарате ЦК, потом в ВС СССР, в Президентском совете⁹, и отнюдь не только с единомышленниками. Загадкой здесь можно считать только то, что Яковлев обостренно эмоционально реагирует на последствия такого своего подхода: он страшно обижается на упреки в предательстве, на обвинения противников в заговоре против России, да и просто на проявления враждебности, в коих нет недостатка. Для Яковлева характерна странная неготовность к тем методам борьбы, которые неизбежны в профессиональной политике переходного времени: ведь он сам ждал всю жизнь грядущих перемен, готовил их и теоретически понимал, что они несут озлобление, жестокость и «невегетарианскую» психологию.

— *Меня интересует, Александр Николаевич, как Вы за столь длительное время не сумели адаптироваться к условиям и по-прежнему принимаете все близко к сердцу? Почему?*

— Не всегда принимаю. Нет. И иммунитет выработался. Первую пару лет (на этапе листовок, в которых говорилось, что я руководитель жидомасонской ложи и многое другое) чего только не переживал. Это оказалось неожиданным для меня — такое вранье! А сейчас я реагирую на все с известным равнодушием. Я бы с удовольствием вступил в спор, но нет оппонентов. А жаль. Есть элементарные бумагомараки, которые способны лишь навешивать ярлыки. И таких, к сожалению, выплыло на поверхность предостаточно — людей без принципов и морали.

— *Есть еще Ваша интеллигентность. Вы ведете себя так, как подобает интеллигентному человеку: не повышаете голоса на подчиненных, замечания делаете смущаясь, об этом мне рассказывали еще со времен Вашей работы в ЦК и в Президентском совете, да и теперь. Это правда?*

— Да, и, может быть, это недостаток. И чем крупнее какой-то недостаток, тем меньше охота говорить о нем. Когда я понимаю, что та или иная ошибка — от недооценки, сделана второпях, скажем, по недостатку информации, это простительно. А вот когда делается что-то, во что нормальному человеку нельзя поверить, а он говорит, что это случайно, пропадает желание даже разговаривать.

— *Понимаю. Вам вообще мелочность не свойственна.*

— Видимо, надо быть великим, чтобы быть мелочным.

— *Чтобы понять человека, надо проследить его судьбу. Вы пришли в политику из глубинки. В Вашей биографии детство, юность, учеба и фронт занимают не много места и не дают представления о тех дружинах, которые раскрутили Ваше политическое восхождение. Однако ясно, что честолюбие, стремление выйти в люди было заложено в Вас генетически. И судьба способствовала этому. Ранение сыграло особую роль. Госпиталь не только спас от почти неминуемой гибели — травма заставила о многом задуматься, подтолкнула к поискам нового места в чудом сохраненной жизни. Ваша карьера представляет собой долгий путь к власти. Знающие Вас люди говорят, что Вы никогда не теряли чувства реализма и понимали, что лишены данных, чтобы занять первую строку в иерархии партии. Отдавая себе отчет, что президентом в этой стране академик стать не может, так ведь?.. Или все это только мои предположения? Почему Вы никогда не стремились к первым ролям?*

— Боялся. Это не трусость. Ответственность особого рода. Ну а как же людям в глаза смотреть, если провалишься по-настоящему? Потом, вы знаете, первое лицо должно быть беспощадно.

— *А Вы добрый, мягкий!*

— Не добрый я. Мягкотелый... Скажем, ты назначил сам министра обороны, потом понял, что ошибся, а ты с ним многое обсуждал, разговаривал, так сказать, «вась-вась». Даже рюмку выпил. А теперь вон куда тот повернул!

— *У Вас были ошибки в подборе кадров?*

— Безусловно. И не одна. Чикина я назначил. Он-то забыл, конечно. Это самая грубая ошибка, хотя сделана была по рекомендации. Знал его, ему не откажешь в знании газеты, в профессионализме.

— *Есть люди, которые идут напролом, им это выгодно для их карьерного прееупевания. Может, и он к этой категории относится?*

— Может, и так. Представьте себе, Чикин со своим профессионализмом и Лигачев со своим упорным характером могли бы сыграть очень видную роль в демократических преобразованиях страны.

— *По стилю принятия решений Вы должны быть весьма жестким, что несколько противоречит вашему публичному имиджу мягкого, понимающего человека. Но Вы привыкли играть по правилам, а правила требовали от лидера жесткости.*

— Не от вас первой слышу, что произвожу впечатление человека жесткого. Конечно, мне приходится принимать жесткие решения. Во-первых, из-за трудно преодолимого упрямства, хотя я могу преодолевать себя. А во-вторых, уж если я убежден в чем-то, то колебания остаются в стороне.

— *Как каждому интеллигенту, Вам свойственна нерешительность?*

— Мне всегда нужно время. Я начинаю отшучиваться, тянуть...

— *Это уж я по себе знаю! Как часто Вам приходилось лукавить? И что Вы чувствовали при этом? Или это обычное состояние для политика?*

— Обычное это состояние или нет, но лукавил я часто. Знаете, тот период, еще до Канады, был периодом большого лукавства. Скажем, у меня была совершенно отработанная система отношений с любой газетой. Однажды звонит Косыгин: «Александр Николаевич, «Правда» неправильно раскритиковала министра. Поправьте. Я не хочу звонить главному редактору. Сделайте это вы». Соглашаюсь. Газету я не читал, естественно, и этой статьи тоже. Да, говорю, обязательно позвоню. Я знаю, что это единственный способ, чтобы он успокоился и не пошел дальше. Только положил трубку, Полянский звонит: «Александр Николаевич, какая прекрасная статья. Все правильно там об этом министре. Слушай, скажи при случае редактору: молодец, правильно все сделал». Хорошо, говорю, обязательно скажу. Естественно, я редактору не звоню.

— *А какая сегодня газета самая интересная, с Вашей точки зрения?*

— Знаете, я читаю не газеты, а статьи, вернее, авторов, мне интересных.

— *Вообще газеты не читаете?*

— Ну, иногда попадется какой-нибудь номер, где-нибудь в машине, вот и посмотрю.

— *Ну а телепрограммы Вы тоже редко смотрите?*

— Времени нет, других дел много.

— *Александр Николаевич, Вы действительно великий балагур! Для человека прямолинейного чувство стыда органично его натуре. А для многоликого как это сочетается? Живет ли в тайниках Вашей души чувство вины и за что?*

— Знаете, по-моему, Аристотель был прав, когда говорил, что единственное, что отличает человека от всего животного мира, — это сохранившаяся способность краснеть. Это со стыдом, наверно, связано. Краснеешь и перед детьми, и перед внуками, и перед женой. Очень не люблю, когда из «верхов», пытаюсь поделиться, начинают мне характеризовать кого-то. В личном плане один министр про другого. Но мне это не интересно!

— *Вы оцениваете это как игру?*

— Несомненно. И мне заранее стыдно, что могут подумать, будто это пошло от меня. Вы заметили, что я очень редко даю персональные характеристики. Вы меня спровоцировали сказать о Лигачеве...

— *Вы обладаете даром истинного мыслителя, может, Вас и в самом деле надо в тюрьму посадить? Вы правильно заметили, что с подобными идеями Вам здесь не место.*

— Чувство неловкости я испытываю и тогда, когда мне говорят плохое о ком-то, к кому я хорошо отношусь. У меня тут же возникает жуткое ощущение стыда, что я не заступился, промолчал.

— *Вы не хотите пригласить Коротича на телевидение? Он человек творческий, незаурядных способностей, с большой выдумкой. С этим сегодня в Останкине не густо.*

— Мне непонятно, почему он 19 августа не прилетел¹⁰.

— *Но Вы же его могли спросить.*

— Неудобно как-то.

— *Не хотели заставлять его врать? Вам было бы стыдно, если бы он начал оправдываться?*

— Совершенно верно! Я знаю, что я бы поступил по-другому. Впрочем, я не обвиняю его. Ничуть. Мы всегда встречаемся с ним, как только он появляется в Москве.

— *Возглавив телевидение, Вы сумели подняться над противоречиями, раздирающими творческие коллективы, и заняли как бы выжидательную позицию. А что на самом деле? Чем для Вас является нынешняя работа?*

— Мерило работы — это когда появляется что-то необычное, то, что я считаю необходимым для общества, как для маленького, так и большого.

— *Александр Николаевич, телевидение, я понимаю, взрывоопасная тема.*

— Пугали, что меня уберут, если я централизирую рекламу. Централизовал. Не убрали. Телевидение не хуже и не лучше того общества, в котором оно работает. Но это люди, и они несут большую нравственную ответственность. Но в то же время эти люди поставлены в унизительное материальное положение.

— *А как все это уживается с мафией? Вы сами знаете, что фактов тому предостаточно.*

— Кира Владиславовна, когда начинаешь смотреть документы, видишь, что юридически придаться не к чему, а чувствуешь, что тут не все ладно, но сделать ничего невозможно.

— *Какие бы ни были у Вас противники, а их много, ни один человек не мог Вас уличить или сказать, что Яковлев нечист на руку.*

— Этого не было. И, может, это единственное, что обо мне не говорят.

— *Вы сами мне рассказывали, что на телевидении дарят на день рождения «мерседесы».*

— Ну и дарят. Вы знаете, за талантливый труд надо платить. А вообще коллектив нормальный, с большим потенциалом творчества. (Стало грустно до боли. Что изменилось?.. Если почтенный академик должен лукавить, зная, как сегодня живут лучшие перья России. Не до жиру, быть бы живу... не до «мерседесов».)

— *Вы работали с Горбачевым. Теперь работаете с Ельциным. Где легче достигать взаимопонимания? Я понимаю, что о правящих особах говорить некорректно, но в наше время вседозволенности, наверное, допустимо.*

— Знаете, я нормально работал и с тем, и с другим. Ведь развод в первом случае произошел в общем-то по соображениям политики, а не по личным. А что касается работы, сравнивать нельзя. Потому что там работал над докладами, над документами. Общение ежедневное. Сейчас я работаю совершенно по другой части... Ельцин не вмешивается в конкретные дела. Вон, видите, телефон Ельцина.

— *Он Вам не звонит?*

— Нет. И считаю это большим достоинством, а не недостатком. Когда нужно, мы встречаемся.

— *Ваши оппоненты утверждают, что Вы вывезли во Францию 20 экземпляров книги Олейника «Князь тьмы»¹¹. Книга неприлично выстроена против Горбачева. А ведь Вы в это время работали в его Фонде. Соответствует ли это действительности?*

— Книжки этой я до сих пор не читал. Хотя после этого сообщения в печати поинтересовался, и мне обещали достать. Но так и не достали.

— *Считаю, что Олейнику должно быть стыдно. Он был одним из приближенных Горбачева.*

— Мне показалось, что это из-за болезненного состояния, он, видимо, захворал.

— *Эта болезнь называется предательством.*

— Это жутко, жутко!

— *Наверное, для политических фигур самое страшное, когда политическая смерть наступает раньше физической. Как Вы представляете себе будущее после ухода той плеяды политиков, которые вместе с Вами начали перестройку? Кто Ваши наследники?*

— Не могу сказать, личный секрет. Думаю, наступила пора попробовать объединить людей социал-демократической ориентации¹². Конечно, меня могут снова упрекнуть в романтизме. Может, это идея романтическая, но, повторяю, общественное сознание к этому готово. Вот это, по крайней мере мне так кажется, я попытаюсь сделать, поскольку не принадлежу ни к одной партии.

— *У меня «последний бросок» к Яковлеву-человеку. Знаю многих людей, которые должны были испытывать к Вам благодарность. Но увы!.. А Вам знакомо чувство благодарности?*

— Мне по душе быть благодарным, но не обязательно высказывать это. Когда ты за что-то кому-то как-то благодарен — ты чувствуешь свою нужность, в тебе еще живут чувства, в том числе совесть и признательность.

— *Если в человеке отсутствует чувство благодарности, он не может быть счастливым. Потому что благодарность — это элемент счастья. Вы согласны?*

— Согласен, это несчастный человек.

* * *

Конечно, обрываю на незавершенной ноте. Но как может быть дописан портрет действующего политика? Политика — это всегда игра. И всегда неизвестен следующий ход.

№ 31

«Я В ОТСТАВКУ НЕ ПОДАВАЛ И ПОДАВАТЬ ПОКА НЕ СОБИРАЮСЬ»

Известия, 8 октября 1994 г. Беседу вел В. Выжutowич.

Самое постоянное в руководстве телерадиокомпании «Останкино» — смена этого руководства. И сопутствующие очередной отставке слухи. И, разумеется, официальное опровержение этих слухов. И дальнейшая их материализация. Сегодня с болезненным, уже хроническим азартом тут и там заговорили об уходе со своего поста Александра Яковлева, возглавляющего «Останкино» менее года.

— Я в отставку не подавал и подавать пока не собираюсь, — сообщил в интервью «Известиям» председатель «Останкино».

— *Но слухи на сей счет имеют какие-то основания?*

— Слухи в основаниях не нуждаются, такова уж их природа. А началось, кажется, с сообщения радиостанции «Свобода». И распространилось далее. Я могу лишь догадываться, почему это происходит.

— *Почему же?*

— Прежде всего потому, что телевидение остается объектом притяжения многих заинтересованных лиц, как находящихся ныне у власти, так и домогающихся ее. На экран рвутся все. А в преддверии президентских выборов¹ борьба за ТВ будет лишь обостряться. По количеству вождей на душу населения Россия сегодня побилла все мировые рекорды. И старые, и новоявленные мессии претендуют на общественное внимание. Каждой политической

группировке хочется поставить во главе «Останкино» своего человека. Расчет очевиден: чтобы «взять» Кремль, надо «взять» телевидение.

С этой борьбой за власть смыкается кампания по дискредитации «Останкино», развернутая в средствах массовой информации. Пишут о коррупции, о поголовной продажности репортеров, комментаторов, ведущих.

— *Насчет «поголовной» не рискну утверждать, но разве мало в останкинском эфире заказных сюжетов, мало рекламы, выдаваемой за информацию? Да и прямая рекламная деятельность так ли уж безупречна? Вы возьмете на себя смелость утверждать, что останкинский рекламный холдинг, где сегодня вращаются огромные деньги, совершенно свободен от криминала?*

— Если Вам что-то известно об этом, пишете. Но пишете доказательно, опираясь на факты, не давая волю подозрениям, домыслам, огульным обвинениям. Я же не скрываю, например, что за различные махинации мною был уволен коммерческий директор «Останкино» Юрий Бандура. Не делаю тайны и из того, что одно дело, связанное с коммерцией в нашей телерадиокомпании, сейчас расследуется прокуратурой. Еще скажу: в августе мы обнаружили восемнадцать минут рекламы, неизвестно откуда и как попавшей в эфир. Пытаемся разобраться... Вместе с тем считаю необходимым сообщить, что проверка, проведенная недавно КРУ, не зафиксировала в «Останкино» никаких серьезных нарушений — так, кое-какие бухгалтерские погрешности. Из шести с половиной тысяч наших сотрудников как минимум шесть тысяч триста не имеют никакого касательства к деньгам. Эти люди получают нищенскую зарплату. Оклад монтажера — девяносто тысяч.

— *Ну вот Вам версия, откуда попали в эфир те самые неоприходованные восемнадцать минут рекламы.*

— Да, вероятно, с монтажного стола. И я понимаю: получая девяносто тысяч в месяц, трудно удержаться от соблазна. Хотя, повторяю, нет никаких оснований рисовать «Останкино» таким гнездом коррупции и журналистской продажности. Мы же не опускаемся до бездоказательных обвинений в адрес некоторых газет, печатающих заказные статьи, в том числе и о телевидении. Вообще, что-то с нашей прессой происходит неладное, глубоко тревожное для меня. Исчезла былая профессиональная солидарность, худо стало с корпоративной этикой...

— *Вы считаете отступлением от этических норм публикации, скажем, о политической цензуре, осуществляемой руководством «Останкино»?*

— Никакой цензуры у нас нет и, смею заверить, не будет, во всяком случае до тех пор, пока я нахожусь на посту председателя телерадиокомпании.

— *Тогда почему же недавно было снято с эфира интервью Александра Политковского с экс-президентом Азербайджана Аязом Муталибовым?*

— Это произошло в мое отсутствие. Но, будь я в ту пору на месте, я поддержал бы решение. Интервью готовилось к эфиру как раз в тот момент, когда российское руководство вело очень важные переговоры с Гейдаром Алиевым². Появление на российском экране Муталибова, занимающего по отношению к нынешнему руководству Азербайджана резко непримиримую позицию, могло осложнить и без того весьма трудный ход переговоров. «Останкино» — государственная компания и обязана в своей деятельности руководствоваться государственными соображениями, в данном случае весьма конкретными и, надеюсь, понятными. Мы не можем давать материалы, способные нанести ущерб национальным интересам России. Свобода слова должна быть сопряжена с ответственностью.

— Об этой ответственности Вам напоминает лично Президент? Как часто Вы встречаетесь?

— Президент принимает меня всегда, когда я прошу об этом. Мы давно знаем друг друга, у нас взаимное доверие.

— Вы и Ваши единомышленники приступили к созданию социал-демократической организации³. Как теперь будет совмещаться Ваша новая партийность с постом председателя государственной телерадиокомпании? Кстати, не это ли еще один повод к разговорам о Вашей отставке?

— Во-первых, организация, о которой вы говорите, еще не создана. Я только председатель оргкомитета. Вопрос о создании некоего социал-демократического объединения будет решаться на учредительном съезде. Во-вторых же, совмещение государственных постов с членством в политических партиях у нас законом не запрещается. Посмотрите, сколько партийных представителей в нынешнем российском правительстве — Сергей Шахрай, Александр Шохин, Александр Заверюха, Юрий Калмыков, Николай Травкин... Что же касается разговоров о моем возможном уходе с поста председателя «Останкино»⁴, кем бы и чем бы эти разговоры ни возбуждались, добровольно оставлять этот пост сегодня не вижу причин. Уйти иначе? Об этом меня пока никто не просит. Впрочем, я никогда не держался за свои должности и никогда их не домогался.

№ 32

ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ ГЛАЗАМИ ПАТРИАРХА

Двадцать четыре, 28 октября 1994 г. Беседу вел В. Дорофеев.

— Александр Николаевич, летом 91-го, когда многим стало ясно, что столкновение молодой отечественной демократии с дряхлеющей, но еще сильной тоталитарной системой неизбежно, Вы были одним из инициаторов создания Движения демократических реформ¹. Сегодня политический климат в России иной. Многопартийность, за которую Вы некогда ратовали, состоялась. И вот идея Объединенной социал-демократической партии²... Чем продиктована Ваша новая инициатива?

— В сущности, на социал-демократический путь наше общество встало еще в 1985 году³, когда концепция революции была заменена концепцией реформ. Но обстановка в то время складывалась такая, что мы все весьма громко отрицали сам этот факт, откешивались от него в заявлениях официальных лиц. Хотя в политическом руководстве страны тогда были силы, которые на всех пленумах ЦК, съездах, да и на заседаниях Политбюро не раз поднимали вопрос: а не тащим ли мы страну в болото социал-демократии? Ведь социал-демократия считалась главным врагом ленинизма-сталинизма, по крайней мере объявленным.

И за эту установку наша большевистская партия, точнее аппарат держались до последнего, пока не погубили и себя, и партию.

Что же касается Движения демреформ на тот момент, а это лето 91-го, то задумывалось оно как некое объединение единомышленников, разделяющих идеи переустройства страны по социал-демократическим принципам. Мы тогда, придумав такое название, хотели подать сигнал, что есть движение реформ именно демократических — в самом широком смысле. Но тогда

слишком ожесточенным оказалось противостояние в обществе, слишком пассионарным — радикализм противоборствующих сил. Социал-демократов же во все времена политические противники ругали за приверженность плавному реформаторству.

После 91-го года⁴, когда российская демократия, как говорят военные, «вышла на оперативный простор», мне казалось, можно уйти из политики. Увы, случилось так, что социально-политическое положение в стране в силу ряда причин качнулось в худшую сторону. Почему — иной вопрос, истоки этого еще предстоит осмыслить. По сути, образовалась социальная база для формирования мощного агрессивного фронта национал-шовинистического толка. Демократические же силы, сорганизовавшиеся некогда для противоборства с прежней тоталитарной системой, оказались разобщенными, погрязли в выяснении отношений: кто демократичнее. Словом, получилось так, что демократия стала приобретать характер игры, а то и откровенной борьбы за власть. Подобный же расклад политических сил — уже реальная угроза для России. Поэтому и считаю, что единственным разумным выходом для настоящей многопартийной системы является образование центристской партии, даже левоцентристской, социал-демократической ориентации. И создавать ее необходимо как можно скорее.

Дело не в названии — «Объединенная социал-демократическая» или просто «Партия социальной демократии». Это решит съезд. Я думаю, нам удастся провести его в декабре. Сейчас готовим программу, устав⁵. Над этим работают не только в центре, но и в региональных организациях. Суть же установок, которыми руководствуются инициативные группы в Москве и на местах, заключена, по моему личному убеждению, в том, что сама по себе экономика, точнее приоритет экономики, главную проблему преобразования нашего общества не решит. Здоровую экономику может построить только уверенный в себе человек. Здоровый физически, здоровый интеллектуально. Человек, у которого спокойно в семье, который обладает необходимым уровнем культуры, духовности, нравственности, то есть свободный человек.

— Но идеи социал-демократии в той или иной мере присутствуют в программах многих партий, уже получивших двухгодичный мандат доверия от российских избирателей. Даже в предвыборной программе КП РФ просматриваются те же социал-демократические тенденции... В определенной мере идеи социал-демократии присутствуют и в программе «Выбора России», и партии Шахрая, и того же блока «ЯБЛОко»⁶...

— Виль Викторович, я не знаю ни одной партии в мире, даже из фашистских, которая бы вдруг сказала, что она будет бороться против интересов народа. Интересами народа спекулируют все. Другой разговор, что практически-то делать для этого? Отстаивать интересы народа через разрушение или через созидание? Через реальное отношение к проблемам здравоохранения, просвещения, культуры, через слова о том, что культура — это духовно, нравственно и отныне самое главное для нас. Но ведь все слова давным-давно сказаны. Нам же надо для самих себя решить, что важнее: солдат у склада с оружием (который все равно, как показал опыт, грабят) или великий композитор. Я не в упрек солдату. Солдат — лицо подчиненное. Нам надо менять приоритеты в общественном сознании, а главное — менять политиканство на подлинную политику.

— Александр Николаевич, но сможет ли новая партия вобрать в себя всех приверженцев социал-демократии из других партий? Всех тех, кто так или иначе исповедовал эти же идеи до XXVIII съезда КПСС⁷?

— Сможет. Я думаю, что мы будем приветствовать таких людей. Ведь не секрет, трагедия КПСС в том, что она не разделилась на XXVIII съезде. Тогда, быть может, рождение российской, да и советской многопартийности произошло бы гораздо спокойнее. Был упущен шанс. Я тоже не проявил характера, дрогнул, не возглавил «Демократическую платформу»⁸, не повел за собой членов партии — приверженцев социал-демократической идеи.

— В оргкомитете партии много известных политиков: Н. Шмелев, Г. Попов, С. Федоров. Но все они принадлежат к поколению шестидесятников. Не окажется ли новая партия — партией шестидесятников?

— В этом нет ничего плохого. В большинстве своем они все-таки сохранили здравый смысл. Я думаю, сейчас главная задача шестидесятников еще раз на этом переломном моменте истории проявить здравый смысл и предложить себя просто в советники. Не в руководители, а в советники молодому поколению политиков. Я лично в этом вижу свою задачу... Люди в России есть, я убежден в этом. Может быть, эти люди сами не знают, что они обладают талантами незаурядных политиков. Дать им, молодым, возможность проявить себя. И чтобы они шли вперед под какими-то новыми знаменами, это было бы прекрасно. Это была бы награда за всю политическую жизнь. Ведь на самом деле многие из тех, кто в оргкомитете, не претендуют на какие-то руководящие посты.

Понимаете, все дело в том, что демократия у нас на нынешнем этапе вступила в полосу кризиса. В известной мере повторяется то, что произошло после февраля 17-го года. Я не согласен с большевистской формулой, что это была буржуазно-демократическая революция. То была демократическая революция. Кстати, во Временном правительстве можно назвать многих, кто исповедовал практически социал-демократические идеи. Почему крах произошел, и почему небольшая группа во главе с Лениным подобрала на мостовой власть? Да потому, что тогда так и не получилось сформировать левоцентристскую, демократическую силу. Не удалось. И это открыло дорогу экстремизму. Подобное может получиться и ныне, хотя историческая аналогия очень условна. И надо срочно, к 1996-му году⁹, создавать левоцентристскую партию с тем, чтобы никакие экстремистские силы не воспользовались ситуацией.

№ 33

МОЯ ВОЙНА

Комсомольская правда, 3 ноября 1994 г. Беседу вел А. Афанасьев.

— Александр Николаевич, вот строчки из Вашего личного дела. «4 мая. Дорог в районе обороны бригады нет. Доставка пищи и боеприпасов производится людьми. Передний край в большинстве своем заболочен, и рытье окопов и дзотов невозможно». А далее идет прямо-таки победная реляция. «За год боевых действий бригада нанесла противнику тяжелый урон. Убитых: 6322 человека. Убито лошадей — 13. Вездеходов захвачено — 13. Уничтожено дзотов — 19. Повозок — 112. Кухонь — одна»¹. Вспомнили? Такой была Ваша война?

— Вы понимаете, мне очень не хочется ставить все под сомнение, но вот это: захвачены лошади, велосипеды, машины, — какие там машины? Я не

знаю, где летописцы полковые их увидели? Машины просто не могли по болоту проехать. Да, действительно, однажды мы попали в ситуацию, когда три дня не евши были. Немецких лошадей в болотах я ни разу, к сожалению, не видел. Может, они и были, может, их даже и захватывали в плен, не знаю. Что касается пленных? Вот на моей памяти однажды летчицу поймали, она выпрыгнула с парашютом. Так вот эту летчицу начали допрашивать, но она кроме «хайль Гитлер» — больше ничего. И тогда капитан-переводчик (он латыш был): ну-ка, ребята, поговорите с ней там вон, недалеко! Вот тут она испугалась.

— *На другом языке «поговорить»?*

— Да. На понятном. На солдатском. На, а что... измученные люди. Да и озабоченные очень. Она тут же начала говорить...

— *То есть сурово с пленными немцами обходились? Тот же «Смерш»?*

— Нет. «Смерш» понежнее нас относился. Смершевцы иногда даже поллитра нам ставили. Котелок водки давали, если мы оставим в живых пленных. Видать, с самого начала войны такой порядок установился, как я понимаю: немцы нас в плен не брали, мы их тоже.

— *А может, не стоило умирать, лучше бы сдаться — и тогда жили бы, как в Западной Европе?*

— Однажды мы взяли деревушку. И вот то, что меня поразило и настроило по-настоящему на военный лад. Вошли в деревню — повешенный старик. С бородкой, в нижнем белье, висит себе на березке. Вот так, понимаете, взяли и повесили человека. Ну и как можно было допустить, что они станут победителями? Или: расстрелянные. Видимо, так я понимаю теперь, — детский дом. Дети. Вместе со старшей воспитательницей. Так, небрежно закутаны ручонки у детей. Ну вот как? Как?.. Или самое страшное впечатление — весна 42-го. Когда стали вытаскивать трупы. Зима была суровая с 41-го на 42-й. И начали вытаскивать трупы, молодые ребята. 19, 20, 21 год ребятам. В форме солдатской, офицерской. Мертвые — а как живые.

— *Воспитывали ненависть? Или само собой получалось?*

— Ну, как же! Постоянная пропаганда.

— *Но Вы начитанный, интеллигентный юноша. И не чувствовали зазора между тем, что в «Красной звезде», и войной с ее грязью?*

— Нет, я верил в то, что было написано.

— *А «убей немца»?*

— Тогда воспринималось «убей», потому что не убьешь — тебя убьют. И, в общем-то, для меня вопроса не было: в случае чего надо стреляться.

— *Александр Николаевич, я опять возвращаюсь к документу: «... старший лейтенант Яковлев, преодолев проволочное заграждение, со своим взводом ворвался в расположение противника и завязал рукопашный бой. Несмотря на полученное тяжелое ранение, товарищ Яковлев с поля боя не ушел, а продолжал командовать и управлять боем».*

— Да какие там проволочные заграждения в болотах, где их ставить-то, как их провести-то? Или написано: не оставил поля боя. Да, действительно, когда меня простреливали, конечно, я не мог оставить поле боя. Ну, прострелили, ну, кровь течет, но нога цела, и бой все-таки. Потом мне грудь прострелили, и уже, конечно, ничем я не командовал. Или в одной статье даже написано, что я кричал «полундра». Ну не кричал я этого!

— *Ну а как не в газетах? Какой бой на самом деле был?*

— Приготовились, пушки вывезли, еле-еле приволокли. Минометные роты прибыли, две роты. Командир соседней пехотной роты Болотов был.

(Ему ногу потом оторвало, тоже старший лейтенант. Из Свердловска. Так получилось, что потом мы в одном госпитале лежали.) Мы с Болотовым увидели, что туман отрывается от болота. Раннее утро, что-то около трех. А мы оба оказались из деревни и знали, что вот под этим туманом над землей становится прозрачное пространство — и буквально каждый цветочек виден, каждая травинка. Мы говорим: сейчас надо атаковать, сейчас! Пока туман не поднялся. А командир, майор: нет, как было сказано!

— *Майор? Фамилию не помните?*

— Не помню. Он появился и исчез. Его, правда, потом, разжаловали в рядовые и в штрафной батальон отправили. Пьяный был. Говорит: нет, будем наступать, когда было сказано!.. Да, мы ворвались, все-все вроде бы сделали, но вот чувство бессмысленности у меня до сих пор осталось. Потом меня вытащили (а восемь километров надо было тащить). И, по-моему, четверо меня начали тащить, троих убило, а четвертый, Василенко, потом тоже погиб. Он меня взял на руки, нога-то перебита, и на руках — я не помню уже, сознание терялось, снова приходило, снова терялось. Помню, на телеге — это жуть. Прострелена нога, ну мне пальцы привязали, так все равно жутко.

— *Александр Николаевич, ну а в атаку как? Бежали?*

— Нет, в данном случае мы все ползли. У меня был немецкий автомат и пистолет. Но я как-то удобнее чувствовал себя с пистолетом.

— *Мы сейчас говорим об оружии. А ведь Вы в людей стреляли?*

— В людей, в людей.

— *Убивали?*

— Было дело.

— *А сколько, помните?*

— Да, у меня личный счет есть. Только какой — не скажу. Не для записи. Вот кончите записывать — скажу.

— *Но не на единицы счет шел?*

— Нет.

— *Ну хорошо, а Вы помните этих людей?*

— Это в основном снайперские упражнения. Ну как я их помню? Немцы и немцы.

— *А действительно было, что «Интернационал» вдохновлял, кричали «За Родину!», «За Сталина!»?*

— Да, да.

— *От души?*

— А кто его знает: от души или нет? Все кричали, и я кричал... Уж если кто не ошибается, так это он, Сталин. Остальные могут, и пьяницы майоры там, и кто-то еще.

— *У Вас девушка была?*

— Нет. Но я со многими девчонками переписывался из класса, они мне писали. А так нет. Я как-то очень поздно просыпался, долго.

— *А вообще отношение к женщинам?*

— Ну, каждый рассказывал все, что ему в голову взбредет. В основном, конечно, придумывали. Но Вы знаете, если бы раздавал награды сейчас, я бы всем женщинам, которые действительно участвовали в войне, на фронте, я бы сейчас без разбора — чего они делали — давал бы героев, дважды героев, трижды героев. Это самые несчастные и самые героические люди на войне. Ну, на самом деле. Вот рота, один санинструктор. Вот вошебойка один раз

приезжала к нам. А вши — не было никакого покоя. Ужасно. Все глядят на женщину, мягко говоря, особым взглядом. А ей надобно вытаскивать раненых, плачет, плачет, потом надо резать, завязывать, и все пристают... Не знаю, я бы их не пачкал. А потом, Вы знаете, может быть, отбивается от всех, ну, потом надоедает и прислонится к начальнику. А начальник все-таки и защитит как-то уже.

— *Я так понял, что Вас даже после войны год целый преследовало желание стрелять, убивать?*

— Не то чтобы убивать. Взрываешься, ищешь скандала какого-то. Если кто-то задел, сразу готов, так сказать, человека в это время уничтожить, разорвать или еще чего-нибудь. Вот такое внутреннее состояние, знаете, озлобленности. Как-то на костылях неудобно ходить, злишься. То поскользнешься, то еще что-то... Я вернулся инвалидом войны, поступил в институт. И вызывает меня облвоенком лично и говорит: вот так и так, в армию мы Вас не имеем права взять. (А я на костылях еще!) Так что будете заведовать военной и физкультурной кафедрой института.

— *На костылях-то?*

— Да. И я помню, повез девчат на стрельбище, стрелять их учить, бедняжек. И вот допризывники, ребята: дай пострелять! Стрельбище, винтовки, пусть малокалиберные, а у меня был малокалиберный пистолет. Я говорю: ребята, марш отсюда! А они — ко мне. Ну сейчас бы я, ей Богу, не стал стрелять в людей. А тогда хлопнул в них — хотя мимо. А ведь друзья могут подтвердить — очень до сих пор неплохо стреляю. Стрелял я вот так, с обеих рук. Трудно было, трудно было мне промахнуться... Да, я отходил, отходил после войны. Я летом поехал к отцу на Урал, его там поставили дезертиров охранять: какая-то тюрьма для дезертиров. Он мне: Санька, Санька, ты что?

— *Раненых не добивали? Скажем, сам раненый понимает, что ему не выжить.*

— Ну, сам раненый — это да. Это я совершенно допускаю. А вот так, чтобы раненого добивать, у нас это было невозможно. И товарищей в беде не бросали. У меня был случай. Мы пленных взяли. И был такой Проселков из Воронежской области, рядовой, тракторист. Сказал я ему: ты в штаб пленных отведи. А он по дороге всех их расстрелял. Ну, в суд. Трибунал. Ну стали мы его защищать. И только вот когда завели дело, прокурор приехал и все такое, выяснилось, что в Воронежской области (под оккупацией) товарищи ему голову в картофельнике держали, в огороде, чтобы он не видел, как немцы вешали его отца (он бригадир, что ли, был в колхозе), сожгли дом, расстреляли его детей и жену...

А его держали, чтобы он не кричал. А он такой был достаточно щуплый. Как только после этого случая мы стали обсуждать и вспоминать, что он все время смерти ищет безрассудно, там, где надо лечь, он вставал... И вы знаете, защитили мы его — то есть он остался несудим. Общественное мнение сыграло роль. Ну, а потом ни у кого не было желания судить за это.

— *Как говорится, замотали дело?*

— Замотали. Но все-таки свою пулю он искал и ее потом нашел... А вообще считалось, что моряки — народ своенравный. С ними надо договариваться. Приехал к нам пехотный из запаса, старший сержант. И надо же на его горе — отвели бригаду помыться немножко, чуть-чуть подкормиться. А он говорит: надо учения! Говорит: по-пластунски! Ну, а ребята не хотят по-пластунски. Он рассердился. Говорит: запевай! А они не поют. Он говорит: надеть противогазы. А какие противогазы? Противогазов давно нет.

Одни сумки. В сумке мало ли по хозяйству у человека что: спички, иголки, нитки, хлеба кусок. А он совсем разошелся: бегом! Они побежали и убежали от него. Приходит ко мне Павловский, наш старшина. Говорит: беда будет, в следующий раз не берите старшего сержанта. В бой не берите. Ну, что ты? Как это так? Ну, очередная там заваруха. И получил пулю в затылок старший сержант в первом же бою. Там туда-сюда, все знают, что вот было так, — а как доказать? Тут уже никто не выдаст, никакая агентура не поможет.

— *Круговая порука была?*

— Да ну что вы, так нельзя обращаться!

— *Вообще война, получается, кошмарное дело...*

— Конечно, кошмарное. Вот, скажем, играем в домино. Рядовые играют, и я сел. Сыграл. А я самый молодой. Надо знать это постоянное высмеивание, подъялдыкивание молодого. Ну, однажды не повезло, проиграл я и разошелся, солидности не проявил, встал демонстративно и ушел в землянку. И тут снаряд, обстрел. И надо же так случиться — снаряд прямо в этот стол с домино. И вот я, помню, выбежал — деревья. И когда вы видите — кишки висят на деревьях, — вы поймете, что такое война. Вот и все. Ведь только что жил, только что живого человека смеющегося видел. С мечтами какими-то, надеждами, с памятью о семье. Это война... Я не люблю, когда начинают о войне: и вот пошел, проявил. Особенно когда говорят бодрым голосом, как на плацу. Понимаете, я как-то вот всегда к такого рода людям с подозрением, что они были около фронта, а на фронте никогда не были. Когда командир роты возвращается из боя, а у него половины роты нет, это для него огромное несчастье, горе. Личное. Вот тогда напивались. После боя.

— *А Вы? Вы же не пьете?*

— Это я сам тоже делал. Когда товарищей убивало.

— *Александр Николаевич, ну а сейчас — после той крови — возможно примириться, нормально относиться к немцам?*

— Знаете? Вот первый раз моя заграничная поездка случилась в 1956 году в Германию. И Вы знаете, это была не командировка, а какое-то мучение. Я как бы на всех мужчин надевал фашистскую фуражку. Вот я смотрю на него, и вот он в фуражке. Он для меня немец. Но немец в фуражке. То есть для меня это было олицетворение фашизма, олицетворение СС, чего хочешь. И вы знаете, думаю: что же, это меня всю жизнь будет преследовать? Я сознавал, что это абсурд. Ну, что вы ей-Богу! Не все же там звери. А полевые части, как потом оказалось, это несколько другие части.

— *После войны Вы чувствовали себя победителем?*

— Сначала появилась полная безнадежность: а что же ты будешь делать? А мама настаивала, когда я вернулся: не надо учиться. Надо идти на винзавод, где вырабатывали спирт и оставалась барда, которую очень корова любит. А у нас сестры, одной было три года, другой — два.

— *Оно, по-крестьянски, верно...*

— Да, по-крестьянски верно, что надо идти на винзавод. А я коммунист. Мне предлагали зав. кадрами этого завода. Ну, там все спивались, естественно. Но маму тогда другое интересовало: как выжить? Корова — и больше ничего. Она у меня ведь даже письма не умела писать. Ну, неграмотная. Так вот, я написал челобитную отцу. Он еще на Урале был, — так и так. Он отписал ей инструкцию: нет, пусть поступает как хочет. И я пошел учиться... Понимаете, вот такая безнадежность. Но когда еще война шла — ладно. А вот когда стали возвращаться здоровые ребята, вот тут уж почувствовал неполноценность. Это

давило. А я не могу себя отнести к людям негордым. Тут мне стало обидно: почему я на костылях, а он нет?.. И Вы знаете, ладно уж, я признаюсь в такой слабости. Вот когда я вернулся, у нас в поселке еще один без ноги, еще один, — человек пять. Кого-то не взяли по здоровью. Вот такая компашка сложилась. И мы стали потихоньку выпивать. И я почувствовал, что вроде это и ничего. Облегчает как-то. Обязательно вечером что-нибудь сварганим, соберемся там каким-то образом, и в какой-то момент я испугался. Однажды я понял: а мне охота выпить. И, в общем-то, себя заставил. Двадцать два. Война не добила, тут добыю себя сам. Да еще мама плачет. Сестренки плачут.

— *А многих так и добило?*

— Да, многих так и добило...

— *Вам повезло? Ведь Вы остались живы?*

— На войне, по определению, не может быть везения и невезения. Одни убиты, другие случайно не убиты — всего две категории.

№ 34

ТОТ ЕЩЕ ЯКОВЛЕВ

Новый взгляд, № 47 (148), декабрь 1994 г. Беседу вел А. Ванденко.

Не полагаясь на память, не поленился сходить в библиотеку и перепроверил себя. Действительно, Александр ЯКОВЛЕВ — единственный «ущелеший» из политиков первого эшелона, начинавших перестройку. Иных уж нет, а те... Пост главы «первоканального» российского телевидения¹ заставляет по-прежнему относить Александра Николаевича к разряду высшей политической элиты. Если же учесть, что в ЦК КПСС Яковлев пришел еще в 1953 году², то становится ясно, что можно не утруждать себя дальнейшими поисками: другого ТАКОГО просто не найти.

СНЫ НАЯВУ

— *Все возвращается на круги своя. Снова Вы на Старой площади, снова в здании ЦК КПСС... Правда, теперь это называется иначе — администрация президента России, но ведь не в этом суть. Чисто внешне мало что изменилось: начиная со стен и кабинетов и заканчивая людьми, работающими здесь. По-моему, даже охрана у входа прежняя.*

— Охрана, возможно, та же, а в остальном — не согласен. Это место стало другим. Хотя это не означает, что я отвергаю или осуждаю прошлое.

Скажем, о Старой площади образца 1985 года у меня хорошие воспоминания. Тешу себя надеждой, что мне удалось тогда многое сделать для страны.

Да и сейчас я здесь занимаюсь, на мой взгляд, нужным делом, возглавляя президентскую комиссию по реабилитации жертв политических репрессий³. Дай Бог, чтобы еще кто-то сделал для людей столько, сколько эта комиссия. Чего стоит лишь работа по восстановлению честных имен пяти с лишним миллионов советских военнопленных, прошедших не только через гитлеровские концлагеря, но и через фильтрацию сталинского ГУЛАГа. Нет, я не чувствую ущербности из-за того, что снова вернулся на Старую площадь.

— *Не об ущербности разговор — о выкрутасах судьбы.*

— Это да. Я не думал, что когда-нибудь возвращусь сюда. Тем не менее я не заостряюсь на подобных вопросах, это вторично, несущественно.

— *И все же Вы не захотели занять кабинет, который принадлежал Вам в бытность членом Политбюро ЦК КПСС.*

— Вы правы.

— *Мне говорили, что тот кабинет пустует, что его держат чуть ли не специально для Вас.*

— Не знаю, может, и держат, но у меня нет желания туда въезжать.

— *Почему?*

— Мне трудно ответить на этот вопрос, поскольку разумного, рационального объяснения нет. Это на уровне эмоций, а мне не хотелось бы заниматься сейчас самоидентификацией, ковыряться в себе, в своих ощущениях. Вы все-таки ждете конкретного ответа? Может, все дело в том, что приход в старый кабинет неизбежно будет ассоциироваться с прошлым. Мне это сегодня не нужно. По-моему, такие сравнения могут выглядеть малость смешно.

— *Смешны сравнения или же Вы в качестве их объекта?*

— Я не боюсь вызвать улыбку. Хотя и специально давать повод для веселья и острот — не мой стиль. Пускай господа журналисты оттачивают свое перо на другом, а не на факте въезда Яковлева в прежний кабинет.

— *Но ведь не только журналисты оттачивают. В пресс-службе Фонда Горбачева висит на стене плакат с изречением Михаила Сергеевича, которое звучит примерно так: «При любом строе Яковлев будет командовать агитпропом».*

— Я не хочу вступать в словесную перепалку с Горбачевым. Честно говоря, мне жаль, что он прибегает к старому большевистскому приему навешивания ярлыков, «гапоновщина» — о создаваемой с моим участием социал-демократической партии, «агитпроп» — о моей работе... То ли Михаил Сергеевич потерял себя, то ли раздражение берет в нем верх над другими чувствами. Не знаю...

— *Вам ли не знать?*

— Да, можно было бы многое рассказать, но как только я заговорю об этом человеке и о том, что ведомо лишь мне, я перестану быть самим собой.

— *Боитесь замараться, опустившись до выяснения отношений?*

— Зачем мне это? Я же помню, как мы вместе начинали перестройку⁴, как ошибались, как искали правильные решения. Я не могу это предать. Вы журналист, поэтому должны понимать, что любое слово оборачивается и в добро, и во зло — в зависимости от трактовки. Несложно вспомнить перенесенные незаслуженные обиды, указать на недостатки того, кого хорошо знаешь, но я никогда не пойду на перебранку с Горбачевым, не позволю унизиться до оскорблений. Хотя я тоже человек, и у меня есть чувства. Думаете, легко было в 91-м году перед путчем уйти от Горбачева? Я ведь не стал тогда из этого устаривать шумного дела, созывать пресс-конференции и так далее.

А каково было вернуться к Михаилу Сергеевичу через месяц после путча?⁵

— *Каково?*

— Трудно! Но я видел, что нужно помочь, понимал, что мне это по силам.

— *Простили?*

— Я выполнил просьбу президента.

— *Михаил Сергеевич извинился перед вами?*

— Нет, но это и не требовалось. Я ведь не моральное удовлетворение для уязвленного самолюбия искал.

...Интересная все-таки штука память: сегодня Горбачев упорно не хочет признавать того, что именно я создал Фонд его имени и был в нем первым президентом⁶. В отличие от Михаила Сергеевича я не вижу ничего обидного в этом факте. Он воспринимает ситуацию иначе, очевидно, в силу того, что относится к своей фигуре чересчур уважительно и постоянно боится остаться

в стороне от политической жизни. Вы наверняка слышали его речи: Горбачев останется, Горбачев заявит о себе... Кстати, он ведь постоянно говорит о себе в третьем лице, как о некоем абстрактном существе. Ну да ладно.

— *Я читал много интервью с Горбачевым после его отставки с поста номер один, и от этих бесед, от манеры отвечать на вопросы создается впечатление, что Михаил Сергеевич по-прежнему ощущает себя президентом — не Фонда, а страны.*

- Наверное, ему снятся такие сны.
- *Сны снами, я говорю о поведении наяву.*
- И наяву могут быть сны.

ПОЖИЗНЕННЫЙ АГИТПРОПОВЕЦ

— *Эпитет вечного агитпроповца Вас обижает?*

— Нет, почему же? Спросите у главных редакторов газет и журналов, кто из них имеет на меня зуб? Конечно, кроме «Правды», «Советской России», «Московского литератора» и «Литературной России», с редакциями которых меня связывает старая «дружба».

- *О дружбе, понимаю, Вы говорите в кавычках?*
- Что вы: у нас великая «дружба»!

Если удастся найти достаточно денег, я обязательно издам два сборника, где без всяких комментариев дословно воспроизведу статьи и письма из «Правды» за 1937—38 и за 1949—50 годы. Напечатаю все те доносы и подметные письма, из-за которых потом расстреливали ни в чем не повинных людей. Одного опасаясь: сборники получатся очень толстые. Интересно, как отзовутся на эти свидетельства истории в той же «Правде», которая сегодня берется учить демократии?

...Нет, я не стыжусь своей работы в агитпропе — ни до поездки послом в Канаду, ни после, с 1985 по 91-й год⁷.

— *Но ведь и Ваша деятельность в «Останкине» тоже подпадает под определение агитпроповской?*

— Не совсем. Я, например, твердо стою на позиции недопущения цензуры на телевидении, хотя к этому меня подталкиваете именно вы, газетчики.

— *Каким образом?*

— Пишете, что по первому каналу гонят халтуру, выпускают слабые передачи. Как-то Листьева с его «Часом пик» помянули. Что же мне теперь, вызывать Влада и цензурировать каждую его программу? Не буду я этим заниматься.

У меня есть единственный критерий: не лги. С обманом, сознательным искажением фактов я готов безжалостно бороться. Для всего же остального существуют специалисты, которые должны оценить художественные достоинства программы, соответствие отснятого техническим характеристикам и так далее. Определять же политический вектор передачи — не наша задача. Мы в это не лезем и впредь не собираемся этого делать. Я и Борису Ельцину сказал о неприемлемости политцензурирования, когда у нас зашел первый разговор о моем приходе в «Останкино».

— *А как, кстати, разговор зашел-то?*

— Дело было, помню, в субботу. Все протекало очень просто. Мне домой позвонил Президент и попросил возглавить «Останкино».

— *Именно попросил?*

— Да. Борис Николаевич меня знает, поэтому понимал, что приказами в этой ситуации ничего не добиться.

— *И Вы сразу согласились?*

— Нет, я очень сильно заколебался. Борис Николаевич стал убеждать: соглашайтесь на столько времени, на сколько сможете или пока Вам будет это интересно, — на год, на два, на три. И все-таки я ничего конкретного Ельцину не ответил, сказал, что надо встретиться, поговорить.

Действительно, на следующей неделе Президент принял меня в Кремле, и мы обсудили первое, второе, третье, четвертое.

— *Что было первым, а что четвертым?*

— Вы думаете, я помню? Меня порой упрекают за то, что не веду дневник, не делаю записей. Правильно ругают. На память полагаться до бесконечности нельзя.

— *Неужели разговор, от которого зависел Ваш выбор, не зафиксировался в голове? Наверняка Вы оговаривали свой приход какими-то условиями.*

— Какими? Я только попросил оградить меня от давления, поскольку это все равно ни к чему не приведет, лишь нервы попортит.

— *Оградили?*

— Президент свое слово держит. Ни одного звонка с попыткой «поручководить».

Ельцин мне не звонил, а вот чиновники, скажем так, среднего пошиба не могут избавиться от старых привычек.

— *Средний пошиб, по-вашему, это как?*

— Министры, заместители министров, руководители департаментов...

Раньше я полагал, что стремление постоянно быть на экране присуще преимущественно артистам, однако после года работы в «Останкине» убедился, что у нас страна сплошных актеров. Я и понятия не имел, сколько у нас людей, обуреваемых неуемным, горячечным желанием предстать перед глазами телезрителей. Очень многие ничего так в жизни не жаждут, как выступления по ТВ, причем абсолютно все уверены, что именно им суждено сообщить народу истину в последней инстанции, объяснить, как преодолеть кризис, указать правильный курс. Я понимаю, когда эфир просят заслуженные артисты, коллективы театров, оркестры и ансамбли, но ведь отбиваться приходится не от них, а от политических деятелей разного масштаба. На меня же чуть ли не ежедневно строчат жалобы за то, что не показываю ту или иную партию, какой-нибудь съезд или конференцию. Поразительно, но эти люди продолжают верить, что их возня интересна народу. Никто ведь не просится на экран, чтобы публично покаяться, всеми движет стремление или заклеить, или проповедовать. Чиновники — это особая порода, хорошо описанная Гоголем. Иногда посмотришь по сторонам и диву даешься: Господи, ну Гоголь, чистый Николай Васильевич! Кажется, это Собакевич в «Мертвых душах» оскорбился: «Что же это ты меня так! Да, ворую я, пью, гуляю. Да что же я — не человек?» За дословность цитаты не ручаюсь, но смысл передаю точно. Так вот у нас вокруг исключительно одни «человеки». Да еще какие — отборные!

Я за все время ни разу не услышал предложения сократить политический эфир, только одно и твердят: мало, мало, мало!

— *Звонят?*

— А как же! Телефонов у всех начальников много.

— *Прислушиваетесь к руководящему голосу?*

— Слушаю. Некоторые сами все понимают, некоторым приходится, мягко говоря, отказывать.

- *Обижаются, наверное.*
- Я ничем не могу помочь, поскольку не распоряжаюсь эфирным временем. «Останкино» же теперь все передачи покупает.
- *У компаний и студий?*
- Даже у государственных редакций. Правда, тут расчеты производятся в рамках отпущенной сметы, но факт покупки и продажи документально оформляется.

КУПИ-ПРОДАЙ

- *Вы участвуете в процессе закупки телепродукции?*
- Лично я — нет. Для этого дела у нас есть комиссия.
- *Как же без Вас-то?*
- А я не понимаю, за сколько можно купить ту или иную программу. Боже упаси меня с деньгами связываться! У меня с финансами беда, плохо я в ценах ориентируюсь. У нас и дома жена хозяйством заведует, все покупки на ней. Если на семейном мелководье я с денежной проблемой не справляюсь, где уж мне браться за останкинские глубины?
- *Убедительная причина, ничего не скажешь. Получается, цензурированием Вы не занимаетесь, от финансовой стороны дела под предлогом, который и благовидным не назовешь, устранились.*
- Положим, я ни от чего не устранился. Просто я не считаю, что председатель компании должен замыкать все вопросы на себя. Есть люди куда более компетентные в своих областях, чем я, пусть они и демонстрируют полученные знания и навыки. Себе я оставляю общее руководство.
- *Хотелось бы узнать, входит ли в Ваши обязанности просмотр передач? Или, быть может, Вы и телевизор не включаете?*
- Включаю. Иногда. На постоянное сидение перед экраном времени нет. Я же с утра до вечера на работе, не понимаю, как тут можно телевизор смотреть?
- *Да-да, конечно. У председателя телекомпании есть куда более важные дела.*
- Вы думаете, я шучу?
- Для телепросмотра у меня остаются вечера и выходные дни.
- Скажем, популярный «Час пик» я видел раза три. Когда Влад беседовал с Горбачевым, Полтораниным и с кем-то еще, не помню. Понимаете, мне неинтересно смотреть все подряд. Это как с прессой. Спросите меня, читаю ли я газеты, и я отвечу: нет. Не газеты я читаю, а авторов. Всё подряд в периодике штудируют только водители персональных машин, скучающие в ожидании начальника, а по телевизору всё без разбора смотрят лишь бездельники и домохозяйки, у которых есть телеприемник на кухне. Я же люблю документальные фильмы. Именно за то, что они основаны на реальных фактах. Нравятся мне детские программы. А вот к большинству политических передач с прохладцей отношусь.
- *Это чувствуется. Ваши предшественники на посту главы «Останкина» горели как раз на политике: один слишком старательно выполнял волю президента, другой эту волю пытался игнорировать, третий на национальном вопросе прокололся⁸. Вы решили проблему кардинально, попросту подрубив под корень политический эфир.*
- Вы преувеличиваете мои заслуги. Не под корень, не под корень... У меня концепция иная. Политика должна быть во всем, это неизбежно.

Вопрос только в том, что понимать под словом «политика». Если в детской передаче будут говорить о добре и зле, честности и подлости, разве это не политика?

— *Это, извините, демагогия. Речь-то не о таких прописных истинах.*

— Я просто пытаюсь Вам объяснить, почему ратую за подобное проявление политики на телевидении, а не за бесконечные бесплодные телеполитико-дебаты говорящих голов. Время таких программ миновало. Об этом красноречиво свидетельствует рейтинг передач.

Например, я ни разу в жизни не посмотрел ни одной серии мыльной оперы. Однажды я из любопытства минут десять наблюдал за развитием событий в каком-то из сериалов. Все! Как на духу говорю. Увиденного мне оказалось достаточно, чтобы составить представление об уровне зрелища. Не нужно буйной фантазии, чтобы догадаться, что было в предыдущих ста сериях и что будет в ста последующих. Я такие фильмы не смотрю, поскольку вообще не люблю картины, в которых после первых кадров понимаешь, чем все действие закончится.

Повторяю, я мыльные оперы не смотрю, но ведь рейтинги упорно свидетельствуют, что именно эти сериалы собирают у экранов до пятидесяти процентов зрительской аудитории. Ни одна другая передача и близко не может подойти к подобному показателю.

И я это понимаю — обязан понимать. Представьте: в какой-нибудь глубокой провинции, где принимают только первый канал «Останкина», после рабочего дня собирается за ужином семья. У этих людей мало собственного счастья, они хотя бы посмотреть на чужое.

— *В общем, все в лучших традициях: по многочисленным заявкам и во исполнение воли народа.*

— А Вы полагаете, что люди станут слушать политиков с их обещаниями?

Да, я получаю много писем от руководителей правительственных служб или, скажем, председателей фракций Госдумы, которые хотят по телевидению изложить свою позицию. Пишут... Ну скажите мне на милость, кому это сейчас нужно? Чего я категорически не хочу, так это превращения телевидения в арену политических схваток, сведения счетов. Многие ведь сделали себе карьеру на противопоставлении себя другим, на борьбе с правительством, с теми, кто, пусть и ошибаясь, работает, пытается изменить ситуацию в стране к лучшему. Я не желаю потакать тем, кто ради личной выгоды готов объявить чужь ли не вендетту моей Родине.

Уж лучше мыльные оперы с утра до вечера крутить.

— *Значит, в первую очередь зрелища?*

— Нет, все-таки сначала — хлеб. Я, например, недоволен экономическим вещанием. Сейчас, в переходный период, необходима азбука рыночной экономики. Многие люди ведь страдают из-за собственного незнания. Нужна новая форма традиционных экономических материалов, которая поможет нашим согражданам найти себя в это трудное время.

— *Александр Николаевич, Вы словно сознательно упрощаете мои вопросы и тем самым уходите от ответов. Вам ли не знать, что и хлеб, и зрелища — это все же не главное. Телевидение — мощное оружие, которое понадобится в открывающемся скоро забеге в президентское кресло⁹. Придут ребята с тугими кошельками, и очередная Мария из очередной мыльной оперы запоет те песни, которые ей закажут.*

— «Останкино» не будет карманным. Во всяком случае, при мне.

— *Вы верите в это? Разве то, что заказное убийство стоит сегодня 5—10 тысяч долларов, а минута рекламы на телевидении чуть ли не вдвое дороже, не является косвенным доказательством, что любые попытки реформировать телевидение обречены на провал? Там, где крутятся такие фантастические суммы, убрать любого неугодного, посягнувшего на кормушку, элементарно просто. Жизнь дешевле рекламного ролика.*

— Да, мне неоднократно угрожали.

— *Серьезно наезжали?*

— Как сказать. По телефону звонили...

— *И дома доставали?*

— Да. Мне даже пришлось сменить номер телефона. Правда, на днях опять кто-то позвонил, грязно выругался и обозвал меня троцкистом. Почему вдруг троцкистом? Я так и не понял.

Всякое было. К примеру, мне перед дверью квартиры похоронные венки ставили. Как бы на мою будущую могилку... Но не нужно об этом. Понимаете, это все сказки про белого бычка.

— *Вы не верите в реальность угроз?*

— Подобные приемчики рассчитаны на слабонервных. Используются разные методы. Например, слухи распускаются теми, кто таким образом пытаются скомпрометировать нашу работу и решить свои цели. Ничего у них не получится. Это только кажется, что нами можно манипулировать, а жизнь человеческая дешевле ролика. На самом деле все гораздо сложнее.

РЕКЛАМНОЕ ШИЛО НЕ УТАИШЬ

— *Вас не смущает обилие скрытой рекламы на телеканале, когда под видом интересного гостя приглашают в студию бизнесмена или политика, готового заплатить программе за свой выход в эфир круглую сумму, либо же когда пускают в новостийном выпуске сюжет о передовике капиталистического соревнования, щедро оплатившем съемку?*

— Не смущает. Я сам прошу чаще показывать примеры передового опыта. Хватит гнать с экрана несурезицу всякую...

Скрытая реклама? Слава тебе Господи, что есть еще кого рекламировать! Одно не понимаю: почему надо сразу думать, что за каждым таким сюжетом стоят деньги?

— *Потому что они, как правило, стоят.*

— Вы можете привести конкретный пример? Назовите.

— *Александр Николаевич, ситуация примерно как с договорными матчами в футболе: все знают об их существовании, но доказать что-либо трудно. Особенно если играют большие мастера и все делают аккуратно, так, чтобы никто не мог придраться.*

— Верно, скрытая реклама наиболее труднодоказуема. И все-таки я пытаюсь навести финансовый порядок. Сейчас я, к примеру, запретил бартерные сделки.

— *О каком бартере речь?*

— Об обмене кино на рекламное время. Допустим, вы даете мне для показа какой-нибудь сериал, а я за это предоставляю вам часы для рекламы на первом канале. Почему я эту лавочку поломал? Во-первых, из-за раздражения низким качеством ряда этих фильмов. Я-то знаю, что предлагаемые нам «шедевры» идут только в глухой американской провинции, меня в этом отношении трудно обмануть.

— *Откуда Вам это ведомо, Александр Николаевич?*

— Слава Богу, проработал одиннадцать лет в Канаде и США¹⁰. Опыт есть. Но качество кинопродукции — лишь одна причина, по которой я отказался от бартера. В этой форме заложена возможность незаконно наживаться. Внешне все чин по чину, заключен договор, под который никакие юристы не подкопаются. Однако ведь реальная разница в цене фильма и стоимости отводимого рекламного времени колоссальная! В прайм-тайм за рекламную минуту надо платить 15—18 тысяч долларов. А сколько платят? Куда девается вилка между называемой суммой и выплачиваемой?

— *Известно куда.*

— Поэтому я выступил против бартера. Тогда и посыпались в мой адрес угрозы. Ну ничего. Сейчас старые долги закроем — по ранее полученным таким способом фильмам — и точка.

Отныне всем рекламным хозяйством заведует «Реклама-Холдинг», реклама на экран попадает только через него.

— *Получается, этот холдинг набирает рекламу для всех программ?*

— Без исключения. И для «Поля чудес», и для «Новостей ИТА»¹¹.

— *Поэтому-то люди и вынуждены заниматься скрытой рекламой, чтобы лишнюю копейку заработать.*

— Именно копейку. Большинство работников телевидения находится в жутком материальном положении, зарабатывает сущие гроши. Поэтому мне совершенно не жалко, если люди получают возможность для дополнительной подработки. Если мне докладывают, что видеомонтажница в нашей студии выполняет заказ постороннего клиента, у меня рука не поднимется наказать эту женщину. Я ведь знаю, что у нее зарплата 80 тысяч рублей и двое детей дома.

— *Александр Николаевич, опять Вы пытаетесь разговор на другое перевести. Скрытая реклама и левая халтура рядовой монтажницы — это разные вещи.*

— Вы можете четко сформулировать критерии, что подпадает под определение «скрытая реклама»? Когда я шел в «Останкино», я слышал много разговоров о том, что тут все коррумпировано и продано. Поэтому еще в том первом разговоре с президентом я попросил направить на телевидение компетентную комиссию для разбирательства. Три месяца она работала. И что? А ничего! В отчете комиссии встречаются такие формулировки: возможные потери, по нашим предположениям, составляют... Предполагать можно что угодно. Факты давайте! А их нет.

— *И тем не менее я много раз слышал, как останкинские старожилы сравнивают свое родное телевидение с гадюшником. Мол, этот клубок никакому Яковлеву не распутать, его, клубок, надо раздавить, а затем уже строить новое ТВ.*

— Я категорически не согласен с такой точкой зрения. Да, я знаю, что есть телевизионщики, которые позволяют себе в таком тоне отзываться о своем месте работы. По-моему, это просто непорядочно. У меня есть большой соблазн повыгонять из «Останкина» людей, которые пачкают подобными разговорами свою фирму.

— *Вы говорите о ком-то конкретно?*

— Понимаете, удел смельчаков, рассуждающих о гадюшнике в «Останкине», шептать свои мерзости из-за угла. Например. Наша страна ведет

важные переговоры с правительством другого государства. И вдруг у нас появляется передача, сделанная словно по заказу оппозиции тех властей, с которыми мы имеем официальные отношения. Выход этой программы в эфир означал бы срыв трудных переговоров¹². Естественно, я придерживаю передачу. Тут же в трех газетах появляются статьи, авторы которых поднимают крик о введении в «Останкине» цензуры. Я не говорю о том, что и эти публикации, и сама программа оплачены оппозицией, хотя и такое предположить нетрудно. Меня возмущает другое: легкость, с которой телевизионщики бросаются хаять родную фирму. Я пока до этого не дошел, долго терпел, но скоро, кажется, решусь: за дурные слова, да еще без фактов, сказанные об «Останкине» за пределами нашего дома, буду безжалостно увольнять. Это нормальная мировая практика: не гадь, где работаешь. Не нравится у нас — уходи и тогда критикуй себе на здоровье.

Вы можете себе представить ситуацию, при которой ваш штатный сотрудник отнесен в конкурирующее издание материал, отвергнутый или временно отложенный по каким-либо причинам редколлегией вашей газеты, сопроводив при этом текст припиской о том, в какую плохую и недемократическую газету он попал? Долго этот сотрудник продержится в штате? Ровно столько, сколько по КЗОТу отпущено на увольнение.

Кстати, отсутствие корпоративности между газетчиками и телевизионщиками напоминает мне собственноручное намывливание веревки, на которой нас всех и вздернут к радости других ветвей власти — и законодательной, и судебной, и исполнительной.

Почему телевидение можно поносить публично? Вы вправе говорить на наших внутренних совещаниях любые вещи, критиковать, негодовать, но никто не волен выносить наши дела на всеобщее обозрение. Это неэтично. Вы знаете, как работает редакционная кухня «Известий» или «Российской газеты»? Нет, потому что это никого не касается. Зато о наших делах все в курсе. Причем информацию обязательно переврут, исказят. Например, рассказали о том, что у председателя «Останкина» лежит на столе приказ не показывать по телевизору ни кошек, ни собак. Дескать, Яковлев не любит животных. Господи, да не было такого! Был разговор о том, что мы без конца показываем в прайм-тайм эти «Виски»... как правильно?

— «Вискас».

— Да-да, «Вискас». Вот я и предложил перенести рассказ об этих кошачьих консервах на более позднее время, чтобы людей не дразнить. Вы же знаете, сколько населения у нас живет за чертой бедности и каким раздражителем для недоедающих является этот «Вискас».

Или другая байка. Сами директора студий мне жалуются, что необходимо от балласта отделаться, но не знают, как этого добиться. Я все это слушаю, а потом появляется сплетня, будто Яковлев собирается сокращать штаты «Останкина» на 50 процентов. Откуда взялась эта цифра? Может, на шестьдесят, или на сорок. Кто это сочиняет? Все пошло от того, что однажды, отвечая на вопрос, сколько человек у меня работает, я по неосторожности взял и брякнул: половина! Понимаете? Работает половина от числящихся в штате. Причем здесь приказ о сокращении?

Да, к сожалению, в «Останкине» существует некая распущенность, люди не ценят место, где работают, позволяют себе наговаривать друг на друга. Многое идет от зависти. Государственники считают деньги у частных ком-

паний, те в свою очередь кивают на то, что сидящие на бюджетных дотациях воруют побольше их. Вот и получается склока, когда все кричат: «Держи вора!»

— *И хоть одного задержали?*

— Покажите мне этого одного, и я его сегодня же уволю или под суд отдам.

— *Опять двадцать пять. Я должен показывать? Неужели нельзя создать службу вроде бюро внутренних расследований, которая и будет вылавливать жуликов вкупе с мастерами скрытой рекламы?*

— Можно какие угодно бюро понапридумывать, но повторяю: пока не будет четкого критерия в определении скрытой рекламы, все это бесполезно. В принципе под эту самую рекламу любой материал подогнать несложно. Только в таком случае надо признать, что любое упоминание, появление человека на экране — реклама.

— *Так и есть.*

— Тогда надо телевидение к чертовой матери закрывать!

Да, я знаю, что за показ зрителя на трибуне во время футбольного или хоккейного матча операторы берут пятьдесят тысяч рублей. Заплатите сто тысяч, вас два раза покажут. Этот факт мне известен с чужих слов, об остальном я могу только догадываться, однако догадки не являются основанием для оргвыводов. Неужели вы думаете, что оператор мне признается, что берет деньги со зрителей? Как я это докажу? Бегать по трибунам, опрашивать людей, которых по телевизору показали, узнавать, платили они или нет? Вы полагаете, кто-нибудь скажет?

Понимаете, слухов вокруг продажности «Останкина» полно, но хоть бы один конкретный сигнал поступил. Я иногда спрашиваю тележурналистов: почему вы не реагируете, когда вас в газетах во взяточничестве обвиняют? А мне отвечают: на суды время терять жаль. Что тут возразишь?

Я вот так скажу: если кто-то из наших ведущих мастеров может зарабатывать большие деньги, пусть зарабатывает. Звезды не каждый день рождаются.

— *Интересно, как у Вас строятся отношения со «звездными» подчиненными? Многие ли знают Ваш домашний телефон, могут им воспользоваться?*

— По-моему, никто никогда не говорил, что я недоступен.

— *Это вы Политковскому и Любимову эфир вернули после того октября, когда они невпопад предложили россиянам идти спать, а не с белодомовцами бороться?*

— Да, я пригласил обоих Саш. Им сейчас нелегко. Они дети своего времени. Поймать новый ритм сложно, но я верю в ребят, поскольку они небесталанны.

— *Нужно полагать, к этим журналистам у Вас особое отношение еще со времен «Взгляда»?*

— Да, но это не значит, что я ради прошлого буду заниматься протекционизмом или делать кому-то поблажки.

— *Еще один экс-взглядовец Сергей Ломакин жаловался, что и с приходом Яковлева его трехлетняя опала, в которую он попал после скандального интервью с Ельциным¹³, не отменена, и Сергей по-прежнему заперт в рамках программы «Утро».*

— Ко мне Ломакин не обращался. А что «Утро»? У этой программы неплохой рейтинг, ее многие смотрят. Так что пусть работает Ломакин.

ПРОСТО ДЕД

— В одной газете я прочитал интервью с Вами, в котором мне больше всего понравилось название «Дед эпохи». Но я хочу завершить разговор с Вами не как с эпохальным дедом, а как просто с дедушкой.

— Да, у меня шесть внуков в возрасте от двух лет до двадцати пяти. С кем-нибудь из них обязательно каждый день разговариваю.

— Кто-то из внуков живет с Вами?

— Слава Богу, все отдельно.

— А почему «слава Богу»?

— Мне субботы и воскресенья хватает. За молодой энергией мне угнаться уже трудно. Отдых в семье потяжелее работы. Хотя эта нагрузка и приятна, спору нет.

— Дети чем занимаются?

— Сын редактирует философский журнал «Путь». Неплохой журнал, неплохой.

— Вы по-родственному скромно оценили.

— А Вы посмотрите этот журнал. Это единственное философское издание в стране, которое еще можно читать. Сейчас скажете, что Яковлев скрытой рекламой занимается, сыну помогает?

А я ведь могу и за дочку Наташку слово замолвить. У нее частное издательство «Материк», где печатают только приличную литературу.

— По-вашему, приличная — это какая?

— Хорошая — значит не порнографическая. Например, Наташе перед смертью отдал свою последнюю книгу Алесь Адамович.

— Помните вопрос из анкеты: есть ли родственники за границей?

— Внучка сейчас проходит стажировку в Канаде. Практикуется на мекенджера. Через полтора месяца вернется домой. А постоянно за границей никто из родни не живет. И я туда не собираюсь.

— Александр Николаевич, Вы сказали, что Ельцин, приглашая Вас на работу в «Останкино», предложил назвать срок, на который Вы подписываетесь под этим проектом. Вы временные рамки обозначили — год или пять?

— Конечно, я не делал этого. И контракт не подписывал. Если решу уйти, то сделаю это быстро и без колебаний.

— Что может подтолкнуть Вас к этому шагу?

— Я ненавижу любую возню за спиной. Если закулисные игры вокруг «Останкина» будут продолжаться, я плюну на все и напишу заявление.

...Впрочем, пока Александру Николаевичу плевать, похоже, не придется. В канун 71-го дня рождения Яковлева Борис Ельцин подписал указ о реформировании «Останкина» по схеме, которую и предлагал А.Н.¹⁴ Недурственный подарок имениннику, верно? Президентский подарок...

№ 35

НА ФОНЕ ЛАУРЕАТОВ

Вечерний клуб, 19 января 1995 г. Беседу вел А. Щуплов.

Стояла «черная пятница» 13 января. Говорят, в этот день нельзя начинать новых дел и рекомендуется есть пироги: их дух отгоняет сатанинскую нечисть. Впрочем, писатели и на этот раз рискнули доказать, что сам черт

им не брат, и собрались в Овальном зале Всероссийской библиотеки иностранной литературы имени М.И. Рудомино на вручение традиционных премий журнала «Знамя» 1994 года.

Премии «За художественное произведение о жизни и необыкновенных приключениях демократии в России» получил Валерий Попов из Санкт-Петербурга, Анатолий Королев и Соломон Апт были премированы с формулировкой — «За произведения, утверждающие либеральные ценности», Сергей Ларин получил приз «Почтовая лошадь», премия «За произведение, утверждающее приоритет художественности в литературе» досталась Тимуру Кибирову, а двадцатилетняя Екатерина Садур была удостоена премии «Дебют в «Знамени»».

Владимир Войнович, получивший премию «Россия без границ», поведал обществу, что лучше эту премию дать ему, Владимиру Войновичу, «чем министру обороны или политическому проходимцу, который грозитя раздвинуть границы России до Индийского океана».

Премия за роман «Генерал и его армия» была присуждена Георгию Владимову по номинации «За произведение, утверждающее идеалы просвещенного патриотизма».

Литературное мероприятие почтили своим присутствием министр культуры России, посол Франции в РФ, деятели от политики, бизнеса, искусства. Заметив среди присутствующих руководителя «Останкино» Александра Яковлева, корреспондент «ВК» задал ему несколько вопросов:

— *Александр Николаевич, Вы прошли Великую Отечественную. Если взять ее за точку отсчета, как бы Вы оценили войну в Чечне?*¹

— Может быть, это страшно говорить, но ту войну, на которой я был участником, я воспринимал легче. Ей Богу... Было тяжело. Но тем не менее — завтра бой, послезавтра — снова бой. Это считалось как бы ритмом жизни. И еще была идея: борьба с фашизмом, который пошел на нас (а не мы на него), который объявил нас недочеловеками. Когда отец провожал меня на фронт (хотя через две недели и его взяли!), мама плакала, а он пожелал мне добра и у него не дрогнул ни один мускул. Я сейчас думаю: послал бы я сейчас своего сына на фронт? Нет!

— *Прочитали ли Вы что-нибудь интересное из произведений нынешних лауреатов?*

— Любопытен роман Георгия Владимова «Генерал и его армия». Он написан в чисто реалистическом плане, приятно читается. Умная книга.

— *Обратите внимание, она получила премию по номинации «Произведение, утверждающее идеалы просвещенного патриотизма».*

— Я это определение не то что не разделяю — просто не употребляю, поскольку вижу очень много орущих и кликушествующих о патриотизме. О патриотизме молчат — и делают что-то конкретное. А не кричат: «Я патриот, потому что посадил дерево!..»

— *Что все-таки будет с Олегом Попцовым?*² *Есть ли у Вас какая-то свежая информация?*

— У меня был разговор с Черномырдиным, и он дал мне санкцию сообщить, что никаких перестроек, объединений, расчленений на ТВ не будет. Мало ли чиновников таскают бумаги... На то они и чиновники! И если ему, Черномырдину, придет что-нибудь по этому вопросу в голову, он не подпишет ни одного постановления, не посоветовавшись с руководителями телекомпаний. Хорошее заявление!

№ 36

ДЕНЬГИ И ВЛАСТЬ НА ТВ

Аргументы и факты, № 10, 1—6 марта 1995 г.

Александр Николаевич ЯКОВЛЕВ приехал в «АиФ» 1 марта. О своем телевизионном хозяйстве рассказывал спокойно, не без горечи и иронии, но уверенно. О роли ТВ в политике, о бешеных рекламных деньгах, о будущей реорганизации. Но и политика, и деньги, и реорганизация телевидения стали выглядеть совсем иначе вечером того же дня, когда убили Влада Листьева¹. Сегодняшняя публикация — фрагменты той, еще спокойной, беседы и телефонного разговора в понедельник, 6 марта.

— *Александр Николаевич, насколько Вы управляете ситуацией в «Останкино»?*

— Ненамного. Я могу управлять в каком-то конкретном случае. Например, написать указание и попросить исполнить его в трехдневный срок. И его исполнят. Если я просто напишу — ничего не сделают, пока не замачат деньги, которые за это мое указание еще можно с кого-то содрать. Это результат нищенского дотирования.

— *То есть все и впрямь куплено до последней секунды?*

— Когда моим приказом была создана «Реклама-Холдинг», во всех газетах ее поливали грязью. В последний квартал накануне создания «Холдинга» в централизованный фонд поступило примерно 5 миллиардов рублей от рекламы. В первый квартал работы «Холдинга» — больше 30 миллиардов. Значит, у кого-то мы эти деньги отняли. А с другой стороны, у меня не получается грозно возвышать голос: «Ах вы, сукины дети!» Когда монтажница, мать двоих детей, получает 90 тыс. руб. в месяц, а к ней приходит некто и предлагает за срочную работу 500 долларов, — просто язык не поворачивается упрекать ее. Я, например, знаю, сколько стоит увидеть себя болельщиком на футболе. Если во время матча дать 100 тыс. руб. оператору из рук в руки, то он покажет вас на трибуне крупным планом...

— *А если оставить финансовую сторону? Телевидение ведь еще и самый мощный инструмент воздействия на общество. Вот Вы можете не подпустить Жириновского к эфиру?*

— Так он ни разу и не появился на первом канале, с тех пор как я тут работаю. А письма он мне каждую неделю пишет.

— *То есть в пределах данной Вам власти Вы можете остановить тот или иной сюжет?*

— Если знаю о нем, то могу. Меня все время упорно подталкивают к функции цензора. А я даже сетку передач стараюсь не смотреть.

— *Вы не смотрите, что стоит в программе?*

— Нет. Не хочу. Мои интересы в основном — общая художественная и политическая направленность канала, противодействие насилию, вранью, безнравственности.

Вчера, например, я дал поручение — чтобы не позднее чем через неделю появился «Круглый стол» по фашизму. Сейчас готовят. Я же говорю вам, только такие прямые указания выполняются.

— *На кого Вы опираетесь в этой работе, с кем совещаетесь?*

— Я не провожу совет директоров. Я опираюсь на отдельных людей, действую через студии.

— Телевидение принято считать гигантским монстром, который пожирает своих председателей...

— Сейчас телевидение остается таким монстром в основном по инерции. В чем тут беда? Это — остаток бывшего Телерадиокомитета. Попцов, отделяясь, взял, что хотел. НТВ, отделяясь, тоже — кого хотело. А на нас висят все структуры. И подземные сооружения, и военные линии, и все остальное, нам совсем не нужное. Но, конечно, понемногу освобождаемся. За время работы я освободил полторы тысячи человек — и ни одной жалобы. В общем-то, коллектив хороший.

— А как же взяточничество?

— Так это же обо всем нашем чиновничестве можно сказать: не дают взятки только тем, кто заведомо не возьмет. Помните Гоголя: «Не берет только мертвый чиновник».

— «Общественное российское телевидение» предполагает независимость его от конкретных лиц. Но как оно могло быть таким, если его акции находятся у частных фирм?

— 51 % акций находится у государства. Впрочем, участие государства связывает руки свободному ТВ. Но на этом этапе с этим можно примириться.

— Не будет ли теперь отменено ОРТ?

— Ни в коем случае.

— Вы считаете, что Листьев убит по политическим мотивам?

— Это политическое убийство.

— Есть надежда, что убийца будет найден?

— Боюсь, что нет. Мы разучились ловить преступников. Органы привыкли, что люди писали доносы, сами признавались после «физического» воздействия, как тогда это называлось...

— Кто сменит Листьева на посту гендиректора ОРТ?²

— Понятия не имею. Голова идет кругом, кого пригласить.

№ 37

«ПОРА ИДТИ К ЧЕЛОВЕКУ»

Аргументы и факты, № 11, март 1995 г.

Беседу вели О. Горячев и А. Цыганов.

А.Н. ЯКОВЛЕВ — один из самых известных политиков «горбачевской эры». Но и в сегодняшней жизни его мнение весьма высоко. На встрече с ним в редакции «АиФ» было затронуто много тем. Часть из них, так или иначе связанных с М. Горбачевым, с историей перестройки, мы приводим в нынешнем номере.

— Сейчас распространены настроения, что Россия обречена на постоянные трагедии, что мы никогда не выберемся, извините, из дерьма. Вот и перестройка, начавшись 10 лет назад как путь к реформам, к демократии, к лучшей жизни, закончилась августовским путчем¹. А в конечном итоге привела к нынешнему положению, когда люди возненавидели и перестройку, и демократию...

— Я не думаю, что демократия виновата в том, что дерьмом оказались отдельные демократы. Это всегда было и всегда будет.

Иное дело, что все могло быть иначе. Знаете, я отошел от политики, когда увидел, как после августа 1991 года все забегали и заговорили о собственности, о ее разделе. Это противная большевистская манера — первым делом делить собственность. Тогда — жечь усадьбы, грабить. Сегодня — делить. Но суть — та же.

А причина? Взять, например, нынешнее столетие. Все в ухабах. Первые 20 лет столетия — три войны, три революции. Ну какая нация это выдержит? 60 млн погибших в этом веке! 13 млн — гражданская война, 15 млн — Сталин, 30 млн — Отечественная война... Кто может такое выдержать? Это значит — выбит генофонд, деформирована психология, каждый враг другому. Ненависть так и пышет. Нужно оглядеться кругом, успокоиться.

— *Хорошо, это — после августа. Но к августу-то что привело? Не беспоследовательность ли Горбачева, не слабость ли Вашей команды?*

— Однажды вечером он мне звонит и говорит: «Ты не получил программу “500 дней”?»² Я приврал, сказал, что нет, хотя каждый день встречался с ребятами, с Колей Петраковым, с Гришей Явлинским. Так вот, он мне говорит: «Я тебе сейчас пришлю». Утром звонит: «Ну что?» Я еще рта не успел открыть, он сам говорит: «Это же роман, это же замечательно!» Мне оставалось только поддакивать. А через два дня — полный переворот. Программа оказывается плохой, вводить ее нельзя.

— *А кто повлиял на него так сильно?*

— Крючков, Рыжков, Лукьянов. Рыжков пригрозил отставкой. Лукьянов сказал, что, если Горбачев согласится с экономическим союзом республик СССР, не будет политического. Крючков дал записку, что все это происки Запада, что такие планы на Западе давно существовали, на кого-то сослался. И так переориентировали Горбачева. Затем Политбюро нажало на него, и он выступил за разгон Президентского совета³. Решил, что не критический анализ ситуации, не реформы, а нечто другое спасет ситуацию. Так продолжалось до апреля 1991 года, когда на пленуме неожиданно встал вопрос о его освобождении от должности генсека⁴. После пленума он сразу «потеплел» к демократическому лагерю. Заговорил о том, как бы вернуть поддержку реформаторов, недоумевал, мол, как это мы разошлись. Я переговорил с Поповым, с Собчаком и с другими. Но они сказали: «Все кончено. Мы предлагали в прошлом году пойти вместе, под его руководством. Теперь поздно...». Так что с апреля до августа он находился как бы в подвешенном состоянии. Начал заниматься только одним — союзным договором, который в конечном счете провалился⁵. Сейчас Михаила Сергеевича обвиняют в распаде Союза. Это несправедливо. Он делал все возможное, чтобы страна осталась единой, но обновленной.

В то время ему дали возможность пройти свою часть пути самому: издать указы о свободе предпринимательства, об инвестициях, о фермерстве, о земле...

— *Сразу выиграл бы, создав себе какую-то социальную базу...*

— Да. А он все возился с союзным договором: как там всех нас назвать — сообществом, содружеством...

— *В похожей ситуации изоляции от своей социальной базы сейчас находится Ельцин.*

— Давайте хотя бы его не отдадим. Мы все-таки отдали Горбачева. Я имею в виду и себя, поскольку тоже был переполнен недоумением.

— Простите, могли же миллион раз не отдавать Горбачева. Но существует в политике, видно, и физиология. Видит Бог, сколько раз журналисты его спрашивали напрямую о каких-то совершенно ясных вещах. Но он ни на что толком не мог ответить. Это стало его психофизическим недостатком. Бывает, что человек одноглазый, одноухий, шестипалый. А с Горбачевым — невозможно разговаривать. Он не слышит собеседника. Ему говоришь одно, в ответ — совершенно другое. Достучаться невозможно.

— Первые два года, когда он еще чувствовал себя провинциалом и испытывал от этого комплекс неполноценности, работать с ним было очень хорошо. Он и сам чего-то хотел. Хотел идти дальше. Ему надо было всех пре-взойти. Я искренне радовался этому. Но потом все поменялось.

— Горбачев прошел свою дистанцию. Это историческая личность. Ельцин сейчас проходит свою часть дистанции. Может быть, уже прошел. А мы, как стадо баранов, еще следуем за ведущим, порой не думая, что он может завести в очень неприятную ситуацию. Не повторяется ли ситуация, когда политик задерживается в эпохе, которая требует уже других лидеров?

— Я как прагматик, даже можно сказать хуже — циник, рассуждаю так: если можно использовать человека в достижении какой-то цели (а цель одна: блокирование реальной опасности террористической диктатуры), единственный, кого мы сейчас можем использовать, это Президент.

— Простите, давайте подумаем. Смотрите, что надвинулось. Стали реальностью банки, бизнес, тонкости экономики. Страна «раскочегарена» на свободу. В ней живут свободные люди. Благодаря Горбачеву. Благодаря Ельцину. Но это — прошлое. Ельцин, конечно, хороший стратег, особенно в том, что касается его личной власти. Но события 93-го года⁶ показали, что в тот момент он выплыл, находясь уже на пределе своих возможностей. Его чуть не переиграл очень способный интриган Хасбулатов. А что происходит с Президентом сейчас?

— Мы другого не имеем.

— Как Вы сейчас относитесь к Ельцину? Какая динамика Ваших отношений?

— У меня никакой динамики в отношениях с ним не было. Абсолютно. Меня интересует одно. Я помню историю, как все демократы желали того, чтобы свалить Горбачева и поставить Ельцина. И довели дело до логического конца. Прежде всего — с помощью печати и интеллигенции. Никакой заслуги народных масс не было. Но в итоге мы голосовали и избрали Ельцина.

Так вот, в интересах государства и России, раз уж избрали, давайте нести этот крест до конца. Да, Конституция⁷ не без изъянов. Но она есть. Даже если бы она была дважды плохая, все равно давайте менять ее конституционным законным путем. Иначе проклятая анархия, вольница, разинщина, пугачевщина, а главное — большевизация никогда не закончатся. Все время они будут жить с нами. Вот в чем беда-то. Для меня идея фикс — как бы потихонечку набирал силу над всем закон. Можно даже с большой буквы — Закон...

Сейчас такое время: что ни скажи — все банально. Чем большевизм был хорош: он не пропустил половину умных слов в употребление. А мы? Демократы пришли и эти слова использовали. И израсходовали.

Вот банальность, изъеденная и нами, и червями. Все — и коммунисты, и демократы — сегодня говорят: «Всё человеку, всё для человека». А человек как стоял на задворках, так и остался там. Это, опять же я повторяю, звучит банально. Но когда-нибудь мы к этому несчастному человечку в его короткий миг жизни придем?

№ 38

ПОКАЯНИЕ

Труд, 15 марта 1995 г. Беседу вел В. Климов.

В конце января президент Б.Н. Ельцин подписал Указ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период»¹.

Основой для Указа послужили материалы, изученные и подготовленные Комиссией при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий, которую возглавляет академик А.Н. Яковлев². Сегодня Александр Николаевич отвечает на вопросы корреспондента «Труда».

— *Как Вы, Александр Николаевич, оцениваете появление Указа Президента? Чем вызвана его необходимость?*

— Вы знаете, я бы сказал, что завершено исследование одной из острейших проблем, касающихся недавнего прошлого нашей страны.

Во-первых, речь идет о массовых политических репрессиях в отношении бывших советских военнопленных и депортированных немцами граждан, оказавшихся в годы войны на оккупированной территории.

Во-вторых, правда о судьбе этих людей — судьбе горькой и трагичной — приобретает особое значение в канун 50-летия Великой Победы. Эта правда помогает воссоздать полную и объективную картину страшных и героических дней войны.

Ну, а в-третьих, будучи участником войны и зная не понаслышке, как попадают в плен, я не могу не заметить, что наконец-то ветераны Великой Отечественной могут спокойно сказать, обращаясь к памяти погибших в бою или попавших в плен своих друзей и товарищей: они, ветераны, делают все, чтобы нравственная формула общества «Никто не забыт» в дни 50-летия Великой Победы не была запятнана ни старой, ни новой ложью.

Твердили: «Никто не забыт», а оказалось, что забыты миллионы людей — бывшие военнопленные и гражданские лица, угнанные в чужие земли. Они были — но их в то же время не было... На фронте мы были рядом, вместе защищали Отчизну, в послевоенной жизни нас разделили на честных и нечестных. Сталинская формула «в Красной Армии нет военнопленных, есть только предатели и изменники Родины» на многие годы искорежила жизнь миллионов людей.

— *Указ появился в канун 50-летия Победы в Великой Отечественной войне — в этом есть свой смысл. Но не «устарел» ли он — все-таки прошло полвека?*

— Что значит устарел? Указ восстанавливает историческую справедливость. Но не только. Я рассматриваю его и как факт, если хотите, момент Покаяния. Как извинение перед людьми, которые по воле бывшего партийного руководства стали изгоями в родном Отечестве.

А ведь многие из них приняли на себя первый удар фашистов. По данным нашего Генерального штаба, за четыре года войны всего попали в плен к немцам и их союзникам 4 миллиона 59 тысяч советских военнослужащих, а за два первых года — 3 миллиона 339 тысяч человек, то есть 82 процента.

Рано или поздно Покаяние должно было свершиться — слишком очевидна трагедия миллионов соотечественников. Должно было состояться из-

винение перед неповинными людьми. Я не имею в виду предателей, тех, кто воевал против своей Родины, — с ними все ясно, перед ними нечего извиняться. Но ведь большинство из попавших в плен не были предателями. Все изученные нами документы говорят о том, что в плен попадали не добровольно. Попадали в плен люди, будучи окруженными, без боеприпасов, без командиров, раненые. Власть не имела права относиться к этим людям так, как она отнеслась.

— *Но ведь были же люди, тем более фронтовики, знавшие правду о военнопленных, наверное, они могли каким-либо образом подтолкнуть власти к решению вопроса?*

— Конечно, были... Мало кто знает, но, если судить по документам, судьба отторгнутых властями, но не Родиной солдат, офицеров, генералов очень беспокоила Маршала Жукова. Можно сказать, он стоит у истоков и нынешнего Покаяния, и нынешнего Указа Президента.

— *Так что же все-таки удалось сделать в свое время Маршалу Жукову?*

— В 1956 году комиссия под руководством Маршала Жукова подготовила документ, в котором поставила вопрос о ликвидации правового беспредела, беззакония в отношении вернувшихся из плена³. Однако довести дело до конца Георгию Константиновичу не удалось. И вот только сейчас российский Президент своим Указом поставил точку в трагедии советских военнопленных. Кстати, он очень интересовался, как идут дела по изучению этой проблемы, и мы, честно говоря, готовились доложить о результатах исследования еще в конце минувшего года, но знаете, как это бывает при подобного рода работе: хотелось что-то еще выяснить, что-то уточнить, проверить, чтобы в этой очень чувствительной, трагедийной проблеме, за-трагивающей, по-моему, душу любого порядочного человека, не было ошибок и погрешностей.

Любопытно, что комиссия Маршала Жукова собрала и данные об отношении к военнопленным в других государствах. Впрочем, ведь и в России на этот счет имелись хорошие традиции. Вот документ времен русско-японской войны 1905 года. В нем говорится, что господам офицерам и нижним чинам, вернувшимся из плена, высочайшим повелением выдаются деньги на лечение, на приобретение обмундирования и прочее, прочее. Никто их не преследовал, в проверочные лагеря — тюрьмы не отсылал, не ставил под сомнение добропорядочность и честность их семей... То же в других странах. Англичан, в частности, награждали орденами и возводили в следующий чин, если они, конечно, вели себя с достоинством.

— *Чем все-таки объяснить такое отношение к советским военнопленным? Почему с первых же дней войны их без суда и следствия стали считать предателями?*

— Эта горькая традиция берет начало еще с финской войны. Все возвратившиеся из финского плена были осуждены на срок от 5 до 15 лет... С первых дней войны с фашизмом тех людей, кто принял первый удар на себя, вышел с боями из окружения, бежал из плена, именовали в официальных документах, в приказах, в постановлениях ГКО не иначе, как «бывшими военнослужащими Красной Армии». Одна из причин такого отношения была на виду: начало войны сложилось не в пользу Советского Союза и надо было найти виновника. Сталин, Молотов, Каганович, Берия — ну разве можно себе представить, чтобы они взяли вину на себя, а потом вдруг осознали необходимость Покаяния?

— *Вы утверждаете, что в первые дни войны в официальных документах отношение к советским военнопленным было враждебным. Как же расценить тогда появление приказа от 4 октября 1941 года под названием «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями», подписанного Сталиным и начальником Генштаба Шапошниковым?*

— Для того чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что перед этим был выпущен в августе 1941 года печально знаменитый приказ № 270, который санкционировал внесудебные расправы — расстрел на месте любого, кто покажется трусом или подозрительным.

Так вот, сначала был издан приказ № 270, открывший дорогу расправам, а затем появился приказ «О фактах подмены...». Спихватились, называется. Но опять-таки новый документ нельзя рассматривать в отрыве от постановления последующего, датированного 27 декабря 1941 года. Это — постановление Государственного Комитета Оборона об организации специальных лагерей для проверки «бывших военнослужащих Красной Армии», поставленных в один ряд с пленными вражеских армий.

— *Почему вражеских? Откуда эта формулировка?*

— По части формулировок в НКВД были большие мастера. Организационно все это подкреплялось тем, что «забота» о военнопленных была поручена подразделению НКВД, занимавшемуся иностранцами, — Управлению по делам о военнопленных и интернированных.

В подчинении этого управления были спецлагеря. Позднее они были переданы в ГУЛАГ. К лету 1945 года на территории СССР действовало 43 специальных и 26 проверочно-фильтрационных лагерей. На территории Германии и других стран Европы было еще 96 фильтрационных и пересыльных лагерей. Считалось, что человек находится на проверке, но фактически он был на каторге.

После 1945 года эти места стали называть «рабочими батальонами наркомата обороны». Но как ни называй, суть их оставалась одна — лишение свободы, каторжный труд, запрет на переписку с родными, выход за пределы зоны только под конвоем.

— *В свете Указа, как же относиться к власовцам?*

— Я думаю, как относились, так и надо относиться. Предательство на войне — трижды предательство.

— *В августе 1945 года союзники передали нам большую группу военнопленных и депортированных лиц. Что было с ними?*

— Помимо всего прочего, их рассматривали еще и как потенциальную агентуру западных разведок. Соответствующие органы заводили на них учетные дела по месту жительства — вот уж здесь действительно никто не был забыт. Думаю, некоторые не знают, что под наблюдением они находились очень долгое время и до недавних пор сохранялись в их делах записи: находился в плену, освобожден англо-американскими войсками, агентура разведорганов США, Англии... Такие записи — не шуточки.

— *Можно сказать, снова был востребован «стандартный набор» репрессий конца 30-х годов?*

— Да, но еще в более циничной форме. Поэтому не случайно в Указе Президента Российской Федерации действия партийного и государственного руководства бывшего СССР в отношении военнопленных признаются противоречащими основным правам человека и гражданина, и более того — политическими репрессиями.

— Когда кампания подозрительности по отношению к пленным соотечественникам пошла все-таки на убыль?

— Это трудный вопрос... Если вспомнить анкеты, которые мы заполняли, то буквально до 1992 года в них содержался вопрос такого свойства: были ли ваши родственники в плену или на оккупированной территории?

— Это оттуда идет?

— Конечно. Да что там говорить: оттуда идет многое. Ведь до сих пор живут в сознании — или в подсознании — представления, что военнопленные — это предатели, лагерники, враги. В одном из встретившихся в архивах писем есть показательный эпизод. Бывший военнопленный по фамилии Лысов, работавший молотобойцем на заводе в Тульской области, сообщает, что в конце 1948 года за хорошую работу его повысили в должности — он стал нормировщиком цеха. Но в 1949 году Лысова освободили от работы. Почему? Вместо объяснения причины начальник цеха сказал, как его учили: «Сволочь, негодяй, мерзавец. Не забывай, где ты есть и кто ты есть!»

Сегодня на календаре 1995 год, и тем не менее кое-где звучит то же самое: лагерник, негодяй, мерзавец, ату его... И от этих слов становится страшно, противно на душе: ну сколько можно?

— Хотелось, чтобы Вы разъяснили некоторые положения Указа. Получат ли, например, бывшие военнопленные в честь 50-летия Победы юбилейные медали? Кто может рассчитывать на них?

— На них могут рассчитывать бывшие военнопленные, не служившие в РОА («Русской освободительной армии»)⁴, в немецких войсках или в полиции. Получат медаль и бывшие политические заключенные, которые во время войны отбывали срок.

— В Указе говорится о выдаче бывшим военнопленным удостоверений участников войны. Какие здесь критерии?

— Удостоверения получают те, кто попал в плен в боях при защите Отечества. То есть люди, которые попали в плен во время боевых действий и ничем не запятнали себя там.

— В Указе говорится об освидетельствовании бывших военнопленных врачебно-трудовыми экспертными комиссиями. Этим должно заняться Министерство социальной защиты населения. Зачем?

— Дело в том, что многие военнопленные перед тем, как оказаться в неволе, были ранены. Ранены в бою, когда они сражались в рядах Красной Армии против фашистов. На языке медиков это означает — получили военные травмы. Операции им, скажем, делали в лагерных лазаретах, справку, естественно, не давали. А с них сейчас требуют: «Где ты потерял ногу? Дай справку». Да он при всем желании ее принести не может. Так вот, человека должны освидетельствовать и установить, что ранение носит военный характер.

— В Указе речь идет не только о восстановлении прав военных, попавших в плен, но и гражданских лиц, некогда депортированных в Германию.

— Как известно, в период войны на территории Германии и оккупированных ею стран оказалось немало советских граждан. Их называли «ост-арбайтер» — восточные рабочие. Массовая депортация гражданского населения началась с осени 1941 года. Всего за годы войны было депортировано около 5 миллионов граждан. Подавляющее большинство вывезено в принудительном порядке.

О том, что испытали наши соотечественники — сестры и братья, — нельзя говорить спокойно. От голода и болезней, по приговорам немецких судов и решениям немецких властей в фашистской неволе погибло более 1 миллиона

230 тысяч человек. А выжившие и вернувшиеся домой затем скитались по лагерям и тюрьмам. И это называется — «никто не забыт»? Думается, и подготовка к празднованию юбилея Великой Победы, и этот Указ могут стать импульсом для большой работы, посвященной памяти этих людей.

— *Вы не раз повторяли во время беседы слова: если человек в плену ничем не запятнал себя. Поставим вопрос иначе: на кого не распространяется действие Указа Президента?*

— Действие Указа не распространяется на тех лиц, которые служили в строевых и специальных формированиях немецко-фашистских войск, в полиции, а также на иных лиц, не подлежащих реабилитации согласно российскому Закону «О реабилитации жертв политических репрессий», принятому в октябре 1991 года.

— *Вы несколько приоткрыли «завесу» над тем, как «проходил» Указ. Нельзя ли чуть подробнее: ведь для его реализации требуются средства, а их не хватает.*

— Насколько мне известно, при получении подписи правительства под различными распоряжениями и постановлениями, касающимися материальных дел, возникают трудности. Этот Указ Виктор Степанович Черномырдин завизировал, как говорится, без звука.

Споров не было и на других уровнях. Мнение было единым: «Да, с деньгами трудно, но мы найдем их для этих людей».

— *Принятие Указа — это первый шаг. Второй шаг — его реализация. Как она будет проходить?*

— Главное, нужно быстро подготовить подзаконные акты, чтобы через них включить рабочие механизмы Указа. После этого начнется рабочий процесс его реализации. Надеемся, что скоро основная работа будет завершена.

— *И последний вопрос: как отнеслись главные действующие лица Указа — бывшие военнопленные, гражданские лица, репатриированные во время войны, — к его появлению?*

— Они, представьте себе, немногословны. Сталинские следователи надолго отбили у них охоту быть откровенными с властями. Но будем до конца справедливы: Указ появился на свет не без участия и помощи этих людей. Их письма на имя Президента Российской Федерации, в Комиссию по реабилитации, их свидетельства послужили отправным моментом для работы, которая встретила одобрение в общественном мнении и завершилась фактом Покаяния перед миллионами живых и мертвых.

№ 39

БУНТ ЛЮМПЕНОВ И СУДЬБА РЕФОРМ

Вечерняя Москва, 23 марта 1995 г. Беседу вел В. Мотяшов.

— *Александр Николаевич, в последнее время Ваше имя не сходит со страниц газет, упоминается чуть ли не во всех сводках новостей. Вы оказались в центре страстей вокруг первого телевизионного канала и споров по поводу создания Общественного российского телевидения¹. Для многих неожиданным стал Ваш практически одновременный уход с двух ключевых постов — председателя РГТРК «Останкино» и руководителя Федеральной службы по телевидению и радиовещанию². Вы сами-то прогнозировали такое развитие событий?*

— Что касается моей двойной отставки, то это входило в мои планы. И я жалею лишь о том, что не сделал этого раньше. Мешали соображения нрав-

ственного порядка: ведь бюджетных денег останкинцам хватало всего на 5 часов вещания, и надо было ежедневно находить средства для обеспечения суточного вещания. Но вот так называемое собрание коллектива «Останкино» — совсем другое дело. Собралось несколько десятков людей, из которых дай Бог полтора десятка имели отношение к телевизионному производству, плюс журналисты из «Правды», «Советской России», «Российской газеты». Многие студии к последовавшей позорной обструкции не имели никакого отношения. Ну да — все к лучшему. Теперь это не более чем сломанная и обгоревшая спичка. Подождем, когда заработает ОРТ, и пусть люди сами судят о результатах по качеству информации, передач, фильмов...

Честно говоря, меня не столько само событие взволновало, сколько проявившиеся в нем симптомы гораздо более широкой общественной опасности.

— *И что же это за опасность?*

— В преддверии выборов³ набирает силу тенденция манипулировать общественным мнением. Охотников много, в том числе на всех этапах власти. Когда законодателям, исполнительным структурам не выгодно, они спокойно игнорируют требования миллионов. А когда выгодно, за общественное мнение выдается мнение десятка людей. Но еще хуже — нарождающийся, все громче заявляющий о себе бунт люмпенства, бунт любимого нашего социального слоя, который не только воспитан семьдесятю годами власти большевиков, но восходит из глубин нашей истории. Люмпенская психология проявляется во многом, но прежде всего это инстинкт босяка, готового ради того, чтобы поджарить уворованную курицу, спалить весь сарай.

— *Подозреваю, что подобное желание обуревает немалое число людей, которых довольно трудно отнести к босякам.*

— Это верно. Но я вовсе не веду речь о тех, кто бос и обездолен. Люмпенем и босяком может быть и человек вполне обеспеченный, но тем не менее исповедующий религию общественного иждивенца, падкого до халявы, претендующего без всяких к тому оснований на ломоть побольше и люто завидующего всякому, кто в чем-то преуспел больше него.

— *И все же почему тревога? Тип ведь и в самом деле для нашего отечества очень привычный.*

— Люмпена многое вдохновляет сегодня на повышенную активность. По своей натуре он трус. Но тотальная безнаказанность снимает с него страх, побуждает верить в собственную безнаказанность. Он патологический завистник. И это чувство обостряет в нем и делает агрессивным обстановка нецивилизованного дележа собственности. Он раб. И готов удовлетворить растущий спрос на холуйство. Но главное не это. Главное в ожившей, возрождающейся надежде, что на предстоящих выборах победу одержат политические защитники люмпенства. И, к сожалению, подобные ожидания во все не являются бесосновательными на фоне нынешних разборок среди демократов и социально-экономической ситуации в целом.

— *Выходит, в этом зреющем, как вы утверждаете, бунте люмпенства демократам некого винить, кроме самих себя?*

— Да, они действительно не сделали многого из того, что должны были сделать. Реформы идут инвалидно, болезненно. Незавершенность реформ текущего этапа создает болотистую обстановку, в которой только отдельные островки подают надежду, остальное пространство беременно реваншем. Самый большой упрек, который можно сделать реформам: они не стимулируют человека, а давят его, не пробуждают в нем жажду полезной и

достойной деятельности, а отбивают охоту к ней, делают бессмысленными, приносящими лишь горькую обиду, разочарование и унижение все виды производительной, творческой, производящей деятельности.

Экономически мы имеем пока сочетание крайне плохо управляемой собственности государственной, то есть остатков прежнего «государственного социализма», с еще только зачатками относительно независимых от государства коллективных форм собственности и с островками собственности частной. Две последние лишь допущены на рынок, не более. Им еще предстоит долго вести борьбу за свое существование.

Демократия преисполнена амбициозностью, самоуверенностью, делает вид, что не помнит, откуда взялась. Около новых властей замелькали временщики, суетные люди. Да и избиратели еще не научились отличать громкий голос от деловых качеств. Механизмы управления, сформированные сталинизмом, остаются во многом нетронутыми. Некоторые «демократы», оказавшиеся у власти после августа 1991 года⁴, без стеснения демонстрируют новый авторитаризм, административно-командную систему без партии, тоталитаризм без идеологии.

Как следствие, началась консолидация сил реванша. Небольшевики, неофашисты, псевдопатриоты, охотнорядцы, обслуживающие их писатели и журналисты вновь развернули, как и до августа, мощную атаку на демократию, используя каждый ее промах, равно как и тяжелое социально-экономическое положение в стране.

— *Ну и что же делать? Будь Ваша воля, с чего бы Вы начали?*

— На классические вопросы есть классические ответы. С преодоления отчуждения человека от собственности и от власти. А этого сегодня не сделать, не избавившись от невиданного засилья чиновничества, бюрократии.

Вспомним уроки большевизма. Он начинал с громко декларируемой войны против бюрократии и бюрократизма, а закончил, притом практически почти сразу же, слиянием с бюрократией, превращением в еще более многочисленную и заскорюзлую бюрократию, чем прежняя, царская. Аналогичную способность обнаружила демократия. Страна стала вдвое меньше бывшего СССР, плановой экономики нет, КПСС и ее аппарата нет, а чиновников стало больше, и обходятся они налогоплательщику гораздо дороже и прямо — через зарплату и другие официальные расходы, и косвенно — через лихоимство.

Замечу, что и нынешний государственный рэклет через тотальное взяточничество — тоже результат феодальной сути чиновного люда. В крепостнической России, по Гоголю, не брал только мертвый чиновник. А сейчас? Налоговому инспектору — дай, санэпидстанции — отслюни, пожарнику — отсчитай, полицейскому — отвали, любому начальнику — позолоти ручку.

Кстати, с налогами, хотя это особая тема, надо что-то делать. Это самый больной вопрос сегодня. Общеизвестно, что они превращают в экономически зряшную любую нормальную хозяйственную деятельность. Если нынешние размеры и структура налогов — только способ поддержать бюджет, получить хоть что-то сегодня в надежде как-то распутаться потом, то это заведомо негодный способ во всех отношениях. Если же они — способ борьбы против частной собственности, за сохранение и укрепление особого чиновного права, то выводы и меры нужны тем более, но уже политического характера.

Государство, в котором заправляет чиновничество, свободное от законов и контроля со стороны общества, может оказаться куда более самонадеянным, чем прежняя советская система, куда более дорогостоящим, нежели старая номенклатура, и способным нанести обществу со временем куда больший урон, чем это уже было. Надо видеть: чиновник везде и всегда — носитель авторитарного начала в силу иерархической природы и структуры самой бюрократии. В России — особенно.

— *Но есть немало людей, которым как раз в установлении в России авторитарного правления видится единственная возможность вывести страну из кризиса.*

— Это опаснейшая иллюзия. Даже если ведется речь о, так сказать, просвещенном и добронамеренном авторитаризме. Да, реальность сегодняшней, еще только становящейся демократии оказалась хуже идеала и красивых слов. Демократия у нас пока какая-то убогая, некомпетентная, во многих своих чертах и проявлениях — даже отталкивающая.

Однако никакой авторитаризм не в состоянии организовать нормальную мирную жизнь общества — особенно многочисленного, неоднородного социально и культурно, разбросанного по огромной территории. Уж о чем другом, но об этом мы знаем по нашему горькому опыту. Вернуться сейчас к авторитаризму — значило бы предать дело свободы в России.

— *Александр Николаевич, Вы (и тут у Вас огромное число сторонников и единомышленников) видите весь кошмар бюрократического всевластия. А делать-то что?*

— Сделать надо две вещи, которые разрушат саму основу, первопричину распознания раковой опухоли бюрократизации.

Во-первых, не на словах, а на деле открыть дорогу частной собственности, а следовательно, и экономической свободе. Собственности священной и неприкосновенной, наиболее эффективной экологически и социально по сравнению со всеми видами собственности, ибо она имеет единственный «вечный двигатель» — личный интерес.

Из всех российских реформаторов, кажется, только один Столыпин понимал, что прежде, чем создать гражданское общество, нужно взрастить гражданина через собственность и труд. Материально независимого и духовно свободного, понимающего свободу как личную ответственность. Ответственность перед Богом, самим собой, семьей и обществом. Между тем частный собственник по-прежнему находится у нас скорее в «красной книге», нежели в положении уважающего себя и уважаемого экономического суверена. Все разговоры о признании частной собственности останутся пустой болтовней, пока под собственность не будет подведен фундамент, на котором она только и может стоять, — право владения землей. Проблема не только экономическая: пока нет частной собственности на землю, командовать в экономике, да и не только в ней, будет чиновник. И неважно, местный или московский, советский или антисоветский, кем-то контролируемый или бесконтрольный.

Во-вторых, максимум возможного передать всем видам самоуправления — территориального, хозяйственного, социального. А там, где государственные структуры действительно необходимы, добиваться, чтобы их профессионализм был поставлен под действенный контроль общества.

Ведь все реформаторские попытки предпринимались у нас до сих пор только сверху, осуществлялись самой же высшей властью — даже ее очень

малой частью, вынужденной вести тяжелейшую борьбу против своих же собственных «товарищей по элите». А это оставляло общество в лучшем случае любопытно-равнодушным, в худшем же — побуждало относиться к реформаторскому и реакционному крыльям в составе элиты по принципу «чума на оба ваших дома». И потом: кто бы ни пришел у нас сегодня к управлению страной, он свои решения может проводить только через чиновника (раньше через партию, ее аппарат). Это тоже дало чиновнику огромную власть и силу.

К сожалению, народное самоуправление до сих пор остается красивым лозунгом, который фактически дискредитируется практикой. Будем называть вещи своими именами: в большинстве случаев лозунг и ширма самоуправления используются лишь как средство политического манипулирования, как одно из орудий в противоборстве соперничающих групп. В тех же случаях, когда снизу предпринимаются попытки подлинного самоуправления, они неизменно натываются на глухую стену, а то и активное сопротивление чиновничества, властей, мафиозно-бюрократических структур.

Если мы хотим создать самоуправляющееся общество высокой культуры, то нужна стратегическая программа развития самоуправления в России. Программа, завязанная прежде всего на города и села. Хватит топтаться в треугольнике «Федеральное собрание — Правительство — Президент».

— Все, о чем Вы говорите, плюс «сильная социальная политика» должно было утвердиться в стране еще в процессе перестройки, десятилетний юбилей которой мы только что отметили. Вы были у государственного руля тогда. И ведь тоже не получилось.

— Да, и я много раз говорил, почему не получилось. Но остаюсь при убеждении, что перестройка оставила нам бесценный отечественный опыт реформизма в новейшее время — его удач и неудач, достижений и просчетов, взлетов и падений. Этот опыт еще изучать и изучать, к чему пока всерьез и не приступали. В сущности, перестройка была попыткой повернуть тогдашнюю КПСС, ее политику и руководящие структуры на дорогу социал-демократизма, с которого когда-то начинала РСДРП, то есть на дорогу реформ. Сейчас можно до бесконечности спорить, могла ли такая попытка завершиться удачей. Думаю, что в принципе могла. И в том, что этого не произошло, есть и моя личная вина.

Но нет худа без добра: в результате своей вялости на старте новой России социал-демократизм избежал участи тех политических сил и их лидеров, кого просто история бросила на выполнение самой неблагоприятной работы, как бросают камни и бревна под колеса буксующего автомобиля. С другой стороны, участие социал-демократов на вторых и третьих ролях в различных коалициях, неумение социал-реформистов публично развернуть и обосновать свои идеи привело социальную демократию к серьезному кризису. Преодолению его и призвана послужить создаваемая сейчас мною и моими соратниками Российская партия социальной демократии⁵. В минувшее воскресенье, как Вы знаете, мы провели в Москве учредительный съезд новой партии⁶.

— Но на ту политическую нишу, которую вы собираетесь занять, претендентов, по-моему, и сейчас хватает.

— И все-таки на отечественном политическом пространстве естественная ниша социал-реформаторства — левый центр — пуста, хотя ее агрессив-

но пытаются занять и дрейфующие коммунисты, и серо-буро-малиновые популисты, и левые радикалы, продолжающие танцевать под музыку левых фраз.

Почему я верю в реальную возможность нашей организации? Потому, прежде всего, что от законов истории не уйдешь. Россия не прошла этап социальной демократии в политике, как не прошла и рыночный этап развития. Это не означает, что новая организация должна топтаться на западном социал-демократическом поле, тем более что оно весьма разнообразно. Нет нужды и в догматическом повторении того, что оставила в наследство российская социал-демократия конца прошлого — начала нынешнего века. Хотя весьма соблазнительно было начать все дело с проведения II восстановительного съезда российской социал-демократии⁷. Возможно, не по форме, а по существу.

— *Съезд, пусть не восстановительный, а учредительный, прошел. И что теперь? С чем вы вступаете в предвыборный марафон? С какой идеологией?*

— Вот если бы настроить страну на одну-единственную идеологию: каждый должен делать маленькое или большое, но обязательно конкретное дело. Вот тут я за одномыслие, вот тут я за моноидеологию. Прекратить всеобщее горлопанство. Неумная тяга к популизму, к бесконечной говорильне, к процедурному крючкотворству, стремление понравиться во что бы то ни стало уже утомили общество, стали тормозом реформаторской работы. Имитация деятельности, если ее не остановить, — это наша гибель. Осторожные политические спектакли, болтовня, схватки под ковром, поиски чертей с рогами. Демократия победит в России не через суперпрограммы и величественные проекты, не через шум и гам, а через политику и тактику малых, а потому весомых дел, — или не победит вообще.

Такие дела объективно лежат сейчас прежде всего в сфере укрепления социальных гарантий (но не иждивенчества). Сегодня даже трудно понять, как это все случилось, почему ученый, учитель, врач, артист и музыкант должны стоять с протянутой рукой, а больницы, школы и театры хиреть, словно от вселенского мора. Грош цена любым реформам, если они не улучшают жизнь людей. На протяжении десятилетий интеллигенцию убеждали в ее социальной неполноценности, ущербности ее положения в обществе, в ее слоеночном характере. Она особенно сильно ощущала на себе все органические пороки общества, основанного на режиме единовластия и единомыслия. Но культура и сегодня выступает в лучшем случае как внешний антураж, как флер респектабельности. Здесь нужны коренные перемены. Замрет наука, расшатается образование, зачахнет культура — тут и конец нашим надеждам на демократию, на свободу. Демократическая власть проморгала в азарте борьбы ту главную сферу жизни, из которой сама выросла.

Не может быть доверия к любой власти, если она не понимает, что человек — это не просто возобновляемый ресурс, а разумное существо, которое хочет быть счастливым в столь короткий миг жизни. Это власть возобновляема, а у человека второй жизни нет. Не власть изобрела человека, а человек на свои же деньги нанял власть, подчас на свою же голову.

— *Вы сказали столько резких слов по поводу нынешних властей, что о Ваших симпатиях или антипатиях к ним, вроде бы, и спрашивать излишне. Российская партия социальной демократии — это партия оппозиции?*

— Снова привычное для нас: или — или, третьего не дано. А почему не поставить вопрос иначе? Партия демократических инстинктов или партия

независимых решений? Партия слов или партия дела? Партия суеты или партия стабильности? В уходящем веке мы свергли все режимы, что были у нас, воевали почти во всех войнах столетия, включая две мировые, вероятно, половину жизни потратили на собрания, митинги, заседания, совершаем уже четвертую революцию, потеряли более 60 миллионов человек в эти смертоубийственные годы. Пора охолониться, остановиться, оглядеться кругом и успокоиться.

Меня тревожит обстановка, когда становится просто неприличным, если хотите, неинтеллигентным поддерживать власть, как это уже было перед тремя российскими революциями XX века, что и привело к большевизму. Не хватает ни здравого смысла, ни сдержанности. Свергать всех без разбору и во что бы то ни стало! Идея сокрушения всего и вся, нетерпимость лишает возможности вырваться за рамки горячечной повседневности, способности взять на себя ответственность за завтрашний день.

Тут я хотел бы выразить свое отношение к позиции, которую занимают некоторые уважаемые представители творческой интеллигенции. Да, российская интеллигенция, особенно та, что обеспечила слом диктатуры, оказалась отброшенной на обочину политического процесса. Ни власти, ни собственности, ни сносного и достойного существования. Но я спрашиваю себя: а все же достаточный ли это повод для нытья? Обретена свобода, без чего творцу существовать немислимо, то есть случилось нечто главное. Так неужто и дальше интеллигенция обречена на вечную оппозицию к властям, включая демократию — пусть еще хилую и какую-то полубомбочную.

Задаю себе еще вопрос: стоит ли рисковать будущим страны, народа, впадая в унылую оппозиционность? Будет ли это в длительной перспективе способствовать обновлению России, развитию науки и культуры, стабилизации общественных отношений, экономическому подъему и процветанию? Вовсе не уверен.

— *И последний вопрос. Он достаточно деликатный, но от него не уйти, потому что он все равно существует. Хватит ли у Вас сил на все: и на ОПТ, и на Комиссию по реабилитации⁸, которая остается под вашим началом, и вот теперь еще на партию?*

— Ну что ж, ясность в личном плане должна быть. Как только в печать просочились сведения — Яковлев-де создает новую партию, — до меня стали доходить упреки: чего это он на старости лет за партию взялся, да еще обремененный клеймом деятеля «старого мира и Политбюро»?

Отвечаю: да, не молод, но хочу успокоить беспокоящихся и о власти мечтающих. Во власть не собираюсь, там уже был. Пусть идут молодые, пусть дерзают, но только честно, пусть потом не цепляются за власть, как за хвост убегающей лошади, пусть будут готовы, как и некоторые из нас, уйти из нее даже под свист и улюлюканье политической шпаны.

Что касается Политбюро и прочего, то я с гордостью думаю о том времени, когда удалось сдвинуть — и с моим участием тоже — земную твердь, базальтовую громадину, что стояли поперек жизни. Я отвергаю упреки тех, кто «смело» ринулся в демократию, когда им это разрешили, кто оказался «безумно храбрым», когда не надо было рисковать ни жизнью, ни детьми, ни карьерой, кто и до сих пор продолжал бы петь сладкозвучные песни во славу «великих вождей» и самой передовой демократии.

№ 40

«Я ДУМАЮ, НАС ГУБИТ КУЛЬТ БЕЗДЕЛЬЯ»

Труд, 11 июля 1995 г. Беседу вел А. Журин.

Семь дней в Республике Корея¹ заставили о многом задуматься. Например, почему у нас все не так? При наших-то ресурсах? Неужто так и будем топтаться на месте и пугать иностранцев своей подкупающей нищенской простотой? Мыслями об этом поделился с академиком Александром Николаевичем Яковлевым, благо наши кресла в самолете оказались рядом.

— *Как Вам понравилась Корея?*

— Лучше поставить вопрос иначе. Когда я бываю за границей — а бываю там довольно часто, — испытываю жгучее чувство досады, что мы настолько отстали. В США, Англии, Канаде ищешь оправдание — они лет двести войны не знали. Но ведь Южная Корея — совсем другое дело: еще каких-то тридцать лет назад была где-то на задворках Азии. И вот за это время шагнула если не в XXI век, то уж на самый современный уровень — точно. Себе я объясняю феномен их расцвета и нашего отставания так: нам надо менять менталитет, образ мысли. Конечно, на это потребуются не одно поколение.

В наши умы внедрились уравниловка и безделье. Мы продолжаем кивать на культ личности и все связанное с этим. Я же думаю, что основная наша беда — культ безделья. Народ довели до подобного состояния. Причем в пределах поколения. На вопрос, почему это произошло, никак не могут найти ответа. Разве что у них весь период модернизации существовала частная собственность, когда человек чувствует себя хозяином своего дела. В противном случае ему всегда гарантирована зарплата, сколько бы и как он ни работал.

Вот почему неудивительно, что здесь утром можно получить костюм, который ты заказал вечером. Это что значит — они не «просто» работают, а ЗАРАБАТЫВАЮТ! Для них не существует профсоюзов, восьмичасовых рабочих дней, нет «белого» и «черного» труда. А мы все ищем причины в генсеках, президентах. Виноваты прежде всего мы сами. Сможем стать истинными патриотами, а не трепачами — и у нас, при наших возможностях, все получится.

— *Александр Николаевич, Вы сами были на вершине власти. Почему же та власть ни о чем подобном не вела речи? Поставлю вопрос иначе: когда началось ваше разочарование происходящим в стране?*

— Отвечу прямо: очень давно. Честно говоря — дело прошлое, — но я больше верил в Сталина. Для меня, как и для многих моих сверстников, он был и образцом и лозунгом. Что же касается марксизма, его идеологии... здесь меня всегда одолевали сомнения. Первый удар, как колуном по голове, получил в Ярославле. Тогда я перемещался на костылях, только вернулся с фронта — весь издерганный: пять пуль в теле — все-таки много. Жив остался случайно, шесть с половиной месяцев в госпиталях провалялся. Так вот, мимо станции проносились эшелоны с нашими пленными. Вы представляете, мои фронтовые коллеги — и в зарешеченных вагонах! Разве это было не чудовищное преступление, ведь в первые месяцы войны в плен попало три миллиона человек?.. Половина всех воинов — пленные! Вам трудно понять, какой это был для меня психологический надрыв. И так — шаг за шагом.

Потом был 56-й год. XX съезд партии². Мне 33 года, я молодой инструктор, сижу на балконе, и вдруг Никита Сергеевич такое про Сталина говорит. Не поверите — у меня было ощущение, что я либо сплю, либо это большая провокация, после которой всех нас в вагончики — и туда же, на восток. Когда выходили, никто друг на друга не смотрел. И ведь факты все подтвердились.

Надо сказать, мне в тот период повезло — судьба свела с группой людей, с которыми и по сей день дружу. Окуджава, Вознесенский, Рождественский, Ахмадулина... Познакомился и с писателями-фронтовиками Астафьевым, Баклановым, Симоновым. Последний мне как-то сказал: «Рано ты на свет появился, Александр. Свернешь как-нибудь себе голову». После того как меня «сослали» в Канаду³, мы долго с ним переписывались.

— *Все же, думается, наивно объяснять успехи той же Южной Кореи только трудолюбием ее граждан. И в Северной Корее трудятся, а результаты разные.*

— Все зависит от характера труда. Труд из-под палки результатов не дает. А потом здесь нет более чем миллионной армии, которую надо кормить. Трудятся, кстати, и у нас в колхозе. Но если, скажем, канадский фермер может накормить сто человек, наш колхозник не может порою толком обеспечить и одного себя. Вот и приходится все покупать за рубежом. Речь в данном случае идет не о труде как таковом, а о его эффективности. В Северной Корее продолжают сеять рис вручную, а я побывал в самой обычной южнокорейской деревне и своими глазами видел, как крестьяне сажают рис машиной. Просто поразился широкому набору агротехники.

— *Вы, Александр Николаевич, конечно, знаете, что добрую половину пассажиров нашего рейса составляют «челноки». Как лично Вы относитесь к этому?*

— Лично я страшного тут ничего не вижу. Словесные выпады против них, обвинения в спекуляции — тоже от нашего нежелания работать, от нашего вечного «комплекса Сальери». Никак не удастся нам перейти к моцартовскому началу. Мы, если хотите, все — Сальери. Все заглядываем в чужой карман: сколько в нем? Другой разговор, что желание работать парализуется совершенно дикой, я бы сказал, провокационной системой наших налогов. Если большевистский режим сделал нас лицемерами, доносчиками, псевдобюстителями общества, то нынешний заставляет быть жуликами. «Я не хочу им быть» — «Нет, будь!» — «Не хочу обманывать». — «Нет, обманывай!» Вот и получается, что мелкий предприниматель, представитель мелкого бизнеса не может существовать без обмана властей. Будет стремиться действовать по закону — рухнет. Налоги должны быть в пределах 33 процентов. Доказано, что больший процент ведет к стагнации производства и страна начинает поедать саму себя.

— *Не считаете ли Вы одной из причин возрождения Южной Кореи авторитарность власти? Ведь и Россия в свое время мощные рыбки делала и при Иване Грозном, и при Петре. Не слишком ли рано мы заступили на тропу демократии, наша ли это тропка?*

— Я категорически не согласен с подобной точкой зрения. Не отношу себя к поклонникам ни Ивана, ни Петра. При Иване Грозном Россия насчитывала 6 миллионов населения, после него осталось 4. Его реформы из-под палки заложили немало мин на будущее. То же и с Петром. Начинал в стране, где проживало 16,5 миллиона, осталось 14. Полмиллиона погибло

только при строительстве Питера. За что? Были, конечно, рывки в промышленности, в вооружении, в развитии флота. Но флот ведь не пашет. Нет, ни при какой погоде не сторонник авторитарной системы. Нигде никогда в истории вы не найдете примеров процветания из-под палки.

— *А как же пример Южной Кореи? Ро Дэ У, Пак Чжон Хи...*

— Что Ро Дэ У? Он что, не допускал наличия других партий? Не при нем разве хватало студенческих волнений? Ну, стреляли иногда. Но ведь частная собственность была и при диктаторах. А потому присутствовал личный интерес. Подчеркну: вопрос реформ — вопрос частной собственности, особенно на землю. Мы уникальная, единственная в мире страна, в которой, черт его знает почему, до сих пор нет частной собственности на землю. Она жизненно необходима. Иначе так и будем продолжать политику гения всех времен и народов товарища Сталина.

— *Цель Вашей поездки, наверное, и в том заключалась, чтобы попытаться примерить корейскую одежду на нас?*

— Приехал я по настойчивому приглашению. Лет шесть назад меня уже приглашал президент. Даже билеты туда и обратно предлагал. Все было недосуг. Но одолело-таки нормальное человеческое любопытство: откуда появились ТИГРЫ, их вроде там не должно быть? Из каких лесов они прибежали?..

— *Удалось выяснить?*

— Еще раз повторю: у них верно решена проблема собственности. Именно в этом все дело. А у нас она не решается. Вместо этого какое-то политическое безумие. Взрывы амбиций и эмоций. Я, между прочим, всегда выступал за двухпартийную систему — еще в 1985 году написал записку Горбачеву⁴. В ней предложил разделить КПСС на две партии — реформаторскую и ортодоксальную. Считаю, что две, в крайнем случае три партии — это оптимально. У нас же их несметное количество. Формально. На самом же деле их практически нет, одни названия, вокруг которых строится политика. Почему? Между прочим, тоже объективный процесс. Так уж сложилось, что все претендуют возглавлять средний класс. А его-то нет, нет разумного центра...

— *Вы верите в воссоединение двух Корей?*

— Я знаю только то, что вариант ГДР и ФРГ не повторится. Никто подобного воссоединения здесь не хочет. В Южной Корее еще не преодолен синдром ответственности Северной Кореи за разъединение. Это опасно. Как, впрочем, было опасно и в Германии, и у нас. Возможно, в какой-то мере такой зыбкой ситуации потакают американцы. Они вообще странные люди. Помню, и в Женеве и в Рейкьявике Рейган и Шульц мне в частных беседах говорили: «Господин Яковлев, вот лично Вам мы доверяем, а вашей стране и не верим, и не доверяем». На что я им отвечал: «Дорогие мои! Все дело в том, что мы ведь вам тоже не доверяем и считаем вас агрессорами и сукиными сыновьями (между прочим, у них это совсем не ругательство). Вы должны исходить из политики. То, что вы нам не верили, во многом было неверным. А вот то, что мы вам не верили, в большей степени оказалось верным. Вот ответьте мне на вопрос: почему вы двигаете НАТО к нашим границам? Как бы вы отнеслись к тому, что мы Варшавский пакт двигали бы к вам?»

Самое страшное сегодня, что создан однополюсный мир. Во-первых, это грозит вырождением самому монополисту — в данном случае американцам.

Во-вторых, это чревато гораздо более значительными конфликтами. Мне думается, американцы не хотят объединения двух Корей. Тем более что на Севере стоит вооруженная до зубов более чем миллионная армия. США нужны Южной Корее, и там это хорошо понимают. Кстати, я спросил президента ассоциации газетных издателей Южной Кореи: «Если объединиться, будете судить руководителей Северной Кореи?» И вы знаете, он задумался. Затем говорит: «Ну, поскольку Ким Ир Сена уже нет, вероятно, не будем». Я все понял и заметил: «Нет, милые мои, пока вы не дадите им гарантию личного выживания, ни о каком объединении нет и речи»...

* * *

На том и закончилась наша беседа с Александром Николаевичем. А «загадка» Южной Кореи для меня осталась. Может быть, ответ к ней (хотя бы отчасти) — в старой корейской сказке о трех братьях. Решили они разбогатеть. Нашли и вместе выкопали громадный корень женьшеня. А потом каждый надумал убить остальных двоих, чтобы все богатство досталось ему. В результате никто из них в живых не остался. Сгнил и корень женьшеня. С тех пор, заключает сказка, корейцы больше не ищут ни корня, ни денег, а берегут своих братьев.

№ 41

АМБИЦИИ НЕ БУДУТ В ДЕФИЦИТЕ

Утро России, 27 июля — 2 августа 1995 г. Беседу вел В. Дорофеев.

В середине июня лидеры ряда партий и движений демократической ориентации заключили «Соглашение о сотрудничестве в избирательной кампании по выборам депутатов в Государственную думу»¹. Документ подписали председатель партии «Демократический выбор России» Е. Гайдар, председатель Крестьянской партии России Ю. Черниченко, председатель Конгресса национальных объединений России О. Ли, сопредседатель Общественно-политического движения «Женщины за солидарность» Е. Поплавская, заместитель председателя Координационного совета движения «Военные за демократию» А. Кузнецов и председатель Российской партии социальной демократии Александр Николаевич ЯКОВЛЕВ. Он отвечает на вопросы газеты «Утро России».

— Александр Николаевич, за последние годы Вы неоднократно выступали как один из инициаторов объединения партий и движений демократической направленности — и всегда на «переломах истории». Так было в 1989 году, когда в недрах КПСС зародилась «Демократическая платформа»². Летом 1991 года, в преддверии ГКЧП³ и развала Союза⁴, Вы с Э. Шеварднадзе и Г. Поповым создали Движение демократических реформ⁵. Теперь — новое соглашение. Что, Россию вновь ожидают политические катаклизмы?

— Я бы поставил вопрос иначе: распрощалась ли Россия окончательно с тоталитаризмом? Пройдена ли нами, как говорят авиаторы, «точка возврата» на пути к настоящему демократическому, гражданскому обществу? Ведь немало в стране людей, и сегодня тоскующих по большевизму «андроповского» типа. Это первое. Второе — ход реформ, которые начинались при

М. Горбачеве и продолжают по сей день. В их основу закладывались постулаты социал-демократии. Другое дело, во что трансформировались те принципы. Вот здесь, мне думается, основной конфликт нынешней политической жизни. Реформам в России десять лет, а принципы социал-демократии на нашей почве так и не взошли дружно. Лишь отдельные ростки проклюнулись.

— *Так, может, прав был Пушкин, когда писал: «На аглицкий манер хлеб русский не родится»?*

— Да нет, причины в ином. Сегодня партии и движения демократической направленности раздроблены на мелкие, обособленные группы. Если вы сравните их предвыборные программы декабря 1993 года и программы, с которыми они пойдут на выборы 1995-го, то принципиальных расхождений не обнаружите.

— *В чем же дело?*

— В амбициозности больших и маленьких вождей. Получив, точнее завоевав многопартийность, мы и ею распорядились по-младенчески, на сугубо российский манер: «Я да три моих приятеля — уже партия!» И неважно, что знают о ней в пределах даже не Садового, а только Бульварного кольца. Но зато ты — глава партии. Звучит? Между тем партии и движения коммунистической направленности и национал-шовинистского толка при всех внешних разногласиях весьма успешно, а главное быстро находят общий язык, действуют, пусть не явно, порой незаметно не только для рядового избирателя, даже для искушенного политика, — но сообща. События в Чечне⁶, точнее, игры российского политического истеблишмента вокруг них — яркий тому пример.

Со свежими мыслями о том, по какому пути развивать реформы, у многих политических лидеров и их команд — явная напряженка. Зато одряхлевших стереотипов полно... Потому мы и решили попробовать на принципиально новой основе объединить усилия демократических партий и движений.

— *Почему главным партнером избран «Демократический выбор России»? Ведь нынешнее бедственное положение в социальной сфере многие связывают персонально с Е. Гайдаром, с его реформами. Вы же стоите во главе партии, которая создавалась именно для защиты социальных интересов россиян, пострадавших в ходе реформирования нашей экономики.*

— А почему всероссийскими ответчиками за негативные последствия реформ стали только Е. Гайдар и его команда? Ему что, дали претворить задуманное в жизнь? Нет, его отстранили от реформ, убрали из правительства. Согласен, что в основе начавшихся реформ лежала все та же марксистская идея. Дескать, стоит решить вопросы экономически, а остальное приложится само собой. На самом деле все экономические проблемы решались не в социалистическом ключе, а в рыночном. Но при такой направленности реформ простые экономические решения проблем не влекут за собой столь же простое решения проблем социальных. Вот где, я считаю, основная ошибка. Но только ли одного Гайдара? Ведь был еще и Верховный Совет РСФСР, и Съезд народных депутатов⁷. Решения о реформировании отечественной экономики рассматривались ими весьма подробно. Те же коммунисты вроде Исакова, патриоты вроде Бабурина голосовали тогда за начало реформ. Это первое. А второе — сегодняшнее понимание партией «Демократический выбор России» необходимости именно социальной защиты населения от все-

властия чиновников, коррумпированности властных структур и твердая убежденность, что иного пути у России, кроме как демократизация всей общественной жизни, нет.

— *Но ведь и движение «Наш дом — Россия»⁸ тоже за продолжение реформ?*

— Но каких? В интересах узкого круга номенклатуры? Или реформы пойдут виришь, с опорой на малый и средний бизнес, с прицелом на то, что в России все же появится средний класс — основа любого демократического государства. Или этого не будет. И тогда общество будет беременно взрывом. Наши партнеры по соглашению все это понимают.

— *А как подобный союз будет осуществляться на практике?*

— Больших трудностей в нахождении общего языка, при всей разновекторности присоединившихся партий и движений, на мой взгляд, не предвидится. Все мы исповедуем общие принципы — права человека, уважение к частной собственности, активное содействие установлению цивилизованной рыночной экономики и правового государства. А главное — неприятие силовых методов как средства решения общественно-политических проблем. Кроме того, зрелость любой политической организации проявляется в ее готовности и умении идти на компромиссы. Различие в оттенках программ и оценках политической ситуации не должно становиться поводом для раскола, открывающего путь к победе на выборах антиреформаторских сил.

— *Но это соглашение — лишь «протокол о намерениях». Тот же «Демвыбор» на прошлые выборы шел куда как более мощным блоком. А затем его покинули такие «отцы-основатели», как М. Полторанин, Г. Бурбулис и другие... И у вас основные споры наверняка развернутся не вокруг предвыборных платформ, а когда будет «утрастаться» федеральный список кандидатов. Кстати, Вы, очевидно, его и возглавите?*

— Сам я никуда баллотироваться не собираюсь. Но в столь щекотливом деле, как «сколачивание» федерального списка, я буду «танцевать» от конкретных людей, которые могут и должны сказать свое новое слово в политике. Что же касается конкретной работы, то уже создан Консультативный совет. Он сформировал рабочую группу, которая работает над краткой, но емкой предвыборной платформой, доступной пониманию любого россиянина. И наконец, организации, входящие в предвыборный блок, должны подписать еще одно соглашение, определяющее принципы их сотрудничества в Думе нового состава. Другое дело, что по мажоритарным округам нам безусловно надо выработать общие принципы взаимодействия с другими блоками и партиями демократической направленности. Скажем, с партией «Вперед, Россия!» Б. Федорова или блоком Г. Явлинского.

— *Но Явлинский в своей статье в «Известиях» доказывает, и весьма убедительно, что демократам вовсе не обязательно идти на выборы в едином строю. Что у блоков, движений, партий демократической ориентации при всей их многоликости уже есть свой электорат, который они, формально объединив усилия, могут и потерять.*

— На мой взгляд, Григорий Алексеевич все же лукавит. Да, в его рассуждениях есть здоровое зерно. Да, быть может, лучше демократам идти на выборы несколькими колоннами. Но на главный-то вопрос он так и не ответил: будет ли его блок сотрудничать с другими демократическими партиями и движениями? Или верх возьмут амбиции, дефицита которых в предстоящей избирательной кампании явно не будет?

№ 42

СКОРПИОНЧИКИ

Утро России, 19—25 октября 1995 г. Беседу вел Ю. Белявский.

На вопросы «Утра России» отвечает председатель Совета директоров ОРТ Александр Яковлев¹.

— *Александр Николаевич, по мнению многих информированных наблюдателей, история с проверкой финансово-хозяйственной деятельности «Останкино», активно сейчас раскручиваемая Думой², носит исключительно политический характер и направлена конкретно против Вас как политического деятеля. Что Вы думаете на этот счет?*

— Похоже на правду. Во всяком случае, претензии, предъявляемые лично мне, настолько нелепы и легко опровержимы, что невольно задаешься вопросом: а зачем их было предъявлять? Видимо, по известному геббельсовскому принципу — чем нелепей обвинение, тем скорее ему поверят. Такие методы обычно применяются именно в целях политической дискредитации. Впрочем, я, не собираясь тратить дорогое для меня время на публичные оправдания, направил подробное письмо И. Рыбкину³ — этим и ограничусь.

— *Вы — политик опытный, не раз подвергавшийся жестоким нападкам своих противников. Ожидали ли Вы удара на этот раз?*

— Когда в конце 1993 г. я согласился на предложение президента Ельцина возглавить «Останкино»⁴, то понимал, что этот шаг один из кратчайших путей к потере репутации. И все-таки счел необходимым принять предложение. Так или иначе я был причастен к деятельности электронных СМИ более тридцати лет. Защитил в свое время от уничтожения «Взгляд», да и вообще, как мне казалось, в достаточной степени понимал ситуацию, сложившуюся на телевидении. «Останкино» все еще продолжало оставаться Госкомитетом со всеми атрибутами, присущими управленческой конторе. Отсюда и беда — кадровое истощение. То есть так называемых «штатных единиц» было предостаточно, но людей со свежими идеями, конструктивно мыслящих катастрофически мало. Каждодневная практика убеждала, что разговоры о цветущей в «Останкино» коррупции вполне обоснованны. Ясно было, что «Останкино» в том виде, в котором оно существовало, должно было умереть. К тому же результаты выборов 1993 г.⁵ сделали очевидным для меня — демократия недооценила степень большевистской зараженности страны. Дебольшевизации страны не произошло. В этом процессе телевидение просто обязано сыграть свою роль. Я уверен, что это дело для молодых, и первым генеральным директором ОРТ стал Владислав Листьев. Предполагалось, что ликвидация «Останкино» будет происходить эволюционным путем. Мы собирались за счет акционеров ввести для ветеранов пожизненные пенсии, для увольняемых создать фонд социальной адаптации. В общем, много чего предполагалось, и, пока был жив Влад, все развивалось более или менее поступательно. После его убийства⁶ произошло нечто почти невообразимое. Некоторые безответственные люди из «Останкино» повели за собой наивных, а те поверили обещаниям мелких политиканов, разных калашниковых и яковенко⁷, а потому и попали в беду. Коммунистам и элдэпээровцам удалось спровоцировать меня уйти в отставку⁸, чего они давно добивались, но, к сожалению, оставшийся коллектив «Останкино» был бро-

шен на произвол судьбы. Начались все эти митинги, попытки перехватить инициативу, потом это вредное, на мой взгляд, решение Думы⁹.

— *Со стороны тогдашнее поведение Думы выглядело как очередная, на этот раз бескровная, попытка захвата телевидения.*

— Я, помнится, тогда, выступая в Думе, пытался объяснить депутатам, что без акционирования денег, выделяемых государством, хватит от силы на шесть часов вещания в день. Депутатскую позицию абсолютно точно сформулировал Жириновский: «Пусть будет шесть часов телевидения, но нашего». А вот насчет этого извините. Я в достаточной степени ощущаю свою ответственность перед народом и страной, чтобы защитить их от такого «нашего» телевидения.

— *Раздаются обвинения, что в результате ликвидации «Останкино» тысячи людей остаются без работы...*

— Это неправда. По моим сведениям, тяжело трудоустраиваемых около 400 человек. Боюсь, что эти люди оказались в таком положении исключительно в результате своих крайне низких профессиональных качеств. На НТВ работают 500 человек, на ТВ-6 — 400. Почему же, позвольте узнать, на 1-м канале счет должен идти на тысячи?

— *Как Вы относитесь к шуму, поднятому СМИ вокруг останкинской проверки?*

— Что же, телевидение — штука общественно значимая, следовательно, по поводу всего, что с ним связано, шуму всегда будет предостаточно. А вот другие телеканалы, как мне кажется, напрасно пытаются обострить ситуацию. У телевизионщиков вполне достаточно общецеховых интересов, чтобы искать единства, а не конфронтации.

Вообще, я думаю, что господа, старательно раскручивающие эту историю и нагнетающие вокруг нее страсти, совершенно зря забывают известную притчу о черепахе и скорпионе, уговорившем черепаху перевезти его через реку и в самом конце пути ужалившем свою перевозчицу. Черепаха погибла, но ведь и скорпион утонул. Что-то уж больно много развелось таких живущих одной минутой амбициозных скорпиончиков.

№ 43

«ВЛАСТЬ — НЕ ЦЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ, НО И ДЕМОКРАТИЯ — НЕ МИШЕНЬ ДЛЯ БОРЮЩИХСЯ ЗА ВЛАСТЬ»

Российские вести, 23 ноября 1995 г.

Предвыборная ситуация в России¹ напоминает предгрозовую: в атмосфере происходят непрерывные изменения, накапливаются заряды, меняются направление и сила ветра, а все участники масштабной драмы с тревогой поглядывают на небо...

Однако сомнения и тревоги связаны не только с тем, будет ли «гроза» — то есть выборы — или не будет. Главное беспокойство существует по поводу того, что нас ожидает потом. Разрядится ли общественная атмосфера? Будут ли в новом парламенте адекватно представлены политические силы современной России? Или разочарованный избиратель проголосует за «партию реванша», что усугубит общественную ситуацию, поскольку столкнет силы, ведущие страну по пути реформ, с теми, кто хочет остановить это движение

или повернуть его вспять. Сегодняшние прогнозы противоречивы, но нельзя не заметить, что общество исподволь приучают к мысли, что демократическим, реформаторским силам рассчитывать на успех на парламентских выборах не приходится.

Так ли это? Что думают по этому поводу сами демократы? «Российские вести» провели заочный «круглый стол» лидеров известных демократических объединений, попросив их ответить на следующие вопросы.

1. Существует убеждение, что перевес голосов в Государственной думе второго созыва будет у партий левой ориентации. Разделяете ли вы это предположение? На какое количество голосов, по-вашему, могут рассчитывать избирательные объединения демократической ориентации? Если демократы не смогут объединить свои силы в избирательной кампании и создать достаточно сильную коалицию в Думе, что и каким образом они могут сделать, чтобы противостоять угрозе пересмотра Конституции РФ и свертывания реформ?

2. Как Вы относитесь к идее созыва Конгресса демократических сил? Какими могут быть его цель и результаты? Наиболее удобная, с Вашей точки зрения, дата его проведения?

С ответами наших собеседников читатель может познакомиться на 2-й странице газеты. Не будем их комментировать, отметим лишь, что позиции демократических лидеров расходятся не так далеко, как можно себе представить исходя из того факта, что они предпочли идти на выборы в Госдуму не единым блоком, а порознь. Главное — они едины в том, что противостоять реваншу можно лишь совместными усилиями не только последовательно демократических организаций, но и всех политических сил, приверженных идее общественного согласия и видящих будущее России не в возврате к прошлому, а в формировании новых, прогрессивных политических, экономических, правовых и гражданских институтов.

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ,

Партия социальной демократии:

1. При всей сложности ситуации я все-таки не считаю неотвратимой победу на парламентских выборах правых сил (я не могу называть «левыми» большевиков, будь это неоккоммунисты, ЛДПР, аграрии и другие примкнувшие к ним, поскольку они контрреформаторы, следовательно, «правые»). Действительно, опросы показывают усиление их влияния. Но иногда создается впечатление, что у нас начинают покупать уже не опросы, а сразу результаты. Хотя, надо смотреть реальности в глаза, за последнее время немало сделано, чтобы усилить их позиции — прежде всего тем, что проигнорирована (а по сути дела — провалена) социальная программа. У демократии нет другой цели, кроме человека, его благосостояния. Все остальное — методы, подходы. Демократы же, к сожалению, больше заняты игрой во власть, а не этой главной целью. На обочине оказались врачи, учителя, наука. Какой-то позитив в отказе от повального финансирования есть — отпадает серость, и слава Богу. Но ради этого нельзя же губить все остальное. Большевики, кстати, очень умело используют этот козырь.

Иногда говорят: здравый смысл победит. Я тоже верю в разум людей, но ждать, что он возобладает сам собой, — скорее иллюзия, чем реальность. К сожалению, непонятно почему, но демократы встали в оборонительную позицию. Информационная политика в прессе и особенно на телевидении, по-моему, тоже благоприятствует оппозиции. Получается, что мы своими

руками прокладываем путь в «светлое вчера». Демократы обязаны преодолеть раскол, переступить через личные амбиции. Объединяться в Думе, находить общие позиции по принципиальным вопросам...

Если же не удастся создать противовес антиреформаторам в Думе, остается надежда на Президента. У него достаточно силы и влияния, чтобы не допустить отката назад. Если начнется атака на Конституцию, попытки национализации, свертывания реформ, милитаризации — надо добиваться переизбрания парламента. Не должно свершиться предательство по отношению к народу, как это произошло в 1917-м году...

2. Активность демократических сил сильно упала. Впечатление такое, что многие боятся идти в аудиторию, не умеют разговаривать с людьми. Словно заранее согласились с тем, что противники победят. Но ведь это неправильно! Надо разговаривать, надо действовать. Поэтому я за то, чтобы провести Конгресс демократических сил. Он необходим и для того, чтобы мобилизоваться самим, и чтобы дать сигнал обществу: демократы не сдались, они продолжают борьбу.

Что до сроков проведения, то вряд ли это получится сейчас. В первой декаде декабря мы надеемся провести Конгресс антифашистских сил, это тоже очень важная акция — нужно обозначить, с кем мы не идем. А демократический конгресс надо будет провести для того, чтобы собрать все реформаторские силы. Я думаю, это удастся².

№ 44

МЕЖДУ ГОРБАЧЕВЫМ И ЕЛЬЦИНЫМ

Собеседник, № 42, ноябрь 1995 г. Беседу вели Л. Усова, А. Максимов.

Замечательный поэт Александр Кушнер сказал однажды и навсегда: «Времена не выбирают, в них живут и умирают». С поэтом спорить — занятие бессмысленное, однако каждый из нас в том огромном, подминающем под себя социальном времени хочет создать свое маленькое, но отдельно текущее время. Свобода — это, наверно, и есть возможность создавать свое время. Александр Николаевич Яковлев всегда ощущался человеком свободным: и от сплетен, и от всякого рода «указивок», а подчас и от своего времени. Один из архитекторов перестройки, человек, во многом благодаря которому наша пресса стала свободной, политик, которого, кажется, одинаково уважают и Ельцин, и Горбачев, и, наконец, просто мудрый русский мужик... Нам кажется, что в нашем сумасшедшем времени он всегда строил свое — строил спокойно, уверенно, без истерик. Вот о временах Александра Яковлева и поговорим...

ВРЕМЯ ПУБЛИЦИСТИКИ

— Александр Николаевич, Вас называют «отцом гласности». Объясните, что это за дитё родилось у нас, выросло, и теперь никто не знает, как с ним справиться? Не кажется ли Вам, что в прессе жизнь наша подчас выглядит куда хуже, нежели она есть на самом деле, — почитаешь газеты, и жить не хочется совсем...

— Может быть, я преувеличиваю, но вижу причины того, о чем вы справедливо говорите, в ощущении бесправия, которое сидит у нас в генах.

Генетически мы — рабы. Россия всегда была бесправной, бесправной во многом и остается. Мы привыкли, что закон — это начальник, и привычка сия имеет глубокие корни. Сегодня в средствах массовой информации происходит поиск личной компенсации за счет других. Журналистика — это когда пишут о людях и явлениях. Прежде всего — о людях. А читаешь сегодня некоторые статьи — пишут про себя, а о человеке, про которого материал, — так, между прочим. Это же психология раба, которому предоставили какие-то возможности. Я, знаете ли, убежден: человеку, прежде чем стать журналистом, надо прочитать где-нибудь в газете о себе жуткую, оскорбительную клевету... А потом, пожалуйста, становись журналистом... У меня у самого была такая история. Когда я еще был начинающим журналистом¹ — меня послали писать про одну бригадиршу в совхоз. Она оказалась действительно достойным и интересным человеком, и я написал о ней целый подвал. А он по каким-то газетным обстоятельствам провалялся два месяца. Когда же он вышел — я был вне себя от счастья. И вдруг звонит эта бригадирша и рыдает... Я удивился: материал вроде положительный... Оказалось: у меня в материале была одна строчка про то, как она идет по деревне и держит за руку своего сына. Так вот, за то время, что статья лежала в редакции, ребенок у нее погиб под трактором... Для меня этот случай стал уроком на всю жизнь... А сегодня журналисты используют людей, как сырье для своих умных рассуждений. С сырьем, как известно, можно не церемониться. Читаю где-то: по слухам, у имярека три жены. Пишет автор и не думает, что строчка эта может разбить семью, искалечить жизнь. По человеческим душам к славе идут рабы...

Может быть, и стоит прислушаться к тому, что говорит человек, во многом благодаря которому сегодняшние журналисты имеют возможность быть такими смелыми? Впрочем, призывы, как известно, приятны в основном не тому, кто их слушает, а тому, кто говорит. Перейдем к следующему времени, которое вызывает очень много вопросов...

ВРЕМЯ ТЕЛЕВИДЕНИЯ

— Моя точка зрения: государственного телевидения вообще не должно быть. Зачем? Правительства, всякие иные государственные органы могут издавать какой-нибудь листочек, в котором сообщать о своих указах. А все остальные СМИ должны находиться в руках журналистских объединений.

— *Это все очень хорошо для цивилизованной страны с победившей демократией. В России же идет холодная — и не только холодная — война. Неужели Ваши друзья-демократы не понимают: если бы на 1-м канале было больше талантливых передач, которые бы не бесили, а успокаивали людей, на выборах демократы имели бы и большие шансы?*

— Вы правильно говорите, и мое первое выступление в мой первый рабочий день в «Останкино» я начал с того, что сказал: хочу, чтобы ТВ было добрым. И что? Не помню газеты — именно демократической, а не какой-нибудь «Правды» или «Сов. России», чьи мнения меня давно не интересуют, — которая бы не напала на меня. Бывший член Политбюро возвращается к комплиментарной работе, на телевидении возрождается цензура. По поводу чеченских событий² первому каналу все время ставили в вину, что мы, мол, что-то замалчиваем. На самом же деле мы показывали все то же самое, что и другие, но с одной разницей: не демонстрировали один и тот

же труп три дня подряд. Может быть, это чисто субъективная точка зрения, но я — фронтовик и помню, что когда мы, мальчишки, шли в бой — не думали о том, что нас убьют, а думали о том, что будет с мамой, когда она получит похоронку. О мамах я и думал, когда показывали передачи о Чечне. Я понимал, что должен испытывать мать, глядя в течение трех дней на труп своего сына. А мне говорили: это приглаживание. Ишь, нашли какую благодатную почву: на трупах свою яркость и незаурядность показывать...

— Скажите, что мешает показывать в смотрительное время добрые, душевные, талантливые передачи?

— Деньги. Когда я соглашался на предложение Ельцина пойти работать в «Останкино»³, мне захотелось изнутри пощупать, где там сердце, где мозг, а где селезенка... Пощупал... К ужасу своему убедился, что власть, которая называет себя демократической, в своем отношении к телевидению мало в чем изменилась. Раньше ТВ было комплиментарным по отношению к власти — и за это платили деньги. Сейчас у власти ощущение, что она постоянно натывается на неодобрение своей деятельности, — зачем же за это деньги платить? Вот государство не платит или платит мало, и тут же, конечно, находятся другие охотники заплатить... Говорю, перестаньте показывать низкопробные фильмы какой-нибудь американской студии. Мало того, что они просто плохие, так они еще и несут убийство, грязь, страх нагнетают. А мне приносят договор, заключенный аж до 2005 года. Договор этот заключили люди, которых в «Останкино» уже нет — я их выгнал, более того: я знаю, как заключаются такого рода договоры. А изменить что-либо очень трудно. Мне удалось добиться суда, который должен признать, что ОРТ не является преемником «Останкино»... Но вообще, если выполнять все договоры, заключенные за взятки, мы бы с вами с утра до вечера смотрели, как убивают и принимают наркотики.

— Такая безнадега на I-м канале, что уж и сделать ничего нельзя?

— В «Останкино» сделать было ничего невозможно просто по определению, об этом много говорили все его руководители — не хочу повторяться. На ОРТ можно, мы пытаемся, только не надо требовать от нас результата немедленно. ОРТ должно встать на ноги.

— Вы сказали о руководителях «Останкино», и сразу вспомнилось, что всех, кто приходил на первый канал — и Вас в том числе, — обвиняли в непрофессионализме, в незнании телевизионной специфики. А что это вообще такое: профессиональный руководитель телевидения?

— Профессиональный руководитель ТВ — он что, монтаж должен знать или то, как камера работает? Нет. Уметь сценарии писать? Нет, конечно. Нужно просто не быть идиотом и уметь видеть людей — вот и все, и весь «профессионализм».

— А что можете сделать конкретно на телевидении Вы?

— Я не могу поставить в эфир понравившуюся мне передачу единоличным решением, но я могу собрать Совет директоров... Так, недавно мы восстановили программу «Монолог» — ну надо же, в конце концов, дать интеллигенции возможность хотя бы в течение десяти минут говорить о том, о чем говорить ей кажется важным. Восстанавливаем передачу Юрия Черниченко «Сельский час». А так... «Иванов, Петров, Сидоров» сняли без моего согласия. Я сам договаривался с Евгением Евтушенко о телепрограмме по его «Антологии поэзии», недавно узнал, что ее тоже не будут показывать по первому каналу — не исключаю, что по финансовым соображениям. Я знал

с самого начала, что работа во главе «Останкино» — кратчайший путь к потере репутации, но я не верил во взяточничество, воровство, не предполагал, во всяком случае, что оно может носить такие размеры. Теперь убедился в этом. Придя в «Останкино», я запретил бартерные сделки. Что это такое, знаете? Я у вас покупаю фильм, но денег за него не плачу, а плачу — пять минут рекламного времени, а вы это рекламное время сами продаете. Фильм стоит две тысячи долларов, пять минут рекламы — пятьдесят тысяч. Куда делись сорок восемь? У меня твердое убеждение — жаль, что доказать не могу, — они делятся между покупателем и продавцом фильма. Когда мы создали «Рекламу-холдинг», какая поднялась буря! Еще бы! Ведь триста посредников осталось без работы. А вот «Останкино» стало получать доходов от рекламы в семь раз больше: вместо пяти миллиардов — тридцать пять. Те, у кого мы эти тридцать миллиардов взяли, и шумели больше всех.

— Александр Николаевич, настанет ли такое время, когда человек, забыв про все, будет мчаться домой, чтобы посмотреть 1-й канал телевидения?

— Если это произойдет, я буду самым несчастным человеком. Телевидение ведь обладает одним страшным свойством — нивелировать сознание людей, уровень искусства. Я мечтаю о том времени, когда человек будет спешить домой за тем, чтобы перечитать Сервантеса, Шекспира, Лермонтова, Гоголя, а не за тем, чтобы кнопки нажимать.

ВРЕМЯ ПОЛИТИКИ

— Раз Ваша партия⁴ принимает участие в выборах, значит, Вы рассчитываете на победу. Извините, а что позволяет Вам на нее рассчитывать?

— Если честно, я ни на что не рассчитываю. Просто решил оформить то, что давно хотелось сделать. Еще на XXVIII съезде КПСС⁵ я хотел уйти из компартии и строить социал-демократическую партию. Потому что путь реформ — это путь не революций, а социал-демократии. Но Горбачев уговорил меня этого не делать: мол, рано, погоди, потом. Я не проявил характера, поддался на эти уговоры. Если бы я оказался тверже и решительней — жизнь в стране могла бы пойти совсем по другому пути. Ну да что теперь... Вот решил завершить начатое. Рассказал Ельцину — он поддержал. Мы вошли в блок с Гайдаром, Черниченко, Руденко-Десняком... Надеемся, что вместе нам удастся миновать пятипроцентный барьер. В конце концов, должен же в Думе хоть кто-нибудь говорить спокойным, интеллигентным языком, не участвовать в драках и мордобое...

— Явлинский так себя ведет...

— Я высоко ценю Григория Явлинского, но и в него заползла уже бацилла лидеромании. А я считаю, что политик — это не тот, кто стремится к власти, а тот, кто способен подать в отставку. И для себя считаю это законом. Мне же предлагали на XXVIII съезде стать замом Горбачева — я отказался, и в Политбюро отказался вводиться. И сразу же оказался нигде. Указ о том, что я нигде, получил в десять утра, мне тут же позвонили и сказали, что в 11 утра я должен освободить госдачу (на которой я, кстати, ни разу не был), а чтобы доехать до дома, мне пришлось одалживать машину у Примакова. Политика, конечно, очень жестокое дело, но уходить надо уметь.

— С кем Вы поддерживаете сегодня более близкие отношения — с Горбачевым или Ельциным? Ну, скажем, кого из них зовете на день рождения — нам почему-то кажется, что вдвоем они вряд ли за один стол сядут?

— Видите ли, я — все-таки кошка, которая гуляет сама по себе. В этом моя ущербность как политика. С Горбачевым у нас нет никаких общих дел, и отношений мы практически не поддерживаем. С Ельциным нормальные, деловые отношения, проблем с тем, чтобы в случае необходимости попасть к нему, — у меня нет. Что до дней рождения, то я на них никого не приглашаю. Люди сами приходят. Если хотят.

— *Ну хорошо, поставим вопрос иначе: какой тип политика Вам ближе: Ельцин или Горбачев?*

— Мне оба ближе, пока они придерживаются политики реформ... Еще раз могу сказать: с Ельциным у меня хорошие, взаимоуважительные отношения. Он помнит, какую я занимал позицию, когда его травили, знает, как меня прорабатывали на Политбюро за то, что мы с ним к празднику обменялись открытками... Но я вижу и многие его просчеты, а кое-что вообще отказываюсь понимать. Куда, например, делись деньги, которые раньше тратились на помощь Африке, арабскому Востоку? Куда пролился весь этот золотой дождь, казавшийся неисчерпаемым на заре перестройки? Куда делись деньги, ранее шедшие на милитаризацию? Где деньги, шедшие на армию, — ведь она сокращена? Конечно, я не могу понять, как могла произойти Чечня... Не знаю, как от других, но от меня Борис Николаевич может выслушать все, даже самое нелицеприятное. И когда я хочу сказать покруглей, смягчить — он быстро все переводит на язык родных осин. Я убежден, что Ельцин понимает обстановку в стране. Когда сегодня говорят, что, мол, надвигается диктатура Ельцина, железная рука, — мне кажется, что это совсем не так, мне, наоборот, представляется, что Ельцину надо быть жестче, в рамках закона, разумеется.

— *Вы будете баллотироваться в президенты России?*

— Будь мне поменьше лет, я бы в конкретной, сегодняшней ситуации согласился наняться в президенты, потому что ощущаю личную ответственность за судьбу реформ и их деформацию. Я Вам так откровенно об этом говорю, потому что это совершенно нереально, это даже можно посчитать старческой занудливостью и бредом.

ЛИЧНОЕ ВРЕМЯ

— *Благодаря чему Вам удастся сохранять чувство собственного достоинства, что, скажем прямо, не у всех политиков Вашего ранга получается?*

— Банально отвечу: детство, родители. Моя мать была абсолютно неграмотным человеком, не умела ни читать, ни писать, всего два месяца в жизни ходила в школу. Отец был образован — окончил четыре класса, и у меня до сих пор хранится Евангелие, подаренное ему учительницей за примерную учебу. Они были очень мудрые люди, с потрясающей, здоровой интуицией. Когда в 1941 году я прочел отцу сообщение ТАСС о том, что никакой войны с фашистами не будет, он вздохнул и сказал: «Все, Санька, быть войне». Хрущев ему поначалу понравился, он даже повесил его портрет, а когда тот стал у крестьян отнимать коров — чтобы догнать и перегнать Америку, — портрет со стены снял и говорит: «Всё — разорение будет». У мамы в жизни было две категории: хорошо и нехорошо. Когда ее спрашивали: «Агаша, ты чего в церковь-то ходишь? Донесут, и у сына — партийного работника, у меня то есть, — неприятности будут», она отвечала: «Нехорошо в церковь не ходить». И меня крестила, и внуков, потому что крещеный — хорошо, а некрещеный — нехорошо.

— *А Вы сами верите в Бога?*

— Нет... То есть я верю, но сам не знаю во что. Я ближе к той идеологии веры, которая считает, что между Богом и человеком не должно быть посредников: ни попов, ни церквей.

— *Вы верите в то, что человеку в конце концов воздастся за все: и за грехи, и за жизнь праведную?*

— Жизнь кончается здесь. И грехи, и благородные поступки умирают вместе с нею. Я не вижу логики в том, чтобы человек возродился в любом качестве.

— *У Вас очень много врагов. Вам не страшно?*

— Да меня приучили не бояться. Трижды уже ставили к дверям похоронный венок, звонят с угрозами по телефону, матом ругаются. За семью больно: за жену, детей, внуков — они очень волнуются за меня. Помню, в 1991 году⁶, когда несколько машин КГБ стояло во дворе моего дома, мой девятилетний внук Сережа привесил к дверям все, что звенит: колокольчики, гвозди, железки всякие и сказал: «Дедушка, теперь, если кто идти будет — ты обязательно услышишь...». Спасибо, говорю, Серега. Позаботился о деде.

«Времена не выбирают?» Оно, конечно, правильно. Только слава Богу, что есть люди, которые времена делают. Время — ведь не только для того, чтобы в нем жить и умирать. Оно еще и для того, чтобы с ним сотрудничать, делать его, создавать.

№ 45

«Я С ТЕМИ, КТО ЧЕСТЕН ДО КОНЦА»

Открытая политика, № 7 (9), ноябрь 1995 г. Беседу вел Б. Генералов.

Передо мной сидел человек, известный некогда всей стране. Он мало изменился внешне. По-прежнему основателен, нетороплив, в разговоре, как истый волжанин, заметно упирает на «о». По-прежнему внимателен и цепок взгляд его темных, смотрящих прямо на собеседника веселых глаз. В какой-то момент даже показалось, что на дворе снова середина или конец 80-х и все вокруг на десять лет моложе, всё живет в напряженно-радостном ожидании перемен, связываемых, как думалось тогда, с несколькими личностями, чудесным образом вдруг оказавшимися у кормила государственной власти. Одним из таких людей — компетентным, демократичным, интеллигентным — и был А.Н. Яковлев.

— *Скажите, Александр Николаевич, Вы по-прежнему уверены в правильности того, что делали, когда стояли у истоков преобразований в стране? Или, может, сожалеете, сомневаетесь, корите в ошибках других и себя?*

— Да, разумеется, уверен в необходимости того, что происходило в стране на рубеже 1980—1990-х годов. Хотя перестройку вспоминают сейчас не иначе как походя. А ведь там все корни наших взлетов, падений и надежд. Страна стояла на краю катастрофы: коротка же людская память! Согласен, многое делалось не так, не в той последовательности. Жестче, решительнее, вероятно, следовало бы осуществлять демократические преобразования в сфере культуры, науки, информации, не надеяться на пробуждение совести у тех, кто открыто пошел в бой против курса на свободу и глас-

ность. Это была ошибка, прежде всего моя. Совести у большевиков не обнаружилось.

— *Довольно странно уповать на то, чего не могло быть в принципе.*

— Но мы мечтали и о том, чтобы покончить со смертоносным ядерным противостоянием, с гонкой вооружений и «холодной войной». И мы добились этого. Мы мечтали о свободе слова. И мы добились этого. Мы поставили своей целью сделать невозможными любого рода политические репрессии. И мы добились этого. А кто прекратил преступную афганскую войну¹?.. Так что есть кое-что и в активе. И не только это... Мой нелегкий опыт авось кому-нибудь пригодится в нынешней обстановке.

Сейчас я возглавляю Комиссию при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. Она негромко, но методично продолжает дело той, что работала с конца 1987 года² и вернула доброе имя более чем миллиону человек. Занимаемся участниками многочисленных восстаний (их было гораздо больше, чем разрешалось знать) против большевистской власти, проходивших в 20-е годы на Тамбовщине, в Поволжье, на Дону, в Западной Сибири. Вскоре опубликуем материал по террору против духовенства. Закончим с этим пластом реабилитации, будем раскапывать следующие. Например, судьбу министров Временного правительства. Историю надо восстанавливать — и дальнюю, и самую ближнюю, перестроечную. Другая моя, так сказать, ипостась — круг обязанностей, связанных с Советом директоров Общественного российского телевидения, где я также председатель³. Работа нелегкая и далеко не благодарная, особенно если иметь в виду нынешнюю ситуацию, избирательную кампанию и мои политические убеждения.

— *Не видите ли Вы здесь противоречия?*

— ОРТ — уже не государственный канал. Государство (хотя и имеет 51 % наших акций) денег дает мало, а стало быть, ссылки на налогоплательщиков, среди которых, конечно, есть сторонники всех идущих на выборы блоков и движений, некорректны. Поэтому строго под диктовку, я надеюсь, мы работать не будем.

О нашем своеволии речи нет. Разумеется, откровенным фашистам эфир не предоставим. Но все партии сколько-нибудь демократической ориентации получают равные возможности. И надо сделать все, чтобы были забыты мелкие разногласия, обиды, — пора, пора объединиться, пора начать думать о России, а не только о собственных амбициях. Неприятие реформ, разочарование, озлобление людей на руку реваншистам. Механизмы управления остались, по существу, нетронутыми. Отчуждение граждан от власти, несмотря на декларированные свободные выборы, не преодолено. Человек боится брать ответственность за собственную судьбу, он продолжает мифологизировать власть. Главное, что дает мне силы жить и действовать, это то, что все сопутствующие проблемы увязаны в моем сознании с одной кардинальной проблемой: сегодняшнее и будущее страны. Дело не в том, кто будет у власти — хороший, плохой, даст ли сразу дешевую колбасу или повременит чуток, — но с какими идеями придет человек, какую политику, конкретную программу предложит, сумеет ли ее выполнить. Вот что волнует. И потому все как бы сцеплено, все работает на это — и поездки мои, встречи с людьми, дела партийные, лекции и семинары за рубежом. В прошлом году книжку издал в родном Ярославле. Называется «Горькая чаша»⁴.

— «Горькая чаша» — это «чаша» Яковлева, политика времен перестройки, или это итог жизни в целом? Все нападки на Вас, обвинения во всех смертных грехах не могут, вероятно, не рождать подобного ощущения? Кстати, почему Вы так ни разу не подали на обидчиков в суд?

— Думаю, что для всех много проживших и повидавших людей жизнь — это горькая чаша. Только у всех разная, разный настой и разный осадок, так сказать. Что же до суда... Не обращался. Видите ли, человек я крепкий, фронтовой закваски. Друзья, конечно, советовали — ведь многих борзописцев знаешь, и фамилии их, и от какого ведомства деньги получают, что ты, мол, терпишь! А кто говорит, что терплю? Это же цирк! Если на все обращать внимание, на пустяки да глупости, нервы не выдержат. Газет в последнее время почти не читаю. Только избранных авторов. То, что сейчас называют журналистикой, зачастую только развращает и пишущих, и читающих. В лучшем случае какие-то намеки на мысли; читаешь-читаешь, думаешь, что что-то там есть, а кончил — ничего нет... словесные фокусы да отсутствие вкуса и такта. Оппонентов — дураками изобразить, а себя непременно умным.

— К политикам это тоже относится. Этаким появился жанр безответственной болтовни — бестолковой, бессмысленной говорильни.

— Вы правы. По пальцам можно пересчитать тех, в выступлениях которых присутствуют логика, объективность, конструктивное начало. А там, где, закусив удила, чешут «правду-матку», политикой и не пахнет. Вспоминаю слова, сказанные Чеховым не по адресу политика, а по адресу коллеги по перу — Леонида Андреева: какой он писатель — он скорее помощник присяжного поверенного. А в другом месте — еще хлеще: искусственный соловей. Вот и у нас многие деятели, норовящие оказаться перед съемочной камерой, — тоже какие-то искусственные. Пыжатася, делают вид, что играют, так сказать, с самой историей, а карты-то крапленые... Обратите внимание, наши нынешние руководители — не политики, а скорее политологи; делают умные лица, ищут свой образ, будто звезды экрана какие; без конца все что-то анализируют, «ученость» так и льется с языка.

А пора работать, просто честно работать. Почему-то мне кажется — рано или поздно все это пройдет. Лишь бы нам всем чувство юмора не потерять.

— Когда Вас из центрального аппарата КПСС отправляли в почетную ссылку в Канаду⁵ — юмор помог?

— Почти четверть века назад это было... А знаете, между тем отдаленным событием в моей жизни и нынешними выдумками, клеветами существует определенная связь. И тут уж не до юмора. Тогда, в 1972 году, будучи фактически заведующим отделом пропаганды (заведующего не было 4 года, а меня не утверждали, и правильно делали), я опубликовал в «Литературной газете» статью «Против антиисторизма». Конечно, была она достаточно марксистская — другая и не могла быть напечатана в то время. Но в традиционно-ортодоксальную одежду я упаковал нечто очень важное для меня (и весьма, как оказалось, неудобное для руководства). Так, говоря о журнале «Молодая гвардия» и о некоторых других подобного направления изданиях, я говорил, по сути, о нарастающей опасности великодержавного шовинизма, антисемитизма, местного национализма. Помню, Чаковский, главный редактор «Литературки», прочитав рукопись, сокрушенно покачал головой — поостерегся бы, мол. Я сказал — печатай, а там будь что будет. Он и тиснул. К сожалению, статья оказалась во многом пророческой. Потом меня отпра-

вили на 10 лет послом в Канаду. Это и была, как тогда говорилось, «почетная ссылка». Но нет худа без добра — она спасла меня и как личность, и как политика: увяз бы я в том болоте по самое некуда.

— *В чем Вас конкретно тогда обвиняли? И кто?*

— Обвиняли шовинисты, «великодержавники», те, кто толкал страну обратно к сталинским порядкам, кому не по нутру был воздух «оттепели». Те самые, кто у нас и в последующие годы дебольшевизации выступал против реформ, включая и «автоматчиков» из литературной среды.

Поучаствовали в тогдашней вакханалии и некоторые руководители республик (Узбекистана, Украины), наперегонки бросившиеся демонстрировать свою лояльность «старшему брату», которого, мол, смертельно обидел какой-то космополит и русофоб. Особенно преуспел в этом Шелест, первый секретарь ЦК Украины, фигура, надо заметить, пренеприятнейшая. А пророческой я считаю ту статью потому, что уверен: в разжигании национализма, ксенофобии во всех ее формах и на всех уровнях, а значит, и в хаотическом развале Советского Союза, первую скрипку сыграли те, кто и тогда, и сегодня рядится в кафтаны национальных патриотов. На самом же деле — не имеющих и не могущих иметь к патриотизму ни малейшего отношения. Боюсь, что накличат они еще новые беды на Россию.

— *Судя по всему, определенное число голосов избирателей им обеспечено.*

— Несомненно. А вот демократические лидеры и партии непозволительно долго раскачиваются, медлят: то ли боязнь проиграть, змея пораженчества, то ли просто лень.

— *Если вспомнить советские фильмы о революции — сколько же у большевиков было агитаторов, рядовых пропагандистов. На каждой фабрике, заводе, в солдатских частях...*

— Так и было на самом деле. А пошли сейчас кого-нибудь из демократов на улицы, в гущу самую — не знаю, что из этого получится... Вот, по нашей исконной привычке, нашли нового «козла отпущения» — Гайдара. Без этого мы не можем. Не себя же обвинять. Хотя в глубине души многие понимают, что тот шаг Гайдара в принципе стратегически был верным⁶. Но вот предусмотреть какие-то смягчающие механизмы, сделать что-то в социальном плане, конечно, было необходимо. Не сделали. И людям это трудно забыть; а объяснить — тоже не объяснили. Ностальгия по дешевой колбасе способна затмить собой и вытеснить из сознания очень многое, даже воспоминания о пустых прилавках, когда угроза голода была действительно реальной. Вообще, нищета для нашего народа — понятие не абстрактное: старшее поколение хорошо с ней знакомо, не понаслышке. Бывало, пацаном идешь с отцом, валяется гайка, он поднимает — и в карман. Пригодится... Обыкновенная гайка. Дома мясное мать варила только по праздникам, а кроме меня, еще три сестренки малолетние были. Так что мясом не избалованы...

Однако, как говорится, не хлебом единым. Видят уже люди, что к чему. Прозревают помаленьку. Вон, обожглись на Жириновском, теперь, как бы ни менял он свой имидж, какие бы реверансы ни отшивал властям, какими бы деньгами ни сорили его предвыборные эмиссары, — уверен, прежнего числа голосов он не наберет.

— *А как Вы, Александр Николаевич, вышли из коммунизма, когда, как произошло ваше прозрение, или так вот вдруг, в один день поняли?..*

— Все гораздо сложнее. В ряды ВКП(б) вступил в войну. Служил в морской пехоте на Волховском фронте. Там было одно. А в 1946-м не раз видел

рыдающих женщин, надеявшихся среди наших бывших пленных, которых гнали через станцию Всполие в Ярославле в советские лагеря, встретить мужа, брата, отца; и падали из вагонов бумажные комочки с нацарапанным именем и адресом семьи. Это уже совсем другое. Нечто запредельное. Удар безжалостный, жестокий. Во многом благодаря этому чудовищному сталинскому преступлению, да и последующим прокатившимся катком по народу-победителю репрессиям — к концу 40-х годов страх в стране стал всеобъемлющим, абсолютным.

Потом был XX съезд, закрытый доклад Хрущева⁷... Хорошо помню, какой силы был удар по сталинизму и... человеческому сознанию. В этой обстановке решил уйти на учебу⁸ (а такой уход из ЦК по тем временам дело необычное); заново, уже незашоренными глазами, штудировал классиков марксизма, делал для себя выводы... Конечно, не в открытую, но старался поменьше говорить и речей произносить. А как иначе?.. Я и сейчас убежден, что начинать реформацию можно было лишь при условии, что ты находишься внутри, в святая святых партийной номенклатуры. Борьба же с нашей системой, как Солженицын, Сахаров, — весьма благородное дело, но практическая польза от этого весьма относительна. Поручить в лоб систему было нельзя, ее можно было только обмануть и взорвать.

Поймите меня правильно. Речь идет не о принижении масштаба тех или иных личностей, но о реальной возможности влиять на государственные и партийные структуры, постепенно, исподволь подготавливая почву для реформ и сами реформы. Конечно, тут возникает этическая проблема. Ведь дело-то не в том, в какой обстановке находиться, а в том, чтобы, находясь в самом горниле — в ЦК и Политбюро, — стараться не испоганиться, не подвергнуться порче.

— *То, что Вы оказались в Праге в 1968 году⁹, подтверждает эту мысль?*

— С одной стороны, да, с другой — не совсем. Послали меня в Чехословакию уже после того, как вошли туда войска; группу ЦК возглавлял один из тогдашних руководителей, Мазуров. Но через пять дней я уехал оттуда, никого не спрашивая.

— *Как? Самовольно?*

— Да. Сел в самолет и прилетел в Москву. Пригласил меня Черненко. Я дал ему следующее объяснение своего возвращения. Знаю, сказал я Черненко, что готовят замену Дубчеку. Это углубит конфликт и противостояние. Рассказал о своих наблюдениях, о накале антисоветских настроений в Праге, об обстановке, готовой брызнуть кровью. В этих условиях единственный выход — не трогать Дубчека. Он будет сотрудничать...

Позвонил мне через пару дней Константин Устинович. — Зайди к Брежневу. — Я повторил Леониду Ильичу все, что уже говорил Черненко. Разговор был продолжительный; несколько раз звонил Косыгин, говорили о Чехословакии. Брежнев по телефону отвечал как-то уклончиво, вроде того, что «надо посмотреть, взвесить» и т.д. Должен сказать, Брежнев слушал меня внимательно, что-то спрашивал, а потом произнес нечто совершенно неожиданное и странное для меня: «Спасибо, я этого тебе никогда не забуду. Только ты Косыгину ничего не говори...».

— *Очевидно, в то время какое-то несогласие у них было?*

— Что-то вроде того. Ведь на место Дубчека, как я сказал, был приготовлен другой человек. Позднее уже Александр Дубчек, вспоминая те годы, даже благодарил меня, как он выразился, «за личную поддержку». Чудеса, да и только.

— *Значит, Брежнева можно было и убедить в чем-то?*

— Смотря по обстановке. Вообще Брежнев — человек настроения — бывал разным: не любил скандалов, шума, терпеть не мог выносить сор из избы. В душе, думается, был довольно миролюбив. А что до ума — сказал же как-то, что вот и в джунглях хотят жить по Ленину.

— *Кто из тогдашних членов Политбюро был особенно неприятен для Вас?*

— Я уже упоминал Шелеста. Еще Подгорный...

— *А с Андроповым какие были отношения?*

— По-существу, никаких. Хитрый, коварный человек. Прекрасно обо всем осведомленный. Ортодокс. Всех членов партии делил на большевиков и коммунистов; причем последних не особенно жаловал, считал их потенциальными ревизионистами. Представлял себе развитие общества как упорядочение надстройки, очищение ее от грязи, ибо уровень загрязнения видел достаточно ясно. И это, как ни странно, устраивало многих в высшем руководстве: через подкручивание гаек просматривался некий шанс на выживание. На мой взгляд, весьма призрачный. Тем не менее зародились надежды, связанные с Андроповым (особенно на фоне Брежнева), надежды на маленькие шажки вперед. Говорю это к тому, что тот андроповский проект — санитарная чистка надстройки — живуч и поныне. Ну, а потом пришел Черненко, специалист по письмам трудящихся... Остальное хорошо известно.

— *Не совсем. Скажите, был ли у Горбачева, у Вас какой-то конкретный план, прежде чем начинать реформацию?*

— Я понимаю вас... Конечно, мы многое не предвидели, да и не могли предвидеть. Были стойкие иллюзии относительно того, что имеется еще возможность совершенствования социализма. Споры шли лишь о характере, масштабах, глубине этого совершенствования. Только в 1987 году мне лично стало ясно, что общество, построенное на насилии и страхе, реформировать нельзя, что мы стоим перед исторической задачей демонтажа системы, что придется столкнуться с тяжелыми последствиями такого демонтажа. Но времени и сил на политику «совершенствования» потрачено было непросто много — в результате перестройка стала пробуксовывать. Слишком разными были подходы к реформам со стороны членов Политбюро; вытекающие отсюда компромиссы крайне отрицательно сказывались на темпах и качественной стороне преобразований.

— *Как известно, своеобразным прологом к перестройке стала печально знаменитая антиалкогольная кампания¹⁰. Как Вы могли допустить такую откровенную в масштабе страны дичь?*

— Во-первых, она готовилась давно, до перестройки. Во-вторых, Егор Лигачев настаивал... Он тогда был в силе, председательствовал на Секретариатах... Некоторым из нас, в том числе и мне, все эти планы, естественно, не нравились. Рыжков Николай Иванович тоже был против, но Лигачев взял верх. Само же то постановление еще куда ни шло, а вот выполнение его, террор ЦК и аппарата были чудовищными. Выговоры сыпались направо и налево; вырубались виноградники; целые заводы закрывались... Ничего подобного в решении не было — слово «пиво» вообще отсутствовало.

— *Хорошо. А где же был Генеральный секретарь? Просвещенный Михаил Сергеевич?*

— Он, конечно, был, но ссориться по этому поводу ему, очевидно, было ни к чему. Вспомните те годы, обстановку в мире, противостояние сверх-

держав... Я и по сей день считаю, что Горбачев был прирожденный мастер международных отношений. Умел убеждать, действовал своей раскрепощенностью, открытостью. Так уж получилось, что своими лучшими качествами Михаил Сергеевич был обращен к Западу. Дипломатов насквозь видел: и тут же — грубые промахи с собственными кадрами. Один Крючков чего стоит, со всей своей лживостью и такой же лживой служебной информацией, которую он подсовывал главе государства.

— *Вы давно не общались с Вашим бывшим шефом?*

— Понимаете... Я всегда шел за ним, всегда был верен ему. И в начале, и в конце. К сожалению, Горбачев не выдерживал натиска наиболее агрессивных — и некомпетентных — лиц из руководства, дал запугать себя военным и влиятельным кругам из ВПК, пытался примирить непримиримое: демократию и централизованное руководство, рынок и госторговлю, разные течения в партии... Слишком долго верил, что партия может стать ведущей силой реформ. Понятно, он был главным — с него и спрос. А остальные? Всех нас время обогнало. И с этим фактом не поспоришь.

Знаете, когда перестройка по-настоящему забуксовала? Давайте вспомним практику смены кадров во время прихода к рулю государства нового лидера. Заменялись в первую голову руководители идеологических отделов и выходящих из них ведомств. Но «отраслевники» — те, кто курировал важнейшие министерства, кто осуществлял политику экономических приоритетов, держал в кулаке все ниточки, все связи с регионами, с поставками, с импортом и т.д., — оставались на месте. И стоило Горбачеву замахнуться на их власть, как сразу он получил мощнейшую оппозицию, продолжающую демонстрировать свою силу и влияние и сегодня, уже при Ельцине. Вот где собака зарыта, где подлинная мафия! Бессмертная наша, большевистская! Кстати, и нынешняя практика — руководители, скажем, средств массовой информации меняются, как перчатки, а «мудрецы» от экономики и другие «серьезные люди» достаточно прочно удерживают свои кресла.

— *Ваша «Партия социальной демократии» вошла в предвыборный блок Егора Гайдара¹¹. Что послужило такому сближению, альянсу опыта и молодости?*

— Гайдар порядочный человек, убежденный демократ и антифашист. Для меня, как для председателя инициативного комитета по созыву Антифашистского конгресса¹², который призван помешать приходу в Думу разнужданных и реакционных сил, эти качества моего партнера по блоку доминирующие. Гайдар единственный из нынешних (пусть и весьма короткое время находившийся у государственного руля) политиков, кто был последователен и честен до конца, не убоился того, что на него будут вешать всех чертей. Хотя с тем, как проводилась так называемая шоковая терапия, я не вполне согласен. Гайдар — профессионал. Он еще один из немногих, кто способен идти на риск, а в моем представлении это очень важное качество. Люди, подобные Гайдару и его единомышленникам, способны создавать цивилизованные, долгосрочные законы, которые будут именны законами, а не «однодневками», как сегодня. Если это еще не все понимают, завтра поймут обязательно; в противном случае последствия для страны могут стать непоправимыми. Что же касается недостатков Гайдара, то он сам о них расскажет. Мы же должны избрать не только достойных и грамотных, но компетентных и интеллигентных парламентариев.

№ 46

«НАМ НУЖНА ДИКТАТУРА. ДИКТАТУРА ЗАКОННОСТИ»

Возрождение России, 16 ноября 1995 г. Беседу вел М. Колчинский.

На вопросы нашего корреспондента отвечает кандидат в депутаты Государственной думы от блока «Демократический выбор России — Объединенные демократы»¹ Александр Яковлев.

— *Александр Николаевич, сейчас, в канун выборов², все чаще звучат опасения, что процесс демократизации в стране может быть свернут, что основное влияние на российскую жизнь будут иметь коммунисты и национал-патриоты. Вы согласны с этим?*

— Мне не хочется верить в это, но подобные опасения имеют под собой почву. Почему? Мне, даже как историку, ответить на этот вопрос нелегко. То ли действуют законы исторического цикла, то ли это неизбежность... А может, результат того, что демократы, получив несколько лет назад власть, заболели самоуверенностью, между ними начались трения и они оказались — безо всякого на то основания — разобщены, что они, в отличие от своих политических противников, пассивны, как бы уснули... Хотя это рано: уж если речь идет о ненасильственной эволюции, ненасильственных реформах, ненасильственном переходе из одного строя в другой, то надо быть до конца и решительными, и последовательными.

— *Были ли, с Вашей точки зрения, ошибками перестройка, провозглашение приоритетными общечеловеческих ценностей, гайдаровские реформы, Беловежское соглашение, ликвидация Советов? Или это были те самые «благие намерения, которыми вымощена дорога в ад?»*

— Вы столько много вместили в один вопрос, что однозначно тут не ответишь. Нет, перестройка не была ошибкой, это был единственный, хотя и запоздалый выход из той ситуации, которая сложилась в стране. Когда-то надо же было расстаться с тоталитарным режимом. Только лучше было это сделать не взрывом, а эволюционным путем, через тоталитарную партию. Вот в этом весь фокус нашей перестройки: используя дисциплину партии, ее четко отлаженный механизм, направить ее в сторону реформ. Учитывая, что все то, что происходило в стране в последние десятилетия, всем надоело, многие бы на это пошли. Значительная часть партии, ее рядовых членов, была готова к реформам. Не были к ним готовы партийные чиновники, партийный и государственный аппарат, армейский генералитет. К сожалению, судьба перестройки во многом решалась именно ими. И тем не менее перестройка была великим поворотом истории, это был правильный шаг.

Общечеловеческие ценности... Ну надо же было нам когда-нибудь быть людьми, а не массой. Да и ничего нового в этом нет. Общечеловеческие ценности — это в значительной степени и христианские ценности, о чем почему-то забывают их противники. Все это давным-давно прописано в Библии. И на ранних этапах развития были и христианский социализм, и наивный социализм со всеми этими ценностями — добро, справедливость, равенство, милосердие, не убий, не укради... Все это было, зачем же нам от этого отгораживаться, превращаться в зомбированных людей? Мы и так достаточно зомбированы. Ведь что делает сейчас вырвавшийся из-под пресса гнета, пресса страха хам, воспитанный за последние десятилетия! Да, впрочем, и раньше над нами немало поработали... Ведь все дело в том, что тысячу

последних лет Россией правили не законы, а личности. Нам нужна единственная диктатура — это диктатура законности.

Неоднозначное отношение у меня к гайдаровским реформам. Они были плохо подготовлены, это несомненно. Если бы на рынок, одновременно с либерализацией цен³ поступили бы земля, жилье, средства производства, иностранные инвестиции, да еще в условиях конкуренции, — все пошло бы намного легче. И все-таки нельзя говорить о провале реформ. Один из положительных результатов их заключается в том, что мы в конце концов начали понимать, что есть деньги, что их надо зарабатывать. И самое главное — рано или поздно, но реформы все равно надо было начинать. У Гайдара хватило самоотверженности и риска на это, за что он теперь и расплачивается. Грустная участь всех реформаторов. Лишь потом когда-то, часто уже и без них, начинают говорить: «А ведь правильно мужики делали...».

Беловежские соглашения... Я и тогда, и сейчас считаю этот шаг неправомерным, неправильным. Он был подготовлен националистическим нутром всех этих большевиков на местах, местных шовинистов-патриотов, радовавшихся удобному моменту растащить страну и получить неограниченную власть. Ведь какая это сладость — власть! За границей салютом встречают, ковры к самолету кладут, честь отдают... Этого хотелось и господину Кравчуку, и господину Кебичу. А среднеазиатским лидерам — тем более. Разумеется, Советский Союз должен был быть трансформирован в свободную, добровольную конфедерацию с единым экономическим, оборонным, экологическим и прочим пространством. Разумеется, республики должны были получить значительную самостоятельность. Но не путем вот такого внезапного, стихийного самороспуска.

Такое же отношение у меня и к Советам. Я всегда был за то, чтобы они функционировали, хотя и на другой основе. Однако с уходом с политической арены КПСС Советы стали превращаться в новую партию. Вспомните Верховный Совет Российской Федерации — практически это стала партия Советов, причем партия, оппозиционная реформам, демократическому преобразованию страны. Если бы Советы поддержали реформы — пусть бы существовали себе на здоровье. А сама ностальгия по слову «Советы» мне непонятна. Какая разница — как называются органы законодательной власти: советы, думы... Не в этом же дело.

— *Что, по Вашему мнению, мешает России выйти из охватившего ее кризиса? Преобладание политических страстей над экономикой? Профессиональное неумение стоящих у власти людей? Противодействие бывшей партсовноменклатуры? Или объективные трудности: ведь Россия сегодня идет по пути, каким никогда и никакие государства не ходили?*

— И хорошо, что идет своим путем, пусть иногда кривым, пусть иногда спотыкается... Нам не надо никому подражать. Нужно брать хорошее, прогрессивное, но не слепо копировать. Мы не попугай. Но на Ваш вопрос я отвечу несколько, возможно, для Вас неожиданно. Вся беда в том, что мы сильно искалечены большевизмом, который является ничем иным, как российским фашизмом. И надо эту концепцию признать. Я уверен: нам не избежать покаяния за то, что случилось со страной и с ее народом. Покаяния за то, что 60 миллионов человек погублено в стране с 1917 года: 13 миллионов погибло в Гражданскую войну, 30 — в Отечественную, 15 миллионов убил Сталин. Мы всегда воевали, мы и сейчас все время с кем-то воюем. Гражданская война, война со своим народом, не кончилась до сих пор. И за

это полную ответственность должна нести большевистская партия. Она должна быть осуждена! Я не зову к поиску ведьм. Всенародно должен быть осужден большевизм как идеология и практика насилия. Сейчас вот новые большевики тельняшки показывают: мы опять победим! Ой, как рано возрадовались... В истории у нас бывали и не такие кульбиты, и те обычно терпят поражение, кто очень рано празднует победу.

Так вот, в чем причина многих просчетов — и правительства, и демократии в целом? В том, что не была проведена ясная и последовательная дебольшевизация страны и общества. Нет-нет, не в тюрьмы сажать, Боже упаси повторять их злодейскую преступную политику. Но почему до сих пор нет коричневой книги преступлений большевистского режима⁴? Вот сейчас все большевики стали православные, в церковь ходят, со свечечками стоят... Но ведь более ста тысяч священников их партией расстреляно. В июне 1918 года только за то, что священники отказались обратиться к пастве с призывом принять участие в первомайской демонстрации (а она в том году падала на среду страстной недели, поэтому по религиозным мотивам нельзя было участвовать в подобных торжествах), было расстреляно три тысячи священнослужителей. В Тамбове были организованы — по постановлению Политбюро — концлагеря детей-заложников. Ну какой еще власти могла прийти в голову подобная идея: родители, восставшие против советской власти, должны выйти из леса, иначе будут расстреляны дети! Теперь они снова претендуют на власть! Как это можно? Что же мы за люди такие? Почему у нас такая короткая память? Или к крови привыкли, не можем никак без нее? Флаги — и те у нас красные, цвета крови.

— *Но большевизм в нас еще долго будет сидеть, мы его впитали с молоком матери. Неужели по этой причине невозможно реформировать страну?*

— Можно начинать реформы. Трудно ждать их успешного завершения. Мы до сих пор не можем выйти из кризиса, потому что почти все то, что намечалось сделать, сделано не было. Военная реформа даже и не начиналась: старая армия, созданная для одних целей, не может служить для других. Аграрная реформа тоже не начиналась: как был человек без земли тысячу лет, так и остается без нее. Ведь нынешние большевики отлично понимают: как только завершится аграрная реформа, все их мечты о власти испарятся как дым. Потому-то они так и бьются против нее. Судебная реформа не завершена, причем, кажется, это очень выгодно как законодательной, так и исполнительной власти. Им не нужны независимые суды: они могут цапаться, драться, а судебная власть беспомощна.

Все эти реформы должны быть проведены, и как можно скорее. Однако без дебольшевизации они вряд ли могут быть осуществлены. В противном случае нам придется возвращаться на круги своя и произойдет то, что и после Февральской революции.

— *Вы крайне критически относитесь к КПСС?*

— Да, мое отношение к этой партии сугубо отрицательное. И я от этого очень страдаю. Ведь я исповедовал ее идеи, я способствовал их распространению. И я готов участвовать в суде над большевизмом — хоть в роли обвинителя, хоть свидетеля, хоть обвиняемого.

— *Это касается только бывшей КПСС? Или КПрФ, РКРП, ВКП(б) и прочих нынешних компартий и союзов?*

— А это одно и то же. Как, впрочем, и Аграрная партия, и ЛДПР. Ведь какие основные постулаты большевизма? Насилие как повивальная бабка

истории. Революция как локомотив истории (я цитирую Маркса). Диктатура пролетариата — спасительница всего и вся. Классовая борьба как движущая сила истории. Отрицание частной собственности, отрицание семейного воспитания... Но ведь это же все остается и у нынешних коммунистов.

— *Однако они говорят и о многоукладности, и о многопартийности?*

— Все верно. Это чисто большевистская черта: если принципы им служат — они хорошие, если не служат — то плохие. Это же мимикрия — умение приспособиться к любой ситуации, подкраситься под нее. Из воинственных безбожников, разрушивших все храмы и уничтоживших всех попов, они стали смиренно верующими и ищут союз с церковью. Из пламенных интернационалистов превратились в национал-патриотов. Им это теперь выгодно! Этому всегда учил Ленин. Он даже на НЭП пошел, что вопреки всякому марксистскому учению. Хоть союз с дьяволом, лишь бы цель была достигнута.

— *Вас не обижает людская непоследовательность? Вначале Вас, как и Михаила Горбачева, и Эдуарда Шеварднадзе, почтительно называли «архитекторами перестройки», «отцами нового мышления», а сейчас за это же чуть ли не кланут, требуют предать суду и вообще отправить на север?*

— Это в нашем духе. Такое уж у нас больное сознание, искореженное, лишённое доброты. Оно готово искать источники даже своих собственных бед не в себе, а в ком-то. Это все то же наследие большевизма. Кто всегда отвечал за тебя? Маленький начальник, средний начальник, большой начальник... Но не я сам. И до сих пор я как личность не хочу нести ответственности ни за свои действия, ни за свою судьбу. Я не хочу зарабатывать, я не хочу кормить свою семью, я не хочу отвечать за своих детей, я вообще не хочу ни за что отвечать. Пусть дядя отвечает, но не я. А мне только дай! Это идеология люмпена. Большевистская власть — это власть забулдыг и бездельников. Мечта о коммунизме — для кого она? Вот кто-то придет, все за тебя сделает, бесплатно и поровну всё всем раздаст, что хочешь — бери, особенно водку. Вот о каком коммунизме мы мечтали. И тот, кто вдруг выступает против этой идеологии, разрушает мечту в коммунизм, говоря, что надеяться надо только на себя, свой разум, свои руки, — становится злейшим врагом люмпена.

— *Вы все время употребляете слово «большевизм» и ни разу, кажется, не упомянули «коммунизм»?*

— Это Вы верно заметили. Есть у нас, понимаете, такое крупное мошенничество, трюк — подмена одного другим. В коммунистических идеях — самих по себе — ничего плохого нет. Потому что это — химера. Никто никогда не построил и никто никогда не построит коммунизм. Поэтому бороться с коммунизмом, с коммунистической идеей бессмысленно. Ну что злиться на мираж, который отдалается от человека ровно настолько, как идет человек. А вот большевизм — это форма власти, которая использует самые-самые неприглядные политические аспекты Марксова учения. И в первую очередь то, о чем я говорил, — насилие. Плюс обман, спекуляцию на долговечной беде нашего российского человека, на его постоянной нищете, страданиях, бесконечных войнах, исторической усталости.

— *Вы долго колебались, прежде чем согласились баллотироваться в Государственную думу. Сейчас вы — в списках блока «Демократический выбор России — Объединенные демократы». Что все-таки заставило Вас принять такое решение?*

— Действительно, я колебался. Я отказывался от этого и на съезде своей партии², и на съезде блока. Меня уговаривали. И я почувствовал себя не-

приятно, будто бы я девушка, которую уговаривают выйти замуж. А если серьезно, то у меня очень большие опасения за судьбу демократии в России. Особенно из-за того, что правительство полностью провалило социальную программу. Парадокс странный и необъяснимый! Ведь демократия создана ради человека — и вдруг стала отворачиваться от человека. За это придется расплачиваться, и очень серьезно. Да, впрочем, уже расплачиваемся. Это очень серьезный просчет. Сейчас и у правительства, и у «Нашего дома — Россия»⁶, и у «Демвыбора России» социальный раздел идет первым. Ну все об этом заговорили. Но малость припоздали. Хотя можно и сегодня еще кое-что сделать. Вот те бы деньги, что в Чечню⁷ идут, на социальные проблемы пустить...

№ 47

**«НЕТ, НЕ ПАДАТЬ НИЦ Я ПРИЗЫВАЮ, А ВЗЙТИ
НА ПЬЕДЕСТАЛ СОВЕСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ...»**

Призыв, 29 марта 1996 г. Беседу вела Г. Аралова.

— Александр Николаевич, Вас что-нибудь удивляет в сегодняшней общественно-политической жизни, или события развиваются естественным образом, как и запрограммировано историей?

— Не знаю, может быть, это из-за специфики переходного периода, но действительно есть два плана удивлений, рассуждений, надежд и разочарований. Ведь с началом перестройки потекла река с мутным потоком у одного берега и с чистым у другого. Все идет у нас как-то рядом. Если брать происходящее в историческом плане, ретроспективном разрезе, то более уникального явления в истории человечества вряд ли отыщется. Переход от одного общественного уклада к другому происходит без классового, гражданского насилия (я не имею в виду региональные конфликты, где причиной может послужить и разгильдяйство, и провокация, старое мышление, большевистские методы); ситуации, когда брат идет на брата, сословие на сословие, власть на подчиненных и наоборот, нам удалось все-таки избежать, хотя в истории в аналогичных случаях всегда были то восстания, то революции с тысячами и тысячами жертв. Причем однотипный процесс требовал нескольких таких вот кровопролитий, кровопусканий. Возьмите Францию конца XVIII века, 89—93 годы — там произошла фактически первая большевистская революция, когда робеспьеровщина объявила террор против добродетели.

А у нас видите как... Мы же не стали уничтожать прежний класс насилия из верхушки общества, номенклатурный, принесший стране столько горя и несчастий. Демократия не встала на путь их уничтожения — они и сейчас у власти, даже малость пообнаглели: думают, скоро вообще все пойдет по их хотению. Ничего не будет. Сама история не позволит. Однако нам, конечно, надеяться надо не только на историю.

Это вот один план. И я, признаться, удивляюсь, что все идет исторически так гладко и хорошо, я не ожидал, что достаточно быстро, через десять лет наступит время, когда мы с вами можем разговаривать о чем хотим и печатать что считаем нужным, когда рыночная экономика никого не коробит и даже господа коммунисты без заикания выговаривают слово «рынок».

Как-никак, у нас альтернативные выборы, никому и в голову не приходит выбирать из одной кандидатуры, что было все предыдущие 70 лет. То есть демократические процедуры берут верх.

— *Процедуры-то процедурами, да вот уже очень ощутим, Александр Николаевич, возврат массового сознания к прошлому с окрашиванием его в розовые-розовые тона. Вы предполагали, что коммунизм вновь охватит умы в обществе, пострадавшем от этой идеологии больше, чем, наверное, все вместе взятые народы Европы от войн XX века?*

— Нет, нет, нет.

— *Однако же страшный «изм» возвращается. Вы как относитесь к этому?*

— Я тревожусь и не тревожусь... нет, конечно, тревожусь, тем более что три дня назад Радио «Свобода» передало, что от осведомленных источников из высшего круга КПРФ стало известно о тайно готовящихся процессах над Ельциным и Яковлевым. Это наверняка так, судом они не раз мне угрожали. Ну да суть вопроса не в личном. Люди возвращаются не потому, что им уж очень нравится прошлое, — им не нравится настоящее, да еще достает ностальгия по молодости. Вот если вы меня спросите, какие для меня годы были самыми яркими, вспоминаемыми с благодарностью, благоговением, лирическим теплом, я скажу: когда учился в девятом-десятом классе. Наверное, я бы назвал и студенческое время, но не могу, потому что меня в сорок первом просто взяли в армию, а там не до радостей...

Но вернемся к современности. На последних выборах¹ не коммунисты победили — это правительство все сделало для того, чтобы они прошли во власть. Объективно. Не думаю, что была мысль помочь, кто же из номенклатуры хочет лишиться своих постов? Она сложилась, она смешанная, пятнистая — и из большевиков, и из обновленцев, и из прочих. За нее не могли голосовать люди, по три месяца не получающие зарплату. Удивлен, что коммунисты набрали около 30 процентов, я думал, наберут больше половины. Не платить зарплату — нет, в самом деле, это же безумие просто.

И потом Чечня². Для меня мысль о потере наших мальчишек особенно тяжела, потому что самому не было и восемнадцати, когда попал в армию, совсем сопливый. Через три месяца лейтенантом поехал на фронт. Сейчас с ужасом думаю, как же я командовал взводом-то? Страх берет при воспоминании о прошлом. Но тогда шла великая война, а сегодня на своей территории чего ради терять мальчишек? Это же не автodorожная катастрофа.

Вот два фактора, которые я хотел бы отметить, говоря о нынешней жизни общества. Дают пищу для размышлений недавние выборы в бывшей нашей общей Ярославской губернии (Владимирская отпочковалась ведь), где в губернаторы, мэры городов коммунисты не прошли, хотя выставляли своих кандидатов на все посты. Оказалось, что люди пошли голосовать не за говорунов, а за тех, кто что-то может делать. Раньше раскритиковал, покричал вволю на трибуне, и пожалуйста, готово депутатское место — помните, сколько собратьев-журналистов с того же телевидения попало в Верховный Совет?

— *Но то была эпоха ниспровержения, Александр Николаевич, все окрашивалось митинговщиной, слово преваляло над делом.*

— Психология была другая, верно... Так что не верю я в победу коммунистов на президентских выборах³. Хотя, если посмотреть телевидение два дня, сложится впечатление, что и на выборы ходить не надо: все решено, глава государства избран и уже чуть ли не указы подписывает. Удивительная

позиция. Когда сегодня разговаривал с двумя телевизионщиками, спросил их: вы что делаете?

— А что, Александр Николаевич, вроде бы нет перебора. — Как нет? Три минуты передачи — пять раз портрет Зюганова появляется.

— *Не зря в интеллигентской среде почти панические разговоры пошли: страх потерять свободу охватывает.*

— Наша интеллигенция — особый разговор. Правильно Бердяев писал, что русские или ортодоксы, или апокалиптики. Мы ведь не признаем частного, нам подавай сразу универсальное, общее, абсолютное. Причем (видимо, в том наша российская особенность) мы черпаем наши взгляды из эмоций, ковыряемся, ковыряемся в них. Но потом — почему мы еще и ортодоксы, — уж раз пришли к выводу, к мысли, то превращаем их в священные, неприкосновенные. А если правитель, которого вчера целовали, обнимали, сделает что-то не по нам, улезаем на теплую печку оппозиционности, греемся там и наслаждаемся. И в нас в этот момент начисто погибает чувство ответственности перед страной. Да, понимаю, что резковато говорю, но, к сожалению, это так. Я слишком хорошо знаю интеллигентскую среду.

— *Скажите, Александр Николаевич, вырывание человека, психологического типа из той иерархической пирамиды, в которой он очень комфортно существовал, потому что жил под патронажем государства, сыграло свою роль в смене общественных настроений?*

— Да. Однако здесь усматривается и элемент нашей исторической безответственности. Это же мы, народ, позволили тысячу лет править вождям, а не законам. Мы, а кто же? И сейчас на выборах тупо голосуем, опуская в урну с бюллетенем и совесть. Кого винить-то? Забыли или стесняемся помнить: призвали большевики в пятнадцатом году превратить империалистическую войну в гражданскую, и люди пошли за это. 13 миллионов убили своих же, не из какой не Антанты, 2 миллиона человек уехали. Забыли? 15 миллионов Сталин тройками угрожал, 30 миллионов потеряли в Великую Отечественную — мне-то уж пусть никто не рассказывает, что это случилось в результате величайшего умения командования. Людей принимали за скот. Даже Жуков это признал, это не мое мнение, старшего лейтенанта морской пехоты образца 42-го года. Как же так, наступавшие на чужой территории положили 5 миллионов, а боровшиеся в обороне на своей территории — 30? Это же опрокидывает все военные каноны на свете!

Забыли мы, как буквально в месяц большевики запретили все оппозиционные газеты и начали преследование всех оппозиционных партий: их ликвидировали фи-зи-че-ски. Объявили: долги не платим — видите ли, они империалисты. Что, и сейчас так сделают, откажутся платить? Почему и приток инвестиций в Россию сегодня остановился. Вчера мне из США звонили, просили приехать поговорить с бизнесменами: Вас, может, послушают. Сказал: не поеду, потому что, думаю, правильно делают, что опасаются.

— *Александр Николаевич, один врач из Владимирской области предлагает провести референдум о запрете компартии. Возможен ли он в России? Вспомните, на заре реформ даже не попытки, а просто разговоры о перспективе принятия закона о люстрации коммунисты сумели повернуть в свою пользу, сведя все к обвинениям реформаторов в организации «охоты на ведьм», хотя, понятно, никаких костров инквизиции и в страшном сне тогда не могло появиться.*

— Я — за референдум. В своей книге «По мощам и елей»⁴ я даже формулирую как бы обвинительный приговор. Нет, я не требую осудить этого,

этого, я говорю, что идеология большевиков глубоко антипатриотична — они же ненавистники России. Я обращаюсь к президенту, парламенту с призывом возбудить преследование фашистско-большевистской идеологии и ее носителей, очистить страну от национал-социалистской заразы. Считаю, референдум должен быть.

— *Должен, но будет ли поддержан при том состоянии массового психоза, когда многие бросились снова почитать коммунистическую идеологию?*

— А что, полагаете, многие бросились?

— *Кажется, да.*

— Что, из-за колбасы?

— *И из-за нее тоже.*

— Вот каких людей сделали. Недаром Маяковский писал: гвозди бы делать из этих людей. Сделали не гвозди, а деревянные.

— *Обыватель, это очевидно, страдает от отсутствия идеологии в нашем привычном понимании. Какой должна быть сейчас объединительная национальная идея, которая могла бы консолидировать общество?*

— Другой идеи и быть не может, кроме идеи свободы человека. Остальное все — прикладное. При свободе возможно все: творчество, предпринимательство, вера, духовность. Свобода! Это и есть настоящая, самая высшая идеология. Тысячу лет мы жили в рабском состоянии, и только сейчас крепостничество пало. При Сталине оно было даже свирепее, чем до отмены крепостного права Александром II. Ведь забыли, что нас сажали в тюрьму за сбор колосков на убранном осенью поле, за невыработку нормо-трудодней, за опоздание на работу. С сорокового года по миллиону человек в год страдало за это. Есть точные цифры, сколько томилось в тюрьмах за подобные дела.

— *Что же это за преграда такая в мозге человека, что охраняет сознание от проникновения в суть вещей?*

— Понимаете, человек почувствовал себя некомфортно. За него думали, решали, а тут вдруг обнаружилось: батеньки, никто ребенка не накормит и не вытрет ему сопلي, все надо делать самим, в первую очередь зарабатывать самим. Эх что придумали. И запил мужик. Так вот, пока не кончим пить, не будем потеть на работе, ничего из нас не выйдет. И вообще, если сейчас изберем «этих из светлого прошлого», значит Россия действительно обречена на гибель. Мы исчезнем. Я не о предсказании Нострадамуса говорю. После 17-го года в России насильственно погублено было более 60 миллионов человек, молодых, здоровых, самых умных — не дебилов, дебилы остались жить. Еще один такой заход, и все, мы погибнем.

История бесследно не проходит — и задавленный Кронштадтский мятеж⁵ след оставил, и концлагеря для детей-заложников (отец ушел с Антоновым — ребятишек в лагерь, пока не вернется), и травля газом восставших деревень под руководством Тухачевского⁶... И мы хотим в это возвращаться? Да мы с ума сошли, что ли?

— *Коммунисты Вас предателем называют. Тяжело жить с таким жутиким обвинением?*

— Я горжусь, когда они это говорят. Напоминают о себе: то похоронный венок к дверям квартиры поставят, то позвонят с угрозами. Я не боюсь той партии, что сыграла сама предательскую, антипатриотическую роль: какая же истинно национальная партия будет призывать империалистическую войну превратить в гражданскую, приветствовать поражение своего правительства в Японской войне, а потом еще претендовать на натягивание штанов патриотам?

- *Вы до конца остаетесь на своих позициях.*
- Меня никто не свернет.
- *По вашему мнению, Ельцин может снова стать Президентом России?*
- А больше пока никого нет. Между прочим, в этом тоже трагедия демократического крыла, объективная трагедия. Так не должно быть — чтобы он был один, нельзя так, с хрупкой, ломкой перспективой, жить демократическому обществу.

№ 48

«ГОРБАЧЕВА ЗАРУБЕЖ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ИСПОРТИЛ»

Деловой мир, 29 марта 1996 г. Беседу вел Ю. Чирков.

Александра Николаевича ЯКОВЛЕВА, сподвижника М.С. Горбачева (в 1990 году один английский журналист назвал Яковлева «секретным оружием» Горбачева), особо представлять не надо. Сын простого крестьянина из-под Ярославля и неграмотной русской женщины, Яковлев стал академиком¹, членом Союза писателей Москвы, сделал головокружительную партийную карьеру, был членом Политбюро ЦК КПСС², отвечал за идеологию и культуру в СССР. И он же в начале 90-х годов полностью отошел от марксизма, осудил результаты коммунистической диктатуры, за что и был исключен из партии³.

— *Александр Николаевич, объясните, пожалуйста, как это Горбачев задумал преобразовать общество, устройство которого ему было фактически неизвестно? Марксизм, полагают теперь многие, как учение, претендующее на научное объяснение общественной жизни, потерпел банкротство, а другого руководства у Михаила Сергеевича не было.*

— Давайте разберемся. Точка отсчета у нас неправильная. Во-первых, Горбачев, как и другие руководители, не знали толком марксизма. Грубо говоря, у всех был уровень «Краткого курса»⁴. Я не сторонник марксизма, но «Краткий курс» — это издевательство над марксизмом, не имеет к нему ни малейшего отношения. Там ложь фактическая и абракадабра теоретическая. Марксизм — серьезное учение XIX века. Горбачев никогда всерьез не занимался марксизмом, я не убежден, что он внимательно прочитал, допустим, «Капитал», «Критику немецкой идеологии» и т.д. Хотя утверждать не берусь. Но Горбачева я не упрекаю. И слава тебе Господи, что не знал! Меньше зашорен. Горбачев руководствовался знанием реальной обстановки и чутьем. У него была ключевая фраза, которую использовал потом Говорухин: «Так жить дальше нельзя!» Так нельзя, иначе КРАХ — вот это Горбачев понимал.

— *А откуда это понимание?*

— Ну как же, он был руководителем целого края — Ставропольского, а затем в ЦК руководителем продовольственной программы и знал, что мы закупаем все больше и больше зерна за рубежом. У нас теряли сначала 25 %, потом 30, 50, затем еще большую часть урожая. Он знал и то, сколько идет денег и ресурсов на милитаризацию.

— *Понимал все как прагматик?*

— Не только он. Помню, Егор Кузьмич Лигачев на Политбюро сказал однажды: «Если мы и дальше так будем вести политику наращивания вооружений, разорим страну окончательно».

— *Хорошо, но чем-то Горбачев должен был руководствоваться еще?*

— Здравым смыслом. И только реальностями. Но на ногах у него все время висели гири прошлого. Кроме того, была еще очень нелегкая задача: убедить правящий клан в необходимости перемен. Ведь могли на любом пленуме ЦК проголосовать и освободить его. Положение хрупкое, шаткое. Поэтому мы потом добивались, чтобы Генеральным его избирал съезд. Чтобы вот кучка из 400 членов ЦК не решала судьбу страны.

Горбачев должен был считаться с мнением многих. Однажды он мне ответил, когда я заговорил о введении фермерства: «Если мы это сделаем, где мы будем с тобой завтра? Что будет с перестройкой?» И он был прав. До сих пор землю крестьянам не отдают.

Говоря о специфике того времени, надо упомянуть и о психологической стороне дела, об устоявшейся лексике и восприятии тех или иных терминов. Возьмем такой пример. Когда мы в 85-м году поставили вопрос, что надо идти к демократии, уходить от сталинизма, все были согласны. Но, согласившись, имели в виду совсем другое. Исходили из того, что только в нашей стране существует демократия, а другие страны — Америка, Франция, Германия, Англия — это империалистические тирании. Диктатура капитала! Нам 70 лет вбивали, что мир распадается на две части: тоталитарную и демократическую — Советский Союз и что вокруг него. Еще третьи страны, за них идет борьба, но они непременно пойдут по пути демократии, т.е. по советскому пути.

Когда слова без конца повторяешь, другие говорят в том же духе, хорошо дружно кричим, начинаешь верить, что так оно и есть. И все соглашались: да, пора улучшать! Все об этом слышали и знают! Об этом постоянно толковали на партийных форумах, мы постоянно улучшали и совершенствовали социалистическую демократию. На словах, конечно.

Но никогда и никто не предложил механизм таких «улучшений», ибо не было самой демократии.

— *Перестройка — естественное желание обновления. Надо было лишь решиться — и Горбачев пошел на это. Какие, на Ваш взгляд, причины этого поступка? Ведь человек уже обладал всей полнотой власти. Какого, если по-русски выразиться, рожна ему еще было надо? Он был вынужден или то была его как бы добрая воля? Или это очень сложные материи, и нам их тут сразу и не расхлебать?*

— Нет, почему же. Конечно, время будет предлагать все более точные формулировки и определения. Ну, во-первых, начнем с того, что каждый Генеральный секретарь, приходя на трон, исполнял своеобразный ритуал: он должен был предложить что-то новое. И к этому относились с почтением.

— *Казалось бы, Горбачев мог налепить словес, он ведь был мастер этого дела.*

— Нет, уже на похоронах Черненко⁵ он сказал: «Надо кончать с пустословием». Эта фраза обсуждалась. Что он потом сам грешил этим, так это другой разговор.

Паразитально: в России воспитана особая порода людей, мы очень чутко вслушивались в слова, пытались прочесть их тайный смысл. Мельчайшие нюансы, оттенки, и люди уже дрожали, менялись в лице или радовались. Хуан Хименес однажды сказал: «Нас все время учили писать по линейке, упаси господи, поперек напишешь!» В перестройку мы попытались писать, ну не поперек, а хотя бы наискосок. Иногда плохо, падежи путали. Так вот чуть-чуть по аналогии: за 70 лет цензура и страх научили нас особому чте-

нию. И нет другой такой нации в мире, кроме нашей, которая столь же прекрасно научилась бы читать между строк.

Мы привыкли к штампам и знакам. И поэтому, когда началась перестройка, все согласились: ну, надо Генеральному секретарю что-то новое сказать. Но когда позднее речь пошла о реальных вещах: альтернативные выборы, выборы депутатов на съезд, борьба вокруг регламента, — это уже была не борьба вокруг регламента, а борьба за власть! Все отчетливее обозначались разные точки зрения.

Горбачев очень хотел изменить международную ситуацию. Я свидетельствую, что он искренне стремился прекратить «холодную войну», он прекрасно знал, ЧТО нам стоит «холодная война». Как она высасывает последние соки из страны. Второе: он хотел, конечно, демократического развития социалистической системы. Ведь как он выступал на закрытых заседаниях, разных совещаниях первые полтора года: надо устранить это, надо развивать то, надо с карьеризмом и бюрократизмом воевать, но во имя и укрепления социалистической идеи. То есть совершенно правильные вещи говорил, но все ради укрепления социалистической системы! Он и до сих пор приверженец социалистической идеи. Тогда еще не было понимания, что у нас на деле не было такой системы, она была лишь на словах, у нас был феодализм, отсюда и все заблуждения, все ошибки, поголовная мистификация. В результате, когда демократию начали расселять в ГУЛАГе, вот и получилось что-то несуразное. Оказывается, демократия в ГУЛАГе не хочет жить. Там она может только сидеть.

— Подождите, Вы в прямом смысле говорите?

— В прямом. СТРАНА-ГУЛАГ. Мы начали запихивать в этот ГУЛАГ, который называли социализмом, демократию, а это не совпало: демократия с ГУЛАГом несоединима! Мы этого не понимали.

Повторяю, мы были уверены, убеждены, что у нас социализм, но в каком-то смысле деформированный. И хотели деформацию эту устранить, и тогда считали, все будет в порядке. А это неправильно, потому что это была система, которая состояла из двух частей: из ГУЛАГа и из его инфраструктуры. Партия, силовые органы, вся система советская — это инфраструктура ГУЛАГа.

— А что Вы еще можете сказать о Горбачеве?

— Я лично вижу силу Горбачева в том, что он был человеком компромисса, — ему это нравилось, он был тут как рыба в воде. И вначале он был хозяином компромисса.

— Раз в столетие примерно Россия чувствует себя отставшей в сравнении с Западом, и появляются люди, которые начинают говорить о перестройке. Вы, как академик-историк, согласны со мной?

— И да, и нет. Конечно, Россия пережила много перестроек. Сообразно времени. Иван Грозный начал с реформ, а закончил опричниной. Петр I? Ну да, конечно, это попытка вырваться из какого-то исторического небытия. Но он-то ведь встал на откровенно насильственный путь. Слушайте! Начал царствовать, 16,5 млн было россиян, кончил царствовать — 14. Но, тем не менее, я верю в его намерение, что России надо было как-то продвинуть. Это ведь нынешние псевдопатриоты, русофобы говорят: вот как Петр рванул, вот был настоящий патриот! Да, это можно назвать и патриотизмом, но я-то считаю, что у Петра была простая задача: Россия отстала, и она не должна была так отставать. Вот Александр II, да. Его решение о крепостничестве — это великий шаг, но убили человека. Причем сделал шаг, когда и крестьяне были против, и помещики. Да и Александр II все шел-

шел-шел по реформе и остановился перед народовластием, перед представительной демократией... Да и как нашим реформам не идти тяжело, мы все время забываем, что всего 135 лет назад мы были крепостнической страной. А Сталин усилил рефеодализм, вернул крепостничество.

— *Может, нам стоит все же признать, что это наша вечная судьба быть чем-то промежуточным между Востоком и Западом? И смириться: мы можем только догонять! Признать, что главные магистрали мировой жизни проходят не по российской земле? Может, на платформе реальности мы добьемся больших успехов, чем от вечных метаний из крайности в крайность? А то ведь как? Лежит нищий великан — Россия. Очнется, вспомнит о своей Великости и — начинает бушевать, бить все вокруг, а потом выбьется из сил и упадет наземь без чувств! И лежит бездыханно десятилетия, века... Может, надо быть прагматиками? Ведь у нас же еще и претензии — мы вечно выступаем какими-то первопроходцами!*

— Все в вашем рассуждении верно, но я все-таки сейчас произнесу фразы, которые произносить неловко в силу того, что звучат слишком громко. И в то же время я в них верю, хотя сооружение новой веры — самое последнее дело. Я верю в законы исторических циклов. Я не верю в формационное развитие общества. Никаких формаций не было, феодализм и прочее — это все хреновина, это просто некие знаки. Я верю в смену информационных эпох. И по законам этим России уготовано быть — если не случится какой-то катастрофы великой — готовой к тому, что она обгонит Запад. Вы скажете: когда? Не знаю! Но меня при этом все время озадачивает только одно: когда мы научимся работать?

— *Все-таки какие у Вас основания для подобного предвидения?*

— Богатство. Мы же истеем богатством! И нищи из-за богатства.

У нас сейчас появились все возможности быстро развиваться. Огромные. Пусть мы изуродованы, изгажены — и в прямом, и в переносном смысле... Но крупно шагнуть вперед можем.

— *А Горбачев об экономике, вероятно, особенно не думал?*

— Думал. Он все время говорил: все не так, надо по-другому. Понимаете, мы многое не учли, особенно в психологии, иллюзий было много. Я ведь честно думал, сам себя мистифицируя, что вот стоит только сказать: ребята, вы свободны! И они закричат: «Ах, спасибо!» Но одни промолчали, а другие и вовсе — идите вы со своей свободой. Я приехал как-то, смешной случай, в свою деревню, в хороший августовский день, отдохнуть. Деревенские: «А, Александр Николаевич!» Я им про свободу, а они — вот столб там упал, я им обратно же про демократию, а они — дорога к больнице, чтоб рожать, плоха...

Когда выпили, мне один из собеседников хорошо сказал: «Да я и раньше был свободен, и раньше председателя колхоза посылал подальше...» Вот и весь сказ!

— *Какой-то грустный итог получается. Мы запутались в утопических представлениях?*

— Естественно. Мы ведь строили утопическое государство. Вот и тонули в грязи, тонули в глупости собственной.

— *Считается, что Вы подсказывали Горбачеву очередные ходы.*

— Понимаете, я бы так не сказал. Все сложнее. Да, я был несколько раз руководителем рабочих групп по подготовке докладов для Горбачева. Многие там были: Абалкин, Шмелев, Богомолов, Аганбегян, Шаталин, Явлинский, Медведев.

— *Вы были теоретик перестройки?*

— Только опосредованно. Не забывайте, что решающее слово всегда было за Горбачевым. А он любил передиктовывать — вот это подправить, нет, этого не надо, с этим осторожнее... Тем не менее прислушивался, не строил из себя упрянца, чем и был хорош на первых порах, когда еще не стал переходить в вождистскую стадию правления. Его зарубеж очень сильно избаловал, на руках его носили.

№ 49

ДУМАЙТЕ САМИ, РЕШАЙТЕ САМИ

Куранты, 9 апреля 1996 г.

Среди участников съезда было немало число людей известных. С некоторыми из них удалось поговорить в кулуарах.

Александр ЯКОВЛЕВ, Российская партия социальной демократии:

— Чечня¹, конечно, остается кровавой полосой и серьезной царапиной — что там говорить. Но меня в данном случае волнует (и я думаю, после выборов² эти вопросы надо вновь поднять), почему все-таки было допущено, что Чечня, вставшая на антиконституционный путь, могла осуществлять это столь длительное время. И почему после долгого молчания, даже равнодушия к тому, что там происходит, вдруг начались бездарные военные действия. Вот это нам еще предстоит познать... Но не сейчас, давайте полтора месяца все-таки о другом подумаем...

— *А как Вы относитесь к деятельности демократической оппозиции, и в частности Григория Явлинского?*

— Явлинскому надо просто поддержать Ельцина³. И этим он внесет великий исторический вклад. Может быть, в следующий раз его и изберут. Тем более что это последний срок для Ельцина...

— *А Вы не боитесь, что голоса Ельцина растащат?*

— Конечно, боюсь. Это элементарная безответственность... Я не хочу снова никаких мен строя, никаких революций, никаких переделов... Надо идти вперед — это беда, если остановимся. А что торможение в случае победы какой-то другой фигуры произойдет — это очевидно.

Я читал их программу, извините, меня, например, не устраивает ни де-приватизация, ни конфискация, ни передел... Ни эти розыски виноватых, новых ведьм...

Хватит ведьм...

№ 50

«ЛИШЬ В БОЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ САХАРОВ ОКАЗЫВАЕТСЯ В ГОРЬКОМ»

Российские вести, 15 декабря 1996 г. Беседу вел А. Губанов.

«Быть знаменитым некрасиво», — утверждал поэт. Имя Сахарова знает, пожалуй, каждый образованный человек, но это та известность, которую никак не заподозришь в этой самой «некрасивости», ибо как раз целью

жизни Андрея Дмитриевича стала «самоотдача, а не шумиха, не успех». Высокая гражданственность, обостренная политическая совесть — достаточно редкие явления, и они особо востребуются в тяжкие для общественных свобод времена. Сахаров не подвел отечественную историю...

Сегодня на дворе иная, при всех трудностях куда как более свободная пора. Потому пророки в меньшей цене. Но память о них мы храним. Наш обозреватель вспоминает об Андрее Сахарове вместе с известным политиком Александром ЯКОВЛЕВЫМ.

— *Александр Николаевич, в общественном сознании Сахаров стал фигурой легендарной, а ведь известно о нем не так много. Вы с Андреем Дмитриевичем немало общались и, что называется, по долгу службы, и просто по-человечески. Каким он запомнился Вам?*

— Сначала я встретился с сахаровскими статьями. В ту пору был за рубежом, послом в Канаде. Мог читать, понятное дело, всё, что о Сахарове печаталось, и это сформировало у меня впечатление о нем, весьма отличное от господствовавшего в СССР (надо сказать, что сахаровские мысли о возможности мирного сосуществования нашей страны с Западом, новых политических, экономических и других отношений внутри самого Отечества в большинстве своем совпадали с моими).

В то время советская контрпропаганда в основном сосредоточилась на бичевании фигур типа Солженицына, Григоренко и других покинувших Родину «отщепенцев». Сахарова «били» меньше, а сказать точнее, воевали против него изощреннее. Те — явные «предатели», «враги» по суги, из Сахарова же старались вылепить образ этакого наивного чудака, подпавшего под влияние зловредных элементов. Дескать, талантливый ученый, возможно, гений, но не разбирается в политике, общественной жизни, а стараниями сионистов договорился до антисоветских высказываний, больше того — антисоветской деятельности, измены Родине. Поскольку самого Сахарова в стране практически никто не читал и не слышал, этому верили. Ярлыки тогда, надо сказать, срабатывали, благо они не колбаса, дефицита в них не было. Мне, повторяю, в этом смысле повезло: читал «первоисточник»...

— *Потом было Ваше возвращение в СССР, начало личного знакомства. Кстати сказать, в своих мемуарах Андрей Дмитриевич о Вас написал очень тепло!*...

— Спасибо ему за это. Тогда у меня возникло чувство вместе с общей как бы и личной вины перед ним. У меня лично сомнений не было — надо вытаскивать его из ссылки.

Сразу оговорюсь, не моя в том заслуга. Да, я был за это! Что наверняка ничего бы не значило, если где-то внутри за то же не был бы Горбачев. Возможно, он выражал свою позицию с большей осторожностью, но... Нужно помнить, сколько было у Сахарова противников — прежде всего в органах. Признать комитету невиновность Андрея Дмитриевича означало признать свое поражение! Это ж Андропов инициировал решение о ссылке Сахарова, кампании по его травле...

— *А Горбачев лично, по-вашему, «созрел» до решения о полной реабилитации Сахарова?*

— Он не то чтобы созрел до понимания сути самого явления, но четко понял необходимость решительного избавления от позора в связи с «проблемой Сахарова». Что до оппонентов, с которыми приходилось считаться... В Политбюро поддержки было маловато. И мы пошли по пути накопления

«требований научной и прочей общественности». Ко мне часто приходил академик Евгений Павлович Велихов, настойчиво и последовательно защищавший Сахарова. Мы с ним договорились, что ученые при каждой встрече с Горбачевым и другими членами ПБ будут «капать» по поводу Андрея Дмитриевича. И продолжили камень! Постепенно общее мнение созрело до необходимости разрешить вопрос.

К Сахарову поехал президент Академии наук Марчук. Вернувшись, он доложил, что Сахаров принял его доброжелательно, он готов написать письмо в адрес властей.

— *Некоторые обвиняют Андрея Дмитриевича в том, что этим он как бы сдался на милость «победителей»...*

— Это не так. Конечно, Сахарову ссылка надоела. Кому она в радость? Но главное не в этом. Андрей Дмитриевич увидел в первых шагах перестройки немало того, что ему импонировало. И захотел поддержать это новое и благое. Разумеется, есть здесь и сугубо прагматический момент — ведь надо было Горбачеву на что-то опереться, чтобы вернуть Сахарова из ссылки. Еще раз вспомним «цвет» того времени: Сахаров возвращался при молчании многих членов Политбюро, при скрежете зубов большинства руководителей КГБ...

Между прочим, это не означало для Сахарова конца его мытарств (собственно, они не закончились до его последних дней). Вспоминается ситуация — шутовская по форме, но вполне отражавшая характер взаимоотношений на тогдашнем политическом Олимпе, по-прежнему сложное отношение многих властей предрежащих к Сахарову.

Андрей Дмитриевич подал прошение на поездку за границу. Этот вопрос был внесен на Политбюро. Комитет госбезопасности выступил категорически против: Сахаров, мол, носитель государственных секретов. Горбачев запросил мнение ученых на этот счет. Мы получили единодушный ответ: на данный момент А.Д. Сахаров «секретоносителем» не является. Вроде бы вопрос исчерпан. И все равно комитетчики никак не желали сдаться. И вот Чебриков как будто бы в шутку спросил у меня: «Александр Николаевич, а Вы гарантируете, что Сахаров вернется?» Что сказать на это? Какие тут могут быть гарантии — в юридическом смысле? Однако я, улыбаясь, сказал, что Андрей Дмитриевич вернется непременно, оставаться на Западе у него нет абсолютно никаких резонов.

Так, вроде с юмором, вошли в проблему и вышли из оной, но, как говорится, в каждой шутке есть доля правды, а улыбки на ПБ к тому же явно скрывали нервозность ситуации.

— *Говорят, совесть Сахарова проявлялась даже в самых мелочах. Вы этого на себе не испытали?*

— Однажды по Радио «Свобода», кажется, я услышал, как Сахаров выражает свой протест по поводу того, что я... снял из передачи «Взгляд» его выступление, касавшееся событий в Афганистане (сам я был в это время на очередной годовщине «Маяка»). Я удивился, ибо ничего подобного не делал. Заявление Сахарова, понятное дело, не порадовало меня, но я не стал звонить ему по этому поводу. И вот проходит некоторое время, и Андрей Дмитриевич подходит ко мне, по-моему, на сессии Верховного Совета: «Александр Николаевич, я должен извиниться перед Вами. Оказывается, Вы не имели никакого отношения к снятию передачи! Меня подвел мой «канал» — больше я им пользоваться не буду!» А я уж и забыл об инциденте... Но Сахаров настаивал, чтобы я извинил его...

— Андрей Дмитриевич был доверчивым человеком, но это не та «наивная простота», которая позволяет сесть тебе на шею, управлять тобой? Не тот это чудак, которым его хотели представить иные «доброжелатели»?

— Разумеется, нет. В коренных вопросах он был, можно сказать, негибачаемым, трезвым политиком. Глубочайшего ума и широчайшей эрудиции человеком. Хотя и не пророком, обладающим какими-то сверхъестественными способностями, конечно. И Сахаров в чем-то мог ошибиться.

— Как-то?

— Ну, допустим, главная идея сахаровской конституции — вся власть Советам! Спасение страны — в демократии через парламентаризм. Но жизнь показала: это, возможно, идеально с точки зрения теории, а вот российская практика, увы, вносит свои коррективы. Компартия в своих структурах явила пример поразительной мимикрии и живучести. С 6-й статьей² или без нее на местах всем заправляет и по сей день. Она обходит всякие придумки ученых-теоретиков, любой мировой опыт. Впрочем, наверное, это было общее заблуждение времени, через него надо было пройти, набив синяки и шишки...

— Вы упомянули о выброшенном из «Взгляда» афганском сюжете. Афганистан — вообще особо болезненная для Сахарова тема. И катализатором смерти Андрея Дмитриевича, видимо, стала реакция на его выступления в Верховном Совете именно по ней³...

— Это было позорное зрелище — топот, свист, шиканье. Потом откровенная брань выступлений вдогонку. Конечно, Андрей Дмитриевич сказал слишком грубую правду — о том, что советские войска сжигали афганские деревни, добивали своих раненых. Он основывался на фактах, но боль от них была слишком сильна, и ее умело стали эксплуатировать бесчестные люди. Натравили на него солдатских матерей, самих афганцев.

Это вообще было проблемой для Сахарова — попадать под огонь критики всех и вся. Он был открыт и совестлив — и его использовали как таран. В том числе и те, кто преследовал лишь личную выгоду, рвался к власти (Сахаров в этом смысле не был конкурентом). Побережься бы Андрею Дмитриевичу хоть немного, поэкономнее бы расходовать свои силы. Завести, что ли, секретаря, который подсказывал бы: здесь надо пойти в атаку, а здесь, скажем, переждать.

— Но это все — из области сослагательного наклонения: побережся бы — больше прожил — лучше сделал. А может, не будь «безумства храбрости» Сахарова — и реформы пошли бы медленнее, а то и захлебнулись бы вовсе...

— И все-таки очень жалко, что он ушел так рано. Редкий человек! Из когорты тех, о ком помнят ум, но еще более совесть...

№ 51

«Я БЫЛ ВОЖДЕМ ИНДЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ»

Спорт-Экспресс журнал, декабрь 1996 г. Беседу вела Е. Вайцеховская.

Матчи с канадцами в сентябре 1972 года¹ остались одним из самых ярких воспоминаний в нашей 50-летней хоккейной истории. Но многое тогда осталось за кадром. Рассказать читателям «СПОРТ-ЭКСПРЕСС журнала» о тех днях согласился человек, которому пришлось оказаться в центре событий, связанных с подготовкой к суперсерии-72.

— *Александр Николаевич, как вообще возникла идея организовать советско-канадскую серию?*

— Она пошла от спортивных деятелей. В первую очередь от Анатолия Тарасова и Аркадия Чернышева. Оба были страшно честолюбивы, особенно Тарасов. И, видимо, никак не могли смириться с тем, что советские хоккеисты, с одной стороны, заслуженно считались сильнейшими, а с другой — сфера их господства была ограничена рамками Европы. И в какой-то момент любые хоккейные разговоры на руководящем уровне стали неизменно сводиться к тому, что пришел момент сразиться с канадцами.

— *Мне, однако, приходилось слышать, что сам Тарасов довольно долго высказывался против этой затеи.*

— Он, как мне казалось, побаивался. Но не самих матчей, а того, что команда не успеет к ним должным образом подготовиться. Постоянно держал в напряжении руководство спорткомитета, чтобы не оказалась упущенной ни одна мелочь. А наиболее последовательным сторонником идеи матчей был, пожалуй, Николай Озеров. Он постоянно приходил в ЦК. Помню даже его слова: «Я видел канадцев не один раз. Играют блестяще, но не боги. Нашей команде победить вполне по силам. Хотя будет очень трудно...» Озеров же предупреждал, что надо готовиться не столько к технической, сколько к силовой борьбе, что со стороны канадцев наверняка не будет никакого джентльменства, от них можно ждать чего угодно.

— *Как реагировали на эту идею в высшем политическом руководстве?*

— В ЦК на это смотрели по-разному. С одной стороны, хотелось безумно — канадцы ведь. Но Брежнев колебался. Очень боялся проигрыша.

— *Неудивительно. Проиграй мы, и удар по престижу страны был бы ощутимым. Да и в персональном порядке, видимо, досталось бы многим?*

— Ну, не думаю, что начались бы карательные санкции, но неприятностей хватило бы всем. Причем крупных. Сектор спорта Отдела пропаганды ЦК, кстати, тоже был против.

— *А Вы сами — как первый заместитель заведующего отделом?*

— Я всегда был сторонником того, чтобы максимально, насколько это возможно, отделять спорт от политики. Я много раз говорил о том, что мы сами плодим подкупы, склоки. Мы непрерывно занимались всевозможными разборками. Помню, был случай, когда силой забрали в армию восемь футболистов «Торпедо». И как! Взяли прямо в гостинице, по сути — арестовали. Я никогда не был болельщиком «Торпедо», но какой это, к черту, спорт? Ко всему прочему в ЦСКА из восьмерых попал только один, остальных отправили в периферийные армейские команды. Или взять историю, когда рассматривался вопрос о расширении футбольной высшей лиги — только потому, что ЦСКА в тот год грозил вылет в первую. Мотивировка была примитивной: мол, будет нанесен удар по всей армии в целом. Разборки были не только футбольные. Постоянные проблемы возникали с шахматами. Я, например, категорически не понимал, почему у нас должен быть только один выдающийся шахматист — Карпов и почему делалось все, чтобы не допустить выхода наверх Каспарова.

— *Как же случилось, что при столь больших сомнениях с Канадой решено-таки было играть?*

— Решающее слово, как ни странно, сказала именно политика: в 1971 году в Канаду впервые за всю историю Союза поехал с визитом Косыгин. Вернулся он оттуда с очень хорошими впечатлениями. Тогдашний пре-

мьер-министр Канады Пьер Трюдо в нарушениях прав человека нас особо упрекать не стал, а, наоборот, выступил за расширение отношений². Дочь Косыгина подружилась с женой Трюдо, они стали переписываться, и даже своего второго сына Маргарет Трюдо по совету новой подруги назвала Александром. Точнее, Сашей: она попросила позвонить в наше посольство и узнать, какие существуют уменьшительные варианты этого имени. Впрочем, не знаю уж по какой причине, но русские имена носят все три сына Трюдо — Устин, Саша и Михаил. Так вот, когда идея матчей уже вовсю обсуждалась, Косыгин участвовал в этом непосредственным образом и всегда с большой готовностью меня принимал, хотя прежде никогда этого не делал.

— *Сколько же времени шло обсуждение?*

— Месяцев шесть. На последнем, решающем заседании Политбюро я не присутствовал — к тому времени в ЦК меня уже не было. Я готовился выехать в Канаду, куда был «изгнан» в качестве посла за статью в «Литературной газете»³ против национализма, шовинизма и антисемитизма. Но записка с положительным мнением Отдела была уже подготовлена. Хотя КГБ, например, был по-прежнему категорически против поездки хоккеистов в Канаду.

— *Почему?*

— По принципу «как бы чего не вышло». Помните, в 1976 году во время Игр в Монреале, где выступали и Вы⁴, в Канаде остался мальчишка — прыгун в воду (Сергей Немцанов. — *Е.В.*). Его прозевал работник КГБ, хотя парень не скрывал, что хочет остаться, в связи с чем к нему был приставлен персональный наблюдатель из вашей же команды. В КГБ тогда был большой шум: ведь только в самом Монреале от Комитета находились аж два генерала, не говоря уже о более мелких чинах. Да и среди спортсменов хватало таких, кто охотно сотрудничал с КГБ.

— *Видимо, это давало определенные привилегии?*

— Прежде всего, это гарантировало следующий выезд. На каждого спортсмена в КГБ существовало досье с обширной информацией: пьет человек или нет, как пьет, женат ли, как живет с женой, есть ли любовница. Друг на друга сами спортсмены тоже доносили.

— *И тренеры?*

— Не все, конечно. Тарасова вообще боялись, в том числе и в КГБ. Суворый был человек, и к тому же в отличие от Чернышева никогда не выбирал дипломатических выражений. Кстати, на самого Тарасова доносы, докладные записки, жалобы шли и в КГБ, и в ЦК бесконечным потоком. Мы досконально знали, сколько килограммов таскают на себе за тренировку игроки, как «издевается» над ними Тарасов. Его многие не любили. Но уважали все без исключения.

— *КГБ ставил Вас в известность о своих соображениях насчет игроков, тренеров?*

— Да. При этом, насколько я мог судить, хоккей всем был, что называется, до лампочки. Главное — чтобы игрок не остался за границей, не сказал где-нибудь чего-нибудь лишнего.

— *К кому из игроков было больше всего претензий?*

— Естественно, к Харламову. Ангелом-то он никогда не был. Хотя, думаю, если бы наш Отдел выступил на стороне КГБ, пробить матчи с канадцами было бы невероятно трудно.

— *Ваших личных взаимоотношений с КГБ это не осложнило?*

— Как сказать... Во всяком случае, как раз сотрудники Комитета поставили меня в известность о том, что имени Яковлева велено не упоминать во время хоккейных телетрансляций из Канады. На одной из последующих советско-канадских встреч в Квебек-Сити⁵ я — уже в качестве посла — сидел в почетной ложе вместе с Трюдо, и Озеров, не зная, насколько опальным я считаюсь в Политбюро, сказал об этом в своем репортаже. Тут же, как водится, получил нагоняй.

— *Что Вам запомнилось больше всего?*

— Во-первых, тот накал нервозности, который окружал все встречи. И в Москве, когда готовились к поездке в Канаду, и там, когда начали играть. Все ходили на ушах. Чего-то боялись, заранее переваливали ответственность друг на друга. Самой распространенной была фраза: «Вы будете отвечать!» В Канаду откомандировали несметное количество сотрудников КГБ. Причем обстановка, видимо, нагнеталась и для того, чтобы найти официальный повод послать на матчи как можно больше людей: все-таки заграничная поездка. В те годы они ценились необычайно: можно без присмотра выпить, барахлишка прикупить... Но поскольку присутствие нужно было оправдывать, то каждый день возникал какой-то очередной вопрос, вокруг которого сразу нагнетались страсти. Внутри команды обстановка была тоже предельно нервной. Кому-то говорили, что за ним следят, и тут же предлагали, в свою очередь, присмотреться к товарищам.

Но еще больше меня потрясло другое. После матчей в Америке впервые стали выражать откровенные симпатии к нашей стране. Кстати, подъем американского любительского хоккея начался тоже с советско-канадских встреч: американцы увидели, что хоккей — это интересно, а главное — выгодно.

— *Несмотря на то, что Канада в первом же матче проиграла?*

— Это был абсолютный шок. Канадцы вообще не рассматривали такую возможность. Даже теоретически. И после поражения в первом матче все без исключения газеты вышли с заголовками, в которых неизменно присутствовало слово «случайность», а в тексте говорилось, что все русские — роботы и к тому же сотрудники КГБ.

— *Судя по тому, что Вы рассказываете, канадцы были не так далеки от истины.*

— Для канадской и американской прессы вообще была характерна дикая подозрительность. В частности, одна из газет как-то написала, что в нашем посольстве все шпионы, включая посла. Я даже опровержение писал, ей-богу. Среди канадских и американских военнослужащих распространялись листовки с текстом: «Солдат, помни: под каждой кроватью лежит коммунист!» Надо было еще учитывать отношение канадцев к хоккею. У нас хоккей был всего лишь одним из множества видов спорта. Я сам всегда с гораздо большим интересом смотрел волейбол, легкую атлетику. А для канадца хоккей — это жизнь. Мне не приходилось встречать более спокойную нацию, нежели канадцы. И единственное, что способно вывести их из обычного состояния, — это хоккей. Личной жизни у хоккеистов там просто нет. Все под пристальным вниманием публики, которая обсасывает мельчайшие подробности их жизни. Больные люди.

— *Какой же трагедией должно было стать для них второе поражение!*

— Парадоксально, но первое шибануло их сильнее. А вот после второго (в четвертом матче, в Ванкувере) я совершенно четко почувствовал, в том

числе и по откликам в прессе, что враждебность вдруг сменилась искренним уважением. В том числе и к стране в целом. Логика была железной: «Если в СССР такие хоккеисты, то за одно это перед русскими стоит преклоняться».

— *Потому и не так стыдно им проигрывать?*

— Конечно! Кстати, кульминацией всей серии и переломным ее моментом, на мой взгляд, был второй матч в Торонто, когда Александр Якушев обвел четвертых игроков и забил гол. Тогда главную канадско-американскую ежедневную спортивную программу неизменно предваряла видеозаставка, смонтированная из наиболее выдающихся событий, и якушевский гол в течение долгого времени неизменно в ней присутствовал. Представьте, люди включают телевизор — и каждый раз видят, как Якушев обходит одного, второго, третьего, четвертого и!..

...Яковлев помолчал, взглянул на мою куртку с эмблемой Эдмонтонского чемпионата мира по фигурному катанию^б и вдруг мечтательно произнес:

— А знаете, недалеко от Эдмонта есть небольшое индейское поселение, где двадцать лет назад меня избрали вождем племени.

— *??!*

— Да-да, я не шучу.

— *И в чем заключались Ваши индейские обязанности?*

— Быть вождем. Как свадебным генералом. Пока был послом, да и потом, когда просто приезжал в Канаду, всегда старался выбрать время, захватить. Много раз принимал участие во всевозможных церемониях — в полном индейском облачении.

— *А в Политбюро об этом знали?*

— Упаси Бог!

№ 52

ПОДЛЕЖАЛИ УНИЧТОЖЕНИЮ...

Российские вести, 15 января 1997 г. Беседу вел А. Губанов.

Комиссия при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий¹ исследовала комплекс проблем, связанных с репрессиями в отношении членов российских партий социалистической ориентации в период с 1917-го до середины 1950-х годов. Об итогах этой масштабной работы в эксклюзивном интервью «РВ» рассказывает председатель Комиссии, известный политик Александр ЯКОВЛЕВ.

— *Александр Николаевич, наш народ так долго жил при единственной «руководящей и направляющей», что многие уже и забыли, какие еще исповедовавшие социализм партии существовали на российской политической сцене...*

— Речь идет прежде всего о таких партиях, как Российская социал-демократическая рабочая партия (объединенная), Партия левых социалистов-революционеров, Союз социалистов-революционеров максималистов, Анархисты-синдикалисты, Трудовая народно-социалистическая партия... Всего в послеоктябрьский период на территории современной России одновременно действовало 11 социалистических партий и анархистских организаций.

— *Давайте попробуем нарисовать картину разгрома основных из них, выявить механизм большевистских репрессий в этой области.*

— Гонения на социалистов начались сразу после прихода большевиков к власти и не прекращались даже тогда, когда сами организации были уже уничтожены. Основным, а с течением времени и единственным инструментом политики власти по отношению к ним стала ВЧК-ОГПУ, но все решения принимались Политбюро ЦК коммунистической партии.

«Приоритеты» репрессивной политики большевиков в отношении социалистов менялись: в 1919 г. главную опасность для своей диктатуры они усматривали в деятельности левых эсеров и максималистов, в 1920 г. — эсеров и левых эсеров-«подпольщиков», в 1923-м — меньшевиков и т.д. Общий же курс оставался неизменным: сначала отстранить социалистов от тех или иных властных функций, вытеснить из Советов и таким образом уничтожить как потенциальных политических соперников, а затем изолировать от общественно-политической жизни вообще. Попутно и опять-таки с помощью различных комбинаций (обвинений в несуществующих «заговорах», дутых судебных процессов, основанных на шантаже и угрозах, подставных съездов «раскаявшихся» социалистов и т.п.) решалась задача дискредитации этих партий. Борьба с социалистами, с самого начала понимавшаяся как ликвидация этих партий с последующим «растворением» их, по мере укрепления режима переросла в политику физического уничтожения их членов.

Первоначально гонения на социалистов заключались главным образом в удушении социалистической печати. Всего в январе — феврале 1918 г. в Петрограде и Москве было закрыто около 70 газет. Гонения на газету «Вперед» в марте — апреле 1918 г. вызвали протесты рабочих ряда московских фабрик и заводов («Поставщик», «Людвиг и Смит», Центральная городская электростанция и др.), в своей резолюции назвавших этот орган с.-д.-меньшевиков «защитником подлинных интересов рабочего класса против большевистской власти». 13 мая меньшевикам удалось получить разрешение на возобновление издания (под названием «Всегда вперед»), однако уже на следующий день нарядом ЧК газета была закрыта вновь. О том, как толковалось властями понятие «контрреволюционности» газетных выступлений, свидетельствуют обстоятельства состоявшегося тогда же (в мае) закрытия меньшевистского «Нового луча» — петроградская газета была запрещена за публикацию сообщения о митингах на Обуховском и Путиловском заводах под лозунгом положить конец «комиссародержавию» и созвать Учредительное собрание. Не отставали от центра и местные власти: в первые месяцы 1918 г. в Туле был учинен разгром меньшевистской газеты «Голос народа», в Саратове — газеты «Голос пролетария», в Нижнем Новгороде — газеты «Жизнь» и т.д. К лету 1918 г. вся социал-демократическая пресса, по сути, оказалась под запретом.

Весной — летом 1918 г. правительство предприняло массированную атаку на представительство партий социалистической ориентации в Советах. 14 июня 1918 г., за 2 дня до начала новой избирательной кампании, в преддверии V съезда Советов, большевики провели через ВЦИК постановление, согласно которому на всей территории России, подконтрольной Кремлю, эсеры и меньшевики были изгнаны из Советов всех уровней (на местах это изгнание чаще всего сопровождалось неопределенной формулировкой — «за контрреволюционность и саботаж соввласти»). Вопреки этому постановлению население продолжало выбирать членов соцпартий в местные органы

власти (на прошедших в конце июня выборах в Петросовет меньшевики и правые эсеры получили 75 мест против 499 у большевиков и 109 у левых эсеров; в Архангельском совдепе — 56 против 168 у большевиков и т.д.), однако их представительство на Всероссийских съездах Советов и ВЦИК резко упало. На V съезде Советов партии социориентации суммарно были представлены лишь 26 голосами (не считая 353 делегатов — левых эсеров, сотрудничавших в это время с властью) против 90 на IV съезде. Уже к концу 1918 г. в составе 175 уездных Советов 28 губерний Европейской России социалисты и беспартийные имели лишь 16 процентов голосов. В последующие годы задача «вытеснения» социалистов из Советов решалась исключительно силовыми методами: главной приметой начала очередной избирательной кампании стали массовые аресты меньшевиков и эсеров.

После небольшого перерыва с февраля 1919 г. репрессии против социалистов возобновились с новой силой. Повседневной практикой режима становятся обыски «для выяснения личности», многомесячные тюремные заключения без предъявления обвинений, массовые аресты социалистов. Широко практикуется арест не только по принадлежности к той или иной соцпартии, но даже «по подозрению» в такой принадлежности или «за связь» с партией. Только в ходе одной апрельской 1919 г. «ликвидации» в Москве и пригородах ВЧК было арестовано 55 эсеров и 38 меньшевиков. Своим острием репрессии первой половины 1919 г. были направлены против бывших союзников — левых эсеров и близких им эсеров-максималистов. Нисколько в действительности не изменив своим социалистическим убеждениям, они превратились, согласно официальным определениям властей, в «подлинных», «ярких контрреволюционеров, ничем не отличающихся от колчаковцев и денкинцев».

В феврале — марте 1919 г. по обвинению в антиправительственном заговоре в Москве была арестована почти вся левозэсеровская верхушка и около 200 партийных активистов, было ликвидировано до 45 местных партийных организаций (в Пскове, Туле, Казани, Брянске, Орле, Гомеле, Астрахани и др.). Тогда же (в феврале) был «сооружен» суд московского ревтрибунала над Марией Спиридоновой. Характерно, что на суде «не было сказано со стороны обвинителей ни слова о каком-либо заговоре, но очень много говорилось о том, что на московских рабочих митингах Спиридонова говорила по 3 часа, а им, представителям правительствующей партии, давали говорить только по 10—15 минут». По причине полного отсутствия какого-либо серьезного обвинительного материала суд приговорил Спиридонову к году «изоляции».

В начале 1919 г. партия левых эсеров была вынуждена перейти на нелегальное положение. Резко уменьшилось количество ее местных организаций и численность партии в целом. В мае 1920 г. Дзержинский с удовлетворением констатировал, что эта партия «положительно разгромлена ЧК», «для нас неопасна». Правда, на этот раз шеф тайной политической полиции поспешил с выводами — ПЛСР было суждено погибнуть не ранее конца 1922 г., хотя, обескровленная арестами и раздираемая внутренними противоречиями, партия образца 1920 г. являлась лишь бледной тенью того 150-тысячного коллектива, каким она была в 1918 г.

С 1919 г. начинает складываться система закрытых инструкций и циркуляров ВЧК, ставших своеобразной «правовой базой» большевистской репрессивной политики в отношении социалистов и прочих «контрреволюци-

онеров». По установившейся и закрепленной циркуляром ВЧК практике, все осуждаемые за «контрреволюционные преступления» подлежали заключению в концлагерь на срок от 3 месяцев до 3 лет. Типичным для социалиста приговором этих лет было заключение в концлагерь «до конца гражданской войны».

— *Однако большинство подобных обвинений юридически были абсолютно несостоятельными...*

— Именно поэтому большевики все более берут на вооружение методы внесудебной расправы. Декретом ВЦИК от 10 августа 1922 г. Комиссия при НКВД, в которую номинально входило ОГПУ, получила право высылать деятелей антисоветских партий и на месте высылки заключать их на срок до 3 лет в лагеря принудительных работ. Согласно «разъяснению» президиума ВЦИК от 22 ноября того же года, эта мера могла быть применена лишь «по подозрению» в совершении «контрреволюционных деяний». Таким образом, нормативная база гонений на социалистов в 1920-е годы по сравнению с периодом Гражданской войны не претерпела существенных изменений. Практика же репрессий стала значительно более жесткой и изощренной.

К 1921—1922 гг. их осуществлением против социалистов и анархистов занималось 6 из 10 центральных подразделений ОГПУ, в основном унаследовавших структуру ВЧК. В рамках важнейшего и крупнейшего управления ОГПУ — Секретно-оперативного — функционировал Секретный отдел, имевший в своем составе специальные номерные подразделения, каждое занятое борьбой с группой социалистических партий или анархистских организаций определенной ориентации.

— *Окончилась Гражданская война. Как изменилось отношение власти к социалистам в новых условиях?*

— Репрессии не ослабли. В официальном лексиконе продолжают появляться несуществующие «заговоры» (например, меньшевиков в Саратове в марте 1921 г.); сами социалисты, еще недавно бывшие «всего лишь» буржуазными «лакеями» и «прихвостнями», теперь «высочайше» аттестуются как «худшие и вреднейшие элементы белогвардейщины» (меньшевики) и «злейшие контрреволюционеры» (эсеры). В феврале 1921 г. Политбюро приняло постановление об очередном «усилении арестов меньшевиков и эсеров», для которых вскоре подвернулся и «удобный» повод — восстание в Кронштадте в марте 1921 г. Под предлогом участия социалистов в кронштадтских событиях были начаты массовые «ликвидации» их организаций по всей стране, которые продолжались непрерывно до августа того года. Весной 1921 г. в Москве ВЧК учинила разгром ЦК ПСР. Тогда же в полном составе были арестованы МК и ЦК РСДРП, ликвидированы меньшевистские группы в Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Пскове, Ростове-на-Дону, Одессе и других городах.

В июне 1921 г. в разгар арестов подоспел декрет ВЦИК, по которому ЧК получала право лишать социалистов свободы сроком до 2 лет исключительно по признаку принадлежности обвиняемого к той или иной соцпартии без направления дела в суд. По данным военной прокуратуры, число меньшевиков, сосланных по этому декрету, превысило 550 человек.

В 1921 г. пришел черед и анархистов, до этого арестовывавшихся от случая к случаю, — в основном репрессиям подвергалась группа так называемых анархистов подполья, которой приписывалась организация ряда экспроприаций и взрыв здания МК РКП в Леонтьевском переулке в Москве в 1919 г.

Сигналом к началу массовых репрессий против анархистов послужило секретное циркулярное письмо ЦК РКП губкомам, утвержденное Политбюро 16 апреля 1921 г. Совершенно умалчивая о революционных заслугах своих недавних союзников, ЦК обвинял анархистов в поддержке лозунгов Кронштадта, «разжигании недовольства» в рабочей и крестьянской среде, стремлении идейно «разложить» армию и сетовал на чересчур терпимое отношение к ним Советской власти.

Основные анархистские организации в России окончательно распались к середине 1920-х гг. Последние крупные аресты среди них были произведены в 1929—1930 гг., когда за решетку были отправлены А. Андреев, Б. Бармаш, Н. Рогдаев, И. Хархардин и другие остававшиеся на свободе анархисты разных толков.

— *Какова роль в репрессиях против социалистов В.И. Ленина?*

— В 1922 г., дополняя проект Уголовного кодекса РСФСР, Ленин писал Д.И. Курскому: «По-моему, надо расширить применение расстрела (с заменой высылкой за границу)... ко всем видам деятельности меньшевиков, эсеров и т.п.; найти формулировку, ставящую эти деяния в связь с международной буржуазией и ее борьбой с нами...» В результате в первом советском Уголовном кодексе 1922 г. появилась «знаменитая» 58-я статья, каравшая высшей мерой наказания за целый ряд преступлений, сформулированных в нарочито «резиновой» манере (не только за «организацию в контрреволюционных целях вооруженных восстаний или вторжений на советскую территорию вооруженных отрядов или банд», но и за «участие во всякой попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах»). В Уголовном кодексе 1927 г., действовавшем на всем протяжении пребывания у власти Сталина, эта же 58-я статья имела уже 18 пунктов, из них 13 — «расстрельных».

В результате арестов второй половины 1922 г. РСДРП как организация фактически перестала существовать.

Репрессии 1922 г. нанесли сильнейший удар и по партии социалистов-революционеров. Кроме московского процесса ЦК ПСР, состоявшегося в июле — августе 1922 г., в декабре этого года в Баку прошел суд Верховного трибунала по делу местных эсеров, обвиненных в поджоге нефтяных промыслов и подготовке «вооруженного выступления врангелевцев». Из переписки о ходе следствия было совершенно очевидно, что все это дело с начала и до конца сфальсифицировано: следователи АзГПУ во главе с Л.П. Берия выбивали показания из обвиняемых в течение полугода. Несмотря на это, Политбюро ЦК РКП, извещенное С.М. Кировым за два дня до окончания процесса, «не возражало» против вынесения 5 смертных приговоров.

В 1930-е годы прекратили существование все научные, культурные и общественные организации, имевшие к тогдашним социалистам хотя бы косвенное отношение: Всероссийский общественный комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина (1934 г.), Общество бывших политкаторжан и ссыльно-поселенцев с его 50 филиалами и издательством (1935 г.), Политический Красный Крест (1937 г.) и др. Еще раньше — в 1920-е годы — было покончено с частными и кооперативными издательствами, выпускавшими литературу по истории социалистического и анархического движения («Задруга», «Колос», «Голос труда» и др.).

В эти же годы большевистская охранка стала повсеместно «обнаруживать» и ликвидировать якобы «глубоко законспирированные» центры эсеровского

и меньшевистского «подполья»: в 1933 г. — в Москве, Ленинграде, Севастополе, на Украине (в Харькове, Донбассе, Киеве, Днепропетровске и т.д.); в 1934-м — в Иваново, Ярославле; в 1935-м — в Горьком районе БССР, Ливенском Курской области, в Казани, Ульяновске, Саратове, Калинин; в 1936—1937 гг. — в Свердловской, Воронежской, Куйбышевской, Московской и др. областях. Общее число арестованных по этим сфабрикованным делам составило несколько тысяч человек, в большинстве — бывших членов социалистических партий.

Широко распространилась практика арестов не только собственно членов соцпартий, но и их близких родственников, в первую очередь — жен, как правило, не имевших к политике никакого отношения. Обычным приговором «тройки» для арестованных последней категории было 10 лет тюрьмы и 5 лет поражения в правах. Тогда же были физически уничтожены и те немногие из числа старых социал-демократов, которые оставались живы несмотря на многолетние скитания по тюрьмам, лагерям и ссылкам.

— *В сороковые годы в общественном сознании социалисты уже воспринимались как «ископаемые ихтиозавры». Однако от этого их участь не облегчилась?*

— Напротив, большевиками было сделано все, чтобы покончить даже с теми социалистами, кто долгие годы находился в заключении, но все еще оставался жив. Постановлением Совета министров СССР от 21 февраля 1948 г. за № 416-159сс условия лагерного содержания особо опасных государственных преступников были ужесточены до крайности. Их труд применялся исключительно на тяжелых физических работах и в тяжелых климатических условиях; для них был установлен 10-часовой рабочий день, «камерное» содержание в бараках, особая форма с номерами на спине и головном уборе и т.п. После отбытия срока наказания заключенные особых лагерей направлялись в пожизненную ссылку на поселение в отдаленные районы под надзор органов МВД. Характерно, что последовавшие в августе 1953 г. «частичные изменения» постановления 1948 г. сохранили за меньшевиками и эсерами статус «особо опасных государственных преступников» и лишь незначительно облегчили условия их содержания.

К концу 1953 г. в особых лагерях и особых тюрьмах (Владимирской, Верхне-Уральской и Александровской) МВД СССР из общего количества заключенных в 94,7 тыс. чел. троцкистов, «правых», меньшевиков и эсеров оставалось менее 2 тыс. Но и эти несколько сот инвалидов и дряхлых стариков все еще представляли опасность для режима. Таков был итог беспощадной борьбы большевиков с соцпартиями, которая продолжалась в течение тридцати с лишним лет.

— *Александр Николаевич, советский миф о якобы самопроизвольном распаде соцпартий в России развеян, сфальсифицированность дел их членов доказана. Что предлагает комиссия?*

— Процесс реабилитации коснулся бывших членов партий социалистической ориентации лишь отчасти. Многие из тех, кто признан незаконно репрессированным и подлежащим реабилитации по обвинениям, выдвинутым против них в конце 1930-х — начале 1940-х гг., не считаются таковыми применительно к таким же сфальсифицированным обвинениям более ранних лет. Тысячи казненных или иначе репрессированных социалистов, анархистов не реабилитированы вообще. Человеческий долг требует восстановления их доброго имени и законных прав.

Исходя из этого предлагается:

1. Осудить политические репрессии, проводившиеся в годы советской власти в отношении членов российских партий социалистической ориентации.
2. Признать нарушением основных прав человека и гражданина репрессии в отношении членов российских партий социалистической ориентации.
3. Осуществить пересмотр дел на лиц, арестованных за принадлежность к партиям социалистической ориентации и отнесенных впоследствии к особо опасным государственным преступникам, которые до сих пор не реабилитированы.

№ 53

ДЕТОУБИЙЦЫ

Российские вести, 8 июля 1997 г. Беседу вел А. Губанов.

Благодаря стараниям советской пропагандистской машины, и, в частности, некоторым действительно талантливым фильмам и книгам, общеизвестна забота, которую, взяв власть, проявили большевики о подрастающем поколении страны. Мы искренне умилялись, как в короткие сроки диктатура «приютила и обогрела» беспризорников, научила детей грамоте. Однако почти неизвестно, что куда большее число малолетних (миллионы!) стали жертвами режима. Виновны они были только в том, что являлись детьми дворян, «кулаков», священнослужителей, всех тех, кто попал в обширный перечень «врагов народа». Родились немцами, чеченцами, калмыками, крымскими татарами...

В Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий подготовлен специальный Указ главы государства. Наш обозреватель беседует с ее председателем, известным политиком академиком Александром ЯКОВЛЕВЫМ.

— *Александр Николаевич, из открывшихся в последние годы фактов нашей истории мы все же узнали, что многие дети «врагов народа», как и их родители, пострадали — были заключены в лагеря, сосланы на спецпоселения... Но это как бы не ассоциируется с серьезными лишениями. А ведь иные были просто физически уничтожены! Тут и вовсе налицо закрытая страница прошлого...*

— Дело в том, что общественность и поныне почти ничего не знает о том, насколько широко большевики использовали в борьбе с политическими противниками такой метод, как заложничество. Ленин же считал по отношению к «классово чуждой среде» его совершенно необходимым и справедливым.

Содрогается сердце, когда узнаешь, что в 1918 году Петроградская ЧК постановила расстрелять 500 (!) заложников. Но совсем уже за пределами факта расстрела в Елисаветграде четырех девочек 3—7 лет и старухи-матери одного из офицеров, который не стал служить пролетарской власти. «Городом мертвых» назвали Архангельск, где комиссия, возглавляемая членом коллегии ВЧК М. Кедровым, применила расстрел к его жителям, включая мальчиков и девочек 12—16 лет.

Сотни родственников и близких, в том числе дети, участников Кронштадтского восстания¹ 1921 года также были взяты в заложники. Среди них дети генерала Козловского — семнадцатилетний сын и четырнадцатилетняя дочь. Жена генерала, обращаясь в президиум следственной комиссии, писа-

ла: «Я и моя дочь совершенно потеряли здоровье после шестинедельного одиночного заключения».

Брали детей в заложники большевики и когда боролись против крестьян, пытавшихся оказать сопротивление аграрно-крестьянской политике режима в 1918—1922 годах. С осени 1918-го года по инициативе ряда губернских ЧК, поддержанной в центре, началось создание концентрационных лагерей, большинство узников которых составляли члены семей «бунтовщиков», взятые в качестве заложников. Были там и женщины с грудными детьми. В протоколе заседания комиссии по делам о содержании детей-заложников в концлагерях Тамбовской губернии от 27 июня 1921 года отмечался большой наплыв «в концентрационно-полевые лагеря малолетних, начиная с грудных детей, и непригодности этих лагерей к длительному содержанию детей, последствием чего явились заболевания желудочного и простудного характера». Комиссией предлагалось детей-заложников до 15-летнего возраста включительно содержать отдельно от взрослых в особых помещениях, по возможности в черте лагеря. Однако документы свидетельствуют, что в той же Тамбовской губернии даже после проведенной кампании по «разгрузке» концлагерей в июле 1921 года все еще находились свыше 450 детей-заложников в возрасте от 1 до 10 лет.

— *Многие, думается, плохо представляют себе те условия, в которых проходила ссылка. Тех же «раскулаченных». Чтобы физически, причем наверняка, уничтожить, не всегда обязательно нажимать на курок.*

— Именно так. И вспомним о цифрах: общее число ликвидированных в стране крестьянских хозяйств в 30—40-е годы составило почти 7 миллионов человек. Крестьянские семьи тех лет насчитывали в среднем по 6—7 человек — половина были дети. Представьте себе масштабы детских страданий.

Теперь об условиях. Воистину чудовищен глас документов. Приведу одно из многочисленных писем Председателю ЦИК СССР. «Дедушке» М. Калинин у писали о высылке семей, к примеру, из Украины и Курска: «Отправляли их в ужасные морозы — грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге, и тут женщины рожали своих детей, потом выкидывали их из вагонов, как собак, а затем разместили в церквях и грязных, холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, в грязи, во вшах, холоде и голоде, и здесь находятся тысячи, брошенные на произвол судьбы, как собаки, на которых никто не хочет обращать внимания...»

В гиблых местах спецпоселенцы снабжались продуктами ниже самого низкого предела, медобслуживание практически отсутствовало. На лесоповале и на других тяжелых физических работах повсеместно использовался детский труд. «За отсутствием надлежащего питания, медицинского контроля и обслуживания — большая часть спецпоселенцев, потерявшая трудоспособность, не могла обеспечить выполнение плана хлебозаготовок, вследствие чего Леспромхоз дал распоряжение о привлечении на лесозаготовки всех без исключения спецпоселенцев, без различия пола и возраста, установив нормы выработки даже для детей 12-летнего возраста и стариков по 2—2½ кубометра в день, тогда как... средняя норма выработки для взрослого рабочего устанавливалась 3 кубометра в день», — сообщалось в докладной записке оперуполномоченного ОГПУ по Уралу.

От болезней, голода и каторжного труда люди умирали массами. Понятно, что скорее всего дети. В докладной записке Г. Ягоды от 26 октября 1931 года

председателю ЦКК ВКП(б) Я. Рудзутаку отмечалось: «Заболеваемость и смертность с/переселенцев велика... Месячная смертность равна 1,3 проц. к населению за месяц в Северном Казахстане и 0,8 проц. в Нарымском крае. В числе умерших особенно много детей младших групп. Так, в возрасте до 3-х лет умирает в месяц 8—12 проц. этой группы, а в Магнитогорске еще более, до 15 проц. в месяц».

В архиве комиссии немало писем, которые свидетельствуют о трагической судьбе малолетних «членов крестьянских дворов».

«В 1931 г. 12 апреля арестовали моего мужа... 15 мая меня выслали... Ничего не дали с собою. Голых и босых, и голодных, с детьми малыми. Отправили в Нарым 6 ребятишек и беременная сама 8 месяцев. На север, Нарымский край, Нововосюганский район по Восюгану на баржах. Выгрузили в болото, не было никакой постройки. Там дети и люди гибли как мухи от голода и холода. Там и мои дети погибли. За что, а кто даст на этот вопрос ответ. А у меня было детей — 9 ребятишек, 6 погиблов. Какие муки мы перенесли и кары». Это строки из письма Марии Леонтьевны Базих.

О трагической судьбе своей «раскулаченной» семьи написала Анастасия Федоровна Лавровская. «Семья состояла из 10 человек: родители и восемь детей. Когда началась коллективизация, отец сразу не вступил в колхоз, видимо, побоялся за свою семью, ведь тогда никто не знал, что это такое — колхоз. Ну и поплатился за это. Нашу семью 9 человек (старшая сестра вышла замуж и в ссылку не попала) сослали в Ставропольский край, село Дерботовка. Там прожили с год и снова всех вывезли на Урал, в Свердловскую область, Верхуторский р-н, где жили в спецпоселках Копанка, после в Колсолманке. За период с 1931 по 1934 год фактически семьи не стало, отец умер в 1931 году, потом пять моих сестер и братьев. Меня в 1933 году от больной мамы увезли в детдом города Верхопутье. Вся семья погибла от голода. Эта участь ждала и меня, если бы не увезли в д/дом. Я до сих пор не могу понять, за что, за какие грехи погибли мои родные, только за то, что имели свое хозяйство, сами себя могли кормить? Это же так дико, несправедливо».

Не менее трагична судьба детей, «раскулаченных» по третьей категории, то есть не отправленных в «кулацкую ссылку», но лишившихся своего имущества. В ноябре 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О недопущении кулаков и лишенцев в кооперацию», в котором указывалось, что «членами колхозов и других сельскохозяйственных кооперативов, а также промысловых кооперативных товариществ (артелей) и потребительских обществ не могут быть кулаки и другие лица, лишенные права выбирать в советы. Это был удар не менее жестокий, чем выселение из родных мест. Крестьяне не могли купить борону, сеялку, получить кредит, сбывать свою продукцию, не имели права приобретать в кооперативной лавке (частная торговля была уничтожена) товары первой необходимости. Они полностью лишились не только необходимых материальных условий для ведения самостоятельного хозяйства, но и возможности просто выжить. И гибли дети.

— *Пресловутый тридцать седьмой также, наверно, сильно ударил по детским судьбам?*

— Год «большого террора» справедливо было бы также назвать годом «изъятых детей». 15 июня 1937 года Ежов утвердил инструкцию о порядке подготовки и проведения операции по выселению из Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова, Таганрога, Сочи и прилегающих к Сочи районов тех, кто

в административном порядке был исключен из ВКП(б). Они выслались вместе с семьями, плюс подлежали высылке семьи репрессированных троцкистов, правых, децистов и т.п. Операцию планировалось провести с 25 июня по 25 августа 1937 года.

3 июля в инструкцию внесли коррективы. Местным органам НКВД указывалось представить списки на все семьи лиц, осужденных после 1 декабря 1934 года Военной коллегией Верховного суда, а также на семьи осужденных спецколлегиями судов. Сообщалось, что в ближайшее время эти семьи в количестве 6—7 тысяч человек «будут осуждены и должны быть изолированы в особо усиленных условиях режима». В связи с этим органам поручалось на базе существующих трудпоселков в Нарыме и Караганде организовать два концлагеря, «примерно по три тысячи человек, с крепким режимом, усиленной охраной (только из вольнонаемных), исключающей побеги, с обязательным обнесением колючей проволокой или забором, вышками и тому подобное, использованием этих контингентов на работах внутри лагеря».

5 июля Политбюро, рассмотрев «вопрос НКВД», приняло его предложение о «заключении в лагеря на 5—8 лет всех жен осужденных изменников родины, членов правотроцкистской шпионско-диверсионной организации». В постановлении Политбюро определялась и судьба их детей. Наркомвнуделу предлагалось «разместить детей в существующей сети детских домов и закрытых интернатах наркомпросов республик». Воля партии, оформленная в оперативном приказе НКВД СССР от 15 августа 1937 года № 00486, рассматривалась исполнителями как «особое задание по изъятию детей врагов народа».

Жены подлежали заключению в лагеря на сроки не менее 5—8 лет, а дети старше 15 лет — в зависимости от «степени родства» — в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД, либо водворялись в детские дома особого режима наркомпросов республик. Грудные дети направлялись с их матерями в лагеря, откуда по достижении одного — полутора лет передавались в детдома или ясли наркомздравов республик. Дети в возрасте до 3-х лет «уходили» в детдома и ясли наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных, а от 3 до 15 лет — в детдома наркомпросов других республик (не столичных и пограничных городов).

О положении детей «врагов народа» в детдомах свидетельствуют даже сами документы НКВД: «... в ряде детских домов имеет место враждебное отношение к детям репрессированных, переходящее в случаи прямого издеательства над ними», «во многих детдомах детей репрессированных называют троцкистами, преследуют, рассматривая их как врагов». «В Федоровском детдоме Кустанайской области Казахской ССР имеют место массовые побеги детей репрессированных родителей. Дети не занимаются, так как их избивают школьники хулиганы... Дети репрессированных Кручина и Степанова были изнасилованы взрослыми воспитанниками. В столовой детдома на 212 детей имеется всего 12 ложек и 20 тарелок. В спальне — один матрац на три человека. Дети спят в одежде и обуви».

В январе 1939 года подчиненные докладывали наркому Берии, что за полтора года число «изъятых детей» составило 25 342 человека.

— *А сколько примерно детей пострадало при населенных переселениях людей?*

— Жертвами стали сотни тысяч несовершеннолетних. С конца августа 1941 года началось выселение немцев. В течение 1943—1944 годов такая же печальная участь постигла калмыков, чеченцев, ингушей, карачаевцев, бал-

карцев, крымских татар, болгар, греков, армян. В 1944-м из Грузии были выселены турки-месхетинцы, курды, хемшилы, азербайджанцы.

Документы свидетельствуют о проявлениях крайней жестокости при выселении народов: «В расположенном в высокогорной местности Нашхойском сельсовете Галанчешского района ЧИ АССР, в общественном сарае аула Хайбахой были расстреляны и сожжены специально собранные там больные и старики, а также женщины с малолетними детьми и беременные, которые не смогли бы совершить трех-четырёхсуточный переход по заснеженным горным тропам».

В связи с переселением значительной части людей без имущества, крайней теснотой в вагонах имели место «многочисленные случаи смерти людей в эшелонах, в том числе новорожденных и малолетних детей, умирающих от истощения».

Всего по состоянию на июль 1949 года общее число спецпоселенцев — представителей репрессированных народов составило 2 092 527 человек. Детей до 16 лет из них было 755 278. Процент смертности в целом дошел до 27 процентов. Среди детей она была выше, чем среди взрослых.

— Александр Николаевич, реабилитация репрессированных, как известно, бывает двойкая — моральная и материальная. Со второй, боюсь, сегодня будет ох как сложно: с выплатой зарплат и пенсий проблема, куда уж тут до любого вида добавок и тем более льгот реабилитированным.

— Разумеется, прежде всего нужно провести политический акт — осудить бесчеловечную политику большевистского режима, уничтожившего или надломившего жизни миллионам детей². А то ведь многие из выживших до сих пор имеют «черные пятна» в биографии. Для выполнения в полном объеме постановления Конституционного суда РФ от 23 мая 1995 года следует принять меры к ускорению рассмотрения Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в закон Российской Федерации «О реабилитации жертв политических репрессий». Ибо пока на законодательном поле происходит немало недоразумений. Мы предлагаем установить в Москве памятный знак детям — жертвам политических репрессий. Что касается материальных компенсаций, тут правительству и его органам на местах надо строго выполнять существующие на этот счет законы. Да и совесть надо расшевелить...

№ 54

«ФАШИЗМ ПРОСТ, КАК ПАЛКА, ПОЭТОМУ С НИМ ТАК СЛОЖНО БОРОТЬСЯ»

Литературная газета, 9 июля 1997 г. Беседу вел Ю. Соломонов.

— Александр Николаевич, в этом году у Вас своеобразный юбилей: двадцать пять лет назад в «Литературной газете» была опубликована ваша ставшая скандальной статья «Против антиисторизма»¹. На мой взгляд, это был поступок по тем временам дерзкий. Не зря же Вы вылетели из ЦК... Вообще, как все было? Откуда в Вас вдруг возникло желание такое написать?

— Дело в том, что в то время в печати все чаще стали появляться статьи, папахивающие шовинизмом и национализмом. Я один раз написал записку, два... Понимаете, какая вырисовывалась закономерность... Появляется, скажем, в московском «патриотическом» издании шовинистическая статейка, и тут же в союзной республике, задетой публикацией, печатается материал

антироссийского, антирусского толка. И наоборот — стоит республиканским «патриотам» самовыразиться на страницах местной прессы, как тут же их «двойники» из России дают отповедь. Кроме того, стали появляться статьи об исторических фигурах той или иной нации...

— *Что же в этом скверного? Вам наверняка скажут, что это было начало национального возрождения республик, задавленных имперской политикой Кремля.*

— Сказать-то непременно скажут. Но ведь любой интеллигентный человек способен отличить национальное возрождение от махрового национализма. Кстати, авторами статей, о которых я говорю, выступали как раз интеллигенты, литераторы, историки. Это были первые попытки втянуть народы в межнациональные дискуссии.

Может, поэтому я и решил написать такую статью.

Конечно же, я действовал в рамках тех правил, которые тогда существовали, и потому давал читать свои тезисы коллегам, разумеется, самым уважаемым мной.

Говорили разное. Борис Панкин, чрезвычайно уважаемый мной главный редактор «Комсомольской правды», написал свои соображения, еще несколько человек давали мне свои советы.

Когда я показал материал помощнику Брежнева Александрову-Агентову, тот настоял на марксистской преамбуле. Я согласился, так как понял, что без соответствующего ритуального оформления моя работа никогда не увидит свет. Давали советы и другие люди.

Потом статья оказалась у главного редактора «Литературки» Александра Борисовича Чаковского. Он-то за нее и ухватился крепче других. При этом спросил: «А ты знаешь, что тебя за это могут снять с работы?» Я, помню, что-то промямлил насчет своей догадливости, но, честно говоря, в правоту этого прогноза не очень-то поверил. А главное — хотелось, чтобы это было напечатано.

Но Чаковский не был бы Чаковским, если бы не сказал: «Извини, но я тоже подставляю свою голову, поэтому позволь мне показать материал Демичеву».

Демичев сказал, что не советует это печатать. Но и не запретил.

Чаковский этим и воспользовался. Конечно, он сам занялся редактированием и сокращениями. При этом волновался, надо сказать, больше, чем я...

Короче, напечатали.

Через неделю Чаковского пригласил к себе секретарь ЦК Кириленко и сказал, что главный редактор подвел и себя, и Центральный Комитет, поскольку всем известно, что Яковлев — работник этого учреждения. Таким образом, становилось ясно, что руководство против того, чтобы подобные темы обсуждались в печати, а значит, и в обществе.

Интересно, что Демичев так никому и не сказал, что читал статью до публикации.

Но реагировало не только начальство — я стал получать письма. Примерно более четырехсот писем пришло в поддержку моей позиции. Я, конечно, радовался, что критических откликов крайне мало. Но оказалось, что все несогласные писали не мне, а выше. Привитый сталинизмом рефлекс доносительства, он ведь по сей день живет. А двадцать пять лет назад доносительство было возведено в ранг патриотизма.

Позвонили от Сулова. Спросили, получаю ли я через редакцию отклики. По их просьбе я отправил в ЦК всю почту. Так она там и сгинула. Если бы сейчас эти письма отыскать, то можно было бы понять, как еще в то время люди чувствовали опасность шовинизма, национализма и антисемитизма.

Дальше события развивались так. По какому-то поводу я вместе с другими работниками оказался на совещании в кабинете Брежнева. И Леонид Ильич с присущей ему отеческой заботой вдруг обратился ко мне: «Ты чего там написал?» Я ответил. «Чего ж ты меня не спросил?» — поднял брови Брежнев. Я стал объяснять, что выступил в печати как частное лицо. «Ты это брось, — сказал Леонид Ильич, подойдя ко мне сзади. Положив мне руку на плечо, он изрек: — Вот на этом и закончим».

После совещания друзья стали меня поздравлять с тем, что пронесло. Черта с два! Спустя некоторое время мне сказали, что Анатолий Софронов якобы ездил к Михаилу Шолохову и привез от того письмо, осуждающее мою статью. Потом один из помощников Брежнева сообщил, что поступило письмо с Украины, инициированное Шелестом: украинские литераторы били тревогу, при этом особенно волновались не за украинский народ, а за то, что я обижаю «старшего брата». Затем такое же письмо от узбекских писателей с резолюцией Рашидова, и в нем тоже страшное волнение за то, что Яковлев оклеветал великий русский народ. Такая вот трогательная забота и неподдельная любовь к россиянам. Чем этот роман закончился, мы сейчас видим. Точно так же сегодня можно убедиться и в том, был ли я прав в самой постановке проблемы. Ведь в тех верноподданнических доносах писателей говорилось, что я поднял несуществующий вопрос.

Пришло письмо из Ленинграда от некоего Выходцева. Это был уже целый теоретический труд с многочисленными цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина.

Мне эти сорок страниц дали прочесть. Элементарное околонучное словоблудие, цель которого — доказать, что Яковлев не только не прав, но и вообще он не марксист.

А марксистом-то я, к сожалению, был в отличие от тех, кто решал мою судьбу. Им-то было достаточно того, что «теоретик» Выходцев наплел из цитат. В те времена особо ценилось, когда «непонятно, но здорово». И вот на секретариате ЦК меня все же решили «проработать». Кириленко немедленно оборвал того, кто докладывал суть моих теоретических ошибок: «Эту тяготину можно не зачитывать!» То есть секретарей ЦК волновало не содержание, а форма: собрались, заслушали, постановили.

Однако на том секретариате меня еще с работы не сняли. О том, что уволен, я узнал, когда лежал в больнице. Вот с той поры я и стал «руссофобом», «евреем», «агентом ЦРУ» и т.д.

— Позже, уже после Вашего возвращения из десятилетней ссылки в Канаду, после августа 91-го², В. Крючков обвиняет Вас в связях с иностранными спецслужбами³. А он ведь не бабушка с рынка, а бывший председатель КГБ СССР.

— Знаете, после обвинений Крюčkова Генпрокуратура по моей просьбе завела дело и несколько месяцев дотошно проверяла все эти бредни Крюčkова. Допросили десятки людей, в том числе бывших председателей КГБ Виктора Чебрикова и Вадима Бакатина. Понятно, что Крючков занялся клеветой. В Генпрокуратуре посоветовали подать в суд. Я вначале этой идеей увлекся, а потом стал думать: ну, получит обидчик пять лет, будет сидеть. А мне от этого что? Счастья прибавится, здоровья? В общем, не стал судить-

ся. Такая вот интеллигентская рефлексия. Хотя и понимаю вред такого прощеньчества для демократических процессов. Уж кто-кто, а национал-большевики такую жалостливость будут толковать совершенно иначе — испугался, мол. Они-то уж точно никого не пощадили бы...

— *А что Вы сейчас скажете про ту свою статью? Вы чувствуете себя в некотором роде пророком?*

— Сейчас я вижу, насколько она была консервативна и где-то даже кондова, но по тем временам, как видите, бомба. С другой стороны, к глубокому сожалению, я оказался прав. Но это тот случай, когда своим пророчествам радоваться не хочется.

— *Александр Николаевич, но, наверное, нельзя не согласиться с тем, что в исканиях литераторов той поры была своя правда и своя польза. Возьмите ту же деревенскую прозу...*

— Но с писателями-деревенщиками я вовсе не боролся, напротив, активно их поддерживал. Федор Абрамов, Валентин Овечкин — с ними я встречался не один раз. А раннюю прозу Василия Белова просто боготворил! В произведениях этих писателей была боль за уничтоженного крестьянина, за угробленную, советской властью уничтоженную деревню. Как раз за поддержку «деревенщиков» мне тоже перепадало. Мы-то говорим не о них, а о тех, кто, спекулируя на теме, на реальных бедах народа, протаскивал другие, далеко не безвредные идеи, идеи национального фанатизма.

— *Вы могли себе представить, что спустя двадцать пять лет в России появятся свои фашистские формирования, что страну заполонят национал-социалистические издания, что с национал-патриотами начнут сливаться коммунисты? Зюганов перед многомиллионной аудиторией разглагольствует о том, что надо-де следить за национальным составом правительства. Президент Ельцин целуется с Лукашенко, с человеком, который публично восхищается тем, как Гитлер возродил экономику Германии и навел в стране порядок.*

Что происходит с Россией, Александр Николаевич?

— Знаете, в такой ситуации мне крайне неприятно выговаривать фразу «А я ведь вас двадцать пять лет назад об этом предупреждал». Но мы действительно запустили страшную болезнь, вовремя не удалили раковую опухоль.

— *А разве нельзя было с этим начать бороться, скажем, в начале перестройки, когда КПСС стала реформироваться? В том же ЦК мне приходилось общаться с умными, все понимающими людьми. Знали они о том, что происходит, и тоже серьезно тревожились.*

— Все зло здесь заключено не в отдельных людях, а в таком серьезном явлении, как двойственность власти. Ее имманентное свойство — говорить, провозглашать одно, а делать совершенно другое, прямо противоположное. Разве КПСС не объявляла себя первой интернационалисткой, крепящей дружбу между народами? А на деле? Разве мы не знали, что были учебные заведения, в которые по негласным распоряжениям либо не принимали евреев, либо ограничивали их прием, и за этой нормой внимательно следил КГБ... И вообще сколько судеб сломал этот пресловутый пятый пункт!⁴ А газеты в это время трещали об интернационализме. И такое двуличие было не только в национальном вопросе.

Если мы почитаем решения последних съездов партии, у нас голова закружится от того, насколько верной, мудрой и человеческой была намечаемая КПСС политика. Тут вам и свобода, и демократия, и интернационализм... Песня! Но делалось-то все наоборот.

Возьмите материалы XXVIII съезда КПСС. Да это же почти полностью программа социал-демократической партии. Но на деле-то стала проводиться политика еще более реакционная, чем прежде.

Такое ощущение, что в советское время были две партии — одна публичная, другая подпольная. Последняя как раз и чинила все эти безобразия, прокладывая дорогу нынешнему фашизму.

— Александр Николаевич, не знаю, как Вам, но лично мне кажется слегка странным, что в России, пережившей такую страшную войну, весьма спокойно воспринимаются русские фашисты. Если оставить в стороне полемику о духовном родстве фашистской идеологии и коммунистической (об этой близости много написано и сказано), то в чем причина этого спокойствия? Мне-то кажется, что как раз Великая Отечественная притупила наше отношение к нашему фашизму. Он для большинства россиян до сих пор представляется в виде захватчика, солдата в мышинового цвета мундире, каске и со «шмайсером» наперевес. Вот этот говорящий на ломаном русском языке для нас — фашист. Остальное — выдумки рефлексирующих интеллигентов. Не может, мол, в стране, сломавшей хребет Гитлеру, возникнуть нечто подобное. Как-то с трудом мы осознаем, что Гитлера Германия добровольно выбрала своим вождем, что активнее других его поддерживали, например, школьные учителя, что фашизм — это особая психология, способ мышления.

— Да, очень сложный вопрос. Я могу судить по себе. Мне, участнику войны, воевавшему с конкретными носителями этого зла, тоже было крайне трудно. Да и читая писания наших «патриотов», я длительное время пытался ответить на вопрос, куда и кому они торят дорогу. Некоторые мои друзья объясняли их пафос искренней болью за Россию. Увы. Любое рассуждение о сложностях бытия сводилось у этих «инженеров человеческих душ» к поиску виноватых. Виновниками всех бед оказывались евреи, масоны, космополиты, агенты ЦРУ и мирового капитала, интеллигенты, а наше время добавило к этому набору еще и демократов, «лиц кавказской национальности».

Образ врага всегда дает возможность не думать, не искать истинных и серьезных причин того или иного явления. Вот эти фантомы иррационального сознания рождают все — крестовые походы, охоту на ведьм, кампании по борьбе с космополитами, путчи и т.д.

— Как-то я прочел в одной газете биографическую справку о генерале, исповедующем патриотические взгляды, что само по себе могло бы быть достоинством, если бы не коротенькая фраза в конце: «Верит в истинность “Протоколов сионских мудрецов”»⁵. Это сразу все переворачивает — не родину человек любит, а всего лишь занят поиском мифических врагов. И потом ведь это не полуграмотная тетя Нюра, а боевой генерал, командовавший до недавнего времени военным округом. Где гарантия, что в один прекрасный момент ему что-нибудь не померещится и он не выведет войска из казарм? А может схватиться и за тактическое ядерное оружие...

— Конечно, невежество — страшная разрушительная сила. И когда человек, закончивший несколько академий, не удосужился изучить историю известной провокационной фальшивки — это печально. Но мне-то кажется, что идейные вдохновители «патриотических сил» все прекрасно знают. Они просто дураят людям головы. Плохо живущему, измотанному человеку невольно хочется простых объяснений сложности мира, а главное — и простых решений. А на этом и строится вся фашистская пропаганда — на простых решениях сложных проблем. Зачем, к примеру, вникать в сложности эконо-

мической и финансовой политики, предлагать свои модели выхода страны из кризиса, когда можно глубокомысленно изречь: «Что-то многовато у нас в правительстве людей со странными фамилиями...» Или: «План по уничтожению русского народа вступил в действие». И все! Дальше, как говорится, хоть стой, хоть падай. Как же надо не уважать свой народ, чтобы утверждать, будто он бедная жертва империалистического или еврейского заговора!

Фашизм прост, как палка. Поэтому с ним сложно бороться.

Но, повторяю, я уверен, что многие идеологи национал-патриотизма не верят в то, что говорят народу. Вы думаете, они так уж боятся продвижения того же НАТО на Восток? Черта с два! Им это выгодно. Чем сильнее будет антинаатовская истерия, тем больше шансов у национал-большевиков взять власть. Я недавно выступал перед западными политиками и говорил о том, что продвижение НАТО помогает нашей внутренней реакции. Нам, как я считаю, надо бояться именно этого, а вовсе не военной угрозы извне. И в этом смысле НАТО помогает зюгановым и баркашовым бороться с российской демократией и реформами.

— *А наша власть, такая бедная, несчастная, не знает, как себя вести. То ли с оппозицией против НАТО, то ли с НАТО против российских «ястребов». Вообще, политика нынешней власти — как она Вам?*

— Меня, несмотря на то, что я избранный курс поддерживаю, не устраивает многое. Общее замечание я бы вывел такое: из начатого мало что доводится до ума. Нет того, что можно было бы назвать результатом. Возьмите время перестройки. Можно перечислить конкретные дела. Окончание «холодной войны», появление свободы слова и печати, альтернативные выборы и т.д. А сейчас что?

Сколько лет идут разговоры о военной реформе! Пока меняются министры и идут пустопорожние споры, в армии растет напряжение. То же самое с судебной реформой. А земельная! Никуда не продвинулись. Как не было частной собственности на землю, так ее и нет. Создание среднего класса... Где он, этот класс, основа демократии и реформ? Пока в стране будет преобладать люмпенизированное население, существует реальная опасность прихода к власти фашизма. Эта политическая азбука никак не усваивается нынешней властью.

А в это же время коммунисты и элдэпээровцы тормозят в Думе многие законопроекты. Их пугает появление среднего собственника, частного человека. Им нужен люмпен. Как социальная база для новых революций. К сожалению, власть в этом вопросе часто оказывается бездумной пособницей оппозиции.

Кстати, в деятельности прессы меня тоже многое не радует. Без ложной скромности скажу — некоторый опыт защиты журналистов, руководителей изданий от самодурства коммунистической власти у меня есть. И, конечно же, хорошо, что сегодня мы имеем свободу печати. Но пресса как бы присоединилась к государству по проблеме прав человека. Она первая нарушительница прав человека. Она беззастенчиво влезает в личную жизнь политиков и простых граждан, она публикует бездоказательные обвинения, она напрочь забыла о презумпции невиновности... Я не к цензуре призываю, а к тому, чтобы журналисты слегка себя остудили, стали бы более самокритичными и профессиональными.

Впрочем, разве это относится только к журналистам?

Иногда меня спрашивают, чему я поклоняюсь.

— Сомнению, — отвечаю.

Если нет сомнений в собственной правоте, человек мертв. А журналист — тоже человек.

№ 55

В АМЕРИКЕ НЕТ СВОЕГО ШТИРЛИЦА

Новое время, № 39, 5 октября 1997 г.

1. Вздрагиваете ли Вы при слове «ЦРУ»? Остались ли Ваши представления об этой аббревиатуре неизменными?

2. Минувшую эпоху определяют по-разному: говорят, что это была борьба капитализма и социализма... свободы и тоталитаризма... Можно ли сказать, что это была эпоха борьбы между ЦРУ и КГБ? Кто победил в этой борьбе?

Александр Яковлев, бывший член Политбюро ЦК КПСС:

1. У меня лично нет доверия к любым спецслужбам. Не к отдельным людям — в этих службах немало честных и умных людей, — а к службам как таковым. Все они работают на принципах подозрительности и секретности — это их горючее, равно как и спасение. Уверен, что затраты на добытые секреты превышают очень часто мыслимые пределы, хотя цена им копейки или центы. Все эти игры организуются правящими элитами для устрашения людей и удержания власти.

Конечно, во время войн и реальных опасностей конфликтов нелишне знать планы противников, но такие успехи случаются слишком редко. Героизация шпионажа вообще вредное дело, она извращает психологию людей. Более того, окончание «холодной войны» вообще ставит вопрос о спецслужбах по-новому. С их опытом и возможностями надо бы сосредоточиться на борьбе с терроризмом. Остальное все — великий обман, замешанный на преступлении, репрессиях, убийствах, спекуляциях на зверином в человеке. Если завтра во всех демократических государствах будут ликвидированы спецслужбы, то мир вздохнет с облегчением.

2. Что касается победы ЦРУ или КГБ, то там победителей быть не может. Идеология у них одна и та же — антидемократическая. В игре «нанайских мальчишек» победителей, как известно, не бывает.

№ 56

«ЕСЛИ БЫ ГОСУДАРСТВО МОГЛО ПРИЗНАТЬ СВОЕ УГОЛОВНОЕ ПРОШЛОЕ...»

Российские вести, 30 октября 1997 г. Беседу вел А. Губанов.

Социальное бытие России всегда держалось на рывках и откатах. При любых реформах, прорывах в общественном сознании мы действуем по принципу: «Рывок вперед и быстро назад». Сегодня страна отмечает День памяти жертв политических репрессий¹. Но признаем, положи руку на сердце: нет уже того порыва осуждения политпалачей, что имел место в начале девяностых, пропало и высокое сочувствие к жертвам большевистского режима. Как-то все больше в ходу фраза из времен брежневских: «Да, репрессии — зло, но не так уж однозначно все это было...» В чем тут причина? Кто ответствен за эту растущую ущербность в общественном самочувствии? Об этом наш обозреватель беседует с известным ученым и политиком, председателем Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий Александром ЯКОВЛЕВЫМ.

— Александр Николаевич, отношение к репрессиям поменялось не только на уровне высоких категорий общественного мнения: есть и более конкретные симптомы. К примеру, на 30 октября работники аппарата Госдумы решили организовать для себя праздник. С концертом артистов и ценными подарками. Между прочим, прежде всего тем, кто стоял у истоков штурма мэрии и Останкино в 1993 году². Ничего себе, День памяти жертв большевистского террора!..

— В общем-то, здесь нет ничего нового. Помнится, и в советское время, когда процесс реабилитации жертв политических репрессий едва успел начаться, в Политбюро сразу же появились элементы «тихого» саботажа. Член соответствующей комиссии Крючков выступил против пересмотра дела об убийстве Кирова. Настаивал на чисто уголовной версии произошедшего (дескать, Киров был убит из ревности и тому подобное). Налицо было нежелание доходить до корней, до политической сущности убийства. Я (председатель комиссии) тогда не подписал заключительный документ, но все остальные... Они сказали «да» попытке «не обобщать», свести, по сути, политическое деяние к чистой уголовщине, выгородить и Сталина, и Ягоду, и все высшее руководство КГБ³.

Второй пример. Рабочий аппарат по моему поручению подготовил материалы о личных преступлениях всей партийной верхушки — их не разрешили предать гласности. Зато появились явно заказные статьи, напитанные героизацией жизнью и дел работников ВЧК, КГБ... Расписывались их подвиги, с легкими оговорками о том, что и у них, мол, «были промашки». Пошла «распашка» темы честных заблуждений. Преданность, верность службе — это главное, а ошибки, издержки — ну у кого их не бывает?!

— Ничего себе «издержки» — миллионы расстрелянных, умерших от голода и истязаний. Похоже, это «вечнозеленый» тезис — оправдание, многое не получилось, но задачи-то какие благородные! Недавно и на официальной сходке леворадикалов первый человек того собрания победно заявил: «Еще ни один противник коммунизма не смог опровергнуть величия наших идеалов!»

— События 91-го⁴, однако, несколько поднапугали наследников Октября. Они попритихли, сбились на лепет. Защищали себя заявлениями типа: «Ну вы же не можете отрицать, что реабилитация жертв политических репрессий началась по инициативе коммунистической партии?! Это мы ввели гласность, альтернативные выборы, закончили «холодную войну...» Иными словами, стали приписывать себе то, против чего боролись насмерть и борются до сих пор. Деталь безграничного цинизма!

— Но это было, так сказать, временное отступление большевиков. Потом они выиграли дело в Конституционном суде⁵. Компартия вновь начала действовать...

— И сразу же изменился их тон! Лепет, оправдательность речей оказались ненужными — пошла атака на демократию, откровенная реставрация большевистских идеалов, средств и методов действия.

— Но не кажется ли Вам, что оппозиция, по сути, весьма труслива и действует так, как ей позволяет это делать. А значит, мы должны говорить об ответственности самой власти за происходящее, за вышеназванные «откаты», «отступления» и тому подобное? Как можно ставить вопрос, допустим, о необходимости или нецелесообразности выноса тела Ленина из Мавзолея, если государство официально и исчерпывающе не дало оценку политическому явлению, именуемому ленинизмом или сталинизмом? Что говорить о полит-

репрессиях, если до сих пор в героях или полугероях дзержинские и уже с ними? Если города замусорены памятниками и портретами бывших вождей-преступников? Тысячи улиц и площадей носят их имена. Полстраны думает так, а полстраны этак — и это особенно логично без официальных оценок...

— Вы совершенно правы. Неопределенность позиции власти и удивляет, и возмущает. Надо в конце концов определиться, куда мы собираемся идти — к реставрации прежнего режима или к окончательной победе нового. Расплывчатость губит. Год примирения и согласия⁶... Он провалился, ибо совершенно непонятно: с кем было примиряться и соглашаться (и в чем?). Давайте вдумаемся, что же у нас происходит! Мы, реформаторы первой волны, не смогли дать четкого определения нашего наследия. Тогда начали «совершенствовать» социализм, хотя понимали всю тяжесть наследия. Беззаконие, расстрелы без суда и следствия, дети-заложники, постоянная угроза войны, коррупция, нищенство, разгром деревни и многое другое. Но не хватило мужества признать, что все эти мерзости — не только от Ленина и Сталина, а от самой системы, ими созданной.

Между тем надо наконец понять, что после 1917 года в России сложилось практически уголовное государство.

Насильственный переворот — это уголовное преступление? Несомненно. Организация гражданской войны с походом брата на брата, отца на сына? Безусловно. В результате погибло 13 млн человек. А 15 млн погибших в результате репрессий — к какому разряду преступных деяний можно отнести? Опять-таки исключительно уголовных. Как и уничтожение дворянства как сословия, крестьянства, казачества... А неподготовленность ко Второй мировой войне, в результате чего вся Западная группировка войск Красной Армии попала в плен и мы за три месяца отдали гигантскую территорию страны, — это что? Уголовное преступление. По всем законам и правилам. То же было и после войны. Ленинградское дело, дело врачей, борьба с космополитами. Все это во имя совершенства социализма и коммунизма. Химерой мы оправдываем цепь преступлений государства перед собственным народом, не давая им должной оценки. Генофонд страны катастрофически подорван, а мы все ждем новых гениев, талантов, взрыва инициативы... Откуда всему этому взяться?

— *Впереди годовщина Октября...*

— Опять-таки вместо дня Скорби и Покаяния многие будут «праздновать дату»⁷. Отчего? Да потому же. Нет четких, внятных оценок прошлого. Кстати, и мне уже приходилось высказываться по этому поводу. Я понимаю, с этим трудно примириться, но никакой революции не было, тем более великой и социалистической. А что было на самом деле? Власть валялась на осенней мостовой. Никто не управлял страной. Армия развалилась. В магазинах было пусто, люди митинговали, громили хлебные и винные лавки. Отряд большевиков вошел в Смольный. Антонов-Овсеенко арестовал министров Временного правительства. Сопrotивления никакого не было, как и залпа «Авроры». Выстрелы были, но только в потолки залов Смольного. Дальнейшая героизация штурма Смольного произошла по тому же сценарию, что и штурма Бастилии, которого тоже не было, поскольку не было никакого сопротивления. В Бастилии в это время сидели всего 7 заключенных (мошенники, двое сумасшедших и один развратник). Охранял их отряд инвалидов.

— *И все-таки где истоки проблемы?*

— Причин много. И грусть по молодости, которая прекрасна. И короткая память, которая аморальна. И жажда вернуть прошлое, то есть власть,

от борьбы за которую идут многие беды и несчастья. И как реакция на многие ошибки уже демократической власти, в результате чего понятие «демократ» ассоциируется со словом «вор». Хотя вор и хапуга, независимо от того, какими лозунгами они прикрываются, остаются ворами и хапугами, место которым в тюрьме, а не у власти.

Кроме того, происходит сращивание старой и новой номенклатуры. Находятся общие денежные и властные интересы. Поэтому зачем копать в прошлом? Надо тебе и мне, допустим, купить за бесценок по особняку — забудем о политических разногласиях. Забудем об отцах и дедах — одни из них расстреляны, а другие награждены за это орденами. Какая разница?

В этой «новой идеологии» я вижу серьезную опасность дальнейшего укрупнения в обществе безнравственности, которая и без этого уже разъедает общество.

— Александр Николаевич, а Ваша Комиссия сегодня — в свете нашего разговора — не ощущает трудностей в работе? Только откровенно...

— Откровенно? Мы направили Президенту два проекта указов о детях ГУЛАГа и деятелях социалистических и других партий подобного же толка, уничтоженных полностью большевиками. И они... лежат под сукном. Встретившись недавно с руководителем Администрации Президента РФ Валентином Юмашевым⁸, я попытался узнать о судьбе этих документов. Он проявил интерес к этому делу. Но... Ему никто об этом не докладывал. Но я-то знаю, что чиновники, прикрываясь идеей согласия и примирения, готовы, причем с радостью, забыть о любых преступлениях прошлого.

«Интересная» личность — наш чиновник! Четко держит нос по ветру: раз сегодня нет спроса на то-то и то-то, я и не буду суетиться... К тому же чиновника к диктатуре всегда больше клонит. Из-за чего получаем, к слову сказать, страшную вещь — диктатуру чиновника. Появились и трудности с архивами. Закон законом, а практика практикой. Наша комиссия, например, не может добиться от Генеральной прокуратуры приговора по делу Берии. То одно, то другое, а время идет. Некоторые так называемые секретные документы придется переводить с английского, поскольку за рубеж эти документы уже проданы.

№ 57

ПОРЯДОК ПУЛИ И КНУТА

Литературная газета, 12 ноября 1997 г. Беседу вел Л. Почивалов.

Исполнилось 60 лет утверждению в нашей памяти 1937 года, самого черного года в истории большевизма. Именно тогда был подписан приказ НКВД № 00447, по которому в стране начались массовые казни.

Вот об этой горькой годовщине и шел разговор с Александром Николаевичем Яковлевым. Зачем большевикам понадобились столь чудовищные репрессии? Почему народ так безропотно покорился геноциду? Почему столь бездумно верил Сталину? Есть ли опасность повторения в России новой войны власти против собственного народа?

Вот что в ответ на эти вопросы рассказал наш собеседник.

— На мой взгляд, для того чтобы понять значение тридцать седьмого, нужно найти мужество и признать, какое в действительности было наше го-

сударство. На основании многочисленных научных документов я прихожу к выводу: мы создали по своей сущности уголовное государство. И отсюда другой горький вывод: все мы в нем, в этом государстве, жили, многое ему отдавали, миллионы советских людей верили в него, в нем наша была гражданская и человеческая сущность, наши силы, наше здоровье. Но правде надо смотреть в глаза. Восемьдесят лет назад в России произошел насильственный государственный переворот. Антисаконный, преступно-уголовный. С него все и началось. Его естественное продолжение — Гражданская война, которая унесла 13 млн жизней. Война преступная: сын шел на отца, брат на брата. Во имя чего? Во имя чего сражались те, кто был под красным знаменем? Во имя неведомых химер, которые были где-то за далеким горизонтом, которых видеть не видели, только что-то о нем, заманчивом, слышали. Ради неведомого, призрачного убивали, убивали, убивали...

А потом была коллективизация и миллионы согнанных со своих земель крестьян, которые одним махом вдруг стали «врагами народа». Новое уголовное деяние государства. Безнаказанность вдохновляет. Были организованы показательные судебные процессы над несуществующими в действительности, специально выдуманными всякими блоками и группировками, в которые разом вписывали неугодных вождю людей. И результат всего этого — еще 15 млн репрессированных.

Сразу скажу: цифры эти приблизительные. До сих пор находят безвестные захоронения все новых и новых жертв сталинского геноцида.

Ну, а потом — Отечественная война. 30 млн погибших — и солдат, и мирных жителей. Да, это был великий подвиг народа, а вовсе не заслуга правителей страны. В результате их бездарности, безответственности, самомнения число жертв войны умножалось. Они за ценой не стояли. Именно народ спас их самих в этой войне. По их вине 4 млн наших солдат в первый период войны оказались в плену у противника. Многие в неволе погибли, а те, кто выжил в гитлеровских концлагерях, вернувшись на родину, сразу же оказались в концлагерях сталинских.

После войны: «дело врачей», борьба с «космополитизмом», «ленинградское дело»... И все это на основе лжи.

В контексте всех этих преступлений и надо рассматривать тридцать седьмой год, когда Сталин решил окончательно расправиться со всеми инакомыслящими или просто молчавшими, ему не аплодирующими. И прежде всего с интеллигенцией, которую ненавидел.

Сущность большевизма состоит в том, что он может существовать только в условиях страха. А это — убийства, ссылки, подневольный труд... Стало быть, стопроцентная уголовщина. В те годы многие из нас полагали, что нами управляют нормальные люди, с ясным умом и чистой совестью. А на самом деле они были уголовниками и мастерами политической демагогии.

Конечно же, в преступных деяниях этих людей сказывались и особенности их характера, их биографий. В мышлении Ленина ставка на насилие была определяющей. Только незадолго до смерти, во время болезни в нем проступило некоторое просветление: что же мы натворили! А у Троцкого, у Сталина в характерах были бесспорно черты убийц.

Почему наш народ мирился с произволом? Почему так легко принял все большевистские постулаты революции, насилия, диктатуры, классовой борьбы, отрицания права на частную собственность, отрицания гражданского общества, воинствующий атеизм, отрицания семейного воспитания —

только общественное! Принял, смирился! Почему? Российский феномен! Он — издавна, с древних времен, с ханских нагаек, с опричнины, с Лобного места на Красной площади. Но особенно он стал проявляться в XIX веке, когда создавалась специальная теория террора. На Западе она не получила широкого распространения, в России прижилась. Здесь появились даже собственные ее теоретики. Почва в России оказалась подходящей. Веками здесь культивировалось понятие «воля». Нет, не свобода, а именно «воля». Исходя из этого именовали себя «народовольцами» русские террористы, стрелявшие в царей якобы по воле народа. А воля — это когда все позволено: гуляй, братва, на всю катушку, грабь усадьбы, стреляй в помещиков и министров. Сам себе царь! Хоть на день! Куражься, пока тебя не обуздали! А к обузданию у нас постоянная готовность. И все по причине нашего векового нищенства, рабства, забитости. Привыкли полагаться не на себя, а на князя, барина, воеводу, царя, вождя, генсека, а теперь и на президента. Вспомним классическое: «В России чтут царя и кнут».

Сопrotивление большевизму все-таки было. Массовое, но краткосрочное. Это белая армия. Во главе ее была не голытьба, а офицерская элита. Но и она оказалась заложницей традиционного российского беспредела. Во многих своих действиях белые генералы сами скатывались на уровень полуграмотных крестьян и рабочих, забитых нуждой, обманутых разными агитаторами. Потому и потерпели поражение.

Особенностями традиционного российского менталитета и воспользовался Сталин. В мировой истории он был самой страшной фигурой. Именно на нем и исчерпала себя полностью идея Великого злодейства в судьбе человечества. Но в одном он был гениален — в создании гигантского аппарата карателей и атмосферы насилия. По его воле страна разделилась на тех, на кого доносили, и на тех, кто доносил. Тогда многие из нас даже не понимали всей сущности собственного нравственного падения, ненароком сами занимались доносительством на партийных, комсомольских и прочих собраниях, и приказ и собственная инициатива толкали нас на поступки, которые вроде бы вписывались в тогдашние высшие нравственные нормы. С нами делали все, что мы разрешали сами с собой делать. Многие из нас жаждали быть обманутыми. И вождь это отлично понимал. Дураком он не был. Сталин и сталинщина — до сих пор еще историческая загадка, над которой ломают голову исследователи. Ведь он и сейчас крепко сидит в чьих-то мозгах. На митингах коммунистов несут его портреты — не Ленина, а именно его, Сталина! Кому-то до сих пор любит тот произвол, при котором был «порядок» кнута и пули. Надо иметь в виду еще и то, что многие участники нынешних большевистских сходок — дети или внуки тех, кто и в тридцать седьмом, и после него хватал безвинных, допрашивал, судил, ставил к стенке, бросал за колючую проволоку. Порой психология палачей передается как семейное наследие. Но, на счастье, далеко не все потомки готовы убеждения и привычки своих предков делать своими.

Вы спрашиваете: возможны ли в теперешней России рецидивы прошлого? Думаю, что в массовом порядке невозможны. Мы уже вдохнули воздух свободы, не «воли», а именно человеческой свободы, и повернуть вспять сознание народа уже никому не удастся. Да, мы за порядок. Но не под угрозой хлыста, а по велению собственных убеждений, достоинства, по велению закона и морали.

№ 58

«ЕСЛИ ДЕНЕГ НЕТ, О ЧЕМ РАЗГОВОР?»

Век, 14—20 ноября 1997 г. Беседа вел Д. Бабич.

После назначения нового состава Наблюдательного совета ОРТ стало ясно, что правительство решило вернуть утерянный контроль над полугосударственным телеканалом.

Разговоры о грядущих на ОРТ переменах начались еще летом, когда Сергей Доренко вдруг подверг резкой критике сделку по продаже акций холдинга «Связьинвест» и всю деятельность тогдашнего председателя Госкомимущества Альфреда Коха¹. Именно тогда «высокопоставленные источники» в правительстве стали говорить, что пора вспомнить, что государству принадлежит 51 процент акций ОРТ, а между тем канал реально контролируется «всего одним человеком»². Именно тогда, в августе, Кох впервые затребовал документы по акционированию бывшего общесоюзного первого канала ЦТ и превращению его в Общественное российское телевидение (ОРТ)³. Сегодня копия опять будут ломаться именно вокруг этих документов.

Напомним, что в это время председателем Российской государственной телерадиокомпании — нынешнего ОРТ — был Александр Николаевич Яковлев, бывшей соратник Горбачева по перестройке. Мы попросили Александра Николаевича сравнить те дни с нынешним состоянием первого канала.

— Александр Николаевич, оглядываясь на прошедшие два с половиной года, считаете ли Вы акционирование первого канала правильным?

— Я думаю, это абсолютно правильное решение. Потому что еще годик — и «Останкино» перестало бы существовать. Когда я пришел, было 18 часов вещания. Потом 16. Потом 14. Потом на заседании правительства заговорили о 8. Причем государство бралось обеспечить только 4 часа вещания. Многие в «Останкино» понимали, что уровень передач очень низкий. Кроме того, к моему приходу «Останкино» уже было разделено на государственный сектор и частный. Большая часть эфира уже была занята тремя независимыми компаниями — ВИД, АТВ и РенТВ. Мы были просто покупателями их продукции. Годовой бюджет канала составлял 1 триллион 20 миллиардов рублей в деньгах 1995 года. А государство нам давало 290—300 миллиардов. Жуть какая-то.

— Но ведь до сих пор неясно, кто каким процентом акций ОРТ владеет. Этот вопрос нарочно запутан.

— Почему? Это все прописано, какие проценты у кого. Посмотрите документы об образовании ОРТ. 51 процент принадлежит государству, в том числе 38 — Госкомимуществу. А 49 процентов отошли частным акционерам. Более 30 процентов — у банковской корпорации во главе со Столичным банком сбережений. Это самый крупный акционер. И 5—7 процентов — у ЛОГОВАЗа Березовского. Есть и другие акционеры⁴.

— Но можно ли назвать такое телевидение общественным и независимым?

— Я не знаю еще ни одного телевидения в мире, которое было бы полностью независимым. Каждый руководитель набирает «свою команду». Я из своего опыта знаю: дело не в том, от кого ты задания получаешь. Дело в том, как ты их выполняешь. Ведь никогда тебе не говорят точно, что ты должен сделать, — ни глава правительства, ни кто-либо еще. За все время моей деятельности как председателя Ельцин звонил мне всего два раза. Однажды

он позвонил по поводу передачи, связанной с осетино-ингушским конфликтом. Он просил не разжигать страсти с обеих сторон. Я считаю, это было правильно.

Все эти стелания о зависимости кажутся мне смешными. Мы часто просто грешим непрофессиональностью и пытаемся списать свои ошибки на кого-то «наверху».

— *Считаете ли Вы оправданными нынешние претензии государства на более активную роль в управлении ОРТ?*

— В мое время больше всего претензий на руководство каналом высказывала Дума. Были даже случаи, когда ко мне приходили депутаты и говорили: «Освещай побольше деятельность наших комитетов и комиссий — мы тебе тогда и с бюджетом поможем». Я на такую торговлю не пошел, а наоборот, еще больше укрепился во мнении, что надо вести дело к акционированию. В результате канал не был отдан в руки оппозиции и получил денежные вливания, благодаря которым существует.

А теперь государство, не платя ни копейки денег, пытается руководить каналом. Вот если бы была оплата соответственно акциям, можно было бы правительству сказать: «Постойте, ребята, мы вот вам 51 процент платим, ну так и покажите нам что-нибудь, что мы хотим». Ну а если денег нет, так о чем разговор? В конце концов, канал должен быть или частным, или государственным. Со всеми этими непонятностями должно быть покончено. Полубеременная женщина ребенка родить не сможет.

№ 59

ПЛОХОЙ ЧИНОВНИК ВСЕГДА В СОВЕТСКОЙ ШИНЕЛИ

Российские вести, 20 января 1998 г. Беседу вел А. Губанов.

30 октября прошлого года «РВ» опубликовали беседу с известным политиком, академиком Александром Яковлевым, в конце которой гость газеты констатировал: направленные Президенту на подпись два проекта указов (о реабилитации репрессированных в годы Советской власти детей ГУЛАГа и членов российских партий социалистической ориентации)... лежат под сукном. В чем причина этого? Что это — временное недоразумение или симптом действительно существенных, значимых для общества процессов? Мы продолжаем тему...

— *Александр Николаевич, проекты «реабилитационных» указов по-прежнему без движения? Или в новом году другие веяния?*

— Я не удивился бы, услышав о закрытии отдела (комиссии) по реабилитации жертв политических репрессий... или об образовании какой-то единой бюрократической структуры.

— *Даже так! У кого же возникают такие устремления?*

— И в ГПУ, и в Главной прокуратуре, и Верховном суде склонны считать, что мы вмешиваемся в их дела. Это было бы правдой при одном условии — если бы миллионы советских граждан не подверглись репрессиям — по сути политическим, а по статьям — уголовным.

Человека, скажем, подвергали гонениям лишь на основании его социального происхождения, но при этом ему «подыскивали» ту или иную уголовную статью. Вот здесь и возникает задача — доказать, что данное кон-

кретное дело является политическим. А это сделать может только Президент страны.

— *К примеру, священник не отдавал ценности храма большевикам-экспроприаторам — по убеждениям, по вере. А его осудили за сопротивление властям, расхищение госсобственности, даже за хулиганство...*

— Вот именно. Впрочем, насчет закрытия отдела и комиссии я, возможно, погорячился. Но что изменилось отношение к проблеме реабилитации репрессированных во многих госструктурах — это несомненно. Однако будем надеяться, что нынешний год — год прав человека. Это вдохновляет.

— *И в чем, по-вашему, причина такого отката? Только откровенно... Я знаю, что у Вас как у политика есть свое, особое отношение к идее примирения и согласия в обществе¹.*

— Честно говоря, я с самого начала не вполне понимал, на что тут можно рассчитывать. Ради красного словца сказал, что оппозиция встретит эту идею хохотом. И вздрогнул, когда прогноз сбылся буквально. Яров пришел на съезд коммунистов с приветствием от Президента и... Зюганов со товарищи смеялись от души².

— *Но ряд политических инициатив, принятых совместно с оппозицией, наверное, все же был небесполезным. Впрочем, мы говорим о реабилитации репрессированных — конкретно...*

— Памятуя о необходимости общественного примирения и согласия, Президент заметил, что... в критике советской разведки мы чуть не перегнули палку. Чуть не!.. Но наш чиновник с его неувядающим совковым сознанием подправил на «уже перегнули» и распространил на все органы. Он не забыл особого партиязыка, готов рьяно исполнять то, на что «сверху» вроде бы намекнули.

— *Плохой чиновник всегда в советской шинели? Даже и не вышел из нее?*

— Так проще жить. И — выгоднее. Сегодня люди теряют совесть на этой основе. Раньше это случалось из-за страха, желания серости сделать яркую карьеру, известного селекционного отбора на основе «партии Ленина — Сталина предан» — так писали в характеристике. Теперь иные мотивы. Страх что-то потерять — например, работу — остался, но многое стало и возможно приобрести. Происходит сращивание старой и новой номенклатуры. Зачем копать в прошлом, коли нашлись общие властные и денежные интересы? Можно купить за бесценок по особняку — забудем об отцах и дедах. Между тем одни из них расстреляны, а другие награждены за это орденами... Забудем.

А главное, ради чего образуется союз номенклатуры старой и новой, — власть. Живет та самая карьеристская психология, которая размывает основы демократии. Одним важно «наверху» удержаться, другим — взобраться туда.

— *Однако коррупция имеется и в любой западной стране. Так же чиновники воруют и берут взятки. Но при этом отчего-то не теряют демократических взглядов, не проникаются сочувствием к диктаторам и палачам...*

— Наверное, тут наше национальное, особенное, доморощенное. Наш человек приучен властью не высовываться, для него комфортное состояние — это дрейф в русле «угождения желаниям свыше». Большевики в свое время как бы заключили с гражданином Страны Советов договор: мы тебе за гарантированное вознаграждение скажем, что и как делать, а ты исполняй. Обществоведам разъяснили, какими должны быть философия, история и

литература, естественникам — какими кибернетика и генетика... А главное, чего делать не следует, иначе... И советский человек постепенно привык к этому и даже вошел во вкус жизни с «великими задачами». Худо-бедно напоен-накормлен, крыша кой-какая над головой есть, а шаг влево, шаг вправо... в общем, делать необязательно. Все хорошо, все прекрасно, а совесть пусть отдохнет до поры до времени.

Потому для многих жить хорошо — это жить в полусогнутом режиме, выбрасывая из головы такую «мелочь», как свобода человека.

— *Хотите сказать, беда в том, что страна не предприняла мер по своей всесторонней дебольшевизации? Но согласитесь, это опять конфликты и раздраи, а мы ими уже сыты по горло. Та же идея примирения и согласия обществу, по крайней мере внешне, привлекательна.*

— Слух ласкает? Если только... Дебольшевизация, как и любое «де», не всем понравится, но... нельзя загонять болезнь внутрь в надежде, что «все само собой рассосется». Я хорошо понимаю нравственную сторону проблемы с точки зрения простого человека, и особенно старшего поколения.

Что же, зря прожили жизнь?

Нет, не зря: работали как умели, пахали, воевали, рожали и растили детей. А что до политики, до социализма — что ж, и в этом плане не зря, но только незряшность эта горька: мы на себе и собой дали страшный урок тем, кто еще собирается строить социализм, пусть и некий «новый», еще неведомый, еще невиданный, вроде какой-то «новой» патоки, а в конечном счете — очередной ядовитой утопии.

Надо превозмочь самих себя, все переосмыслить, ибо виноват каждый, но по-разному. И все же виноваты все в плане национального стыда и национальной вины. Не думали, закрывали глаза, отмалчивались, трусили. Даже самые чистые, уклоняясь от зла, молчали. Пусть же теперь, хотя бы про себя, повинится каждый, кого раньше спасали незнание, духовная отравленность и ссылки на диктат обстоятельств. Если и есть в этом нечто лично обидное, то пусть личная задетость отступит перед общей виной и бедой.

Незачем винить весь народ в годах террора и застоя. Но свершилась-то вся эта мерзость с нами.

Да, мы что-то потеряли на дороге к свободе. Потеряли трудовую беззаботность, столь родную для нас, бюрократическое и финансовое равновесие, пусть и нищее. Потеряли прорву социальных, военных и других заказов, а с ними и денег, грандиозных, но бессмысленных проектов. Потеряли десятилетиями отлаженный эскалатор должностей, званий, наград, продвижений и выдвиганий.

Оснований для того, чтобы растеряться, отчаяться, обозлиться, испытать острый приступ потребности в поиске виновных, более чем достаточно. Психологическая сторона дела слишком очевидна. И слишком объективна, чтобы ограничиться проповедями.

И все же не напрасной была жизнь честных людей, даже если они некогда заблуждались вместе с оболваненной эпохой.

Напрасной обернется наша жизнь, если сейчас, имея наконец возможность свободно во всем разобраться, понять, перестроить, мы не сумеем подняться на высоту требований истории и собственной совести. Не сумеем, если не покаемся, а значит, не выполним долга перед мертвыми и живыми гражданами, перед человечеством.

Конечно же, возникает очень серьезный вопрос: а как быть с преступлениями ленинско-сталинской диктатуры — простить или не простить?

Простить — значит совершить темную сделку с собственной совестью.

Не простить — значит обречь страну на бесконечную холодную гражданскую войну.

Я предлагаю следующий выход.

Поскольку многие наши беды и страдания идут от нашей общей вины за прошлые злодеяния властителей, которым мы верили, которым помогали, как бы не замечая бездонного зла, а то и просто были равнодушными, что является не меньшим грехом, наша скорбь должна быть по всем невинно уничтоженным. Мы все должны покаяться за то, что оказались нравственно глухими и слепыми.

Как символ этого покаяния я бы предложил воздвигнуть на месте памятника Ульянову на Октябрьской площади в Москве памятник всем жертвам политических репрессий советского периода. А площадь пусть остается «Октябрьской» в назидание потомкам.

— Любопытно, какой журналист подтвердит: «зависла» у него пара материалов — теряется ритм, настроение в работе. Как ныне чувствуют себя члены Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий?

— Продолжаем нормально трудиться. Готовим очередной президентский указ — о реабилитации представителей интеллигенции, подвергшихся репрессиям в годы советской власти.

№ 60

ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ. ПОКАЯТЬСЯ

Культура, 9—15 апреля 1998 г. Беседу вела Е. Грандова.

— Александр Николаевич, кажется, сброшены последние завесы с угрюмых тайн тоталитаризма: буквально на днях Президент принял решение раскрыть сталинские архивы¹. Какова Ваша роль как председателя Комиссии по реабилитации при Президенте РФ в снятии этого конкретного «белого пятна» с повестки дня?

— По моим наблюдениям, в последнее время усиливается стремление «вечно вчерашних» реставрировать под видом объективного изложения истории взгляды на фигуру Сталина. Для чего это делается? Думаю, чтобы оправдать массовые политические репрессии, которые напрямую связаны с его именем. Эта активность явно усилилась в связи с 45-летием со дня смерти и приближающимся 120-летием со дня рождения диктатора. А между тем имеется большое количество документов, раскрывающих личное участие Сталина в организации карательного режима и массовых репрессий. Значительная часть этих документов хранится в Архиве Президента, и она недоступна широкой общественности. Вот если бы документы можно было передать широкой гласности, опубликовав их в сборниках, то такие сборники, уверен, остудили бы воображение тех, кто ратует сегодня за необходимость возврата к системе диктатуры и так называемой сильной руки в управлении государством. Некоторое время назад я изложил Президенту свои соображения на сей счет. Рад, что был услышан: Борис Николаевич поручил Архиву Президента РФ предоставить все необходимые документы для последующей их публикации.

— *Не смущает ли Вас тот факт, что общество сегодня «гудит» гораздо более насущными проблемами, нежели желанием узнать еще что-то о сталинских «делах»? Зарплату не выплачивают месяцами, на улицах стреляют, заворовались государственные чины... Не отсюда ли тяга к сильной руке, мечта о диктатуре?*

— Действительно, есть сегодня настроения, не всеобщего характера, но все же: а зачем все это нужно? Особенно, конечно, эти настроения исходят от тех, кто является правопреемником той машины, о которой повествуют архивы. Я бы так ответил: кому надоело, пусть не читают. Но я считаю, что общество должно знать свое прошлое и самое себя, чтобы жить по-человечески. Стыдно? Да, стыдно. Но что поделаешь. Надо знать. За семьдесят лет этой власти только физически уничтожено более шестидесяти миллионов человек — был выбит генофонд нации. Статистика-то чудовищная! И я убежден, что обществу не избежать покаяния. Нередко можно услышать: а что мне каяться? Я ничего такого не делал... Так вот хотя бы за то и покаяться — не на площади, не на коленях, а про себя — что ничего не делал, что молчал, бурно аплодировал. Это вопрос нравственности общества. А о какой нравственности нашего общества можно говорить сегодня, если один известный думский «крикун» требовал в присутствии десятков своих коллег осудить тех, кто подвергся сталинским репрессиям, кого уже в живых нет! А у оставшихся в живых стариков отобрать последнее... Это же вызов человечности, это преступление. Ведь после этого у здания Думы день и ночь пикеты должны были стоять, протестуя. Нет, не стояли...

— *Что же случилось? Где же демократы?*

— Я с демократов вины не снимаю. Слишком много было ошибок социальных допущено. Отсюда этот ветерок и подул: дай сильную руку. Между прочим, это заметно и по работе в архивах. Не то чтобы не дают нужный документ, а тянут, перебрасывают из прокуратуры в ФСБ, еще куда-то, чтобы выяснить, кто возьмет на себя ответственность выдать документ. Кому-то еще очень не хочется открывать всю правду, даже если она и секретности государственной из себя не представляет. Я считаю решение Президента открыть сталинские архивы решением принципиального характера. Могу совершенно определенно сказать, что это решение произвело большое впечатление на архивный мир. Одних это обрадовало, других сильно расстроило. Противодействие со стороны расстроенных, конечно, будет. Но мы его обязательно преодолеем. Сборники документов выпустим, хотя работа предстоит огромная. А что касается сильной руки, то ведь этот мотив часто используют демагогически: дескать, на местах закон не выполняется, нужна сильная рука. Да я и сам стою за диктатуру! Но за диктатуру закона. Это будет очень сильная рука — рука закона. Но закона, защищающего людей.

— *Правда ли, что при Сталине не велась стенограммы заседаний Политбюро, якобы он был склонен какие-то следы и замести...*

— Мне такие факты неизвестны. Протоколы Политбюро существуют, и если их не хотят выдавать, то это та самая самостоятельность иных архивистов, о которой я говорил выше. Бывали, конечно, моменты, когда стенограмма не велась, — при снятии Хрущева, например. Но то, что говорил конкретно тот или иной выступающий на Президиуме ЦК, можно восстановить по последующему пленуму, когда Хрущева восстановили². Не все ясно и с моментом, когда немец был под Москвой. По рассказам свидетелей, в Кремле полыхал костер из документов. Но я не думаю, что Сталин уничтожал свидетельства из страха перед потомками. Ведь он был уверен в вечности своей системы.

— *Ожидаете ли Вы для себя в открытых теперь сталинских архивах нечто такое, что повергло бы Вас в оторопь?*

— Едва ли. Больше того потрясения, которое я получил, когда узнал, работая в архивах, о существовании пыточных, я вряд ли уже получу. Сделай сегодня музей этих пыточных — и даже те, кто таскает на демонстрации портреты Сталина, должны бы призадуматься... Впрочем, нам всем будет о чем призадуматься, исследуя вновь открытые документы сталинской инквизиции.

№ 61

ЗАВЕЩАНИЕ ЦАРЕУБИЙЦЫ

Труд, 22 апреля 1998 г. Беседу вел Ю. Лепский.

Такова уж наша профессия: самые интересные и неожиданные материалы начинаются зачастую с самого обычного, вполне прозаического телефонного звонка. И на сей раз случилось именно так. Звонок раздался из подмосковной Барвихи. Я выехал из редакции и, пока машина мчалась по Рублевскому шоссе, размышлял об удивительных превратностях судьбы: вот только что в расследовании обстоятельств смерти царской семьи поставлена официальная точка, правительственная комиссия доложила о результатах своей работы, и вот на тебе — опять предощущение чего-то нового, каких-то неизвестных, возможно, деталей в истории, ставшей одной из знаковых в завершающемся великом и ужасном XX столетии.

Мне предстоял разговор с председателем Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте России Александром ЯКОВЛЕВЫМ.

— Это произошло в 1964 году, — начал беседу Александр Николаевич. — Я работал тогда в ЦК КПСС зав. сектором радио и телевидения¹. И вот однажды меня вызвал секретарь ЦК Ильичев и показал письмо с резолюцией Хрущева: «Разобраться». Ильичев попросил меня прочитать письмо в его присутствии, прямо в кабинете. Письмо было написано от руки и представляло собой нечто вроде завещания одного из участников расстрела царской семьи в подвале знаменитого Ипатьевского дома Екатеринбурга. Звали автора Михаил Медведев, работал он в то время в губернском ЧК в Екатеринбурге. В письме содержалось описание расстрела и то, что ему непосредственно предшествовало: Медведев подробно писал, как и почему (в его понимании) было принято решение о расстреле Николая II и остальных домочадцев. Из письма было ясно, что автор сохранил два револьвера, из которых стреляли в ту роковую ночь в подвале Ипатьевского дома. Один он завещал передать лично Хрущеву, другой — почему-то Фиделю Кастро.

— *А кому было адресовано завещание Медведева?*

— Сыновьям. Собственно, старший сын Медведева и принес это письмо в ЦК КПСС после смерти отца.

— *Интересно, что Медведев просил сыновей передать письмо и один из револьверов Хрущеву. Это означает, что автор почувствовал потребность рассказать правду о расстреле царя только спустя более чем 30 лет после тех трагических событий. Иначе он бы написал такое письмо еще Сталину...*

— Кто знает, возможно, Медведев почувствовал, что смерть не за горами, а может быть, с высоты прожитых лет понял по-новому, что он совер-

шил тогда, в 1918-м, и это письмо было его фактическим покаянием... Не знаю. Но как бы там ни было, Ильичев поручил мне заняться этим делом, опросить сыновей Медведева, всех оставшихся в живых свидетелей расстрела царской семьи. И я принялся за дело. Причем по договоренности с Ильичевым никто в ЦК не должен был знать, чем я занимаюсь. Я встретился с сыном Медведева, он жил в Москве. Кстати, он принес те самые револьверы, о которых писал его отец.

— *И что Вы с ними сделали?*

— По договоренности с Ильичевым сдал по описи в комендатуру ЦК. Вы бы видели, какие лица были у офицеров комендатуры, когда я принес им это оружие: они поняли, что совершенно посторонний человек спокойно пронес мимо охраны в здание ЦК боевое оружие. Потом эти револьверы были переданы на хранение в Музей революции.

— *И что же выяснилось в результате Вашего расследования?*

— Выяснилось примерно то же самое, что мы все знаем теперь благодаря работе госкомиссии. Во всяком случае, тогда мы с одним из сотрудников Гостелерадио вели подробнейшие магнитофонные записи всех рассказов всех людей, с которыми мы беседовали.

— *Каков же был результат Вашей работы? Имела ли история с письмом Медведева продолжение?*

— Когда мы закончили наше расследование и картина принятия решения об уничтожении царской семьи, расстрела и последующего захоронения стала ясна, я написал докладную записку на имя Ильичева, где подробно изложил все, что мне удалось услышать и прочитать. Мне было известно также, что на основе моей записки Ильичев написал докладную Хрущеву, в которой были все основные факты нашего расследования, обильные цитаты из письма-завещания Медведева. И вот однажды, спустя довольно продолжительное время, улучив момент, я поинтересовался у Ильичева, что слышно по нашему делу. В ответ он как-то неопределенно махнул рукой и заметил, что, судя по всему, Никита Сергеевич потерял интерес к этому делу.

— *А Вы не знаете, чем был вызван изначальный интерес Хрущева?*

— Я думаю, его интересовало, насколько Ленин был причастен к убийству царской семьи. Может быть, не получив подтверждений собственным догадкам, Хрущев и поостыл к дальнейшим разбирательствам. Возможно, его вообще интересовал вопрос о советских репрессиях досталинского периода. После XX съезда партии² такой интерес Хрущева к этим вопросам был вполне объясним... Так или иначе, но те материалы, которые мы отправляли Хрущеву, осели где-то в архивах, постепенно о них забыли, появились другие дела и заботы. Но вот теперь, в связи с решением о захоронении в этом году останков царской семьи, я вспомнил события тех лет и решил о них рассказать. Более того, впервые появилась возможность ознакомить читателя с той самой запиской Ильичева Хрущеву, которая содержала материалы нашего тогдашнего расследования.

— *Как Вы думаете: удастся ли до конца века и захоронить останки царской семьи, и предать земле тело Ленина?*

— Ну, что касается останков царской семьи, то я уверен, что это будет сделано. А вот что касается мумии Ленина... Я надеюсь, что мы хоть под занавес века перестанем быть язычниками и предадим земле тело этого человека.

— *Останется ли коммунистическая идея в уходящем веке или она прорастет и в XXI столетие?*

— Не думаю, что она объявится опять в тех же чудовищных формах в новом столетии. Скорей я соглашусь с Нострадамусом и скажу, что примерно к 2025 году с лица земли окончательно исчезнут все памятники Ленину. Маркс и Ленин навсегда уйдут в историю как творцы социального безумия, едва не погубившего мир.

№ 62

ПЕРЕСТРОЙКА — БЕЗ КОНЦА И НАЧАЛА

Панинтер, № 7, апрель 1998 г. Беседу вел Ю.Ш.

Как только ни клянут перестройку! И те, кому она была изначально — поперек горла. И те (уже теперь), для кого перестройка являлась такой же необходимостью, как и воздух. Сегодня те и другие находят точки соприкосновения в своей нелюбви к перестройке. Оно и понятно — ведь перестройки (настоящей) у нас не получилось, а значит, нужны объекты для «критики», точнее для вымещения раздражения. Они всем известны, эти объекты. Но мало кто задумывается, почему же так произошло, что нашим надеждам — жить по-человечески — не суждено сбыться. С разных сторон выдвигались и выдвигаются разные версии случившегося: политического, экономического, личностного толка. Все они по-своему правомерны. Но не покидает ощущение, что есть еще что-то, недосказанное и важное. Давайте послушаем одного из «отцов» перемен, А.Н. Яковлева, человека, стоявшего у идеологического штурвала корабля наших реформ, так прочно севшего на мель.

— *Александр Николаевич! Каким Вам помнится тот период, что именуется «застоем»? Что за дух витал тогда в стенах Кремля?*

— В ту пору я работал за рубежом, поэтому не могу полностью передать свои ощущения от кремлевской жизни. Я только за два года до перестройки вернулся в Москву, да и то в научную среду — в Институт международной экономики¹. Когда же был послом в Канаде, куда меня в «почетную ссылку» отправило Политбюро, то об атмосфере в Кремле узнавал от старых друзей, наезжавших из СССР. Сообщения были нерадостные. Тем не менее, последний месяц перед отпуском всегда проходил в нетерпении: скорей бы домой, в Москву... Приезжаешь, дней 20 побудешь, и становится тоскливо: уехать бы, не видеть, не чувствовать всего.

— *Чего?*

— Какой-то духоты. Есть банальное выражение — стоячее болото. Попахивающее. Стоячее, потому что ничего не движется. А человек рожден двигаться. Ум должен все время находиться в порыве... Застой в буквальном смысле этого слова. Никому ничего не надо. Сочиняются какие-то речи, которые никто не читает. Издаются какие-то постановления, которые никто не исполняет. Собираются совещания, на которые приходят, поскольку приказали, но никто там ничего не слушает и уж, конечно, не помнит ни слова из сказанного. Ощущение — «ничего».

— *Отчего так случилось? Постарели наши вожди?*

— Постарела вся система. Выродилась, деградировала. Потому что жила старыми догмами: насилие, классовая борьба, диктатура пролетариата, обще-

народная революция, революционное движение. Все это пожухло, увяло, исчезло. Даже сами члены партии начали про коммунистические партии за рубежом говорить: чего мы их кормим, зачем это нужно?!

— *То есть в идее разочаровались сами носители идеи, в том числе и народ?*

— Нет такого прибора, чтобы измерить уровень разочарования в различных слоях населения. Едва ли наш народ, привыкший к палке, задумывался над глубинными явлениями: драматизм, догматизм, отсталость. Народ в значительной мере удовлетворялся тем, что хлеб — есть, молоко — есть, мануфактура — есть. Правда, есть еще очереди, но достать можно, чем больше начальник — тем больше блата. Но в высших звеньях, в аппаратной элите (и особенно научной) понимали: надо что-то поправлять. Никто не говорил: нужно свергать, говорили: надо что-то делать.

— *Неужели такие разговоры велись даже в ЦК?*

— Да, причем в открытую, в основном, конечно, среди молодого поколения. Но оставались люди порядочные и среди старшего поколения, даже среди тех, что не были лично задеты расстрелами, посадкой, гонениями и прочим. Все видели всё. Эта борьба с диссидентством, эти пресловутые психушки — в ЦК над этим чуть ли не в открытую смеялись. Мало кто верил, что Бродский — сумасшедший. Но даже если и сумасшедший. Достоевский и Гаршин тоже были сумасшедшими, но как это мешало их таланту? Исчезла актуальность остроты противостояния, т.н. классовая борьба. Кто с кем обостряется? Кто кого обостряет? Раньше говорили: кулак — враг народа! Теперь объявлять кого-то врагом было просто смешно. Или борьба с космополитами: раз еврей — значит космополит. Произошел психологический сдвиг в умах — никого теперь уже было не убедить в верности прежней чепухи. Сталин, окончив войну и еще больше окрепнув, понял, что если не возбуждать расколотов общества, противостояние в нем, если не культивировать постоянное напряженное ожидание гражданской войны, то система просто лопнет. Потому что страна все больше и больше отставала от остального мира. Поэтому и тратились деньги на милитаризм, на борьбу с внешним врагом, на содержание огромной армии, на искусственное поддержание социалистической системы. В то же время велик был страх среди людей: никто бы не посмел выступить против милитаризации страны, да большинство просто не знало об этом. Я, даже войдя в Политбюро², и то не сразу узнал, что милитаризовано около 70 % народного хозяйства. Когда руководил обкомом партии в Ярославле³, знал, что у нас один завод пули делал, другой моторы для подлодок, и все. Но чтобы вся страна, чтобы любое учреждение, даже самое мирное (такое, как министерство сельского хозяйства), работало на войну, этого не только я, многие руководители не знали. Потому что находилась эта информация «за семью печатями».

— *Давайте перейдем к перестройке. С одной стороны, много в ту пору было ярких лозунгов, объявлялись всевозможные кампании, такие как ускорение, гласность, борьба с пьянством и др. С другой, уже тогда возникало ощущение, что у реформ отсутствует какое-то стратегическое направление, нет четкой цели. Вы согласны с этим?*

— Не совсем. Я думаю, нас всех спасло то, что Михаил Сергеевич и его соратники (я, в частности) хорошо понимали, что революционный путь невозможен. Сагитировать завтра какую-нибудь дивизию и изменить все в стране, объявив все другим, — да ничего из этого никогда не вышло бы. С другой стороны, было понятно, что если продолжать как было, то неми-

нуема катастрофа: нефть стала дешеветь, золото раздавалось направо-налево... И поначалу была принята тактически единственно правильная, ведущая к серьезным стратегическим переменам политика совершенствования социализма. Замысел был такой: ликвидировать все благоглупости (см. выше. — Ю.Ш.), содрать «ракушки», бюрократов чуть напугать, номенклатуре сказать: «Если будете себя вести так и дальше, вас просто уберут». Объяснить народу: да, социалистическое централизованное индустриальное хозяйство, но нельзя так уж слишком, нужны и послабления.

— *В некотором роде китайский путь?*

— Примерно. Но главное было (и я на этом настаивал), чтобы все преобразования происходили гласно. Никто не возражал. Но далеко не все понимали опасность гласности для того строя. Она начала «работать» (с точки зрения опять же того строя) совершенно разрушительно. Почему? Потому что как только многое стали предавать гласности, четко обозначилась пропасть, в которой все мы были. Уже тогда по поводу гласности на меня началась мощная атака: «Зачем прошлое мазать!?» А это не я мазал. Это люди находили факты и выносили их на суд общественности. Гласность сдирала покров тайны с засекреченных преступлений. Хлынул поток грязи и ужасов: миллионы погибших, миллиарды растроченных впустую денег, коррупция, мафиозность общества.

Тут-то и началось: как быть дальше? Тут-то и произошел очень серьезный раскол на тех, кто считал, что надо «все оставить», и на тех, кто понимал, что скрывать преступления против народа нельзя. И пытались остановить, и иногда, с их точки зрения, удачно. Так, к примеру, наряду с «Законом о кооперации» — совершенно прогрессивным, новым, демократическим, который мог бы прорвать моноцентризованность государства, — параллельно шла «борьба с пьянством», нанеся огромный ущерб экономике страны⁴. В 4 раза увеличилось в связи с этой «борьбой» токсикомания и наркомания. Около 120 млрд (теми еще деньгами) составили потери. Именно с этого времени мы и начали вести перманентную борьбу с финансовым кризисом.

— *Как же могло такое происходить, если все стратегические направления перестройки определял единый мозговой центр? Почему возникали ляпсусы?*

— Постановление по антиалкогольной программе вносилось тов. Лигачевым и тов. Соломенцевым. Я выступал против, также против выступали Рыжков, Болдин. Пытались мы и Михаила Сергеевича убедить.

— *А настоять Горбачев не мог, чтобы глупостей не было?*

— Не мог. Он в то время не имел еще такой силы, чтобы себя противопоставить остальным. К тому же он как человек не выпивающий, может быть, и не очень вдумывался в последствия всего этого. Ни я, ни Болдин тогда еще тоже не занимали серьезных позиций, чтобы как-то серьезно повлиять на остальных. Это ведь был 85-й год. Я еще тогда даже в Отделе пропаганды не работал⁵. Но и я, скажу честно, не мог предположить, к чему все это приведет, скорее инстинктом чувствовал — делать этого нельзя, это административный путь.

«Закон о кооперации», повторяю, был прогрессивным актом, но это начинание противники сумели испохабить. Военно-промышленный комплекс, у которого всегда были возможности левых заработков, тут же уцепился за эту идею, создав у себя «присоски» в виде кооперативов, и начали перекачивать безналичку в наличку. По моему же глубокому убеждению, кооператив мог

существовать только самостоятельно, а не как «присоска» к чему бы то ни было. Это было вторым ударом по экономике. Испохаблено было и это дело.

— *А ускорение, «госприемка»⁶?*

— Не скажу, что был их противником. Мне казалось, что если где-то подналадить, чуть убрать нелепости, так и заработает машина. У меня, как и у многих других, была иллюзия, что если почистить какие-то определенные места...

— *Их оказалось — миллиард...*

— Это теперь ясно... Тогда же информации такой не было, она поступала постепенно. Вся система, в том числе и информационная, работала по-старому, любили кричать об успехе, о том, как все здорово. Ведь как с «госприемкой» получилось? Началась кампания, кем-то видать скоординированная (думаю, КГБ), что плохо с качеством, что надо установить контроль за качеством, а то повсюду брак, возврат продукции, рекламации, скандалы за рубежом. Правительство было поставлено перед фактом: выхода нет — надо «контролировать». А то, что все дело в старых технологиях, — особенно никого не волновало.

— *Так это была провокация?*

— Да, провокация. И много еще таких провокаций было. Но, к сожалению, я это понял с большим запозданием. Я не привык к такому. Может быть, потому, что провинциал (в Москву пришел из Ярославля⁷), у меня не было в Москве ни знакомых, ни родственников, никто не «тянул за шиворот». Я добился всего сам. Единственную услугу в личном плане мне оказал только Горбачев: вытащил из Канады. Побывав там с делегацией⁸, поставил перед Андроповым вопрос обо мне. Хотя тот и долго не соглашался — у нас плохие отношения были, — но тем не менее согласился.

— *Было еще такое понятие у перестройки — «человеческий фактор». Придаете ли Вы значение роли личности в историческом процессе (это — о Горбачеве)? С другой стороны, каково Ваше мнение о роли народа?*

— К человеческому фактору отношусь серьезно, но осторожно. В нашем феодальном (временами рабовладельческом — в 30-е годы) государстве, где иногда случаются искусственные капиталистические инъекции, роль личности очень велика. Ведь не то что царь, даже генеральный секретарь, захоти он, мог бы повернуть все на свой лад. Это и есть первейший признак чисто феодального строя, тоталитарного феодализма. Феодал может назначить любой налог, может любого купить, любого из своей свиты приласкать. Михаил Сергеевич всем этим воспользовался. Это и был единственный путь, когда тоталитарная партия могла справиться с тоталитарным режимом. И она с ним справилась (сейчас все ультра-патриоты набросятся).

Я как историк считаю, что наш народ (за исключением 2—3 моментов в истории) никогда и никакого влияния на политику не оказывал. И не оказывает. Это полусонная масса, которая обречена на прозябание, нищенство и жалкую жизнь по двум причинам. Из-за «традиции», по которой народ жил, подчиняясь не закону, а личности, привыкнув к этому. И второе, из-за собственной лени: от нежелания трудиться, а если уж и «трудиться», то только ради выживания. Это самое главное, и это нам надо преодолеть.

— *Это уже на генетическом уровне.*

— Думаю, только два фактора: частная собственность и конкуренция (которой у нас просто нет) могут постепенно изменить такой код. Но теперь это уже все зависит от молодежи.

— *Еще один важный момент перестройки — возникновение то тут, то там национальных очагов напряжения: Карабах⁹, Сумгаит¹⁰, Алма-Ата¹¹ и т.д. Это каким-то образом предощущалось или грянуло как гром среди «ясного неба»?*

— Безусловно, трудно было себе это представить. Нам просто было не до того. Национальной политики в стране как не было, так и нет до сих пор. В национальной политике мы и сейчас расхлебываем последствия ее отсутствия. Я не склонен брать вину на нас, не хочу обвинять и Ельцина, его какие-то шаги по этому пути, потому что все до единой мины были заложены раньше. Ну, почему Карабах оказался там, где он оказался, почему по живому были проведены жуткие границы, будто специально для конфликтов. Это же мина.

— *Бикфордов шнур которой тлел.*

— Он еще при советской власти тлел. Взять Сумгаит. Там же более 70 % всех преступников осело: после тюрем, лагерей. Так закладывалась мина здесь. Но даже она могла бы не взорваться, если бы ее не сдетонировали сразу три КГБ: московский, азербайджанский и армянский. Я и тогда был убежден, а сейчас просто уверен в этом. Жаль только, что не сумел убедить Михаила Сергеевича, что это была организованная, а не стихийно возникшая резня. Что это была спровоцированная акция, для того, чтобы пощипать на зуб Горбачева. Я тогда настаивал на независимой комиссии и суде, в которые не были бы допущены ни Армения, ни Азербайджан, ни КГБ России.

— *Серии катастроф, что произошли в самом начале перестройки: катастрофа теплохода в Новороссийске¹², взрыв газопровода в Башкирии¹³... ну и, наконец, Чернобыль¹⁴. Это что, тоже не случайно?*

— Тогда я такую постановку вопроса категорически отрицал. Я вообще не верю в заговоры. Сейчас начинаю задумываться. Вот почему, скажем, в течение одного месяца по неизвестным причинам умерло сразу шесть министров обороны соцстран. Шесть человек. И сразу? И поскольку у нас в стране всегда было двоевластие (КГБ и партии — то одни наверху, то другие), то я не исключаю, что многое из названного Вами, а также не названного, было организовано т.н. карательными органами. Они раньше других поняли, что власть от них уходит. Поняли, что они будут поставлены, в конечном счете, на то место, где и должны быть — на защиту государственной безопасности.

— *У Вас случались какие-то принципиальные разногласия с М.С. Горбачевым? По поводу чего?*

— Конечно. Особенно в конце нашего сотрудничества. Я с ним не согласился в оценке литовских событий¹⁵. Я настаивал на тщательном расследовании.

— *Эти события также имеют отношение к только что сказанному?*

— Да. Я и в отставку ушел фактически из-за этого. Не полностью из-за этого, конечно, но это было основной причиной. А другой стала моя настойчивость вокруг того, чтобы Союзный договор строился на базе добровольной конфедерации, а не на федерации. «Поезд» федерации, на мой взгляд, тогда уже «ушел». Мы с Горбачевым разошлись, и я даже не участвовал в Огаревских встречах¹⁶, просто не приходил, потому что знал, что это был очередной обман. Инерция обманов живет до сих пор. Это страшная вещь.

— *Может быть, идея федерации была самообманом Горбачева?*

— И самообманом, и обманом. Других обмануть ради чего-то своего: «А мне нравится федерация!» Мало ли что тебе нравится! А ты подумай о том, что тебе не нравится. Федерации не будет, жизнь поддерживает другое. Думаю, что на экономическую конфедерацию пошли бы все.

— *Могло и путча не быть?*

— Могло. Но тогда резко возражали против идеи экономического союза Маслюков, Крючков, Лукьянов... Говорили так: «Если заключат экономический союз, то на политический уже не пойдут». Чушь! Сейчас нет ни того союза, ни другого. Впрочем, я это говорю не потому, что сожалею, что Киргизия, Таджикистан и другие не с Россией. Это ведь шовинистическое чувство — «Мы — отдали!» Почему-то считается, что отдали. Да нет, республики самостоятельными были уже по той, советской конституции¹⁷. Это все имперский синдром в нас работает.

— *А Ваши симпатии к Борису Николаевичу остались прежними?*

— Я не буду говорить ни о симпатиях, ни об антипатиях. Меня в Ельцин привлекло то, как он повел себя в 91-м году¹⁸. Так мог себя вести только человек смелый, решительный. Это хорошо, что он с таким характером: его арестовывать приехали, а он на их танк залез и с него их же чеховстит. Я считаю, что экономическая политика не удалась еще при нас, при перестройке, это мы ее провалили, а Ельцин — это уже было потом. Зато в политике, если и было у нас что-то достигнуто, так это создание парламентской системы. И зря демократы производства 91-го года говорят, что это они ее в том же 91-м году создали. Все было заложено до них нами. Жаль, что они пошли дальше, совершенно не подготовившись. Самое главное, к приватизации¹⁹ не подготовившись. Этим должно было заняться не одно какое-то министерство, не один какой-то деятель. Это было и есть дело сугубо общегосударственное. И сугубо гласное. Почему сделали приватизацию темным делом?.. Мы знаем почему, но это и тревожит — ведь приватизацией воспользовались определенные люди.

— *Как же такое могло произойти? Вспоминается 91-й год, «море» народа под балконом Белого дома. И Вы тоже, кажется, на том балконе. Но надежды демократии развеялись, как дым. От всех надежд осталось нечто злое: тотальное воровство, жиреющие монополисты, олигархи, криминал и тому подобное. Как Вы объясните все это?*

— Очень жаль, что получилось именно так. Я ведь сознательно отдал тогда симпатии молодой поросли реформаторов. У меня до сих пор с ними нормальные отношения. Это не жулье, нет. Как получилось так, что вдруг начали воровать, раздавать бюджетные деньги? Это все теория подвела: что обязательно нужно создать 20—30 богатых людей. Когда создавали, думали, что они станут «локомотивами индустрии». А они, получив деньги, повели себя по принципу: «Зачем отдавать то, что само приплыло в руки». Совершенно непонятно также, как могли допускаться изменения законов — сегодня принял, завтра все меняется. Как не понимали, что, чем бы ни занимался человек, у него должно быть ощущение стабильности; уверенность, что порядки и правила не изменятся как минимум в течение 5 лет. Или фермерство. Столыпин с таким трудом, но все-таки начал: было выделено сколько-то денег на каждого взрослого и ребенка, на оборудование, на строительство дома и т.д. А тут, бах! — 16 налогов на фермера. Что же вы делаете? Государство вмиг стало чисто фискальным: шарят по карманам — нет ли там копейки?

— *Так и неясно до конца — что за метаморфоза случилась с нашими реформами, с благими начинаниями?*

— Не знаю. Я теряюсь. Есть такие вещи, которые разумно и просто объяснить нельзя. Это какая-то государственная шизофрения. Давным-давно человеческий опыт доказал, что чем меньше налог, тем быстрее развитие, тем больше денег в казне. Почему Россия так продвинулась в начале века, до Первой мировой войны? Темпы развития были даже выше нынешних японских. Были самые низкие налоги! Они были в 4 раза ниже, чем в европейских странах. Зерновых в 1910 году мы произвели больше, чем Аргентина, США и Канада вместе взятые. Россия давала 50 процентов экспорта яиц. По полторы тысячи км в год строили железных дорог. И это при самых низких налогах.

Я вижу причину наших безобразий — в некомпетентности и сопротивлении. Особенно на местах было большое сопротивление старой номенклатуры. Ну ясно же, что после 91-го года компартию нельзя было разрешать. И если с рядовыми партийцами забот бы не было, то старую номенклатуру нужно было убирать от власти. Она и стала главной оппозицией. И не только политической, но и экономической. Вот и землю до сих пор не отдают, а земля — это роковой вопрос для России. По-настоящему роковой. Ведь мы единственная страна, где осталась ничейная собственность. Везде она чья-то: фермерская, частная, кооперативная, а у нас как была ничейной, так ею и осталась. Неужели кто-то всерьез думает, что у нас уже есть частная собственность и что она священна и неприкосновенна? Да нет. Завтра ее у вас отнимут, и никто ее не восстановит. Думаете, наши суды стали независимыми? Они подкупные. За рубежом, если дело попало в суд — все, нет таких сил, которые могли бы на суд повлиять. Или военная реформа. Не может армия, созданная для того, чтобы защищать режим, ориентированная на мировую революцию, на хорошее житье в ГДР, Венгрии, Чехии, Польше, вдруг начать жить по демократическим критериям. На совершенно других принципах надо теперь армию организовывать. Незавершенность реформ — это для меня самое мучительное из всех разочарований. Не бывает полубеременности.

— *Может быть, есть какое-то предначертание во всех наших бедах, которое мы никогда не берем в расчет? Почему мы все время живем в состоянии беды?*

— Потому что мы очень богатые. Это самая главная наша беда. А потому и ленивы. Потому что у нас нет чувства борьбы за выживание, за сохранение нации и государства. Этого напрочь нет.

— *Будет ли?*

— Я уже говорил, что единственным средством, хотя и жестоким, может быть только конкуренция. И настоящая безработица. У нас же безработица — липовая. Какая в Москве безработица?

— *А вот чуть подальше от Москвы — там сплошная безработица. Скоро люди уже будут, наверно, есть лебеду. Но они все терпят и терпят.*

— А что терпеть? Они прекрасно живут.

— *Вы так считаете?*

— Вот недавно побывал я в Барнауле²⁰... В какой стране вы найдете, чтобы сельчанам платили пособие по безработице?

— *Пособие-то крошечное.*

— Как крошечное? Это от прошлой зарплаты зависит. Все жены ушли с работы на селе, записались в безработные. Мужья работают, а жены по хозяйству. Чем плохо? Еще и зарплату получают.

— Как произошло Ваше увлечение буддизмом? Ведь Вы написали об этом книжку²¹.

— На самом деле я оговариваю в начале книжки, что это не о буддизме. Я не теолог, ничего в этом не понимаю, никогда этим не увлекался. Я христианин и им остаюсь. Меня поразило, что в буддизме общечеловеческие ценности возникли еще за 2—3 тыс. лет до христианства. Поразило совпадение положений буддизма с Нагорной проповедью, с некоторыми библейскими заветами. Поразила глубина. А главное, что привлекло, так это утверждение, что человек должен надеяться сам на себя, а не на кого-то. Это истина, которая очень нужна России. Кончайте валить все на президента, на премьера, еще на кого-то. На себя, на свою голову, на ноги, руки надейтесь.

Главная идея для России (и я об этом говорил и до перестройки, и во время перестройки), это специфическая для нас идея, это, как ни странно, наш «третий путь», — заставить человека отвечать за самого себя и за свою семью. Что изменится, если сам себя не изменишь?

№ 63

«НАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ — ЭТО СВОБОДА, ДОСТАТОК И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА»

Труд-7, 11 июня 1998 г. Беседа вел Ю. Лепский.

— Александр Николаевич, завтра, как известно, День независимости России¹, государственный праздник, к историческому происхождению которого вы имеете самое непосредственное отношение. Но мне хотелось бы, чтобы разговор наш был не о государстве и его суверенитете, а о реальных свободах простого человека, которые по идее и должны появляться в результате обретения государством независимости и суверенитета. Как, на Ваш взгляд, у нас обстоят дела с этим — с реальной свободой человека, с гарантией его гражданских прав? В конце-то концов, разве не ради этого все затевалось в 85-м году и затем получило развитие в 91-м²?

— Хорошо, что хоть Вы об этом вспомнили — ради чего все затевалось. А то порой такое впечатление складывается, что о человеке-то все уже давно забыли. Ведь сегодня за такими понятиями, как суверенитет России и ее независимость, для конкретного человека мало что стоит. Хотя сам по себе факт, что Россия стала суверенным государством, с моей точки зрения, явление животворное, поскольку наша страна может стать и самой богатой в мире, и самой демократической.

Что касается личности, что касается того, насколько свободным стал рядовой россиянин в результате всех этих преобразований, то я вам скажу так: у нас человек скорей уж стал вольным, но никак не свободным. Чувствуете разницу?

— В общих чертах...

— Свободный человек, в моем понимании, все-таки независим от диктата чиновников, от тотального и всепроникающего влияния государства. Свобода в отличие от воли предполагает огромную, длительную и кропотливую работу по усовершенствованию жизни, государственных структур и социальных институтов. А у нас пока воля: делай что хочешь, и, если не попадешься властям или преступникам, — твое счастье. А попался — сам виноват.

Свобода предполагает ограничители: этика, культура. Этого нет. Второй мощный ограничитель — закон. У нас он повсеместно не работает. А многие законы просто отсутствуют. И, наконец, третий мощный ограничитель — это свобода, суверенитет другого человека, который никто не вправе нарушить.

— *А может быть, наша воля — это и есть свобода по-русски?*

— Может быть, по-русски это и свобода, но по существу ничего общего с настоящей свободой не имеет. Вот у нас сегодня все во власти заняты поиском национальной идеи. Ищут днем с огнем и найти никак не могут. А она, с моей точки зрения, лежит на поверхности, никто ее просто не замечает. Что в России было накоплено тысячелетием и укрупнено большевистской властью? Это нищета. Это бесправие. Так вот, борьба с нищетой и бесправием человека — благороднейшая национальная идея. Если бы меня спросили, какой бы я выдвинул сейчас лозунг в преддверии праздника, я бы ответил так: свобода, достаток, права человека. Вот и национальная идея, достояние России, ее статуса великой страны.

— *Вы говорили о свободе как о независимости человека от государства...*

— Ну да. Вот посмотрите, что нас занимает, что волнует? Будет ли Лебедь губернатором Красноярского края? Кто будет президентом России? Да и президент, и губернатор всего лишь диспетчеры, которых цивилизованное общество нанимает или избирает для управления делами страны или региона. Мы же и по сию пору относимся к ним как к отцам нации, как к вершителям наших судеб: вот придет к власти новый президент, и зарплату повысят, вот будет Лебедь губернатором, и порядок на улицах появится. Какое потрясающее заблуждение! И о какой тут свободе личности может идти речь?!

— *Во времена КПСС свобода человека была ограничена партийным диктатом, строгими идеологическими установками. Тогда нам казалось, что стоит это сломать и наступит настоящая свобода. Но оказалось все сложнее. К примеру, Вы помните, сколько мук должен был перенести человек, прежде чем выехать за границу или в закрытый район России — Владивосток, например. Но вот Владивосток открыли, пал железный занавес между нашей страной и остальным миром. Однако теперь свобода выезда за рубеж и ограничение передвижения по стране уже сдерживается другими факторами — неподъемными для людей ценами на билеты...*

— Вы правы. Вообще, вы знаете, испокон веку самая главная беда Российского государства — это и по сию пору неразрешимое противоречие между богатством страны и неистребимой нищетой людей. Столетиями Россией управляло мироощущение, менталитет нищего человека. Ведь только нищий относится к власти крайне неуважительно, но одновременно по уши от нее зависит. Самое же печальное, что нищета наших людей никого настоящего не волнует, считается, что это в порядке вещей.

— *Согласен, нищий тотально зависит от власти. Но и богатый не свободен — он в плену у нажитого добра, тысячью нитей повязан собственным бизнесом. Где та грань материального достатка, за которой для человека начинается свобода или наоборот — рабство, зависимость?*

— Интересный вопрос. Я-то с известной долей романтизма всегда верил и продолжаю верить в среднее сословие. В человека, который работает и зарабатывает столько, чтобы, с одной стороны, удовлетворить потребность в необходимом — жилище, воспитании и образовании детей, поддержании здоровья, а с другой — не терять достоинства в отношениях с государствен-

ными структурами, чувствовать себя достаточно независимым от них. Это люди без излишеств, но вполне удовлетворенные собой и жизнью.

— *Какое же время нам потребуется, чтобы создать такое сословие не в статистических справочниках, которые, как известно, лгут, а в реальной жизни?*

— Я думаю, что очень большое. Очень большое... Важно реально это представлять и не тешить себя несбыточными надеждами. Даже в праздники.

№ 64

«РОССИЙСКИХ ФАШИСТОВ ПОРОДИЛ КГБ»

Известия, 17 июня 1998 г. Беседу вел Д. Филимонов.

В 1972 году руководитель Отдела пропаганды ЦК КПСС Александр Яковлев опубликовал статью об опасности национализма, великодержавного шовинизма и антисемитизма в СССР. После этой статьи Яковлев был разжалован и отправлен в почетную ссылку — послом в Канаду¹. Четверть века спустя он пытался организовать российский Антифашистский конгресс. Из этой затеи также ничего не вышло.

— *Первые подпольные неонацистские группы стали появляться в СССР еще в конце 50-х. Докладывали ли Вам об их существовании?*

— Были такие докладные записки, они приходили от разных организаций, но меньше всего от КГБ. Сообщалось о создании молодежных фашистских групп. То была скорее романтика создания тайных организаций. Но от романтики до реальных действий может быть всего один шаг. Ведь нацизм привлекает тем, что возвеличивает тебя в собственных глазах. Не твою нацию, нет, это — флер, а тебя и стаю тебе подобных. Ты храбр, хотя на самом деле ты трус. Ты силен, хотя на самом деле ты слаб. Ты умен, хотя на самом деле ты глуп. Я всегда очень серьезно относился к информации о таких группах. Но больше никого в руководстве страны эта тема не волновала. И раньше, и теперь на это смотрят сквозь пальцы: ну, тешатся молодые люди. Пусть потешатся, выход-то должен быть энергии — лучше пусть против жидомасонов, чем против правительства. Все забывают, что в Мюнхене тоже с пивного бара все начиналось².

— *Обсуждалась ли на Политбюро тема фашизма?*

— Нет. Хотя я и делал такие попытки. Но на меня тогда все смотрели как на белую ворону — что это там Яковлев опять свое мусолит: национализм, фашизм...

А начиналось все достаточно мирно. «Память» поначалу была организацией с весьма благородными целями. Она состояла из реставраторов и любителей истории, которые занимались сохранением памятников старины. Потом КГБ внедрил туда своего человека — фотографа Дмитрия Васильева со товарищи. Организация занялась «политикой» — борьбой с сионизмом. Реставраторы «Память» покинули, КГБ выделил Васильеву большую новую квартиру — под штаб.

— *Зачем это все было нужно КГБ?*

— 80-е годы, диссидентство. Нужен был клапан, чтобы выпустить пар диссидентства из общества. Выбрали цель — сионизм, виновника всех бед советского народа. Выбрали исполнителя — «Память», она должна была ука-

зять народу его врага. Позже от «Памяти» стали отпочковываться новые, еще более экстремистские нацистские организации. Таким образом КГБ организационно породил российский фашизм. Доигрались...

— *А Горбачев знал о связи КГБ — «Память»?*

— Я говорил ему о некоторых особенностях в поведении лидеров «Памяти». Дело в том, что, когда я вернулся во власть в 86-м³, против меня сразу же поднялась волна. Именно «Память» начала долбить меня как «лидера жидомасонской ложи». Они мне «присвоили» 4 фамилии — Рабинович, Янкелевич, Эпштейн, четвертую я забыл. Отправляли экспедицию в деревню, где я родился, в Ярославскую область, с целью выяснить, не еврей ли я. Стали изготавливать листовки — мой портрет с нацеленной в голову винтовкой и подписью: «На сей раз промаха не будет». Мне припомнили давнюю статью об опасности национализма в СССР. Тогда я написал Горбачеву несколько записок. Первая датирована маем 1987 года⁴. Вот она: «...эта вспышка демагогии на очень чувствительных вопросах не что иное, как форма нацизма в его охотничьих одеяниях. Явление опасное, злое, разрушительное. Не думаю, что полуграмотный и безработный фотограф, но имеющий личного телохранителя, «взялся за Яковлева» по своему разумению. Уж больно быют-то расчетливо и избирательно, и, я бы сказал, безбоязненно. Тут есть над чем подумать. Куда важнее другое. Кому-то выгодно сегодня перевести стрелку на рельсы демагогии: русский — нерусский, национализм, масонство, антисемитизм. Задача простая: возбудить местный и любой другой национализм, который преимущественно антирусский. Возбудить людей хотя бы к маленькому погромчику».

И Горбачев мне сказал: «Ты руководишься обидами, что вот они там против тебя листовки распространяют...» Я ему ответил: «Сегодня меня, завтра — Вас. Да и сейчас-то не столько меня долбают, сколько Вас».

Группа интеллигенции — Булат Окуджава, Эрнст Неизвестный, академики — написали в мою защиту письмо⁵. Горбачев не дал его напечатать: «Зачем злить?» Он хотел быть хорошим для всех. Вот и доигрались — до создания фашистских организаций. И при очередном социальном повороте они себя еще покажут.

— *Почему не состоялся Антифашистский конгресс, который Вы пытались организовать?*

— Пару лет назад мы действительно пытались провести всероссийский Антифашистский конгресс⁶. Меня избрали председателем оргкомитета. Мы даже позаседали раз пять. На этом все и кончилось. Не нашли денег — никто даже копейки ломаной не дал. Во время моих переговоров с финансовыми деятелями они все повторяли: «Какой фашизм? Ты все преувеличиваешь!» Когда-то я предупредил Горбачева о предстоящем фашистском мятеже в августе 91-го. «Ты преувеличиваешь», — сказал Горбачев.

Я не преувеличивал и не преувеличиваю. Опасность фашизма в России реальна еще и потому, что с 1917 года мы привыкли жить в уголовном мире с уголовным государством во главе. Привычка притупляет бдительность. Уголовщина, освященная идеологией, — эта формулировка подходит как коммунистам, так и фашистам.

— *Вы не делаете различия между коммунизмом и фашизмом?*

— Их идеология имеет свои особенности, но методы самовыражения одинаковы: диктатуры, репрессии, массовые убийства, захват чужих территорий. Помимо этого, наши нынешние большевики сползли на великодер-

жавные позиции — вопреки учению марксизма-ленинизма об интернационализме. Они мало чем отличаются от фашистов, поэтому и объединяются с ними. Необходимо запретить и компартию, и нацистские организации. Общество должно получить сильный сигнал: это запрещено. Я, как говорится, до глубины души демократ. Но именно из демократических соображений любые политические экстремистские организации, исповедующие насилие, должны быть запрещены.

— *Возможно ли это технически? Ведь Госдума трижды рассматривала проект закона о запрещении пропаганды фашизма и трижды его отвергла.*

— Вот такая у нас Государственная дума. Такие, значит, и мы, что избрали эту Думу. Сегодня в России издается 140 фашистских и полуфашистских газет. И что? А ничего. Я разговаривал в свое время на эту тему с президентом Ельциным. Рассказал ему об идее Антифашистского конгресса, о том, что президентский указ о борьбе с фашизмом давно лежит в его канцелярии без движения. Ельцин спрашивает у своего помощника: «В чем дело?» Тот отвечает, что, мол, Академия наук никак не может дать определения фашизма. Я говорю, какое определение вам нужно? Ведь есть исторический опыт: разжигание национальной розни — это фашизм, пропаганда исключительности одной нации за счет другой — это фашизм, пропаганда войны, насилия — это и есть фашизм. Ельцин отреагировал нормально, три дня спустя он подписал указ без всякого «научного определения»⁷. Но указ этот остается мертвым. Ни Комитет по печати, ни прокуратура не возбуждают дел против фашистской прессы. Почему? На всякий случай. А вдруг сменится власть? Какой она будет? Суды берут под защиту фашистов. На всякий случай. В Ставрополе суд признал законной фашистскую символику. Теперь в Ставрополе официально узаконена свастика. В прокуратуре изменили меру наказания сталинского палача Абакумова⁸. Нашли время для этого — в то время как еще не рассмотрены сотни тысяч дел невинно пострадавших людей. Почему вдруг прокуратура решила заняться делами сталинских фашистов? Они алиби себе устраивают перед приходом, по их мнению, будущей власти. В журналистской среде вы наверняка знаете таких людей, кто уже заявляет о себе: вот статейку написал, вот передачку организовал. На всякий случай.

— *Россия готова принять фашизм?*

— Россия готова принять правление «жесткой руки», жесткий порядок и всеобщий контроль. Проанализируйте: нынешняя Дума не принимает закон против фашизма. Дума избирает коммуниста главным правозащитником страны⁹. Московский университет присваивает г-ну Жириновскому звание доктора наук — без диссертации, без кандидатской¹⁰. На юге России создана прямая угроза безопасности страны: Краснодарский губернатор Кондратенко¹¹ лично разжигает национальную рознь в крае, и Федеральное собрание терпит это. Президенту следует немедленно отстранить этого губернатора от власти, ибо его действия противоречат национальной безопасности.

Идет ползучая реставрация. Красно-коричневые уже составляют списки, и я видел эти списки, кого и в каком порядке будут судить. Ельцин — под номером один, следом — я, потом — Горбачев.

Однако правительство России будто ничего не замечает — с ожесточенностью пилит сук под собой, взращивая фашизм. Хотите цитату? Еще в прошлом веке известный русский философ В.С. Соловьев писал: «...усиленное возбуждение племенной и религиозной вражды, столь противной духу христианства, подавляя чувства справедливости и человеколюбия, в корне

развращает общество и может привести к нравственному одичанию, особенно при ныне уже заметном упадке гуманных идей и при слабости юридического начала в нашей жизни. Вот почему уже из одного чувства национального самосохранения следует решительно осудить антисемитское движение не только как безнравственное по существу, но и как крайне опасное для будущности России». Сказано давным-давно, но ведь как актуально сегодня.

— *Сейчас наци в одной команде с коммунистами. Но если предположить, что сообща они пришли к власти, что произойдет?*

— Новая власть, скажем коммунистов, немедленно пересажает в тюрьму нацистов. Она должна будет показать, что не имеет ничего общего с экстремистами.

— *Но у них, знаете ли, штурмовые отряды.*

— А у власти — армия и КГБ. Они охотно распростятся с попутчиками, как это всегда бывало. Это старая метода, и не только российская. Штурмовые отряды нужны только для прихода к власти. Потом они становятся опасны. Пересажав нацистов, еще и скажут: демократы не смогли, а вот мы этих фашистов...

— *У людей нет гарантии, что они получат зарплату, у людей нет гарантии, что завтра не придут к власти экстремисты и не начнутся погромы. Появятся ли какие-нибудь гарантии вообще?*

— Ныне стоящих у власти тянет назад груз их прошлого. Я сам знаю, как сложно избавиться от этого груза, взглянуть на мир новыми глазами. Хорошо меня марксизм вылечил от марксизма. Когда я впервые попал на партийный съезд и наслушался партийных докладов, это произвело гнетущее впечатление. Я тогда из провинции приехал, из Ярославля, такая святая вера была, и вдруг — такое дерьмо. Я тут же подал заявление и ушел из ЦК — учиться¹². Все удивлялись — как же можно уйти из ЦК? Я пошел в академию, стал читать первоисточники. И тогда моя вера вовсе закончилась. Потому что более поверхностной, противоречивой, пошлой писанины я никогда — ни раньше, ни позже — не читал.

— *И тем не менее Вы долгое время служили в этой системе и занимали большие посты.*

— А как же, надо было с ней как-то кончать. Есть разные пути, например диссидентство. Но оно бесперспективно. Надо было действовать изнутри. У нас был единственный путь — подорвать тоталитарный режим изнутри при помощи дисциплины тоталитарной партии. Мы свое дело сделали. Но теперь нужны новые люди в руководстве страны — молодые, образованные, без груза коммунистической закваски, способные удержать Россию в ее движении к демократии. И это будет гарантией стабильности.

№ 65

ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАВДЫ

Литературные вести, № 29, июль — август 1998 г. Беседу вела Н. Железнова.

Известная истина: создавая скульптуру, Роден — по его словам — просто отсекал от камня или мрамора все лишнее. Не слишком увлекаясь аналогиями, замечу только, что задача, которую уже не первый год решает академик

Александр Николаевич Яковлев, быть может, не менее сложная: искать и находить мельчайшие и «совсекретные» факты, надежно спрятанные в архивах эпохи. Отсекать все лишнее — версии, гипотезы, слухи, — освобождая Его величество Факт от наслоений времени, аберрации человеческой памяти и эмоций. Отсекать — во имя освобождения правды.

Вот уже третий год в издательстве «Международный фонд «Демократия»»¹ одна за другой выходят книги 40-томного проекта под названием «Россия. XX век. Документы». Кроме сорокатомика, имеющего отношение к внутренней жизни страны, планируется издание 25 томов документов по внешней политике страны.

Этот масштабный проект осуществляется под руководством председателя Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий², президента Международного фонда «Демократия» Александра Николаевича Яковлева, и читатель, возможно, уже познакомился с тремя первыми томами: «Филипп Миронов. Тихий Дон. 1917—1921», «Кронштадт. 1921», «Катынь. Пленники необъявленной войны», за краткими названиями которых — акты грандиозной человеческой трагедии, разыгравшейся на землях «одной шестой» нашей планеты...

А совсем недавно увидели свет четвертый и пятый тома³. Один из них, под названием «Лубянка», включает в себя документы по теме «ВЧК — КГБ: 1917—1960» (с публикацией архивных документов всех промежуточных «ведомств» — ОГПУ, НКВД, МГБ, МВД...).

Тема другого определена триптихом судеб: «Маленков. Молотов. Каганович».

«1941 год» — значится на обложках еще двух томов, документально удостоверяющих ход мировой истории от июня 1940-го по июнь 1941 г.

— Почему я взялся за труд, масштабы которого нетрудно угадать за названиями уже вышедших частей? — предварил мой первый вопрос Александр Николаевич. — Решение опубликовать документы, десятилетиями сокрытые от глаз современников, пришло, когда почувствовал «изменение ветра» в политике: за последние годы в «рационе» общества активизировались силы реставрации, мечтающие повернуть вспять новейшую российскую историю и вновь одурачить страну и ее народ барабанной дробью громких лозунгов и бесчестных обещаний. Сделать это нелегко, но возможно, если лишить общество исторической памяти, подменить понятия, исказить факты и события. Попытки такие делаются ежедневно — в речах некоторых политиков и законодворцев, в легковесных публикациях и демагогических «трудах», полных вранья, цель которых очевидна: покрыть гляncем псевдопатриотизма самые драматические и темные пятна нашей реальности. Вспомним, как в тридцатые годы школьников заставляли заклеивать в учебниках истории портреты вчерашних героев гражданской войны, лидеров партии и правительства, которые в одночасье становились «врагами народа»...

Надо признать, что время для очередного нападения на правду истории выбрано со знанием дела: сегодня люди, уставшие от экономических провалов последнего десятилетия, от рытвин и ухабов на пути, которому общество доверилось, — эти люди, работающие без оплаты их труда, оказавшиеся на обочине жизни, а зачастую и выброшенные из нее, в лучшем случае «в-пол-уха» слушают самые трезвые и справедливые истины. Призывы и доказательства так называемой публичной политики работают сегодня слабо — слишком много ощутимых ударов нанесено в последние годы по россий-

ской демократии. Значит надо успеть хотя бы напечатать документы. С документами может спорить только политический пошляк.

— *Как строится Ваш проект? Каким векам истории Вы уделяете главное внимание — ведь XX столетие в России буквально захлебывается событиями вселенского масштаба?*

— Мы (а весь коллектив, работающий над многотомником, едва ли насчитывает 10 человек, включая бухгалтера, юриста, машинистку) постарались увидеть главные события века и роль Советского Союза, России в развитии главных сюжетов истории. Так, часть проекта — это «Россия. XX век. Документы» (порядка, как я уже сказал, сорока томов), затем — «Документы внешней политики. XX век» (предполагаем выпустить двадцать пять томов), четырехтомник под названием «Ближневосточный кризис» объединит, на мой взгляд, хитросплетение тайных планов мира и века... Отдельный том будет посвящен событиям тридцатилетней давности в Чехословакии («Прага, 1968»)⁴, которые я видел воочию и забыть не могу по сей день...

Хочу подчеркнуть, что внутри единого большого замысла есть свои внутренние, локальные задумки: например, попытаться «пропустить время» через Пленумы ЦК КПСС... Например, следующий, 6-й том будет посвящен Лаврентию Берия⁵ — его деятельности (в документах) на разных этапах жизни и на разных постах, его судьбе и влиянию этой зловещей, но неоднозначной фигуры на судьбы миллионов наших сограждан.

Кровавый палач? Бесспорно. Но, как показывают свидетельства, — всего лишь «один из» таких же палачей в окружении Сталина.

Судьба Лаврентия Берия известна: он расстрелян 23 декабря 1953 года за свои многочисленные и кровавые преступления. Но вот загадка: за несколько часов до смерти Сталина собралось руководство партии (и Берия был едва ли не главным инициатором этого события), принявшее решение «вернуться к ленинским принципам». Исполнительная власть возвращалась в Совмин, во главе которого должен был стать Маленков, его первыми заместителями планировались Молотов и Берия, а Хрущев должен был сосредоточиться в ЦК КПСС — в качестве секретаря ЦК, с функциями «идеология и учет кадров». Одним словом, как при Ленине. И вспомним, это Берия буквально через несколько дней после смерти Сталина настоял на реабилитации врачей-«убийц в белых халатах», это он спешил обогнать своих сотоварищей по власти, открывая двери сталинских концлагерей... Многозначная фигура, в истинных намерениях и действиях которого должны помочь разобрать документы.

Только что вышедший том из серии пленумов, «героями» которого стали Маленков, Молотов, Каганович, построен на неправленной стенограмме июньского пленума ЦК КПСС 1957 года. Это связано с «антипартийной группой», когда на пленуме был почти снят со своих постов Хрущев, которого спас от отставки маршал Жуков. Кроме стенограмм пленумов о Берии и «антипартийной группе», мы собираемся опубликовать стенограммы пленумов, посвященных дележу власти в 1953 году, снятию Маленкова в 1955 году, снятию Жукова в 1957 году и, наконец, снятию Хрущева в 1964 году. Документы пленумов не только рассказывают, но в полный голос кричат о двойной морали этих людей, их духовном и нравственном ничтожестве.

Я очень надеюсь, что у этих книг будет читатель: исторические факты навевают вполне современные мысли и ассоциации...

— *В нашем предыдущем разговоре, Александр Николаевич, Вы говорили о перспективах рассекречивания архива Сталина. Как обстоит дело сегодня?*

— В первых числах апреля Президент распорядился, чтобы этот архив был передан нам для публикации. Трудно переоценить значение этого решения. Ведь с документами, которые предстанут перед читателем и останутся неоспоримыми для будущих поколений, — уже не поспоришь. Надеюсь, закончатся разговоры и о том, что Сталин был больным, психически неустойчивым человеком. Нет, он был просто самой страшной, самой зловещей и злодейской фигурой многовековой российской истории. Вот вам только один, вполне продуманный вождем момент в истории отечественных репрессий. Я опираюсь на факты, на документы, лежащие передо мной. Никаких эмоций!.. Скажем, начинается строительство Норильского горнодобывающего комбината. Конец 30-х годов. Министерство внутренних дел составляет план-разверстку для сотен ведомств и предприятий: от вас, дескать, требуется один главный инженер, два плановика, десять горных инженеров, 100 слесарей, тысяча землекопов и так далее. То есть «дела» на «врагов народа» будут еще спланированы, созданы под необходимые для стройки профессии. А за этим чудовищным планом — всегда режиссура одного и того же человека. Сталина... Разумеется, его преступления перед народом будут посвящен не один том. Какого бы крупного события мы ни коснулись, документы всегда ведут в Кремль, к «вождю народов». А потому один том мы посвятим документам, связанным с ГУЛАГом. Еще один — детям ГУЛАГа⁶, кошмару сотен тысяч загубленных детских судеб. Не в этих ли оборвавшихся корневых связях надо искать причины сегодняшнего состояния общества?.. И еще: дело не только в обнародовании сенсационных, доселе не известных фактов, за каждым из которых трагедия века. Думаю, важен сам принцип публикации архивных документов — как формы мышления. Этот принцип сохраняется в каждом томе, в каждом пласте исторического времени — как наше обращение к читателю, как выражение доверия к его способности думать самостоятельно...

— *Но, говоря о сегодняшнем состоянии общества, разобщенного, раздираемого политическими играми не всегда честных и добросовестных людей, — надеетесь ли Вы на массового читателя в разных слоях населения?*

— Знаете, я имел не раз возможность убедиться, что с людьми надо говорить на языке фактов, а не лозунгов. Тогда тебе верят. Вот недавно я был в Барнауле, выступал в крупном локомотивном депо, где в начале века была создана первая в Сибири ячейка социал-демократов. Надо сказать, народ собрался особый: пришли машинисты, рабочие с многолетним стажем — аристократия своего цеха! Разговаривали мы часа три... Из них лишь десять минут в жестких тонах, с недоброжелательными выкриками. И закончил я свое выступление под аплодисменты. И письма мне идут из Барнаула по сей день: люди задают острые вопросы, советуются, как поступать и прочее. Надо говорить с народом честно. И — доказательно. Вот недавно я начал писать нечто вроде мемуаров-размышлений о людях, с которыми меня соединяло и разъединяло время⁷. Не знаю, когда закончу и буду ли их публиковать, — для меня важнее положить чувства и факты на бумагу, поговорить с самим собой. Сейчас закончил главу о Михаиле Сергеевиче Горбачеве, которого вижу и воспринимаю как фигуру крайне сложную, но при этом показываю его роль как второго «человеченного» рулевого нашей страны в XX столетии.

— Тогда кому же Вы отдали роль первого?

— Последнему российскому императору Николаю Второму. Не удивляйтесь: в течение столетия этого человека всячески оплевывали. Порой — зря, не по делу. При Николае и парламентаризм в России утвердился. И газеты были куда свободнее и демократичнее, чем сегодня... При этом я не склонен романтизировать последнего Романова: я честно пишу и о его слабостях, и о таком непростительном духовном ущербе, как его антисемитизм, принесший страдания еврейскому народу и на долгие годы определивший «национальную политику» в России. Я просто, как и в многотомном издании, о котором мы с вами говорим, опираюсь на факты и только на факты, еще не осмысленные до конца. А без этого не поймешь и советской истории, и событий последнего десятилетия, когда Россия так решительно изменилась...

Еще раз хочу подчеркнуть: наш многотомник не есть история борьбы со сталинским фашизмом и не исследование причин победы и — увы! — приближающегося поражения демократии в нашей стране. Наша задача — обозначить идеи времени в принципе. Создать такой единый сценарий событий века, в котором убеждала бы и кричала бы каждая строка. Остальное — за читателем. Ведь публикация документов в историческом масштабе, от государственного пакта шестидесятилетней давности (как, скажем, пакт о дружбе с фашистской Германией, подписанный Молотовым и Риббентропом) до служебных записок разных лет, предлагает и современникам, и их потомкам панораму событий в совсем ином историческом масштабе, а потому и осознается по-новому, в рамках исторического сознания.

— В нашем разговоре прозвучало слово «фашизм». Сталинский фашизм. Видимо, как концепция тоталитарного режима? Но и сегодня, Александр Николаевич, это слово не ушло из общественного лексикона. Ваше мнение о его опасности в России...

— Моя точка зрения, которую иногда считают упрощенной, заключается в том, что в России (ранее — в советской империи) фашизм и не проходил. Этот «общественно-политический СПИД» не появляется на какой-то исторической странице как бы из ничего. Он просто мимикрирует, принимает новые формы. В этом году исполнилось семьдесят пять лет с того дня, когда фашизм пришел к власти в Германии⁸. Три четверти века человечество пытается вылечиться от этого заболевания, но сколько рецидивов мы знаем!.. А в России фашизм зародился в 1917 году, когда свершилась Октябрьская контрреволюция. Первые концлагеря были организованы при Ленине. Расцвет российского фашизма состоялся при Сталине. Каким еще термином обозначить то, что происходило в стране в течение трех с половиной десятилетий? Десятки миллионов погибших в концлагерях, в застенках, в расстрельных камерах. Жертвы коллективизации, замерзавшие в теплушках, а то и просто в степи. Голод тридцатых годов, унесший в могилы более пяти миллионов человек. Целые народы, выброшенные с родной земли и обреченные на вымирание. Расстрелянная культура, наука, обезглавленная армия. Казалось бы, кого еще сегодня нужно убеждать в том, что российский фашизм и его отцы-основатели принесли своему народу несчастье, превосходящее по масштабу гитлеровское нашествие. Но ведь почему-то выходят на уличные митинги агрессивные бабули, замороженные пожилые люди с профашистскими лозунгами и плакатами, призывающими к новым погромам и повторяющими убогие идеи провокаторов царской охранки и вождей гер-

манского нацизма: кто стоит за их согбенными спинами? Кто финансирует более полутора сотен националистических и профашистских изданий, выходящих сегодня в России?.. Кто подкладывает мины у рижской и московской синагог⁹ и занимается грязным вандализмом на еврейских кладбищах¹⁰? Кому выгодны конфликты с чеченцами и «лицами кавказской национальности» на колхозном рынке и на столичной улице?

Да что говорить, если еще недавно в Государственной думе можно было приобрести книжонки откровенно расистского содержания!..

Пока фашизм не у власти. Времена государственной поддержки ксенофобии, расизма, антисемитизма прошли. Но интернационал-фашизм не исчез. Большевизм, который изо всех сил пытаются реанимировать в нашей стране «неокоммунисты», это и есть российская форма фашизма. Коммунизм как культурологическое учение, созданное на опыте накопления капитала в Англии, был лишь «теоретической шляпой». Политическую суть он стал обретать после Французской революции. А уже в невнятице «Коммунистического манифеста» зазвучали откровенно политические нотки:

— насилие как повивальная бабка истории, а революции — «локомотив истории»;

— отрицание гражданского общества, частной собственности и семьи;

— воинствующий атеизм;

— необходимость классово-борьбы (а ведь это — геноцидное понятие!)...

На основе этих постулатов и возник большевизм, еще раз повторю — российская форма фашизма. Он не исчезал в нашей стране даже после смерти Сталина, подпитываемый идеями национализма, вражды между этническими группами, удобренный лозунгами махрового антисемитизма. Поэтому, когда сегодня у некоторых вызывает шок поведение «нового фюрера» Кондратенко и его погромные речи¹¹, я лишь хочу спросить: а разве кондратенки в России на протяжении последних восьми десятилетий исчезали? В лучшем случае — замолкали на время... И если демократическое общество действительно хочет покончить с фашизмом, угрожающим покою и нормальной жизни нашего общего дома, — необходимы решительные действия властей и общества.

— *Вы видите возможность в продолжении курса, по которому мы пошли двенадцать лет назад?*

— Буду, возможно, банален, но повторю: все беды сегодняшнего дня — от незавершенности реформ. Такое ощущение, что общество забеременело, но никак не решится родить. А если мы — простите за натурализм — прервем беременность на столь ранней стадии, то попросту поклонимся памяти и образу «вождя народов»! Тем более что этот «образ» не исчез из нашей реальности — он лишь рассыпался на миллионы маленьких «бюстиков» — «сталиночков». Да-да! Сталин жив в сегодняшней бюрократии, которая встанет на пути каждого нового живого дела. Память о нем — в любом незавершенном деле: в военной реформе, которая, по сути, и не начиналась, в отсутствии реально работающих законов и в несвершенной судебной реформе (ведь телефонное право никуда не исчезло — изменились должности и номера телефонов, и только), в вялотекущей земельной реформе, в торопливо придуманных размерах налогов, которые не дают дышать людям, даже стремящимся к созидательному труду.

А решили бы мы эти проблемы, был бы наш народ сыт и доволен, обрабатывали бы землю ее законные владельцы — фашизму стало бы нечего делать в России...

И, наконец, последнее, а по сути — первое необходимое условие успешной борьбы с фашизмом — немедленное и надежное объединение всех демократических сил. Вот уж действительно — промедление смерти подобно. Чтобы напомнить людям об этой реальной опасности, и создается, в частности, история российской жизни в документах...

№ 66

«РЕФОРМЫ У НАС НАЧИНАЛИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ»

Труд, 31 октября 1998 г. Беседу вели Р. Гусейнов, Ю. Лепский.

Сегодня в Москве открывается съезд Российской партии социальной демократии¹. С ее председателем — академиком Александром Яковлевым беседуют корреспонденты «Труда».

— Александр Николаевич, не секрет, что существует такая точка зрения, будто современная КПРФ проходит процесс эволюции, мутирует и неуклонно превращается в социал-демократическую партию. Может быть, пришло время обществу в целом пересмотреть свое отношение к КПРФ, признать за ней право на социал-демократическую нишу в нашей непростой политической жизни?

— Я так не считаю. И не потому, что упрямы или ортодоксален. Нет, просто сама КПРФ, как мне кажется, не дает для такого отношения ни малейшего повода. Согласен, о «поправении» современных коммунистов много говорят, но давайте все-таки посмотрим на факты и не будем выдавать желаемое за действительное. А факты таковы. КПРФ, к примеру, и по сей день исповедует основополагающий для КПСС тезис о классовой борьбе. Я не слышал изустных и не видел документальных заявлений, в которых бы лидеры, теоретики и идеологи современных коммунистов отказались от этого понятия. А ведь оно, если вдуматься, ни много ни мало — теоретическая основа геноцида собственного народа, вечное подстрекательство к гражданской войне. Новые коммунисты не отказались ни теоретически, ни практически и от многих других «краеугольных идей» марксистско-ленинской теории: от диктатуры пролетариата, от общественной собственности на средства производства, от тотальной роли государства в управлении экономикой... Они, по сути, по-прежнему против гражданского общества, против частной собственности на землю.

— Как Вы думаете, почему?

— Потому что наши бедные, а то и просто нищие колхозы и совхозы, привыкшие к постоянным бюджетным вливаниям, управлению сверху, к бесконечным битвам за урожай, к нескончаемым потерям выращенного, — эти вот «флагманы» и «маяки» колхозно-совхозного строительства — и по сей день основа электората партии Геннадия Зюганова. Как только наше сельское хозяйство станет высокоэффективным, как только на селе появится богатый или просто зажиточный фермер, КПРФ неизбежно начнет терять поддержку российской деревни. И Геннадий Андреевич со товарищи это понимают. Оттого-то вопрос о частной собственности на землю для коммунистов — вопрос жизни и смерти.

А в остальном, оставаясь, по существу, на прежних ортодоксальных коммунистических позициях, они пытаются как-то приспособиться к меняющимся реалиям жизни, выглядеть респектабельно. Поэтому многие готовы

принять их за социал-демократов, хотя на самом деле для этого нет достаточно серьезных оснований. К реальным социал-демократическим ценностям весь этот политический макияж КПРФ никакого отношения не имеет. Хотя могу вам сказать, что когда мы начинали в 85-м году перестройку², то делали это, имея в виду социал-демократические идеалы.

— *Что же все-таки случилось в нашей стране с либерализмом, с социал-демократической идеей? Все чаще и чаще говорят, что либеральный путь привел Россию в тупик, к очередной идейной, мировоззренческой катастрофе. Что Вы думаете по этому поводу?*

— Убежден, что к кризису Россию привел не либеральный путь и не социал-демократические ценности, а попытка пройти этим путем на лихой скорости, игнорируя умонастроения и интересы большинства людей. По существу, в принципе все, что делали молодые реформаторы, — правильно: нужны были и либерализация цен, и приватизация, и борьба с инфляцией³. Одно неверно, с одним я не могу согласиться и никогда не соглашусь: нельзя ничего делать второпях, бегом, на форсаже. Нельзя применять к гигантской стране с укоренившимися традициями и сложившимся укладом жизни шоковую терапию. Все, что надлежало сделать, необходимо было совершать с величайшей осторожностью, с величайшим уважением и вниманием к достоинству людей, к сохранению их достатка (пусть небольшого), с пониманием того, что нет выше и важнее ценности в демократическом обществе, чем достоинство и спокойная, нормальная, обеспеченная жизнь человека. Кстати, не в этом ли зерно социал-демократических ценностей? Я и сегодня не вижу им разумной альтернативы, поэтому уверен в том, что они не могут потерпеть в России сокрушительного поражения. Поражение потерпели методы достижения этих целей и те, кто такие методы исповедовал. Так что цели остались прежними, а вот пути их достижения, судя по всему, будут другими.

№ 67

«Я НАЗЫВАЮ НЫНЕШНИЙ СТРОЙ ДЕМОКРАТУРОЙ»¹

Вечерняя Москва, 2 декабря 1998 г. Беседу вел А. Митрофанов.

— *Сейчас часто говорят о происходящей ползучей реставрации, в результате которой к власти придут коммунисты. Вы с этим согласны или это панические утверждения?*

— Дело не в панике. В политике надо оперировать фактами. А они действительно говорят о том, что происходит ползучая реставрация. В 1991 году² уже была истерическая реакция на перестройку в виде военно-партийного мятежа. Она закончилась фарсом. Такая же силовая попытка была в 1993 году³. Закончилась тем же. Потом вечно вчерашние сообразили, что такие силовые выплески с оружием успеха не принесут, и перешли к другой тактике.

Активное и умышленное невыполнение указов президента, саботаж — это первый этап реставрации. Я не случайно называю существующий ныне строй демократурой. На воротах написано «демократия», а за воротами — чиновник. Огромный диктатор в бронзе вроде исчез, но появились тысячи маленьких диктаторов, которым все мы подчиняемся. При демократии человек должен чувствовать себя свободным и защищенным. А кто из нас мо-

жет сказать, что он защищен от беззакония, произвола милиционера, гаишника?.. Местного администратора? Всюду чиновники — обдиралы, казенные воры и воришки.

Каждый бюрократ по определению диктатор. Тысячи лет нами правили люди, а не законы. И вот мы вырвались из этого состояния. Но, будучи по психологии рабами, очень хотим теперь стать рабовладельцами. Каждый из нас.

— *И за собой Вы это тоже замечаете?*

— Для меня это просто не актуально по возрасту. Кроме того, я знаю, что такое власть.

— *Но у Вас была большая возможность...*

— Да не обо мне речь. Я трижды добровольно подавал заявление об отставке. Правда, никто этого не заметил: отставка еще не вошла в нормальную практику государственной жизни. Вот сообщают, что в такой-то стране заключенный убежал из тюрьмы и министр подал в отставку. У нас полстраны можно, извините, укокошить, и начальство даже ухом не поведет.

— *Почему у нас ничего не получается?*

— Потому что мы все время куда-то торопимся, но не знаем куда. Нас заедает революционаризм. Если делаем что-то, то так шмякаем об пол, что все разлетается. А зачем? Жажда все изменять не по существу, а по форме... Почему надо обязательно район называть префектурой, что от этого изменится? Почему обязательно мэр, а не градоначальник, городничий или городской голова? Почему административные округа, а не как раньше — волости? Совершенно не понятно. А вот изменить по существу, скажем, принять земельную реформу... Она до сих пор не принята, землю крестьянам так и не отдали. А пока не будет земельной реформы в России, никаких реформ не будет. Частная собственность должна быть священной и неприкосновенной, а у нас собственника, защищенного законами, так и не появилось.

Живет еще рабская вера в палочку-выручалочку. Хрущев считал, что кукуруза вытянет все остальное. Мы считаем, что все решит монетаризм, приватизация и либерализация цен⁴. Но не в этом же дело. Если приватизация, то нужно создавать класс собственников. Если либерализация цен, то должна появиться крепкая денежная единица, обеспеченная товаром. Тогда это серьезно. А то свои деньги закрутились в воздухе, как осенние листочки, а кроме них на рынке — ни земли, ни жилья, ни средств производства, ни нормальной конкуренции, ни иностранных инвестиций.

— *Вы говорите, что надо отдать землю. А Зюганов утверждает, что русский человек — человек общинный и ему западный индивидуализм вроде как не подходит.*

— Совершенно дурацкие рассуждения. Всем им надо почитать того же Столыпина, на которого какая-то часть социального дна любит ссылаться. Повторяют его знаменитую фразу: «Нам не нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия!» Они даже поленились прочитать, в каком контексте Столыпин сказал эту фразу. Это из его речи в Думе. Он говорил об аграрном вопросе и необходимости разрушить общину, чтобы передать землю в частную собственность. Иначе, как он сказал, Россию ждут революция и великие потрясения. Он говорил об опасности и трагедии революции и хотел ее предотвратить через частную собственность на землю.

— Как Вы считаете, Макашов своими антисемитскими заявлениями⁵ подорвал авторитет КПРФ у населения или, наоборот, укрепил ее популярность?

— Не знаю. Меня, честно говоря, это не интересует. Я знаю, что это исторически уходящая партия и никогда она не будет у власти. В России (только в России, а не в СССР) было 11 с половиной миллионов коммунистов. Сейчас они говорят, что их 500 тысяч, в чем я сомневаюсь. Вся разумная часть партии ушла. Там остались ортодоксальное болото или карьеристы.

Победить они не в состоянии, им только ошибка власти может дать шанс. Как они могут победить, когда голосует за них только недовольная протестная масса?

— Но таких становится все больше.

— Да, к сожалению. В результате действий властей. Но если завтра будет полностью выплачена заработная плата и пенсии с учетом индексации, я бы посмотрел, кто за кого проголосует.

— А если не будет выплачена?

— Тогда будем считать, что демократия в России в очередной раз и бездарно обанкротилась.

— Даже демократы заговорили о досрочных выборах президента. Вам эта идея нравится?

— Я думаю, что кроме дополнительного хаоса это ничего не принесет. Другой разговор, что, пока он в больнице, я бы на его месте решился передать часть полномочий правительству. А потом вернул обратно. Я прекрасно понимаю положение Примакова⁶: надо что-то делать, а полномочий нет.

— Примаков сейчас на своем месте?

— Да, он хороший человек. Он большой умница, дальновидный. Я не сторонник пересмотра Конституции именно сейчас, потому что это приведет лишь к большой толкотне. А в принципе я считаю, что на президенте России висит слишком большая нагрузка. Многие вещи должны делать министры и местные губернаторы. И нести ответственность — и за успехи, и за провалы. Нужно отдать им всю социальную сферу, медицину и школы, пусть отвечают за это. Если где-то на Камчатке или в Липецке не работают школы из-за отсутствия топлива, то причем тут президент? Там есть губернатор, сидят сотни чиновников. По сравнению с советским периодом количество чиновников в России увеличилось в два раза. А мы все время надеемся на президента: вот придет Ельцин, потом Сидоров, потом какой-нибудь Кукушкин и все будет в порядке.

— Но Горбачев пришел, и многое изменилось.

— Когда мы пришли к власти, у нас все перезрело. И дальше так продолжаться не могло. Другой разговор, что можно было и не торопиться с уходом. Нас никто не гнал, везде развешивали наши портреты, носили их по Красной площади. Можно было годок подождать, закончить начатое, в частности в экономике.

— Ваши портреты с оскорбительными надписями коммунисты до сих пор носят на митинги.

— Еще был портрет с мишенью и со словами: на сей раз промаха не будет.

— Многие демократы сейчас говорят о необходимости объединения. Возможно ли это?

— Перед прошлыми выборами президента я обратился к четырнадцати руководителям партий с предложением объединиться. А чтобы не было сомнений, я сказал, что заранее снимаю свою кандидатуру при выборах. Все

согласились, но с оговорками: если этого парня не будет, если того не будет, не будет третьего... Хотя я готов к объединению, подписал последнее обращение о создании правоцентристского блока⁷. Что касается Партии социальной демократии, которую я возглавляю, то она уже зарегистрирована, в ней до семи тысяч человек, будем активно входить в политическую жизнь⁸.

— *Гайдар заявил о том, что нужно запретить КПРФ. Вы с ним согласны?*

— Конечно, было бы разумно убрать с политической арены основной источник российского раскола. Я два года назад написал об этом в брошюре, которую издал за свой счет⁹. Но никто не обратил на это внимания, кроме коммунистов, которые подали заявление в прокуратуру. С просьбой привлечь меня к ответственности за попытку преследования инакомыслия.

Я говорил в своей брошюре о суде над КПСС. За насильственную контрреволюцию 1917 года (не революцию, а контрреволюцию). За гражданскую войну. За плохо организованную оборону страны, когда погибли 30 миллионов человек. За бесконечные сфабрикованные процессы. За создание концлагерей, в том числе для детей. За употребление газов против мирного населения. За переселение со своих мест без суда и следствия пяти миллионов крестьянских семей. Это все уголовные преступления.

— *К Вам повестка пришла из прокуратуры?*

— Меня вызвали к следователю по особо важным делам. Хорошо, что парень оказался с чувством юмора. Мы поговорили, он посмеялся, и на этом все дело и кончилось.

— *Со своими бывшими коллегами — «архитекторами перестройки» — часто встречаетесь?*

— Все мы заняты, бегаем, носимся. Но я недавно попал в больницу, и ко мне приходили старые знакомые по ЦК.

— *Егор Лигачев тоже приходил?*

— Нет. А что Лигачев? Он человек нормальный. Мы с ним расходились почти по всем идеологическим вопросам, но у нас всегда были вежливые, нормальные отношения. Мы спорили открыто. Если он в чем-то был со мной не согласен, то перед заседанием Политбюро звонил мне: Александр Николаевич, я буду выступать против потому-то и потому-то. Иногда он был прав, иногда нет. Мы наши взгляды никогда на личные отношения не переносили. И он ни одного дурного слова обо мне не сказал. Никогда не присоединялся к этому хору: предатель! шпион!

— *Чем Вам сегодня приходится заниматься?*

— У меня должностей много, но если говорить о действительной работе, то я возглавляю Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий¹⁰. И у меня есть фонд — Международный фонд «Демократия»¹¹. Мы занимаемся изданием документов России XX столетия. Издали уже семь томов: Кронштадт, Катынь, Филипп Миронов, командующий Второй конной армией, два тома о подготовке к войне, Молотов, Маленков, Каганович... Следующий том будет про Берию, затем про Жукова. Потом — дети ГУЛАГа. Всего около 80 томов. Очень страшные документы. Я человек, много проживший на этом свете, но после чтения их ночами не сплю. Представьте, был приказ НКВД о том, как содержать детей в лагерях. Все расписано: как кормить, одевать, стричь, как судить и за что наказывать. А ребенку 9—10 лет. Сейчас пишут: некий маньяк убил 50 человек. А тогда маньяки убивали миллионы.

— *А Вы не испытываете неприятного чувства от того, что Вы тоже были не последним человеком в той партии?*

— Мне часто говорят: мол, сам был членом Политбюро¹². А что я делал в Политбюро? Я начал с записки по антисемитизму, с гласности и демократизации. Если бы я не состоял в Политбюро, то, конечно, все равно нашлись бы люди, которые сломали бы хребет тоталитарной системе. Но эта миссия пала на нас, бывших членов Политбюро. Сломать систему можно было только сверху. Или через кровавый бунт, который бы унес, как в Гражданскую войну, миллионы человек, а то и больше. А в партию я вступил на фронте¹³, и мне за это не стыдно. Пулям ведь все равно, кого убивать. И сказать, что коммунисты прятались от них, я не могу.

— *У вас не было желания уехать из России?*

— Никогда. В другой стране жить не могу. Хотя 10 лет жил в Канаде и один год в США¹⁴, язык знаю, мне было там легко общаться, но жить? Нет, это не для меня.

— *Ностальгия?..*

— У меня ностальгия не расплывчатая, не в дыму таком сиреновом. Я каждый год езжу в Ярославскую область, в свою деревушку, где осталось всего три дома. Там я бегал мальчишкой, ходил по грибы, ловил рыбу.

— *Как к Вам там относятся, что говорят?*

— Там все нормально. Это некоторые политики ко мне плохо относятся. Все-таки власти лишились. Ну и слава Богу: если бы все ко мне хорошо относились, я бы считал, что что-то не то делаю.

— *Своих обидчиков легко прощаете?*

— Я научился относиться к ним равнодушно. Сколько было про меня статей? Тысячи. Я только два раза ответил. Один раз Макашову в «Независимой», где написал, что, когда люди, подобные ему, баллотируются в президенты — это беда России. И один раз — Жириновскому в «Известиях»¹⁵. Он назвал меня «нашим Геббельсом». Я сказал все, что о нем думаю. Он, конечно, демагог классный. В праздник 9 мая в Кремле слышу: «Александр Николаевич!» Вижу — мне машет рукой Жириновский. Это Ваш, говорит, праздник, я Вас поздравляю. Там было много людей, и он хотел, чтобы это все слышали.

— *Если бы Вам, как Михаилу Горбачеву, предложили рекламировать пиццу?*

— Я бы не согласился. Хотя в этом не вижу ничего зазорного. Меня это развеселило. Просто другой характер, я человек нерекламный. После августа 1991-го¹⁶ я ни разу не был на митингах. И на всех снимках Политбюро, когда провожали кого-то или встречали, в первых рядах меня не увидите.

№ 68

«МЕНЯ СПАСАЕТ ОДНО — ЧУВСТВО ЮМОРА»

Труд, 2 декабря 1998 г. Беседу вела О. Соломонова.

Председатель Российской партии социальной демократии Александр Яковлев в день своего 75-летия говорит о кризисе либеральной идеи.

— *Александр Николаевич, сегодня мы опять в тревоге за судьбу российской демократии. Если не искать виновных, как у нас водится, а попытаться понять, что же не произошло, не состоялось в стране, в нас, почему в России возникает угроза реакции, диктатуры, переворота?..*

— Все, что с нами происходит, — результат того, что мы позволили с нами сделать. Если говорить обобщенно, сельское хозяйство, промышленность, политика, свобода, демократия, реакция, большевизм, лагеря — целой книги не хватит для определения существенных явлений нашей жизни. А на самом деле у нас в России все сводится к одному: а МЫ-ТО САМИ что сделали, мы-то преодолели себя? Начнем с древних летописей. «Велика и обильна наша земля, а порядка в ней нет».

И всю жизнь мы звали на трон кого-то, чтобы навел порядок. Иван Грозный навел его с помощью опричников, Петр I сам лупил дворян и велел учиться у Запада, Александр II освободил крестьян от крепостной зависимости, а они этим были недовольны. Столыпинские реформы — опять крестьянин против. Он не захотел частной собственности. Что значит — не хотеть частной собственности? Это, в простоте, означает нежелание работать и отвечать за себя и свою семью. Уловив такую особенность русского характера, воспитанного историей, большевики очень ловко это использовали. И мы стали рабами собственного рабства, да еще желаем быть работодателями. Вот суть нашей психологической деформации.

И сегодня у меня вызывают недоумение эти бесконечные сетования: не такой у нас президент, не такой премьер, вот и губернатор не тот... Но губернатор за тебя работать не станет. А ты чего-то ждешь да пьешь. Пьешь и ждешь. Мы все надеемся на кого-то, а потому и врагов все время ищем. Теперь это — Чубайс с Гайдаром плюс лица кавказской национальности, и разумеется, как всегда, — евреи. Очень удобно. Ведь трудно себе-то сказать, что сам дурак, лодырь и пьяница. Нет, думаешь, я-то — ого-го, да и пью не больше пол-литра в день...

— *Это люмпенская психология...*

— А мы и есть люмпенское государство. В 17-м году зародились как уголовники — захватили власть, потом провели уголовную Гражданскую войну, потом репрессии, концлагеря и прочее.

— *Но сегодня все-таки ситуация иная. Тем не менее состояние нашего общества вызывает у Вас, похоже, большую тревогу, чем экономический кризис?*

— Да, меня больше беспокоят психология людей, их душевное состояние, их взгляды, которые для своего удобства, кстати, воспитало уголовное государство...

— *В прошлую пятницу группа известных политиков подписала заявление о создании нового правоцентристского объединения¹. Среди них и Вы, Александр Николаевич. Что, по-вашему, нужно сделать, чтобы демократический блок представляла не группа довольно-таки разных людей, а некая мощная сила?*

— Да, это «заявление о намерениях» индивидуальностей, а не лидеров партий. Там ведь не говорится о политическом будущем, а предлагается создать блок против бандитизма и реакции. Вот десятого декабря мы соберемся и будем решать, что и как делать. Но не надо демократический электорат отдавать кому ни попадя — то одному, то другому. Нужно, чтобы он шел за тем, кто действительно выступает за рыночную экономику, за свободу, за демократию и законность.

— *Такую позицию, скажем, занимает Явлинский, и электорат у него свой есть. Но зачем ему к кому-то, да еще не очень совместимому с ним, переходить?*

— И не надо никуда переходить. Может, и во главе бы встал. Я тоже никуда не перехожу, но согласен действовать вместе против бандитизма,

коррупции, реакции, шовинизма. А как же не выступать вместе, скажем, против выходов коммунистов, связанных с откровениями Макашова²? Ведь они всего лишь, извините, прямая кишка партии, так думают и остальные...

А левоцентристский, правоцентристский блок — не в этом сейчас дело. Если подходить ответственно к объединению демократических сил, то я считаю, что объединиться должны и те, кого мы наметили в своем заявлении, и Явлинский³, и «Наш дом — Россия»⁴, и Лужков⁵, — все, чтобы обеспечить большинство в Думе. А там уже можно расходиться по фракциям, группам. Но чтобы в критической ситуации были все вместе.

— *Среди тех, которых Вы «наметили», наиболее активны Гайдар, Чубайс, Немцов. Но вряд ли они в ближайшее время могут рассчитывать на симпатии, широкую поддержку в обществе. А у кого из политиков есть сегодня, на Ваш взгляд, потенциал массового доверия?*

— Мы до сих пор не можем выбраться из круга КПСС. И это совершенно не случайно, с этим приходится считаться. Дело не только в том, что среди демократов нет более умных людей, а в том, что в свое время КПСС отбирала не только социальных гномов, но и наиболее способных людей. Во главе Думы — один из ведущих коммунистов Селезнев. Строев — из Политбюро, Ельцин — кандидат в члены Политбюро, Маслюков — Политбюро, Примаков — кандидат в Политбюро, Назарбаев, Каримов — из Политбюро. Вот что получается. Правящей пружиной пока что служит бывшая верхушка КПСС. Когда вырастут новые лидеры? Нет, они не вырастут из того слоя, который служил КПСС старательно, хотя, может, и не во всем соглашаясь. Этот второй эшелон даже менее нравственный, если хотите. Нужно третье поколение, которое уже не состояло ни в каких партиях.

— *Что ж, сидеть и ждать, пока подрастет новый «круг»? Может, и не надо выбираться тогда из «круга КПСС»?*

— Чего гадать? Есть данность — и Примаков, и Строев, и Ельцин, и Шеварднадзе, и Назарбаев, и Лучинский — Политбюро. А лидеры новые ведь так просто, на словах, не появляются. Ну кто думал, что командующий 14-й армией генерал Лебедь станет лидером? Его сделали лидером «чудаки» из Минобороны, начав прижимать. Как Ельцина сделало лидером Политбюро. Мы его сделали мучеником и «защитником всех людей». Лидер — явление своеобразное. Одни вспыхнут и исчезают, другие, напротив, набирают вес. Дело даже не в лидерах. В стране должна быть одна диктатура — власть закона.

— *Ну, с этим вряд ли кто станет спорить. А скажите, Александр Николаевич, долгое занятие политикой все-таки приводит к известной «толстокожести»? Ведь и Вам не всегда удавалось скрывать, как сильно задевали Вас потоки обвинений, раздававшихся в разное время и с разных сторон. Что же помогает Вам сегодня сохранять оптимизм и жизнестойкость?*

— Меня спасает одно — чувство юмора. Я теперь с иронией смотрю на все эти вещи. Удалось убедить самого себя, что следует стоически относиться к обидным статьям, клеветническим выпадам. Но это пришло недавно. Еще во время перестройки я очень переживал из-за несправедливых обвинений, хотя и не отвечал на них. Всего два раза не сдержался. Когда Макашов заявил, что я в войну не был на фронте. Конечно, задело, что какой-то стервец вдруг мне, заработавшему три боевых ордена, бросает такое обвинение. И потом, когда такой гном человеческий, как Крючков, обвинил меня в связях с некими иностранными спецслужбами⁶. Да Бог с ним, все-таки я в

основном не опускался до объяснений, все-таки победило это вот ироничное отношение. Знаете, я их раньше принимал за более или менее серьезных людей. Сейчас понимаю, что это люди никчемные. Зачем я буду с ними говорить, что докажу? Но такая реакция на домыслы приходит, на мой взгляд, только со временем. Ведь изначально человек с умом и сердцем не может равнодушно к этому относиться. Это требует умственных и нравственных упражнений, тренировки. А методика у меня такая. Говорят, например, мои помощники: вот статьи про вас — и кладут их мне на стол. Они лежат, а я не читаю. Вот так сам себя и дрессировал. А потом через месяца полтора-два читаю совершенно спокойно. Сейчас я вообще наказал, чтобы не давали мне статьи обо мне. А зачем? Ведь одно и то же скрипят: развалил СССР. Развалил КПСС, армию, КГБ и что там еще развалил. Да если бы я был наделен такой демонической силой!

№ 69

НЕ ПОДСТУПИТЬСЯ!

Коммерсант, 11 декабря 1998 г. Беседу вел В. Дранников.

Сегодня Александру Солженицыну исполняется 80 лет. Власть наша его страшно не любила. Даже сегодня, много лет спустя, ее бывшие представители не очень-то хотят говорить о писателе. Бывший генерал КГБ Филипп Бобков, человек, принимавший непосредственное участие в высылке Солженицына, на просьбу рассказать, как это происходило, долго думал, а потом ответил с раздражением: «Лет через двадцать». Мы отложили интервью. Бывший президент СССР Михаил Горбачев также не пожелал возвращаться в те годы. И только бывший член Политбюро АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ с удовольствием ответил на вопросы корреспондента «Ъ».

— *Александр Николаевич, когда впервые Вы услышали фамилию Солженицын?*

— Задолго до того, как это имя узнала вся страна. Я работал тогда заведующим сектором радио и телевидения Отдела пропаганды ЦК¹. И вот однажды врывается ко мне мой приятель, завсектором литературы² — был в ЦК и такой, — и кладет на стол маленькую книжонку издания КГБ: «Обязательно прочти. Это — новый Достоевский!»

— *Что значит издание КГБ?*

— Лубянка специально для ЦК выпускала то, что казалось ей чрезвычайно сомнительным. Малюсенькие такие книжки, размером с пачку сигарет, и жутко толстые. Они очень любили такой формат, полуподпольный. Я потом и «В круге первом», и «Раковый корпус» читал как раз в этой серии. И вообще, если появлялась на Старой площади сигаретная литература — значит, что-то стоящее. «Один день Ивана Денисовича» я прочитал на одном дыхании. Солженицын? Кто такой? Узнаю: пришел к Твардовскому в «Новый мир» никому не ведомый учитель физики из Рязани, Александр Трифонович за ночь проглотил рукопись и уже утром был у помощника Хрущева — Лебедева. А уж тот то ли через Аджубея, то ли через Радугу Никитичну уговорил генерального прослушать повесть. Хрущев сам не очень любил листать страницы, вот ему Нина Петровна, супруга его, и прочла рукопись Солженицына. Говорят, порой он даже плакал. А прослушав, сказал: «Очень даже

нужная вещь. О злодействах Сталина партия сейчас много говорит, но вот человек сам прошел через ад, ему народ больше поверит». И приказал распечатать для членов Политбюро.

На Политбюро была жуткая драка. Самые ревностные блюстители идеологической чистоты Суслов и Шелепин были категорически против публикации. Хитрый Хрущев сидел, слушал, молчал, а когда все высказались, только и спросил: «Ну а издавать-то когда будем?»

— *Потом была слава, выдвижение на Ленинскую премию³, главная газета «Правда» печатает «Матренин двор» и «Случай на станции Кочетовка», — и вдруг оглушительная травля. В чем дело?*

— Дуреть стала власть. На глазах скукоживался ее интеллектуальный потенциал. Уж на что тираном был Сталин, но и тот отлично понимал: маневрировать надо. И того похвалить и этого, и тому по заднице и этому. Потом, правда, сгноит и тех и других в лагерях, но в сей момент миру видна вся широта сталинского мировоззрения. Эти же сдурели настолько, что поиск врага стал их главной забавой. Ну скажите, зачем было травить Твардовского? Его журнал был либеральной витриной Союза. Спасал лицо власти. Пестуи и холь. Нет, затравили, разогнали. А тут Солженицын. Прямой, упертый, неsgiбаемый. Просто подарок судьбы.

— *И Вам по должности довелось участвовать?*

— Чуть было, да Бог миловал. Не помню уж точно когда, но вдруг вызывают меня к секретарю по идеологии Ильичеву. Готовится серьезнейший пленум по идеологии, кто читать будет доклад — неизвестно: то ли первый, то ли Сулов, только велено написать главу о Солженицыне. И чтобы камня на камне.

Приказ есть приказ. Уезжаем в Волынское, два дня перечитываем всего Александра Исаевича и абсолютно не понимаем, как от этой глыбы не оставить камня на камне. Умный товарищ мой говорит: «Давай скажем, что мы с тобой не литературные критики. Пусть присылают помощь». Прислали. Академика Францева и одного писателя, не хочу сейчас называть его фамилию. Сидим уже четвером — и ни строки. А что писать? И так все ясно. Ясно, что явился стране мощнейший литератор, а если кто-то на Западе пытается сделать его знаменем антисоветчины — так причем здесь Солженицын? Да и Ильичеву не хотелось навешивать банальные ярлыки. Как человек умный и циничный, он желал изысков. Неделю сидим — и ничего. Не подступиться. Уже головки свои оплакиваем: срываем важнейшее задание. Но я сказал: Бог миловал. Появляется Ильичев — и сам с облегчением: «Пленум отменяется».

— *Пленум отменили, но генеральную линию на травлю продолжили. Как Вы думаете, могли его посадить?*

— Нет, посадить Солженицына уже не могли. Одряхлела власть. Проще было выслать и забыть. Что и сделали. Но об этом уже много написано, и повторяться не хочется. Самое смешное, что выслали нас почти одновременно. Правда, меня — послом в Канаду⁴. И «Архипелаг ГУЛАГ» я впервые прочитал уже в Оттаве на английском. Однажды по всем законам конспирации благополучно ушел от посольских стукачей, заскочил в книжный магазин и тайком купил. Читал, конечно, запоем. Но, знаете, сама фактура книги на меня лично произвела меньшее впечатление, чем публицистические отступления Александра Исаевича. Аресты, зона, параша, вертухай, расстрелы — обо всем этом я был достаточно осведомлен. И к моему знанию Солженицын добавил лишь размеры ужаса. Но его пронзительные, истош-

ные мысли — тут я вчитывался в каждое слово, каждый раз поражаясь нравственной силе этого человека.

А через пару месяцев звонок из Москвы: «У нас есть информация, что премьер Канады собирается принять Солженицына. Сделайте все, чтобы встреча сорвалась или по крайней мере не имела большого резонанса. Это очень важно». А премьером в ту пору был господин Трюдо, с которым у меня сложились просто дружеские отношения. Что делать-то? Звоню Трюдо: «Есть разговор». Резиденция премьера находилась неподалеку от посольства. И вот вечером пешочком иду к Трюдо. Стою, мнусь и просто не знаю, с какого боку подступиться. Умница Трюдо видит мои мучения и смеется: «Я уже знаю, с чем Вы пожаловали. Конечно, я с огромным удовольствием приму вашего писателя, но журналистам мы соврем и не скажем, сколько длилась встреча и о чем шел разговор».

И вот день прилета Солженицына. Я смотрю по телевизору: жуткий снег, Александр Исаевич в странном полушубке, борода заиндевела, а в руках кепка, которой он яростно отмахивается от толпы журналистов, все время повторяя: «Вы хуже КГБ! Вы хуже КГБ!» Уж не знаю, о чем они допытывались, но вот это разгневанное лицо и щемящий фальцет «вы хуже КГБ!» я запомнил.

Вечером звонит помощник Трюдо. «Господин посол. Встреча состоялась, носила формальный характер и продолжалась пятнадцать минут». Я улыбнулся: пусть те, кому положено слушать наш разговор, передадут в Москву — задание выполнено. «Надеюсь, ничего некорректного в адрес Советского Союза сказано не было?» — «Да что Вы, пустой разговор». На следующий день Трюдо с восторгом рассказывал мне о своей полуторачасовой беседе с писателем⁵.

— *А Вам довелось с ним пообщаться?*

— Однажды. Уже когда я возглавлял «Останкино», я пригласил Александра Исаевича на первый канал с циклом бесед. Он приехал с супругой, и у нас состоялся долгий и непростой разговор. Мы здорово поспорили, во мнениях не сошлись и с удовольствием выпили. Договорились общаться домами. Но то ли дом он тогда еще не построил, только общения не случилось⁶.

А цикл свой он вел с огромной радостью. И уже после первой передачи — звонок из администрации президента: не та направленность. Как видите, любая власть не терпит правды.

— *Как Вы полагаете, читают ли сейчас Солженицына в России, будут ли читать лет через двадцать?*

— Не знаю. Солженицына надо читать, может быть, не столько для литературного кайфа, сколько для гражданского самообразования. Как только услышите, что Дума снова тащит на площадь памятник злодею — читайте Солженицына. Только большое у меня сомнение: будут ли читать?

№ 70

«ЕЩЕ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Я ПРЕДЛАГАЛ ДВУХПАРТИЙНУЮ СИСТЕМУ»

Известия, 16 января 1999 г. Беседу вела Н. Архангельская.

В нашей партийной жизни царит чрезвычайная неразбериха. Левые и правые топчутся на одном пяточке, претендуя на центр. Только ленивый не объявляет себя социал-демократом или, по-нашему, левоцентристом. Ком-

мунисты выступают с крайне правыми, фактически черносотенными лозунгами¹. «Партия власти» свободно растеклась почти по всему спектру. Партийный пейзаж комментирует для «Известий» Александр Николаевич ЯКОВЛЕВ, бывший член Политбюро ЦК КПСС, а ныне председатель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий, лидер Партии социальной демократии и член оргкомитета Правозащитной коалиции².

— *Как Вы оцениваете настоящий антисемитский накат со стороны вождей КПРФ?*

— Это противоречит самим устоям марксизма. Как ни лицемерна марксистская диалектика, раньше официальные догмы все же соблюдались. Нелзя было публично пропагандировать шовинизм, антисемитизм: в лучшем случае это грозило исключением из партии. Не только Ленин, но и Сталин, который был законченным антисемитом, стер бы виновника в порошок. Но вирус агрессивности — классовой, национальной, атеистической — наша компартия несла в себе с самого начала. После размежевания меньшевиков с большевиками последние взяли на вооружение все самое негативное, что сохранил в себе марксизм: насилие как повивальную бабушку истории, диктатуру пролетариата, гражданскую войну, террор и т.д., — все это геноцидные постулаты, которыми, кстати, пользовались и нацисты в Германии. С 1917 года эта идеология стала государственной практикой, у нас сформировалось уголовное государство. Его неизжитые традиции и делают сегодня возможными выходы Макашова, Илюхина или краснодарского «батяки» Кондратенко³.

— *Еще в 1972 году Вы выступили в прессе против участвовавших проявлений национализма. Но этот демарш, если я не ошибаюсь, закончился для Вас ссылкой в Канаду?*

— Я с грустью констатирую, что все, кого я тогда критиковал, сегодня находятся в авангарде псевдопатриотической борьбы: журналы «Молодая гвардия», «Наш современник». Мою статью в «Литературной газете»⁴ обсудили на Политбюро и на закрытом Секретариате ЦК, где я остался в абсолютном меньшинстве. Попытался что-то объяснить, но Кириленко, который вел заседание, прервал меня: «Ты, Саша, нас в теорию не втягивай. Учти, что мы единодушны». Имелся в виду и Сулов, который в тот момент был в отпуске. Я получил в свою поддержку несколько сотен писем от рядовых читателей «ЛГ», но их у меня отобрали. Уже перед отъездом в Канаду я отдыхал в Барвихе, где оказался и старший Михалков, с которым мы знакомы. И вот как-то, прогуливаясь по дороге на Жуковку, мы повстречали Молотова, и Михалков нас познакомил. Молотов спросил: «Это Вы написали ту статью в «ЛГ»? Очень правильная статья». И что-то прибавил насчет того, что она написана с позиций истинного марксизма. То есть он, как коммунист ленинского призыва, учение Маркса знал. А у нынешней КПРФ от марксизма — одно название.

— *При этом бытует мнение, что КПРФ уже по сути социал-демократическая партия.*

— Это им генетически заказано. Наши коммунисты отошли от социал-демократии еще в 1903 году. А после революции физически уничтожили в России все партии социалистического толка, которых было около двух десятков, включая анархистов. На покаяние они не способны. Разговоры про реформы и многоукладную экономику, демонстративный отказ от атеизма — это ревизионизм, который никуда не ведет. Ведь обратите внимание: если коммунисты начала века пусть и обманым путем, но заставили народ клонуть на свою

программу, то нынешние, по сути дела, ничего позитивного не предлагают. Да и некому: из 11 миллионов членов компартии РСФСР в КПРФ остались только номенклатура и фанатики. Компартия олицетворяет тупиковый тип общественного развития, и ее деградация сопровождается смрадным гниением разлагающегося организма. Спасибо еще, что это не новая структура, родившаяся из нынешней протестной волны, — тогда дело было бы плохо.

— *Многие считают, что КПСС могла бы выжить, если бы вовремя реформировалась. У Вас был собственный план ее перестройки?*

— В декабре 1985 года я направил письмо Горбачеву, где предлагал перейти к двухпартийной системе⁵. Моя схема была приспособлена к тогдашним условиям. Я полагал, что партия должна разделиться на две части, на которые она фактически была расколота: коммунистическую и социал-демократическую, которые бы конкурировали друг с другом на выборах. Избираемый всенародно президент становится председателем некоего согласительного комитета, а правительство формирует победившая на выборах партия. Горбачев ответил, что для таких действий еще не пришло время: он очень не хотел рисковать на выборах. Говорил мне: «Тебя-то, конечно, выберут, а как ты будешь смотреть в глаза другим?» Я готов был баллотироваться первым, в виде эксперимента: ну не изберут, так не изберут. Но больше желающих не было, а зря. К своей идее я вернулся в 1991 году, снова написал Горбачеву, но ситуацию резко изменил августовский путч⁶.

— *Если вернуться к антисемитским мотивам в поведении нынешних коммунистов, то пример краснодарского губернатора показывает, что они встречают отклик у населения.*

— Сталин это сообразил первым, апеллируя во время войны к «великому русскому народу». Но чувство национального превосходства — оно поганое, это чувство толпы, невежества, зависти. В условиях нашего уголовного государства оно может дать всходы: угроза фашизма — фашизма российского розлива — у нас вполне реальна. Ведь даже Столыпин, один из умнейших наших правителей, и тот не удержался — опубликовал в прессе статью «О некоторых чертах еврейского народа». Самый образованный царь в нашей истории, Николай II, и тот, как аккуратно писал в своих мемуарах Витте, идейно «больше склонялся к охотнорядцам». Что же тогда говорить о толпе?

— *Социал-демократия имеет шансы укорениться в России? Многочисленные попытки освоить эту нишу до сих пор успеха не имели.*

— Потому и не имели, что многочисленные. А что такое социал-демократия, никто толком не понял. Один социал-демократ, к примеру, обещает нам производить по-капиталистически, а распределять по-социалистически. Таких смелых заявлений не делали даже большевики: они обещали распределение по труду, а это капиталистический принцип. Называют социал-демократом Явлинского, но ведь он не способен на компромиссы, а социал-демократия — идеология согласия. Но вообще для страны, на мой взгляд, это был бы единственный выход — надо искать пути к социальному партнерству.

— *Как Вы примиряете Ваши социал-демократические взгляды с участием в правоцентристском блоке?*

— Я пытаюсь убедить моих молодых коллег в необходимости социальной составляющей в нашей идеологии, но они опасаются, что она отпугнет либеральный электорат. Я же предлагаю определить идеологию блока как либеральную социал-демократию, ведь западная социал-демократия уже по сути перешла на либеральные позиции. В политике там уже все либералы.

№ 71

О СВОБОДЕ, КУЛЬТУРЕ ЗДОРОВЬЯ И НЕМНОГО О СЕБЕ...

Диалог, № 1 (28), январь 1999 г. Беседу вели А. Кричевский, Е. Рулева.

Имя Александра Николаевича Яковлева хорошо известно в нашей стране, — особенно людям старшего поколения. Человек, стоявший у истоков политических реформ в России и много сделавший для демократизации общества, в конце прошедшего года он отметил свое 75-летие. Автор многих книг, человек неукротимой энергии, он и сегодня в гуще политической и общественной жизни страны.

Предлагаем вашему вниманию интервью, которое он дал нашей газете.

— *Александр Николаевич, говорят, что политика — это страна «глухих», где никто не слышит и не чувствует чужой боли. А если и услышит, то скорее всего зажмет уши...*

— Не продолжайте, я понял. Сейчас я скажу вещь банальную, но кто же виноват, что проверенные истины набивают оскомину. Болезнь несет много неприятного, и, конечно, лучше вообще без нее, но уж если ты научился с ней сосуществовать, то она пробуждает колоссальные внутренние резервы организма, делает психику более мобильной, а душу — более восприимчивой.

— *Вы имеете в виду основной постулат христианства — «страдания закаляют»?*

— Это не только в христианстве, подобные моменты явственно прослеживаются во всех мировых религиях. Человек, принявший страдания, гораздо сильнее того, кто обошелся без них. Говорю об этом не понаслышке. Сам я болею диабетом уже несколько лет, и передо мной тоже стояла проблема выбора, «перекодировки» себя на другой уровень мышления и поведения.

— *Вы не раз говорили о том, что человек счастлив только в том случае, если он свободен. Вместе с тем к понятию «свобода» вы относитесь настороженно. Не могли бы Вы пояснить Вашу позицию.*

— Дело в том, что мы просто-напросто не так трактуем само это понятие. Российская реальная жизнь, да и сама история в целом просто не знают, что такое СВОБОДА. Мы знаем ВОЛЮ. А это разные вещи. Воля — это то, что хочется делать лично мне и ради себя. И Стенька Разин и Емельян Пугачев кричали в свое время: «Я дам вам ВОЛЮ!» То есть волю от всего. В равной степени от острогов, цепей, но и от нравственных законов тоже. А свобода — это прежде всего свобода от всякой гадости. У нее есть ограничения через внутреннюю этику, через демократию и закон. По-настоящему свободный человек не пойдет крушить соседний дом, не ляжет на улице лицом вниз и не станет пить из лужи только потому, что ему этого захотелось.

— *Наверное, все вышесказанное относится и к здоровью? Ведь здоровье — неотъемлемая часть нашей личности. Все время приходится слышать: диабет — это несвобода, это оковы.*

— Тут опять все зависит от того, как вы трактуете понятие «свобода». Если кто-то подразумевает свободу напиться, наестся до отказа, то такую свободу диабет отнимает. Но вопрос: нужна ли она вообще?

Возьмем, например, меня. Я всю жизнь был такой, как все. Аппетит тоже всегда был очень хороший — ведь бывают люди, которые вообще от при-

роды мало едят. Но когда выяснилось, что у меня диабет, я стал элементарно сдерживаться. И знаете, сам удивился: никакой трагедии не произошло. Просто теперь утром я не сажусь за огромный «ритуальный» завтрак, а съедаю немного каши — и все. И что самое интересное, я стал чувствовать, что именно такое количество пищи мне и нужно. А мы обычно сколько едим? Ведь просто издеваемся над собой, добровольно разрушаем организм.

Я знаю, многие сейчас скажут: я не выдерживаю все эти диеты. Ну, в первых, когда заболите, то выдержите всё. А во-вторых, я верю в то, что человек — создание программируемое. Так почему бы не перепрограммировать самого себя?

Возвращаясь к мировым религиям, хочу отметить, что все они базируются на этом постулате. Да, молись Всевышнему, обращайся за помощью, но сам сиднем не сиди. Вера без дел мертва. В буддизме есть такое понятие: каждый сам себе Будда. К примеру, ты переел, перепил, еще там что-то пере... И теперь тебе плохо. Культура здоровья — это уважительное отношение к самому себе. Это свобода через этические ограничения. И в этом смысле болезнь целого университета стоит.

— *В Вашей практике были конкретные примеры того, насколько дух первичен, а тело вторично?*

— Да. Расскажу вам поразительный случай (хотя он и не связан напрямую с диабетом), который наглядно иллюстрирует эту мысль. Был один замечательный врач, к сожалению, его уже нет в живых, он обслуживал советское посольство в Канаде. У меня в тот день случилось какое-то расстройство, причину не помню, но я вдруг неважно себя почувствовал и пошел к нему. Врач мне, как водится, сразу померил давление. И оно оказалось не просто повышенное, а какое-то совершенно дикое. Я уже приготовился к худшему. И вдруг он мне говорит: «Господин Яковлев, давление, конечно, высокое, но это у Вас стрессовое. Не надо принимать никаких лекарств. Идите сейчас домой и поспите часика три».

Я поехал домой, попросил жену разбудить ровно через три часа и лег спать. Затем встал, умылся (чувствовал себя уже совсем по-другому) и поехал обратно. Врач снова померил мне давление: абсолютная норма. Ни реанимации, ни уколов — ничего не было! Вы себе представляете?! Я ни в коем случае не призываю бросать медикаментозное лечение, но хочу, чтобы люди задумались, какие гигантские резервы дремлют в каждом из нас.

— *Вы много бывали за рубежом, имели возможность проконсультироваться у мировых светил. Как поставлена борьба с диабетом на Западе?*

— Самое странное — я не услышал там ничего принципиально нового. Когда я был в Японии, пошел к их главному специалисту по диабету. Он так спокойненько меня выслушал и сказал: «У Вас диабет на стрессовой почве. Поэтому щадите себя, поменьше волнуйтесь. Старайтесь похудеть — это очень важно». И все! Потом я был в Израиле и тоже пошел к самому известному врачу по диабету, им, кстати, оказался профессор из России. Он подтвердил мне все то, что я и так уже знал.

— *Вы упомянули сейчас Японию. Между тем там довольно мало болеют диабетом. Как по Вашему мнению, с чем это связано?*

— Культура питания — это однозначно. Ведь какова основная пища японцев? Рыба, растительность, соя... Они очень сдержанны в еде, это уже неотъемлемая часть менталитета. Вообще я очень люблю японскую кухню. Прежде всего именно за то, что она очень легкая. И знаете, что удивительно?

Даже если наешься этих яств до отвала, все равно не растолстеешь. К тому же это очень вкусно. Вот русская кухня, хотя и вкусная, но, на мой взгляд, тяжелая.

— Известно, что наши беды и болезни ложатся не только на наши плечи, но и на плечи наших близких. Как Ваша семья отреагировала на известие о том, что у Вас диабет? И нельзя ли о семье подробнее?

— Почему нельзя? Можно. Тут никакой тайны нет. Жена на год меня моложе, мы с ней больше 50 лет топаем по жизни рядом. Как в любой семье, всякое бывало, но если можно было бы начать все сначала, то я бы снова женился на ней. У нас двое детей и семеро внуков.

У меня с ними очень хорошие отношения. Не побоюсь сказать — дай Бог каждому. Знаю точно — они меня в беде не бросят.

Что касается моего диабета, то ни я сам, ни жизнь моей семьи особенно из-за него не изменились. К счастью, я не видел и не вижу по сей день особых изменений в своей психике. Со всех сторон внушают: ой, диабет — это разрушение, медленная смерть; словом, лучше сразу собрать чемодан и, как говорится, ждать своей очереди. Я не испытал при этом известии никакого шока. К таким вещам я отношусь сугубо фаталистически. Ведь у всех своя дорога, и надо жизни радоваться, а не заниматься самокопанием. Физически я не почувствовал, будто нахожусь на обочине жизни. Морально тоже. Нужно просто свыкнуться с диабетом и учитывать его — всегда и везде, соблюдая определенные правила. Это, наверное, скучно слушать, еще скучнее читать. Но что поделаешь, если ничего другого тут сказать нельзя. Да, надо найти свой образ жизни. Он не другой образ жизни, как обычно говорят о диабетиках. Он просто с поправками. Ведь, в сущности, человек всю жизнь себя в чем-то поправляет.

— Чего бы мы стоили, если бы прошли по жизни без малейших изменений и поправок, то есть закончили бы ее такими же, какими пришли в нее!

— Вот-вот! Коррекция своих взглядов, поведения — это процесс самопознания, очень творческий процесс. Вот я, к примеру, уже так «наострился», что могу без прибора сказать примерно, какой у меня сахар. И цифры почти всегда совпадают. Или еще. У меня хоть и две ноги, но одна (не совсем прямая после фронта) доставляет серьезные неудобства. Но в молодости я с такой ногой даже прыгнул с поезда — и ничего! А разве сегодня я стану прыгать? Это я к тому, что и годы и опыт неизбежно вносят в жизнь свои коррективы. Так же и с диабетом. Нужно просто помнить, что болезнь — штука беспощадная и «внеклассовая». Ей абсолютно все равно, в ком она поселилась. А вот нам с ней надо считаться. Иначе будет плохо. Нам, а не ей.

— Александр Николаевич, что бы Вы пожелали на прощание нашим читателям?

— Я желаю не прятаться от жизни. Конечно, щадить себя нужно и даже необходимо. Поясню, что имею в виду. Однажды я выступал перед одной аудиторией: молодые ребята, студенты. Я был буквально вдохновлен. Говорил несколько часов подряд, они меня не отпускали. Еле потом добрался до машины. Ну, думаю, сахар наверное бешеный. Измерил. И что Вы думаете? Он не только не повысился, а еще и упал до нормы, чего у меня уже давненько не наблюдалось.

Вот это желание творить, любить, действовать всегда меня просто поднимает из руин. Чего и всем от души желаю...

№ 72

РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО ТУПИК

Вёрсты, 26—29 августа 1999 г. Беседу вел А. Губанов.

Александра Николаевича ЯКОВЛЕВА представлять не надо. Он едва ли не самый известный в стране политик-демократ, один из архитекторов перестройки. Сегодня же он предрекает победу сторонникам «государственно-го капитализма».

— Александр Николаевич, почему «столп демократии» — Борис Николаевич Ельцин — ныне, согласно социологическим опросам, пользуется доверием лишь 2 % населения? Почему многие политики-демократы становятся то в жесткую, то в мягкую оппозицию к президенту или, по крайней мере, дистанцируются от него?

— Вы этим удивлены? Я — нет. После любой резкой смены общественного строя впоследствии неизбежен откат. А если к тому же перемены усиленно форсируются, то общество попросту задыхается. Прежде всего — «в дыму ошибок». 70 лет уголовного государства не прошли даром: в обществе воспитана соответствующая психология, безответственный коллективизм, иждивенчество, раболепство перед начальством. Вспомним, сколько людей уже на прошлых выборах поддержали кандидата в президенты, собиравшегося рвануть в «светлое прошлое». А с тех пор жизнь так называемого простого человека только усложнилась. Если политические проблемы с известной долей двоедушия и лукавства все же в известной мере решили, то в экономике дальше отрицания прошлого дело не пошло. Ельцину (по характеру!) нужен был немедленный успех — вот и пошли на форсированный переход к рыночной экономике. Что на практике вылилось в создание общества спекулятивных финансовых операций, где рядовой труженик зачастую оказался лишенным надежды на ближайший вечер. В самом прямом смысле, потому что он не знает, где взять деньги, чтобы поужинать. Глупо ждать от них похвал лидеру, с которым они олицетворяют все свои беды!

Мы свернули с эволюционного пути развития, ступив на революционный. А всякая революция, я убежден, приводит в тупик.

Что касается демократических политиков всех мастей, то они соответственно реагируют на импульсы общественного мнения: всякому хочется выйти из «неблагоприятной зоны».

— Но ведь и демократы первой волны тоже, в свою очередь, резко теряют очки в глазах общественного мнения.

— У огромного слоя новой номенклатуры, вообще влиятельных в обществе людей выработался своеобразный взгляд на суть окружающего. Они уже не хотят возвращаться к диктаторскому режиму, централизованной экономике, но в то же время жаждут обладать и государственными рычагами управления. Словом, выступают за то, что по классике называется государственным капитализмом. С либеральной линией этот подход объединить никак нельзя.

К тому же либералы с упорством, достойным лучшего применения, не желают признавать ошибки, наделанные ими в начальном периоде реформ. Взять, скажем, либерализацию цен¹. Давно пора рассказать, что, проводя ее, правительство руководствовалось лишь политическими соображениями, не подготовив никакой экономической почвы. На рынке не оказалось ни

средств производства, ни земли, ни квартир — в ход пошли одни бумажки. И там, где тучами замелькали ничем не обеспеченные денежки, появилась масса оборотистых и, прямо скажем, не стесненных моральными нормами дельцов.

Тот, кто не способен признавать ошибки, не может претендовать на доверие людей. Реформаторы первой волны не смогли установить связь с обществом в свое время. Теперь это сделать вдвойне трудно.

— *А в чем тогда, на Ваш взгляд, удивительный феномен Примакова²? Евгений Максимович — политик «горбачевской обоймы», ушедший на некоторое время в тень и затем вдруг снова заявивший о себе. И как! Не слишком жалующий Михаила Сергеевича и «политических возвращенцев», наш народ одаривает Примакова сверхвысокими рейтингами. И ведь вроде никаких прорывных удач за ним не числится...*

— Люди устали от политических и экономических шатаний, шараханий, возни «вверху», щедро сдабриваемой выбросами в прессу компромата. А тут приходит в премьеры человек, который никого и ни в чем не обвиняет, готовый спокойно и, как кажется, грамотно созидать. От него повеяло стабильностью, по которой столь истосковался россиянин. Люди как-то сразу успокоились. И, между прочим, Примаков все, что обещал, выполнил. Пусть это и не было великими свершениями. Заявил, что расплатится с пенсионерами, — сделано. Сказал, что закроет долги военным, — так и случилось. Ельцин, другие радикальные демократы обещали лечь на рельсы, благоденствие к энной весне или осени — вышло нищенство. Тут же хоть немного, но в реальности.

Плюс широкая молва о том, что Примаков — неподкупный, порядочный человек.

— *Откуда молва?*

— Я сам могу подтвердить высокие моральные качества Примакова; недаром, уходя из Института мировой экономики, рекомендовал его на место директора³. Так вот, народ как бы изумился: неужто могут еще быть «наверху» честные люди?! Да за это русский человек многие промахи простить может!

— *Наверное, для будущего президента-2000 подобное качество тоже просто необходимо...*

— Безусловно. В нашей стране что-то может сдвинуться с места, если на это народ навалится всем миром. А народ сподобится на это, если действительно поверит своему лидеру. Кстати, даже известный казус со средствами массовой информации — и тот пошел Примакову на пользу. СМИ обиделись на его одергивания⁴, я ему (со своей любовью к свободе слова), не утерпев, сказал, что зря он, мол, так выступил, и Примаков как бы даже оправдывался: дескать, не против свободы он, но против несправедливости и вранья. А между тем во мнении простых людей Евгений Максимович только прибавил: чернуха в прессе и впрямь многим надоела. А уж эпизод с разворачиванием самолета по пути в Америку⁵ так просто лег на сердце россиянина, изголодавшегося по патриотическим жестам политиков высшего ранга.

Абсолютно конструктивны и полезны выдвигаемые Примаковым политические предложения. Скажем, возвращение к жизни поста вице-президента. Если стране не очень повезло с предшествующими персоналиями в этом ранге, то это не значит, что его не должно быть как такового.

Правильно, уверен, и предложение Примакова о передаче правительству части президентских полномочий. Президент сегодня чересчур вмешивается в экономическую конкретику, обедняя роль правительства и не слишком украшая свою. Да и парламенту не помешает полномочий поболее.

— *Кстати, о парламенте. Какой бы Вы видели российскую партийную схему в идеале?*

— Считаю, что в России должна быть сильная социал-демократическая партия, занявшая бы так называемый левый центр. Ее приоритетная задача — опираясь на профсоюзы, защищать интересы людей наемного труда, малого и среднего бизнеса. Нужны либерально-демократическая (не по факту — по концепции) и либеральная партии. Последняя — как партия экономической свободы, в то время как ее «сестра», чуть более «скованная» демократическими ограничениями, стоит между либеральной и социал-демократической партиями. Нежелательны, но неизбежны и какие-то маргинальные партии.

— *Ваш прогноз по поводу грядущих выборов в Думу? У кого больше шансов на победу?*

— Думаю, что концепция государственного капитализма сегодня наиболее востребована обществом. Она скорее приемлема, чем коммунистическая концепция централизованной экономики. В то же время по уже оговоренным выше причинам едва ли большой успех ожидает правых. Видимо, больше шансов на победу у блока «Отечество — «Вся Россия», являющегося сегодня особого рода центром, к тому же серьезно усиленным Примаковым. Боюсь, что с уходом Степашина существенно ослабли и без того не самые предпочтительные позиции «Нашего дома»⁶...

— *Считаете ли Вы возможным введение нынешней властью ЧП в том случае, если она почувствует свое неизбежное легитимное поражение?*

— Вряд ли это возможно. Это кончилось бы для нее судом, а скорее всего, вылилось бы просто в фарс, второй, еще более постыдный ГКЧП, ибо ни армия, ни МВД сегодня приказы по форме чрезвычайного положения просто не выполняют.

2000—2005 годы

№ 73

ЛАКМУСОВЫЕ КНОПКИ

Вёрсты, 1 февраля 2000 г. Беседу вел А. Губанов.

Неопределенное выражение лиц новых обитателей властного Олимпа станет выразительнее, когда придет время решать принципиальные для общества вопросы, уверен «архитектор российских реформ» Александр ЯКОВЛЕВ.

— *Александр Николаевич, в разгар думского кризиса¹ Вы вместе с другими лидерами Конгресса русской интеллигенции выступили со специальным заявлением по поводу политической ситуации в стране. Вы действительно считаете, что за годы реформ «птица-тройка» России долетела лишь до очередной ямы?*

— Думский кризис вызывает тревогу. Но он лишь «звено в общей цепи». Огромное разочарование испытываю от двух стратегических провалов в реформах. От чего прежде всего должны были избавиться наш многострадальный народ демократические преобразования? От нищеты и бесправия. Что имеем? Эти две национальные вериги лишь утяжелились. Разного рода свободы вроде бы пришли для того, чтобы не было бедных и замордованных. Но сегодня у огромного множества людей не хватает на столе самого необходимого, а любой чиновник, коль захочет, из рядового россиянина запросто «сделает мартышку»...

— *Оттого и возник нынешний крен общественных симпатий в сторону сильной руки? Демократия как таковая оказалась дискредитированной?*

— А мы объяснили людям, что это за штука такая — демократия?! Нет? То-то и оно. Любая идея требует понимания. А в России демократия ворвалась в жизнь большинства через митинги, свалилась как снег на голову. Скорее, как нечто обратное тоталитаризму, но в общем невесть зачем. А ведь демократия должна иметь место ради социальности, то есть служить улучшению народной жизни.

— *Наверное, от этого непонимания не слишком известна в широких массах и Ваша партия — Партия социальной демократии²?*

— И от этого тоже. Большинство путает это название с социал-демократией. Но социал-демократия — это кусочек социализма, принесшего столько бед России. Социал-демократы предали страну в начале века, или, по крайней мере, оказались бессильными против кровавых авантюристов-большевиков.

— *Россия жестоко пострадала от коммунистов, но мощный удар по ней нанесли и либеральные идеи...*

— Я бы сказал по-другому. Либеральная идеология хороша сама по себе, но ее время в России еще не пришло. Я, кстати, всегда говорил это своим соратникам по правому флангу. Внедрение в общество либеральных идей, причем насильственное, обязательно расколется его на сверхбогатых и нищих, покупающих закон за деньги и полностью бесправных. Либеральные ценности начнут работать, когда разбогатеет и гражданское общество состоится хотя бы в своем основании...

— *А чтобы начать побеждать нищету и беспредел, необходимо пресловутое вмешательство государства, которое не может осуществляться рукой хилой. Но как определить должный объем ее бицепса? Далеко ли тут до диктатуры, желания побыстрее и наверняка «замочить» то, что мешает движению к «светлому будущему»?*

— Намек ясен — на думский кризис. Все может быть. Но я бы все же не стал излишне трагедизировать ситуацию. Ничего катастрофического не произошло, — пока, по крайней мере. Да, Путин демонстрирует силу: приближая то одних, то других, он явно хочет показать, что для него среди фракций нет фаворитов...

— *Или то, что он ни с кем не намерен считаться?*

— Так, увы, сложилось: у Путина слишком предпочтительная позиция, вольготные возможности для маневров. Хотелось бы посоветовать ему не зарваться, использовать предпочтения без унижения других.

— *Но раздел думских портфелей уже произошел довольно бесцеремонно, и так называемое меньшинство оскорбилось...*

— Повторяю: пока ничего страшного не случилось. Ну посудите, не портфель же, пусть и самый пухлый, нужен такому бескорыстному и искреннему политику, как Евгений Максимович Примаков! А суть политического расклада в Думе прояснится при голосовании по первому же значимому законопроекту. Как решить проблему депутатских привилегий, купли-продажи земли? Отношение к таким вопросам сразу же сделает депутатские кнопки лакмусовыми, определит доселе неопределенные выражения лиц новых обитателей нижней палаты парламента. Все проверяется на конкретных делах.

— *И все же лидеры Конгресса русской интеллигенции сделали достаточно резкое заявление...*

— Это нормальное предупреждение о том, как относятся к происходящему не последние в России люди. Конечно, подобного развития событий в Думе можно и нужно было избежать! Но это и не ситуация, из-за которой стоит выстраиваться в очередь к виселице. Надо искать компромисс. Коммунисты щелкнули правых и центристов по носу? Ничего, надо потерпеть. Дело еще повернется совсем другим образом.

— *Однако неужели непримиримого антикоммуниста Александра Николаевича Яковлева не покорило столь откровенное сближение преемника Ельцина с Зюгановым и Селезневым?*

— Отвратительный союз! Но, по всей видимости, в нашей стране самые высокопоставленные и как будто умные люди так и не поняли, что же это за зверь — коммунизм.

— *Путин не понял?*

— По крайней мере, выходит так, что он не придает этой силе большого значения.

— *А Вы поняли, что такое Путин?*

— Ни в коей мере. Аллергии он у меня не вызывает — как чистый лист бумаги. Мы не слышали от него никакой программы, ни конкретных целей и уж тем более способов их достижения. Как-то нынешний и.о. президента сказал, что является сторонником умеренного либерализма. Хотелось бы знать, что он понимает под этим термином. Если либерализм умеряется социал-демократическим уклоном, то это я приветствую. А вдруг еще чем?!

Власть никак не утоляет мою гражданскую жажду конкретики. Мне совершенно не интересна вся эта портфельная возня в Думе, зато с нетер-

пением ожидаю, когда ее повестка включит в себя насущные для страны законы.

А вообще-то и Думу вовсе ни к чему делать «центром мироздания». Давно пора больше вглядываться в живую конкретную жизнь регионов. Кто и что там делает? Ради чьей пользы? По какому праву? А то местные политики и чиновники, прикрываясь фразой о «непорядках в Москве», сами-то и во все беспредельничают на своих территориях. Никогда у районного «князька» не было такой власти, как сегодня! По указанию главы местной администрации вас могут лишить работы и участка земли, вообще выгнать из дома. Такие факты сплошь и рядом, а мы все 12 лет так называемых реформ только и разбираемся в сложных экономико-политических терминах. И при том все спрашиваем, принимает ли российский человек демократию...

Пусть в Думе покувыркаются. А мы увидим, кто и как вскоре будет нажимать на кнопки.

№ 74

«МЕНЯТЬ НАДО БЫЛО БУКВАЛЬНО ВСЕ»

Московская промышленная газета, 30 марта — 5 апреля 2000 г.

Беседовал Н. Гульбинский.

— *Александр Николаевич, когда у вас с Горбачевым впервые возникла мысль о необходимости перестройки?*

— Эти разговоры начались еще в то время, когда я был послом в Канаде. Уже тогда мы обсуждали с Горбачевым вопросы перестройки. Мы говорили с ним во время моих приездов в Москву и когда Горбачев приезжал в Канаду¹.

— *Что, на Ваш взгляд, требовало немедленных перемен в советской системе?*

— Менять надо было буквально все. Прежде всего систему выборов, которая в то время была чистой воды профанацией. Мы пришли к выводу, что выборы должны стать альтернативными, с тем чтобы общество могло осуществлять свою собственную селекцию руководителей, а не ту селекцию, на которую ее обрек сталинский режим.

— *Но нельзя не признать, что при Сталине, да и позднее, на высокие посты выдвинулось множество талантливых людей: полководцы, ученые, организаторы промышленности, партийные работники. А вот та система отбора кадров, которая существует сегодня, почему-то, как правило, выдвигает во власть людей бездарных и предельно бесчестных.*

— Действительно, КПСС сумела использовать значительное большинство людей, которые обладали реальным потенциалом, умели работать. Но я абсолютно не согласен, что партия выдвигала на руководящие должности неких талантливых людей. Я знал многих из них и, к моему глубокому сожалению, даже разочарованию, за отдельными исключениями, профессио-налов я не обнаружил. Ни дальновидности, ни гибкости у них не было.

Если, как Вы утверждаете, у нас были такие талантливые руководящие кадры, то как объяснить, что мы оказались на задворках экономического и политического развития? Если у нас были такие талантливые военачальники, то почему же мы тогда проиграли войну?

— *То есть как «проиграли»?*

— Как проиграли? 30 миллионов человек погибло. Это — катастрофа для страны и для народа. Какая это победа, если за три первых месяца войны вся наша Западная группировка войск была разгромлена: более двух миллионов человек погибли и более двух миллионов были взяты в плен! И на фронт пошли ополченцы и мальчишки вроде меня — 1921—1922 гг. рождения?

— *То есть, в отличие от Черчилля, Жукова, Василевского, Рокоссовского, Штеменко, Вы не считаете Сталина великим полководцем?*

— Никакой он не великий полководец. Это предатель. Мы сейчас выпускаем сборник документальных материалов, посвященный маршалу Жукову². Там он пишет, какой Сталин полководец. Только на втором этапе войны он стал чему-то учиться. С моей точки зрения, Сталин — это просто уголовный преступник.

— *Но вернемся к Вашим беседам с Горбачевым тогда, в Канаде. Что еще вызвало Вашу готовность все изменить?*

— Экономическая отсталость. Мы начали катастрофически отставать от Запада. Мы закупали новейшее оборудование, тратили миллиарды долларов, но ситуация не улучшалась. Это оборудование валялось под открытым небом, разворовывалось. Мы задавали себе вопрос: и это экономика? Да это просто преступление перед народом!

Вот лишь один пример. В Чебоксарах объявили на всю страну комсомольскую стройку и воздвигли досрочно какую-то домну, затратив огромные средства. А завод, который должен был поставлять сырье для этого производства, еще не был достроен. И получилось, что построенная с огромными затратами, с огромным напряжением сил домна шесть месяцев стояла. Такие вот «гении экономики» были на руководящих постах!

Совершенно были загублены российское сельское хозяйство, деревня. Россия в 1909 году производила основных злаковых культур больше, чем США, Канада и Аргентина вместе взятые. И до сокрушения НЭПа на апрельском пленуме 1929 года³ мы продавали хлеб. А при Хрущеве мы стали его закупать.

Россия до революции по темпам развития производства обгоняла все страны мира. Только в послевоенной Японии темпы роста были выше. Россия не имела ни копейки внешнего долга. Русский рубль был крепче любой европейской валюты и не уступал доллару. В России заработал парламент, существовала свободная печать. Почитайте, как поливали грязью тогда Николая Второго, и он ни разу не прибегнул к своему узаконенному праву на какие-то меры... Так о каком самодержавии можно было говорить? Октябрьская контрреволюция 1917 года все это порушила.

— *Ельцин тоже ни одной газеты не закрыл...*

— Тоже. В этом отношении ему надо отдать должное.

— *Безусловно, советский строй нуждался в реформировании — никто с этим и не спорит. Но давайте посмотрим: с чего начал Горбачев? С антиалкогольной кампании!⁴ С обязательной работы в две смены и рекомендованной — в три. С ужесточения дисциплины в духе Андропова. Все хаотично, непродуманно. Существовала ли какая-то стратегия перестройки, или все делалось как Бог на душу положит?*

— Много шло по инерции. Мы были обыкновенными советскими людьми. И тогда над нами довлела одна идея — усовершенствования. Мол, если подмазать механизм, подчистить, подрегулировать, что-то заменить — он и заработает на полную мощность. Эта идея шла еще от Андропова.

Но коль скоро мы стали говорить о демократизации, хочешь не хочешь — пришлось признать свободу слова. Отсюда возникло понятие гласности. И тогда мы увидели, что, оказывается, мы отсталые, мы невежественные, мы коррумпированные. Оказывается, и врагов народа никаких не было. И тогда стало непонятно: а почему, например, преследовали религию?

Ведь это же кошунство, когда Зюганов проводит семинар на тему: «Православие и социализм». 300 тысяч священников были расстреляны за годы советской власти. 80 процентов храмов уничтожено по решениям партийных органов. И вдруг: православие и социализм. Здравствуйтесь, приехали! И не стыдно?!

— *Кстати, о Зюганове. Говорят, он был Вашим подчиненным в Отделе пропаганды ЦК КПСС?*

— Да, он был обычным, ничем особо не выделявшимся работником. Если не считать одного обстоятельства: он был капитаном волейбольной команды отдела, которая ниже второго места не опускалась. Здесь он действительно проявил выдающиеся способности. И за это его ценили, а вовсе не за марксистские убеждения, которых, к слову сказать, у большинства партийных работников и не было. Партийная номенклатура — это в своем большинстве люди без убеждений. Если бы тогда среди партийных работников провести серьезный экзамен по марксистской теории, думаю, мало кто бы выдержал его. Кстати, мое критическое отношение к марксизму началось именно с серьезного знакомства с первоисточниками.

— *А может быть, нам стоило сделать, как в Китае? Прошлого уже не вернуть. Допустим, сказали бы, что в прошлом было на 60 процентов хорошего и на 40 процентов плохого, и пошли бы дальше — начали бы реформы в экономике. А с прошлым потом разберемся — лет через 200 историки выяснят, был Сталин плох или хорош, а может быть, кто-нибудь «откроет» на манер академика Фоменко, что Сталина и вовсе не было, все это выдумки, миф?*

— Очень многие впадают в заблуждение, ссылаясь на китайский опыт. Во-первых, мы не китайцы. За годы советской власти мы здорово обленились. Конечно, и тогда были трудоголики, но большинство приходили на работу, уходили с нее и получали зарплату.

Во-вторых, в Китае даже в годы «культурной революции» сохранилась частная собственность. Они не разрушили мелкий бизнес — не тронули мелкого торговца, мелкого ремесленника. А это — великое дело. Конечно, я не люблю Ленина, но он, видимо, где-то селезенкой почувствовал, что не надо трогать мелкий бизнес.

В Китае существовала только видимость преданности марксизму. Дэн Сяопин провозглашал «социализм с китайской спецификой». И добавлял: «Но специфики больше».

Если бы мы в свое время продолжили линию, как когда-то говорилось в партийных документах, на «государственный капитализм до полной победы коммунизма», то, может быть, что-то и получилось бы. Естественно, коммунизма никогда бы не наступило — всегда был бы государственный капитализм.

— *Знаете, как говорил Троцкий, ради развития НЭПа и строительства государственного капитализма не стоило совершать Октябрьский переворот. И, кстати, даже он признавал достижения сталинской эпохи — индустриализацию прежде всего.*

— К сожалению, возобладали линия на сокрушение НЭПа. И это привело к трагическим последствиям. Когда говорят о достижениях советской

эпохи, забывают о народе, который стоял в очередях, жил в коммуналках, забывают о том, как жила деревня. Посмотрите на сегодняшние деревенские избы. Это — избы прошлого века!

Добывали золото, нефть, а как жили в Сургуте нефтяники — ужас. И кроме всего прочего — издевательство над душой человека. Единомыслие. Думай, как сказано, — и все. Это великое завоевание, что мы опрокинули монособственность, моноидеологию и моновласть.

Почему многие желают прихода к власти коммунистов? Да потому, что тогда была государственная собственность, которую можно было воровать. А при частной собственности человек сам у себя воровать не станет.

— *Но получилось-то так, что новые собственники стали собственность уводить на Запад. Если раньше мы воровали у государства — то хоть наворованное в нашей стране оставалось. А теперь оно из страны уходит.*

— Да, но к демократии это не имеет никакого отношения. Это все проявления деформации и бюрократизации демократии, когда демократию используют в личных интересах.

— *Как реагировал Горбачев на то, что с каждым днем дела в стране шли все хуже и хуже?*

— Мы уже забыли, что было в 1984 году. Что касается антиалкогольной кампании, то эти планы существовали еще до Горбачева. Он просто поддался нажиму геронтократов из Политбюро.

— *А сам-то он что, неужели совсем не пил?*

— Очень мало. Ну если на каком-то празднике рюмки две выпьет водки, это уже считалось событием. А кроме того, в этом постановлении предусматривалось сокращение производства водки и всяких суррогатных вин. А производство высококачественных вин, пива и коньяков предполагалось наращивать.

— *А вместо этого стали вырубать виноградники?*

— Да. Все довели до абсурда — на свадьбе и шампанского нельзя выпить. Потом уж и сам Горбачев стал возмущаться: мы что — сухой закон, что ли, вводим?

— *Могли бы мы в результате перестройки, реформ все-таки остаться великой мировой державой? Чтобы наши подводные лодки держали под прицелом ядерных ракет города Америки, чтобы наши авианосцы контролировали Персидский залив, чтобы повсюду были наши военные базы и любой район мира был бы сферой наших жизненных интересов?*

— А зачем?

— *Как зачем? Державное величие — многие по этому тоскуют. США все это имеют, а мы имели, да потеряли.*

— Пусть США что хотят имеют. Мы должны заботиться совсем о другом. Сегодня снова у кого-то милитаризационный зуд возникает. Это будет катастрофой для нашей страны. Простите меня за пафосность, но я верю только в одно — в величие человека. В его достоинство и в его достаток за счет его труда. И в жизнь на основании закона. В это я верю.

Если это будет — появится и величие державы, и уважение к ней. И тогда люди поймут никчемность любых милитаризаций во всем мире, в том числе и в США.

— *И Вы верите, что в России все это возможно — уважение к человеку и уважение к закону? Или нам все-таки всегда нужен Сталин?*

— Если бы не верил, не брался бы за перестройку.

№ 75

ПЬЯНСТВО ПОБЕДИТЬ НЕ УДАЛОСЬ

Независимая газета, 18 мая 2000 г. Беседу вела Е. Сальникова.

Один из отцов перестройки Александр Николаевич Яковлев вспоминает, как проходила антиалкогольная кампания 1985—1986 годов — когда празднование очередного дня рождения превращалось в экстремальную ситуацию и когда в народе ходила шутка о том, что имя Михаила Горбачева в переводе на японский звучит Пей Соки Сам.

— *От кого исходила изначальная инициатива в работе над алкогольными проблемами? От верхних эшелонов власти?*

— Я бы так не сказал. У меня осталось впечатление, что это было реакцией на множество писем женщин, которые жаловались, что их мужья спиваются. Дело иногда доходило даже до того, что на некоторых заводах замеченным в пьянстве не выдавали зарплату — выдавали сразу женам. А то некоторые мужья в день получки не успевали донести деньги до дома.

Вопрос активно разрабатывался и при Брежневе, и при Андропове, при Черненко. Проблема перешла в наследство к Горбачеву.

Когда принимался указ¹, «юбилей» которого сейчас справляется, я еще в ЦК не работал, а был директором Института мировой экономики и международных отношений². Но уже в то время я привлекался для чтения некоторых государственных документов. Помню, после ознакомления с тогдашним постановлением у меня волосы на голове зашевелились — ведь там все было на запретах! Против такого постановления были и Болдин, и Рыжков. И я, естественно.

— *Вы стремились как-то скорректировать постановление?*

— Кое-что удалось поправить — например, вымарать запреты на пиво и вина высоких сортов. Но на практике была тенденция к гораздо более жестким мерам, чем предполагалось указом. Стали урезать закупку оборудования для производства алкогольных напитков. Рубили виноградники...

— *Как относился к антиалкогольной кампании Горбачев?*

— Михаил Сергеевич тогда еще только пришел к власти. Он не был сторонником таких мер и даже говорил: «Ну что вы, мы же не будем вводить сухой закон». Но идея об умеренном употреблении алкоголя тем не менее сначала грозила превратиться в истерию. А прошло года полтора, и все начало стихать. Сам Михаил Сергеевич рассказывал анекдот про эту кампанию. Стоит очередь за водкой. И один парень говорит: «Вот убил бы я этого Горбачева за такие законы!» И пошел в Кремль. Потом стоящие за водкой смотрят — возвращается. Ну что, спрашивают, убил? Нет, говорит, там из таких желающих, как я, еще больше очередь.

Егор Кузьмич Лигачев, обладающий весьма твердым характером, стремился к ужесточению в реализации указа. На каждом секретариате он кого-нибудь отчитывал — то Грузию, то Молдавию. Заместитель председателя Госплана, который ведал вопросами продовольствия, тоже получал выговоры. Нажим был колоссальный. Наше государство вообще театр абсурда, а уж тут и говорить не о чем. Не приведи Господи, если кто-то употребил шампанское по случаю чьей-нибудь свадьбы или дня рождения, да еще являясь при

этом членом партии. Его вызывали на собрание и прорабатывали. В общем, вводилась какая-то антиалкогольная опричнина.

— *Во многих кинокартинах есть сцены застолий. Какие инструкции, рекомендации создавались в данном направлении?*

— Да, действительно, оставалась цензура, Главрепертком, через который все должно было проходить. Дело доходило до полной нелепости — по телевидению нельзя было транслировать старые фильмы, где у рабочих имело место какое-нибудь веселье с выпивкой. Но никаких особых законов специально не разрабатывали. Раз рюмка на экране, этот эпизод нельзя показывать. Вот и все. Тем более что наша интеллигенция, с одной стороны, борется с властью, а с другой — крепко с нею обнимается. Творческие люди были прежде всего заинтересованы в том, чтобы их фильмы выходили в прокат. Так что все прекрасно понимали, как надо себя вести. И не нужны были никакие дополнительные инструкции.

— *А на Вашей памяти случались какие-нибудь конфликты, например, с режиссерами, которые отстаивали свое право на сцены с выпивкой?*

— Нет. Все были уверены, что антиалкогольная кампания не будет вечной и успеет пройти, пока фильм в производстве.

— *И каковы оказались результаты антиалкогольных мер?*

— Пить стали больше, число алкогольных отравлений выросло в 4 раза. Как ни ловили самогонщиков, в каждой деревне образовались подпольные производства алкоголя. Огромный прогресс был достигнут в области изготовления самогонных аппаратов компактных конструкций. Значительно обогатился черный рынок, подпольное производство водки. Ущерб государству по тем деньгам составил более ста миллиардов рублей. Некоторые ученые даже считают, что с того момента и началось развитие финансового кризиса в нашей стране.

— *А как можно было обойтись без алкоголя в государственном быту, на важных фуршетах, официальных приемах?*

— Были скандалы, были исключения. На МИД и посольства пришлось махнуть рукой и разрешить им употреблять спиртные напитки.

Кстати, вообще Россия отнюдь не находится на первом месте по употреблению алкоголя. Во Франции, в Финляндии, в Германии пьют больше. Мы где-то на двадцатом месте. Во Франции рабочий имеет право выпить маленькую порцию вина в свой обеденный перерыв. Но там же никто на дороге пьяный не валяется.

— *Как происходит борьба с пьянством в других странах?*

— В Канаде, например, нельзя распивать напитки на свежем воздухе в общественных местах. Ведь есть не только права личности на употребление алкоголя, но и права общественности. Некоторые могут не хотеть присутствовать при распитии спиртного какими-то лицами. Года полтора рассматривали вопрос, можно ли выпивать на собственном балконе. Наконец решили, что можно. Потом еще есть так называемый «закон третьей точки». Если выпившие люди идут нормально, их нельзя задерживать. Но если они на что-то опираются — на столбы, здания, о землю, — они квалифицируются как находящиеся в состоянии опьянения. И его можно отправлять в вытрезвитель, где весь персонал очень вежлив, где человека обязательно хорошо покормят, уложат на чистейшую кровать, вычистят в химчистке костюм, даже если это не обязательно. Зато утром предъявят счет — от 500 до 800 долларов.

№ 76

ЛОВУШКА ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА

Труд, 13—19 июля 2000 г. Беседу вела О. Соломонова.

О сильном государстве, свободной прессе и «виртуальной» роли чиновника в жизни человека и общества корреспондент «Труда» беседует с академиком Александром ЯКОВЛЕВЫМ.

— Многие политики, эксперты сейчас обсуждают с разных сторон и под разными углами зрения программное послание президента к парламенту¹. А на какие его особенности, Александр Николаевич, обратили внимание вы?

— Если говорить о тексте как таковом, несмотря на некоторые его структурные несуразицы, что не так уж важно, то, конечно, это — программа человека, ставшего властью. Это первая особенность. Вторая — президент понимает, что он должен найти отклик у людей, его слушающих, причем постараться не расколоть их. Поэтому ожидать от послания каких-то революционных постановок вопросов было бы наивно. И в-третьих, в нем, как в каждом послании, существует определенная часть разговора сугубо по делу, иначе люди ничему не поверят. Народ у нас сейчас поумнел, ему слова надоели, он им, в общем-то, уже и не верит, начинает судить по делам. К примеру, будет закончена чеченская война² — будут аплодисменты...

— И все-таки давайте сначала обсудим слова, прозвучавшие в Кремле.

— Мне они, честно скажу, понравились. Я разделяю многие моменты из сказанного Владимиром Путиным, ибо это соответствует моим взглядам — социально-либеральным. Мне импонирует, что в его послании присутствует тема, которую мы еще пять лет назад затронули в программе нашей партии³, поставив на первое место развитие здравоохранения, образования, культуры. Мне нравятся слова о свободе слова, о защите частной собственности, о частной собственности на землю, о предпринимательстве, о борьбе с произволом чиновничества, о минимальном вмешательстве государства в экономику... Я, например, не верю ни в какое государственное производство как таковое, кроме субсидирования фундаментальной науки, скажем, фундаментальных исследовательских работ в области сельского хозяйства. Главное, чтобы человек работал на своей земле. А если работает на чужой как вольнонаемный рабочий, то чтобы получал за свой труд плату в зависимости от трудового вклада. Это, кстати, капиталистический принцип: «каждому — по труду».

— Слова сказаны правильные, спору нет, писали-то профессионалы. Но сколько их звучало и в прошлые годы?

— Да, если взять прошлогоднее, позапрошлогоднее послания президента Ельцина, то там можно найти даже более красивые фразы по этому поводу. А чем все закончилось? Пшиком. Вот где ловушка-то для Путина. Будем надеяться, что он понимает это.

— Что это за ловушка?

— Наш номенклатурный монстр. Он словно крокодил, который все пожирает на своем пути — и мясо, и бумагу, и постановления, и идеи. Ну а что получается после того, как он переварит все это в своем крокодильем чреве, мы знаем... Сейчас существуют — я думаю, многие этого не понимают — засилье и диктатура чиновничества. И что меня насторожило в послании, так это рассуждения о сильном государстве. Понятно, чем продиктовано нормальное стремление усилить федеральную власть, — элементами сепаратизма, регио-

нального боярства, небезопасной разногласицей в законах. Но здесь, на мой взгляд, нужны дополнительные разъяснения президента: что он понимает под сильным государством и под государством вообще. Если это территория, где правят чиновники, то мне как гражданину России такое государство не нужно. Я хочу жить в государстве, где во главу угла поставлен человек, который формирует гражданское общество, создает его институты и нанимает чиновников — с самого высшего до домоуправа, — обязанных служить человеку через закон. Единственная диктатура, которую и я признаю, — это диктатура закона.

Конечно, я не против того, чтобы государство было сильным, уважаемым. Но оно должно быть человеком — процветающим, работающим, инициативным, образованным, здоровым... И свободным. Вот за такое сильное государство я готов выступать. Но сегодня человек, как и раньше, крутится под чиновником. Он же идет со своими бедами не к президенту и не к премьеру, а к клеркам в разных конторах, которые сидят как пивяки на нашем обществе. Считаю, что чиновничество должно быть сокращено как минимум в два раза, а потом — еще в два раза. Но простое сокращение не ликвидирует его власть, диктатуру. Прежде всего надо четко определить все функции: кто что делает и кто за что отвечает.

— *Очевидно, с такой целью президент и начал реформу власти. Но пока это, как считают, например, оппонировавшие ему губернаторы, привело к увеличению армии чиновников — не погубит ли она все эти благие начинания?*

— Если мне обоснованно скажут, что сила государства необходима для обеспечения того, что нужно сегодня человеку, вот тогда я пойму... Надо наконец перевернуть эту извечную российскую пирамиду — государство, общество, человек — и установить обратный порядок. Что еще важно, на мой взгляд? Мы платим налоги и не знаем, куда они идут. Да, сейчас страшновато говорить, потому что много средств уходит на войну. Но пора людям давать отчет, куда и на что идут их деньги.

— *Другими словами, политика власти должна быть более открытой.*

— Совершенно верно. Налогоплательщики, если мы думаем о них как о гражданах России, имеют право знать, что происходит в стране, и судить о намерениях власти не по каким-то косвенным фактам, противоречивой информации и слухам. Я давно мечтаю о том, что президент, премьер или министр, скажем, раз в неделю рассказывает нам об очередном важном решении власти, называет причины, по которым оно принято, и объясняет, что дает оно гражданам. Людей ведь не волнует, какие у правительства заботы и кому какие поручения даны.

— *Вы назвали едва ли не самой большой опасностью чиновничьего монстра. Он сейчас приспосабливается, перерождается, но по-прежнему страшно живуч. Есть ли надежда, что наш президент справится с ним?*

— У него другого выхода нет. Он ведь тоже в ловушке. И, очевидно, понимает, что надо куда-то двигаться. Если повернет назад, то ему будут аплодировать люмпен, проснувшийся от запоя пролетарий, да и номенклатура тоже. Хотя, между прочим, ей сейчас лучше, потому что так богато, так вольно чиновник не жил никогда... Да, обратного хода объективно нет, история просто не пустит. Мы исчерпали в этом веке уже все квоты дьявола, которые нам были отпущены. Значит, будем двигаться вперед.

— *Что, по-вашему, дает сегодняшнее время президенту для реализации его программы?*

— Сейчас очень хороший момент. Такого момента не было ни у Горбачева, ни у Ельцина. Во-первых, в отличие от Горбачева, Путин избирался всенарод-

но. У него огромный потенциал доверия. Во-вторых, в отличие от Ельцина, он сейчас имеет совершенно иную обстановку в парламенте, больше стало внутренней дисциплины в силовых структурах. Хотя проблем там, конечно, полно. В-третьих, экономическое положение сегодня лучше. В-четвертых, подготовлена почва во внешней политике — Россия снова появилась на мировой арене. Все это вместе взятое, считаю, дает возможности для президента выполнить эту программу. Но повторяю: если он не поставит на надлежащее по закону место номенклатуру, чиновника, то не решит этой задачи...

— *Владимир Путин говорит, что пресса должна быть свободной, и вообще отвел в своем выступлении довольно много времени средствам массовой информации. И это как раз вызвало у некоторых комментаторов сомнения и немало критики. Почему, как Вы думаете?*

— Я убежден, что, исчезни у нас печать на три месяца, это время станет временем безоблачного счастья для чиновников. Потому что никогда в истории не бывало, чтобы пресса дружила с государством, то есть с чиновником. Это противоестественно. И не стоит, думаю, ожидать от СМИ, как вроде сейчас ожидается, что они будут безропотно и с восторгом выполнять некие желания государства. Предоставить слово президенту, премьеру, да любому министру сочтет за честь любая газета. Но вряд ли есть смысл создавать какой-то специальный орган, какие-то каналы для пропаганды государственной политики. Мы это уже проходили. Тем более что психология сегодня другая. Если ты усиленно отрицаешь что-то, то люди думают: ага, значит, это правда, иначе чего бы он так защищался...

Но есть другая сторона вопроса. В те годы, с 86-го и дальше — серебряные годы перестройки, — печать, которая хотела быть свободной, считаю, действительно была свободной. И свободная пресса, наверное, пока единственное наше демократическое достижение. Но сегодня я разделяю мнение некоторых людей о том, что СМИ нередко сами дают повод для критики, для недоверия, сами способствуют тому, что к ним теряют интерес. Когда я, например, просматриваю газеты, то ищу авторов, которых знаю, мне интересно их мнение. Но некоторые статьи вызывают просто расстройство, потому что я вижу, откуда это идет, кто купил или заказал. Второе — разборки на весь свет. Предположим, мы друг друга не любим, у нас сталкиваются интересы. Но при чем здесь тысячи, миллионы читателей и телезрителей? Третья беда — компроматы. Я как председатель Комиссии по реабилитации жертв репрессий⁴ читаю сталинских времен доносы, признания, выбитые под пытками, и не могу отделаться от мысли, что они похожи на некоторые нынешние статьи — тот же язык, те же ярлыки. Это все не может не угнетать...

Что же касается возможной угрозы свободе печати, то я все-таки надеюсь, что у президента хватит ума, чтобы относиться к прессе без любви, но с пониманием ее роли в обществе. Частенько сами журналисты называют себя разгребателями грязи. Что ж, это в конечном счете помощники...

№ 77

«В СОЗДАНИИ НОВОЙ ОППОЗИЦИИ УЧАСТВОВАТЬ НЕ СОБИРАЮСЬ»

Труд-7, 10 августа 2000 г. Беседу вела О. Корабельникова.

Вчера было опубликовано «Обращение к обществу», которое подписали известные представители российской общественности, в частности: писатель Василий Аксенов, режиссер Юрий Любимов, олигарх Борис Березов-

ский, а также академик Александр Яковлев. К нему и обратился корреспондент «Труда» с просьбой прокомментировать этот факт.

— *Александр Николаевич, Вы — один из подписавших «Обращение к обществу»¹, организованное, по мнению наблюдателей, Борисом Березовским. Что Вас побудило войти в довольно пеструю компанию «подписантов»?*

— Честно говоря, поводом, чтобы я поставил свою подпись, послужила моя тревога в связи с тем, как повело себя сегодня чиновничество. Оно всегда было нагловатым и автократическим, а сейчас, непонятно откуда получив какие-то импульсы, стало вести себя совсем уж развязно. Некоторые рассуждения о сильном государстве, о порядке можно ведь толковать по-разному. Все — за порядок, и все — за сильное государство, если это служит человеку. А если твердая рука и сильное государство служат чиновнику, это уже, извините, совсем другое дело. Наверное, президент понимает это по-своему, но чиновник-то — по-своему, по-другому: как сильное государство для него, для чиновника, и сильная рука, служащая ему, чиновнику... Вот это меня очень беспокоит.

— *Призыв сформировать некую «новую оппозицию», содержащийся в обращении, очевидно, можно считать началом создания нового движения, в котором и Вы примете участие?*

— Нет, это не для меня. Я ни в какие движения вступать не собираюсь. Тем более что отношусь к другой партии². Нет, участвовать в создании не буду. Мне этим заниматься не хочется, я уже насоздавался...

— *Тогда в чем же смысл этого обращения?*

— Смысл — предупредить общество. Наверное, средства массовой информации, как и «Труд», обратят на это внимание. Я вкладываю только один смысл: меня меньше всего интересует создание всяких движений, партий и т.д., меня больше интересует, чтобы общество услышало сигнал. В данном случае, если кто-то будет толковать, что обращение направлено против Владимира Путина, — это неверно, это было бы спекулятивно. Нет, это нужно для понимания того, что без оппозиции не бывает демократической власти. Нужна нормальная оппозиция.

— *Но у нас есть оппозиция — коммунисты. Они никуда не делись.*

— Это — не оппозиция, это — противники нового строя, противники демократии, не согласные с коренными проблемами переустройства страны. А нужна нормальная, демократическая, подчеркиваю, оппозиция, которая стояла бы на страже демократического развития.

№ 78

УГРОЗА ОТКАТА

Вёрсты, 10 августа 2000 г. Беседу вел А. Губанов.

Ряд видных политиков и деятелей культуры, озабоченных угрозой авторитаризма в России, выступили с совместным Обращением¹, в котором предложили создать новое общественное движение. В число подписавших документ вошли 9 человек: Василий Аксенов, Борис Березовский, Сергей Бодров-младший, Станислав Говорухин, Отто Лацис, Юрий Любимов, Олег Меньшиков, Игорь Шабдурасулов и Александр Яковлев. Все они пытаются обратить внимание россиян на то, что происходит в

стране в последнее время, а значит, и перед каким выбором оказывается вновь Россия.

Новое общественно-политическое движение по замыслу авторов как раз и призвано помочь сделать правильный выбор — государству, обществу, президенту страны. В основу ключевых принципов нового объединения по борьбе с авторитаризмом предлагается положить идеи свободы личности, совести и вероисповедания, СМИ, верховенства права и незыблемости частной собственности.

«Версты» обратились к одному из подписантов Обращения, известному политику и «архитектору реформ» Александру Николаевичу ЯКОВЛЕВУ с вопросом, почему лично он поставил свое имя под вышеназванным документом. Вот что он ответил:

— Пошел на это после мучительных двухдневных раздумий, может быть, не только и не столько как политик, сколько как рядовой российский гражданин. Хотя, разумеется, многое и в сегодняшней политической жизни настораживает и тревожит. В очередной раз — который уже в истории России! — над нами нависает угроза отката демократических реформ, возвращения к общественной несвободе, цинизму власти, всеобщей нетерпимости и ненависти. Понятно, что Путин стремится создать сильную власть, остановив тем самым процесс распада государства, однако этим по отвратительной отечественной традиции небезуспешно пользуется правящая бюрократия. Вновь российский чиновник пытается заставить российского гражданина убрать голову в плечи, съежиться, «стать никем».

Чиновник наглет, когда чувствует, что это позволяет ему Система. И сегодня таковое уже проявляется — в том числе и на самых, казалось бы, мелких примерах (впрочем, в этих многочисленных «простейших» ситуациях люди, и особенно пожилые, получают инфаркты, уходят из жизни). Допустим, у вас нормально оплачен телефон, но кто-то что-то напутал — и вот вам его отключают. Подите тогда докажите, что вы не верблюд. Требуется собрать кучу справок, обить пороги массы учреждений. И все делать с улыбкой, с умолением... Вы скажете, что подобные житейские ситуации вроде бы впрямую не связаны с теми значительными политическими процессами, о которых говорится в Обращении? Категорически с этим не соглашусь. Ибо у каждой болезни есть первые, но верные симптомы. Вначале «без бумажки ты букашка», потом и вместе с этим приходят большие политические процессы над врагами народа со всеобщими одобрялками...

Предвижу вопрос: не смущает ли меня тот факт, что намерение создать новое общественно-политическое движение в защиту России от тоталитаризма исходит от Бориса Березовского? Отвечаю: Березовский меня мало волнует. История, как мне кажется, уже доказала, что я всегда был самостоятельным политиком и действовал так, как мне это подсказывали и подсказывают ум, сердце и совесть. Сегодняшние авторитарные импульсы административно-силового общества сильно попахивают отвратительнейшими реалиями прошлого России, от которых в последние времена лучшими ее людьми было сделано столько попыток избавиться. Конечно, на фоне тех же терактов призывы к сильной руке всегда оказываются в выигрышном положении, однако с бандитами нужно бороться предназначенными для этого средствами, не путая укрепление всякого рода подразделений с рождением большевистско-сталинской Системы.

№ 79

ДНИ БЕЗ ЧИСЕЛ

Вёрсты, 19 августа 2000 г. Беседу вел А. Губанов.

Есть немало политических обстоятельств, грозящих попыткой повтора августовского путча 1991 года, считает известный политик и академик Александр ЯКОВЛЕВ

— Александр Николаевич, кто бы что ни говорил, но в истории немало намеков-повторов. Незадолго до путча 1991¹ года Вы подали находившемуся с официальным визитом в Японии Горбачеву записку², в которой, анализируя политическую обстановку в стране, предупреждали его об угрозе госпереворота. Нынче же на фоне Окинавского саммита³ выходит Обращение-предупреждение о грозящих России авторитарных тенденциях, где Вы среди девяти подписантов⁴...

— Михаил Сергеевич тогда посчитал мои предупреждения слишком эмоциональными, даже паническими. Он сказал: «Ты, Александр, преувеличиваешь их ум и храбрость».

— В общем, проигнорировал. Ваш прогноз на путинскую реакцию на Обращение девяти?

— Боюсь, что оно может быть расценено как 1001-е образование некоего политического движения. Тем более что платформа его — чисто либеральная и не противоречащая программным установкам президента. Подписанты вовсе не едины в идеологических позициях — они лишь указывают на некие опасные для общества тенденции, которые родились и набирают силу. Меня, как я уже писал в «Верстах»⁵, прежде всего тревожит поведение нашего чиновничества. Вокруг спущенной с «верхнего этажа» идеи «сильного государства» с удовлетворением сплотилось российское чиновничество, которое никогда не воспринимало себя как элемент служения обществу, но всегда видело себя властвующим над ним. Звонок сверху для нашего чиновника всегда выше Конституции. «Сильное государство — значит сильные мы», — так эти ребята твердо решили. А нам, гражданам, расхлебывать!

Если сильное государство становится на защиту свобод и прав человека — это одно. В отвлеченном же понимании этому тезису заплодировали самые различные силы.

— Да, слова многозначны. В книге «Горькая чаша»⁶ Вы, помнится, писали, что в августе 91-го высшие руководители страны, и они же полновластные руководители силовых структур, намеревались превратить Горбачева в «технического секретаря», вернуть все на круги своя, «навести порядок». Последнее выражение — путинское любимое.

— «Навести порядок» — эта крылатая фраза звучала на всех партконференциях и собраниях, где вызревало сопротивление перестройке. Никто не хотел расшифровывать ее: мол, это возврат к Сталину или еще что-то подобное. А что тогда? Наведение порядка в своем ведомстве, на рабочем месте или во дворе? Как бы не так. «Наведение порядка» у нас никто не привык соотносить с собой, с законом, со своим делом. И потому это и впрямь звучит тревожно.

— Путин в своих преобразованиях сделал ставку на силовиков — не может ли он превратиться в их «технического секретаря»?

— Надеюсь, что этого не случится. Пока попадание Путина под чей-то каблук мной, по крайней мере, не прогнозируется. Я думаю, что президент

просто улавливает запросы огромных масс населения и отвечает им адекватно. Другое дело, опять-таки, что народу нужен порядок в РЭУ, а алчному чиновнику — в организации системы взяток. Кто-то недавно сказал мне: «Знаешь, лица чиновников в последнее время как-то просветлели». Еще бы! Метафора метафорой, но у бюрократии великолепный нюх на возможность всякого рода путчей, в том числе и ползучих.

— *В августе 91-го обе противоборствующие стороны говорили о революции и жажде победы в ней. Страна очаровывалась Ельциным (как до того Горбачевым), потом втаптывала его в грязь. Не рухнет ли сегодняшний «загадочно» высокий рейтинг Путина?*

— У революций своя логика, свои законы, неизменно сталкивающие одну часть общества с другой, с необычной легкостью идущие на кровь ради призрачного будущего. Революция — прямое следствие дефицита ответственности и знаний, плод мессианского сознания. Россия живет войнами и революциями на протяжении столетий, драчками в самих разных формах.

Как избавиться от надежд на мессию? Благополучие и цивилизованность жизни достигается трудом, и только трудом, сие есть достойный результат практических усилий рук, ума и сердца.

Что вместо революции? Решительное, но мирное обновление общества через ЗАКОНЫ. Этот путь, разумеется, неизмеримо длиннее, чем революция. Он требует компетентности и ответственности в каждом деле и начинании. Обуздания демагогии, популизма и нетерпимости ко всему, что лучше и талантливее нас. Необходимость исполнения законов должна стать частью нашего общественного сознания.

...В дневнике у гоголевского Поприщева сообщается, что «день был без числа». В политическом издании «Записок сумасшедшего 19—21 августа 1991 года» это дни также «без чисел». Это дни танковых катаний власти.

Дни преступлений, которые, между прочим, полностью амнистированы. Дни, от которых мы унаследовали немало того, что чревато повторением событий августа 1991 года.

№ 80

ДОБРО ДОЛЖНО ОБРАСТИ МУСКУЛАМИ

Вечерняя Москва, 30 октября 2000 г. Беседу вел С. Беляев.

Партийное строительство в России становится постепенно цивилизованным. Если раньше политические движения и блоки наспех склеивались за несколько месяцев до дня голосования, то сейчас к этой работе партийцы подходят загодя. До парламентских выборов еще три года, но уже сейчас слышится стук топоров — сколачиваются политические коалиции. Всем хочется преодолеть барьер в пять процентов. Особенно пресловутым центристам.

Недавно было объявлено о намерении объединиться двух социал-демократических партий — Горбачева и Рыбкина. А в субботу Российская партия социальной демократии (РПСД) провела пятый, юбилейный съезд¹. Идея съезда — «консолидация рядов, принятие новых программных документов — устава и программы РПСД». Председатель соцдемов самарский губернатор

Константин Титов (его полномочия были подтверждены на этом съезде) объявил главным достижением партии то, что «у социальной демократии есть сторонники». «Но мы сначала должны обрасти мускулами, чтобы участвовать в выборах президента», — состорожничал Титов.

Духовный лидер РПСД Александр Николаевич Яковлев дал интервью корреспонденту «Вечерней Москвы».

— *Кто ваши основные союзники?*

— Нашими союзниками могут быть все, кто придерживается демократически ориентированного строительства страны.

— *Горбачев и Рыбкин?..*

— Мы можем и с ними вести переговоры. Но нас немного пугает некая левизна в их взглядах. А они нас считают слишком правыми. Но это все можно преодолеть.

— *Вы — оппозиция нынешней власти?*

— Я вообще смотрю на оппозицию несколько по-другому. Не так, как нас приучили большевики и пытается приучить нынешняя Компартия — автоматически выступать против. А я вижу оппозицию как генератора идей, новых программных установок, сотрудничества. Но это не значит, что мы должны молчать, когда что-то делается антидемократическое или антиреформаторское.

— *Если вернут музыку старого гимна², Вы встанете в оппозицию?*

— По данному вопросу я буду выступать категорически против. Вернуть этот гимн — несусветная глупость! Ведь это же гимн товарища Сталина. Что за сигнал мы обществу подадим?

— *Движение Селезнева «Россия»³ тоже рассчитано на то, чтобы прибрать социал-демократические голоса...*

— Не совсем так. Он же выступает в явном союзничестве с КПРФ. Это не социал-демократия. Видимо, Селезнев хочет помочь обществу — расколоть Компартию и низвести ее до положения маргинального образования.

— *Не без помощи Кремля?*

— Я не исключаю договоренности...

— *Ваши отношения с Союзом правых сил?*

— Нормальные. Союзнические. В чем-то мы расходимся. Но на каких-то политических поворотах мы естественные союзники.

— *Может ли РПСД соединиться с СПС и «Яблоком» в единую демократическую партию?*

— Это предмет особого разговора. Я не готов к прямому ответу на этот вопрос, хотя и те и другие мне политически очень симпатичны.

№ 81

«БЫЛИ ВПОЛНЕ ЗДОРОВЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ КОНТРОЛИРОВАЛИ ЭТУ ШИЗОФРЕНИЮ»

Новое время, № 38, 2000 г. Беседу вел В. Дубнов.

— *Александр Николаевич, как страна семьдесят с лишним лет жила без закона о государственной тайне?¹*

— Ну закон в некотором смысле был — решение Политбюро, содержавшее перечень сведений, не подлежащих публикации. И сам перечень был

секретным. В нашем Отделе пропаганды, например, или в правительстве далеко не все имели доступ к нему.

Чаще всего это делалось, конечно, под видом военной тайны. Против чего тогда никто и не возражал. Скажем, следовало все про минералы какие-нибудь вычеркивать, что они около такой-то деревни. Не упоминать Тульский оружейный завод, хотя большую фотографию этого завода из «Истории гражданской войны» под редакцией Горького² никто не вымарывал.

— *То есть как гордость русского оружия завод был, а как экономический объект — тайна?*

— Ну недавно же кто-то сказал из ФСБ, или это в какой-то инструкции записано: факт публикации секретного документа еще не означает, что он рассекречен.

КОНТРОЛИРУЕМАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

— *А какие были критерии?*

— Как и сейчас, список составлялся на основе предложений министерств о том, чего министерства не хотели бы открывать. Но в том-то и дело, что министерства не хотели бы открывать вообще ничего. Даже те, кто выпускал детские носки или пальтишки, тоже хотели бы все засекретить — на всякий случай.

— *А все-таки имелось что-то объективно необходимое?*

— Что касается полезных ископаемых, может быть, был определенный смысл что-то скрывать. Скажем, сведения о новых золотых приисках как-то могли повлиять на цену золота. Или ядерные дела — где уран, где заводы. В условиях холодной войны это было объяснимо. Другой разговор, что за границей всё знали. От иностранцев было меньше тайн, чем от собственного народа. Я помню один случай — хотите расскажу? Как-то в Женеве проходила советско-американская комиссия по вопросам разоружения — где-то году в 86-м. Мы на Политбюро приняли решение: передать американцам такие-то и такие-то данные о количестве того-то и того-то. И они нам тоже что-то передавали. Что пишет в телеграмме в Женеву Министерство обороны? Передать эти данные американцам, но ни в коем случае не информировать наших гражданских членов комиссии.

Это было врожденным психологическим состоянием. Это не была чья-то прихоть — это была продуманная и очень тонкая система. Если вы чего-то не разрешили, вас могли с улыбкой пожурить, но, в конце концов, сказать: вообще-то, ты молодец. И не приведи господи что-нибудь разрешить — а вдруг да не так? И вот эта психологическая дубинка была формой существования чиновничества в целом. В чем и состояла основа строя. Ведь даже географическое положение городов и деревень засекречивали! Это была шизофрения.

— *Это была контролируемая шизофрения?*

— Конечно. Были вполне здоровые люди, которые контролировали эту шизофрению. Страна была военизирована. И поэтому было легко все так устроить — во всем. Поймите, секретность была стилем, и в атмосфере этой секретности можно было творить все что угодно. Вы знаете, какие секреты были связаны с критикой руководства? Критиковать можно было только с соответствующей санкции. Или по прямому поручению. Допустим, звонит секретарь ЦК: на Политбюро, мол, обсуждался вопрос, видимо, пойдет дело об освобождении такого-то первого секретаря. Надо подготовить. Специ-

альный корреспондент ехал на место, возвращался, и в «Правде» появлялась статья. И все говорили: смотри-ка, первого шарахнули.

— *Но знающие люди уже все понимали?*

— Конечно. Но все было закрыто и секретно. Во-первых, ты не имеешь права говорить, что ты получил указание: тайна. Определенный набор доверенных людей в газете — они тоже не могли ни на кого сослаться.

— *А был какой-нибудь перечень политических секретов наподобие оборонных?*

— Нет. И не должно было его быть. Ведь политическая цензура использовалась для управления номенклатурой. Тайна в этой шизофрении была безотказно действующим регулятором. И вот эта система и была главной и великой государственной тайной. Нет, все это было по ту сторону человеческого понимания. Кафка. Совершеннейшее воплощение.

ОПЕРАТИВНОЕ РУКОВОДСТВО СОЗРЕВАНИЕМ РЖИ

— *То есть получается, закон о государственной тайне был бессмысленным — главной тайной являлась сама форма жизни. Но что все-таки было объективным секретом?*

— В прикладной науке, возможно, что-то было объективно обусловленным. Может быть. Но дело-то ведь в том, что на самом деле никаких тайн в мире нет. Это моя твердая убежденность. Какие тайны? В науке отставание наверстывается через несколько месяцев — я говорю об открытиях, имеющих военное значение. Ну попробуйте назовите мне хоть одну тайну!

— *У нас, как считается, лучшие в мире подводные лодки...*

— Ну и что? Вы всерьез верите, что американцы еще не додумались до наших торпедных или «атомоходных» секретов?

— *Но атомную бомбу украли?*

— Да, но ведь мы были и сами очень близки к открытию. По крайней мере, шли правильным путем. Это очень важно в науке, где очень долго можно идти по ложному пути. А потом и термоядерную бомбу сами разработали.

— *Может быть, эти несколько месяцев, которые разделяют открытия, имеют принципиальное военно-политическое значение?*

— Нет. Политика так быстро не делается. На все Ваши гипотезы я попробую ответить с общей посылки. Все секреты в мире — а я к этому имел отношение и со стороны работы в пропаганде, и как посол, и как директор института³, исследовавшего тему совокупной мощи империализма, — все тайны в любом государстве — это выдумка чиновника, служащая чиновнику, на которой кормятся тысячи и тысячи людей.

И ведь все всегда понимали, что это смешно. Вот я — посол в Канаде. Везуг из Москвы на спецсамолете американского шпиона обменивать на нашего, который где-то «сгорел». Через Гандер. Абсолютнейший секрет. Но об этом сообщает канадское телевидение, американское телевидение. Журналисты звонят: можете ли вы подтвердить и так далее.

— *И что Вы отвечали?*

— А я просто к телефону не подходил — секрет же! И, наконец, звонят из Вашингтона, из нашего посольства. Что это, мол, у вас там офицер безопасности проболтался, что летит такой-то и затем-то, — и все это по открытой связи. Но вот ведь еще что: я был обязан отправить в Гандер человека, который бы его охранял. Ну, во-первых, отправить из Оттавы в Гандер —

это все равно что от Гандера в Лондон, но деньги никто не считает, ладно. Но что должен был обеспечить мой офицер безопасности в единственном числе? Обеспечить безопасность, договориться с канадскими властями, чтобы этот человек не выходил из самолета, и при этом — обеспечить секретность, чтобы канадцы ни о чем не догадались. Представляете, какие у канадцев были глаза — как они могут не выпустить пассажира из самолета?

— *Граница между тем, что Вы назвали шизофренией, и сутью государства в нашем разговоре все время ускользает...*

— Так ее нет! Это все — система, где одно — продолжение другого, и система тонкая и сбалансированная. Историй, подобных тем, которые я Вам рассказываю, сотни. Это было имитацией работы — там, где ее вообще не было. Я уж не говорю о силовых министерствах, просто боюсь разозлиться. Возьмем сельскохозяйственные министерства. Их одновременно существовало четыре или пять. 16 тысяч человек — и это тоже было секретной информацией. Это там, где и тысячи хватило бы. Вы знаете, что такое оперативное руководство созреванием ржи?

— *Тоже секретная работа?*

— А как же!

СЕКРЕТ В ЗАКОНЕ

— *Сейчас все то же самое или система трансформируется?*

— Сейчас это немного видоизменилось. Имитация трансформировалась, но не перестала быть имитацией. И этот самый родной наш чиновник, который в конце концов погубит нашу демократию, понял, что такое рыночная экономика. И теперь еще больше стало тайны.

— *Почему? Ведь чиновник стал свободнее.*

— Да, и поэтому у него еще больше возможностей не говорить вам правды. У него стало больше свободы говорить вам только то, что оберегает его задницу. Если оберегает, то он скажет обо всем громко, открыто и на основе принципов свободы слова.

— *Вот помогите понять. Закон о государственной тайне читается как учебник по устройству государства — все очень строго, внушительно, с огромным количеством противоречий. С одной стороны, нельзя секретить вопросы, связанные, например, с экологией, а с другой, тот же эколог Пасько⁴ вроде бы выдает стратегическую информацию, обязанную быть тайной. Но закон, по крайней мере, есть. А тайн, как Вы говорите, даже больше, чем в те времена, когда законом было Политбюро. И дело не в том, что засекречивается бюджетная строка про СМИ — дело в том, что засекретить можно все, что угодно.*

— Так ведь свобода прессы! Больше нет одной только «Правды». И теперь новая проблема, которой раньше не было. Теперь надо скрыть, что «Новому времени» денег не дадут, а газете «Завтра», скажем, дадут.

— *Но в той глобальной психбольнице, которую Вы описывали, имелись, как теперь обнаруживается, определенные нормы приличия — приходилось врать. Теперь же все секретят честно и так же честно признают, что врут — как с тем же «Курском»⁵.*

— Так ведь и закона раньше не было. А теперь есть. Но люди-то те же. Да, они очень честно давали понять, что про подводную лодку все врут. Но они долго держали в секрете главное — они знали о том, что все моряки погибли сразу.

— *Смысл этого секрета — тоже гостайна?*

— Конечно. Закон о гостайне работает лишь на то, чтобы скрыть, кто они есть на самом деле. Если завод засекречен, директор может там творить, что хочет. Он и сегодня пользуется благами еще той милитаризованной страны и холодной войны. И он голову положит, чтобы вас не пустить на закрытый военный завод.

— *Чтобы я не увидел, сколько у него там фирм-дочек?*

— Это во-первых. Если он, конечно, умный и до этого додумался. Но он же не обязательно умный, и у него там полный бардак. И вдруг вы откопаете, что себестоимость одного гвоздя у него под тысячу долларов? Закон о государственной тайне — это антигосударственный закон. Он объективно работает против государства. Секретность как таковая направлена на нанесение экономического ущерба стране. Это — содержание огромного аппарата, оплата доносчиков, а самое главное — это, как квалифицируют юристы, упущенная выгода.

«ЧТО У НАС ТАЙНА, У НИХ — ЧУШЬ СОБАЧЬЯ»

— *В других странах есть такой закон?*

— Нет. Есть исключительно военные тайны. Скажем, какие-то секретные маневры. Но если вы, журналисты, пронюхаете и разгласите, то виноваты будут военные, а не вы. В этом-то и отличие наше.

— *Военную экономику они секретируют? Оборонный заказ, скажем.*

— Нет. Заказы все открытые. Ну дали вы заказ — танков наделать столько-то штук. В чем тайна-то? И попробуйте с закрытым заказом пройти сенат!

— *А закрытые слушания?*

— Только по поводу спецопераций. И это по закону так — о них могут знать только в соответствующем сенатском комитете.

— *То есть, кроме военных тайн, совсем нет ничего такого, что надо скрывать?*

— Возможно, право быть тайной имеет конъюнктурный секрет. Только временно. Скажем, временная тайна о тактике переговоров по какому-то конкретному вопросу. Переговоры — это варианты компромиссов, а если заранее известно, на какие компромиссы вы готовы пойти? Очень часто опытные обозреватели угадывают — это их профессионализм. Но чиновник наш ведь его тоже в суд потащит!

— *А давайте прямо по тексту закона. «Сведения об объемах поставок и запасах стратегических видов сырья и материалов, а также о размещении и фактических размерах государственных материальных резервов...» Тайна?*

— Да нет. В Европе все известно о том, что у них под землей, в закромах и бог знает где еще.

— *«Сведения о содержании стратегических и оперативных планов, документов боевого управления по подготовке и проведению операций...» Тайна?*

— Тайна. Только если мы собираемся воевать. Да здесь вообще все тайна — при данных конкретных условиях, при данной, так сказать, данности. Поэтому то, что у нас тайна, там — чушь собачья.

— *«О проектировании и строительстве, а также об отводе земель, недр и акваторий» для «режимных и особо важных объектов»?*

— Ну это, конечно, у нас тайна — сколько кто получит земли или недр... Только от кого эта тайна, от нас или от них, если существует спутниковая разведка? Я понимаю, когда имеется конфронтация, идет определенная

игра и там что-то можно представить тайной. Скажем, сведения об оборонном заказе мы им передадим — а сами сделаем его меньше. Они, правда, все равно догадаются, но такие игры бывали. КГБ ведь за деньги или из каких-то других соображений передавал такие тайны, которые не стоили выеденного яйца. Я помню, как Михаил Андреевич Суслов на закрытом совещании, на котором присутствовали только заведомыми, поставил вопрос: «Сегодня «Голос Америки» передал содержание нашего прошлого заседания». Все сидят молчат. «Поручить КГБ выяснить, кто это сделал. Доложить». Время идет. Никто ничего не докладывает. Потом узнаю: все это было рассказано Борисом Полевым одному американскому журналисту по поручению КГБ.

— Но зачем?

— Так это же было выгодно! И они что-нибудь нам взамен передавали — примерно такой же реальной стоимости. И работа шла. Бартер!

СЕКРЕТ О НОВОЙ ЗЕМЛЕ

— Как рассекречиваются архивы? Здесь есть какие-то критерии или все так же импровизированно?

— Официально существует срок — 30 лет. Но это официально. Не рассекречиваются документы, содержащие имена живущих, — это особенно международной части касается. И, наконец, некоторые министерства возражают против обнародования каких-то своих безобразий. Эта тайна, дескать, еще актуальна и сегодня, и так далее — в общем, та же история.

— Какие министерства?

— Атомщики, например. Вы всё знаете о челябинской катастрофе⁶? Или об испытаниях бомбы на Новой Земле?⁷ Вы знаете, как солдаты пропускались через зараженные зоны? Ведь как Россия объявила себя правопреемницей СССР, наш чиновник взял на себя преемственность преступлений.

— Но Новой Земле уже больше 30 лет.

— Больше. Но я думаю, что рассекречивать уже нечего, — и никаких бумаг уже нет. Боюсь, что всё уже уничтожено. Как в 41-м — несколько дней же жгли в Кремле документы. И в 91-м, кстати, тоже.

— Что вы сейчас больше всего хотели бы рассекретить?

— Я бы хотел в первую очередь рассекретить все решения Политбюро — как органа, нанесшего стране ничем не восполнимый ущерб.

— Кто мешает?

— А чиновник. Во-первых, он просто надеется это продать. Во-вторых, у чиновника повышается ошущение собственной значимости — он же прячет не что-нибудь, а историю. И потом — вы представляете, в один прекрасный день у них нет ни одного секретного документа — и что им делать?

И поэтому чиновник говорит: ну зачем это сейчас надо. Готовили мы двухтомник по подготовке к войне⁸. Вот мы сейчас ставим вопрос — архив Сталина. Я написал записку Ельцину, и он дал резолюцию: передать архив в распоряжение Комиссии по реабилитации⁹. И пока мы думали, куда нам все это девать — ведь нам все было не нужно, зачем нам все эти тонны газет с его упоминанием и его портретами, — архивисты, почуяв, что это дело от них уходит, издали распоряжение о передаче этого массива из президентского архива в другие архивы. И теперь я должен за ними гоняться по этим архивам. То есть никто не возражает, но как обычно — то нет времени, то архивиста, то он в отпуске, то в больнице. Переписка Сталина с Ежовым —

ну кому здесь чего бояться — все то же самое. Или Сталин и карательные органы — где резолюции всех небожителей на расстрельных списках. Нет уже этих небожителей. Но документов нет. Никто не против. Просто ксерокс всё время ломается.

— *Это инерция или корысть, или по-прежнему что-то большее?*

— И инерция, и корысть. И все это остается сутью государства...

— *Но ведь идеология ушла. И страх ушел.*

— Идеология ушла частично. А страх... Дорогой коллега, вы говорите, страх ушел — мне вам рассказывать, как журналисты как-то вдруг помягче стали писать?

— *Это не страх.*

— А что же?

— *Это, видимо, то же, что у описываемого Вами чиновника. Раньше он боялся реально и конкретно — за жизнь, за место. А теперь — опасение чего-то недополучить. Тоска по той же упущенной выгоде. Времена другие, и люди другие.*

— А результат? То-то и оно. Секретов никаких не должно быть. Секретность — это орудие управления государством. Уровень секретности в обществе очень точно показывает уровень демократии. Секретности меньше не становится. При том что реально тайн становится еще меньше — страна все-таки открылась. Но все продолжается теперь на рыночно-бюрократической основе. То есть на бюрократически-рыночной.

№ 82

ПРАВО НА ПАМЯТЬ

Общая газета, 18—24 октября 2001 г. Беседу вела А. Самарина.

Десять лет назад, 18 октября, был издан указ «О реабилитации жертв политических репрессий». На вопросы корреспондента «ОГ» отвечает председатель Комиссии по реабилитации академик Александр ЯКОВЛЕВ.

— *Александр Николаевич, что дал обществу закон?*

— Он сыграл огромную очищающую роль. Не скажу, что закон совершенен. Нужны поправки. Например, он не относит детей к жертвам политических репрессий¹. Дети, которые уехали вместе с родителями в лагеря, и дети расстрелянных родителей — это явные жертвы... Не учтены репрессированные немцы, поляки. Правительство заявляет — нет денег на выплату компенсаций более широкому кругу людей. Это смешная, безнравственная отговорка. Сегодня дело пошло — но совершенно с другого конца. Одна гражданка обратилась в Конституционный суд — и выиграла дело. Однако Дума почему-то считает, что не обязана учитывать его решения. Управленческий уровень наших высших чиновников еще очень низок в правовом отношении. Им наши проблемы — чужие. Да еще многие архивы сужают свою деятельность, наблюдается тенденция к их замораживанию.

— *В последнее время редко приходится читать о работе вашей Комиссии. Чем вы объясняете охлаждение к ней прессы?*

— Журналисты считают — это уже не тема, надо что-нибудь погорячее... Я не знаю, что может быть горячее, чем память о миллионах расстрелянных людей. При советской власти от голода погибли десять с половиной миллионов человек! Я понимаю, почему в обществе такое нежелание покаяния.

Потому что мы там — все, так или иначе... Одна половина людей доносила на другую. Следователи, люди на вышках, конвойные войска... Это же огромная армия людей! Когда я приехал в Магадан — на открытие памятника жертвам политических репрессий работы Эрнста Неизвестного², на митинге из толпы неслись весьма недружелюбные выкрики. Дело в том, что местные жители десятилетиями кормились лагерями. Больше половины населения осталось без работы. Перенесите это на весь Советский Союз! Люди, которые выходят на демонстрации сегодня с портретом Сталина, причастны к содеянному — либо причастны их отцы и деды. Они живут в плену иллюзии, что Сталин давал им работу. А ведь Сталин подписал 366 списков на расстрел — лично! 44 тысячи человек своей рукой отправил на тот свет. А сколько подписал в компании с другими!

Мы как дети, которым надоело играть в кубики и хочется поиграть в песочек. Но мертвые не молчат. Наступит время — и люди скажут: «Что же мы наделали-то!» Будут искать, где был дед, где — прадед. Но забывчивость происходит не только под влиянием времени, его протяженности. Помню, как в нашей деревне снимали колокола. Мужикам выставили два ведра самогонки — и те бросились в бой, исполнять веление власти, в охотку. Бабы плакали, а мужики весело так старались... Меня вот что еще беспокоит. Не будет у нас единой нации, гражданского общества, пока мы не научимся простой истине: если согрешил, надо покаяться. Ненавидеть начальника очень легко. Смотрите, у нас в обществе разговоры только об одном: вот придет новый президент или губернатор, и жизнь наладится. Причем менять «плохого» на «хорошего» готовы на другой же день после выборов. И опять — все надежды на него. А работать как не хотели, так и не хотим.

— *В чем главный итог работы Комиссии?*

— Реабилитированы четыре с половиной миллиона человек. Осталось рассмотреть еще 400 тысяч дел. Вначале мы реабилитировали людей «блоками» — троцкистов, зиновьевцев, бухаринцев... Не только ведь Сталин подписывал расстрельные списки — этим делом занимались и начальники областных управлений НКВД. Некто Вяткин из Житомира самолично, без суда и следствия, без всяких «троек» лично расстрелял три тысячи человек. Придумывал «группы вредителей», названия брал из служебных бумаг, из газет. Сверху спускали разнарядки. Местные начальники слали в центр телеграммы: «Просим дополнительный лимит». Лимиты складывались из заявок от лагерей. Те просили у Москвы специалистов: слесарей, токарей, медиков... И потом из ЦК поступали в области разнарядки — врагов народа планировали профессионально, то есть «по профессиям». Рассмотрения ждет множество дел. Много военных — еще со времен Кронштадтского мятежа³. Много — ученых. С такой, к примеру, формулировкой: «Подследственные очень быстро и хорошо работали над изобретением новых видов вооружений, вероятно, потому, что хотели их передать врагу в случае нападения агрессора на нашу страну». Следователь — то ли неграмотный, то ли — с большим чувством юмора.

— *Относятся ли к жертвам политических репрессий участники путча 1991 года⁴? Впрочем, для их реабилитации — и даже неплохого пиара — не потребовалось никакой комиссии.*

— Нет, конечно. Это преступники, совершившие попытку государственного переворота, которая закончилась провалом. Такую же, но удачную, совершил Ленин. Он у нас до сих пор в почете... А ведь это он первым разо-

слал указания о необходимости массового террора. Он первым одобрил действия Красной армии, выставлявшей впереди своих отрядов мирных обывателей в боях с Юденичем. («Правильно, — писал, — надо беречь наших красноармейцев!») Вся 70-летняя наша история — история террора. Жертвы недавних терактов — мизер в сравнении с тем, что натворили Ленин и Сталин. Конечно, они подлежат уголовной ответственности. Это был полноценный фашизм российского типа. Трагедия в том, что мы в нем не покаялись.

— *Какие новые документы пришлось Вам разбирать в последнее время?*

— Никак не могу привыкнуть к немыслимой жестокости, о которой читаю. Представьте себе — замнаркома Фриновский поехал поездом на Дальний Восток по поручению Сталина (тот сказал: «Там у нас что-то засорено»). Взял с собой трех помощников и так называемые «альбомы» — сшитые в книжку три тысячи «объективов». Пили, слушали патефон. И соревновались: кто больше успеет подписать дел — то есть поставить букву «р». Выиграл Фриновский. Подписывал не читая, действительно очень быстро. Расстреляны были все, чьи дела вез он в тех папках. Ведь было даже социалистическое соревнование — между третьим и четвертым отделами. В результатах писали: «У четвертого больше арестов, зато у третьего больше расстрелов». В соцсоревновании победил четвертый отдел.

— *Ходят слухи — вашу Комиссию хотят прикрыть.*

— Слухи такие ходят — и в аппарате, и в администрации президента. По крайней мере, бумаги, которые я посылаю в канцелярию, уже где-то останавливаются. Процесс реабилитации затормозился. Хотя в беседе со мной президент год назад полностью поддержал работу Комиссии⁵. Беда в том, что вокруг него много людей, готовых свернуть нашу работу. Соображения при этом отнюдь не всегда экономические. В конце концов, все равно ведь придется выплачивать реабилитированным. Дело в другом. Чиновники говорят: «Не надо будоражить людей». Это куриное сознание. Правда не будоражит. Если мы, по Гоголю, не познаем всей мерзости нашего прошлого бытия, никакого светлого будущего у нас не будет.

№ 83

«СОВЕТСКИЙ СТРОЙ МОЖНО БЫЛО ВЗОРВАТЬ ТОЛЬКО ИЗНУТРИ»

Литературная газета, 10—16 октября 2001 г. Беседа вел О. Мороз.

Сегодня мнение о том, что произошло с Россией за годы демократических реформ, высказывает видный политический деятель, которого считают «архитектором перестройки», бывший заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС и член Политбюро ЦК КПСС, академик РАН Александр Николаевич Яковлев.

— *Александр Николаевич, так случилось, что в предыдущий раз мы с вами беседовали десять лет назад — утром 16 августа 1991 года, в пятницу. А утром в понедельник 19-го весь мир узнал о выступлении ГКЧП¹.*

А из-за чего Вы разошлись тогда с Горбачевым?² Какая кошка между вами пробежала?

— Я ж ему сказал, что будет переворот. А он мне: «Саша, брось ты. Ты переоцениваешь их ум и храбрость». Ничего я не переоценивал. Я знал их всех как облупленных. Их ведь почему в этом деле постигла неудача? Пре-

жде всего потому, что они между собой согласия не нашли. Министр обороны, например, не захотел идти под КГБ. У них ведь никогда исторически не было особо близких отношений. То одни, то другие вперед выходили. Если Брежнев на армию опирался, то Хрущев — на КГБ, хотя и не с самого начала, а после того, как Берiou убрали. Для Андропова, конечно, главной опорой тоже был КГБ, но при этом он оставался в хороших отношениях и с министром обороны Устиновым...

— *Как Вы считаете, если бы ГКЧП победил — а такое вполне могло случиться, мы прошли тогда, как говорится, по лезвию ножа, — что бы случилось с Россией? Где бы мы сейчас были? Какова была бы «точка возврата» — Андронов, Брежнев, Сталин? Или они попытались бы построить еще один, собственный вариант «социализма с человеческим лицом»?*

— Конечно, во многом повторился бы тот фарс, который был и до них. Ведь и прежде было сколько угодно вполне нормальных слов: «Мы за демократию, только социалистическую. За благо народов. Всё для блага человека, всё во имя человека». Всё прикрывалось этими словами. А делалось всё наоборот. Так вот, если иметь в виду состав заговорщиков, я думаю, это и началось бы вновь. Ведь они выросли на этом навозе. Стиль поведения и даже стиль мышления у них был соответствующий. При этом, возможно, кто-то из них даже и верил в справедливость так называемых идей коммунизма и был убежден, что этот коммунизм надо построить. Хотя больше склоняюсь к тому, что марксизм для них был темным лесом. Если бы они его знали, то не стояли бы на этих позициях.

— *По-видимому, марксизм для всех коммунистов был темным лесом. Разве что Бухарин кое-что в нем «сёк». Он ведь считался главным теоретиком партии.*

— Да, он еще что-то знал. Может быть, читал «Капитал»... Судя по всему, «Немецкую идеологию»... Кое-какие экономические работы других «классиков» марксизма... Кое-что, конечно, читали и институтские преподаватели марксизма-ленинизма. Вынуждены были читать и знать. А вообще, говорить о том, что у так называемых коммунистов были какие-то взгляды, не приходится. Не было никаких взглядов. Были ритуалы. Всесоюзные ритуалы, призванные продемонстрировать существование взглядов и верность им.

— *А для Вас, одного из руководителей партии, марксизм не был темным лесом?*

— После института, когда я уже работал в ЦК³, я думал, что знал марксизм. Но после XX съезда⁴ у меня кое-что расстроилось, и я попросился на учебу в Академию общественных наук⁵. И вот тогда-то я начал действительно читать, а не для экзаменов. Маркса, Энгельса, Бернштейна, известных критиков марксизма... Я просто оторопел от того, что я этого ничегошеньки не знал. Это совершенно пустое, противоречивое культурологическое учение. Талантливо написанное по языку, но, извините, это середина XIX века... И этот маразм революционизма, наваянный Французской революцией... Все эти высокие слова об исторической миссии пролетариата... Я впервые стал воспринимать все эти догмы, как они есть, без пропагандистского аккомпанемента. «Насилие — повивальная бабка истории»... Что такое? Как это может быть? Или: «Насильственная революция — локомотив истории»... Потом, помню, прочитал в «Манифесте», что марксизм ратует за установление гармонии в человеческих отношениях, но при этом — за борьбу одного класса против другого до полного уничтожения. Ничего себе гармония!

— *Все противоречия в марксизме объяснялись диалектикой, которая, мол, глубже обычной логики.*

— Да объяснять-то они все объясняли. Все у них было гладко.

...Конечно, не все так просто с этим ГКЧП. Вот мы говорим: их выступление — государственная измена, попытка государственного переворота, уголовно наказуемая... Это все правильно. А Беловежские соглашения⁶ — что, они легитимны? Как это так — собратиться втроем и заявить: всё, Советского Союза больше не существует? Чем это отличается от выступления ГКЧП? Правда, там были танки, а тут — бумаги. Есть, конечно, отличие. По форме.

— *За последние десять лет народу нашему много пришлось пережить, причем для большинства людей эти тяготы и сейчас продолжают, и конца им не видно. Если б тогда, в пору перестройки — а Вы были одним из ее инициаторов, — Вы могли хотя бы отчасти предвидеть все те кошмары, которые обрушатся на Россию в последующее десятилетие, сохранили бы Вы уверенность, что перестройка действительно необходима? Все-таки при коммунистах — при Брежнев, Андропове, Черненко — люди жили хоть и бедно, и тяжело, но более или менее спокойно, с большей или меньшей уверенностью, как говорится, в завтрашнем дне.*

— Моя позиция не изменилась ни на йоту. Конечно, материальные блага важны, но, как говорится, не хлебом единым... При том что человек до перестройки, как многие считают, жил более или менее сносно, он не был человеком. Он лишь думал, что он человек.

— *Это не интеллигентский подход? Ведь для большинства людей все-таки важен один-единственный критерий — хорошо они живут или плохо. На остальное им наплевать.*

— Я не так на это смотрю. При коммунистах люди слово лишнее боялись сказать. Чуть что, его одергивают: «Ты помалкивай!» Вот этот молчащий человек для меня — полчеловека. Как это так? Он что, родился без языка? Да и молчание нередко представляли как какую-то антисоветскую выходку. Помню, когда я работал в Институте мировой экономики и международных отношений⁷, как-то пригласил выступить Хазанова. Ну, Хазанов есть Хазанов, но в тот раз он вел себя очень аккуратно: видимо, никого не хотел подставлять. Тем не менее все равно на следующий день накатали цидулю: дескать, выступающий как-то подозрительно молчал, а люди при этом смеялись. И эту «телегу» всерьез рассматривали, вызывали меня «куда надо». Как и Хазанова, так что он мне даже сказал тогда: «Ну все, моя артистическая карьера кончена». Еле-еле все удалось притушить. Вот скажите мне, пожалуйста: это что — нормальное общество? Именно во время перестройки возникли свобода слова, свобода творчества, парламентаризм, была прекращена «холодная война», прекратились политические репрессии... Но кто же знал, что будет мятеж такой дурацкий? Он окончательно оборвал все хозяйственные связи. Увеличился хаос, ускорился распад. Все равно Советский Союз не выжил бы в том виде, в каком он был. Это совершенно ясно. Другое дело, что надо было оформить этот процесс «бархатным» образом — через создание конфедерации, через спокойные переговоры, через установление взаимовыгодных экономических отношений... Я думаю, что в известной программе «500 дней»⁸ было заложено очень много разумного. В ней, например, содержалось такое понятие, как экономический союз. Нет, решили сохранять союз политический (Лукьянов особенно на этом настаи-

вал). Вот и получили путч... Нет, другого пути у страны не было, я в этом убежден. Если взять статистику, какова была обстановка перед перестройкой, — мы же стояли перед катастрофой. Прежде всего экономической. Она непременно случилась бы через год-два. При этом наверху было такое омертвление, такая неспособность трезво взглянуть на происходящее...

— *Никто из здравомыслящих людей, естественно, не возражает, что свобода слова очень важна. Но возьмем нынешнюю ситуацию. Ведь наговорились, выговорились — и при Горбачеве, и в начале ельцинской эпохи. Поднадоело всем говорить. Теперь все-таки смотрят, как живем. А живем плохо: зарплата низкая, пенсия и вовсе нищенская... Между тем миллионеры жируют. Даже миллиардеры есть. Гигантское расслоение в обществе.*

— Конечно, такого сильного расслоения допускать было нельзя. Надо все-таки немножко знать психологию русского человека. Мы всегда завидовали соседу, у которого хотя бы чуть-чуть больше, чем у нас. Ну и если уж больше на целого барана, то это уж, конечно, жулик. Такая психология у нас сформировалась давным-давно — от бедности, от нищенства. Но это неполное объяснение того, что произошло. Оно было бы полным, если бы люди, которых вы называли миллиардерами — я у них денег не считал, — не бравировали бы своим богатством в традиционной русской купеческой манере, не выставляли бы его напоказ. Как-то меня пригласили на конференцию в Монте-Карло, и там в частной беседе с мэром я услышал: «Для нас, конечно, хорошо, что к нам сейчас многие ваши состоятельные люди приезжают, что они у нас тратят деньги, но вы меня не убедите, что это не воров». Приезжает человек с семьей девками, снимает в отеле целый этаж, швыряет деньги не считая... Если бы кто-то попытался выяснить, что за люди составляют «передовой отряд» наших так называемых бизнесменов, выяснилось бы, что это люди, вышедшие из тюрем, из комсомольских работников, сыновья родителей, тайно скопивших деньги еще в советские, да и в более поздние годы не очень честными путями... Кстати, как-то я услышал от одного французского исследователя: «Мы же знаем: дети большинства руководителей КПРФ заняты бизнесом, и мы им помогаем в надежде на то, что отцы не будут отнимать капитал у своих детей». Почему гайдаровская либерализация цен и приватизация⁹ не поставили нас на рельсы нормальной экономики? Почему-то уверовали, что должен возникнуть класс богатых людей, которые станут локомотивами. Но, видимо, избрали не тех машинистов. Это во-первых. А во-вторых, откуда такая уверенность насчет появления локомотивов? Так называемые олигархи не захотели ими быть. Теперь что касается бедных людей... То, что поставили в такое положение учителей, врачей, пенсионеров, — это, конечно, ни в какие ворота не лезет. Я-то считаю: когда ты принимаешь любое решение на государственном уровне, сначала подумай, что это принесет конкретному человеку. Но ведь наряду с действительно страдающими людьми очень много спекуляций. Мы ведь все-таки страна жалобщиков. Нас советская власть приучила к жалобам. Мы их миллионами писали. По разному поводу. Доносы и жалобы. Ну кому в Америке придет в голову написать жалобу, что он плохо живет? Никому. При чем тут власть? При чем тут правительство? Они на выборах голосуют за или против того или иного деятеля — вот и все их «жалобы». И еще одно. Плохо живут многие пожилые люди... Но вот такой вопрос: а куда у нас дети девались? Почему мне и моим сверстникам в голову не приходило, что я не должен кормить своего отца и мать, когда они достигли определен-

ного возраста? Что, я должен идти к государству, требовать и т.д.? Почему у нас сейчас в России так получилось, что вроде как уже и нет детей-то? И вроде как уже нет у детей обязательств перед своими родителями. Так что тут стоит подумать о морали, о совести и о прочем. А то ведь мы привыкли все требовать от государства — государство нам что-то должно. Нет, ты сам себе должен. Чего ты к государству-то пристаешь? Ты от него требуй, чтобы войн не было. Чтобы оно защищало тебя от бандитов. Вот это я понимаю.

— *В последние десять лет в стране произошли радикальные перемены: используя классические понятия, социализм был заменен капитализмом. Ни о чем таком Горбачев, как известно, не помышлял. Он хотел всего лишь улучшить, модернизировать социализм. А Вы тогда понимали, что улучшением социализма дело не обойдется? Вы ведь были близким соратником Горбачева.*

— Отвечу как на духу. Да, в самом начале перестройки я тоже придерживался позиции совершенствования социализма. И я думаю, что эта позиция была в то время объективно оправданна. Представьте себе, что мы в 1985 году сказали бы, что надо переходить на другой общественный порядок. Ведь вот сейчас все нас обвиняют, что у нас не было плана. Какой план? Давайте вместо социализма учредим другой строй? Где бы мы оказались? Самое ближнее — в Магадане. И то не доездили бы...

— *Вслух говорить, конечно, не стоило. Я имею в виду то, что было в мыслях.*

— И в мыслях... Я уверен, что все более или менее здравомыслящие люди были сосредоточены тогда на тех безобразиях, которые творились. Казалось: вот если эти безобразия убрать (прекратить политические репрессии, предоставить людям полноту информации, перестать бояться людей, ликвидировать номенклатурный класс как класс, стоящий над людьми, поэтапно ввести выборность), неизбежно к власти придут честные люди. Вот и у меня была такая иллюзия, которая разлетелась потом в пух и прах. К власти пришли как раз демагоги. Я ошибся. Каюсь. Как-то я лучше думал о наших избирателях, которые должны разбираться, за кого голосуют. Оказывается, рюмку ему налили — вот он и голосует «за кого надо». Вы правы: все эти разговоры о демократии ему «до лампочки». Да и вообще, как известно, многие наши беды от пьянства. Потеть он не хочет, а пить хочет. А пьяного труда не бывает. Не придумала его природа. Вот если на стакан пота будет приходиться капля водки — это и будет страна, богатая и населенная богатыми людьми. А сейчас пока обратное соотношение этих жидкостей.

— *Вы были преуспевающим партийным чиновником: достигли в партийной карьере потолка — поста члена Политбюро ЦК КПСС¹⁰. Вступление на путь реформ лично для Вас означало выступление против всемогущего партийного аппарата и, соответственно, дикую ненависть со стороны партийного чиновничества, травлю, потоки клеветы, угроз. Кстати, накануне той нашей десятилетней давности беседы пришло сообщение, что Бюро Президиума ЦК КПСС выступило с предложением исключить вас из партии. То есть фактически к моменту нашей встречи Вы уже расстались с партбилетом¹¹. Что побудило Вас сменить спокойную, благополучную жизнь на жизнь, полную катаклизмов и стрессов? Когда именно возникло такое желание?*

— Никакого конкретного момента не было. Я весь свой путь к прозрению описал в мемуарах¹². Все начинается с такого философского состояния, как сомнение. Но сомнения по частностям — в справедливости того или иного действия, в правильности поведения того или иного лица, в искренности речи того или иного кремлевского вождя... Ведь я участвовал в напи-

сании этих речей. И все мы прекрасно понимали, что многое из написанного — чушь собачья. Но понимали не только мы. Все большее число людей начинало осознавать, что мы живем тройной жизнью: думаем одно, говорим другое, а поступаем по-третьему... Трудность в чем заключалась — как перевести эти сомнения и возражающий протест в практические действия. В свое время я симпатизировал диссидентам. Началось это с «Нового мира», с борьбы с «Октябрем», с «Молодой гвардией», с «Советской Россией», когда ее возглавлял еще Московский... И я понял, что диссиденты ничего сделать не смогут. Более того, КГБ начал подгрывать их под свое крыло. Вербовать. Запускать в диссидентскую среду своих агентов. Многих я знаю. Потом узнал, кто есть кто. В конце концов я пришел к одному выводу: этот дикий строй можно взорвать только изнутри, используя его тоталитарную пружину — партию. Используя такие факторы, как дисциплина и воспитанное годами доверие к Генеральному секретарю, к Политбюро: раз Генеральный говорит так, значит так. Кроме того, в момент прихода Горбачева на высший партийный пост мы использовали то обстоятельство, что все партийные вожди начинали свою деятельность с широковещательных заявлений: о свободе (в социалистическом понимании, разумеется), о социалистической демократии, о том, что у нас самая высокая культура, самая хорошая жизнь, и если бы не эти проклятые империалисты, вообще все было бы прекрасно... Так вот мы со всего этого начали. На апрельском пленуме¹³ это все проглотили. Хотя там в докладе уже прозвучал тезис о свободе социального выбора. Проглотили. Прозвучал тезис о развитии демократии — в двух-трех случаях без эпитета «социалистической». Проглотили. Промелькнули слова об инициативе людей как примате, основе развития общества. Проглотили. Сокращена была похвальба в адрес мудрого руководства коммунистической партии. Никто не возмутился: как же, все ведь утверждено на Политбюро, стало быть, так все и должно быть; пусть новый генсек поговорит, покажет, какой он широкий парень; делать-то мы все равно будем по-своему. Когда ортодоксы забеспокоились? В 1987 году, после январского пленума¹⁴, где мы поставили вопрос об альтернативных выборах. До многих тогда дошло: это ведь под меня копают, этак ведь и меня не переизберут. Ведь вот что интересно: вся номенклатура прекрасно знала, что на свободных выборах их не переизберут. И действительно, на первых же выборах 32 первых секретаря обкомов и крайкомов не были избраны. А ведь это было только самое-самое начало.

— В той нашей беседе Вы признавали, что идеи перестройки вызывают яростное сопротивление партийных чиновников и функционеров, что сторонников у Горбачева в этой среде ничтожно мало: «пара его помощников», член Совета безопасности Бакатин, еще кое-кто. «Но я бы так сказал, — подвели Вы итог, — список очень коротенький». За счет чего Горбачеву все же удалось выстоять, довести реформы до такой стадии, когда эстафетную палочку уже могли подхватить другие — Ельцин и его команда? За счет навыков аппаратной борьбы?

— И за счет этого тоже. Но, кроме того, у людей ведь тогда не пропала еще уверенность, что коренные преобразования нужны. В конце концов, Ельцин же на этом поднялся. Он требовал решительнее проводить реформы, и народ его поддержал. А Горбачев, напротив, стал медлить и колебаться. Он ведь фактически потерял власть не в 1991-м, а в 1990 году. Когда завалили программу «500 дней», он выступил перед депутатами с очень сла-

бенькой речью, где говорил о неких паллиативных мерах, в том числе о роспуске Президентского совета, единственного органа, который противостоял Политбюро¹⁵. Но при этом он сорвал бурные аплодисменты со стороны определенно настроенной публики, и это его не насторожило. Видимо, он потерял политическое чутье.

— *Накануне августовского путча 1991 года Вы говорили о своем страстном желании увидеть страну преобразенной: «В конце концов, должны же мы вытащить страну на рельсы демократического права! В конце концов, имеет же наш народ на это право!» Как полагаете, вытащили?*

— Пока нет. Но я смотрю вперед с оптимизмом. Я очень положительно отношусь, например, к проводимой сейчас земельной реформе. Это моя боль. Я всегда говорил, что для России это роковой вопрос. Я считаю, что мы недостаточно оценили этот шаг — принятие Земельного кодекса¹⁶. Вот где основа возрождения России — земля и частный собственник на ней! Еще одно великое дело — судебная реформа¹⁷: введение суда присяжных, введение нормы, когда человека нельзя арестовать без решения суда... Все это прекрасные дела. А если к тому же будет повышаться материальное благосостояние — а я уверен, что оно будет повышаться, — можно считать, что дело обстоит не так уж плохо. Еще одно важное дело, которое сейчас вроде пытаются осуществить, — дебюрократизация экономики. Если провести ее до конца, будет нанесен такой удар по этой похабной морде чиновничества. Ведь что такое наше чиновничество? Это миллион маленьких сталиных, которые захватили власть в стране, создав общество «демократуры»: под видом демократии установили автократию. Ну и многие другие дела нынешней власти я одобряю — военную реформу, планы создания профессиональной армии... Но нужна, конечно, и реформа административная. Иначе чиновник проглотит все остальные реформы. И не поперхнется. Как крокодил. Огромный, на всю страну крокодил. Он будет делать все наоборот или просто саботировать. К саботажу он привык. Умеет его очень тонко устраивать. Это я по себе знаю.

— *В чем, по-вашему, должен состоять смысл административной реформы?*

— Понимаете, когда в стране частная собственность, чиновника должно быть ровно столько, чтобы у него не хватало времени соваться в частные дела. Эту братию нужно сократить минимум наполовину. А то и побольше. Главная задача государства — не мешать людям. Надо стремиться к тому, чтобы как можно больше было человека и как можно меньше — государства. Ну и, разумеется, государство должно защищать человека от криминала. Сейчас оно это делает плохо.

— *Вы уже довольно долго возглавляете Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий¹⁸. Каковы главные факты, которые Вы за это время узнали и которые Вас потрясли? Насколько изменилось Ваше представление о масштабах репрессий, осуществлявшихся коммунистическим режимом, по сравнению с тем временем, когда Вы только приступали к этой работе? В какой степени открывающаяся перед вами картина укрепляет Вас в уверенности, что горбачевско-ельцинские реформы были необходимы?*

— У нас в деревне конюха расстреляли за то, что слишком узко связывал лодыжки коням, когда выпускал их в ночное, — они их стирали. Явный вредитель. Я поражен равнодушной реакцией нашего общества на правду о том периоде. Вроде ничего и не было. А ведь одних расстрелянных — миллионы. Расстрелянных ни за что ни про что. Я недавно прочитал одно лич-

ное дело — Зинаиды Адмиральской. Работала ткачихой в Иванове. Было указание выдвигать из рабочих на комсомольскую работу. Ее избрали первым секретарем Ивановского обкома комсомола. Вызвали в КГБ, показали некий список: слушай, вот это люди, которые, по нашему мнению, замышляют террористический акт против руководителей партии и правительства, против Сталина; ты стань во главе их, донеси нам, что они все твои сообщники по этому заговору, а мы тебя потом выведем из этого дела. Она отказалась. Ее все равно взяли и расстреляли. Непосредственно перед казнью она попросила зеркальце, чтобы поправить волосы, чтобы умереть в достойном виде. Меня поразил этот факт. И ведь расстрелянных таким образом, после таких подстав было полно.

— *Больше всего, по-видимому, было репрессировано русских...*

— Сталин презирал русский народ, стремился его уничтожить.

— *А Вам не кажется, что он его и уничтожил?*

— Фактически — да.

— *Многие ведь весьма скептически смотрят и на будущее русского народа, и на будущее России. Нация была обескровлена.*

— Да, обескровлена. Генофонд, конечно, подорван. Это очень серьезная проблема. Самая активная часть общества была уничтожена. А войнами, в которых не в последнюю очередь тоже были повинны большевики, — самая молодая. Ведь было уничтожено будущее страны — те тридцать миллионов, которые погибли во время войны 1941—1945 годов. Погибли будущие писатели, академики, ученые... Гении... Самые молодые и самые красивые.

№ 84

«ВОЖДИ ОЧЕНЬ ТОРОПИЛИСЬ, КОГДА РЕЧЬ ШЛА О РАССТРЕЛАХ»

Независимая газета, 26 октября 2001 г. Беседу вела Н. Ростова.

Недавно исполнилось 10 лет со дня принятия Закона «О реабилитации жертв политических репрессий». В связи с этим мы обратились к человеку, который бессменно руководит работой по исполнению этого закона, — главе Комиссии по реабилитации академику Александру Яковлеву.

— *Александр Николаевич, некоторое время назад ходили слухи о том, что существование вашей Комиссии находится под вопросом...*

— Я об этом не слышал. Из беседы с президентом Путиным¹ ничего подобного не вытекало. Но в конце концов, если речь пойдет обо мне лично, не вижу здесь трагедии. Это дело президента, я к таким вещам отношусь спокойно, — в этой должности я 13-й год, она общественная, без зарплаты. Могу только сказать, что реабилитация еще далеко не закончена. Пройдет еще года два, и мы сможем доложить народу России, что доброе имя миллионов людей восстановлено. Когда мы реабилитировали военнослужащих, миллионы военнопленных², которых Сталин бросил в лагерях Гитлера, и через 50 лет признали их полноправными солдатами, то получили очень много писем от их родственников. Или реабилитация духовенства³... Ведь было около 300 тысяч расстрелянных священников, даже в войну до тысячи священнослужителей в год арестовывались, многие из них были расстреляны. Это, конечно, для них, мертвых, — ничто, но для их родственников — великое дело, это многого стоит. Большим событием была реабилитация

крестьянства. Тоже миллионы невинных людей... Однако остаются сотни тысяч дел, среди них особенно много дел военнослужащих.

По инициативе президента прокуратура и ФСБ получили дополнительные ставки специально для ускорения реабилитации, там работает большое количество людей. На нас возложена функция координации и решения наиболее сложных, запутанных вопросов. Я не думаю, что Комиссию кто-то будет ликвидировать. И менять-то у нас Комиссию не на кого. У нас в членах Комиссии — Генеральный прокурор, руководитель ФСБ, министр обороны, директор внешней разведки, министр внутренних дел, министр иностранных дел, представитель Москвы, два бывших заключенных⁴.

Я знаю, что есть люди, особенно много их среди членов КПРФ, которые считают, что не нужно будоражить память людей реабилитацией. Это дурацкая постановка вопроса: ведь только правда может успокоить людей и очистить государство от уголовного прошлого.

— *Как происходит процесс реабилитации?*

— Наша комиссия — не юридический орган, мы сами реабилитировать не можем, это вопрос закона. Известно, например, что Сталин судил и отправлял в тюрьмы и уголовников, и политических по одним и тем же статьям. Задача Комиссии — выяснить на основании документов, что это было: уголовное или политическое преступление. Людей сажали за антисоветскую агитацию, за высказывания против Сталина, за подготовку террористического акта, — это все липовые дела, сфабрикованные, но они тоже шли по уголовным статьям. Вот в таких случаях мы обращаемся к прокуратуре с просьбой возбудить протест перед судом.

— *И сколько же всего реабилитированных?*

— Мы реабилитировали около четырех с половиной миллионов человек. Но это только те, кто прошел, скажем так, через наши руки. А были еще другие законы — о реабилитации малых народов⁵.

— *Охотно ли правоохранительные органы вам помогают?*

— Никаких препятствий нет, тем более что их руководители сами входят в Комиссию. Хотя некоторые начальники неохотно расстаются с документами. Если бы я был на их месте, то, наверное, у меня появилось бы то же самое чувство — не давать их никому, потому что стыдно, по-человечески стыдно за деяния предшественников. Ведь если ты работаешь в конкретной сфере, то у тебя появляется некий «патриотический кретинизм», становится неудобно за контору, когда видишь, что на основании анонимного доноса расстреливают рассказчика анекдотов о Сталине... Или, скажем, на восток едут помощники Ежова и берут с собой три тысячи дел. В поезде, пьяные, соревнуются, кто быстрее поставит на делах букву «Р». Не читая дел, ставят знак о расстреле. Существовало даже соревнование между отделами — кто больше политических дел заведет. Подобные вещи — по ту сторону добра и зла. Однако серьезных препятствий в получении документов нет. Тем более что по этому поводу есть указ президента — предоставлять документы беспрепятственно...

Сейчас мы рассматривали дела военных. Армию нашу начали уничтожать начиная еще с Кронштадта⁶, а не только перед войной. Сталин, по моему, особо ненавидел армию и боялся ее. Сначала уничтожил всех военных спецов, которые пришли из царской армии, потом их знакомых. Потом стали искать всяких «врагов народа», «шпионов», «террористов» и к началу войны обезглавили армию полностью.

— *Эмоциональная нагрузка, наверно, очень велика...*

— Да, это тяжелое дело, особенно когда представляешь этих людей живыми, а не мертвыми. Недавно я одно дело читал. Зина Адмиральская, ткачиха на ивановской мануфактуре, красивая девушка... В 1938 году ее по указанию ЦК выдвинули на комсомольскую работу. Из ткачих — в первые секретари Ивановского обкома. После этого руководитель НКВД ее вызывает, говорит откровенно — есть группа для подготовки теракта против Сталина — и дает список людей... Предлагает ей возглавить эту группу, мол, ты сознательная, ты только скажи, что они члены твоей группы. А мы всех арестуем, но тебя не тронем. Она отказалась, но имела неосторожность сообщить об этом в обком партии. Группу все равно сфабриковали, всех расстреляли, ее тоже. Почему я об этом рассказываю? Перед расстрелом она попросила зеркало, хотела, видимо, умереть красивой, гордой... Поправила волосы и сказала: «Вот теперь — стреляйте». Но так никого и не оговорила. Эта история на меня жуткое впечатление произвела: вот так молодую девочку...

— *Вы себе не пытались объяснить, почему это происходило?*

— Это понять невозможно. Я пытался поначалу... Есть, видимо, в человеческой породе, психологии то, что объяснить невозможно. Ведь не объяснение же, что Сталин был параноиком. Родственников всех своих расстрелял, родственников обеих жен... Как-то вспомнил о своем друге в Грузии, пригласил его, давно не виделись. Выпили, поужинали. Ночью за ним пришли в гостиницу и той же ночью расстреляли. Как это возможно?

Вожди очень торопились, когда речь шла о расстрелах. К примеру, только 22 ноября 1937 года Сталин, Молотов и Жданов утвердили 12 списков на 1352 человека, 7 декабря того же года — 13 списков на 2397 человек, из которых 2124 подлежали расстрелу. 3 января 1938 года те же и Ворошилов с Кагановичем утвердили 22 списка на 2770 человек, из них 2547 подлежали расстрелу, в феврале — 28 списков на 3699 человек, из которых 3622 подлежали расстрелу, в марте — 36 списков на 3286 человек, из них 2983 на расстрел. В апреле без участия Ворошилова утвердили 29 списков на 2799 человек, 10 июня 1938 года Сталин и Молотов подписали 29 списков на 2750 человек, из них 2371 человек подлежал расстрелу, 12 сентября Сталин, Молотов и Жданов утвердили 38 списков на 6013 человек, из них 4825 к расстрелу.

Подпись Молотова имеется на 373 списках на 43 569 человек, Сталина — на 361 списке на 41 391 человека, Жданова — на 175 списках на 20 985 человек, Кагановича — на 189 списках на 19 110 человек, Ворошилова — на 186 списках на 18 474 человека.

20 августа 1938 года Сталин и Молотов утвердили представленный Ежовым список на осуждение по «первой категории» 15 жен врагов народа, все они были расстреляны. В списке, в частности, значились жены Чубаря, Эйхе, Косиора, Егорова, Скрыпника, Дыбенко, Агранова, Артузова и других. Из 15 расстрелянных 10 были домохозяйками и две студентками. Их мужья были расстреляны позднее, в начале 1939 года. Репрессиям в качестве членов семей изменников родины и врагов народа подверглись 40 056 человек.

— *Светлана Аллилуева возлагает большую часть вины на Берию...*

— Берия-то пришел в 1938-м, а сколько до Берии было уничтожено Ежовым, Ягодой? Берия ведь хитрый был, ничем, конечно, не лучше, чем

другие, но в 1938 году он стал чистить НКВД. Но потом он стал делать то же самое, что и его предшественники. Сталин предпочитал назначать людей необразованных, людей с вымытой совестью. У них не было никаких моральных тормозов: надо расстрелять — то расстрелять. Вот Каганович любил писать резолюции о расстрелах матом, на человеческих судьбах. Эту проститутку, эту б... — писал, — эту гадину расстрелять. О Господи, стыдобушка, еще и хуже писали, хуже!!! О бывших друзьях писали в том же стиле. Фонд «Демократия»⁷ выпустил 21 том документов, в том числе с подобными резолюциями.

— *Наверное, Берия и Ежов никогда реабилитированы не будут?*

— До тех пор, пока я жив, нахожусь в этой должности, такого предложения я вносить не буду, несмотря на то, что, с точки зрения юриспруденции, они реабилитации подлежат. Действительно, Берия не являлся агентом 14 разведок, в чем его обвиняли, не пропускал немецкую армию через Кавказский хребет. А Ежов не принадлежал к правотроцкистскому блоку и не имел никакого отношения к шпионажу. Их судили не за расстрелы миллионов людей, а за «контрреволюцию», за «шпионаж». Но вы представляете себе реакцию общества, если мы реабилитируем сегодня Ежова и Берия? Сегодня мы реабилитируем только тех, кто был безвинно по их приказу расстрелян или сослан в лагерь.

— *Одним словом, реабилитация тех, кто судил и арестовывал во времена репрессий, сегодня невозможна?*

— Дело в том, что за реабилитацию этих людей выступают единицы — их родственники. А меня больше интересуют люди, которые невинно пострадали. Конечно, это тоже большой вопрос. Ведь в 1938 году были арестованы 42 тысячи бывших следователей, и большинство из них были расстреляны. Сталин любил прятать концы и закапывать свидетельства преступлений...

— *Почему же тогда был реабилитирован Судоплатов⁸?*

— Я не занимался этим делом, его реабилитировали до того, как я пришел на эту должность. Верховный суд, убежден, сделал это под чьим-то нажимом. Я бы был против его реабилитации.

— *Вы как-то говорили о том, что в 2002 году будет создан Музей ГУЛАГа...*

— Давно бы пора, я выступал по этому поводу, письма подписывал... Но, скажем, в Магадане есть подобный музей⁹. Жуткий музей, но он очень точно напоминает человеку о зверстве человека, о его низости, подлости. Там есть потрясающий лозунг: «На заботу партии и правительства о нас, ээках, ответим стахановским трудом».

№ 85

«СУДИТЬ О ПРАВИТЕЛЕ НАДО ПО ДЕЛАМ, А НЕ ПО СЛОВАМ»

VIP-Premier, март 2002 г. Беседу вел В. Александров.

Редакция журнала «VIP-Premier» обратилась к академику Александру Яковлеву с просьбой ответить на ряд вопросов, связанных с историей и нынешним днем России. Когда состоялась встреча академика с представителями «VIP-Premier», особую актуальность приобрел вполне конкретный вопрос. Его осмысление предлагается вниманию читателей в данном номере журнала.

ГРОЗИТ ЛИ РОССИИ ФАШИЗМ?

— *В последнее время в средствах массовой информации все чаще говорится о росте экстремистских течений в России, о выступлениях «скинхэдов», чернорубашечников, боевиков РНЕ. Вместе с тем из-за рубежа Борис Березовский заявляет об опасности диктатуры¹. Вы, Александр Николаевич, что называется, изнутри знаете политическую кухню Кремля при разных режимах, прошли через Великую Отечественную войну и как никто другой представляетесь авторитетным в обсуждении вопроса: грозит ли России фашизм?*

— Вопрос реален, не надуман. Меня он тоже очень беспокоит. Действительно, в стране президент В.В. Путин пытается завершить реформы, которые были не закончены в прошлом. Ни тогда, когда мы были у власти во время перестройки, хотя реформы в экономике, в судебной системе, образовании, армии стояли на повестке дня. Но всё было без движения, одни разговоры. Ни во времена Ельцина, когда были попытки продвинуть рыночные отношения, реформы, особенно в экономике. Однако ничего завершено не было. Когда же что-то не доделано, образуется вакуум, и в этот вакуум, как правило, идет преступный элемент. Какую революцию ни взять, всегда так было. Во Французской революции 1789—1793 годов: сначала зажигательные лозунги, требующие правды, совести, справедливости, демократии. И что же стало с лидерами? Первоначально они требовали смерти и диктатуры. Потом начали их головы падать на землю. Робеспьер восклицал, что террор — это высшая добродетель, ему же в конце концов и отрубили голову. Сам пал жертвой «высшей добродетели». Покатались головы и умеренных лидеров. Даже знаменитый химик Лавуазье пошел под топор гильотины. Потом начинается возвращение диктатуры. Потребовались революция 1848 года, Парижская коммуна, пока Франция не вышла на путь демократии. Так случилось исторически и конкретно во Франции. Хотя слово «революция» я очень не люблю, поскольку революция никогда не приносила никому ничего доброго. После, условно говоря, помутнения разума, социальной болезни всегда наступали периоды самоочищения. Вспышки классовой борьбы толкали общество к крайностям, а затем общество переходило к социальному партнерству, к пониманию того, что и богатство, даже великое, не приводит к счастью. Поэтому, например, распространена благотворительность в США. Каждый считает своим долгом отметиться в системе помощи другим. Это — самоочищение, это плата за грехи революционных потрясений.

Думаю, что и мы переживаем период самоочищения. Тащим воз доброй мечты, как это всегда было в России. Мы любим мечту и часто во имя мечты разрушаем то, что есть реально. Разрушая, потом каемся, думаем в ужасе: что же мы натворили? Если собрать то, что разрушили в период революции 1905 года, Февральской революции 1917 года и Октябрьской контрреволюции 1917 года, то мы были бы богачами. Но история распорядилась иначе, постоянно загоняя нас в человеческие изгой, все время толкая нас в разрушительную сторону, в сторону страданий и нетерпимости.

Как сейчас дело обстоит? С одной стороны, свобода — это хорошо. Свобода — моя религия! А с другой стороны, фашистские и полуфашистские вылазки. Издается более 100 фашистских и ксенофобских газет, даже газета «Штурмовик» с явной связью с историей штурмовиков Германии. Печатается книга «Майн кампф» Гитлера. Восхваляются его идеи. Размножают портреты Сталина. В некоторых средствах массовой информации можно заме-

тить процесс этакого бархатного «обеления» зловещей фигуры Сталина. Откуда все это?

На мой взгляд, здесь несколько причин. По самой истории мы привыкли к нетерпимости, потому что все время боролись, с одной стороны, за клочок земли, а с другой — за обширные земли по окраинам. Нет такой страны по соседству с нами, с которой бы мы не воевали. Наша экспансия мощно шла во все стороны. В конечном счете Россия оказалась с веригами на обеих ногах. На одной — беззаконие. На другой — нищенство. Сегодня, когда спорят в парламенте левые, правые, те, которые посредине, все время уходят от этих главных обстоятельств, от чего страдала Россия. Если мы хотим уйти от фашизма, от возвращения к сталинскому фашизму, надо решить две главные проблемы: проблему верховенства Закона и проблему нищеты. Все остальное — сколько партий, какой парламент — имеет служебное значение. Отсутствие нищенства решает проблему свободы человека. А ее на данном этапе развития России можно решить только на базе частной собственности. Только на этой основе человек может разбогатеть и по справедливости разделить с государством доходы и расходы. Поэтому, пока не решена проблема собственности, которая поведет за собой ликвидацию нищенства, и пока не сложилась дееспособная система верховенства закона, всегда существует угроза экстремизма. В какой форме — фашизма, большевизма или иной — трудно сказать. Но такая угроза всегда будет существовать.

Я бы не так серьезно относился к этим угрозам, поскольку законы все-таки создаются, они начинают действовать. Появились судьи, которые уже не очень слушаются телефонного звонка сверху. Есть не только глупые и корыстные, но и честные предприниматели. Появился средний класс — это тоже надежда России. Ведь в США 70 процентов общего национального состояния представляет собой мелкий и средний бизнес. Но меня волнует произвол чиновничества. Чиновники готовы к диктатуре, даже к фашизму хоть завтра. Это иллюзия, что у нас правит правительство. Правит у нас чиновник. Он издевается над людьми как хочет. Мне рассказывал один мелкий бизнесмен, как его гоняли по кругу, вымогая взятки за разрешение на аренду площади. У меня свой опыт: сгнила машина — «Нива». Я даже Путину рассказывал об этой истории. От меня потребовали девять различных справок. Неделя потребовалась только на то, чтобы списать сгнившую машину. Нарочно устроено так, чтобы вывести человека из себя. Чиновник наш как базальтовая стена. Он крепок и могуч. Складываются свои корпоративные отношения. Пока мы процентов на 75 не сократим чиновничество, а для этого надо изменить функции государственного аппарата, — дело не в людях, а в функциях, которые взяло на себя государство, — дело не изменится. Например, ведется борьба вокруг лицензий, но главным оказывается заинтересованность определенного круга людей и возможности брать взятки за предоставление лицензий. Почему в других странах чиновник идет к гражданину, если надо что-то выяснить, а у нас гражданин кланяется чиновнику, бегаёт от одного к другому? Мы же платим налоги, работаем на чиновника — и выбиваем у него свои права. Чиновники перераспределяют богатство в свою пользу. Такое перераспределение оказывается еще более крупным в совокупности, чем перераспределение в результате перехода из рук в руки приватизированной собственности на верхнем уровне. Вот поэтому остается нищим наш человек.

ПИШИТЕ ЧТО ХОТИТЕ, НО ТОЛЬКО ПРАВДУ

— *Теперь обратимся к той угрозе, о которой говорит Борис Березовский.*

— На мой взгляд, суэта вокруг имени Березовского отдает определенной искусственностью. Что касается заявлений об опасности для демократии со стороны диктатуры, исходящей от президента Путина, то я к этому тезису отношусь весьма осторожно. Сегодня сказать, что есть какие-то проявления ужесточения режима и это исходит от президента, было бы голословным. Где факты, подтверждающие это? Говорят, что такие факты дают истории с телевизионными компаниями НТВ и ТВ-6². Должен сказать, что мне эти коллективы жалко безумно, там талантливые люди. Но пока я не узнаю правду о подлинных экономических отношениях, я не могу говорить, кто прав. Абстрактно я на стороне тех, кто отстаивает свободу слова.

Один из вопросов — финансовые дела. Должны телевизионщики кому-то или не должны? Если задолжали, то надо отдавать. Причем здесь свобода слова, если кто-то задолжал деньги и от него требуют возврата? Если это не так, то надо сказать, что же происходит на самом деле. А получается, что две или даже три стороны противостоят друг другу и всех нас водят за нос. Экономические отношения должны быть прозрачными, чтобы каждый гражданин видел, на чьей стороне правда.

В свое время мне дали прозвище «отец гласности». Я с самого начала говорил: пишите что хотите, но только пишите правду! Ведь каждому надо и на себя смотреть. Даже демократическая печать опозорила себя публикацией компроматов. Разве это свобода слова? Занимаясь вопросами реабилитации жертв репрессий 1937 года, я научился отличать правду от доносов. По своему духу нынешний компромат взят оттуда, из сталинского прошлого. По таким же доносам расстреливали людей. А теперь их двойники появляются в современной печати. Я и на себе не раз испытал нечто подобное. Последний пример из тысячи других: первого ноября «Советская Россия» написала, что Яковлев хочет отдать деньги трупам, а не живым людям³, — это относительно того, что мы предложили денежную компенсацию выдать детям, которые были в лагерях вместе с родителями. Какие же это трупы, когда многие из пострадавших живы, а здоровье их осталось в сталинских лагерях? При этом в той же газете было сказано, что я занимаю квартиру бывшего заключенного, квартиру номер три в доме по улице Грановского. Но я никогда не жил там. Как живу с 1966 года на улице Александра Невского, так и живу. Даже когда был членом Политбюро, никуда не переезжал. Есть и в демократической печати подобного рода публикации; подчас даже думаешь: зачем же вам нужна была эта гласность, свобода печати, неужели только для вранья?

ВСЕ ЗАВИСИТ ОТ ТОГО, КАК ПОЙДУТ РЕФОРМЫ

— *Вернемся к фигуре президента. Ваш опыт государственного деятеля подталкивает ли Вас, что в его делах проступает стремление к тоталитаризму? Или таких доказательств Вы не видите?*

— Считаю, что не надо торопиться с оценками. Свою оценку я ставлю в зависимости от того, как пойдут экономические реформы, как будет развиваться малый и средний бизнес, какая законодательная база будет под них подведена, как пойдет земельная реформа, военная реформа и особенно как пойдет судебно-правовая реформа, будут ли созданы условия, чтобы суд

стал независимым и основывался только на законах, нес бы ответственность за отход от закона. По результатам этих реформ, которые все-таки получили движение при яростном сопротивлении чиновничества, можно будет делать выводы. Свою оценку я буду строить не на том, что президент сказал, принимается это кем-то или нет, а от результатов деятельности. Мне понравилось, как президент стал строить внешние отношения после того испытания, которым стала трагедия 11 сентября. Он определился четко, это было правильное решение. Думаю, что он принял решение сам, а не по советам внешнеполитических деятелей. Причем отреагировал немедленно. Правильно, что мы не лезем в Афганистан во второй раз, в эту безумную кашу. Правильно, что мы пытаемся улучшить отношения с нашими ближайшими соседями на постсоветском пространстве. Это очень нелегко. Но с соседями надо переходить на язык равноправного сотрудничества. Тогда легче и все другие вопросы будет решать.

Кое-кто критикует внешнеполитическую линию президента. Надо, дескать, вести дело потверже. Но ведь речь можно вести таким образом только тогда, когда есть что-нибудь, что можно выдать за твердость. Твердость нужна наличная, а не выдуманная. Когда же этого нет, о чем говорить? Мы привыкли еще со старых времен к некой мифической твердости. Надо ли на это уповать? Нет. Надо спокойно и скромно вести политику защиты своих интересов и продвижения этих интересов. Находясь же в долгах как в шелках, имея полуразвалившуюся чуть ли не допетровскую экономику, нужно трезво оценивать свои возможности. Помню, как еще в конце советского периода мы были на краю пропасти. Уже тогда изношенность станочного парка составляла 70—80 процентов, а покупать было не на что.

Мне нравится энергетика президента, многие его действия. Но, зная окружение президента, не могу сказать, что они очень хорошо ему помогают. Думаю, совсем наоборот. Настроения далеко не либерального свойства. Хотя есть и сторонники рыночных отношений. Разные люди. Нет сплоченной группы, которая соединена едиными взглядами. Скорее, там разногласица, может быть, даже разброд, чуть ли не разгул мнений. Каждый — свое. Это объяснимое явление. Во-первых, у Путина не было раньше большого опыта государственной деятельности. Во-вторых, у него не было своих кадров, того, что принято называть командой. Будущее покажет, в какой мере люди из его окружения будут ему настоящими помощниками. Конечно, Путину надо быть поточнее в отношении средств массовой информации. Мне кажется, хотя у меня нет четких доказательств, что он иногда обижается на выступления средств информации. Но политик обречен на то, чтобы не обижаться. Или ему надо делать вид, что не обижается. Никто в истории борьбу с «четвертой властью» не выигрывал. За исключением тех, кто просто отрубал головы неугодным. Да и то еще неизвестно, был ли это в конечном счете выигрыш или проигрыш.

ВЛАСТЬ — САМОДОВЛЕЮЩАЯ ВЕЛИЧИНА

— Но ведь речь идет о борьбе не с «четвертой властью», а с закулисной властью. Ведь Березовский и его команда — это не сама по себе свободная пресса, а закулисная власть, владеющая средствами информации.

— Не только Березовский. Кроме него полно держателей контрольных пакетов средств информации. Сначала некоторым разбогатевшим людям показалось, что от банков, торговых домов, компаний и власть недалеко. Но

нет! Американские высшие слои бизнеса тоже в свое время так думали. Полагали, что ухватили бога за бороду и вот-вот начнут трясти его справа налево, как захотят. Но так не бывает. Власть — это самодовлеющая величина. И власть к тому же у нас наполовину авторитарно-чиновничья и только наполовину подчиняющаяся законам. Такая власть может передать часть своих полномочий только системе самоуправления, но никак не бизнесу. Да и о каком бизнесе идет речь? Если уступить власть бизнесу среднего класса, где миллионы людей, это не страшно, поскольку миллионы мелких производителей и соответственно миллионы частных интересов в сумме представляют собой стабилизирующий фактор. Там и демократия, свобода. Там у государства остается только одна функция — не мешать и налоги собирать в интересах обороны, защиты граждан, достижения общегосударственных целей. Если же встает вопрос о переуступке полномочий олигархическому бизнесу, то это практически означает передачу власти в руки узкой группы людей или превращение власти в орудие этой узкой группы людей. Такие попытки не имели успеха в демократических западных странах. Представляются они обреченными и в России.

№ 86

ХЛЕБ И ПОРОХ

Гражданин, № 16—17, 2002 г. Беседу вел К. Михайловский.

Культ насилия в нашей стране до сих пор определяет вся и все. Нам надо категорически прекращать вести всякие военные действия, иначе обществу не выбраться из большевизма. И еще пришла пора наконец понять, кто они такие, «профессиональные патриоты»... таковы главные выводы из продолжающегося цикла бесед шеф-редактора «Гражданина» Константина Михайловского с известным политиком, академиком Александром Яковлевым.

ЛЕНИНХЕДЫ

— *Александр Николаевич, позади чемпионат мира по футболу, где наша сборная выступила, мягко говоря, неудачно. Впрочем, нас интересуют, разумеется, не спортивные достижения. Провал нашей команды сопровождался известными печальными событиями — погромами в центре Москвы¹. Как Вы оцениваете это с политической точки зрения, верите ли, что все происходило стихийно (как уверяют милицейские чины), что не направляла погромы чья-то умелая рука?*

— В сути того, что произошло, нет ничего нового для меня, однако, возможно, оно теперь зазвучит яснее для иных. Фашистская психология в стране жива, она вогнана в плоть и кровь большевиками стару и младу: фашистские настроения продолжают проявлять себя в разных обличьях, нынче особенно ярко. Во второй половине прошлого века это начиналось с антисемитизма, потом перекинулось на лиц кавказской национальности, где свою особую пагубную роль сыграла пресса, сначала советская, затем и, к сожалению, демократическая. Все время идет поиск врагов, который стал для нас, увы, традиционным... Болезненные комплексы наработаны историей постоянных войн: сознание народа в России предельно военизировано. Хорошо бы провести глубокие исследования на эту тему, создать соответствующую литературу. Тогда, может быть, нам было бы легче излечиться от злокачественной болез-

ни. Но этого нет... Я не хочу сказать, что Россия была извечным агрессором, отнюдь нет! Но, тем не менее, она все время воевала, воевала...

А что сегодня? Общество формально идет по демократическому пути, создан парламент, где функционируют различные партии. Президент, власти на местах в большинстве своем избираются... Но как трансформируются даже самые хорошие идеи? Они обязательно, даже в законах прямого действия, завязываются на чиновника, чиновничий аппарат, которые осуществляют свою диктатуру, произвол... После каждого закона издается масса подзаконных актов и инструкций, которые начисто выхолащивают суть закона. Человеку — вот парадокс! — от нового «человечного» закона «вдруг» становится еще труднее, еще беззащитнее. Обещанных прав и свобод не прибавляется, зато надо непременно предоставлять в те или иные инстанции новые бумаги, справки и т.п., за которые берутся деньги.

— *А причем здесь военизированное сознание общества?*

— А притом, что на его базе бюрократия спекулирует — как, например, и при введении того же Закона об экстремизме². Что мы получим в результате принятия его, большой вопрос. Нужен он в принципе? Несомненно. Но какой? Тот, который основан на уже упомянутом извечном поиске врага? Который базируется на криках толпы: «Раздави гадину!», «Уничтожь вредителя!» и пр.? Настроения тысяч и тысяч россиян, отнюдь не избавившихся от комплекса большевизма, могут спровоцировать рождение такого закона (и, главное, с такими «вспомогательными» к нему бумагами), что мало никому не покажется!

Я очень не люблю соглашаться хоть в чем-то с сегодняшними коммунистами. Ибо даже если они говорят правильные вещи, то все равно непременно преследуют свои корыстные узкопартийные интересы. Однако, действительно, закон позволяет государственному органу оценивать: данное явление — экстремизм или нет. А это вообще против Конституции! Экстремистом меня может назвать только суд, а не какое-то ведомство. Даже в советское время, когда вершили произвол, то при этом хотя бы ссылались на суд (пусть от этого людям и не было легче). Но мы-то строим демократическое гражданское общество! Или нет?

— *А как проблема решается в мире? В той же Канаде, где Вы жили и работали?*

— Только через суд — нет никакой альтернативы. И нет там, простите, никакого специального закона по этому поводу, но есть уголовное право. Его вполне достаточно! Другое дело, что для этого нужны еще и по-настоящему действующие суды. А то ведь у нас, скажем, уже был принят президентский указ о фашизме³. Как известно, антисемитизм есть первое проявление фашизма, — так повелось в мире. А кого осудили в этом смысле у нас? Да никого! Одни оправдательные приговоры. Потому что пишут «бей жидов!», но вроде как не бьют. Пишут «бей черных!», но как будто тихо. Потом спохватились: скинхеды откуда-то явились, убивают людей на рынках... Теперь пытаются кого-то поймать. Поймают — точно, но не уверен, что тех, кого следует. Ибо милицейским чиновникам просто надо срочно отрапортовать о проделанном. А что проделано-то?

— *Обыватель во многом справедливо требует большей жесткости в навешивании закона и порядка на тех же улицах...*

— Посадите в тюрьму того, кто избивает и убивает людей, сжигает машины и бьет витрины. Но и «дайте по зубам» готовящим это. Разве не вид-

на подготовка зла из массы грязных газетенков? Сколько можно посылать откровенные призывы к насилию по всякого рода лингвистическим экспертизам?! Небезызвестный руководитель общества «Память» Васильев открыто говорит, что он фашист, однако в моей борьбе с ним немало бумаг ушло в лингвистические комиссии Академии наук. И что вышло? И где результаты действия принятого президентского указа?

Вывод мой прост и однозначен: пока настоящей дебольшевизации России не произойдет, будем тыкаться носом со всеми этими законами и указами, постановлениями судов. Плохо нам будет всем в стране, где миллионы людей по-прежнему мыслят по-ленински, по-сталински, где на права человека плюют, а культ силы (точнее, насилия) определяет и сознание, и действия, и всё и вся...

ПОЖАЛЕЙТЕ ЖИВОГО ЧЕЛОВЕКА

— *Да, Россия много воевала, люди мыслят в ней особенно. Но ведь они не менее умны, талантливы, рассудительны, чем граждане иных стран. Отчего же большевизм в умах и душах столь живуч?*

— Во многом виновата проводимая государством социальная политика. Понятно: реформы, неизведанное, трудности... Но оставить нищими пенсионеров и инвалидов! Почему у нынешних коммунистов до сих пор примерно пятая часть электората? Да только из-за этого! Есть, конечно, некоторая доля тех, у кого с психикой неладно, кто был расстрельщиком да охранником в лагерях. Эти — до конца под красным флагом. Но все же дайте сырым и старым нормально существовать (а у россиян потребности вовсе не велики) — и забудет общество как таковое про всякий коммунизм и его пропагандистов.

Далее. Нам надо категорически прекращать вести сегодняшние войны. Чечня уродует сознание столько людей! Солдаты гибнут, возвращаются домой инвалидами, семьи их страдают вместе с ними. По себе знаю: вернулся из госпиталя после тяжелейшего ранения в сороковые-роковые — так год не мог нормально смотреть на мир, нетерпимость была ко всему! Кто-то что-то сказал «не то», посмотрел на тебя косо (или показалось так): сразу хотелось прибить его иль словом, иль кулаком. Причем агрессивность сама искала себе выхода, конфликт был потребен как воздух. Потом — прошло. Поэтому я так понимаю агрессивных парней, коль прошли они фронтовыми дорогами.

Хлеб и порох — наши беды. Не хватает вдоволь хлеба и слишком много пороха. А люди видятся обычным природным ресурсом, которого всегда вдоволь на матушке-Руси. Хотя сегодня даже уже такой сверхциничный тезис, как «бабы еще нарожают», не проходит...

— *Надо изменить психологическую парадигму общества!*

— Надо научить общество любить каждого отдельно взятого человека. Слова эти как будто просто понять. Но вот заставить действовать по ним в наших условиях — архисложно.

В «империалистических» США для спасения одного человека посылают взводы пехотинцев и вертолеты, за чем с волнением следит вся страна... У нас посчитают расходы на бензин и скажут: ну, всего из-за сотни человек так тратиться...

Человек приоритетен, его надо всегда пожалеть. А и сегодня тут и там читаешь: этот плох. Почему? Да потому что «не так» относится к «родному

государству». Но это — мое дело, как относиться к государству. И быть патриотом — значит во многом быть его критиком. Я против сталинского гимна, не буду никогда его петь и слушать. Это — мое право. Не надо по этому поводу вешать ярлыков, спекулировать этим. Надо отделить мух от котлет: причинение боли живому человеку и некоего мифического ущерба монстру-государству.

Как гражданин я уверен: надо менять уголовный кодекс, вводить в него статьи за экстремистские действия. Вот тогда точно будет дело, а не антидело, которым грозит нам закон об экстремизме. Чиновнику российскому я не доверяю.

ПРУТОМ ПО РОДИНЕ

— *Александр Николаевич, но как избежать разговора по замкнутому кругу? Мы все время предлагаем государству любить человека, а оно его не любит. Ничего не меняется! «Все во имя человека, во благо человека!» Эта фраза из анекдота брежневских времен, в которой каждый прозревал, что за человек имеется в виду, так же актуальна и сегодня. Что же делать? Где тот рычаг, на который нужно нажать, чтобы если не решить, то хотя бы сдвинуть проблему с места? Как перевести стрелку внимания с необъятных интересов государства на «крохотные» нужды гоголевского человека в шинели?*

— Все дело, думается, в том, что до сих пор мы никак не снимем с этого человека «презумпцию виновности». Возникает любой конфликт между государством и человеком — и что? Первое заведомо право, а второй виноват. По крайней мере, он все время должен ОПРАВДЫВАТЬСЯ. Но если и докажет свою правоту — все равно его интересы замотает суд. Ну нельзя у нас сразиться с государством! Прежде всего, опять-таки вас сразу поставят в невыгодное положение различного рода демагогическими штучками: мол, не патриот ты, как можешь что-то зачем-то просить или, не дай Бог, требовать, когда, дескать, в стране и так тяжело и т.д. и т.п. На таком фоне поди будь убедителен. А после этого — смотри выше (если что и докажешь, все равно чиновник тебя в итоге обдурит в свою пользу).

Мы продолжаем жить в советской правовой системе и с советской психологией!

Каждый из нас, наверное, испытал на себе: допустим, пришел к вам неверный счет — налоговый, оплаты за телефон, квартиру etc. Всё! Вы виноваты, — пойдете по десятку инстанций доказывать, что не мошенник, не вор, не хотели обмануть, увильнуть... На деле-то просто девчонка-оператор задумалась о предстоящем свидании да не ту циферку поставила. Но вы, именно вы, будете ходить и доказывать. Тратить силы и время, а зачастую и финансовые средства. Хорошо, если настоит на правде, а то просто придется махнуть рукой: э, связываться с государством себе дороже. И никто никогда не извинится перед вами, даже если неправота государства вопиющая! А уж о возможности понесения наказания каким-то госчиновником за ваши мытарства и думать смешно...

Тебя заставят радоваться: ну вот, вроде обошлось. А то ведь и могли бы...

— *А не кажется ли Вам, что чувство патриотизма у нас намеренно искажается, делается бутафорным и непривлекательным. Вот опять-таки о погромах футбольных фанатов и скинхедов... Есть все же сегодня, пробуждается у россиян нормальное здоровое чувство патриотизма безо всякой там ложной*

патетики, неумеренного гигантизма и пр. Просто люди любят свою страну, хотят жить в ней лучше, чем вчера, болеют за нее, критикуя и горячась... Но вот — пародия на это: погромы, озверелые лица и дикие действия ПОД РОССИЙСКИМ ФЛАГОМ. Именно под флагом — телекартинки бесчинств с российской атрибутикой проели всем глаза. Это, по-вашему, зачем? Я не к тому, чтобы по-советски заниматься поиском врагов, однако так получается, что естественное национальное чувство русского, россиянина все время выставляется в дурном свете...

— Абсолютно верно подмечено. Извращение идеи патриотизма идет не первый год — у него длинный опыт советской истории. Патриотизм у нас стал отождествляться с шовинизмом! Патриотизм у нас сделали профессиональным орудием, используемым для прикрытия самых отвратительных идей и действий. Что такое — «патриотический союз» (с той или иной словесной прибавкой)? Там что: собраны патриоты по крови? А если я не состою в членах этого союза? Я уже заведомо не патриот, не люблю свою страну? Кто имеет право называть себя патриотом?

Патриот не может взять и избить иноплеменника. Просто не может, ибо он нанесет ущерб престижу своей Родины. Оголтелые парни лупят японцев, а МИДу отдуваться-извиняться! А потом еще японцы вдруг додумаются применить какие-то экономические санкции против нас: страдать при этом будут все российские граждане. Железным прутом бьют по телу своей страны эти лжепатриоты...

— *Суждения наших спортивных комментаторов тоже, мягко говоря, не всегда корректны. Уличат в допинге — заранее обвиняем всех и вся в «мировом заговоре против России». Судья ошибется в мелочи — опять такой же «размах». Болеть надо, но с умом! Зачем провоцировать миллионы болельщиков на темные чувства?! Это такой же призыв к насилию, как и при любом другом разжигании национальной розни...*

— Японские футболисты, конечно же, были неправы. Наши ведут мяч, а японцы... его отнимают. Куда это годится! Хозяева называется! Все равно бы наши в ворота не попали.

— *Которые у японцев были меньше. Но если серьезно...*

— Я бы еще все-таки задержался на спортивной теме. Темные чувства провоцировать наши телекомментаторы мастера. А вот почему, я не понимаю, они прямо-таки ударились в иностранные слова? Обязательно — голкипер, когда есть русское «вратарь». Полузащитник — хавбек, хав. Боковой судья — лайнсмен. И так далее. Почему я своим русским ухом должен все это выслушивать? Безо всякой нужды! Вот где, казалось бы, нужно проявить себя любящим свою страну, ее людей, культуру, язык человеком. Так нет же, не получается.

Бывает и совсем курьезно, а точнее, обидно. Начинает комментатор представлять, скажем, бегуний. Вот по такой-то дорожке бежит несравненная такая-то мировая иностранная звезда. Рост такой-то, все размеры и объемы такие-то. Папа там-то работает, мама там-то. Владеет столькими-то домами, машинами и пр. Потом — забег. И результат: кстати, по такой-то дорожке бежала наша Иванова, и она заняла первое место.

В чем смысл такого поклонения перед иностранной звездой? Почему о своих так плохо думаем? Ведь если стоит спортсменка чего-то, так независимо от крови! Воздай всем сестрам по должным серьгам. Ан нет, с естественным патриотизмом у нас плохо.

В этом смысле не грех поучиться у американцев. Как-то все время они находят «в фокусе телекамеры» своих. Но — просто, без идиотского пафоса, зато настойчиво и конкретно. Вроде бы просто и естественно рассказывают о событии, но при этом непременно у зрителя-слушателя в голове итог: молдцы — американцы, как бы они ни выступили.

Может быть, это потому, что не других они хают, а себя умно, ненавязчиво хвалят.

О патриотизме — как вывод. Не бей себя в грудь, крича: «Я — патриот!» Это — порой смешно, порой вредно и гнусно. Делай маленькое хорошее дело во благо родной страны. Молча. Или рассказывая об этом, но, как говорится, без дураков.

— *Говоря о «профессиональных патриотах», нельзя не заметить: сорви их «патриотический» кафтан — всегда обнаружится коммунистическая поддевка. Отчего так?*

— Почерк демагогов, это — во-первых. Во-вторых, экономика. Ну откуда у всех у них деньги? Какие такие рядовые граждане-патриоты способны, к примеру, издавать дорогостоящие газеты? Мне очень интересно, допустим, на чьи деньги выходит газета «Завтра». Что за силы вкладывают туда тысячи и тысячи долларов? Только сверхнаивный может поверить, что издание большой газеты осуществляется на народные деньги, собранные «по копеечке».

«Патриотизм» таких изданий состоит практически в одном — постоянно провоцировать несближение России с Западом.

— *Думаете, одна из задач футбольного побоища состояла и в этом?*

— Несомненно. Ибо зачем столько глупостей? Установили огромные экраны для тысяч футбольных фанатов, чего нигде в мире не делают. Там — ограниченное количество столиков в барах, рассеивание толпы. У нас же — напротив, ее собирание плюс подпитка пивом без ограничения, до неистовства. При этом милиции — чужь. Начались погромы — нет ни оной, ни спецназа. Кому-то это очень было нужно, кто-то это явно спланировал.

И как-то уж очень вовремя это произошло. Только что начали подводить итоги встреч Путина и Буша⁴, Путина и европейских лидеров⁵. Что-то там о прорыве России на Запад заговорили. И — вот те на! Россия-то по-прежнему дикая, варварская страна.

Знакомый дух, знакомый почерк. Есть еще мастера спецслужб в русских городах и селеньях! Нет, я не о том, что они вовсе не нужны: такие структуры имеют место быть в любом цивилизованном государстве. Но они там не претендуют на лидерство, подчинены легитимно избранной власти.

Мы же тут явно в своей «особости».

— *Но тут парадокс. Мы не можем не быть патриотами. Должны ими быть! И в то же время наши родимые (не русские, но советские!) гири тянут нас на дно. Хотим мы или не хотим, но возникает мысль: самим нам из болота не выбраться! По крайней мере, нам нужна масштабная помощь в том смысле, в каком она была оказана Германии после Второй мировой войны. Никто не закабалил ею немцев, но, напротив, вытянул их к нормальной процветающей жизни. А Россия ныне в гораздо худшем состоянии, чем была Германия в 45-м, — по растленной психологии, падению нравов. Люди в огромном большинстве своем просто не хотят работать, — ну, о чем тут говорить!*

— А почему нам должен помогать Запад?

— *Правильно, он ничего не должен! СССР проиграл «холодную войну», но мы не готовы это признать. Мы не готовы покаяться за преступления большевизма и коммунизма: все находим и находим в советском прошлом «не столь уж плохое», «обусловленное временем»... Я — патриот России, но я понимаю, насколько мы выглядим опасными в глазах мирового сообщества, которое не понимает, как можно столь бесконечно долго пестовать свои ошибки и преступления...*

— Ну, прежде всего, я бы не сказал, что мы проиграли в «холодной войне». Здесь выиграли все, кроме большевиков-коммунистов! Иначе, кто это — «мы»?! Те, кто хочет возврата к рабскому труду, лагерям и психушкам?

Победа в «холодной войне» — это общая победа. Это — прорыв к цивилизованному сообществу государств, — по крайней мере, возможности его в мировом масштабе выстроить. Вот и сейчас Пугина ругают: отдал базы на Кубе и во Вьетнаме⁶... А зачем они нам нужны? Геополитический их смысл утерян. Жизнь рядового россиянина они лишь отягчали лишними расходами. Нужно, наконец, научиться мыслить прагматически, с пользой для народа: надо — не надо. Ничего по существу эти базы не дают, — значит, нужно расставаться с ними безо всякого сожаления, без каких-то надуманных приоритетов, кои якобы ущемлены. Лучше без этих самых баз — и слава Богу!

Путин пустил американцев в Киргизию⁷, кричат квазипатриоты. Ну, господа... Во-первых, Киргизия — не Россия, это, в общем-то, ее дело. СССР распался — надо это наконец принять. Правильно говорят, что только бесчувственный не жалеет о гибели Союза сердцем и только безумный может сожалеть о том, что его не удалось сохранить (а сохранить-то можно было если и попытаться, то только силой). Но и опять-таки давайте смотреть, насколько нам угрожает американское военное присутствие в этом регионе и вообще может ли оно нам угрожать. Иначе разговор какой-то невменяемый, он задевает лишь темные стороны души, не обращаясь к разуму.

Далее. Никто не будет работать в стране, которая не удосуживается создать закон о защите иностранных инвестиций. Специально, по глупости ли — не было этого сделано.

Как нам можно доверять и в других смыслах? СССР помогал всем террористическим режимам по всему миру. Что сегодня? Вроде бы мы заявляем о готовности идти в авангарде борьбы с международным терроризмом, но... Все же об Ираке, Иране и т.п. говорим и недоговариваем, — так что осадок у любой демократической страны остается. Не может не остаться!

— *В России по-прежнему имеется могущественный круг лиц, который в любую минуту готов запустить в действие работу антизападного блока...*

— Это интересный и важный вопрос. Названный вами круг, он — и идейный, и взращенный психологически, и имеет свои четко выраженные материальные интересы. Последнее относится к силовым структурам и военно-промышленному комплексу. Антизападный и, прежде всего, антиамериканский настрой — их хлеб. Это надо понимать без истерики, холодным умом. Им — свое, остальным гражданам России — свое. И надо бороться за свое, нормальное.

— *Разность интересов — это тоже нормальное, в общем, явление. Но должен быть некий высший судья, который выбирает движение страны в пользу интересов нации. Президент, прежде всего! А мы имеем некую половинчатость, полудемократичность-полусоветскость, нас вроде и ценностям*

ми истинной, дооктябрьской России не обделяют, и в то же время сталинский гимн неть обязывают... И тут еще на чекистские традиции мода пошла...

— Опасность в том, что все повторяется. Путин сегодня делает прозападные движения — его блокируют. Это из той же серии, как при попытках реформ 90-х.

НЕ СОБАКИ ПАВЛОВА

— *А в чем сходство?*

— Чтобы уничтожить нечто прогрессивное, не обязательно быть неким монстром-разрушителем. Достаточно просто НИЧЕГО НЕ ДЕЛАТЬ. За это не наказывают, напротив, известно, чем грозит у нас инициатива.

Вот и сегодня Путин провозгласил меры по деbüroкратизации страны... Что-нибудь сделано? Отнюдь. Малый бизнес? Сколько сказано красивых слов по поводу необходимости его развития, названо должных мер, чтобы действовать... Но на днях я встречался с представителями этого самого малого бизнеса: они без затей говорят, что в последнее время работать им стало хуже. Опять же мы возвращаемся к мысли о том, что — принимай, не принимай хорошие законы — при саботаже чиновничества ничего хорошего из этого не выйдет.

Чиновнику (в российском его понимании) демократия не нужна. Он не нужен будет в демократической системе. А значит, кто кого: или чиновник убьет демократию, или демократия избавится от такового.

Удивительно, но ностальгия по старому живуча невероятно. Был я тут как-то на одном заводе: все там плохо, директор и его заместители жалуются на жизнь. Однако, между прочим, оборудование при этом неплохое. Чего ж не работаете? Нет заказчика. А искали? Да вот был — да сплыл. А новые? Замялись... А один из новых инженеров шепчет мне: «Они все возвращения Госплана и Госснаба ждут. Назначения поставщиков». И — верно. Именно ждут возвращения старого, проторенного. Все еще верят: кончатся эти демократия и рынок когда-нибудь. Переждем!

— *«Переждать» хотят многие, независимо от возраста. До сих пор — «переждать»! Неужели и смена поколений нам, россиянам, не в помощь?*

— Не всегда, по крайней мере. Помнится, в дни августовского путча 1991 года я был поражен, насколько подготовлены события. Я не пошел на известное заседание Верховного Совета, где выступила печально знаменитая «четверка» — Язов, Пуго, Крючков и Павлов⁸. Она полоскала Горбачева и перестройку на чем свет стоит, однако Михаил Сергеевич и после этого не прислушался к предостережениям, которые были более чем грозны.

Я специально звонил на дачу Горбачеву, чтобы предостеречь его от того, что впоследствии вылилось в путч. Но... Он сказал что-то малопонятное, вроде того, что он разрешил это только Павлову...

Горбачев «дезауировал» выступление Павлова и ограничился этим. Между тем надо было «убирать» с постов всех потенциальных бунтовщиков.

Что я сегодня об этом? Да потому, что история повторяется. Надо и Путину смотреть остро, думать о том, кто его способен «коммунистически сковырнуть».

Сумгайт⁹ тоже был известен Горбачеву. Горбачев прозевал его.

Нам ли наступать на грабли?!

№ 87

ЧЕКИСТСКАЯ ПАРТИЯ ЕЩЕ НЕ РАСПУЩЕНА

Новая газета, 18—20 августа 2003 г. Беседу вел Б. Батарчук.

— *Вы, Александр Николаевич, пессимист?*

— В дальнбойном плане — нет, оптимист. Но вообще-то, когда мы в середине 80-х начинали, надежды были более радужные. Большие были надежды.

— *Значит, сегодняшнюю ситуацию вы оцениваете как...*

— ...откат. Если рассматривать в историческом плане, взлеты и откаты неизбежны. Другое дело — как их использовать. Взлет демократического развития мы использовать не сумели. А откату не сопротивляемся. Сдаемся.

— *Как далеко можем откатиться?*

— Тоталитарное прошлое не вернется, нет. Зависит это, конечно, прежде всего от нас, но вмешается и международный фактор. Нынче мир, Запад, интеллигенция цивилизованных стран уже не пойдут на оправдание экстремистских действий вроде строительства коммунизма на костях заключенных. Фейхтвангеры уже не придут.

— *Свои Горькие найдутся.*

— Вот это — особый разговор. О роли и лице нашей интеллигенции. Продолжим?

— *Обязательно. Только сначала — о путче. Мы ведь беседуем в канун очередной годовщины августовского путча 91-го года¹. Нам грозит что-то подобное? Хотя бы в «дальнбойной» перспективе?*

— Бог с Вами! Какой путч, кому он нужен? Вот вам случай. Один бывший начальник КГБ (или ФСБ — не суть важно) зашел как-то в российский парламент, еще при Ельцине было. Посмотрел, посмотрел в зал: «Почти все наши!» А вы — путч...

— *Александр Николаевич, в Вашей книге черной нитью проходит тема КГБ. Вы ввели термин: «диктатура двоевластия»². Взаимозависимость партии большевистской и партии чекистской как условие существования тоталитарной системы. А сейчас разве нет признаков той же ситуации? В парламенте — «почти все наши»! Даже президент «наш», чего раньше не бывало. Разве не так?*

— Не так просто. Что касается «чекистской партии» — она ведь никогда не была оформлена, как вы понимаете. Но самый крепкий союз — не тот, который заключен формально, а тот, который скреплен общностью интересов.

Так вот, сама по себе «чекистская партия» стала, пожалуй, слабее, но гораздо существеннее то, что произошло слияние интересов думской номенклатуры и чиновничества исполнительских структур с сыскными службами. Прежде между ними была стена, КГБ знал все обо всех, но в эту структуру вход был закрыт даже для членов Политбюро. Теперь стена осела. Политикам, чиновникам, всем смертным можно говорить все, что они думают. Нет прежнего страха — и нет прежнего антагонизма элит. А вот властные интересы стали общими.

— *Разве в этом не заключена опасность? Разве не опасна вседозволенность спецслужб?*

— Скорее — бесконтрольность... Но не меньшую опасность я вижу в другом. Вот читаю в «Литературке» беседу Патрушева с представителями интеллигенции³ — и вижу, что шеф ФСБ высказывается гораздо либеральнее своих собеседников.

Те требуют усилить власть, контроль, а он урезонирует: нет, мол, в демократическом государстве нельзя. Вы подумайте только! Мы при Сталине бежали голосовать, не зная, за кого, аплодировали расстрелам... Мы во всякую муру верили, мы были манкурты!.. И вот я снова слышу: «Пор-р-а навести пор-р-ядок!» И добро бы этого требовали КПРФ и ее филиалы — нет же, писатели, деятели театра.

— *Вижу, Александр Николаевич, Вы всерьез обижены на интеллигенцию?*

— Включая и себя! По моему убеждению, российские интеллигенты гораздо более эгоистичны, чем «простые люди», очень амбициозны, несговорчивы. Вы говорите: новый переворот, диктатура. А я говорю: неспособность демократов договориться между собой — вот изначальная опасность. Все дело в нас самих, в каждом — такое у меня сейчас умственное направление.

Мы добивались свободы, но оказалось, что она нам не нужна — мы не умеем ею пользоваться. И еще: у нас очень короткая историческая память...

Главные наши проблемы лежат не в политической и не в экономической области, а в психологической.

— *Все же вернемся, Александр Николаевич, к главе 17-й вашей книги, к путчу 91-го. Главное ощущение, которое у Вас от него осталось?*

— Неожиданность.

— *Как? Вы же с весны официально предупреждали (и в книге приводите тексты писем) о готовящемся перевороте! Вы ожидали...*

— Да. Но, во-первых, самым неожиданным оказывается то, чего ожидаешь. Во-вторых, я все-таки ожидал не того, что произошло. Не этой глупости. Думал: ну, проведут пленум «в интересах народа...», оформят решением Верховного Совета изменение направления управления политики. А они — танки! Идиотизм полнейший. Да и то сказать, сами-то путчисты — политические идиоты, один к одному. А вообще, должен сказать: многое в этом путче еще не ясно до конца. Многое.

— *Все тайное рано или поздно становится явным.*

— Нет, не все.

№ 88

ЕСТЬ ТОЛЬКО ПРАВДА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ

Российская газета, 2 декабря 2003 г. Беседу вел Д. Владимиров.

Сегодня исполняется 80 лет бессменному председателю Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, президенту Международного фонда «Демократия» Александру Николаевичу Яковлеву. За ним прочно закрепились титулы «архитектора перестройки» и «отца гласности», которые используются как людьми, ему симпатизирующими, так и противниками. С самого начала перестройки Александр Яковлев оказался основной мишенью политических атак со стороны коммунистических ортодоксов и лидеров национал-патриотических группировок. Государственный деятель, переqualифицировавшийся в бесстрашного историка, который не боится говорить самую тяжелую правду о прошлом нашей страны, Яковлев и по сей день продолжает активную общественную жизнь. Накануне своего юбилея академик Александр Яковлев был гостем «Российской газеты».

ДЕЯТЕЛИ ПЕРЕСТРОЙКИ ДО СИХ ПОР УДИВЛЯЮТ

— *Наша беседа проходит в момент бурных событий в Грузии¹. Эдуард Шеварднадзе, с которым вы вместе работали в годы перестройки, ушел в отставку. Не означает ли это, помимо всего прочего, что время политиков эпохи перестройки окончательно истекло?*

— В общем, да. Политическое время таких лидеров закончилось. Хотя во многих бывших республиках СССР у руля по-прежнему остаются люди, занимавшие в годы перестройки высшие партийные посты. Так, президент Туркмении Сапармурат Ниязов, а также его узбекский коллега Ислам Каримов были в свое время членами Политбюро. И сумели сохранить власть. Кстати, некоторые из бывших высокопоставленных деятелей эпохи всевластия КПСС до сих пор способны удивлять. Вы только посмотрите, какой «фортель» выкинул экс-президент Азербайджана Гейдар Алиев! Ведь он взял и фактически назначил своим преемником собственного сына². Вот что значит опыт работы в коммунистической партии! Хотя есть и другие примеры: еще один бывший член Политбюро, президент Казахстана Нурсултан Назарбаев мне кажется человеком, близким к современному европейскому мышлению. Но в целом времена политических деятелей, чей взлет пришелся на годы перестройки, действительно проходят. Да ведь и сама попытка реформировать советское общество, не забываяте, была предпринята целых 18 лет назад. Это очень большой срок.

— *А у идеологов перестройки существовал какой-то план реформирования страны? Что вы предполагали сделать с Советским Союзом?*

— Я Вам отвечу на этот вопрос следующим образом: перестройка началась как попытка выйти из тупика, в котором наше государство оказалось по объективным и субъективным причинам. Но вскоре процесс глобального переустройства советского общества стал очень сильно «спотыкаться».

— *Какие ошибки советских руководителей того времени имели, на Ваш взгляд, наиболее тяжелые последствия для страны?*

— Хуже всего, что в области экономики нам так и не удалось пойти дальше разговоров. Но это была далеко не единственная ошибка. В течение двух первых лет перестройки нами были допущены еще две просто колоссальные ошибки. Первая — это, конечно же, широкомасштабная кампания по борьбе с алкоголизмом³. Она проводилась совершенно неправильными методами, и в результате страна понесла грандиозные финансовые убытки, которые многие исследователи оценивают в 120 миллиардов тех еще, советских рублей. Но главное, что пьянство-то побороть как раз и не удалось. Просто из-за всех этих запретов народ стал пить все, что было жидким и мутным. Ну, а второй ошибкой было знаменитое постановление правительства СССР о борьбе с нетрудовыми доходами⁴. Хоть и прожило оно недолго, вреда успело нанести много. Например, все бабушки, торговавшие на улице картошкой, а также все водители, которые за мелкую мзду возили этих бабушек, в один момент оказались людьми вне закона. Какому дураку пришло в голову, что это нетрудовые доходы? Понимаете, перестройку-то мы начали, а вот мышление у многих руководителей как было советским, так и осталось. Бюрократия наша по-прежнему очень сильно настроена на то, чтобы проводить запретительную политику. И у общества нашего уже давным-давно выработалась своя психология — это психология тотального страха перед запретами. В общем-то, этому не следует удивляться: чувство страха летало над всеми советскими гражданами долгие годы. Вдумайтесь,

с 1940 года по 1953 год по статьям «Опоздание на работу» и «Невыработка трудодней» осуждены свыше шести миллионов человек! И ведь еще остаются на свете неосталинисты, которые мечтают о возвращении старых времен! Да и сейчас некоторые государственные деятели откровенно говорят, что они бы с удовольствием многое взяли из прошлого.

— *Наверное, при этом имеются в виду достижения в области космоса, науки, культуры.*

— Да ведь у советской власти нет никакой заслуги в том, что мы посылали корабли в космос или строили ледоколы. Скорее, наоборот. Все эти открытия были частью общемировых явлений. Не будь советской власти, мы бы все это сделали гораздо раньше. У меня есть ощущение, что в обществе устанавливается какой-то непонятный идеологический климат. Вот в городе Ишиме Тюменской области недавно открыли памятник Сталину⁵. Сняли его в 1953 году, хранили в райкоме партии, потом в музее, и вдруг местные коммунисты, их там всего-то сто человек, говорят: «Хотим Сталина на центральной площади поставить». И администрация района им уступила. Немыслимо...

— *Получается, что перестройка не слишком сильно изменила сознание людей. Разочарование в связи с этим не испытываете?*

— А вот насчет того, изменила перестройка людей или нет, существует очень много кривотолков. В 1991 году меня сильно смутили заявления некоторых молодых политиков, с которыми я, кстати, и сейчас поддерживаю замечательные отношения, о том, что после августовских событий произошла некая революция в обществе, переворот в сознании людей. Эти политики забывают, что скачок к свободе состоялся в СССР до 1991 года. За время перестройки из общественной идеологии были выброшены постулаты о насилии, классовой борьбе, о диктатуре пролетариата, о Гражданской войне как «локомотиве истории». Отменена пресловутая шестая статья Конституции, восстановлены религиозные свободы, церкви было передано 1400 храмов, 16 монастырей, закончена «холодная война», в конце концов... Не будь этих реформ, наверное, не было бы и «августовской революции» 1991 года.

ЖИТЬ МОЖНО И БЕЗ «ВЕРТУШКИ»

— *Для бывшего члена Политбюро ЦК КПСС⁶ многие Ваши высказывания и мысли выглядят очень нетипично. Каким образом у Вас происходила трансформация взглядов?*

— Меня часто называли «перевертышем». Я никак не пойму, а 18 миллионов членов партии ушли из нее — они тоже перевертыши? Я занимал высокие посты в партийной иерархии, пользовался спецпайками, спецсанаториями, у меня было все, вплоть до поварахи и уборщицы. Обеспечивал меня эти «прелестями жизни» КГБ. Было время, когда меня пугала собственная власть: я мог решать, освободить человека или посадить, — это был вопрос одного телефонного звонка. Зачем мне нужно было воевать с этой системой? «Перевертываться» ради чего? Ответ на самом деле прост: в течение очень длительного периода у меня сложилось твердое ощущение, что наше советское государство идет к катастрофе. На самом деле я еще в молодости начал понимать, что с этой системой что-то не так. Хорошо помню, как в 1947 году я слушал выступления партийных лидеров и разных лекторов о том, что уровень жизни у нас в стране быстро повышается. Но я-то видел, что кругом голод, детишки умирают. И как раз в это же самое время на бюро обкома в Ярославле обсуждался вопрос о том, что нужно безжалостно карать распро-

странителей клеветнических измышлений о якобы свирепствующем голоде. Да ведь у нас в то время из-за него сотни детей в детских домах умерли! Какие уж тут измышления? А в райкомах только об одном и говорили: «Вперед, к победе коммунизма!» «Спасибо товарищу Сталину!» и так далее. А до какого цинизма надо дойти, чтобы детские концлагеря строгого режима обклеить плакатами «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Со временем эти впечатления наслаивались одно на другое, и на каком-то этапе я задал самому себе вопрос: «А есть ли у меня вообще взгляды, убеждения?» Я вам так скажу: они были, если так можно выразиться, рутинно-обязательными. Настоящих убеждений у меня тогда не было. Оценки были — событий, людей. Но не взгляды. При этом, конечно же, я не снимаю с себя никакой ответственности за то, что служил этой системе. Я часто ссылаюсь на Бальзака, который однажды сказал, что тот, кто не меняет взглядов, просто болван.

— *Однако же Ваши слова о советском строе до сих пор вызывают злобу у очень многих людей. Правда ли, что у Вас в квартире дверь не раз поджигали, у дочери машину сожгли?*

— Перестраивать свое сознание всегда очень трудно, и некоторых раздражает, когда другим это удается, а им самим — нет. Мне три раза к двери неизвестные «христороубцы» венки кладбищенские клали. Один раз моя жена такой веночек увидела и слегла. После этого, когда нам в квартиру звонят, я всегда стараюсь первым подойти, чтобы, если там эти «доброхоты» опять что-нибудь придумают, мои родные это не увидели.

— *Вас совсем лишили привилегий? Охраны никакой нет? «Вертушку» тоже отключили?*

— Естественно.

Есть, увы, ТАКАЯ ПАРТИЯ

— *А Вы пытались самому себе ответить на вопрос: почему этот советский менталитет, тоска по сильной руке, по Сталину оказались столь живучи в сознании миллионов людей? Ведь Вы очень серьезно много лет занимались изучением советской истории.*

— Я недавно поймал себя на мысли, что мне лично стало мерзко писать о Сталине. Просто надоело. Такое ощущение, что прикасаешься к сгусткам крови. Но еще более мерзко думать о тех, кто ходит с его портретами. Я пытаюсь понять, что это за люди, что за психология у них. Сказать, что они сумасшедшие, слишком легко. Я видел результаты какого-то социологического исследования, которое показало, что 75 процентов опрошенных одобрили действия ГКЧП. То есть высказались в пользу абсолютно незаконных действий, направленных фактически против Конституции. Я не говорю уже о моральной стороне дела. Что же это за люди? Неужто наше общество все забыло? Неужели у нас у всех такая короткая память? Или это просто в людях говорит злоба на то, что многие лишились привилегий, постов, дармового полунцищенского пайка? Я считаю, что во всем виновата, я бы так выразилась, «традиционная левизна» нашего общества. Типичный взгляд люмпена: вот у вас есть машина, а у меня нет, значит, я должен поделить ее между вами и мной поровну. Правда, не всегда понятно, как это сделать, но это неважно. А то, что вы эту машину заработали, а я в это же самое время на печке отлеживался, меня не волнует. Эти моральные и психологические установки вскормлены не только советской властью. Все произошло гораздо раньше. Во всем виновато это наше вечное нищенство, которое преследует

Россию еще со времен княжеских междоусобиц. Оно выработало особый менталитет у народа. По-моему, мы так и не ответили на вопрос о том, кто мы такие. Ответ же, как и корни тех потрясений, которые пережила наша страна, можно найти только в истории. При этом многие продолжают искренне считать, что прошлое вообще лучше не будоражить. Мне как-то раз один очень высокопоставленный деятель современной эпохи, как раз когда я собирался издать очередной сборник закрытых ранее документов, так прямо и сказал: «Не надо бы вам будоражить народ». Неприкрытую ложь мы все привыкли спокойно воспринимать, а вот правда нас будоражит. Но нельзя воспитывать народ на лжи, это всегда очень плохо заканчивается.

— *Вы изучаете только XX век. Не хотите копнуть глубже?*

— Я занимаюсь изучением истории XX века, потому что для меня это самый интересный период. Тем более что ко многим событиям я и сам имел отношение. В официальной советской истории нет ни слова правды. Начинаешь изучать какое-нибудь событие, собираешь документы — и видишь, что на самом деле все было абсолютно иначе. Причем это касается даже мало-значительных эпизодов. Я уже не говорю о таких страницах нашей истории, как Октябрьский переворот 1917 года. Ведь даже Ленин, и тот постеснялся его революцией назвать. На самом деле это, конечно же, никакая не социалистическая революция была, а чистейшей воды контрреволюция. Настоящая революция, которая смела самодержавие, была в феврале 1917 года. После чего было сформировано Временное правительство, назначившее свободные выборы в Учредительное собрание. Была объявлена свобода печати, совести, убеждений, амнистия политзаключенным. А затем в течение одного-единственного месяца после 7 ноября 1917 года это все было упразднено. В течение следующего года в России были также ликвидированы все политические партии, кроме одной. Именно эта партия создала концлагеря, в том числе детские. Начались расстрелы без суда и следствия. Известны случаи, они запротоколированы, когда священников расстреливали только за то, что они в великий праздник святого Николая не работали. А вы посмотрите на лексикон Ленина: в его письмах постоянно фигурируют слова «повесить», «расстрелять», «неприменно повесить», «посадить даже за неуборку снега». Я не шучу, он действительно так писал. Это даже пересказывать тяжело. А как было развито доносительство в СССР! Представляете себе, человек, осужденный на десять лет за антисоветскую пропаганду, пишет донос на такого же осужденного по той же самой статье. Пишет, скажем, что гражданин такой-то, сосед по лагерю, рассказал анекдот про Сталина. Доносчики ничем не гнушались. И их было много. Сколько невинных граждан из-за них пострадало! Почему же в народе так жива ностальгия по тем годам, по тому строю? Я часто задаю себе этот вопрос. Говорят, все дело в неудачных реформах, в провале приватизации. Да, неудач действительно было много. И та же приватизация не принесла большинству людей ожидаемого благоденствия. Но ведь зато эти же самые люди узнали, что существует частная собственность, и что деньги тоже могут «работать», и на них даже можно что-то купить. Я вижу только один способ борьбы с ущербным сознанием: надо говорить правду о собственной истории. Что я и стараюсь делать.

— *А как Вы оцениваете сегодняшнюю доступность архивных документов?*

— Очень плохо стало, трудно. Не знаю, в какой мере к этой проблеме причастна нынешняя власть, но с бюрократическим аппаратом взаимодействовать становится все сложнее. У чиновников ведь особое чутье: как чуть «сверху»

холодок повеет, они же моментально и порой в очень гипертрофированном виде реагируют. Нет, напрямую мне не отказывают, когда я хочу получить из архива тот или иной документ, поскольку любой отказ противозаконен. Но начинается такая чудовищная тягомотина, что руки опускаются. А иногда еще разные начальники начинают названивать и давать мне указания. Вот недавно как раз такой случай был. Я участвовал в издании двух томов документов по кризису на Ближнем Востоке⁷. И вот, когда готовился к выходу второй том, мне позвонил один заместитель министра иностранных дел и сказал, что надо снять с публикации три документа МИДа СССР. Я говорю: «В чем дело? Мне трудно будет выполнить вашу просьбу, так как том уже почти готов к печати. Скажите честно, в чем дело?» Он отвечает: «Да уж больно эти документы глупые, просто жутко глупые». И мне даже обидно стало, что в МИДе могут работать люди такого уровня, писать такие бумажки, за которые им самим же потом стыдно. Да, копаться в архивах стало трудно. Но я часто сталкиваюсь с ситуациями, когда сами архивисты не знают толком, что у них и где хранится. Пакт Молотова — Риббентропа, к примеру, я искал несколько лет. Перерыл массу закрытых архивов. Нет нигде этого документа! В итоге ученые на него случайно наткнулись, хранился он в совершенно открытом архиве, без всяких пометок «сверхсекретно». Нарочно что ли его туда кто засунул, никто не знает. То ли по разгильдяйству не уничтожили, то ли забыли.

— *Очень много важнейших решений в советские времена просто не документировалось. Были ведь исторические распоряжения, которые делались устно. По Афганистану, например.*

— Что касается истории нашей войны в Афганистане, то почти все документы на эту тему хранятся в архивах бывшего КГБ. Уверяю Вас, что в них содержатся все сведения о том, как и кто принимал решение о вторжении, сохранены все подписи. Нет, в советские времена в высших слоях власти царила круговая порука, поэтому обычно важнейшие решения документировались, под ними ставились подписи всех участников, и эти материалы затем надежно хранились. И очень часто бывало, что документировались вещи, которым по идее не место в архивах. Есть, например, записи домашних разговоров маршала Георгия Жукова, где он ругает весь Генштаб, главу КГБ Семичастного называет дураком. А у Жукова в квартире была встроена соответствующая техника для подслушивания и записи разговоров. И до Семичастного это все дошло. Так ведь потом по поводу этих разговоров Жукова Политбюро приняло специальное решение, что, дескать, надо как-то вразумить маршала. Тогда у власти был еще Хрущев. Он дал указание Брежневу вызвать Жукова, разъяснить ему его «ошибки», а если тот не поймет — арестовать. Чем история эта закончилась и состоялся ли такой разговор между Жуковым и Брежневым, архивы умалчивают. Этих документов нет. Судя по всему, Леонид Ильич с маршалом поговорил, а потом в устной форме доложил об этом Никите Сергеевичу.

— *Вы как-то сказали, что всю правду о войне сказать невозможно, пока живы поколения фронтовиков. Неужели фронтовики против правды?*

— Я другое имел в виду. Иногда правда производит жуткое впечатление, а люди, прошедшие войну, и так пережили многое. До сих пор вскрываются новые чудовищные факты о причинах наших поражений, о преступлениях советских вождей против собственных граждан. За первые три с половиной месяца Великой Отечественной войны мы потеряли убитыми примерно два миллиона 200 тысяч человек и еще два миллиона 300 тысяч солдат и офицеров

Красной Армии попали в плен. Историки должны во всех подробностях изучить, почему это произошло. Кто-то должен понести за эту трагедию историческую ответственность. Я недавно читал телеграмму, которую командующий нашей армией, оборонявшей Киев, написал Сталину. Когда ее читаешь, становится страшно. Он пишет, что надо во что бы то ни стало сохранить армию, а значит, придется сдать немцам Киев, другого выхода нет. Зато, пишет он, сохраним 700 тысяч боеспособных солдат и офицеров. Сталин отвечает: «Стоять, ни шагу назад». Буденный примчался в Киев с инспекцией, и даже у него хватило ума, чтобы понять, что оборонять Киев уже бесполезно, надо спасать армию. А Сталин снова в ответ: «Только вперед, ни шагу назад». В результате Киев все равно сдали. Армию нашу немцы окружили и уничтожили. А командующий этой армией Кирпонос застрелился. Правда о той войне когда-нибудь обязательно будет известна всем, она войдет в учебники. А что касается ветеранов... Вы знаете, я заметил, что они не любят о войне вспоминать. Все мои знакомые, прошедшие тот ад, когда собираются вместе, стараются перевести разговор на другую тему — слишком больно ворошить это прошлое. То же самое могу сказать и о себе. Не люблю войну вспоминать. Каждый раз, когда начинаю рассказывать о ней, появляется ощущение, что снова вижу кровь, грязь, в которой валяется кто-то убитый. А эти пьянки перед боем... Видимо, Ворошилов со Сталиным не верили, что трезвые могут хорошо воевать, обязательно надо было дать перед боем всем выпить. Кстати, насчет фронтовых ста граммов — тоже обман. Никогда сто граммов не пили. Минимум 200. Почему? Да потому что старшины ушлые были. Они вчерашние потери не указывали и получали спирт на всех, в том числе и на тех, кто уже погиб. Как только спирт получают, тут же начальству сообщают, что есть убитый. Мы до сих пор толком не знаем, сколько людей потеряли на войне. Недавно я в какой-то газете прочитал, что только в том районе, где был Волховский фронт, находится как минимум 300 тысяч неизвлеченных тел красноармейцев.

— *А может быть, нет уж слишком большого смысла в том, чтобы так активно кричать об ошибках, которые были допущены в нашей стране? В конце концов, история движется своим чередом, общество постепенно меняется, страна тоже. Зачем ворошить самые болезненные эпизоды прошлого?*

— Знаете, я в 1996 году на собственные пенсионные деньги издал брошюру о необходимости суда над большевизмом⁸. Почему нужен такой суд? Да потому, что Ленин все еще лежит в Мавзолее почитаемый, вся страна усееяна памятниками ему. А ведь он — преступник. Идеология насилия, идеология люмпенов не умерла. Трудно с таким грузом быстро двигаться дальше. Я не говорю, что всяк и каждый должен покаяться, падать на колени. Нет. Надо просто осознать, понять, от чего мы ушли. Вот 7 ноября мы все по-прежнему отмечаем праздник, переименовали его в День согласия и примирения⁹. Я предлагал переименовать его в День скорби и покаяния. В этот день семьи не должны ходить на демонстрации, пусть уж лучше сидят дома. Этот день нужен для того, чтобы граждане вспомнили о тех своих родственниках, которые погибли из-за войн и репрессий. И просто выпили за них рюмочку. А больше ничего и не надо. Вот Вы говорите, что все идет своим чередом, общество меняется. А ведь не так это. И недаром разные высокие чиновники вдруг заговорили о том, что вот не мешало бы памятник Дзержинскому восстановить¹⁰. Вы только вдумайтесь, кому хотят восстановить памятник в центре Москвы! Это же организатор детских лагерей в ГУЛАГе. Правильно Твардовский писал: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладах».

НЕ ВСЕ ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

— *Вы говорите о том, что нужно знать всю правду о сталинских репрессиях, о преступных приказах Ленина. Возможно ли? Что уж говорить о делах почти столетней давности, когда даже Горбачев признает, что всю правду о путче 1991 года мы никогда не узнаем.*

— Это сложный вопрос. Мы ведь действительно ничего не знаем о том, как создавался ГКЧП, что собирался делать. Нам известно только то, что лежит на поверхности, то есть внешняя канва событий. Мы не знаем, что за разговоры были у руководителя КГБ Крючкова с Ельциным во время путча. Не знаем, кто на самом деле сочинял планы для ГКЧП. В числе тех, кто разрабатывал эти планы, был и небезызвестный генерал Павел Грачев. Он доложил о подготовке мятежа Борису Ельцину и в благодарность был назначен министром обороны России. Мы не знаем, откуда у американцев была достоверная информация о том, что против Горбачева готовится мятеж. Они же сообщили об этом Горбачеву, причем очень точно обо всем сообщили. И произошло это задолго до августовских событий. Как до них эта информация дошла? Ведь мятеж готовился в тайне.

— *Какая-то у нас с вами очень мрачная картина получается: в прошлом одни трагедии, нынешняя реальность тоже не слишком радует. Чего ждать от будущего?*

— Не надо преувеличивать степень катастрофичности нашего положения. Нет такого народа и страны, в истории у которых не было бы «черных пятен». Не надо думать, что вся наша история исчерпывается последними 80 годами. У нас богатейшие традиции, которые позволяют нам выжить. Я ездил только что в Башкирию и поразился тому, как в Уфе одевается молодежь. Я этим ребятам позавидовал. Мне первый костюм купили в 1941 году, когда в армию отправляли. Неправильно считать, что вот раньше все жили хорошо, а теперь плохо. Большой пласт людей сумел найти применение своим силам, знаниям, энергии, которые раньше подавлялись советско-бюрократической системой. Эх, если бы нам эти чиновники старой закваски не мешали... Главная задача государственного управления — это не мешать людям работать. А наши бюрократы не умеют никому не мешать. Наоборот, они хотят, чтобы от них, как и прежде, зависело все и вся, чтобы их все боялись. Чиновники — вот кто мечтает вернуть нас к сталинской системе. Если мы сумеем радикально реформировать отечественную бюрократическую махину и заставить ее служить людям, а не себе самой, то это будет означать, что возврат к худшим временам нашей истории невозможен.

№ 89

**«Я ГОВОРИЛ ПРО ОБНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА,
А САМ ЗНАЛ, К ЧЕМУ ДЕЛО ИДЕТ»**

Независимая газета, 2 декабря 2003 г. Беседу вел А. Костюков.

Сегодня — 80 лет Александру Николаевичу Яковлеву, человеку, которого называют «идеологом перестройки». У юбиляра много других высоких званий и достойных амплуа — академик РАН, президент Международного фонда «Демократия», дипломат, историк, публицист... Но «идеолог перестройки» — безусловно, главная миссия его жизни. Накануне юбилея ветеран отечественной политики дал интервью обозревателю «НГ».

— *Наша встреча проходит в офисе руководимого Вами фонда «Демократия»¹, который по прихоти судьбы квартирует на территории Биологического музея имени Тимирязева. Какие-то обидные, не праздничные ассоциации возникают, Александр Николаевич. Вроде того, что демократию, вместе с ее основоположником, сдали в музей.*

— Не совсем так. Это здание я сам выпросил у властей. И музейным оно никогда не было. Конюшня здесь была, склад был, а музея не было. До того, как мы сюда въехали, тут с 1938 года обитало более интересное учреждение — районное управление КГБ. Так что у меня в этих стенах рождаются другие ассоциации.

— *Тогда позвольте, следуя традициям этого дома, сразу спросить, как Вы стали антисоветчиком. Крестьянский сын, офицер-фронтовик, успешный партийный работник — отличная анкета для строителя коммунизма. Диссиденты, как правило, получались из другого теста. С чего вдруг примерный гражданин засомневался в советской власти?*

— Вы пропустили существенный для меня фрагмент биографии — три с половиной года работы в газете². Это было в Ярославле. Мне кажется, это мои лучшие годы. Во-первых, благодаря газете я научился русскому языку. Во-вторых, на газетной работе приобретаешь большой опыт наблюдений, узнаешь жизнь с самых разных сторон. Очень скоро я понял, насколько фальшива наша пропаганда, как она оторвана от реальных народных нужд. Потом были годы «оттепели», возникло много либеральных веяний, появились запретные книжки, начались дискуссии о том, правильным ли путем мы идем. Так что почва для инакомыслия была. Конечно, я не могу сказать, какого числа, какого месяца я понял, что советский строй никуда не годится. Такие перемены в мировоззрении не происходят вдруг, одномоментно. Вот сейчас я занимаюсь публикацией архивных материалов советского периода. 36 томов уже вышло. И представьте себе, до сих пор узнаю много нового, а что-то из давно известного приходится переосмысливать заново.

— *Вы не любите рассказывать о том, как повлияли на Ваши политические воззрения годы, прожитые за рубежом. Почему? Чтобы не дразнить коммунистов-ортодоксов, которые обзывают вас агентом ЦРУ?*

— Ну, на обвинения людей этого сорта я давно не реагирую. Хотя мне, конечно, не хочется, чтобы кто-то думал, будто план перестройки завезен из-за рубежа. Это неправда, со мной все было намного сложнее. Со стажировки в Колумбийском университете³ я, например, вернулся догматиком. Не то чтобы сталинистом, но довольно правоверным партийцем. Мне даже самому страшно стало: что это со мной?

В то время я уже знал, что наша антизападная пропаганда насквозь лжива. Но, приехав в Америку, я увидел, что здесь вдруг не меньше нашего. Это меня ошеломило. Я не мог понять, зачем они рассказывают, будто в Парк имени Горького через центральные ворота ходит только номенклатура, а простых советских граждан пускают через калитку со стороны Нескучного сада.

Однажды мне показали листовку, распространявшуюся в американской армии, в ней было написано: «Солдат, помни, что под твоей кроватью всегда лежит агент-коммунист!» Что за бред? Ну ладно, мы врем, потому что живем плохо, а выглядеть хотим хорошо. Но им-то это зачем? Жратвы полно, свободы навалом, книжки читай, какие хочешь... А правды, выходит, нет и тут, хваленый американский образ жизни тоже основывается на лжи? Короче говоря, Америка не показалась мне образцом, достойным подражания.

— Но потом, уже в более зрелые годы, Вы 10 лет работали послом в Канаде⁴. Наверное, это был очень важный опыт, причем не только для Вас лично? Когда вы стали членом Политбюро ЦК КПСС⁵, в нашей партийной верхушке, впервые с 1917 года, появился человек, который знает жизнь современного Запада. До этого советские руководители бывали там только с краткими официальными визитами. Что они могли узнать о мире капитала, рассматривая его через окно лимузина, по пути из аэропорта в Елисейский дворец или на Даунинг-стрит? А Вы об этом мире знали, что называется, из первоисточника.

— Разумеется, это повлияло на образ мыслей. Я же там не с завязанными глазами жил. В Канаде, например, я по-настоящему узнал, что такое фермерская система. Мне стало ясно, что фермер работает больше и лучше, чем наш колхозник. И живет тоже лучше. Я с удовольствием изучал, как работает канадская судебная система, и, естественно, сравнивал с нашей. Более всего меня поразила там степень защищенности человека. Я вырос в государстве, где гражданин был априори виновен во всем и перед всеми — перед милиционером, перед домоуправом, перед партийным бюро. Ты еще ничего не сделал, а на тебя уже смотрят как на нарушителя и сукина сына. А там все наоборот — даже если ты попался на чем-то нехорошем, с тобой будут обращаться как с невиновным, пока суд не докажет обратное. Понятное дело, я думал: хорошо бы перенести эту традицию уважения к человеку на нашу родную почву. Но я бы не сказал, что тогда у меня уже были мысли о заимствовании западной политической модели. Это пришло позже, когда я снова и довольно глубоко окунулся в нашу советскую действительность.

— Вас называют то идеологом, то архитектором перестройки. Но у нас, живших в то время, было большое сомнение в том, что у перестройщиков есть идеология, есть стройный план реформ. Казалось, что спущенная с тормозов машина несется не слушаясь руля, не разбирая дороги. Насколько это впечатление было справедливо?

— Интересно, как Вы себе представляете «план перестройки»? Это что, перечень мероприятий, утвержденный на Политбюро, согласованный с министерствами и ведомствами, включая КГБ? Такого плана действительно не было и быть не могло. Того, кто его предложил бы, тут же поставили бы к стенке. Вообще говоря, ни одна революция, ни одна серьезная политическая реформа нигде и никогда не проходила по строго заданному плану. Всегда реформаторам приходится импровизировать по ходу дела.

Но что касается идеологии перестройки, то это неправда, будто ее не было. Есть документальное свидетельство — моя записка Горбачеву, написанная в декабре 1985 года⁶, то есть в самом начале перестройки. В ней все расписано: альтернативные выборы, гласность, независимое судопроизводство, права человека, плюрализм форм собственности, интеграция со странами Запада...

Михаил Сергеевич прочитал и сказал: рано. Мне кажется, он не думал, что с советским строем пора кончать, и удовлетворился бы ликвидацией наиболее очевидных несуразностей. Не знаю. Но факт, что в конце концов нам пришлось выполнить практически все, что было в той записке. Разумеется, не обошлось без глупостей, без виляний в сторону, нередко общество получало «сверху» совершенно ложные сигналы. Это было неизбежно, потому что нам приходилось преодолевать жестокое сопротивление консервативной части партаппарата, а это не всегда удавалось с первой попытки.

Скажем, консерваторы «продавили» скандальный закон о борьбе с нетрудовыми доходами⁷. Началась облава на бабушек, торгующих редиской, на шоферов, везущих на рынок «левый» груз. Этот идиотский закон шел вразрез с концепцией перестройки, противоречил ее духу, но у него, к сожалению, нашлись мощные защитники. Нельзя оценивать наши тогдашние действия, не зная, какой борьбой сопровождался каждый новый шаг.

Для пользы дела приходилось и отступать, и лукавить. Я сам грешен — лукавил не раз. Говорил про «обновление социализма», а сам знал, к чему дело идет. А как было иначе? Стоило мне в Перми высказаться в пользу рыночной экономики⁸ — сразу же получил взбучку на Политбюро. Помню, Николай Иванович Рыжков возмущался: как это можно говорить такие вещи без разрешения ЦК!

— *Как Вам теперь кажется, была ли у СССР возможность реформироваться по «китайскому варианту» — путем постепенного, управляемого демонтажа социалистической системы?*

— А мы по этому варианту и шли — до августа 1991 года⁹. Но, видимо, что-то у нас не как у китайцев, если нас понесло по более радикальному курсу.

— *К радикальным реформаторам, пришедшим за Вами, Вы тем не менее относитесь по-отечески доброжелательно?*

— На этот вопрос трудно ответить односложно. Мне ясно, что благодаря «шоковой терапии» Гайдара наши люди узнали, что такое деньги. Благодаря Чубайсу и его приватизации у нас узнали, что такое собственность¹⁰. Это великое дело, но я убежден, что и то и другое необязательно было делать в такой спешке, с такими социальными издержками.

Я всегда был противником безденежной приватизации. По мне, частная собственность должна быть нажитой, а не полученной в результате дележа госимущества. Вот когда человек начинает с мастерской или с ларька, потом, накопив денег, заводит фабрику, потом прикупает соседнюю компанию, — это нормальный путь формирования собственника. Одновременно с накоплением капитала нарастает социальная база новой экономики.

Конечно, такой процесс идет медленно, нудно, зато в нем — гарантия надежного, стабильного развития. А мы не успели поделить и раздать, как уже звучат требования национализировать все обратно. Олигархов вчера хлели и лелеяли, сегодня тащим в тюрьму. Такими кругами можно ходить до бесконечности и никуда не дойти.

Лет семь назад я подавал записку Ельцину, предлагал ему меры, которые, на мой взгляд, могли усилить общественную поддержку рыночных реформ¹¹. Мне казалось, что есть смысл пожертвовать какими-то макроэкономическими планами, чтобы поднять уровень зарплат, пенсий, социальных пособий, оживить внутренний спрос... Видимо, Борис Николаевич тоже решил: рано.

— *Это самое большое Ваше разочарование в постперестроечное время?*

— Нет, пожалуй, есть вещи, с которыми мне смириться гораздо труднее. Я, например, не собирался доживать свой век под звуки сталинского гимна¹², для меня это серьезная моральная травма. А самое большое разочарование — это, наверное, наш парламентаризм. Я ведь очень верил в парламентскую власть. Просто как мальчишка верил. Думал: вот будут настоящие, альтернативные выборы — в законодательную власть придут умные, честные, ответственные люди. Парламент станет храмом морали, и, глядя на него, все

общество будет учиться жить по правде. А когда я смотрю на нынешние выборы, на сегодняшнюю Думу, меня ужас берет. Вместо парламента — примитивная лоббистская организация. Одни пошли в депутаты, чтобы денег подзаработать, других хозяева послали интересы фирмы отстаивать, третьи от суда прячутся... Если бы я мог это предвидеть, не знаю, стал ли бы я проповедовать демократию. Может, я долго-долго бы думал, стоит ли все это затевать, не поискать ли какой-нибудь другой вариант.

— *Вы, чувствуется, не верите, что сегодняшняя политическая элита способна вернуть себе доверие народа?*

— Честно скажу: не верю. Потому что незаметно, чтобы эти люди начали беспокоиться о нравственности своего поведения. Всякое новое дело не обходится без ошибок, и общество в принципе относится к этому с пониманием. Но люди не могут простить вороватую, коррумпированную, наглую власть. А сегодняшняя власть в массовом восприятии, к сожалению, такова. Может, эти представления и не совсем справедливы, однако не бывает дыма без огня.

О политиках моего поколения тоже говорили много неприятного. Могли назвать предателем, агентом ЦРУ, русофобом, но это были политические ярлыки. Другое дело, когда про тебя люди говорят: вор, взяточник. Одно время энтузиасты искали «деньги КПСС», но никто же не искал «деньги Рыжкова» или «деньги Яковлева». Образ власти изменился, увы, не в лучшую сторону. И не видно, чтобы правящий класс это сильно тревожило.

— *Вы не согласны с тем, что перестройка шла «по воле волн». А что Вы думаете о стратегии сегодняшней власти? Вам понятен «план Путина»?*

— Я внимательно, с карандашом в руке, читал все ежегодные Послания президенту Федеральному собранию. И каждый раз готов был аплодировать их автору: замечательная либеральная программа... Все правильно написано: произвол чиновников надо ограничивать, налоги на малый и средний бизнес снижать, армию реформировать... Согласен с каждым пунктом. Но это пока только слова. А что по любому из этих пунктов сделано? Взятки стали меньше брать, бизнесменам стало легче дышать, милиция стала законопослушной? Фактически ничего не сделано.

Зато, говорят, теперь у нас стабильность. Боюсь, что эта «стабильность» — синоним «реставрации». Как «укрепление государства» — синоним «укрепления бюрократии». Ведь очевидно, что чиновничество, всевластие которого было подорвано уже с началом перестройки, сегодня берет реванш, снова становится безраздельным хозяином положения. Мне кажется, ставка на бюрократию — большая ошибка президента Путина. Опираясь на такую «партию», нечего и думать о реформах. Бюрократии не нужны реформы, как не нужны ей демократия, гражданские свободы, независимое судопроизводство.

Который год мы уже наблюдаем, как президент пытается заставить чиновников начать административную реформу. Ну и что? За это время наши столоначальники все никак не могут пересчитать свои избыточные функции, зато успели несколько раз повысить себе жалованье. Не знаю, может быть, Путин думает, что бюрократия — это надежная «партия», верное воинство, так он заблуждается. Чиновник всегда был первый предатель, ему переметнуться в другой лагерь — что улицу перейти. Я не склонен к катастрофическому мышлению, но опыт и интуиция мне подсказывают: если кто и погубит все, что было сделано доброго за последние 15 лет, а в конечном счете и страну, так это наш чиновник.

— Раз уж мы ступили на зыбкую почву прогнозов, не могли бы Вы сказать, какого лидера нам ждать после Владимира Путина? Что подсказывает Ваша интуиция?

— Это уже больше походит на гадание, чем на прогноз. У нас ведь лидеры появляются неожиданно, как бы по воле случая. Разве кто-то ждал Горбачева? А Ельцина? А Путина? Так что лучше говорить не о лицах, а о том, какой тип лидера в наибольшей степени отвечал бы актуальным потребностям общества. По моим представлениям, на следующий срок было бы хорошо заполучить в президенты человека немолодого, лет 60—70, образованного, с неяркой политической биографией, не имевшего дел с большими деньгами. Я не думаю, что сейчас стране нужен «молодой и энергичный», разбирающийся и в финансах, и в самолетостроении, и в сельском хозяйстве. Требуется не президент-менеджер, а умный, порядочный, ответственный человек, который станет для нации и для правящей элиты моральным авторитетом.

По-моему, стране сейчас нужна какая-то нравственная передышка. Слишком уж мы взбудоражены, обозлены, распущенны. Мое мнение, разумеется, может быть ошибочным. Я всегда помню Галича: «Не бойся тюрьмы, не бойся сумы, не бойся ни глада, ни хлада, а бойся единственно того, кто скажет: я знаю, как надо». Но могу же я помечтать? Хотя бы по случаю юбилея.

№ 90

МИЛЛИОНЫ «СТАЛИНЫХ» — СТРАШНАЯ СИЛА

Аргументы и факты, № 4, январь 2004 г. Беседу вел В. Костиков.

У АЛЕКСАНДРА ЯКОВЛЕВА противоречивая репутация. Демократы называют его «отцом перестройки», коммунисты — «агентом влияния США». Одни его современники говорят, что он координировал советскую пропаганду во время вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 г. Другие с благодарностью вспоминают, как Яковлев, заведывая информацией в ЦК КПСС, способствовал развитию гласности. Его мнением дорожил М. Горбачев. Он был его главным идеологом и советчиком. Александра Яковлева ценил Б. Ельцин и пригласил в свой Президентский совет. А при В. Путине он продолжает возглавлять Комиссию по реабилитации жертв политических репрессий и Международный фонд «Демократия». Сегодня к его мнению прислушиваются и либералы, и консерваторы. Причина? Он не заискивает перед властью и не врет.

БЕДНОСТЬ — НАША ТРАДИЦИЯ

— Александр Николаевич, Вы ошибались в оценках происходящих в стране процессов?

— Да, в период Горбачева и раннего Ельцина были розовые сны. Казалось как: если мы перестанем тратить деньги на «мировую революцию», на поддержку зарубежных компартий и «прогрессивных режимов» в Африке, если сократим бремя военных расходов и прекратим транжирить бюджет России на подкормку союзных республик, то народ станет свободным, богатым и счастливым. Не получилось...

— *Может быть, надо было идти по китайскому пути?*

— Это иллюзия, что китаец хорошо живет. У них есть несколько «островков счастья». Там капитализм строится при жесткой диктатуре компартии Китая. Основная же масса населения довольствуется плошкой риса, а в деревне во многих семьях — один пиджак на несколько членов семьи. Но есть область, где они поступили умнее нас. Они начали реформы с экономики, а не с политики. В сельском хозяйстве им удался рынок, поскольку землю отдали крестьянам.

— *Почему же мы сразу схватились за политику?*

— Народу так обрыдла «советская власть», руководящая роль КПСС и бесстыдная ложь коммунистов, что он стихийно бросился в политику. Власть разрушили полностью. Получили свободу, а достатка так и не дождался.

— *Почему сегодня уже не бунтуют против власти? Народ любит президента, ходит на выборы...*

— Народ перешел на подножный корм и власти не верит. А поскольку без веры жить нельзя, верит в президента. Терпит потому, что устал от революций, от анархии. Есть и историческое объяснение. Ведь народу никогда не жилось хорошо. Бедность — наша традиция. Когда при Сталине молоко дешево на несколько копеек, народ ликовавал. Так и сейчас: подбросили 30 копеек к пенсии и думают, что осчастливили народ.

— *На Ваших глазах сменилось несколько поколений лидеров. И все они что-то обещали народу...*

— Мы в России привыкли все связывать с лидером. Вначале восторгаемся ими, а потом валим на них вину за все безобразия. Так было с Горбачевым, с Ельциным. Сейчас у нас в лидерах В. Путин. И снова иллюзия, что он может все. Плохо, если эту иллюзию разделяет и сам президент. Вот по результатам последних парламентских выборов¹ ему, возможно, кажется, что он выиграл партию. А выиграл-то не он, а чиновники. Ведь вышедшая из выборов однопартийная система в парламенте делает его заложником бюрократов.

— *У нас президентская республика, но в последнее время все чаще высказывается опасение, что к власти идут силовики. Кому же реально принадлежит власть?*

— Силовики, особенно «питерские», сильно мифологизированы. На самом деле это очень разнородная масса. Там есть свои демократы и консерваторы. Есть умные и глупые, как в любой профессии. Меня сегодня больше волнует не концентрация власти в руках силовиков или у Путина, а то, что происходит в регионах. Вот где настоящая диктатура!

ПРАВЯТ НЕ ЗАКОНЫ, А ЛЮДИ

— *Какие еще просматриваются опасности?*

— Есть признаки демонтажа некоторых важных элементов гражданского общества. Фактически поставлено под контроль телевидение. Хорош ли, плох ли был Совет Федерации, но в нем были представлены выборные региональные лидеры. Очень опасен возврат к однопартийной системе. Без оппозиции строить демократическое общество просто невозможно. Каждое второе решение, принятое без оппонирования, будет ошибкой. Неизбежно начнет формироваться новое поколение политиков-подхалимов. И движение в этом направлении уже чувствуется. Пока это не культ, но смотреть неприятно. «Защеловывание», даже если оно оправдывается народной любовью,

должно оскорблять и настораживать демократического президента. Не нужно забывать, чем кончалась «всенародная любовь» к Горбачеву и Ельцину.

Значение имеют и, казалось бы, чисто символические шаги — возврат к сталинскому гимну², под звуки которого функционировала тоталитарная мясорубка, строился ГУЛАГ. В уме ведь многие поют — «нас вырастил Сталин»... В России как нигде значимы символы, знамения. В стране, где 500 лет сажали то на кол, то в Алексеевский равелин, то в «Лефортово», опасны даже «правильные посадки». Посадили одного-двух, а ждущие Большого хозяина уже слышат призывный «звук трубы».

— *А Конституция? Разве она не ограждает от рецидива авторитаризма? В. Путин в последнее время неоднократно заявляя, что не допустит ее ревизии.*

— У нас действительно хорошая Конституция³. Но о ней вспоминают только в торжественные дни. Потому что это Конституция не прямого действия. У нас правят не законы, а люди. Конституция со всех сторон обложена законами, инструкциями. И наши законы составлены так, что без чиновника не действуют. В результате производят только одну продукцию — коррупцию. Кого сегодня боится человек? КГБ? ФСБ? Да нет же! Мы трепещем от встречи с чиновником. Он человека будет гонять по кругу до тех пор, пока не получит взятки. Ведь государство и при рыночной экономике оставило себе такие же функции, что при централизованной. Госплан и Госснаб кончились, а система запретов осталась у государства.

— *Верите в успех только что созданной антикоррупционной комиссии?*⁴

— Боюсь, начнется очередная кампанейщина. Найдут и посадят десяток «оборотней-бюрократов», а миллионы останутся. Бюрократия — вот главный тормоз развития сегодняшней России. Коллективный бюрократ сильнее президента. Вот в запале полемики кто-то назвал В. Путина наследником Сталина. Это чушь! Посмотрите его программные заявления, послания. Все сплошь либеральные. Но ничего же не делается! Авторитаризм идет не от президента, а от чиновника. Потому что ему свобода только мешает. Особенно свобода слова. Настоящие наследники Сталина работают не на Лубянке. Миллионы «карликовых сталиных» работают в госаппарате. Ни Горбачев, ни Ельцин не понимали страшной власти бюрократии. Она проглотила не одну прогрессивную реформу.

— *Получается, что от реформы выиграл только чиновник...*

— В Германии мне рассказали интересную вещь: если немецкий чиновник не уложился в определенное время для выдачи нужной справки или разрешения, то его штрафуют. Вы можете вспомнить случай, чтобы у нас за подобное наказали хоть какого-то чиновника?

Наши ведомства обросли коммерческими структурами. Хочешь получить разрешение — гони баксы. Не хочешь платить — замучают в очередях. Во Франции, например, нет техосмотра. Какой же дурак поедет с неисправными тормозами? А у нас будут гонять автолюбителя по кругу до тех пор, пока не выжмут взятку.

ПОПСА — СОВЕСТЬ НАРОДА?

— *Судя по итогам последних выборов в Государственную думу, бизнес, поддерживавший правых, вчистую проиграл бююкратам. В чем его ошибка?*

— Бизнес повторил ту же ошибку, что и перед Октябрьским переворотом. В 1917 году русские капиталисты вдруг возлюбили большевиков, активно финансировали революцию. Думали, что если купить новую власть, то мож-

но будет ею вертеть. В результате одни оказались в эмиграции, другие — на Соловках.

Наши богатые тоже решили, что держат власть за бороду. Совершенно откровенно говорили об этом, называли министров и депутатов и кому сколько давали. Не учили, что при отсутствии социальной опоры даже самый крупный бизнес беззащитен. А те, кому давали «конверты», первые и предадут. Опору нужно было создавать не во власти, а в среднем классе. Наши же олигархи как могли зажимали средний и мелкий бизнес. Все хотелось поиметь самим. Плюс «головокружение от успехов», высокомерие, полное отсутствие у правых политиков понимания народа. Это же настоящие сектанты! Они и сегодня, похоже, ничего не поняли.

— *Почему же не слышно голоса интеллигенции? Где «совесть народа»?*

— Если говорить о творческой интеллигенции, которая вертится вокруг телевидения, то она «подкормилась», наслаждается богатством, подпекает власти. По сути дела куплена. Когда-нибудь у русской интеллигенции были «мерседесы», квартиры и дачи за рубежом, счета в банке? Сроду не было. А посмотрите, как они публично обжираются, бахвалятся богатством! И это в то время, когда традиционная русская элита — ученые, врачи, инженеры, военная интеллигенция — придавлена бедностью. Кто у нас звучит по всей стране? Кто герой нашего времени? Разве ученые, врачи, инженеры? Ну если только кому-то дадут Нобелевскую премию, тогда пригласят и в Кремль. Власть выбирает по своей мерке. Выбирает попу, значит, сама из той же породы.

— *Александр Николаевич, Вы были советником и при генсеках, и при двух президентах. Нашелся бы у Вас совет для В. Путина в преддверии президентских выборов⁵?*

— Скорее пожелание... Спросить у бюрократии, что она хочет, и поступать наоборот... И еще: не верить аплодисментам и крикам ликования со стороны чиновников. Обязательно предадут...

№ 91

«О ЛЮБВИ К РОДИНЕ НЕ НАДО КРИЧАТЬ»

Новые известия, 8 апреля 2004 г. Беседу вел В. Максимов.

Александр Яковлев по праву считается одним из главных архитекторов перестройки. В конце 80-х годов минувшего века в Политбюро ЦК КПСС он отвечал за работу со СМИ. И именно ему тогдашнее советское общество было обязано отменой цензуры. С 1992 года Александр Николаевич возглавляет общественную Комиссию при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. Об утраченных завоеваниях эпохи «перестройки и гласности» Александр Яковлев рассказал «Новым известиям».

— *Недавно Вы заявили, что Комиссию по реабилитации могут ликвидировать...*

— Да, сейчас решается этот вопрос. Хотя я не исключаю, что здравый смысл все же возобладает. Ведь реабилитированы уже миллионы людей. Сейчас осталось около 400 тысяч нерешенных дел. Больше всего — среди военных. Конечно, этим может заняться прокуратура. Но сейчас не это самое главное. Дело в другом, за реабилитированными закреплены разные льготы: по зарплате, по жилью. Власти обязаны вернуть конфискованное

имуущество или выплатить компенсацию, если оно уничтожено. Но ни имущество не возвращают, ни компенсацию не дают. Говорят, что денег нет. Сейчас люди пишут нам — вот, мол, миллионные виллы начальников растут, а нам не хотят платить за разрушенное жилище. К нашим обращениям на местах пока прислушиваются. У нас есть комиссии в более чем семидесяти субъектах РФ. Но я вас уверяю, если упразднят комиссию в центре, то везде немедленно сделают то же самое.

— *А как власть сегодня относится к проблеме реабилитации?*

— Нормально к этому относился Горбачев, заинтересованно — Ельцин и абсолютно равнодушно — нынешние властные чиновники. Я ни разу не обнаружил интереса к этой нравственной проблеме и трагедии народа. Хотя однажды, больше года назад, я встречался с Путиным¹, и он помог нам. Но если теперь нас ликвидируют, то к кому эти несчастные, униженные, с искорванной судьбой люди будут обращаться? У нас был ГУЛАГ. Там сидели миллионы, но и обслуживали его тоже миллионы: следователи, конвойные войска со своим начальством и обеспечением, да еще осведомители. Вот вам миллионы людей, не заинтересованных в реабилитации. Сознание общества искорежено многолетним террором. Мне еще Лигачев говорил, зачем это все? Это все прошло, надо смотреть вперед. И сейчас нас тоже призывают смотреть вперед. Но без покаяния не разглядишь зари, одна темь. В Монголии, например, президент публично попросил прощения за преступления коммунистической власти. А у нас никто ничего. Сейчас и доступ к архивам стал усложняться. Засекречивают даже те документы, которые уже были рассекречены. У меня был занятый разговор с одним руководящим человеком. Я не буду называть его фамилию, поскольку благодарен ему за откровенность.

Я его спрашиваю, но ведь это уже было опубликовано. Он отвечает: «Если вы сошлетесь на архив, то это подсудное дело. А вот если вы сошлетесь на какой-то журнал, где это было опубликовано, то ничего страшного». Но это же абсурд!

— *А в чем смысл? Должна же быть какая-то логика?*

— А это все делается под лозунгом стабилизации. На самом деле за этим словом кроется другое явление — реставрация. Так же, как централизм, который давно скомпрометировал себя, теперь живет под другой фамилией: вертикализм. Кто же против государственности? Есть государство. Говорят, что великое. Любая нация, образовавшая государство, по-своему великая. Но чем определяется величие? У нас его пока что, как и раньше, определяют количеством ракет, подводных лодок и т.д. Но ведь это архаизм! Снова хотим быть великими, но нищими? У нас уже была «великая» страна и «великая» партия — гранит, базальт, на века! Распалось все в несколько часов. Если вы строите демократическое государство, то давайте величием считать богатство человека и свободу. У каждого человека должна быть частная собственность, суд, в который он будет верить, и обслуживающий персонал в виде власти. Ведь не государство рождает человека, а человек — государство. Значит, не человек должен бегать за справками, а чиновник должен прийти и принести ему эту справку. В России государство всегда унижало человека и презирало его.

— *Сейчас практически каждую неделю на центральных каналах показывают передачи про карьеры советских лидеров: Андропова, Косыгина, Берия, Сталина, Хрущева и других.*

— Когда смотрю на физиономию Сталина на телеэкране, я всегда вспоминаю, что он убийца — он лично поставил подпись под расстрельными

списками на 45 тысяч человек! Лично! Это реальность, подтвержденная документами. И вот теперь мы поем гимн², которым тогда сопровождался государственный террор. Я не могу этого понять. С нравственной точки зрения, это кощунство. Нельзя так к прошлому относиться. Один генерал, насколько мне известно, написал президенту письмо. Мол, говорить об этих недостатках — значит бросать тень на государство, тень на народ. И наши высокопоставленные чиновники говорят: ну, не надо будоражить народ. Понимаете, если вдуматься в это, то выходит, что правдой мы будоражим, а ложью стабилизируем? Не бывает стабилизации на лжи! Эта стабилизация обязательно грохнет на арбузной корочке.

— *Президент недавно подчеркнул, что не все было плохо в советские времена.*

— Но ведь чиновник у нас все переводит на свой язык, и фраза президента у него превратилась в другую: «все было хорошо». Конечно, не все было плохо. Люди жили, рожали детей, во что-то верили, мечтали о лучшей жизни. Но разве эта жизнь оправдывает террор, ложь и отсталость страны. Говорят, что учебники и история не должны быть однобокими. В результате выбрасывается все о репрессиях и вставляется, допустим, военный героизм. Причем и тот, который был, и тот, которого не было. Это тоже опасная вещь, мешающая видеть перспективу. Если закрыть дорогу критике, то это может оказаться губительным для страны и разрушительным для сознания людей.

— *Но многое из критикуемого Вами сегодня подается под лозунгом патриотизма.*

— Патриотизм нынче сугубо спекулятивный. Допустим, выбегает человек нормальный на улицу и начинает громко кричать «Я люблю свою маму!» Ну, люди посмотрят-посмотрят и решат, он что, тронулся немножечко? Все любят свою маму, и чего об этом кричать-то? Патриотизм не требует шума. Это, если хотите, в известной мере интимное дело каждого. Любить свою страну — значит видеть ее недостатки и пытаться убедить общество не делать того, чего не надо делать. Я не хочу быть таким резким, как Лев Толстой, который назвал патриотизм «прибежищем негодяев». Но когда я смотрю на лидеров патриотизма у нас, то мне хочется согласиться с классиком.

— *Сейчас снова много говорят о роли прессы и необходимости введения цензуры.*

— В свое время мы отменили цензуру как таковую. И я скажу, что в первые годы перестройки СМИ сыграли огромную положительную роль в повороте мозгов людей. И сколько номенклатура ни пыталась приостановить этот процесс — ничего не получалось. Я помню, на каждом Политбюро и на пленумах ЦК, о чем бы речь ни шла, половина заседания уходила на обсуждение СМИ и их «разрушительной для государства роли». Я каждый раз шел на заседания с тяжелым ощущением, что сейчас опять загнусавят старые песни. Когда вышла известная статья Нины Андреевой «Не могу поступаться принципами», Михаил Сергеевич тут же собрал Политбюро и буквально заставил каждого определить свое отношение к этой статье³. Был такой член Политбюро по сельскому хозяйству Никонов. Он мялся-мялся, потом вдруг говорит мне: «Но Александр Николаевич, ты все-таки распустил печать». Меня это взорвало: «Виктор Петрович, вот у тебя в сельском хозяйстве все налажено, продуктов полно (а полки магазинов, если помните, тогда были пустые, как скелет динозавра). Давай поменяемся ролями, раз у меня все так плохо». Я просто хочу сказать, что тогда прессу номенклатура считала врагом партии власти, а на самом-то деле, не будь ее, Россия неминуемо

рухнула бы в пропасть⁴. В конце восьмидесятых была бесцензурная печать, а потому честная. Понимаете, она не была заказная. Если и был заказ, то он шел от общества. Я, когда собирал редакторов, говорил: что хотите, то и пишите, но не врите!

— *Что изменилось за эти годы?*

— Что изменилось? Я, кроме тоски, ничего не испытываю. Мне как-то звонят с одного из каналов с просьбой дать интервью о демократии. Только заранее просят: пожалуйста, не говорите ничего плохого о президенте. Вот и вся демократия. Хотя не в ней дело. Как же так, бывшие демократы, которые были запевалами этого процесса, теперь винят во всем демократию! И ведь никак не могут понять, что не демократия виновата, не свобода виновата, а люди, которые пришли во власть. Которые не разобрались в том, что такое свобода, или понимают ее как свою вотчину, которой надо управлять. Та же реформа судебной системы. Мы эту проблему еще в восьмидесятых годах обсуждали, и до сих пор ничего не сделано. Ох, номенклатура хитрая! Она понимает, что можно изменять, а что не стоит. Вот была однопартийная коммунистическая система. Скомпрометировала себя. Но теперь у нас снова однопартийная, но созданная демократическим путем через управляемую демократию. При советской власти фирменным блюдом обмана были клятвы в верности воле народа. Правда, никогда власть эту волю не выполняла, но все бурно аплодировали клятвам. Мы попытались воздействовать на этот уголок в мозгах, который руководит восторгами, и ненавистью, и страхом. Но все равно людям до сих пор хочется обманываться, хочется перекладывать ответственность на кого-то другого: губернатора, президента.

— *Сейчас тоже модно ссылаться на данные социологических опросов.*

— Не только на них. Частенько прорывается: «Вы знаете — это настроения людей». Когда нет гражданского общества, настроения людей — продукт действий власти. Сейчас часто оперируют феноменом большинства — большинство проголосовало. Но ведь это большинство от пришедших на выборы — скажем, примерно 50 млн человек, а избирателей 110 млн, а где же остальные 60 млн? Я тут недавно читал дискуссии трех интеллектуалов-демократов, не буду называть их имена, с директором ФСБ Патрушевым⁵. Так не поверите, самым большим либералом из них оказался Патрушев. А бывшие демократы требовали введения цензуры, требовали разобраться с творящимся безобразием, быть потверже. Это они директора ФСБ уговаривали. Однако не себя они просили прищучить, а других. Пора о себе говорить, господа!

№ 92

ИСТОРИЮ НАДО ЗНАТЬ

Эхо планеты, 4—17 июня 2004 г. Беседу вела Т. Замятина.

Свой взгляд на значение второго фронта в истории Второй мировой войны в беседе с обозревателем нашего журнала Тamarой Замятиной высказал академик Александр ЯКОВЛЕВ. Его взгляд существенно отличается от общепринятого у нас, но право на особое мнение он имеет не только как историк, но и как ветеран Великой Отечественной войны, получивший на фронте тяжелое увечье.

— Моя точка зрения очень простая. Без второго фронта, если понимать под ним не только высадку в Нормандии¹, но и вклад союзников в боевые действия в целом, мы бы войну проиграли, оказались в конечном итоге где-то на партизанских тропах Сибири. В первые три с половиной месяца войны пятимиллионная Красная Армия была, по сути, разбита: почти половина из этих пяти миллионов попала в плен, а другая половина погибла. То есть воевала уже не регулярная армия как таковая, а призывное в армию ополчение. Поэтому помощь союзников для достижения победы была если не полностью решающей, то судьбу нашей страны она решила определенно.

— *Сталин требовал от союзников открытия второго фронта чуть ли не с первых дней войны. То обстоятельство, что Черчилль и Рузвельт откладывали сроки, расценивалось Москвой как сознательная задержка, приводившая к росту потерь Красной Армии. Справедливы ли были эти обвинения?*

— Конечно, помощь союзников запоздала. Нам было бы куда легче, если бы второй фронт был открыт раньше. Но при этом надо помнить, что по вине Сталина, а не по вине Запада не были заключены соответствующие союзные соглашения с французской и английской делегациями². Сталин не захотел заключать эти союзы. До самого начала войны он верил в дружбу с Гитлером, называл его своим другом и в конечном итоге напоролся на агрессию.

— *Советская пропаганда была склонна приуменьшать вклад союзников в разгром фашистской Германии. В частности, это относилось к ленд-лизу³. Истинные размеры помощи, поступавшей к нам по этому каналу, до недавних пор были неизвестны. Какую роль сыграл ленд-лиз в наращивании оборонного потенциала СССР?*

— Афишировать помощь союзников советской пропаганде было невыгодно. Узнай люди, какую огромную помощь мы получили, они усомнились бы в гениальности Сталина. Я как фронтовик подтверждаю, что Красная армия ездила на американских «студебеккерах», воевали мы на американском порохе. Ведь склады вооружений на западе страны были захвачены немцами, ресурсы по многим составляющим вооружений фактически кончились. Нас в значительной мере спасала именно американская и частично английская помощь. Того, что сейчас обнародовано, многие еще не знают. Когда я говорю об этом некоторым фронтовикам, они отвечают: «Не может этого быть».

— *И для меня это откровение, хоть я и дочь фронтовика. А как Вы оцениваете объемы помощи, в частности, по вооружениям?*

— Точных цифр привести не могу, но по некоторым позициям мы получили половину потребности в вооружениях, а то и больше, например, по пороху, по грузовым автомашинам. Между прочим, даже Покрышкин летал на «Авиакобре», американском самолете, как и некоторые другие наши летчики-асы.

— *После войны было немало споров о наших долгах союзникам, выплатам по ленд-лизу, предполагавшему поставку военного оборудования в долг и в аренду. Как в итоге разрешился этот вопрос?*

— У Кремля был план вообще не платить долгов. Мы, мол, кровью заплатили за победу. Но кто заставлял платить кровью? Платили бы умом, воевали бы грамотно, а то положило бездарное руководство страны, командование во главе со Сталиным почти 30 миллионов жизней... Насколько я знаю, вопрос с долгами урегулирован. Частично нам их простили, частично мы заплатили. Но вообще, когда берешь в долг, надо отдавать, а не спорить.

— *Была ли неизбежна холодная война? И кто несет за нее ответственность — Сталин или обе стороны?*

— Я бы не так ставил вопрос. Считаю, что холодная война была неизбежной, но началась она не после Второй мировой, а после контрреволюционного переворота в России 7 ноября 1917 года, когда планета распалась на две системы. Тогда дипломатия разных стран и довела дело от холодной до горячей войны.

— *Если согласиться с Вашей трактовкой, то союзнические отношения СССР с США, Англией и Францией в годы Второй мировой были вынужденной паузой в холодной войне?*

— Да, опасность распространения фашизма заставила руководство этих стран искать союзников и вместе с СССР нейтрализовать врага. А потом отношения вновь охладели, вернулись на круги своя: мы воспитывали Арафата, они — Бен Ладена.

— *При разности политико-экономического строя СССР и западных стран «большой тройке» удалось обеспечить успешное сотрудничество в ходе боевых действий и, до известной степени, в построении послевоенного мира. А сегодня, когда идеологических противоречий у нас с Западом нет, в отношениях с ним, особенно с Вашингтоном, то и дело возникают проблемы. Не следует ли нам ныне, когда отмечается 60-летие второго фронта, с большим вниманием обратиться к былым традициям боевого содружества?*

— Меня бесконечно удивляет, когда в ходе опросов общественного мнения первым врагом большинство опрошенных россиян называют США. Может быть, они просто не знают, что ни один американский солдат не убил ни одного советского или российского солдата. И ни один советский солдат не убил американского солдата. Во всяком случае, в открытом бою. Летчики, правда, говорят, что бывали такие случаи во время войны в Корее⁴, но то была тайная война.

Почему же тогда главным врагом называют Соединенные Штаты? Во всех войнах США фактически были на стороне России. Да и Россия еще в XVIII веке во время Войны за независимость поддержала американцев, а не англичан⁵. Тогда чуть ли не целый российский флот был послан к берегам Америки для демонстрации силы и для намека англичанам, что им не следует зарываться. Хотя бы поверхностное знание истории не позволило бы российским гражданам считать американцев главными врагами. Я отношу этот казус к результатам нашей длительной фальшивой антиамериканской пропаганды, на которой мы воспитаны. Сталин ведь не мог жить без врага внутреннего или внешнего. Вот внешним врагом и был избран империализм во главе с США.

— *Но, с другой стороны, и американцы не считают русских ни союзниками, ни партнерами.*

— Я и не хочу сказать, что мы во всем виноваты. У американцев есть дурная черта — самонадеянность силы. Они привыкли считать себя абсолютно правыми во всем. Американцы сами над собой шутят так: «We are not the first, but never the second» («Мы можем не быть первыми, но никогда не будем вторыми»). Их показательной, театральным патриотизм, когда они цепляют на себя национальные флажки, — тому свидетельство. Казалось бы, ну и на здоровье. Лишь бы это на геополитической психологии не сказывалось. Однако они не только русских не считают достойными партнерами, но и всех других.

И тем не менее американцы — это люди, с которыми можно договариваться. При этом вовсе не обязательно делать какие-то уступки. Идущих на уступки никто не уважает. Американцы любят достойных переговорщиков, разговаривающих на равных, и готовы идти с ними на серьезные соглашения. А соглашения они умеют выполнять, поскольку у них работающая демократия, а не так, правила игры которой можно менять каждый день. Принимаете, у них право рождает силу. А у нас очень часто до сегодняшнего дня сила рождает право. То есть кто сильнее, тот и прав.

№ 93

КУМИР ИЗ «ОРГАНОВ»

Московский комсомолец, 29 июня 2004 г. Беседу вел М. Дейч.

— Александр Николаевич, нынешний пьедестал для Андропова — это экспромт или планомерная акция? Чем Вы объясняете внезапно вспыхнувшую к нему любовь и столь масштабные акции по проведению его юбилея?¹

— Лучше спросите меня, как бы я предложил отметить этот юбилей.

— Спрашиваю.

— Я бы предложил выпустить роскошно изданную книгу, состоящую из двух частей. В первой части — донос второго секретаря Карельского обкома КПСС Андропова на первого секретаря того же обкома Куприянова. В своем доносе тов. Андропов извещал вышестоящее партийное начальство о не-правильной партийной линии, которую проводит тов. Куприянов, о его действиях и высказываниях, противоречащих партийным установкам... Куприянов был тогда арестован и провел в лагерях 10 лет. А первым секретарем обкома стал тов. Андропов. Много позже выяснилось, что его донос состоял из сплошного вранья. Куприянов был реабилитирован.

А вторая часть этой книги — письмо председателя КГБ СССР Андропова в Политбюро ЦК КПСС «об антисоветской деятельности» Сахарова и Солженицына. И его регулярные докладные записки в то же Политбюро об инакомыслящих. О том, что они враги народа, что они занимаются подрывной деятельностью против социализма, подрывают доверие граждан СССР к коммунистической партии и к той правде, которую партия несет народу.

— О Сахарове и Солженицыне написано в том же ключе?

— О них Андропов докладывал в Политбюро неоднократно. Однажды он начал так: «Я давно обращал ваше внимание на деятельность Сахарова. Пора с этим кончать». В другом докладе Политбюро информировалось о том, сколько раз Солженицын встречался с Сахаровым, о чем они говорили, сколько иностранцев приходило в квартиру Сахарова.

— Вы часто встречались с Андроповым?

— Достаточно часто. Расскажу об одной встрече. Я был тогда послом в Канаде². Приехал в Москву в отпуск, пришел к Суслову. Говорю ему: «Михаил Андреевич, все твердят о провалах наших разведчиков. Третий секретарь нашего посольства (резидент КГБ. — М.Д.) ездит на американской машине, а советник посла ходит пешком. Неужели канадской контрразведке не ясно, кто есть кто?»

«С этим иди к Андропову», — отвечает мне Суслов. Между прочим, они с Андроповым друг друга терпеть не могли.

Иду. Опять подробно все рассказываю. Андропов поддакивает машинально, а потом вдруг говорит: «Не кажется ли Вам, Александр Николаевич, что наши люди очень уж разговорились, болтливые стали? Сплетни вот распространяют, будто в семье у Леонида Ильича не все ладно. Мол, дети его — кто-то пьет, а кто-то темными делами занимается. А ведь это неправда, это ложные слухи распространяются».

К тому времени, кажется, уже вся страна знала, что это правда. И Андропов, конечно, тоже знал. А я никак не мог понять, зачем он мне все это говорит. И тут меня осенило. Незадолго до этого в Канаду приезжал Олег Табаков. Обедали мы с ним в нашем консульстве, он мне рассказывал про Юрия Брежнева, про Галину. Что один пьет, а другая... Я-то знал, что все прослушивается, пытался как-то незаметно его остановить, перевести разговор на другую тему. Но Олег Павлович — человек увлекающийся, эмоциональный...

Как я понимаю, распечатку этой прослушки и положили на стол Юрию Андропову.

— *Тогда, как я понимаю, он был председателем КГБ. Позже он стал генсеком, хотя и ненадолго. Чем он Вам запомнился в роли первого лица страны?*

— В этой роли Андропов запомнился многим — идиотскими кампаниями и унижением людей. По его указанию на улицах, в магазинах, парикмахерских, даже в банях начали вылавливать тех, кто на момент отлова должен был находиться на работе. Облавы не обошли и научные институты. Ведь люмпен, пусть даже в генсековском обличи, уверен, что ученый должен сидеть за канцелярским столом и с 9 утра до 6 вечера делать научные открытия. С перерывом на обед.

Однажды прихожу в институт (я был тогда директором Института мировой экономики и международных отношений³) и вижу при входе каких-то неизвестных людей и наших растерянных старушек-вахтерш.

— *Предъявите Ваши документы, — говорит мне один из этих людей.*

Я немного ошалел, спрашиваю у вахтерши:

— *Это кто такие?*

— *Говорят, комиссия из райкома.*

— *Какая комиссия? Кто разрешил им зайти в институт?*

— *Ваш заместитель.*

— *Позовите его сюда.*

Проверяющие заволновались, попытались объяснить мне, что находятся здесь по решению райкома партии, чтобы «зафиксировать» опоздавших или вовсе не явившихся на работу. Подошел мой заместитель, я спросил его, кто разрешил этим людям какую-то проверку. Тот начал что-то объяснять, а я попросил проверяющих покинуть институт и без санкции прокурора сюда не приходить.

Весть об этой истории быстро разнеслась по Москве. Мне звонили и поздравляли.

— *Вероятно, Ваше отношение к Андропову связано не только с этой кампанией?*

— Ну как можно было относиться к вдохновителю кровавых венгерских событий⁴? Тогда, в 1956 году, будучи послом СССР в Венгрии, Андропов телеграммами бомбардировал ЦК, подзуживал руководство, чтобы ввести в Будапешт войска, пугал: иначе, мол, коммунистический строй в Венгрии

падет. Подзуживание закончилось большой кровью, о роли Андропова в тех событиях я знал.

Знал и о том, что с его подачи в СССР началась карательная медицина. Именно Андропов разработал систему, по которой инакомыслящих объявляли сумасшедшими и отправляли на принудительное лечение, где подвергали нечеловеческим пыткам. После хрущевских разоблачений проводить открытые политические процессы было не слишком удобно. Вот Андропов и придумал: советский человек, будучи в здравом уме, не может выступать против коммунистической системы — такой замечательной и гуманной. А если все-таки выступает, значит ненормальный.

Андроповское руководство к действию было таким: инакомыслящих в СССР нет. Есть либо уголовники, либо душевнобольные.

Однажды премьер-министр Канады Пьер Трюдо попросил меня уведомить Москву о его беспокойстве за судьбу одного из правозащитников. Я уведомил и получил ответ от Андропова: «Передайте Трюдо, что в нашем социалистическом обществе права человека защищены в такой степени, какая и не снилась людям в капиталистических странах». Услышав это, Трюдо с грустью сказал мне: «А мне говорили, будто Андропов — умный человек».

— *Чем Вы объясняете, что именно сейчас началось возвеличивание Андропова?*

— Попыткой реванша. Власть — это зараза, болезнь, но ее потеря воспринимается как трагедия. В особенности если речь идет о действительно огромной политической власти, которой обладал КГБ. Собственно, для этого Ленин и создавал ЧК. Во многих случаях НКВД и КГБ имели гораздо большее влияние на жизнь страны, чем партия. Скажем, работая в ЦК, я не мог послать человека за границу без санкции КГБ. Кстати говоря, начало главенствующему положению чекистов положил тот же Ленин, сказав, что каждый коммунист прежде всего должен быть хорошим чекистом.

А почему сейчас?.. Вероятно, потому, что бывшие и нынешние сотрудники этого ведомства решили, что их час настал. К тому же во главе государства — их коллега.

— *В начале 90-х Комитет госбезопасности лишился пограничных войск, а потом и сам был разделен на четыре основные независимые службы: разведка, контрразведка, охрана и связь⁵. Теперь все они вновь объединяются в единое учреждение. Как Вы это расцениваете?*

— Это тревожный сигнал. Создается новый кулак карательных служб. Честно говоря, я не считаю принципиально важным, в чьем ведении будут находиться пограничные войска. Но я убежден в том, что разведка, контрразведка и служба охраны должны быть независимы друг от друга. В противном случае появляется государство в государстве (в нашей истории оно уже было) и как следствие — возникает серьезная опасность для демократического развития и свободы людей.

Именно я первым предложил разделить комитет на независимые друг от друга службы. Как раз с того момента и по этой причине бывший шеф КГБ Крючков объявил мне войну, причем «воевал» он подло, не брезгуя клеветой и всякими мерзостями в мой адрес.

И все-таки я надеюсь, что кампания вокруг Андропова — временная. Я надеюсь, что никому из старой и новой номенклатуры уже не удастся повернуть страну к большевистской и чекистской морали.

По-моему, эту станцию мы уже проехали.

№ 94

СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ

Вечерняя Москва, 17 сентября 2004 г.

17 сентября 1939 года Красная армия вступила на территорию Польши. Это произошло вследствие подписанных за месяц до этого секретных протоколов, закрепивших раздел сфер влияния с нацистской Германией. СССР очень долго скрывал факт существования этих протоколов от мировой общественности и своего народа. О том, как искали и в итоге нашли эти документы, рассказывает бывший член Политбюро ЦК КПСС, академик РАН Александр Николаевич ЯКОВЛЕВ.

— О существовании секретных протоколов Запад узнал практически сразу после войны — и они там были опубликованы. Как они туда попали, одному Богу известно — скорее всего, через Германию. Наши, конечно, категорически отрицали их существование... ложь — короста советской системы¹. Так все и шло до Съезда народных депутатов во время перестройки, на котором выступили эстонцы и предложили образовать комиссию. Сначала моей фамилии не прозвучало, потому что перед этим меня собирались назначить руководителем комиссии по событиям в Тбилиси. Я долго разговаривал с Михаилом Сергеевичем и убедил его, что проблема секретных протоколов для меня как для историка интереснее. На другой день снова выступил профессор Липпмаа, который внес мою кандидатуру, и началась долгая кропотливая работа. Мы собрали тысячи документов, работали с посольствами, искали в архивах²...

— *Вы верили в то, что секретные протоколы действительно были?*

— Лично для меня это было ясно с самого начала. Но не было подлинников, а наши политики и историки упорно утверждали, что протоколы — это фальсификация.

На некоторых документах подпись Молотова была на латинице — тут же пошли разговоры о подлоге... Целое лето мы работали, спорили. Прибалты, естественно, настаивали на обвинительном уклоне итогового документа, но для меня было совершенно ясно, что тот состав Съезда не принял бы никакого радикального решения. Я считал, что факт существования протоколов надо признать, осудить, а вот искать виновных можно и после. В конце концов мы вышли на Съезд с докладом. В нем говорилось, что протоколы были аморальным, империалистическим деянием.

— *Вы показывали этот доклад руководству КПСС до того, как зачитать его на Съезде?*

— Первый вариант — да. Никто не согласился с тем, что там было написано. Доклад выслушали с аплодисментами — и завалили. Нашлись ораторы, обвинившие меня в предательстве: «Как же так, мы боролись против фашизма, а не вместе с ним... все это фальсификация и провокация».

— *Как Вам удалось переломить Съезд?*

— Второй, переделанный вариант я уже никому не стал показывать. В кармане у меня была одна «петарда» — еще перед первым докладом мой приятель из МИДа Анатолий Ковалев дал мне акт о передаче документов из приемной Молотова в архив, где черным по белому шестым пунктом стояло: «секретные протоколы...» И подпись секретарей Молотова. О том, что эта бумага у меня есть, я вообще никому не сказал. Когда мне нужно было выступать с переделанным докладом, я поднялся на трибуну и сказал, что мне к своему прошлому выступлению добавить нечего, я настаиваю именно

на нем, а потом зачитал эту «петарду». Неожиданно для меня решили прения не открывать и сразу приняли как доклад, так и постановление.

— *Вы представляли себе политические последствия этого решения?*

— Критики постановления говорили мне, что признание и осуждение секретных протоколов — это шаг к отделению прибалтийских республик от СССР. Я понимал это, и тем не менее я считаю, что это был верный шаг. Покаяние перед народами Прибалтики было необходимо для нравственного оздоровления.

— *Знал ли Горбачев о том, что протоколы существовали?*

— Меня несколько удивляет, что и Горбачев, и Шеварднадзе неоднократно говорили, что протоколов не существует, что их искали и не нашли. Дело в том, что, когда все-таки нашлись оригиналы, закорючка Горбачева на них была. Не знаю, то ли он забыл, то ли еще что-то. Но он их читал.

— *А когда их нашли?*

— Уже при Ельцине. Я тогда работал в Фонде у Горбачева, и однажды мне позвонил Ельцин: «Александр Николаевич, нашлись документы, приезжайте, забирайте». Попросил меня собрать пресс-конференцию. Я согласился. Но на пресс-конференцию собралось очень мало журналистов, причем в основном начинающие. И после нее почти ничего не напечатали. Меня это поразило: политический вопрос, который повернул историю нашей страны и Европы, нашей прессе оказался неинтересен.

— *Мне неловко задавать профессиональному историку вопрос в сослагательном наклонении, но что было бы, если бы Молотов и Риббентроп секретных протоколов не подписывали? Началась бы вообще Вторая мировая война?*

— Началась бы все равно. Ее хотели обе стороны, только, как я думаю, Сталин собирался ее отложить, потому что не был к ней готов. Изучая документы о степени готовности СССР к войне, я удивлялся лишь тому, что мы оказались под Москвой, а не под Владивостоком.

— *Если бы пакта и протоколов не было, а Германия напала бы на Польшу первого сентября 1939 года, Англия и Франция наверняка стали бы куда более сговорчивыми на переговорах с СССР?*

— Бесспорно. И война, скорее всего, не протянулась бы до 1945 года, а закончилась бы раньше и куда меньше жизней бы унесла.

В небольшом здании, где находится рабочее место Александра Яковлева, очень мало свободного пространства. Сейчас практически всю свою жизнь он посвящает изданию книг с документами и свидетельствами двадцатого века. То, что эти книги издаются, хорошо. То, что они лежат мертвым грузом, плохо. Второе — печальная характеристика сегодняшнего общества.

— Мой личный опыт говорит о том, что события двадцатого века еще преподнесут нам сюрпризы. Еще очень много скелетов в шкафах. Конечно, много документов уничтожено, но все уничтожить очень трудно. Хрушев попытался в свое время уничтожить документы о собственных злодеяниях в сталинские годы, центральные архивы вычистил, но многое осталось, в том числе — на местах.

— *Насколько изучение истории великих войн и трагедий двадцатого века актуально для современных людей?*

— Чем больше я живу, тем больше убеждаюсь, что знание подлинной нашей истории является фактором номер один для оздоровления страны. Пока мы не будем знать, что с нами произошло, мы останемся рабами, стадом. Пора понять: народ, обманутый в 1917-м, впавший в нищенство и в беспра-

вие, до сих пор не способный на покаяние, не имеет будущего. Только честное признание, что было и чего не было, подвигнет нас в когорту героических народов — покажет, что мы и это сумели преодолеть. Тогда мы сможем гордиться своей страной и своим народом. А мы вместо этого продолжаем петь гимн «Нас вырастил Сталин»³.

— Знакомы со школьными учебниками истории?

— Сталкивался.

— Как впечатление?

— Были более-менее приличные, хотя и далекие от совершенства, но их убрали. Много мусора, говорят. А мусором оказались репрессии, сталинские преступления. В нынешних учебниках говорится только о каких-то перигибах, и так, мельком.

— Но, может быть, так и надо? Когда в девятнадцатом веке возникло массовое школьное образование, оно первым делом стало воспитывать националистов и даже шовинистов. Это было в Европе, это было и у нас, и это естественно.

— Ничего естественного тут нет. Я не понимаю, когда кричат о любви к родине. Представьте себе человека, который вышел на улицу и начал орать «Я люблю свою маму».

— Маме было бы приятно.

— А все остальные сказали бы: «Чего орешь? Это ж само собой разумеется». Так и с родиной. Но я люблю ее страдальчески, потому что она еще страна рабов.

— А кто она, родина? В 1991 году часть сыновей и дочерей СССР решила: «Нет, ты не моя родина, у меня другая».

— Да Вы что думаете, украинцы когда-нибудь считали СССР родиной?

— Я в этом не уверен.

— А я уверен, что не считали.

— А родина считала их своими?

— Да не родина, а Москва, а это — не родина.

— А что?

— Да просто груда камней, в которой живут люди власти и для которых власть — это все, и все делается для сохранения этой власти. Я, дорогой мой, был у власти, знаю, что это такое и какова там степень заинтересованности в нуждах народа. Сплошная демагогия. Никакого СССР не было — как была Российская империя, так она и оставалась.

Александр Яковлев находился в верхушке руководства КПСС, но ушел в отставку еще до краха партии в августе 1991 года. Распад Советского Союза он наблюдал чужь со стороны, но очень многие упрекали за то, что он произошел, в том числе и его.

— Предположим, мы открываем все шкафы со всеми скелетами. Где гарантия, что, допустим, башкиры не скажут: «Нет, это плохая история, такая плохая история не может быть нашей, это история русского народа. Вы плохо себя вели, Вы это сами признаете, но мы-то — хорошие. Давайте у нас будет отдельная родина и отдельная история, в которой мы ну ни в чем не виноваты». С прибалтами это, по сути, и произошло — они вдруг оказалась ни в чем не виноваты, а виноваты только мы.

— Тут Вы правы. Я неоднократно публично говорил о том, что когда в странах Восточной Европы начинают обвинять руководство СССР, то забы-

вают о своих собственных документах, которые они писали в ЦК. Некоторых из них приходилось останавливать в их позовах, когда они в своих республиках врагов народа после войны искали. Понятно, что они ориентировались на Москву, но делали-то они! Меня, конечно, возмущает, когда они начинают кивать только на нас. Мы были под таким же сапогом, как они. Я как-то говорил со своими друзьями-латышами, они начали благодарить меня за то, что я помог им спастись от русского большевизма. Я говорю: «Нет, а вот я вам этого спасибо сказать не могу. Почему ваша латышская дивизия подавила эсеровский мятеж в Москве?»»

— *Памятник красным стрелкам в Риге стоит. Был недавно, видел...*

— Ведь это они Ленина охраняли. Боялся Ленин поручить свою охрану русским. Нынешние латыши смеются. А я им говорю, чтобы они разобрались в себе.

— *Но они этого не торопятся делать.*

— Сделают.

— *Когда?*

— Придет время, когда радикализм перестанет быть модой, когда надоест кричать. Я знаю многих латышей — мы перезваниваемся, книжку мою издать собираются, — но то, что я им говорю, им никто не говорит. И они на меня не обижаются. Нормальные люди. Разберутся когда-нибудь.

— *Вот Вы все время призываете к покаянию. Но США какими были в семидесятые, такими, по сути дела, и остались — самоуверенными и совершенно не склонными к покаянию. Есть ли вообще смысл заниматься собственной совестью в условиях современной геополитики?*

— Я знаю США, объездил вдоль и поперек. У них другая история, и такой мудрый человек, как сенатор Фулбрайт, целую книжку написал: «Самоуверенность силы» (*Arrogance of Power*). И это правда. Причем он сам, видимо, не ожидал, какую правду он написал. Каждый из американцев в отдельности — нормальный, свободный, здравомыслящий, но стоит им собраться впятидесятером — ну патриоты, прямо противно слушать. Флаги, значки — целый спектакль. Они очень быстро этим заражаются, но сравните, какими патриотически-злыми они были в начале Вьетнама и как они проклинали войну в конце. И с Ираком так же будет. И когда Буш сойдет, мало кто вспомнит о нем.

— *Вообще-то в Америке никчемными президентами считаются не те, кто войны начинает, а те, кто их заканчивает.*

— Да, но это общемировая практика. По всему миру стоят памятники не тем, кто потерпел поражение, а тем, кто победил, то есть убил больше людей. Почему? Да потому, что мы еще варвары, и если мы убиваем друг друга, значит, живем в эпоху варварства.

— *Так совместимо ли с этой эпохой варварства такое понятие, как покаяние? Зачем его культивировать в родном народе, если выясняется, что остальные народы этим вирусом не заражены?*

— Нет, все народы одинаковы. В каждом есть разные взгляды, в каждом есть совестливые люди. Слава Богу, что и у нас теперь появились разные взгляды и можно быть совестливым. А способность к покаянию — это и есть совесть.

— *Но и правительства тоже одинаковые, им-то совесть точно не нужна.*

— Все правительства по определению авторитарны. Но разница в том, что в Англии или Франции авторитарный чиновник, который готов стать

Сталиным, ограничен законом и его могут схватить за хвост за нарушение закона. У нас же этих ограничителей нет — законы есть, но они все, как шашлык на шампур, нанизаны на чиновника.

Инструкции, а не Конституция, у нас прямого действия.

— *«И если закон стесняет тебя, сними его со стола и положи под себя»... Только ведь закон и совесть — это же тоже разные вещи. Барин у того же Салтыкова-Щедрина как спрашивал? «Как вас судить, по закону или по совести?»*

— Да, и барину отвечали — «по совести». Потому что если умрет совесть, умрет и нация.

Я понимаю уязвимость этой своей позиции, но есть еще немало случаев, когда люди помогают друг другу. Совесть — не сухая трава или бензин, ее выжечь невозможно. Совесть — это и есть люди. А бессовестность исповедуют нелюди, хотя они часто и притворяются людьми.

№ 95

«ПЕРВАЯ БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОСТОЯЛАСЬ У НАС»

Новая газета, 20—23 января 2005 г. Беседу вел А. Липский.

— *Александр Николаевич, похоже, через двадцать лет после начала перестройки наша страна вновь оказалась в осажденном лагере: нам объявлена война, в стране появилась «пятая колонна»¹, есть и «спасители России», предлагающие рецепты спасения, один другого нелепее и опаснее.*

— В последнее время появилась новая идея, которую выдвинул в газетной статье руководитель ведомства по борьбе с наркотиками². Это второй человек после министра обороны Сергея Иванова, который мне очень нравится своей откровенностью (см. комментарий А. Яковлева в «Новой газете» № 3, 2005 г. — А.Л.), который открыто сообщает, чего он и ему подобные хотят. Оказывается, «чекисты» — это сословие, спасающее страну. От чего же? Может быть, от ошибок Путина? Причем ошибок либерального толка? Ведь в своих посланиях Федеральному собранию президент изложил вполне стройную программу либеральных реформ: в ней шла речь о борьбе с произволом, об инициативе людей, о развитии бизнеса, развитии демократии, гражданском обществе, независимых судах... Статья же полностью не совпадает с подобного рода высказываниями президента.

Так кого же относит руководитель Госнарконтроля к «спасителям России»? Служба внешней разведки, например, реально защищает российские интересы, но она никакого отношения не имеет к «чекизму». Ведь ЧК была организацией, приспособленной для проведения политики государственного террора внутри страны. Военная разведка — это тоже не чекисты, а разведчики, которые также приносили определенную пользу нашей стране. Значит, автор статьи имеет в виду ту часть силовых служб, которая была создана для террора и подавления народа, которая расстреляла миллионы людей, при помощи которой проводились все карательные акции, судебные процессы, которая содержала ГУЛАГ, тюрьмы и в подчинении которой были конвойные войска. Значит, эти люди должны спасти нашу страну? Но ведь деятельность этих органов давно осуждена, причем всеми властями, которые пришли уже после «чекизма».

— *С господином Черкесовым, взглядами его, его соратников и предшественников все более или менее понятно. Но что все-таки происходит сегодня с политическим режимом в нашей стране?*

— Возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что на вооружение — осознанно или неосознанно — принята концепция, что либеральные экономические реформы в России возможны только при авторитарном режиме.

Хочу подчеркнуть — это ложная концепция. Мы уже в тупике были, а она снова нас туда толкает. Дело не в том, что авторитаризм плох сам по себе: это ущемление интересов человека, зажим свободы слова, потеря человеческого достоинства, ощущения себя гражданином и так далее. Но он ложен еще и с прагматической точки зрения. Без оппозиции демократическое общество существовать не может. Более того, оно постепенно будет загнивать. У нас есть опыт, когда были моновласть, монособственность и моноидеология, — и все сгнило. Кто бы что ни говорил, что надо, мол, то вернуть, то возратить, ничего не выйдет. Как ни реанимируй Сталина, он как был убийцей, так убийцей и останется.

— *Нынешние политики говорят, что тоталитаризм нам не нужен, просто надо чуть «подморозить» страну, чтобы быстрее создать рыночную среду, ведь народ, дескать, еще не готов к полноценной демократии.*

— Действительно, остановить рыночную экономику (хотя бы по названию) уже нельзя, потому что это связано с местом России в мировом хозяйстве. Но тем не менее проблема собственности еще не решена. Частная собственность находится под жестким контролем государства, до конца не решен земельный вопрос, а значит, никаких реформ всерьез провести нельзя. До тех пор пока не решен вопрос собственности (а он не решается умышленно), будет коррупция и будет коррупционная власть. А непосредственное слияние государства с бизнесом ведет к новым противоречиям. Я думаю, что 90 % наших проблем упираются в собственность, и это хорошо понимает наша правящая элита, потому она не хочет эти вопросы решать.

— *Александр Николаевич, Вы лично много сделали в свое время для развития гласности и становления свободной прессы. Как бы Вы охарактеризовали то, что происходит в этой сфере сегодня?*

— Без свободы слова общество не может двигаться вперед. Зачем государству нужны средства массовой информации? Это инструмент гражданского общества, инструмент контроля за государственной системой, за властью. Основы такой роли СМИ были заложены в годы перестройки. А у нас на сегодняшний день газета «Российские вести», учредителем которой является Управление делами президента, начала активную борьбу против перестройки, статья за статьей. Как это понимать — как отражение официальной позиции?

— *Кстати, как Вы думаете, почему сейчас пошла очередная волна пересмотра истории: и «мягкая» реабилитация Сталина, и очернение перестройки, о котором Вы говорите?*

— Формально это делается вроде бы для стабилизации и консолидации народа. Мол, пора кончать с делением на красных и белых, надо, чтобы все всем всё простили. Ведь в 1917 году к власти пришли уголовники, и этим уголовникам поставлены памятники. Тех же, кто пытался защитить страну от оккупации большевиками, до сих пор даже реабилитировать не хотят. В свое время Ленин со своей группой в буквальном смысле отрезали России голову, то есть то, что должно думать. А к власти пришла серость — и она

не хочет с властью расставаться. И появляются идеи — давайте воспитывать на позитивных примерах истории. А воспитывать надо на правде — если, конечно, это демократическое государство. Причем симпатии людей будут на стороне тех, кто эту правду скажет, а не тех, кто финтит, говоря, что правда может «негативно повлиять на подрастающее поколение», как это делают наши псевдопатриоты. Наш государственный патриотизм формируется на ложных основах, на искусственном делении на «патриотов» и «непатриотов». Вот если спросить наших псевдопатриотов: «Новая газета» — это патриотическая газета?» — они ответят, что, конечно, нет, что это «пятая колонна». А я считаю, что она самая патриотическая, потому что борется за интересы России. Что же касается «пятой колонны», то заявляю открыто, что она в России есть: это люди, мечтающие о режиме автократии, это люди, которые хотят не народовластия, а народоподавления.

— *На вашем здании есть две таблички. На одной написано «Международный фонд “Демократия”», а на другой — что это историческое здание, охраняемое государством, и называется оно «Музейный склад». Не сдадут ли демократию на склад?*

— Ну что же, так может произойти. Вот я дам еще пару таких интервью, и придется идти к вам на поклон: ребята, не сдадите ли комнатку, чтобы было где немного поработать? Что же касается послебесланских решений власти³, то моя позиция такова. Если кто-то спросит, жалко ли мне, если нынешние губернаторы уйдут, то я отвечу: нет, мне не жалко. Потому что они были пионерами коррупции, пионерами зажима свободы слова и они вспахали почву, чтобы позволить центральной власти провести в жизнь то же самое. Поэтому они получают по заслугам. Однако новая система будет такой же с точки зрения воровства, коррупции, подавления свободы, если не хуже прежней. А главное — людей лишают права выбирать. Здесь важен нравственный, гражданский момент: выбирая, я беру на себя ответственность. А лишаясь свободы, мы лишаемся и ответственности. Кого-то назначили, ну и черт с ним, пусть командует.

— *Как Вы думаете, почему, наблюдая давление власти на демократические институты, так «сомлела» наша политическая элита, во всяком случае ее большая часть?*

— Надо с горечью признать, и пора это сказать вслух очень громко, что демократия во время своего относительного правления (относительного, потому что разделила его со старой бюрократией) наделала столько ошибок, что создала для прежней, на время заснувшей номенклатуры все основания представить в народе демократию как явление, вредное для российского народа. Когда в 1991 году объявили новую революцию, я говорил ребятам: «Какая может быть революция? Только эволюционный, неторопливый демократический процесс может спасти Россию». Ведь у нас за многие годы большевизма отбили в мозгах все центры, отвечающие за принятие решений. А вообще-то, честно скажу, у меня даже есть какое-то ощущение сочувствия президенту: по-моему, он начинает понимать, что зашел в тупик, только не знает, как из него выйти.

— *Возможно ли, что Россия окажется в новой международной изоляции?*

— Этот процесс, к сожалению, постепенно начинается. Недавно, выступая на форуме в Милане, организованном ООН, я как раз говорил об этом. Со своей стороны мы решаем эту проблему вполне успешно, выстраивая пока еще низенький железный занавес. Он еще непрочный, его можно прорвать.

Но меня в большей мере беспокоит другое: за рубежом вновь оживает тема, что, мол, Россия нам угрожает. Неуклюжие действия представителей власти переносятся на нас с вами. Я пытаюсь западным коллегам объяснить, что мы уже не те, что мы еще не сказали своего слова, но обязательно скажем. Что мы уже один раз сказали, и тоталитарного режима не стало — он исчез, причем без крови. Что двадцать лет назад, в 1985 году, мы начали и провели первую «бархатную революцию» — все остальные были потом. Короче, меня беспокоит, что всех нас опять начинают считать какими-то чудовищами, что еще не прошел страх перед нами, который очень легко снова возбудить.

№ 96

«НАМ БЫЛО НЕ ДО ЕВРОПЫ»

Коммерсант-Власть, 28 февраля 2005 г. Беседу вела М. Калашникова.

11 марта 1985 года новым Генеральным секретарем ЦК КПСС стал Михаил Горбачев. К 20-й годовщине этого события «Власть» приурочила серию интервью с людьми, формировавшими советскую внешнюю политику: именно в ней наступающие в СССР перемены стали заметны еще до того, как советские люди слышали слово «перестройка». Первым на вопросы корреспондента «Власти» ответил бывший член Политбюро ЦК КПСС, академик Александр Яковлев.

— Какая внешнеполитическая идея была заложена в перестройку? По одной из версий, речь шла о том, чтобы СССР укрепился в Европе не военными, а политическими средствами. Предполагалось, что там придут к власти правительства социал-демократов промосковского толка, много «маленьких Горбачевых».

— Во-первых, внимательный аналитик мог бы заметить слова о политике свободного социального выбора, которые были произнесены на апрельском пленуме 1985 года¹. Они касались соцстран. За рубежом это заметили. И сразу же мы получили просьбы разъяснить от Живкова, Чаушеску, Хонеккера. Другим было понятно. Во-вторых, Михаил Сергеевич специально послал меня объехать всех руководителей соцлагеря и объяснить, что мы задумали и как, в том числе и в отношении их. Отныне они должны были полагаться на себя и строить свою жизнь так, как считают нужным. Восприняли это дело поляки, более или менее — венгры и чехи, но не Живков и не Хонеккер.

Конечно, мы многого не доработали тогда. Переход в отношениях с соцстранами у нас получился революционным. Например, болгары звонили мне ночью и просили разрешения приехать в Москву всем составом Политбюро: «Мы не уверены в некоторых министрах, что нас будет большинство и мы освободимся от Живкова. Если это будет происходить в Софии, все непредсказуемо». Я ответил категорически: «Нет, не в Москву. Иначе опять будут упрекать, что по-прежнему решает Москва. Решайте сами».

Чаушеску приехал в Москву с женой и заявил: «У нас все в порядке, у нас стабилизация». Мы вдвоем с Михаилом Сергеевичем его ни в чем не убедили. Мы призывали его землю послушать, воздух понюхать, на небо посмотреть. Что кругом делается-то? «Нет, — говорит он, — социализм. Вот вы не помогаете, бросили нас». Так они ни с чем и уехали. Чем это закончилось, всем известно.

Эти встречи были в 1987 году. До этого у нас не все еще было решено. Мы про себя-то не все знали — то ли мы в Магадан поедem, то ли в Москве останемcя.

— Глава разведки ГДР Маркус Вольф ушел в отставку в 1986 году не зря. Он почувствовал, что игра проиграна, что СССР имеет какой-то радикальный план. И, как говорят, план состоял в том, чтобы вытеснить американцев из Европы, раскалывать НАТО, но политическими средствами. Потому что денег на гонку вооружений не хватало. Вопрос о соревновании НАТО и СССР упирался в Германию. И СССР рассчитывал объединить Германию так, чтобы заставить ее нейтралитет работать на свои интересы. Был такой план?

— Нет, никакого формального плана не было.

— А идея была?

— Это естественно.

— Такая, как мы обрисовали?

— Не совсем.

— Тогда скажите, какая была. Все-таки 20 лет прошло, можно уже говорить.

— А мне чего молчать-то? Я говорю и не такое. Врать не буду. Самым серьезным образом о НАТО встал вопрос в Рейкьявике. Горбачев с Рейганом при мне договорились о том, что надо и Варшавский блок, и НАТО превращать в политические организации. Это не было зафиксировано в соглашении, и американцы нас обманули.

Мы Варшавский договор распустили², а они НАТО стали укреплять. Чистейший обман. Говорят, что не было такого соглашения. Да, соглашение такого не было, но договоренность была. Присутствовали при этом шесть человек: Рейган, Горбачев, Шеварднадзе, я и два переводчика.

— Говорят, с 1987 года Вы при встрече с ответственными людьми уже ставили вопрос о выводе войск из ГДР. Так ли это?

— Вопрос о Германии встал даже раньше. Началась длинная, тягучая торговля, которую вел Шеварднадзе — иногда при вмешательстве Горбачева. Все разговоры, что Политбюро не участвовало, что Шеварднадзе превышал свои полномочия, — вранье. Все проблемы обсуждались на Политбюро. МИД представлял документ — обозначал предел, до каких пор можно идти, чего добиваться.

При Ельцине получился хаотический уход. Конечно, мы могли поступить более осмысленно. Но уходить надо было. Ведь страна была на грани экономического краха, да и политического тоже. Это произошло бы в любом случае — может, чуть позднее.

— Почему после выборов в ГДР в марте 1990 года, когда Партия демократического социализма вопреки ожиданиям СССР проиграла, произошел резкий поворот Горбачева к жесткой политике? Есть версия, что события в Вильнюсе и Риге в январе 1991 года³ — это репетиция путча, который случился в августе в Москве⁴. Стало ясно, что план преобразования Европы сорвался?

— Да не было никакого плана! И не могло быть!

— А на что был расчет? Только на договоренность в Рейкьявике с американцами?

— План был один — как выжить демократии. Не до Европы нам было: не до жиру, быть бы живу. Все мои поездки и встречи, начиная с Финляндии и кончая Италией, Испанией, Францией, Германией, Англией, имели одну цель: чтобы нас поддержали с перестройкой и не мешали.

— *Объединение Германии было под контролем Москвы?*

— Относительно было.

— *Каков был конкретный механизм этого контроля? Как велись переговоры, какие были решения?*

— То, что объединять Германию надо, решение было принято на Политбюро. Но как и что — это не обсуждалось. Когда Горбачев выступил в Берлине с речью в 1989 года и ему кричали «Горби, Горби!», Хонеккер разозлился со страшной силой. Тогда все поняли, что Хонеккеру конец. И мы сделали ставку на Эгона Кренца⁵. Он приехал в Москву. Я с ним очень долго беседовал несколько раз. Позже мне пришлось вытаскивать его из тюрьмы⁶. С Кодем разговаривал. Дураки! Кренц-то был как раз за единую Германию и многое сделал. Ночью он мне звонит как-то, что вот народ потек в Венгрию, Чехословакию⁷. Что делать? Я ему одно: «Эгон, только не стреляй, только не стреляй, захотят — вернуться! Рано или поздно все равно сам будешь выпускать».

— *А были у кого-то настроения стрелять?*

— У военных. Понимаете, Политбюро-то собиралось в полном составе только на заседания. Решения принимали одни, а другие об этом ничего не знали. Или узнавали после. Проблемы решали мы втроем (Горбачев, Шеварднадзе, Яковлев. — «Власть»). У нас не было никаких настроений стрелять. У военных, конечно, были. Им, как всегда, повоевать бы.

— *А Горбачев контролировал военных?*

— Формально они ему подчинялись. Но то, что мы не довели дело с военными до логического — я имею в виду демократического — конца, — это факт. Михаил Сергеевич это и сам признает. Надо было, конечно, тогда увольнять человек 400 генералов.

— *Когда Вам стало ясно, что дело идет к путчу, к попытке переворота?*

— После Вильнюса. Горбачев тогда поклялся, что «мы не имеем к этому отношения». Я говорю: «А танк чей?» Он звонит Язову: «Откуда танк?» Тот говорит: «Разберусь, не знаю». Я спрашиваю: «Откуда офицер КГБ из центрального аппарата?» Крючкову он не стал звонить. После этого меня сразу ограничили в информации. В апреле я написал записку Михаилу Сергеевичу, что готовится государственный переворот. Всего вероятнее, осенью. Так это и произошло.

— *Он не принял это всерьез?*

— Он сказал мне: «Ты, Саш, преувеличиваешь их ум и храбрость».

— *А ему не пришло в голову вызвать Крючкова и спросить?*

— Наверное, нет. Ему должно было раньше прийти это в голову, когда Пуго, Крючков, Павлов и Язов выступили на Верховном Совете⁸. Горбачев не присутствовал. Я тоже ушел. А потом мне позвонили и рассказали: вот такие речи. Я позвонил Горбачеву на дачу. Он взволновался, но на другой день дезавуировал только Павлова. Вот когда ему надо было всех четверых снять с работы. И никакого путча бы не было. И себя он бы укрепил. А то ведь в это время его начали упрекать, что безвластие, «нет руки». Рука-то тогда требовалась.

— *Есть серия фактов, которые в той или иной степени свидетельствуют, что Горбачев знал о путче и, более того, сам был его дирижером. Это так?*

— Не верю. Я думаю, это вот откуда возникло. Когда стали говорить о введении чрезвычайного экономического положения (Язов, Крючков, Госплан), то Михаил Сергеевич вяло отбредивался: «Вы что, около каждой шах-

ты по солдату поставите?» Может, эта вялая реакция послужила для них поводом. Надо было прекратить всякие разговоры о чрезвычайном положении. Когда все это произошло, я спрашивал своих друзей и самого себя, как бы я поступил. Когда делегация пугачистов прилетела в Форос уговаривать Горбачева, я бы сел в самолет и улетел в Москву. Я спрашивал охранника, который предал тогда Горбачева: «Он мог бы улететь в Москву?» Тот ответил: «Кто мог ему помешать?» Все же понимали, что стрелять по самолету президента — это мировой скандал. Никакое правительство потом не оправдается. Горбачев остался. Почему — я тоже не знаю. Я ни разу его не спрашивал. Не хочется перечислять ошибки. Их было много. И не только его. Когда ненасильственным путем переделываешь тоталитарный строй в демократический, знаете...

— *Неблагодарная работа?*

— Тяжелая работа. Я до сих пор хожу в шпионах. Недавно в «Газете» сновя Крючков эту тему поднял. А вот в отношении пугачистов в обществе настроение какое: всю эту шатию-братию, всю эту шпану привечают как своих банки, комсомольские и коммунистические, разные экономические структуры. Все они устроились на работу в банки. Один я на пенсию живу. Один.

— *Зато живете интереснее многих.*

— Интереснее, конечно.

№ 97

ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Итоги, 15 марта 2005 г. Беседу вел А. Камакин.

Два десятилетия назад, 11 марта 1985 года, Пленум ЦК КПСС единогласно утвердил на посту генерального секретаря Михаила Горбачева. Началась цепь событий, радикально изменивших политическую карту планеты. О двадцати годах, потрясших страну и мир, в интервью «Итогам» рассказывает человек, которого называют архитектором перестройки, бывший член Политбюро ЦК КПСС, ныне — председатель Комиссии по реабилитации жертв политических репрессий при Президенте России Александр Яковлев.

— *Александр Николаевич, пожалуй, ни один период в отечественной истории не вызывает столь разноречивых суждений, как бурное время середины 80-х — начала 90-х. Чем все-таки закончилась перестройка — победой или крахом?*

— Во-первых, она еще не закончилась: многие лозунги и задачи перестройки продолжают оставаться актуальными. Но по крайней мере мы сегодня имеем возможность говорить, что хотим, верить, во что хотим, жить там, где хотим. У нас есть парламент и частная собственность. Список завоеваний перестройки можно продолжить. Поэтому говорить о крахе было бы неверно. Другое дело, что сегодня происходит определенное насилие над принципами перестройки, идет авторитарная модернизация общества. Мы мечтали, например, совсем о других судах — о независимых, а не «басманных». По существу, вернулась однопартийная система: парламент стал послушным. Государственные СМИ начинают напоминать оруэлловское «министерство правды». Я бы назвал такое положение дел диктатурой чиновничества: чиновник сегодня что хочет, то и делает. Но убежден, что это все временные явления. Хотя рабская психология еще не изжита, перестройка все-таки сильно изменила общество, оно далеко не то, что прежде.

— В 1985 году Вас уже можно было назвать антикоммунистом?

— Да. Но я не хотел выдавать себя. Почему? К этому времени я пришел к убеждению, что при всей самоотверженности и благородстве диссидентского движения ничего из него не выйдет. Я понимал, что свернуть тоталитарный режим можно только с помощью тоталитарной партии — опираясь на первые порох на ее дисциплину, а затем на ее протестное, реформаторское крыло, которое будет становиться все мощнее. Так и было сделано.

— Ваше мировоззрение менялось постепенно, или произошел некий скачок, заставивший Вас стать противником системы?

— Конечно, постепенно. Все начинается с сомнений. Например, в 1947 году в нашей Ярославской губернии был страшный голод, дети умирали, а органы безопасности писали записки о том, что враждебные силы распространяют провокационные слухи о голоде. Мне, молодому, пришедшему с фронта человеку, это казалось диким. Но добил меня, конечно, XX съезд¹. Я вдруг услышал, что первое лицо государства говорит о Сталине, о том, кто считался величайшим гением всех времен и народов, как о преступнике. Я тут же ушел из ЦК, пошел учиться². Начал перечитывать Маркса и Ленина и понял, что это обман, пустышка, учение для нищих.

— Михаил Сергеевич разделял Ваши убеждения?

— Он тоже стоял за демократизацию, но ему все-таки нравился социализм — обновленный социализм, «социализм с человеческим лицом». Я к тому времени в социалистические химеры уже не верил.

— Судя по социологическим опросам, многие в России до сих пор считают себя жестоко обманутыми прорабами перестройки. Им пообещали лучшую жизнь, а вместо этого они получили развал страны, крах экономики, отмену социальных гарантий.

— Обвинять в этом перестройку, по-моему, просто нелепо. Шоковые реформы осуществляли уже совсем другие люди, с другими представлениями о государстве и экономике. Тем не менее и 90-е годы нельзя мазать одним черным цветом. В конце концов, мы получили одну из самых демократических конституций в мире³. Кроме того, несмотря на хаотический характер приватизации, несмотря на все неприятности, связанные с освобождением цен, мы все-таки начали понимать, что такое собственность и что такое деньги⁴. Осуждать легче всего. Если вы спросите, какие мы ошибки сделали во время перестройки, — их полно. Мы не всегда были последовательны, не всегда решительны. За очень короткий срок в политике изменилось почти все, а в экономике — практически ничего. Иногда еще говорят: мы, мол, не имели плана. Но нашим планом был курс на демократизацию общества. Высказываться конкретнее было просто опасно. Представьте себе, что мы сразу бы заявили, что хотим сменить тоталитарный режим на демократический. В лучшем случае оказались бы после этого где-нибудь в Магадане. Да, я знаю многих наших аналитиков, которые сегодня смело заявляют, что надо было сделать так-то и так-то. Но двадцать лет назад они почему-то молчали.

— Какое событие оказалось роковым для судьбы перестройки — антиалкогольная кампания⁵, чернобыльская катастрофа⁶, межнациональные конфликты, попытка государственного переворота?⁷

— Безусловно, попытка переворота, которая, в общем-то, и развалила Советский Союз. Дело даже не в том, что образовалось пятнадцать независимых государств, — может быть, стратегически это даже хорошо, пусть устра-

ивают свою жизнь, как хотят, — а в том, что распад получился хаотическим. С точки зрения экономики, это всем нанесло колоссальный ущерб.

— *И все-таки падение популярности Михаила Горбачева началось со знаменитого антиалкогольного указа. Кто был автором идеи?*

— Проект уже был почти готов при Андропове, это было андроповское наследие. А Лигачев, Соломенцев да и большинство членов Политбюро были горячими поклонниками Андропова.

— *Собственно, и Михаил Сергеевич считался его креатурой.*

— Да, но сам он без восторга отнесся к этим предложениям. Однако Горбачев был еще слаб политически, в Политбюро у него тогда было мало активных сторонников. И, конечно, он не смог противостоять такому напору. К тому же сам он не пил, что, наверное, тоже стало одной из причин. Кроме того, он тысячами начал получать письма от благодарных женщин. Но, разумеется, это вовсе не означает, что решение оказалось правильным.

— *Вы были против?*

— Категорически против. Не скажу, что я предвидел все негативные последствия антиалкогольной кампании, но запретительные меры у меня всегда вызывали отвращение. И это, к сожалению, не единственная допущенная тогда глупость — перестройка начиналась с очень противоречивых шагов. С одной стороны, мы говорили: «Надо строить демократическое государство». А с другой — то решение, которое вы упомянули. Или возьмите постановление о борьбе с нетрудовыми доходами⁸ — ересь, жуткая ошибка. Но в то же самое время было принято решение о развитии кооперативов⁹, из которых выросли потом некоторые так называемые олигархи.

— *В те годы большой популярностью пользовалась теория конвергенции, согласно которой экономические, политические и прочие различия между капитализмом и социализмом будут постепенно сглаживаться, что приведет к их слиянию. Это было утопией или нереализованным шансом?*

— Нет. Я не верю в то, что социалистическая система могла бы конвергироваться с капиталистической: органически порочное нельзя соединить с трезвым разумом и свободой. Капитализм никогда не принял бы централизованного планирования экономики, а социализм не смог бы пойти на введение частной собственности. Иначе это уже был бы не социализм.

— *Есть и такая, весьма распространенная точка зрения: разрушая монополию партии на власть, реформаторы не сознавали, что одновременно ломают и каркас государства.*

— Ну, а как можно было тоталитарную систему преобразовать в демократическую? Только через слом. Но мы с первых дней перестройки говорили, что самое главное — сделать это ненасильственным путем. Поэтому изменения по существу были революционными, а методы... Может быть, многие последующие деформации происходили и происходят из-за того, что номенклатура до сих пор всеми когтями держится за власть.

— *Вы имеете в виду то, что, в отличие от большинства стран Восточной Европы, наша страна не прошла через радикальную смену властной элиты?*

— Конечно. Надо было уже на первоначальном этапе решительно сместить номенклатуру. Но, понимаете, у Михаила Сергеевича был принцип: не надо ломать людей через колено. Это, в общем-то, правильно: ломать через колено, как в свое время делали, действительно не надо. Но вот снимать с работы, думаю, было не только можно, но и нужно.

— Это качество Горбачева и предопределило то, что случилось в августе 1991 года?

— Совершенно верно. Ведь тогда против нас выступила самая, как говорится, махровая номенклатура — военная, кагэбистская, партийная. Я неоднократно предупреждал Горбачева: грядет попытка переворота¹⁰. Но, к сожалению, он не захотел прислушаться, отвечал, что у них не хватит ума и храбрости.

— *Бывший шеф КГБ и гэкачепист Владимир Крючков в своих интервью утверждает, что Вы были «засланным казачком», агентом влияния, выполнявшим задание Запада по развалу страны. Теперь, спустя двадцать лет, можете сказать правду: вы агент?*

— Да, я агент, но агент свободы, а не ЦРУ. В свое время я добился рассмотрения этого вопроса прокуратурой: они больше трех месяцев изучали вопрос, лазали по архивам внешней разведки и дали в конце концов документ, подтверждающий, что все это мерзопакостная ложь. Генпрокурор сказал мне тогда, что теперь я могу подать в суд на Крючкова и он получит от 3 до 5 лет за клевету.

— *Не пробовали?*

— Уже подобрал адвоката, а потом подумал, что сажать в тюрьму — это как раз крючковская идеология, у меня противоположные взгляды. И махнул рукой. Что с него взять? А страну развалил как раз крючковский мятеж, именно после него начался «парад суверенитетов»¹¹.

— *Тем не менее Крючков не без Вашей помощи получил свой пост.*

— Да, каюсь. Это моя, может быть, самая большая ошибка. Но знаете, в разговорах со мной он притворялся таким демократом, так виртуозно играл, что, думаю, театр потерял большого актера. Как-то, например, говорю: «Слушайте, пора переходить на альтернативные выборы. Что мы позоримся перед всем миром — выбираем одного из одного? Давайте проведем эксперимент в какой-нибудь области». Крючков — он тогда был главой внешней разведки — отвечает: «Ну зачем в одной области? Давайте сразу по всей стране». И я, к сожалению, поддержал его выдвижение на пост председателя КГБ. Его предшественник Чебриков был гораздо более порядочный человек.

— *А знаете, Александр Николаевич, как некоторые называют сегодня Китай? «Страна победившего ГКЧП». И в самом деле, не свидетельствуют ли экономические успехи Поднебесной о том, что мы несколько поторопились с демократией? Могла ли страна пойти по китайскому пути?*

— Дай бог Китаю и дальше двигаться по этому пути. Но мы ведь не знаем всей ситуации там. Известно, например, что, несмотря на экономический рост, в КНР полно нищих, целые регионы погружены в нищету. Так что китайский опыт сегодня, по-моему, очень часто используется в спекулятивных целях. А потом, еще рано делать выводы. Когда там начнет появляться действительно рыночная экономика — пока что мы видим только первые ее проблески, — это объективно потребует демократизации. И вот тогда посмотрим, что будет в Китае.

— *Конференция, посвященная юбилею перестройки¹², прошла за границей, в то время как российские власти о событиях 20-летней давности практически не вспоминают. Зато вспоминают о Сталине, который, по мнению, например, спикера Госдумы Бориса Грызлова, сделал для страны немало полезного¹³. Вас нестораживают такие заявления?*

— Не толькостораживают. Считаю, что за такие заявления надо бы привлекать к ответственности. По крайней мере, к моральной. Если госпо-

дин Грызлов не в курсе, готов его просветить: в результате политических репрессий погибло более 20 миллионов человек. Сталин лично, повторяю, лично подписал расстрельные списки на сорок тысяч человек. Как после этого можно говорить, что он сделал что-то полезное для страны? Понятно еще, когда такое заявляет тот, кто потерял власть и полон злости. Но почему те же слова приходится слышать от представителей новой номенклатуры? Может быть, они не знают истории? В таком случае — учиться надо.

— *Примечательно, что многие из борющихся с инакомыслием в советские времена прекрасно вписались в новую жизнь и не испытывают сегодня никаких угрызений совести.*

— К сожалению, мы не учли тогда, что для номенклатуры власть — это все, а на идеологию, на марксизм-ленинизм ей было абсолютно наплевать. И мы не сделали главного: не изменили положения, при котором наверху у нас государство, а внизу маленький человечек, которому чиновник указывает — беги туда, делай это. Необходимо перевернуть эту пирамиду. Наверху должен быть человек, потом — гражданское общество, которое должно следить за тем, чтобы чиновник соблюдал законы. Сейчас, напротив, происходит все большая концентрация власти в руках чиновничества. Отсюда, наверное, и апеллирование к Сталину.

— *Говорят, что слишком много демократии вредно для целостности страны.*

— Никакого распада России нет, это страшилки, которые выдумала та же номенклатура. Конечно, какие-то глупости, какие-то националистические движения были, есть и, наверное, будут. Но ведь понятно, что если эти люди станут доходить до крайности, то их привлекут к ответственности. Убежден, что общество может быть единым только в том случае, если оно свободно. У нас уже было «крепкое» государство, которое держалось на страхе и расколосось, как гнилой орех: ни один человек не вышел на улицу для его защиты.

— *Можно ли считать продолжением начатых 20 лет назад демократических преобразований те события, которые мы наблюдаем сегодня, например, на Украине¹⁴?*

— Думаю, да. Только не будем торопиться, времени-то прошло еще очень мало. Сейчас перед новым украинским руководством стоит задача сделать на практике то, о чем они говорили на митингах. А ожидания, к сожалению, редко совпадают с реальностью.

— *Как, по-вашему, украинская «оранжевая революция» может повлиять на ситуацию в России?*

— Конечно, ничего подобного в России не произойдет. У нас «оранжевая революция» обернулась бы кровопролитием, очередной гражданской войной. Мы же еще одной ногой на баррикадах стоим, только-только вторую опускаем на грешную землю. Разумеется, события на Украине могут послужить просвещению умов. Однако есть и опасность того, что возродится известный лозунг российского тоталитаризма: «а вот мы этого не допустим». Под этим лозунгом мы поставим железный, а если не выйдет — фанерный занавес и объявим «прохладную войну». Но если украинцы действительно пойдут по тому пути, по которому обещали, никакие окрики, никакие суровые меры не помогут.

— *Над чем сейчас работает возглавляемая Вами Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий?*

— Комиссия формально не ликвидирована, но все люди переведены в Отдел писем, я не получаю никаких поручений. Последнее, что сделал, —

направил президенту материалы о реабилитации царской семьи¹⁵. Но вопрос до сих пор не рассмотрен, и, кажется, никто рассматривать его не собирается. Надо подождать еще некоторое время, видимо, после 60-летия Победы с комиссией все окончательно станет ясно.

— *То есть ее упразднят?*

— Гадать трудно, но, судя по тому, как развиваются события, так оно и будет.

— *Вы считаете, это неправильно?*

— Конечно, неправильно. У нас еще больше 300 тысяч нерассмотренных дел.

— *Какие-то объяснения Вам предьявлялись?*

— Нет, но я знаю одну «гениальную» формулу, мне часто приходилось ее слышать: «Не надо будоражить людей».

— *Свою книгу размышлений о настоящем и прошлом страны Вы назвали «Сумерки»¹⁶. Какие сумерки имелись в виду — предрассветные или послезакатные?*

— Хочется верить — предрассветные, иначе не стоит жить на этом свете.

№ 98

РОДОНАЧАЛЬНИК ГЛАСНОСТИ — О КОНТРЕФОРМАХ

Независимая газета, 19 апреля 2005 г. Беседу вела А. Самарина.

Александр Яковлев, бывший член Политбюро ЦК КПСС, ныне — президент Международного фонда «Демократия», недавно вернулся из поездки по стране, где выступал с лекциями о жертвах сталинского режима. Прораба перестройки настораживают последние социальные реформы, ограничение свободы слова и попытки реабилитации сталинизма. В интервью «НГ» Яковлев анализирует современную политическую ситуацию в России.

— *Александр Николаевич, чем опасен авторитаризм? Многие политики и политологи находят сегодня в этом способе правления большие преимущества. Термин даже обрел приставку «просвещенный».*

— Создается впечатление, что в то время, как уголовщина ленинско-сталинского режима уходит в прошлое, вой мотора корабля власти остается старым, советским. Меня беспокоит больше всего не президент и не его окружение, меня тревожит наше чиновничество.

Оно, жадное, ленивое и лживое, не хочет ничего знать, кроме служения собственным интересам. Ненавидящее людей. Оно, как ненасытный крокодил, проглатывает любые законы, любые инициативы людей, оно ненавидит свободу человека. Авторитаризм всегда считал людей простым возобновляемым ресурсом. Как трава или дерево — скосил, срубил, снова все вырастет. Отношение к людям — как основное мерило цивилизованности общества — у нас находится на очень низком уровне.

— *Между тем в стране давно существует многопартийная политическая система. Лидеры некоторых структур мотивированно критикуют власть.*

— Сейчас действительно много партий. Таких, эдаких, правых, левых, нападающих, обороняющихся. Все это какие-то странные игры, имитация демократии. Переписывают друг у друга программы. Заранее можно сказать, что скажут. В этих условиях создание однопартийной системы, что сейчас у нас и происходит, — верный путь к авторитаризму. Может быть, появятся

партии, которые будут изображать из себя то ли оппозицию, то ли полуопозицию, они будут то ли бить поклоны перед властью, то ли иногда высказываться против нее. На самом деле они не будут играть никакой роли — при однопартийной системе. Если бы большевики были поумней в свое время, они тоже насоздавали бы штук десять таких вот клопиков, маленьких, бегающих по телу общества... У меня создается впечатление, что воссоздание однопартийной системы в нашей стране волнует людей даже наверху. Может быть, придет понимание, что это тупиковый путь развития. Ведь вот провал с монетизацией¹ — тоже результат отсутствия оппозиции. Была бы мощная оппозиция, наверняка бы спора не избежать. И народ бы, наверное, понял, что ему грозит определенная опасность, значительно раньше. Оппозиция — это также инкубатор новых лидеров. Новый лидер не выскочит из пещеры, из тайги, из моря, из речки не выплывет. Лидер создается политически в процессе дискуссии, спора, опыта. Видите, кто появляется: усредненные личности, как будто их по одному штампу в мастерской восковых фигур делали, на один и тот же манер. В связи с этим даже интеллектуальный уровень обсуждений при однопартийной системе снижается, они становятся неинтересными, не затрагивают общество.

— *Можно ли ожидать усиления пассивности в обществе — при том что выборов становится все меньше, их результаты все более предсказуемы, а референдумы практически запрещены?*

— Конечно, снижение уровня избирательности отталкивает людей от этого процесса. Мне говорят: старый губернатор, его надо поменять — согласен. И у меня жалости к ним ни малейшей нет. Но решить-то вопрос можно по-другому — изменить, в частности, избирательный закон. Надо их лишить денег и считать их использование на выборах преступлением. Сейчас впервые после тысячелетнего периода, когда нами правили люди, а не законы, вдруг у человека появилось право голосовать! Но сегодня он и ходить не хочет на выборы. Говорят, выборы по партийным спискам служат укреплению партий. Но каких партий? При разгроме демократических структур остаются партии национал-большевистские. Значит, мы готовим себе националистическое будущее. И это находит свой отклик, если нам каждый день показывают физиономию Сталина. Националиста, шовиниста и убийцы. Ведь это демонстрация: вы, мол, поинтересуйтесь, что он делал, и поищите, так ли он плох. Нам твердят — надо растить партии, выбирая по спискам. Не вырастут они таким образом. А «Единая Россия» так же исчезнет, как «Наш дом Россия», так же расплзется в один момент. ЕР — это некая секта, искусственно созданная чиновничья организация. Я не знаю, сколько у них там рядовых членов, но знаю, что на 90 % она состоит из чиновников.

— *Недавно глава президентской администрации призвал к объединению элит² — чтобы предотвратить распад страны. Может быть, есть еще и другие способы сохранения нашей социальной и политической общности?*

— Я честно говорю: не знаю, что такое элита. По-моему, она еще не сложилась по-настоящему. Я вращаюсь немножко в этих кругах. Кто из них — элита? Какая элита? Та, которая недавно в Лондон съездила³? Что-нибудь сделать они не в состоянии. Вот призывают объединяться вокруг них ради единства государства, которому, кстати, никто не угрожает, хотя на самом деле существует много других путей к единству. Может, сегодня стоит объединиться перед угрозой фашизма? Почему они безнаказанно избивают граждан? Попробуй сделать это в любой демократической стране! А их у нас

охотно защищают. Тех, кто громил выставку в центре Сахарова, отпустили на все четыре стороны — не увидели преступления⁴. Экспозиция была неудачной, но это другой разговор. Однако если мы таким образом будем приучать людей к клерикальному государству, то далеко не уедем. Мы еще больше будем дичать — это же факт. Да еще при наших взглядах церковных, когда РПЦ старательно ищет, как бы поближе прислониться к власти, вместо того чтобы читать убедительные нравственные проповеди. Нам говорят — возможен распад. А я не вижу ни малейших тенденций к распаду. Кроме одной: если мы пойдем по такому пути, то расползание действительно возможно.

— *Что может его предотвратить?*

— Необходимо вернуть в полной мере свободу слова, которая как раз отличный, серьезнейший, мощный рычаг объединения. Ложь всегда разъединяла людей и их структуры. Объединяла людей только правда. Страшно и непонятно, почему власть этого не понимает. Свобода слова, конечно, приносит некоторые неудобства — иногда шалят журналисты, это надо признать, перехлестывают не в ту сторону и попадают в неловкое положение, под суд. Еще во времена перестройки, помню, я каждую неделю выступал перед руководителями СМИ, говоря только одно: пишите что хотите, только не врите. Сегодня пресса отбрасывает меня от знания того, что происходит в стране. Построение чего-то на иллюзиях всегда порождает чудовище. Много и других путей объединения страны: развитие малого бизнеса, развитие малых городов, перенос государственного внимания в Сибирь и на Дальний Восток. А главное, что послужит сплочению общества, это решительное сокращение функций государства и передача их на места.

— *Между тем закрытость общества прогрессирует, власти стремятся засекретить все, что попадает под руку. Нет ли у Вас ощущения, что скоро и Вам не дадут писать и говорить то хочется?*

— Совершенно верно. Появилась даже плеяда журналистов и редакторов под фамилией «Чего изволите». Вот говорят: надо воспитывать на позитивных фактах. То есть как это на позитивных? Надо воспитывать на правде. А мы то шпионов ловим, то архивные документы бывшего государства закрываем, открытые было в первые годы перестройки. Доходит дело до абсурда. Я тут одного деятеля спрашивал: а как же быть — я возьму да процитирую ваш закрытый документ. «Если вы сошлетесь на данные архива, — отвечает, — то это подсудное дело. А если сошлетесь на журнал или на собственную книжку, где это уже было опубликовано, то ничего». Если мы и дальше будем закрываться под видом секретности, то еще больше разведем общество. Тем более что никаких секретов в мире нет — это выдумки чиновников. Я понимаю — когда ловят террориста, то не надо говорить: мы сейчас пойдем его ловить, он на улице такой-то, в такой-то квартире. Но это оперативный, частный секрет. А вот информация о том, где мы, допустим, вываливали радиоактивные отходы, — какой же это секрет? Это надо было давным-давно всем сказать — и повиниться. Ведь вокруг секретов кормятся сегодня миллионы людей. И они хотят, чтобы секретов было больше и больше.

— *Не жалеете, что в свое время с Горбачевым силовиков не разогнали?*

— Я думаю, это наша ошибка. Что касается монстра, я бы его ликвидировал. И создал бы заново — но с другими функциями. Ведь беда, что случилось. Ленин создал ОГПУ и ВЧК уже с политическими функциями — для борьбы с оппозицией, с мыслепреступлениями. С тех пор «органы» и пре-

тендуют на статус политической организации. Кстати, по моей записке КГБ был разделен на несколько частей. Теперь они снова объединяются. А меня обвиняют в том, что я развалил КГБ... Мы еще в ЦК надували щеки, что мы хозяева! На самом деле всегда руководили ЧК, КГБ. Без них, например, мы не могли выехать за границу. Вот я был членом Политбюро. Меня охраняли 15 кагэбистов. Два повара, уборщица — с офицерскими званиями. Начальник охраны — хороший парень, кстати, мы до сих пор с ним общаемся. Как только я ушел, и его уволили моментально.

— *Теперешний центр власти переместился из ФСБ в Кремль?*

— Особенно-то перемещаться ему не пришлось.

— *Перестройка потерпела крах?*

— Нет. Нет и нет.

— *Но гласность-то сворачивается...*

— Сворачивается, но еще не ликвидирована.

— *А почему это происходит?*

— Кто-то из советников внушил президенту, что в России — ввиду дикости, ввиду традиции российской левизны — проводить либеральные реформы можно только при авторитарном режиме. Надо, мол, как Салтыков-Щедрин сказал, «за морды взять народишко». Это ложная концепция. Либеральные экономические реформы может проводить только инициативный, свободный человек. А что делают у нас с такими людьми — с малым бизнесом в первую очередь? Поэтому я уверен: если у нас и произойдет поворот к тоталитаризму, произволу, то локомотивом будет чиновничество. Распустившееся донельзя, жадное, наглое, некомпетентное, безграмотное сборище хамов, ненавидящих людей.

— *Изменила ли что-нибудь, на Ваш взгляд, в этой сфере недавняя административная реформа⁵?*

— Жуков правильно жалуется, что в результате реформы количество чиновников еще больше увеличилось. Замечу: сокращать чиновничество пытались еще при старом строе. Однажды я присутствовал на заседании Совета министров, какой-то просвещенческий вопрос обсуждался. Вел заседание Микоян. И один из вопросов касался сокращения аппарата. Микоян говорит: «Да не верю я в это. У нас эти реформирования похожи вот на что — подойдешь к дереву, а там много-много ворон сидит. Шуганешь их, они все взлетят. Постоял пять минут, сели обратно, но — больше!»

— *Январские выступления пенсионеров и студентов стали для власти, похоже, большим сюрпризом. Ожидаете ли Вы повторения социального кризиса — например, в ходе реализации реформ ЖКХ, медицины и образования? Как поведет себя власть? Отступит — или прибегнет к силе?*

— Выступления возможны. И власть, бесспорно, отступит, будет маневрировать. Вообще в таких случаях в демократическом обществе государственным деятелям надо подавать в отставку. Надо было подавать в отставку после Беслана, после «Курска»⁶... Посадить пару местных милиционеров — самое легкое. Мы к посадкам привыкли. А что будет с теми, кто виноват по большому счету? И потом — мы снова врем. Но здесь происходит одна психологическая ошибка. Некоторые, к примеру, хотя сегодня возродить сталинский режим, но они забывают — мы наелись вранья. Мы теперь знаем: все, что нам говорилось 70 лет, было ложью, которая производилась, скажем так, министерством правды. Сейчас я издал 43 тома, по 50 печатных листов. Это ранее закрытые, засекреченные документы (речь идет о многотомном

издании «Россия. XX век. Документы» под редакцией Яковлева. — «НГ»). Это новая история России. И это другая история — без возмущения и без слез ее читать нельзя. Она полностью опровергает то, что сейчас пытаются воскресить. Это настоящая трагедия страны. Мы получаем отклики. Вы знаете, что многие пишут? Что этого не могло быть.

— *Как Вы оцениваете возросшую активность молодежных движений? Таких, как «Пора!», молодежное «Яблоко»? Заменят ли они в будущем старые либеральные партии?*

— Возможно. Я знаю, например, молодежную организацию «Яблока» — мне многие ребята там нравятся. Это люди с состоявшимися демократическими взглядами, желающие что-то понять. Это люди со знаниями. Я верю в студентов. Пока у них много своих забот: дадут стипендию — не дадут, возьмут в армию — не возьмут. Но я верю в их потенциал. Недели три назад я выступал в РГГУ. Была полная аудитория рождения 1985 года — года перестройки. Я три часа рассказывал им о перестройке. Сорвал им следующую лекцию, но они согласились слушать. Что больше всего порадовало — я читал в их глазах доброжелательное любопытство. Не было готовности немедленно подняться и что-то делать, но любопытство было острое, вопросы острые. Еще интереснее взрослые аудитории. Выступал недавно в своем родном городе. Пришли пять коммунистов и начали срывать лекцию. Кричали: предатель! иуда! шпион! Но основная масса их задавила. Выяснилось, что крикунам дали всего-навсего по 50 рублей, один мужик подошел к ним и сказал: «Возьмите по 100 и уходите отсюда».

— *Почему так много у нас людей, которые идеализируют прошлое?*

— Россия больна вождизмом. Это традиционно. Царистское государство, князья, генеральные секретари, председатели колхозов и так далее. Мы боимся любого начальника. Вы заметили — мы не боимся ни землетрясений, ни потопов, ни пожаров, ни войн, ни террора. Мы боимся свободы и не знаем, что с ней делать. Вот российский парадокс. Как его разгадать? Я понимаю, что тысячу лет жить в нищенстве и несправии — другого менталитета не создашь. А воля — это не свобода. Это антисвобода. Это страшная вещь. Отсюда и появляются у нас фашистские группировки. Идущие вместе... Забавные штурмовики.

— *Возможна ли у нас оранжевая революция?*

— Беда в том, что так, как на Украине, не получится. Там стоят, разговаривают два противника и улыбаются, доказывая что-то друг другу. А мы ведь резать начнем друг друга. Причем начнем бить прежде всего тех, кто не виноват. Сначала. Потом одумаемся и начнем жалеть. У нас уже так было — в 1917 году. Я недавно поспорил с Горбачевым. Он говорит: я тут с Александром опять насчет Ленина не согласен, Ленин же сказал, когда был болен, что мы встали на неправильный путь. Я говорю Михаилу Сергеевичу: он еще до этого укокошил 13 миллионов человек в Гражданской войне. И 2 миллиона эмигрировали. Ленин был бандитом. Никто столько вреда не принес России, как он. Вот что такое наша революция, вернее, контрреволюция.

— *Почему Россия проигрывает лидерство в СНГ?*

— Мы проигрываем по одной причине: у нас не изжито имперское мышление. Вот мы говорим: развал СССР. Почему — развал? В Конституции была статья о праве каждого народа на самоопределение — вплоть до отделения⁷. Это конституционная норма. Республики почувствовали такую возможность — и отделились. Конечно, этот процесс можно было ввести в ци-

вилизованное русло — путем договоренностей по территориальным вопросам, по экологическим, взаимных долгов. Да пусть себе эти люди живут как хотят. А нам все равно хочется покомандовать. И не только элите, но и обывателям, иногда малограмотным: почему-то они считают своими и Киргизию, и Украину... Мы, мол, конечно, равные, но более равные, чем они. И они это чувствуют, и отшатываются, и уходят, уходят. А потом — столько натворить! Вот Прибалтика: после войны депортировать тысячи и тысячи людей, а потом ждать поцелуев. Или чеченцы — якобы они всегда были ворами, бандитами и так далее. Ну хотя бы почитали Толстого, Лермонтова — хоть бы что-нибудь почитали! Чего мы ждем от них? В 1944 году всех погрузили в вагоны, оставшихся больных и немощных стариков заперли в сараях и сожгли, а на пути в Казахстан 30 % погибли, их них половина — дети, которых выбрасывали из вагонов зимой на съедение волкам. Чего мы ждем от них? Любви, уважения? Кто мы такие, чтобы судить-то их? Это они должны нас судить, а не мы. Это перевернутое имперское сознание! Причем въелось ведь. И виновата в этом власть. Власть как система, как феномен. Это проклятое чувство власти нас не отпускает, держит в плену. Нашу душу, нашу голову, сердце. И люди не хотят расставаться с властью: убивают, калечат, подсиживают, в тюрьму сажают... Потому что до сих пор у нас существует простая триада. Наверху — государство, которое мы исправно укрепляем. Под ним общество болтается. Хочу — сделаю из него гражданское, хочу — полугражданское, хочу — просто стадо. Это тоже у Оруэлла хорошо описано. А где-то внизу человек бегаёт. И пока мы эту пирамиду не перевернем — толку не будет.

№ 99

ВЛАСТЬ ОПЯТЬ СПОРИТ С ИСТОРИЕЙ

Новая газета, 5—11 мая 2005 г. Беседу вел А. Липский.

Беседа с ветераном Великой Отечественной и архитектором перестройки о стремлении нынешних руководителей приватизировать прошлое.

— *Первый вопрос к Вам и как к участнику войны, и как к человеку, который в годы перестройки и в последующие годы сделал очень много для восстановления исторической правды. Вас не коробит, что 60-летие Победы стало поводом для очередного тура ресталинизации?*

— Более кощунственной кампании я что-то не припомню. Я все время задаю себе вопрос: кто же мы такие? Сталин мертв. Но известно, что он лично подписал по представлению органов расстрельных списков на 44 тысячи человек — не зная их, не читая материалов их дел. Это только лично, не считая тех миллионов, которые были погублены вследствие его политики. Как можно поднимать человека, лично убившего 44 тысячи человек? Я никак не пойму — ни нравственно, ни политически — тех людей, которые таскают портреты Сталина. Они думают, что держат эти портреты за деревянные дровки. А на самом деле они держат их за кости убитых Сталиным. И им это почему-то не жжет руки.

Страна была карательной по своей сути. Все начиналось в пионерском отряде, где мы были обязаны критиковать друг друга и выявлять свои и чужие недостатки. Потом была комсомольская карательная организация, партийная. Карательной организацией был и так называемый трудовой коллек-

тив — кого-нибудь мы всегда разоблачали. Мне как председателю Комиссии по реабилитации¹ пришлось столкнуться с феноменом массового доносительства. Доносили на всех — на сослуживцев, на соседей. Я даже читал донос одного осужденного на 10 лет за «политику» на другого осужденного по той же статье на тот же срок по поводу рассказанного им анекдота про Сталина. До какого же упоминания дошла страна! В свое время Лев Толстой сказал: «Мы больны». И это факт: мы действительно больны.

— А почему же очередное обострение болезни происходит именно сейчас? После того как мы вроде бы частично от нее излечились в период перестройки и в последующие годы? Люди, выросшие при сталинском режиме, уходят, а болезнь почему-то обостряется.

— Это проблема власти. Каждая власть стремится написать свою историографию, угодную данной власти. Возьмите царя Алексея Михайловича — он начал создавать свою историографию, Петр I — свою, Екатерина — свою. Большевики создали такую историографию, в которой сама история исчезла, а нам подсунули какой-то суррогат. А поскольку рецидивы авторитаризма очень сильны, поскольку тысячу лет Россия жила не законами, а волей отдельных людей, психология в стране царистская. Потому скажи завтра президент, что не дело восхвалять убийцу, уверяю вас, эта кампания прекратится.

— Но очередной официальный пересмотр истории идет не только внутри страны. Он направлен и вовне, что происходит ценой ухудшения отношений с соседними странами, которые раньше входили или в СССР, или в Российскую империю. Почему после того, как с большим трудом все-таки удалось стереть некоторые «белые пятна» нашей совместной истории, ослабить идеологическое государственное давление на историографию и передать проблемы истории во владение историков, мы снова наступаем на те же грабли? Почему вновь идет официальная ремифологизация предвоенного периода и истории Великой Отечественной и Второй мировой войн?

— Многое кроется просто в невежестве представителей власти. Что-то идет и от историков, которые много лет читали одни лекции, потом им пришлось их корректировать. А теперь они обрадовались, что можно снова вернуться к привычному. Во всем этом меня не так беспокоит ссора с соседями. С ними мы помиримся, когда Россия вернется на демократический путь, а она обязательно вернется. Больше беспокоит меня то, что люди всерьез берутся вступать в спор со временем и историей. Это поражает. Если Петр I, которого я не идеализирую, создавая свою историографию, глядел вперед, то нынешние властные интерпретаторы обращены назад, повторяя ошибки прошлого. Я думаю, что виной всему этому — пережитки имперского сознания. Мы очень обиделись на историю за то, что она пошла не совсем так, как хотелось, и события привели к образованию новых независимых государств и к обретению бывшими «союзниками» СССР полной независимости.

Но дело не только в этом. Власть сейчас взяла на вооружение следующую идеологию: проведение рыночных экономических реформ невозможно без авторитарного правления. Потому что русский народ до полной демократии не дорос, он к ней не готов — такой вот он недотепа.

— И что, в связи с этим надо вновь говорить, что пакт Молотова — Риббентропа был исторической необходимостью? Где здесь прямая связь с авторитарной моделью проведения рыночных реформ?

— Это нужно, чтобы показать: мы всегда были правы. Это властная ответственность правоты. Живем хуже всех, а виноваты в этом не мы, а другие.

Нам постоянно нужен враг, почему-то нам легче, когда он есть. Мы все время на баррикадах. Вот только-только, начиная с 1985 года², стали спускать ногу с баррикад, а нам эту ногу опять толкают назад: а ну полезай обратно! Конечно, пакт 1939 года³ с его разделом сфер влияния — это чистой воды империализм. Такой же, кстати, как и захват мира через мировую революцию.

— *Почему государство в XXI веке вообще должно лезть со своими лекалами в такую деликатную вещь, как история? Ведь этим должны заниматься исключительно историки. Зачем государственные деятели это делают, забавляя и одновременно пугая просвещенную общественность в своей стране и за рубежом?*

— Отвечу просто: для поддержания собственных штанов. Хочется побыть у власти как можно дольше. А для этого надо мобилизовать вокруг себя разных психов, которые иногда называют себя патриотами. Помню, на войне мы и в атаку ходили, и атаки отражали, но никому даже в голову не приходило, что мы патриоты. Мы честно воевали, потому что защищали свою семью, свою мать, своих друзей, свою землю, в конце концов. Чем больше у власти спадают штаны, тем больше она нуждается в поддержке. И поскольку не находится ни ума, ни средств найти эту поддержку в современной жизни, в развитии реальной экономики, технологий, свободе, инициативе людей, народовласти, она начинает копать в мусорных ямах прошлого: нельзя ли там найти какой-нибудь изумруд. А если такового нет, то нельзя ли что-нибудь почистить и выдать коровью лепешку за парижские духи. Отсюда и восхваление откровенных убийц — Ленина, Сталина, Дзержинского. Отсюда и очередное оправдание плодов их политики.

№ 100

«ЭТО ДЕНЬ, КОТОРЫЙ МЫ ЖДАЛИ И ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ...»

Журналист, № 5, май 2005 г. Беседу вел В. Круковский.

Крупнейшего политика и ученого нашего времени Александра Николаевича Яковлева справедливо называют отцом демократических реформ и перестройки в России. Не все, конечно, рукоплещут его подвижнической деятельности. Сегодня, в дни эйфории в связи с 60-летием Победы, найдутся среди ветеранов и такие, которые скажут: «Легко было им, не нюхавшим пороха, сидя в высоких кабинетах, разрушать то, что мы, не жалея крови, защищали с оружием в руках...» Он знает, что таких много. В ответ может только улыбнуться и пожать плечами. А может, к ночи заночует вражеская пуля, которую годами он носил под самым сердцем. О жизни, о войне и ее героях с Александром Николаевичем Яковлевым беседует корреспондент «Журналиста».

— *Каким, Александр Николаевич, запомнился Ваш первый День Победы?*

— Это был день, о котором без пафоса говорить трудно, хотя я пафоса и не люблю. Все ждали: вот-вот война кончится, но самое внезапное как раз то, что давно ждешь. Вот и у нас прозвучал настойчивый стук в окно. Подошел и увидел лицо своего товарища, сокурсника по институту. В то время я уже вернулся с фронта. Машет мне рукой: мол, выходи. Вышел на улицу. Он кидается ко мне, кричит: «Победа, победа!»

Это было ранним утром, а уже по улице бежали люди. Поток этот лился в центр города Ярославля к площади Волкова. Наверно, не найти слов, которые точно передадут тогдашние мои чувства: и радость, и растерянность, и реак-

ция на окружающих — как они восприняли эту радость? Кто-то из женщин рыдал, кто-то бурно выражал восторг, кто-то бегал с поллитрой, готовый налить всякому. Где-то целуются совершенно незнакомые люди. Радость и боль, радость и слезы. Это ведь четыре года мучений, ожиданий и боли от вестей о смерти близких. И еще голода. Вся жизнь этих четырех лет вместились на этой площади в этот один день. И было еще одно чувство — чувство всепрощения даже к тем, кто отлынивал от войны, кто наживался за счет войны.

— *Вы извините за этот вопрос: на площадь Волкова Вы шли на своих двоих или на костылях?*

— На костылях. Я с ними и приехал из госпиталя, на них встретил День Победы. И храню их до сих пор.

— *А на фронт как попали и когда?*

— К началу войны мне не было еще 18 лет, как всем моим однокашникам из десятого класса Красноткацкой средней школы Ярославской области. Мы были просто мальчишками, которые еще стеснялись смотреть девочкам в глаза. Еще строили планы, куда идти дальше, чем заниматься. Мы тогда не знали, что наша юность будет украдена.

И когда грянула война, мы сами побежали в военкомат. Но там сперва сказали: идите и не мешайте работать! Придет черед — вызовем. Мы с другом Мишей Казанцевым подали заявление в военно-морское училище. Даже повестка пришла на экзамены, но я передумал: как же пойду учиться, когда другие воюют? Конечно, это была бравада, внушенная пропагандой. Мол, все кончится быстро, разгромим врага на его земле (а раз так, то надо успеть!). И ждали повесток. Ко мне она пришла в августе 1941 года.

Мать накрыла стол, собрались сверстники. Отец разрешил нам по рюмке вина, ели картошку с капустой, пели... «В далекий край товарищ улетает...» А утром — на вокзал в Ярославле. Следом в августе ушел на фронт и отец. Мать осталась одна с тремя маленькими сестрами.

Записали меня в танковое училище. Но суматоха и неразбериха той поры круто и непредсказуемо все меняла. А кончилось все направлением в Глазов, в Ленинградское стрелково-пулеметное училище. Туда бросили всех — и летчиков, и танкистов, и артиллеристов. Срочно нужны были взводные и ротные, которые погибли в первые же месяцы войны.

— *А в морпехи Вы попали — это что, результат заявления в морское училище или тоже военный случай?*

— Случай. Окончил я училище, дали взвод уже в Чувашии. Две недели обучал новобранцев — чувашей, которые были чуть не вдвое старше меня. Они никогда не стреляли да и по-русски плохо говорили. И я должен был научить воевать, хотя и сам толком не умел. Вот и повез их на фронт. Даже мы, мальчишки, понимали, что везем туда пушечное мясо.

Ночью на какой-то станции вдруг команда: всем офицерам построиться у эшелона. Стали по очереди вызывать. Трое за столом, одни и те же вопросы. А через некоторое время нам зачитывают приказ: откомандировать в распоряжение Балтийского флота. Того самого, которого к тому времени фактически уже не было, да и Ленинград был окружен. Вручили предписание, куда явиться, и поехал я совсем в другом направлении — на Волхов, там десяток километров по болоту. Был февраль, болота не замерзли, топь, грязь. Так и оказался я в морской бригаде. Построили. Вышел капитан первого ранга и скомандовал: «Сопли утереть!» Меня назначили командиром взвода в роту автоматчиков.

— *Помните Ваш первый бой? Какие были ощущения?*

— Еще когда шли по болотам, слышен был гул и видно зарево. И чем ближе к фронту, тем этот гул — громче, зарево — ярче. А еще стрельба, ракеты. Сердце у мальчишки, конечно, ёкало. Хотя нас, когда везли — «воспитывали». Вдоль дороги на Волхов были штабелями сложены убитые немцы, да еще трупы были расставлены в разных позах, чтобы мы видели: вот что надо делать с врагами!

А первый бой — к нему уже пришло обывкание в землянке или окопе при артналетах. Они были такими, что даже желание возникло скорее броситься в атаку. Однажды в лесу наткнулся на вытаявших из снега убитых наших солдат. Совсем мальчишки, заморожены были и от того казались живыми, заснувшими. Убежал с этой поляны от чувства страха. Ведь себя таким представил, от себя бежал. А первый бой впечатления не оставил, оно было заглушено тем, что было до этого, что видел и слышал. Стреляли, бежали в контратаку, в нас стреляли. Вот и все впечатление. Было, правда, еще чувство — удивление, когда считали убитых. Одно знакомого, оказывается, убило, другого. Как, почему, разве такое нормально? Это потом, позже, ожесточились, озверев, привыкли, стали считать нормой, что сидевшего с тобой вчера в землянке товарища сегодня уже нет.

Сейчас бывает странным читать в литературе красочное описание рукопашной схватки, попытка передать чувства ее участников. Я никаких высоких, тем более патриотических чувств не испытывал. Одно стремление: убить раньше, чем убьют тебя. Вот потом, когда каждый вылезет из своей звериной шкуры и реакция у каждого своя — один отрешенно замкнется, курит, курит, другой плачет, третий остервенело сжимает дрожащие кулаки и матерится. Вот с тех пор я и ненавижу войну, твердо знаю: справедливой войны не бывает!

— *А чувство страха, как оно проявляется? Вот что для Вас было самым страшным на войне?*

— Трудно поверить, но страха я не ощущал. Была в тяжелые минуты какая-то внутренняя дрожь, что-то внутри тебя трепыхается... Но вот больше всего боялся мин.

— *Ваша рота была, в сущности, диверсионная. Часто переходили линию фронта, выполняя задания в тылу врага. Разве не было чувства: вернемся ли?*

— Было не до того. Вот ставится перед тобой задача и ты решаешь, где переходить, где саперы должны проход сделать, кто из твоих пойдет впереди. А еще как ночью (ведь она была нашим защитником) не заблудиться, найти дорогу. Ты занят делом — опасным, но необходимым и неизбежным. А страх... вот я никогда не думал, что меня убьют. Это кого-то другого могут, но не меня. Такое было неистребимое чувство. Так, наверное, мы желаемое старались выдавать за действительное. Там, на чужой стороне, делаешь что положено — линии связи разрушаешь, мосты, все, что может помешать врагу и помочь своим. Страх приходит, когда уже благополучно вернешься. Да и то он глубоко спрятан под коллективной бравадой. Это потом писатели и журналисты напридумывали героизма: «За Родину, за Сталина!» А политрук наш все время, пока я воевал, ни разу даже имя Сталина не назвал ни в бою, ни перед боем. А читал он нам знаете что — статьи Эренбурга в «Красной звезде».

— *А вот Вам как молодому командиру, мальчишке в сущности, как удалось и удалось ли самоутвердиться среди моряков?*

— Да, моряки — народ крутой, командиров и матросов взяли прямо из резерва и с кораблей. Все были старше меня. Пехоту нашу они презирали.

Воевать по-пехотному тоже презирали. «Полундра!» — вот и вся их хитрость и тактика. Заставить их ползать было выше моих сил. Были колкие подшучивания, остроты. Выручало то, что я все же был грамотнее подчиненных. Я был начитан, и меня любили слушать в землянках.

После одного случая меня признали командиром. Вызывают однажды в особый отдел бригады и дают команду: собрать лучших бойцов и провести по немецким тылам женщину аж до самого Новгорода. Там оставить ее у кладбища. Не доведем — лучше не возвращаться. Так и сказали. Догадался — разведчица. Шли ночами. Путь неблизкий. Привели как положено, а обратно — заблудились. Понятно, один говорит: старшой, надо направо, другой твердит — давай налево. Взял карту, компас, вспомнил, как учили ходить по азимуту. И указал, куда надо идти. Точно в часть вышли. После этого все наладилось.

— *Вот Вы упоминали о штабелях замороженных немецких солдат, выставленных в назидание вдоль дороги на Волхов. А советская система, советское дуболомство разве не были причиной бессмысленной гибели многих и многих наших солдат? Вы, наверное, не раз были тому свидетелем?*

— То, что Сталин в эту войну угробил 30 миллионов людей — величайшее преступление перед нашим народом. Кто бы что ни говорил, все равно он останется в истории как преступник. Его психология сформирована гражданской войной, репрессиями, понятиями «революция и контрреволюция». Она действовала и в годы войны. Человек был травинкой. Скосим — новая вырастет. Срубил кустик, новые наростут. Возобновляемый ресурс, а не Божье создание и творение. Приведу один, самый запомнившийся мне пример из моей фронтовой поры. Я возвращался с группой ребят с немецкой стороны в расположение одного батальона. Оживление, радость. По телефону доложил в штаб о завершении операции. Было задание проверить, прибыла ли к немцам новая часть или нет. И тут я оказался невольным свидетелем тупого безобразия. Командир батальона рассказывает: на передовую прибыл заместитель начальника оперативного отдела бригады. Дает приказ взять деревушку за линией фронта. Два раза ходили в атаку, положили половину состава части. Он велел организовать артподготовку, а сам, изрядно хлебнув, пошел в блиндаж спать. А потом, когда рассеялся туман, велел поднимать людей в атаку. Оказалось, эта маленькая «победа» должна была стать презентом к чьему-то дню рождения.

Ну, сидим с командиром батальона, офицерами, выпиваем, разговариваем. Они горюют о потерях. Часовые докладывают — прибыл подполковник с сопровождением. Они идут на замену соседней части. Познакомились. Узнав, в чем дело, полковник удивился. Говорит: давайте я возьму эту деревню, только дайте саперов. Зачем, говорит комбат, — там уже наши солдаты подорвались. Взял он полроты солдат и захватил село при одном нашем раненом. Проснулся штабной, и ему доложили: взята, мол, деревня! Как, кем, кричит. Кто приказал? Сослались на прибывшего полковника. Так он велел его арестовать. Выручил «особист». Он позвонил в штаб по своим каналам, и вояку отозвали, а полковника освободили.

Правда в том, что много было боев и жертв по дурости, по пьянке. Ведь не легенда такой разговор:

- Ну как, бой закончили?
- Да, деревню взяли...
- Какие потери?

— Пять человек...

— Ну и что это у вас за бой — только пять убитых!

Если ты взял какой-то пункт и нет убитых и мало раненых — значит, не было геройства. Вот если ты, дубина, положил половину роты или батальона — это уже геройство. Приезжает военная бюрократия, изучает, кого отметить живых и мертвых. Выясняют, кто трусил. Если трусов не было — это тоже плохо. Им нужны и трусы. Для отчета. Та же система показухи действовала и на войне. Если ты взял рубеж без убитых — награды не будет, вот если полроты положил — тут жди ордена.

И когда сегодня некоторые в золотых погонах кричат, мол, не то показывают, возмущаются фильмом «Штрафбат»¹, вызывают к патриотизму, — я лично делаю вывод: такой на фронте пороху не нюхал, в атаки не ходил. И сегодня нельзя устраивать парады на земле, в которой на полтора метра вглубь тела наших солдат. Вот и сейчас кричат: праздник! Я в ужас прихожу, какой праздник? Да, День Победы. Да, гитлеровский фашизм повержен. А что праздновать? Сталин использовал победу для укрепления своей личной власти, дал толчок к новому витку холодной войны, а начало ее лежит в 1917 году, а не после войны. И после Победы он продолжил войну с народом. Одно кровавое дело следовало за другим. Он очень боялся солдат, вернувшихся с фронта! 1,8 миллиона вернулось из плена, почти все они погибли — расстреляны, сгинули в лагерях.

— *Кстати, Вы занимались реабилитацией бывших военных². Как, по-вашему, остались еще «непрощенные» воины?*

— Думаю, да. Многие еще числятся в предателях. Даже в одном сталинском указе упоминается генерал как трус. А он за две недели до этого погиб в бою.

— *Александр Николаевич, давайте вернемся чуть назад. Правда, что с Вас в военном госпитале потребовали расписку, что Вы не возражаете полностью удалить одну ногу?*

— Да, это правда. Таковы были правила. В меня попали четыре пули, три из них — в ногу. Раздробление, гангрена, ногу хотели ампутировать. Спасло чудо. В госпиталь пришла комиссия во главе с армянским профессором. А мне уже готовы были дать наркоз. Он потрогал торчащий из-под бинта палец и сказал: «Молодой, танцевать еще надо...» И потребовал документы на меня. Больше ничего не помню. Очнулся — по грудь в гипсе. Потянул одеяло и увидел: обе ноги на месте. Профессор снова подошел и спрашивает: «Больно? Танцевать еще будешь...»

— *А свои четыре пули где получили?*

— В одной из наших атак в лесу, брали деревню. Там до сих пор стоит танк. Одна пуля прошла рядом с сердцем. Говорят, в рубашке родился. Но в своем теле долго носил немецкие подарки.

— *А много позже, уже будучи в большой политике, Вы готовили доклад Леониду Брежневу к очередному Дню Победы. И там, в Завидове, на высоком банкете произносили тост за нее... О чем он был?*

— Да, там было шампанское и много тостов за здоровье «великого» воина и фронтовика № 1 Леонида Ильича! Я, обращаясь к нему, сказал, что перед нашими глазами стоят фронтовые девчонки. Как они надрывались, вытаскивая нас, раненых, из боя. Какой это был героизм, как мы их материли от боли и как жалели, когда они плакали. Почему мы о них забываем? Они заслуживают высочайших оценок. Я бы им всем дал звания Героев.

— Ну и как он реагировал?

— Слушал он внимательно и был взволнован. Потом пообещал: надо принять об этом специальное решение Политбюро — общество это одобрит. И... ничего не было сделано.

— Ну, а фронтовые газеты, где описан Ваш боевой подвиг, когда Вы прочитали?

— Это было уже, когда вернулся из госпиталя домой. Вдруг с фронта из нашей бригады вернулся лейтенант Леня Виноградов. Его отозвали в училище в Ярославль. Он мне и привез обе газеты Балтийского флота³. Там и было написано, как старлей Яковлев, будучи раненым, звал матросов в атаку. Там я выгляжу героем. Так было надо.

— Ну, а сейчас как вы воспринимаете весь шумный процесс подготовки к празднованию 60-летия победы?

— Начиная с 1945 года я этот день отмечаю, но не праздную. Ко мне приходят друзья, выпьем по рюмочке, поговорим. Надо мной, как туча, память о погибших. Эта туча павших миллионов. Многие — на моих глазах, и это не позволяет мне праздновать. Это наша великая боль, а не праздник. Сталин вверх нас в эту войну, а перед этим подготовил армию к поражению, уничтожив ее командный состав. Это у меня в голове. Когда-нибудь наш народ поймет, что с ним сотворили. К сожалению, политики спекулятивно используют память людей о погибшем сыне, муже для приобщения к великому событию. Это не праздник, а день глубокой скорби. Деньги, которые тратятся на такие праздники, я бы отдал инвалидам войны и сиротам.

— Вы в свое время выполнили очистительную миссию исторического масштаба, когда помогли обществу раскрыть мрачные страницы нашей истории. Имею в виду пакт Молотова — Риббентропа⁴ и трагической памяти катынское дело⁵. Они и сегодня бросают тень на празднование 60-летия Победы. У Вас нет чувства, что что-то недосказано, недодумано?

— Не было покаяния. Без покаяния невозможно преодолеть нравственный тупик. Режим сталинского фашизма должен быть изжит, он требует покаяния. Это не значит, что надо стать на колени, как-то унизиться. Мы в себе должны покаяться. Вот Прибалтика. Ведь это была оккупация. И надо честно об этом сказать. Катынь — это 22 тысячи невинных жертв, а мы спорим: было — не было. Ведь Сталину даже доложили: задание выполнено! У нас еще много людей, нервы которых состоят из лжи и ненависти. Они потеряли власть над людьми — вот они и бесятся, лишаясь разума. В этом наша беда.

— В Якутии, говорят, ставят памятник Сталину⁶...

— Да, там мэр Мирного не может забыть вождя. Сам внук, наверно, тех, кто эзков охранял, вот и благодарность проявляет. А у настоящих фронтовиков остается горький осадок. Но наш народ пережил такую войну, переживет и это мракобесие. Иначе не могу это назвать.

— Ну, от фашизма мы 60 лет назад освободили весь мир. А себя от сталинизма сумеем освободить?

— Не сомневаюсь. Но вот как скоро, на этот вопрос должны ответить молодые. На них надежда.

— Спасибо, Александр Николаевич, за беседу. Все-таки с праздником Вас!

Примечания

№ 1. «Все мы еще большевики...»

¹ Выступление министра иностранных дел Э.А. Шеварднадзе 20 декабря 1990 г. на IV Съезде народных депутатов СССР, в котором он заявил о своей отставке и протесте против наступления диктатуры. См. интервью А.Н. Яковлева газете «Поиск» от 3 января 1991 г.

² Программа «500 дней» в ее окончательном варианте была предложена в августе 1990 г. группой экономистов в составе С.С. Шаталина, Н.Я. Петракова, Г.А. Явлинского и др. и должна была лечь в основу усилий по «доработке» программы экономической реформы правительства СССР. В начале сентября 1990 г. эта программа была одобрена российским парламентом, и Б.Н. Ельцин потребовал отставки председателя правительства СССР Н.И. Рыжкова, который выступил против «500 дней». В конечном счете М.С. Горбачев взял на себя роль «консолидатора» и выступил 19 октября 1990 г. в ВС СССР с «собственной» программой. В начале 1991 г., оценивая программу «500 дней», А.Н. Яковлев заявил: «...Оба плана были планами перехода к рынку, и это, по моему мнению, было самым главным. В концепции плана “500 дней”, который я поддерживал и поддерживаю, важным было то, что она обеспечивала платформу для политического соглашения. Это был основополагающий момент. Все республики, включая Россию, были согласны. Однако шанс был упущен» (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 202). После отставки Н.И. Рыжкова А.Н. Яковлев рекомендовал М.С. Горбачеву назначить премьером Г.А. Явлинского.

Подробнее о плане «500 дней» см.: Петраков Н.Я. Русская рулетка: Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 89—184; Ясин Е.Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М., 2002. С. 152—169.

³ В ночь на 13 января 1991 г. в Вильнюсе произошло столкновение штурмовавших телецентр и дом печати бойцов отряда КГБ «Альфа» и подразделений Советской Армии с мирными жителями города. Пролилась кровь, было сообщено о 13 убитых и 144 раненых.

⁴ 26 марта 1991 г. Верховный Совет СССР принял решение запретить на срок до 15 апреля 1991 г. митинги и демонстрации в Москве. 28 марта, в день открытия III Съезда народных депутатов РСФСР, в центр Москвы были введены войска, вечером прошли массовые митинги и шествия демократических сил. В конечном итоге, после напряженных переговоров войска были выведены из столицы.

⁵ На Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК КПСС 24—25 апреля 1991 г. был поставлен вопрос об отставке М.С. Горбачева с поста Генерального секретаря.

⁶ Депутатская группа «Союз», например, поддержала на заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 г. премьера В.С. Павлова, министра обороны Д.Т. Язова, председателя КГБ В.А. Крючкова, министра внутренних дел Б.К. Пуго и их требования предоставить правительству дополнительные полномочия. Ранее, в декабре 1990 г., на IV Съезде народных депутатов СССР именно фракция «Союз» поддержала требование отставки М.С. Горбачева. Начало активной деятельности группы «Союз» положило отклонение Горбачевым программы «500 дней» и, соответственно, его отказ от политического компромисса с Б.Н. Ельциным.

⁷ Речь идет о Движении демократических реформ, заявление о создании которого было сделано 2 июля 1991 г. Э.А. Шеварднадзе, А.Н. Яковлевым, А.В. Руцким, И.С. Силаевым, А.И. Вольским, Г.Х. Поповым, А.А. Собчаком, С.С. Шаталиным, Н.Я. Петраковым (см. «Известия», 2 июля 1991 г.). 15—16 декабря 1991 г. прошел Учредительный съезд ДДР. Сопредседателями ДДР стали А.Н. Яковлев,

Э.А. Шеварднадзе, С.С. Шаталин, А.А. Собчак, Г.Х. Попов, А.И. Вольский, В.Н. Шостаковский. При создании ДДР велись горячие дискуссии о том, должно ли это быть широкое движение, включающее различные независимые политические силы, или это должна быть партия с единым руководством и общей идейной основой. А.Н. Яковлев настоял на том, что ДДР должно вначале носить характер движения, а затем, осенью 1991 г., может быть преобразовано в партию. См. подробнее: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 819—824.

Движение с самого начала носило достаточно разнородный характер. 3 марта 1992 г. в интервью «Комсомольской правде» сопредседатель движения А.А. Собчак на замечание «Ваши тезисы жесткой критики правительственного курса (обнищание масс, келейность в решениях, непросчитанность результатов и т.д.) во многом совпадают с известными высказываниями Председателя Верховного Совета России [Р.И. Хасбулатова]» заявил: «То, что наши взгляды в определенной степени совпадают, это нормально. Недостатки в проведении экономической реформы хорошо видны многим... Но я ведь и Верховный Совет жестко критикую. Не меньше, чем правительство». 24 марта 1992 г. в «Рабочей трибуне» председатель исполкома ДДР И.П. Смирнов опубликовал статью «Приватизация власти» о формировании параллельной Советам административной власти и о том, что именно это прямой путь к тоталитаризму. «Пока наша собственность огосударствлена, концентрация власти в руках администрации неизбежно обернется монополией правящей верхушки, т.е. диктатурой». В мае 1992 г. один из лидеров ДДР Г.Х. Попов заявил о необходимости покончить с двоевластием и «советской» системой. В докладе А.Н. Яковлева на съезде ДДР (см.: «Культура», 21 декабря 1991 г.) была изложена концепция ДДР как «правозащитного, правоутверждающего, правоцивилизующего движения».

Однако позиции сторонников ДДР объединял один существенный момент. По формулировке автора статьи в «Комсомольской правде» от 3 марта 1992 г., «изначально заявленное как “всесоюзное” (то бишь все-СНГовское) движение активно стремится разыграть козырь единственной политической силы в масштабах всего бывшего Союза, способной реально влиять на взаимоотношения все дальше расходящихся республик».

На парламентские выборы в декабре 1993 г. вышло не постепенно сошедшее на нет ДДР, а Российское движение демократических реформ (РДДР) — блок, краткая характеристика которого была опубликована в преддверии голосования в газете «Вечерняя Москва» от 30 ноября 1993 г.

«Лидер блока — мэр Санкт-Петербурга Анатолий Собчак. В списке блока — 153 человека. Среди кандидатов — генеральный директор МНТК «Микрохирургия глаза» Святослав Федоров, народный артист России Олег Басилашвили, предприниматель Иван Кивелиди, зам. председателя Независимого профсоюза горняков Сайгали Шарипов, зам. премьера Москвы Александр Брагинский, академик Александр Яковлев, первый зам. руководителя администрации Президента Сергей Красавченко, маршал авиации Евгений Шапошников, экономист Николай Шмелев, певец Олег Газманов, писатель Ю. Карякин.

Движение образовано на учредительном съезде в Нижнем Новгороде в феврале 1992 г. главным образом представителями Республиканской партии (Шостаковского — Лысенко), Народной партии «Свободная Россия» (Руцкого) и Российской партии демократических преобразований (Брагинского). В дальнейшем блок распался, однако Движение сохранилось и имеет довольно много участников и сторонников как в центре, так и на периферии. Более половины из них — научно-техническая и творческая интеллигенция, предприниматели. РДДР заявляет о себе как о демократической оппозиции правительству, однако в критических ситуациях выступает на стороне Президента. Лидеры Движения — Гавриил Попов и Анатолий Собчак.

ИЗ ПРЕДВЫБОРНОЙ ПЛАТФОРМЫ

Главная политическая задача. Вместо унитарного государства создать новый федеральный тип демократической республики с правильным разделением в новой Конституции функций между федеральным уровнем и субъектами Федерации. На федеральном уровне: Президент — гарант реформ, парламент — гарант демократии, правительство — организатор реформ.

Главная экономическая задача. Создать вместо шараханий и штурмов в области приватизации первый вариант смешанной экономики переходного периода по ориентировочной схеме: треть — частная собственность; треть — собственность коллективов и акционерная собственность; треть — собственность государства и органов местного самоуправления.

Главная социальная задача. Вместо реформ, которые или вообще не заботятся о человеке, или стараются поддержать всех вместе в мизерных размерах, осуществить выборочную политику весомой поддержки только тех, кто не может по объективным причинам решать свои проблемы своими собственными усилиями. Стабилизировать доходы граждан, получающих деньги из бюджета, и прежде всего пенсионеров и получателей пособий, путем перехода и к образованию фондов выплат в твердой валюте, чтобы автоматически реагировать на инфляцию. Расширять помощь не в деньгах, а в натуральной форме (лекарства, продукты питания, одежда, стройматериалы и т.п.).

(Программа рассчитана на предстоящие четыре года)».

См. также примечание 7 к документу № 22.

⁸ См. подробнее об обстоятельствах выхода А.Н. Яковлева из КПСС: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 823—824.

⁹ 19—21 августа 1991 г. был создан ГКЧП — Государственный комитет по чрезвычайному положению, провозгласивший переход власти в свои руки. Президентские полномочия «перешли» к вице-президенту Г.И. Янаеву. В состав ГКЧП вошли О.Д. Бакланов, В.А. Крючков, В.С. Павлов, Б.К. Пуго, В.А. Стародубцев, А.И. Тизяков, Д.Т. Язов. В Москву были введены войска. Сопrotивление ГКЧП возглавили президент РСФСР и демократический актив Москвы и Ленинграда. После ареста руководителей комитета М.С. Горбачев был восстановлен на посту президента страны. Сразу после путча вступил в решающую фазу «парад суверенитетов», который в конце 1991 г. привел к распаду СССР.

¹⁰ См. письмо А.Н. Яковлева председателю Верховного Совета Латвийской Республики А.В. Горбунову от 19 декабря 1991 г. (Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 746—747).

¹¹ Речь идет о том, что ликвидация дисбаланса спроса и предложения не могла быть достигнута без мер контроля над эмиссией рубля в других республиках бывшего СССР. По свидетельству Е.Т. Гайдара, за первые пять месяцев общая эмиссия соседей по рублевой зоне, в основном сохранивших контроль цен и другие элементы плановой экономики, на российском рынке составила 232 млрд рублей, в то время как кредиты российского Центрального банка своему правительству равнялись 90 млрд рублей. Это вызвало еще одну проблему — отсутствие необходимой внутренней эмиссии и отставание роста цен от находящегося в обращении денежного номинала. Проблема была частично решена введением с 1 июля 1992 г. механизма корреспондентских счетов, позволившего обособить российский денежный оборот в безналичной сфере. Однако в целом проблему высокой инфляции это не решило, поскольку в июле — августе 1992 г. вопреки рекомендациям правительства был резко увеличен объем денежной массы (см.: Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 165—166, 213—214, 224—226).

См. также примечание 5 к документу № 20 и примечание 13 к документу № 21.

¹² 2 января 1992 г. было отменено госрегулирование цен на всё, кроме хлеба, молока, спиртного, коммунальных услуг, транспорта, нефти, газа и электроэнер-

гии. 27 февраля 1992 г. на заседании правительства было решено снять все ограничения на цены для 12 видов основных продуктов, однако борьба за отпуск цен на топливо уже успела обрести политическое измерение и стать важным фактором сопротивления реформам, поэтому продолжалась долго и привела к затягиванию переходного периода. Так, цены на хлеб были либерализованы только осенью 1993 г.

¹³ Указ Президента РФ «О свободе торговли» от 29 января 1992 г.

¹⁴ Вероятно, речь идет о записке А.Н. Яковлева М.С. Горбачеву от 2 января 1989 г. «Литературные споры и перестройка» (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 393).

¹⁵ 8 февраля 1992 г. вице-президент РФ А.В. Руцкой выступил на Конгрессе гражданских и патриотических сил России с критикой политики правительства и президента.

¹⁶ См. примечание 7.

¹⁷ 25 марта 1992 г. в Алма-Ате было заключено соглашение о создании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ.

¹⁸ Международный фонд социально-экономических и политологических исследований — «Горбачев-Фонд» был открыт в марте 1992 г. Его предыстория такова: 20 сентября 1991 г. Президент СССР подписал Указ о создании Фонда социально-политических исследований и передаче в хозяйственное ведение зданий, сооружений и другого имущества бывшего Института современных общественных проблем (Института общественных наук) при ЦК КПСС. Президентом фонда стал А.Н. Яковлев. В декабре 1991 г. Б.Н. Ельцин подписал указ об упразднении ФСПИ в связи с созданием «Горбачев-Фонда».

№ 2. «Возможно, мне мстят те же люди»

¹ Постановлением Пленума ЦК КПСС от 30 сентября 1988 г. было признано целесообразным ликвидировать Секретариат (впрочем, вновь возрожденный спустя несколько месяцев) и образовать шесть комиссий ЦК КПСС, состав которых был определен на Пленуме ЦК КПСС 28 ноября 1988 г. А.Н. Яковлев был назначен на пост председателя Комиссии по вопросам международной политики, который он занимал вплоть до XXVIII съезда КПСС (июль 1990 г.).

² 9 февраля 1992 г. на Манежной площади в Москве прошел многотысячный митинг, организованный Объединенным фронтом трудящихся, Российской коммунистической партией (РКП), «Трудовой Россией» и рядом других движений.

³ А.Н. Яковлев был послом СССР в Канаде в 1973—1983 гг.

⁴ Отдел международной информации ЦК КПСС был образован в 1978 г. В 1986 г. в результате реорганизации отдел был включен в состав Отдела пропаганды ЦК КПСС, а его заведующий Л.М. Замятин назначен послом СССР в Великобритании.

№ 3. Альтернативы реформе нет

¹ 8 декабря 1991 г. на территории Белоруссии в Беловежской пуще было подписано соглашение глав Белоруссии, РСФСР и Украины, согласно которому СССР прекращал свое существование как субъект международного права и создавалось Содружество Независимых Государств (СНГ). 21 декабря 1991 г. в Алма-Ате главами бывших республик СССР — Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Киргизии, Молдавии, РСФСР, Таджикистана, Туркменистана, Узбекистана и Украины была подписана декларация об образовании СНГ. На Учредительном съезде Движения демократических реформ 15 декабря 1991 г. его сопредседатель А.Н. Яковлев заявил, что «Движение должно со всей определен-

ностью высказаться в пользу создания на базе самостоятельных, суверенных республик конфедеративного демократического сообщества на добровольной основе. Беловежский путь в этом плане сильно отдает торопливостью». А.Н. Яковлев назвал его также «упавшим, как снег на голову», полным «неясностей, нестыковок» и предложил поискать компромисс между проектом Союзного договора и соглашением по СНГ. На встрече Горбачева и Ельцина в декабре 1991 г. Б.Н. Ельцин упрекнул А.Н. Яковлева за критику Беловежских соглашений. По воспоминаниям А.Н. Яковлева, он «объяснил ему свою точку зрения на этот счет, сказав, что решение не является ни легитимным, ни демократическим» (Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга вторая. С. 82).

² 14 февраля 1992 г. в Минске было заключено Соглашение между государствами СНГ о статусе стратегических сил и принято решение о создании Совета министров обороны Содружества.

³ См. примечание 9 к документу № 1.

⁴ 25 марта 1992 г. в Алма-Ате было заключено соглашение о создании Межпарламентской ассамблеи государств — участников СНГ.

⁵ См. примечание 13 к документу № 1.

⁶ См. примечание 7 к документу № 1.

⁷ Речь идет о поездке А.Н. Яковлева в Великобританию 28—29 января 1992 г. по приглашению лондонского Королевского института международных отношений (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 251—253).

№ 4. «Для меня мерило демократии — человек»

¹ На Учредительном съезде Движения демократических реформ в декабре 1991 г. лидер Народной партии «Свободная Россия» А.В. Руцкой был избран членом Политсовета ДДР. НПСР была создана Руцким на базе фракции российского парламента «Коммунисты за демократию». Первый съезд партии состоялся 26—27 октября 1991 г., на тот момент НПСР насчитывала 100 тысяч человек и более 60 региональных отделений.

Через три месяца после Конференции общественных сил — 21 июня 1992 г. состоялся Учредительный съезд движения «Гражданский союз», в который вошли Народная партия «Свободная Россия» А.В. Руцкого, Демократическая партия России Н.И. Травкина, «Обновление» А.И. Вольского (еще одного сопредседателя ДДР), «Смена — новая политика» и др. На последовавшей пресс-конференции Руцкой заявил, что «это не оппозиция, а конструктивные силы, поддерживающие президента». По оценкам, «умеренная оппозиция», предпочитавшая именовать себя «центром» (М.С. Горбачев называл ее «левым центром» и высказывал свои симпатии в ее отношении; кроме того, при «Горбачев-Фонде» в начале его деятельности существовал учебный центр по подготовке активистов НПСР и ДПР во главе с бывшим лидером «Демплатформы» В.Н. Шостаковским; см.: Ольшанский Д. Фонд реставрации // «Россия», № 21, 20—26 мая 1992 г.), к концу 1992 г. контролировала не менее половины голосов Съезда народных депутатов РФ.

В июне 1993 г. была предпринята попытка объединить ДДР в версии А.Н. Яковлева (см. примечание 7 к документу № 1) и разрозненные группы бывшей «Демократической России» в пропрезидентскую «Партию 25 апреля» (партия Яковлева — Бурбулиса). Высказывая свое отношение к возможности создания новой партии, А.Н. Яковлев писал: «Я лично считаю, что партия должна быть идеологизирована. Я выступаю и, думаю, склонил к этому Бурбулиса, за создание либерально-гражданской партии: либеральной по идеологии, гражданской — по цели. Мы должны на новом уровне взять либерализм у одной всем

известной партии и гражданственность — от другого известного блока» («Голос», № 26, 28 июня — 4 июля 1993 г.). Однако уже в начале июля 1993 г. инициатива была перехвачена создававшимся на базе «Демократической России» еще с января — февраля 1993 г. блоком «Выбор России» во главе с Е.Т. Гайдаром.

«Гражданский союз» постепенно эволюционировал в т.н. партию Вольско-го, которая участвовала в выборах 1993 г., но не преодолела 5-процентного барьера. Сам А.И. Вольский в сентябре 1993 г. высказался в поддержку Верховного Совета РФ в его конфликте с президентом Б.Н. Ельциным.

В июле 1992 г. А.Н. Яковлев посетил пресс-клуб Народной партии «Свободная Россия» (НПСР), где участвовал в дискуссии об угрозе неолберализма, заявив, что «демократия вообще не соответствует состоянию нашего общества, для него более свойствен автократический режим, но более просвещенный, нежели при Сталине». Угроза путча, по мнению А.Н. Яковлева, ныне исходит не от коммунистов. «Широкомасштабный военный межнациональный конфликт со всеми его последствиями — таким может явиться нам очередной путч, который вернет нас назад и ликвидирует все демократические свободы» («Российская газета», 4 июля 1992 г.).

После октябрьских событий 1993 г. Минюст приостановил деятельность ряда партий, участвовавших в мятеже, в том числе Народной партии «Свободная Россия».

² См. примечание 7 к документу № 1.

³ См. примечание 1 к документу № 3.

⁴ См. примечание 10 к документу № 1.

⁵ А.Н. Муталибов был избран президентом Азербайджана на всеобщих выборах 8 сентября 1991 г., однако 6 марта 1992 г. под давлением оппозиции ушел в отставку. Президентом стал лидер Народного фронта Абульфаз Эльчибей.

З.К. Гамсахурдиа был избран президентом Грузии на всеобщих выборах 26 мая 1991 г., однако 6 января 1992 г. власть перешла к оппозиционному Военному совету и президенту пришлось покинуть страну. После свержения Гамсахурдиа в Грузии был создан Государственный совет, председателем которого 7 марта 1992 г. стал Э.А. Шеварднадзе. 4 ноября 1995 г. председатель грузинского парламента Шеварднадзе был избран президентом Грузии.

№ 5. «Мы живем в стране разрешенной демократии»

¹ Встреча А.Н. Яковлева с представителями Демократической и Марксистской платформ в КПСС, группой «Молодые коммунисты» (делегатами от комсомола) и рядом секретарей городских первичных парторганизаций состоялась 4 июля 1990 г. в Кремле. Важным итогом встречи стало создание группы «Демократическое единство», ставшей резервным фактором поддержки М.С. Горбачева на XXVIII съезде КПСС.

² См.: Александр Яковлев. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., Новости. 1992.

³ 22 марта 1992 г. в Албании на парламентских выборах победу одержала Демократическая партия, а 9 апреля 1992 г. ее лидер С.Р. Бериша стал президентом страны.

⁴ Решением Пленума ЦК КПСС от 26 июля 1991 г. XXIX съезд КПСС должен был состояться в ноябре — декабре 1991 г. См. подробнее о ситуации на XXVIII съезде КПСС: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 805—806.

⁵ Речь идет о поездке М.С. Горбачева в апреле 1992 г. в Японию по приглашению газеты «Иомиури».

⁶ РФ стала членом МВФ и Международного банка реконструкции и развития 27 апреля 1992 г. Ранее начались переговоры между российским правительством и Международным валютным фондом о предоставлении России кредита в размере одного миллиарда долларов, который был выделен в июле 1992 г. В результате переговоров правительство согласилось на условия МВФ — сократить дефицит государственного бюджета до 5 % ВВП. По замечанию Е.Т. Гайдара, после этого в обществе распространилось «убеждение, что правительственная политика строжайшей денежной экономии проводится не в интересах России, а под диктовку МВФ» (Гайдар Е.Т. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 179).

⁷ VI Съезд народных депутатов России проходил с 6 по 17 апреля 1992 г.

⁸ См. примечание 7 к документу № 1.

№ 6. «Я сам пришел к отрицанию того, что меня окружало большую часть жизни»

¹ См. примечание 2 к документу № 5.

² См. примечание 9 к документу № 1.

³ См. примечание 7 к документу № 5.

⁴ См.: Лигачев Е.К. Загадка Горбачева. Новосибирск, 1992.

⁵ Речь идет о заявлении В.И. Селюнина от 1 июня 1992 г. в телепрограмме «Пресс-клуб» компании «Останкино»: «Мы с Леной Радзиховским несколько дней имели возможность посмотреть только что рассекреченные папки. Ну, которые у Горбачева в кабинете были. Кумир перестройщиков Александр Николаевич Яковлев — один из четырех деятелей, которые написали подробнейший сценарий о том, как вести суд над Синявским и Даниэлем». (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 516.) В.И. Селюнин имеет в виду полторастраничный документ от 3 февраля 1966 г., подписанный зав. Отделом культуры ЦК КПСС В. Шауро, зам. зав. Отделом пропаганды и агитации А. Яковлевым и зам. зав. Отделом административных органов ЦК КПСС Н. Савинкиным и посвященный освещению в печати хода процесса (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 516.)

В архиве А.Н. Яковлева отложился текст статьи Ю.И. Вишневской от 10 августа 1992 г. по поводу статьи Л.А. Радзиховского «Неприкасаемый» в газете «Новый взгляд» (приложение к «Московской правде») от 25 июля 1992 г., в которой дается ссылка на статью Пола Куин-Джаджа в «Нью рипаблик», который писал, что, по его данным, «в начале всей этой архивной кампании Бурбулис вызвал к себе группу специалистов, передал им десятки, если не сотни тысяч папок из «Особого архива» и приказал приступить к работе. В результате этой работы, пишет Куин-Джадж, ожидается «поток разоблачений, которые замарают многих уважаемых бывших руководителей, таких как Яковлев и Шеварднадзе». Ю.И. Вишневская, близко знавшая А.Д. Синявского, замечает: «Удивительные контрасты наблюдаются в последнее время на Святой Руси и за ее пределами. Писатель Андрей Синявский сговаривается в Америке с адвокатом для Александра Николаевича Яковлева (на случай, если российские власти осуществят свою заветную мечту усадить за решетку всех бывших членов политбюро и секретарей ЦК КПСС). Сын покойного писателя Юлия Даниэля (который, в отличие от нас с Синявским, в реализацию подобной мечты не верит) приглашает Александра Николаевича на конференцию по истории правозащитного движения в обществе «Мемориал». А граждане, которых, как говаривала А.А. Ахматова, и рядом с делом Синявского и Даниэля в свое время «не стояло», все никак не могут успокоиться по поводу записки ЦК КПСС, которую они, чтоб страшнее было, предпочитают называть «сценарием» суда на двумя писателями, каковой в свое время якобы сочинил Яковлев. Все это напоминает старый анекдот про разбирательство личного дела в парткоме: жена не возражает, что ее муж с секретаршей спит, а секретарь первичной организации еще как возражает!» (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 516; см.

также «Литературную газету» от 4 ноября 1992 г. со статьей Ю.И. Вишневецкой «Архивный детектив, или Кто написал сценарий суда над Синявским и Даниэлем» и ответ Л.А. Радзиховского в номере «ЛГ» от 18 ноября 1992 г.).

См. также примечание 2 к документу № 9.

⁶ См. примечание 8 к документу № 1.

⁷ Речь идет о пикетировании националистами и коммунистами здания телецентра «Останкино» 11 июля 1992 г., которое закончилось 22 июля разгоном пикетов ОМОНОм и последовавшими массовыми столкновениями демонстрантов с милицией у Рижского вокзала.

⁸ См. примечание 1 к документу № 3.

№ 8. «В случае моей внезапной смерти...»

¹ См. примечание 8 к документу № 1.

² См. примечание 7 к документу № 1.

³ XXVIII съезд КПСС проходил 2—13 июля 1990 г. На съезде была образована Комиссия по подготовке новой Программы партии, членом которой, по постановлению съезда, был А.Н. Яковлев. Проект программы был принят на Пленуме ЦК КПСС 25 июля 1991 г.

⁴ См. интервью А.Н. Яковлева «Курантам» от 11 декабря 1991 г. под названием «Драма демократов — нет оппозиции», в котором он утверждал: «Любая правящая сила — если у нее нет оппозиции — сгниет».

⁵ См. примечание 9 к документу № 1.

⁶ См., например: «Огонек», № 36—37, сентябрь 1992 г.

⁷ См. примечание 3 к документу № 1.

⁸ Речь идет о решениях Пленума ЦК КПСС от 23 апреля 1985 г., начале курса на перестройку.

⁹ I Съезд народных депутатов СССР состоялся 25 мая — 9 июня 1989 г.

¹⁰ 23 августа 1991 г. на встрече М.С. Горбачева с российским парламентом Б.Н. Ельцин подписал указ «О приостановлении деятельности Коммунистической партии РСФСР». 24 августа Горбачев сложил с себя полномочия Генерального секретаря. 25 августа Ельцин издал указ «Об имуществе КПСС и Коммунистической партии РСФСР», согласно которому это имущество объявлялось государственной собственностью. 6 ноября 1991 г. прекращалась деятельность на территории России КПСС и КП РСФСР, а их организационные структуры распускались.

¹¹ Речь идет о VI Съезде народных депутатов РСФСР 6—22 апреля 1992 г.

¹² См. примечание 18 к документу № 1.

¹³ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М., 2008. С. 748, 830.

¹⁴ После назначения Л.П. Кравченко в ноябре 1990 г. председателем Гостелерадио «Останкино» стало выражать официальную точку зрения. Период руководства Кравченко известен попыткой закрыть программу «Взгляд», односторонним освещением вильнюсских событий января 1991 г., бойкотом «Останкино со стороны деятелей культуры, уходом в телекомпанию «Россия» ведущих целого ряда программ, в том числе А.Б. Гурнова, Ю.И. Ростова, В.П. Флярковского, Т.Р. Митковой, Д.К. Киселева и руководителя информационной службы О.Б. Добродеева.

№ 9. «По две страницы в нашей истории удавалось писать только злодеям»

¹ Речь идет о международной конференции в Риме 22—23 октября 1992 г. на тему «Новая европейская безопасность: от конфронтации Востока и Запада к региональной стабильности», организованной газетами «Геральд трибюн интернешнл» и «Корьере делла сера», на которой А.Н. Яковлев сделал доклад «Вне-

шняя политика России и общественное согласие» (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 264). Ссылка корреспондента на интервью А.Н. Яковлева «Таймс» (The Times, October 20, 1992) некорректна — в нем, как и в интервью газете «Гардиан» (The Guardian, October 20, 1992), нет ни слова о политическом будущем Горбачева.

² Начало нового витка конфронтации между М.С. Горбачевым и Б.Н. Ельциным датируется июнем 1992 г. 2 июня 1992 г., в ответ на интервью Горбачева «Комсомольской правде» от 29 мая 1992 г., было распространено заявление пресс-секретаря Президента РФ: «В последнее время со стороны бывшего президента СССР М.С. Горбачева участились заявления, которые он делает за границей и в России и которые касаются внутреннего положения страны, хода экономических реформ, проблем государственного строительства... Ряд последних высказываний М.С. Горбачева нельзя расценить иначе, как попытку нагнетания политического напряжения, в сущности, как дестабилизацию социально-политической обстановки в стране... Ельцин вынужден будет принять необходимые и законные шаги для того, чтобы курсу реформ не был нанесен ущерб» («Комсомольская правда», 2 июня 1992 г.). В прессе развернулась настоящая война против Горбачева. В начале августа в Фонд нагрянула финансовая ревизия с целью найти «незаконные источники образования и использования средств и имущества Горбачев-Фонда». В октябре 1992 г. М.С. Горбачев был лишен права выезда за границу (выездной визы) до тех пор, пока не явится в качестве свидетеля на заседание Конституционного суда по делу КПСС (ранее М.С. Горбачев отказался прийти на заседание КС, заявив, что это не суд, а политическое судилище). Об этом официально сообщало агентство ИТАР-ТАСС, в заявление которого говорилось, что соответствующие меры по невыезду предприняли МИД, МВД и МГБ. 8 октября 1992 г. был реализован указ Ельцина от 7 октября 1992 г. о передаче комплекса зданий «Горбачев-Фонда» в пользование вновь образованной Финансовой академии. В газете «Аргументы и факты» (№ 40, 1992 г.) появилась информация Ю.А. Данилевского, начальника Контрольно-ревизионного управления, члена коллегии Министерства финансов РФ, «Еще раз о “Фонде Горбачева”», в которой подробно расписывались разного рода «нарушения» в ведении фондом хозяйственной и финансовой деятельности. В просьбе выступить по телевидению с объяснениями по поводу выдвинутых против Фонда обвинений М.С. Горбачеву было отказано. (См. о «нарушениях» в статье В.Л. Иванидзе «Ревизия как инструмент политики» в «Московских новостях» от 25 октября 1992 г.)

Все эти шаги власти вызвали широкий не только внутренний, но и международный резонанс. Г. Коль лично обратился к Ельцину с просьбой разрешить Горбачеву выезд в Германию на похороны В. Брандта. Посол Франции в России посетил Фонд и передал бывшему президенту дружеское послание от Ф. Миттерана. В поддержку Горбачева высказался генеральный секретарь ООН Б. Бутрос-Гали.

Отвечая на вопрос «Собеседника»: «Ходили слухи, что у вас резко испортились отношения с некоторыми вашими соратниками, в том числе с Александром Николаевичем Яковлевым», М.С. Горбачев сказал: «Александр Николаевич, как и Шеварднадзе, — самые близкие мои друзья. Это та самая “клика” — Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, — которая брала на себя мужество двигать процесс, чтобы мы становились людьми и по-людски жили с другими народами» («Собеседник», № 41, 1992 г.).

Дело дошло до попытки столкнуть А.Н. Яковлева и М.С. Горбачева. В статье «М. Горбачев ничему не научился», опубликованной в «Правде» (!) со ссылкой на Радио «Свобода» (!) от 8 сентября 1992 г., приводились критические высказывания А.Н. Яковлева в адрес М.С. Горбачева и его декларация о намерении «дистанцироваться» от человека, который «по-прежнему пребывает в мире иллюзий касательно социалистического выбора... тогда как ситуация вполне трагична и

впору думать не о социалистическом выборе, увеселительных поездках и мелком честолюбии, а о спасении страны». Возмущенный А.Н. Яковлев направил на Радио «Свобода» письмо протеста: «Категорически протестую против содержания и лексики передачи “М. Горбачев ничему не научился”, с которой я ознакомился в газете “Правда” от 10 сентября 1992 г.

Хотел бы подобрать помягче слово, но не могу. Все это вранье.

Готов дать интервью по этому поводу.

А. Яковлев.

10.9.92. Москва» (Личный архив А.Н. Яковлева).

А.Н. Яковлев счел нужным дать соответствующие интервью-опровержения «Московским новостям» и «Курантам», охарактеризовав передачу Радио «Свобода» и опубликованный в «Правде» материал как «грубую попытку столкнуть его с Горбачевым, циничную провокацию, хамство» и заявив, что даже не разговаривал с автором комментария М. Соколовым. По словам автора заметки в «Московских новостях», «сам Максим Соколов в телефонном разговоре с корреспондентом «МН»... отказался пояснить, по чьей вине и каким образом возникла такая на удивление лживая заметка» («Московские новости», 20 сентября 1992 г.). Радио «Свобода» тоже отреагировало на скандал, извинившись перед А.Н. Яковлевым, и выпустило в эфир специальную беседу с ним, где он категорически опроверг появившуюся информацию о расхождениях с М.С. Горбачевым.

³ Речь идет о начавшемся в «Демократической России» в январе 1992 г. между «прагматиками» (Л.А. Пономарев, И.И. Заславский, Г.П. Якунин и др.) и «радикалами» (Ю.Н. Афанасьев, Ю.Г. Буртин, Л.М. Баткин и др.) расколе, получившем развитие в попытках созыва внеочередного съезда, а затем создании по инициативе М.Е. Салье в июле 1992 г. на конференции «Демократической России» нового объединения демократов, поставившего своей целью созыв Учредительного собрания и принятие новой Конституции («Российский учредительный союз»).

В начале 1992 г. парламентская фракция «Радикальные демократы» (лидер С.Н. Ющенко) заявила о том, что переходит в оппозицию к «правительству Ельцина — Гайдара».

⁴ О передаче дел Горбачевым Ельцину см.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 516—518.

⁵ Слушания по делу КПСС в Конституционном суде начались 26 мая 1992 г. 30 ноября 1992 г. суд признал конституционным запрет деятельности руководящих структур КПСС и КП РСФСР, но не первичных организаций, а также признал законным право российской компартии на часть партийного имущества компартии РСФСР, однако не вынес решения по вопросу о конституционности КПСС на том основании, что партия прекратила свое существование в августе 1991 г.

См. также примечание 10 к документу № 8.

№ 10. «Подлинной и прочной демократии пока не состоялось»

¹ На самом деле старший лейтенант А.Н. Яковлев со своим взводом выполнял диверсионные задачи в тылу противника на Волховском фронте в 1942 г.

Александр Николаевич Яковлев был призван на военную службу в августе 1941 г. В 1942 г. лейтенант — старший лейтенант А.Н. Яковлев воевал командиром взвода в составе 6-й отдельной бригады морской пехоты (ОБМП), сформированной в сентябре 1941 г. в Ленинграде и частично в Кронштадте Военным советом Балтийского флота.

В соответствии с постановлением ГКО от 18 октября 1941 г., учитывая тяжелое положение на фронтах в начале войны, из моряков и морского резерва

было сформировано 35 отдельных морских стрелковых бригад, которые приняли участие в боях на суше при обороне Москвы, Ленинграда, Одессы, Севастополя, Сталинграда, Новороссийска, Керчи. 6-я ОБМП была сформирована из кадровых моряков-балтийцев и организована по типу горнострелковых бригад для ударных действий на Ленинградском фронте. 2 октября 1941 г. действовала в составе 54-й армии Ленинградского фронта, остановившей немцев в пригородах Ленинграда. Затем бригада была переброшена по Ладожскому озеру для обороны г. Волхова. Впоследствии участвовала в боях на Ленинградском и Волховском фронтах в составе 42-й, 55-й, 4-й, 54-й, 8-й и 52-й армий в районах Войбокала, Овдокола, Опсала, Падрилы, Малукса, Муя, Лодва, Виняголово, Макарьевская Пустынь. В мае 1943 г. 6-я ОБМП была переформирована в 138-ю стрелковую дивизию.

В ходе тяжелых боев осенью — зимой 1941—1942 гг. бригада понесла серьезные потери, требовалось пополнение, которое поступало, в частности, из Ленинграда и Ярославля. Яковлев был призван на военную службу Ярославским РВК вскоре после окончания средней школы, 6 августа 1941 г., и в возрасте 17 лет был зачислен в Красную Армию. Служил в г. Молотове в учебном дивизионе рядовым, помощником командира взвода, думал о поступлении в военное училище. В мемуарах «Омут памяти» он вспоминает: «Поехали на восток. Довезли нас до станции Пермь... А на другие сутки отправились пешком в лагерь Бершеть, в 30-й запасной артиллерийский полк. Гаубицы на конной тяге, за каждым из нас закрепили по лошади... В лагере Бершеть мы пробыли месяца три...» (Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2000. Книга первая. С. 39). В ноябре 1942 г. нагрянувшая в полк комиссия начала «расписывать» курсантов по родам войск и по училищам. «Меня, как и перед армией, записали в танковые войска и даже сказали, в какое училище поеду — в Челябинское... Опять... в Пермь, оттуда на поезде дальше... В конце концов остановились мы в Глазове, что в Удмуртии. Нам объявили, что приехали к месту назначения, все зачислены курсантами 2-го Ленинградского стрелково-пулеметного училища, эвакуированного из Ленинграда» (Там же. С. 40).

После окончания училища 2 февраля 1942 г. был зачислен в действующую армию. На станции Вурмары в Чувашии, писал А.Н. Яковлев в мемуарах, «меня ждал взвод... я должен был их за две недели обучить стрельбе и каким-то военным премудростям» (Там же. С. 43). Подготовив за 2—3 недели взвод, Яковлев направился к месту назначения, однако по пути следования пункт назначения был изменен и А.Н. Яковлев попал в распоряжение стрелкового батальона в составе 6-й ОБМП.

«Я попал в роту автоматчиков, командиром третьего взвода. Рота занималась ближней разведкой в тылу противника... Стреляли, ходили в атаки. Ползали по болотам... война как война» (Там же. С. 45). 6 июля 1942 г. ему было присвоено звание старшего лейтенанта. 6 августа 1942 г. Яковлев был тяжело ранен. Обстоятельства ранения описаны, например, в представлении от 13 января 1946 г., в соответствии с которым 6 ноября 1947 г. А.Н. Яковлев был награжден орденом Красной Звезды: «Ст. лейтенант ЯКОВЛЕВ А.Н. участник Отечественной войны с августа 1941 г. За время боевых действий с немецкими захватчиками в составе 6 отдельной бригады морской пехоты ст. лейтенант ЯКОВЛЕВ участвовал в прорыве блокады Ленинграда в районе ст. Любань. В ночь с 5 на 6 августа 1942 г. ст. лейтенант ЯКОВЛЕВ с ударным взводом автоматчиков вел разведку боем с задачей выяснить расположение огневых точек противника и с последующим захватом огневых передовых точек, которые мешали ведению боя бригаде.

При выполнении этой боевой задачи ст. лейтенант ЯКОВЛЕВ, преодолев проволочное ограждение со своим взводом, ворвался в расположение противника и завязал рукопашный бой. Несмотря на полученное тяжелое ранение,

т. ЯКОВЛЕВ с поля боя не ушел, а продолжал командовать и управлять боем. Задача была выполнена. После боя т. ЯКОВЛЕВ был эвакуирован в тыл на лечение и вследствие этого по части к награждению представлен не был» (ЦАМО СССР. Ф. 33. Оп. 744808. Д. 584. Л. 150).

Через 6 часов после ранения А.Н. Яковлев был доставлен в батальонный медпункт, а спустя еще 12 часов под местным обезболиванием ему были рассечены раны и наложена шина. Далее — полковой госпиталь, затем эвакогоспиталь № 1789, и, наконец, 18 августа 1942 г., погрузив на самолет У-2, его доставили в эвакогоспиталь № 1539 в г. Сокол Вологодской области. Согласно справке Военно-медицинского музея МО СССР и Архива военно-медицинских документов от 5 мая 1988 г., А.Н. Яковлев получил «сквозное пулевое ранение левого бедра с повреждением кости, непроникающее ранение мягких тканей левой половины грудной клетки и левой голени» и лечился по поводу «анкилоза левого коленного сустава, неокрепшей костной мозоли левого бедра после оскольчатого огнестрельного перелома с резким ограничением функции движения конечности». В ходе лечения — вероятно, после скелетного вытяжения конечности, произведенного 21 августа 1942 г., а затем дополнительно 1 сентября 1942 г., — у А.Н. Яковлева возникло осложнение: «левосторонний гнойный гонит», после чего 6 октября 1942 г. ему была сделана операция — «артротомия левого коленного сустава».

Лечение протекало долго. Из эвакогоспиталя в г. Сокол А.Н. Яковлев выбыл только 4 февраля 1943 г. После увольнения по болезни из кадров Красной Армии Яковлев вернулся на родину, в поселок Красные Ткачи под Ярославлем, где ему предложили работу сначала на ткацкой фабрике, затем на спиртоводочном заводе. Однако, несмотря на тяжелое материальное положение, он принял решение поступать в институт. Подавал заявления о приеме сначала в Горьковский кораблестроительный институт, потом в Институт международных отношений при МГУ, в Ярославский медицинский институт, наконец, в Ярославский педагогический институт на исторический факультет, где и началась его долгая, с перерывами, учеба, продолжавшаяся до 1960 г. — года окончания аспирантуры Академии общественных наук при ЦК КПСС и получения степени кандидата исторических наук.

² В октябре — начале ноября 1992 г. Демократическая партия Литвы во главе с бывшим первым секретарем ЦК КП Литвы А. Бразаускасом одержала победу над «Саюдисом» в ходе досрочных выборов в сейм.

³ Сформированный в апреле 1992 г. на заседании депутатских фракций и групп блок «Российское единство» включил в себя «Аграрный союз», «Коммунистов России», «Отчизну» и др., а 26 октября 1992 г. вступил в союз с внепарламентской Объединенной оппозицией, образованной еще в феврале Конгрессом гражданских и патриотических сил России, Российским народным собранием и Русским национальным собором. Новое объединение получило название Фронт национального спасения. В руководство ФНС были введены И.В. Константинов, С.Н. Бабурин, Г.А. Зюганов, А.М. Макашов и др. 28 октября 1992 г. вышел президентский указ «О мерах по защите конституционного строя Российской Федерации», в котором говорилось о недопущении создания и деятельности Фронта национального спасения, однако после опротестования Конституционным судом президентского запрета именно ФНС стал организационным ядром драматических событий, приведших к октябрьскому мятежу 1993 г. 2-й конгресс ФНС состоялся 24 июля 1993 г.

⁴ О подслушивании см. например: «Огонек», № 36—37, сентябрь 1992 г. Об обнаружении в президентском архиве документов по пакту Молотова — Риббентропа см.: Ельцин Б.Н. Записки президента. М., 1994. С. 160—161. О папке документов по «Катыни», которую видел А.Н. Яковлев во время передачи дел Горбачевым Ельцину см.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 516—518.

⁵ См. примечание 8 к документу № 8.

№ 11. Креслология как наука

¹ Речь идет о компромиссном конституционном соглашении и оформившем его постановлении VII Съезда народных депутатов России «О стабилизации конституционного строя», которое содежало решение о проведении референдума 11 апреля 1993 г. В итоге референдум состоялся 25 апреля 1993 г. и охватывал четыре вопроса: о доверии президенту, о поддержке курса реформ, о необходимости досрочного переизбрания президента и народных депутатов. Результаты референдума показали, что население поддерживает президента и курс реформ. Подробно см.: Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. В двух томах. М., 2005. Том второй. С. 301—309.

² Идея Учредительного собрания носилась в воздухе и предполагала роспуск Съезда и Верховного Совета, принятие новой конституции и перевыборы президента. С другой стороны, на V Съезде народных депутатов РСФСР 28 октября — 13 ноября 1991 г. Б.Н. Ельцин получил на год вперед дополнительные полномочия, позволяющие начать рыночные реформы и обеспечить вывод страны из тягелого экономического положения, сложившегося зимой 1991/1992 г.

В марте — апреле 1992 г. под руководством А.А. Собчака и при участии С.С. Алексева, Ю.Х. Калмыкова и С.А. Хохлова был подготовлен проект новой конституции России по версии Движения демократических реформ (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 440). В статье «Тешимся иллюзиями», опубликованной в «Курантах» 4 февраля 1992 г. по следам московской научно-практической конференции, посвященной 75-летию российского Учредительного собрания и развитию конституционного процесса в России, А.Н. Яковлев писал: «Вопрос об Учредительном собрании чрезвычайно сложен. Прежде всего потому, что правящая властвующая элита в России всегда была самонадеянной, самоуверенной. Такова же и нынешняя демократическая власть. Она праздновала победу позапрошлый год в августе, объявив, что уже всё позади, начинается новый этап в истории России. А оказалось, что всё еще — впереди. Я согласен с тем, что абсолютной иллюзией является утверждение, будто старый режим рухнул, что всё идет по пути, предопределенному августом 91-го. Всё осталось так, как было. Скажу откровенно: лично я чувствую себя предельно обманутым, когда смотрю на эти исторические спектакли и вижу те же лица, которые определяют сегодня мою судьбу, те же лица, от которых я слышал — но с обратным знаком — слова и речи на пленумах ЦК КПСС. Я не верю, что эти люди могут коренным образом изменить судьбу России. Вернее, могут, но совсем не в том направлении. Поэтому вопрос о созыве Учредительного собрания — это поистине вопрос судьбоносный.

Среди многих причин актуальности этого всенародного акта я бы выделил следующие. Очевиден кризис институтов сложившейся власти. Этот кризис был неизбежен, ибо изменились лишь формы власти, а существо осталось прежним. Вот эти формы нас и обманывают. У нас отсутствует третья — судебная власть, без которой вольготно и представительной, и исполнительной власти — делай, что хочешь. Оттого повсюду беззаконие, доходящее до беспредела. Идет процесс образования новой неототалитарной власти в виде трансформации Советов в однопартийную коммунистическую систему.

Безусловно, в условиях всеобщего кризиса старых структур, саботажа реформ, неоправданного обнищания части народа, когда нравственный порог явно проигнорирован правительством, Верховным Советом и съездом, очень трудно будет убедить людей в необходимости какой-то массовой кампании. Но надо постараться это сделать, потому что Учредительное собрание действительно может определить судьбу России».

См. также примечание 9 к документу № 18.

³ Учредительный съезд Движения демократических реформ проходил 14—15 декабря 1991 г. в Москве. В политическом докладе на съезде А.Н. Яковлев заявил: «Исходя из реальностей, Беловежское соглашение разумно рассматривать как инициативу, как поиск выхода из тупика. Время действительно не ждет. Обстановка действительно тяжелая и грозная, чтобы тратить силы на властные междоусобицы на всех уровнях. Думаю, что мы подошли к рубежу, когда необходимо народное согласие: и по форме государственности, и по экономике. Вероятно, был бы полезен плебисцит с четко поставленными вопросами, хотя мы и устали от череды выборов и голосований. С конституционной точки зрения новое объединение может завершить Учредительный съезд, делегаты которого были бы избраны по партийным спискам. Возможны и другие варианты, например, компромисс между проектом Союзного договора и Беловежским соглашением» («Культура», 21 декабря 1991 г.).

⁴ VII Съезд народных депутатов РФ проходил 1—15 декабря 1992 г. См. подробнее о ситуации на VII Съезде в кн.: Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. В двух томах. М., 2005. Том второй. С. 133—192. Поправки, ограничивающие власть президента, предлагались и на VI Съезде народных депутатов 6—17 апреля 1992 г.

№ 12. Пора и власть употребить

¹ А.Н. Яковлев находился в США 16—25 февраля 1993 г. по приглашению Университета г. Талса (шт. Оклахома), Университета Беркли (Сан-Франциско, шт. Калифорния) и Станфордского университета (шт. Калифорния), где, соответственно, выступил с тремя лекциями: «Новая Россия и Запад», «Уроки перестройки» и «В перспективе иллюзии или реальности». В ходе поездки А.Н. Яковлев посетил также Гуверовский институт.

² Имеется в виду статья В.А. Крюкова «Посол беды», опубликованная в «Советской России» 13 февраля 1993 г. Уголовное дело в отношении А.Н. Яковлева было выделено в отдельное производство (из уголовного дела № 18/6214 о заговоре с целью захвата власти) в январе 1992 г., сразу после того, как обвиняемый по делу ГКЧП Крючков на допросе сообщил: «По Яковлеву в КГБ поступала оперативная информация о его недопустимых, с точки зрения безопасности государства, контактах с представителями одной из западных стран» (здесь и далее приводится информация, опубликованная газетой «Известия» 8 июля 1993 г. в статье «Уголовное дело № 18/92601 — прекратить»). Проверка, проведенная Генеральной прокуратурой, показала отсутствие фактов, подтверждающих обвинения Крюčkова. Руководство Службы внешней разведки создало комиссию и проверило соответствующие архивные материалы. Никаких свидетельств — документов или фактов — в пользу утверждений бывшего шефа КГБ выявлено не было. 18 июня 1993 г. уголовное дело, возбужденное в отношении А.Н. Яковлева, было прекращено «в связи с отсутствием события преступления».

В своей статье В.А. Крючков утверждал, что докладывал о найденных «фактах» М.С. Горбачеву, однако тот якобы «спустил на тормозах» дело Яковлева. В заключении прокуратуры по этому поводу, цитируемом «Известиями», говорилось: «Горбачев М.С. пояснил, что впервые Крючков предъявил ему досье, в котором содержались первичные материалы о якобы существующей разветвленной антигосударственной сети, весной 1991 года. Смысл этих бумаг сводился, по мнению Крюčkова, к тому, что все нити этой организации тянутся к Яковлеву. В числе лиц организации числились представители интеллигенции городов Москвы и Ленинграда. Крючков попросил дать санкцию на их оперативную разработку. О каких-либо конкретных планах, нацеленных на свержение, захват власти,

в документах не говорилось. Такой санкции он не дал, понимая замысел Крючкова посеять недоверие к Яковлеву. В его высказываниях содержались намеки, что есть сигналы от определенного источника (самого важного), который свидетельствует о том, что не исключено сотрудничество Яковлева с американским центром разведки, однако каких-либо конкретных фамилий Крючков не называл».

Отвечая на заданные по поводу учебы Яковлева в США, отношении к нему Андропова и роли Яковлева в дестабилизации обстановки в Прибалтике и на Кавказе вопросы, Горбачев М.С. пояснил, что об учебе Яковлева в США ему известно только то, что он находился там вместе с Калугиным; каких-либо разговоров о Яковлеве с Андроповым не было. Указом Андропова Яковлев был награжден орденом. «Что касается обстановки на Кавказе, то в сложившейся здесь конфликтной ситуации заложены сложные причины и говорить о причастности к этому Яковлева — несерьезно» («Известия», 8 июля 1993 г.).

История получила продолжение в 1995 г., когда газета «Правда России» опубликовала открытое письмо анонимных бывших сотрудников внешней разведки КГБ А.Н. Яковлеву под названием «Советская разведка не даром хлеб ела» («Правда России», 21 декабря 1995 г.), в котором обещали раскрыть факты, свидетельствующие о деятельности А.Н. Яковлева в качестве агента влияния, и довести дело до суда. Однако дальнейшего развития эти обвинения не имели, никаких «фактов» никто так и не привел, а обещанного суда не состоялось.

На этот раз А.Н. Яковлев обратился к Б.Н. Ельцину с письмом следующего содержания:

«Президенту России

Б.Н. Ельцину

Уважаемый Борис Николаевич!

Первый раз обращаюсь за помощью личного плана, хотя вопрос этот едва ли личный.

21 декабря 1995 года “Правда” опубликовала статью о том, что на Яковлева, т.е. на меня, у них есть некие дополнительные данные о связях с американскими спецслужбами.

Считаю ниже своего достоинства оправдываться перед этой мразью, тем более что Прокуратура уже проверяла статью Крючкова по этому поводу и нашла ее полностью лживой.

Поскольку в новой статье, кроме личных оскорблений и обвинений в духе 1937 года, обнаженно демонстрирующих морду убийц, говорится о неких новых данных, прошу Вас, уважаемый Президент, порекомендовать Прокуратуре России рассмотреть эти новые данные и возбудить уголовное дело:

а) или против меня, если “данные” окажутся заслуживающими внимания,

б) или против клеветников, выползающих как крысы из подземелья.

Вы знаете, что травят они меня давно и без остановки, но, как я уже сказал на XXVIII съезде КПСС, они могут сократить мою жизнь, но заставить замолчать — никогда.

Фактически — это первый выстрел раздувшихся от самомнения “победителей” на выборах.

С глубоким уважением

А.Н. Яковлев». (Личный архив. Машинопись.)

4 января 1996 г. в газете «Известия» было опубликовано письмо в защиту А.Н. Яковлева под названием «Без врагов народа большевики не обойдутся»:

«Наше письмо в “Известия” продиктовано чувством тревоги и негодования. Тревоги за наше независимое, демократическое будущее. И негодования, вызванного публикацией в газетах “Правда”, “Советская Россия”, в других прокоммунистических изданиях пасквилей, оскорбляющих честь и достоинство всеми уважаемого Александра Николаевича Яковлева, солдата-фронтови-

ка, известного ученого, писателя, авторитетного общественного и политического деятеля.

Сочинители лживых, оскорбительных “писем в редакцию”, не называющие при этом своих фамилий, выливают ушаты грязи, вплоть до обвинений в сотрудничестве с КГБ и ЦРУ, на достойного, мужественного человека, которому мы, россияне, обязаны своим нынешним знанием трагической правды о масштабах репрессий тоталитарного режима против собственного народа, о неоплатной цене нашей Победы в Великой Отечественной войне, о “закрытых” протоколах, вскрывающих преступную суть сговора Сталина и Гитлера.

Напомним, что именно А.Н. Яковлев был автором знаменитой статьи “Против антиисторизма”, ставшей первым сигналом об опасности, которая очевидна всем здравомыслящим людям, — об опасности зарождения и наступления русского фашизма.

В кампании клеветы и травли, направленной не только против А.Н. Яковлева, проявляется памятный всем нам стиль коммунистов, закрепляющих свою победу на выборах в Государственную думу. Налицо явные попытки национал-большевистских сил организовать новую охоту на “врагов народа” в духе 1937 года. Этими “врагами народа” уже побывали многие из наших коллег...

Д. Гранин, Б. Васильев, А. Иванов, Т. Кузовлева, А. Нуйкин, Б. Окуджава, В. Оскоцкий, А. Приставкин, Л. Разгон, В. Савельев, Ю. Черниченко».

Это было уже второе письмо в защиту чести и достоинства А.Н. Яковлева. Первое, примерно того же содержания и так и не опубликованное, было направлено в «Правду» 20 марта 1990 г. и подписано С.С. Аверинцевым, А.М. Адамовичем, Г.Я. Баклановым, В.Э. Бээкман, В.В. Быковым, В.И. Гольданским, И.П. Друцэ, В.Д. Дудинцевым, Ф.А. Искандером, В.Л. Кондратьевым, В.Н. Кудрявцевым и Д.С. Лихачевым. См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 435—436.

³ После двух лет учебы в Академии общественных наук при ЦК КПСС в 1956—1958 гг. А.Н. Яковлев был направлен на стажировку в США, в Колумбийский университет (Нью-Йорк), по международной программе обменов студентами и аспирантами (так называемой Фулбрайтской программе). Стажировка продолжалась менее года, по возвращении в академию А.Н. Яковлев защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук. С апреля 1960 г. он — вновь в ЦК КПСС, на должности инструктора Отдела пропаганды и агитации.

В своих мемуарах «Сумерки» А.Н. Яковлев писал, что после XX съезда и речи Н.С. Хрущева с разоблачением культа личности Сталина ему расхотелось работать в ЦК КПСС, куда он был переведен из Ярославского обкома КПСС на должность инструктора Отдела школ. А.Н. Яковлев несколько раз просил направить его на учебу в Академию общественных наук. «Два раза отказали. После третьего заявления к просьбе отнеслись положительно, но при условии, что пойду учиться на кафедру истории КПСС. После неоднократных разговоров мне удалось убедить начальство академии в целесообразности другого решения... Выбрал международную кафедру» (Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 256).

Попытки продолжить образование имели свою предысторию. А.Н. Яковлев остро чувствовал необходимость продолжения образования. В сентябре 1943 г. он поступил в Ярославский государственный педагогический институт (ЯГПИ), где учился до октября 1945 г., когда был направлен на учебу в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б). Во время учебы в ЯГПИ занимал должность старшего преподавателя и начальника кафедры военной и физической подготовки института (ноябрь 1943 г. — ноябрь 1944 г.). Во время учебы в ВПШ окончил заочно пединститут. Однако учеба длилась недолго, и в 1946 г. в связи с реорганизацией ВПШ А.Н. Яковлев был направлен в распоряжение Ярославского об-

кома ВКП(б), где с ноября 1946 г. по январь 1948 г. работал инструктором Отдела пропаганды и агитации. В том же ноябре 1946 г. он получил диплом об окончании ЯГПИ. Учеба в партшколе была продолжена, но уже на заочном отделении: 28 сентября 1946 г. А.Н. Яковлев поступил в Заочную высшую партийную школу, окончив ее, судя по зачетной книжке, уже после 7 апреля 1952 г.

В январе 1948 г. А.Н. Яковлев был переведен в порядке «укрепления» из Отдела пропаганды и агитации Ярославского обкома ВКП(б), где занимал должность инструктора, в газету «Северный рабочий» на должность заведующего отделом пропаганды марксизма-ленинизма и члена редколлегии.

В личном архиве А.Н. Яковлева имеется заявление от 28 января 1948 г. директору Ярославского государственного педагогического института им. К.Д. Ушинского, в котором он просит зачислить его «в аспирантуру при вверенном Вам институте по специальности — история ВКП(б)». Сохранились экзаменационный лист (диамаг и истмаг — отлично, история ВКП(б) — отлично, английский язык — отлично) и отзыв на реферат, который представляли поступающие в аспирантуру, на тему «Февральская буржуазно-демократическая революция» от 3 февраля 1948 г. В аспирантуру ЯГПИ А.Н. Яковлеву по какой-то причине поступить не довелось, однако с сентября 1948 г. по сентябрь 1950 г. он работал старшим преподавателем кафедры истории СССР областной партийной школы (по совместительству). В июле 1950 г. стал заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома, в июле 1951 г. заведующим Отделом школ в высших учебных заведений обкома, а в марте 1953 г. был переведен в Москву на должность инструктора Отдела школ ЦК КПСС, затем стал инструктором Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР. В 1952—1954 гг. состоял членом Ярославского обкома КПСС.

Более подробно об учебе в аспирантуре Академии общественных наук рассказано в книге «Омут памяти»: «Много читал, сдавал экзамены, писал рефераты. Получал “пятерки”... Я благодарен академии. В мое время там была хорошая обстановка для учебы, для чтения, в том числе и запрещенных книг. Политических дискуссий избегал, выступать на партийных собраниях отказывался. Сумятица в голове продолжала плясать свои танцы» (Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга первая. С. 179). А.Н. Яковлев написал заявление о приеме его на кафедру новой истории (сохранилось заявление с просьбой о зачислении от 7 марта 1956 г.); 1 сентября 1956 г. был зачислен, однако через три с половиной года защитил диссертацию на другой кафедре — истории международного коммунистического и рабочего движения. (Сохранился текст доклада аспиранта 1-го курса кафедры новой истории АОН при ЦК КПСС А.Н. Яковлева на тему: «Ленинская теория монополярной прибыли и современность», сделанного 24 декабря 1956 г. на семинаре профессора А.П. Ляпина. См. ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 4.)

После двух лет учебы А.Н. Яковлев был направлен на стажировку в США по международной программе обменов студентами и аспирантами (так называемой Фулбрайтской программе) и в рамках подписанного в январе 1958 г. Н.С. Хрущевым и Д. Эйзенхауэром соглашения об академическом обмене. Это был первый послевоенный обмен в сфере культуры и образования между СССР и США. По условиям программы стажер должен был знать язык той страны, куда его направляли, и быть не старше 35 лет. А.Н. Яковлеву до достижения критического возраста оставалось всего два месяца, однако он все же подходил под общие критерии, а вот с английским языком, как выяснилось, было не очень ладно, и ему пришлось пройти, прибыв в Нью-Йорк, специальные курсы International House и Американского лингвистического центра. Занятия языком продолжались практически до конца пребывания А.Н. Яковлева в США.

Пройдя курсы, А.Н. Яковлев принялся за изучение избранной научной темы по историографии внешнеполитических доктрин США в 1952—1956 гг. и сумел

освоить за весьма короткий срок большое количество литературы. В выборе книг и статей ему помогал научный руководитель Д. Трумэн и лекторы, среди которых были выдающиеся американские историки и политологи, такие, например, как Дж. Ф. Кеннан и Ф. Мосли. В выработке принципиальной позиции по избранной теме помогли и встречи со специалистами, которые устраивали организаторы стажировки с американской стороны. Диссертация, которую А.Н. Яковлев написал по прибытии в Москву под руководством академика Евгения Михайловича Жукова, получилась весьма внушительной, нагруженной цитатами и фактами, но отличалась при этом, как отмечали оппоненты, простотой изложения, логичностью построения и ясностью выводов.

Тема диссертации звучала следующим образом: «Критика американской буржуазной литературы по вопросам внешней политики США в 1953—1957 гг.» (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 7). Возможно, главный вывод, который А.Н. Яковлев попытался донести до руководства после возвращения в ЦК, состоял в том, что внешняя политика США, главного идеологического и военного противника СССР, основывалась на политологическом анализе и опиралась на работу ученых в университетах и специализированных научных центрах. Отсюда следовало, что и СССР неплохо было бы создать аналогичные политологические центры, причем не внутри соответствующих ведомств, а при крупных университетах и в АН СССР. Среди американских политологов А.Н. Яковлев особо выделял Дж. Ф. Кеннана, резко критическое отношение которого к внешней политике США сосуществовало с авторством концепции «сдерживания коммунизма».

А.Н. Яковлев успешно защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук, и решением Совета АОН при ЦК КПСС от 19 июля 1960 г. ему была присвоена искомая степень. На ученом совете кафедры его работа была рекомендована к опубликованию. Первая монография А.Н. Яковлева под названием «Идейная нищета апологетов холодной войны» вышла в свет в издательстве «Соцэкгиз» в 1961 г. Учеба в АОН при ЦК КПСС закончилась 7 мая 1960 г., но уже в апреле 1960 г. А.Н. Яковлев вернулся в ЦК КПСС на должность инструктора Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС.

⁴ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М., 2008. С. 490—521.

⁵ См. подробнее о роли А.Н. Яковлева в назначении В.А. Крючкова председателем КГБ: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 534.

⁶ После кровавых событий в Вильнюсе (см. примечание 3 к документу № 1) жители Риги 14 января 1991 г. приступили к охране госучреждений республики, в том числе радио и телевидения. 20 января бойцы рижского ОМОНа совершили нападение на здание МВД, при этом были убиты и ранены несколько человек.

⁷ Советские войска вторглись в Афганистан в 1979 г., через год после прихода к власти в этой стране прокоммунистических сил. Вывод из Афганистана на основании Женевских соглашений от 14 апреля 1988 г. ограниченного контингента советских войск начался 15 мая 1988 г. и закончился 15 февраля 1989 г.

⁸ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М., 2008. С. 695—696; Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга вторая. С. 141—142.

⁹ «Восстановительный» съезд КПРФ состоялся 13 февраля 1993 г. в подмосковной Клязьме, председателем партии был избран Г.А. Зюганов.

¹⁰ См. примечание 3 к документу № 10.

¹¹ См.: «Коммерсант-Daily», 28 ноября 1992 г. Первый Конгресс российской интеллигенции прошел 27—28 ноября 1992 г. в Москве, в здании Киноцентра. Выступая на заседании конгресса, А.Н. Яковлев, в частности, заявил, что «сегодня мы говорим совершенно не о том — над страной нависла опасность фашизма, которую правительство изо всех сил не замечает». Отвечая на вопросы корреспондента «Ъ» В. Соколовского, А.Н. Яковлев пояснил: «Достаточно почитать газету “День”, чтобы понять, где засели фашисты».

¹² См. примечание 9 к документу № 1.

¹³ Пункт о «декоммунизации общества», «устранении засилья партийной и хозяйственной номенклатуры в органах управления» вошел в программу движения «Демократическая Россия» на его III съезде, проходившем 19—20 декабря 1992 г. в Москве.

№ 13. Как я был американским шпионом

¹ См. примечание 2 к документу № 12.

² Указом Б.Н. Ельцина от 2 декабря 1992 г. была создана Комиссия при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий. Председателем комиссии указом президента от того же числа был назначен А.Н. Яковлев.

³ См. примечание 1 к документу № 12.

⁴ Речь идет о предстоявшем 14 апреля 1993 г. начале слушаний в Военной коллегии Верховного суда по делу ГКЧП, однако 18 мая 1993 г. судебное заседание было отложено на неопределенный срок. По постановлению Государственной думы от 23 февраля 1994 г. «Об объявлении амнистии в связи с принятием Конституции Российской Федерации» участники событий 19—21 августа 1991 г. и 3—4 октября 1993 г. были амнистированы, а парламентская комиссия по расследованию «октябрьских» событий распущена. 1 марта 1994 г. Военной коллегией Верховного суда РФ был прекращен процесс по делу ГКЧП. Ранее, 27 января 1993 г., члены ГКЧП были освобождены из заключения.

Имеется и другая версия происшедших в феврале 1993 г. событий. Автор статьи «Давненко мы шпионов не ловили» в «Комсомольской правде» от 20 февраля 1993 г. Е.М. Альбац выступила со следующим предложением: «Давайте осмыслим примечательные события минувшей недели. Откровения А.И. Лукьянова по российскому государственному телеканалу: “Горбачев все знал про ГКЧП и мог куда угодно позвонить из Фороса”. Эпическое заявление Крючкова о шпионе Яковлеве. Активное участие узников “Матросской тишины”, с особого высокого дозволения, во II съезде компартии РФ. Самодеятельный “народный трибунал” над Горбачевым. А не выгоднее ли вообще 14 апреля судить Горбачева и Яковлева, а не ГКЧП?».

Узники, как видится, осторожно-лояльны к нынешней власти, а публично топят того, “кого можно”... Кто же с кем сговорился, извините, договорился на этой неделе? Массированная атака на Горбачева и Яковлева узников “Матросской тишины” — это не просто попытка оправдаться любой ценой. Это еще чей-то страх. Чей?..»

См. также примечание 5 к документу № 6; примечание 2 к документу № 9.

⁵ См. примечание 9 к документу № 1.

⁶ См. примечание 3 к документу № 2.

⁷ Речь идет о встречах А.Н. Яковлева с В.А. Крючковым начиная с 1975 г., когда тот был начальником 1-го Главного управления КГБ СССР, а А.Н. Яковлев занимал пост посла СССР в Канаде. Крючков и Яковлев были знакомы и раньше, и достаточно близко, — в период совместной работы в аппарате ЦК КПСС в 1960—1967 гг.

⁸ См. примечание 9 к документу № 14, примечание 6 к документу № 12, примечание 3 к документу № 1, примечание 7 к документу № 12.

⁹ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 695—696, 826.

¹⁰ См. письмо А.Н. Яковлева по поводу интервью А.М. Макашова «Независимой газете» от 21 мая 1991 г. в номере «НГ» от 23 мая 1991 г.

¹¹ Речь идет о коллективном письме Президенту РФ Б.Н. Ельцину, подписанном С.З. Умалатовой, А.М. Макашовым, Ю.В. Голиком и др. (всего 21 подпись) и опубликованном в «Правде» 17 февраля 1993 г. Письмо А.Н. Яковлева в поддержку этого коллективного требования о расследовании фактов, изложенных В.А. Крючковым в «Советской России» от 13 февраля 1993 г., было опубликовано «Правдой» 23 февраля 1993 г.

¹² См. примечание 2 к документу № 1.

¹³ См. примечание 5 к документу № 1.

¹⁴ См. примечание 9 к документу № 1.

№ 14. «Я выбрал бы клуб порядочных людей»

¹ См. примечание 2 к документу № 12.

² См. примечание 3 к документу № 12.

³ Речь идет о Ярославском государственном педагогическом институте им. К.Д. Ушинского, который А.Н. Яковлев окончил в 1947 г.

⁴ См. примечание 3 к документу № 2.

⁵ См.: Яковлев А.Н. Против антиисторизма // «Литературная газета», 15 ноября 1972 г.

⁶ Речь идет об официальном визите члена Политбюро, Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева в Канаду 16—23 мая 1983 г.

⁷ 26 мая 1983 г. А.Н. Яковлев стал директором Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Приступил к новым обязанностям 16 августа 1983 г., после возвращения из Канады, где он в течение 10 лет занимал пост посла СССР.

⁸ См. примечание 3 к документу № 1.

⁹ 28—29 февраля 1988 г. произошел погром армянского населения в пригороде Баку Сумгаите, в результате которого погибли 32 человека, 197 получили ранения, произошло 12 изнасилований. Для подавления беспорядков в город были введены войска. События в Сумгаите стали поводом для эскалации Нагорно-Карабахского конфликта.

¹⁰ Имеется в виду выступление Б.Н. Ельцина по телевидению 20 марта 1993 г., в котором он объявил о переходе всей власти к президенту и правительству на период до референдума 25 апреля 1993 г. и о том, что все акты, противоречащие решениям президента и правительства, являются незаконными. Имелось в виду решения VIII Съезда народных депутатов от 10 марта 1993 г. об отмене референдума, об отрешении президента в случае односторонних действий по изменению государственного строя или роспуска съезда. После этого в ночь на 21 марта по телевидению выступили вице-президент А.В. Руцкой, генпрокурор В.Г. Степанков, председатель Конституционного суда В.Д. Зорькин, вице-спикер ВС Ю.М. Воронин, осудившие выступление президента. На экстренном заседании Верховного Совета выступление Ельцина было названо попыткой государственного переворота. 23 марта Конституционный суд признал незаконными отдельные тезисы Обращения Ельцина, однако в печатной публикации Обращения от 24 марта все спорные положения были изъяты, что сделало невозможной процедуру импичмента.

На IX внеочередном Съезде народных депутатов РФ, проходившем 26—29 марта 1993 г., на голосование был поставлен вопрос об отстранении Б.Н. Ельцина от власти (большинство проголосовало против импичмента) и приняты вопросы, вынесенные на референдум 25 апреля 1993 г. См.: Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. В двух томах. М., 2005. Том второй. С. 276—277.

№ 15. Безумие не должно восторжествовать

¹ См. примечание 10 к документу № 14.

² Имеется в виду VII Съезд народных депутатов РФ (1—15 декабря 1992 г.). Поправки к конституции, урезающие права Президента, предлагались и на предыдущем, VI Съезде народных депутатов 6—17 апреля 1992 г.

№ 16. 25 апреля — день серьезный

¹ См. примечание 1 к документу № 11.

² Имеется в виду IX внеочередной Съезд народных депутатов РФ 26—29 марта 1993 г.

³ См. примечание 9 к документу № 1.

⁴ Речь идет о XXIX съезде КПСС, провести который, по решению Пленума ЦК КПСС от 25 июля 1991 г., планировалось в ноябре — декабре 1991 г.

⁵ См. примечание 2 к документу № 1.

⁶ См. примечание 12 к документу № 1.

⁷ Имеется в виду Октябрьский переворот 25 октября 1917 г., который привел к власти РСДРП(б) во главе с В.И. Лениным. Среди упомянутых членов ЦК, избранных VI съездом РСДРП(б), были Ф.А. Артем (Сергеев), Я.А. Берзин (репрессирован, расстрелян), А.С. Бубнов (репрессирован, расстрелян), Н.И. Бухарин (репрессирован, расстрелян), Ф.Э. Дзержинский, Г.Е. Зиновьев (репрессирован, расстрелян), Л.Б. Каменев (репрессирован, расстрелян), А.М. Коллонтай, Н.Н. Крестинский (репрессирован, расстрелян), В.И. Ленин, В.П. Милютин (репрессирован, расстрелян), М.К. Муранов, В.П. Ногин, А.И. Рыков (репрессирован, расстрелян), Я.М. Свердлов, И.Т. Смилга (репрессирован, расстрелян), Г.Я. Сокольников (репрессирован, убит в тюрьме сокамерниками), И.В. Сталин, Л.Д. Троцкий (убит в результате теракта), М.С. Урицкий, С.Г. Шаумян. На съезде были избраны также кандидаты в члены ЦК: П.А. Джапаридзе, А.А. Иоффе (покончил жизнь самоубийством), А.С. Киселев (репрессирован, расстрелян), Г.И. Ломов (репрессирован, расстрелян), Е.А. Преображенский (репрессирован, расстрелян), Н.А. Скрыпник (покончил жизнь самоубийством), Е.Д. Стасова, В.Н. Яковлева (репрессирована).

№ 17. Пока демократы спорят, оппозиция набирает силу

¹ См. примечание 9 к документу № 1.

² Речь идет о стихийно возникшем в августе 1991 г. Союзе защитников Белого дома «Живое кольцо», основу которого составили граждане, выступившие против ГКЧП. 20 сентября 1991 г. движение было зарегистрировано Минюстом как Общероссийская общественно-политическая организация (движение) Союз «Живое кольцо». В 1992 г. движение получило название Союз защитников Свободной России «Живое кольцо».

³ См. примечание 7 к документу № 1.

⁴ См. примечание 3 к документу № 10.

⁵ В ходе работы второго этапа V съезда народных депутатов РСФСР 28 октября — 13 ноября 1991 г. были утверждены принципы реформы, Б.Н. Ельцин получил дополнительные властные полномочия, стал и.о. председателя правительства и назначил на ключевые посты команду «молодых реформаторов» — Г.Э. Бурбулиса, Е.Т. Гайдара, А.Н. Шохина, А.Б. Чубайса. 15 ноября 1991 г. были подписаны указы «О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР» и «Об отмене ограничений на заработную плату и на прирост средств, направляемых на потребление».

⁶ Проект новой Конституции («президентской», подготовленной рабочей группой во главе с С.С. Алексеевым, А.А. Собчаком и С.М. Шахраем) был опубликован 30 апреля 1993 г. в газете «Известия». Это был проект, альтернативный разрабатывавшемуся в Конституционной комиссии Съезда народных депутатов. На последовавшем Конституционном совещании оба проекта были положены в основу окончательного варианта, разработанного и одобренного Совещанием в июне — июле 1993 г.

См. также примечание 2 к документу № 11.

№ 18. «Идет то, что и должно идти, если мы это дело начали...»

¹ См. примечание 8 к документу № 8.

² В качестве заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС, Секретаря ЦК КПСС и члена Политбюро ЦК КПСС с июля 1985 г. по ноябрь 1988 г.

³ См. примечание 1 к документу № 2.

⁴ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М., 2008. С. 37.

⁵ См. примечание 8 к документу № 1.

⁶ См. примечание 18 к документу № 1, примечание 2 к документу № 9.

⁷ Имеется в виду референдум 25 апреля 1993 г. Подробнее см. примечание 1 к документу № 11.

⁸ Проект новой Конституции («президентской», подготовленной группой С.С. Алексеева, А.А. Собчака и С.М. Шахрая) был опубликован 30 апреля 1993 г. в газете «Известия». См. также примечание 6 к документу № 17 и примечание 2 к документу № 11.

⁹ 20 мая 1993 г. Б.Н. Ельцин издал Указ «О созыве Конституционного совещания и завершении подготовки проекта Конституции Российской Федерации». Для участия в Конституционном совещании в числе представителей президента и правительства был назначен и А.Н. Яковлев, надевшийся, что Конституционное совещание станет подготовительным этапом к созыву Учредительного собрания (см. также примечание 2 к документу № 11). Конституционное совещание открылось 5 июня 1993 г.

¹⁰ Попытка импичмента Б.Н. Ельцина была произведена на IX внеочередном Съезде народных депутатов 26—29 марта 1993 г., однако предложение отстранить президента от должности не получило достаточного количества голосов.

См. также примечание 10 к документу № 14.

№ 19. «Государственная идеология нам не нужна»

¹ См. примечание 9 к документу № 18.

² Речь идет, по-видимому, о так называемом деле Мартынюка 1940 г. и статье 131 Конституции СССР 1936 г. Мартынюк бросился спасать имущество горящего ресторана, но при этом получил ожоги. Поскольку в статье 131 говорилось о необходимости беречь социалистическую собственность, суд решил возместить спасителю причиненный пожаром ущерб.

№ 20. Тень правит демократией

¹ Имеется в виду распад СССР в декабре 1991 г.

² См. примечание 8 к документу № 8.

³ 3—4 октября 1993 г. произошли вооруженные столкновения сторонников Верховного Совета, с одной стороны, и сторонников президента — с другой, в ре-

зультате которых, по данным Генпрокуратуры, погибли 123 человека. Мятёж вспыхнул после Указа Б.Н. Ельцина № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации» от 21 сентября 1993 г. — о прекращении деятельности Верховного Совета и Съезда народных депутатов (кроме Конституционной комиссии) и выборах 11—12 декабря 1993 г. в новый парламент — Федеральное собрание — по новым правилам. Деятельность Конституционного суда приостанавливалась до начала работы Федерального собрания. 23 сентября 1993 г. депутаты объявили действия президента противоречащими Конституции, приняли решения об отстранении его от власти и назначении и.о. президента А.В. Руцкого. Базой противников президента стал Белый дом. После провала переговоров в Свято-Даниловом монастыре мятежники силой захватили здание московской мэрии, под руководством А.М. Макашова пытались захватить телестудию в Останкино, А.В. Руцкой призвал штурмовать Кремль. Все это происходило в условиях деморализации московской милиции и внутренних войск МВД. После подавления мятежа силами Министерства обороны А.В. Руцкой, Р.И. Хасбулатов, И.В. Константинов (член Верховного Совета и председатель Исполкома Фронта национального спасения), В.И. Анпилов, генерал-полковник А.М. Макашов были арестованы. См. подробно: Шейнис В.Л. Взлет и падение парламента. В двух томах. М., 2005. Том второй. С. 525—578.

Оценки А.Н. Яковлевым событий 3—4 октября 1993 г. были однозначными. По сообщению «Российской газеты» от 6 октября 1993 г., в эксклюзивном интервью корреспонденту ИТАР-ТАСС 5 октября 1993 г. он отметил, что «в течение последних полутора лет фашистско-большевистские силы встали на путь ползучей контрреволюции». После Указа Президента Ельцина «у этих сил не оставалось выхода, и так же, как в августе 1991 года, эти фашисты пошли на кровь». «Хасбулатова и Руцкого толкнула на преступные действия безумная жажда власти и амбиции». Прекрасно понимая, что им невозможно выиграть «предложенные Президентом демократические выборы», они «предпочли этот безответственный кровавый путь». «Для того, чтобы предотвратить угрозу фашизма, необходимо издать указ, запрещающий деятельность некоммунистических партий и всех организаций подобной ориентации». Говоря о предстоящих выборах, А.Н. Яковлев выразил надежду на то, что основными соперниками на них станут демократические блоки, «а не силы реформ и антиреформ». По мнению А.Н. Яковлева, «кровапролития избежать было бы невозможно, так как эти силы все равно бы пошли на него».

В архиве А.Н. Яковлева отложилось письмо Б.Н. Ельцину, датированное августом 1993 г. В книге воспоминаний «Омут памяти» (М., 2001. Книга вторая. С. 438) это письмо датируется 5 августа 1993 г.:

«Сугубо лично.

Борис Николаевич,

Только ощущение опасности, пока еще не полностью осознанной, подвигло меня написать Вам письмо.

Вы знаете, человек я осторожный, иногда излишне. Хорошо это или плохо — другой вопрос.

Но сейчас мною двигает одно — тревога за ход, а главное за исход дел.

Я тоже считаю себя ответственным за Реформацию. Это Вам понятно.

Продолжаю верить в реформы как образ мышления и образ действий.

Продолжаю верить в демократию как способ политической, экономической и нравственной регуляции человеческих отношений.

Мне претит авторитарность.

Но обстановка сейчас такая, что висящие над нами штампы легитимности и догматическое следование оным могут погубить реформы, а значит и страну.

По-моему, и Вы все время колеблетесь в выборе. Синдром прошлого, синдромы поставленной цели, усвоенная нами схоластическая схема демократии — все это мешает прорваться к кардинальному решению.

Мне тоже.

Но если обнажить обстановку до предела и перевести все «на язык родных осин», то получается следующее.

Мы заворожили себя концепцией “трех властей”.

Но что это в наших условиях?

1. Законодательная — Советы. Плод и восприемник практики и психологии однопартийной системы, жившей идеологией нетерпимости. Это последний реду-т большевизма как способа управления.

Компромисс с ним тактически возможен и даже в некоторых случаях нужен.

Но объективно — невозможен, ибо невозможно сожительство ужа с ежом, демократии с большевизмом.

Скажут: у нас еще нет демократии. Конечно, нет! Да откуда ей взяться? Ее надо строить.

Но нет и потому, что Советы (не в названии дело) остаются главным реду-том, еще не преодоленным демократией.

Советы — это реставрация.

И потому ни малейшего отношения к демократии не имеют.

2. Судебная власть. Чисто номенклатурная. Будет радостно служить прошлому. Она готова к этому. Но изменить ее может только время, вновь подготовленные кадры.

3. Исполнительная власть. Не всегда компетентна, да еще пропитанная воровским российским чиновничеством, которое деформирует реформы.

Но главное — она сжата объективно двумя другими властями. Она может не выдержать, начать крутить политическим хвостом.

Вот почему мы вступили в самый критический момент Реформации. И на Вас легла, увы, самая черная работа.

Ненасильственная эволюция — это цепь революций и контрреволюций. Не буду вдаваться в недавнюю историю.

Сейчас (не после) нужен новый революционный поворот ради движения к демократии, иначе снова застой. Признаки его налицо. Но застой особого рода — с тенденцией к реставрации.

Тяжело, мучительно, но исторически императивно — стряхнуть с плеч народа реакционную, антиреформистскую силу — Советы, распустить их, если Вы, конечно, уверены в силах, готовых поддержать Вас.

При этом немедленно назначить новые выборы, назвать их дату.

Перед Указом о роспуске:

а) подготовить обращение к народу;

б) создать координационный информационный Совет (Центр), который бы взял на себя идеологическое обеспечение этой непростой встряски общества. Базой для этого сделать нынешнее РИА (бывшее АПН). Там технически все есть;

в) подготовить убедительный материал о том, сколько материально стоят (в деньгах) решения ВС, блокирующие реформы;

г) уже сейчас надо всерьез начать создание партии, передав ей (в какой-то форме) отданное Финансовой академии здание Фонда Горбачева. Речь идет об основном здании. Два других оставить Академии. Сейчас в основном здании только канцелярия, а не учеба.

После роспуска законодательно:

а) издать Указ о выборах;

б) Указ об органах власти;

в) Указ о земле;

- г) Указ о банкротстве;
- д) Указ о развитии частной торговли;
- е) Указ о гарантиях иностранных инвестиций;
- ж) Указ об особых мерах по борьбе с тремя видами преступлений — убийство, изнасилование, производство наркотиков.

Жестокости тут бояться не надо. Народ поддержит, авторитет власти пойдет вверх. Иными словами — это политическая акция;

- з) установить особые льготы инвалидам войны.

Что-то еще особо наболевшее.

Административно.

Установить институт уполномоченных Президента РФ (по функциям комиссаров) по основным вопросам реформы:

- а) аграрный;
- б) конверсия;
- в) преступность;
- г) частная собственность;
- д) возможно что-то еще.

Они не занимаются функциями ведомств, а только тем, как выполняются Указы Президента, и защищают интересы тех, кто встал на путь реформ, т.е. бьют по саботажу реформ.

Идеологически.

Кроме создания мощного Координационного центра, необходимо:

- а) закрыть до избрания нового парламента издание газет “День”, “Советская Россия”, “Правда”, “Гласность”, телепрограммы “600 секунд” как разжигающих гражданскую войну в России.

- б) одновременно издать распоряжение о прекращении пропаганды жестокости и аморализма и т.д. (включая телевидение).

Это будет встречено хорошо.

Борис Николаевич, в революции как в революции, только без крови.

В ином случае нас ждет кровь, демократию толкают к этому.

Нет, я не запугиваю, но я, как и Вы, знаю повадки этой злобной стаи. Ради власти они не остановятся ни перед чем.

Вы ничего не можете поделать с тем, что на вас выпала доля осуществить этот, возможно, последний по масштабам и глубине шаг по спасению и укреплению демократического процесса в России.

Иначе крах святого дела.

Историю не судят, Борис Николаевич, ее изучают.

С самыми добрыми пожеланиями в эти невообразимо трудные месяцы». (Личный архив А.Н. Яковлева. Автограф; см. также: Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга вторая. С. 438—440).

⁴ XX съезд КПСС 14—25 февраля 1956 г., на котором Н.С. Хрущев выступил с докладом «О культе личности и его последствиях».

⁵ 24 июля 1993 г., с целью защиты от рублевой интервенции бывших советских республик, были отменены банкноты 1961—1991 гг., при этом граждане должны были успеть обменять до 7 августа советские дензнаки на российские, но на сумму не более 35 тысяч рублей на человека, остальные надо было класть на специальный счет. Возникла паника, и 26 июля лимит был повышен до 100 тысяч, срок обмена продлен до конца августа, оставлены в обращении мелкие купюры. Были приняты и другие смягчающие указ меры, однако сама акция по обмену денег, должным образом не подготовленная, привела к дальнейшему росту цен.

См. также примечание 11 к документу № 1.

⁶ Заместитель премьера правительства г. Москвы Александр Павлович Брагинский был жестоко несколько раз избит, затем по приказу А.В. Руцкого бро-

шен в подвал Белого дома (см. подробнее: Млечин Л. Борис Ельцин. Послесловие. М., 2007. С. 190—191).

⁷ Речь идет о выборах в Федеральное собрание, назначенных на 11—12 декабря 1993 г., однако проведенных в один день — 12 декабря.

№ 21. Судьба и политика

¹ Выступление А.Н. Яковлева в Конституционном суде от 9 октября 1992 г. См.: Материалы дела о проверке конституционности Указов Президента РФ, касающихся деятельности КПСС и КП РСФСР, а также о проверке конституционности КПСС и КП РСФСР. М., 1997. Т. 4. С. 299—306.

² См. примечание 4 к документу № 20.

³ См. примечание 2 к документу № 12.

⁴ См. примечание 3 к документу № 12.

⁵ Речь идет о члене Политбюро ЦК КПСС Э.А. Шеварднадзе (Грузия), члене Политбюро ЦК КПСС Г.А. Алиеве (Азербайджан), 1-м секретаре ЦК КП Литвы А. Бразаускасе (Литва), члене Политбюро ЦК КПСС С.А. Ниязове (Туркмения), члене Политбюро ЦК КПСС И.А. Каримове (Узбекистан), члене Политбюро ЦК КПСС Н.А. Назарбаеве (Казахстан).

⁶ См. примечание 8 к документу № 8.

⁷ См. примечание 4 к документу № 18.

⁸ См. примечание 2 к документу № 10.

⁹ См. примечание 7 к документу № 1.

¹⁰ См. примечание 1 к документу № 4.

¹¹ См. примечание 3 к документу № 20.

¹² См. примечание 10 к документу № 8.

¹³ Ваучеризация — продажа акций предприятий за приватизационные чеки (ваучеры), которые выдавались всем гражданам с 1 октября по 31 декабря 1992 г. и подлежали реализации в течение 1993 г. Целью ваучеризации было преодоление госмонополии на средства производства. Указ «О введении в действие системы приватизационных чеков в Российской Федерации» был подписан Б.Н. Ельциным 15 августа 1992 г. Термин «ваучер» был введен в оборот А.Б. Чубайсом при недовольстве Б.Н. Ельцина, считавшего это слово неприличным и запретившего его употреблять на заседаниях правительства. Вскоре в стране появились т.н. ЧИФы — Чековые инвестиционные фонды, собиравшие ваучеры граждан под обещания вложения их в доходные предприятия. В ситуации бесконтрольности подавляющее большинство ЧИФов «исчезло» вместе с ваучерами, не выполнив обещаний. В конце 1994 г. — начале 1995 г. начался т.н. денежный этап приватизации, который, однако, не дал в казну запланированных средств, и в результате прошло предложение о кредитовании правительства банками под залог пакетов акций элитных акционерных обществ. По истечении срока залога держатели этих пакетов получали право продажи имущества на аукционах («залоговые аукционы»).

¹⁴ См. примечание 2 к документу № 13.

¹⁵ Речь идет о восстании в Кронштадте 28 февраля — 18 марта 1921 г. под лозунгами политических свобод и ликвидации диктатуры большевистской партии, в результате подавления которого Красной Армией 1000 человек были убиты, 10 000 бежали в Финляндию. Впоследствии участники событий были репрессированы. Подавлением мятежа командовал М.Н. Тухачевский. См. о мятеже в первой книге серии «Россия. XX век. Документы», выпускаемой с 1997 г. Международным фондом «Демократия» (Фондом Александра Н. Яковлева): Кронштадт. 1921. М.: МФД, 1997.

¹⁶ Президент Советского фонда милосердия и здоровья А.Н. Яковлев был избран президентом Международного фонда милосердия и здоровья 29 января 1992 г. на заседании Координационного совета Фонда по рекомендации делегатов IV конференции Советского фонда милосердия и здоровья. (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 361.)

¹⁷ См. примечание 18 к документу № 1.

¹⁸ Первые усилия по созданию Международного фонда «Демократия» относятся к концу 1992 г. В мае 1993 г. идея МФД была поддержана Б.Н. Ельциным. Распоряжение Президента Российской Федерации «О международном фонде «Демократия» от 29 мая 1993 г., в частности, гласило: «1. Одобрительно относиться к созданию международного фонда «Демократия», действующего в соответствии с законодательством Российской Федерации. 2. Совету Министров — Правительству Российской Федерации, министерствам и ведомствам Российской Федерации, органам исполнительной власти республик в составе Российской Федерации, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга оказывать международному фонду «Демократия» содействие в осуществлении им своих уставных задач» (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 418).

Фонд «Демократия» был зарегистрирован 23 августа 1993 г., а ранее, 3 августа 1993 г., состоялась учредительная конференция Фонда, которая приняла Устав общественного объединения, первый пункт которого в разделе «Цели и задачи Фонда» гласил: «Цель фонда — способствование укреплению и развитию демократии в России» (Там же. Д. 420).

В качестве учредителей Фонда выступили: Г.А. Арбатов, Г.Я. Бакланов, А.А. Беляев, Н.Б. Биккенин, Е.П. Велихов, О.П. Вергасов, Д.А. Волкогонов, А.И. Вольский, А.В. Долголаптев, К.Ф. Затулин, В.Н. Игнатенко, Ю.М. Каган, В.И. Мироненко, Н.Я. Петраков, П.А. Простяков, А.Б. Пумпянский, Б.Г. Стельмаков, С.С. Шаталин, В.Н. Шостаковский, С.Н. Юшенков, А.Н. Яковлев, Е.В. Яковлев.

Президентом Фонда 3 августа 1993 г. был избран А.Н. Яковлев.

Начиная с середины 1996 г. деятельность Международного фонда «Демократия» строилась, по сути дела, в соответствии с предложениями А.Н. Яковлева, изложенными в письме Б.Н. Ельцину. План Фонда включал издание многотомной серии документов по истории России XX века, а также проведение исследований на новой документальной базе.

В личном архиве А.Н. Яковлева отложилось вышеупомянутое письмо Б.Н. Ельцину:

«Президенту России

Борису Николаевичу ЕЛЬЦИНУ

Глубокоуважаемый Борис Николаевич!

Ваша победа определила направление исторического развития страны на длительный срок, став крупнейшим рубежом в мировой и российской истории на пороге XXI в.

Итоги выборов свидетельствуют о завершении перехода от тоталитарно-большевистского к демократическому строю, они положили конец гражданской войне, длившейся в нашем Отечестве на протяжении всего XX в., войне, в основе которой лежала большевистская идеология насилия.

Масштабы исторических перемен, сопоставимые с переломными событиями прошлого, заставляют задуматься о том, как о них будут писать наши потомки, как они, в конце концов, узнают обо всем происшедшем в России в конце XX в.

Между тем, сложился опасный разрыв между происходящими в стране событиями и их объяснением в нашей академической и университетской науке, изучающей проблемы истории XX в.

За семь десятилетий историческая наука оказалась настолько заидеологизированной, подчиненной обслуживанию потребностей узкой группы политиков, а иногда и одного конкретного лица, что можно констатировать отсутствие подлинной истории России XX в. Созданные в угоду правящей партии мифы, легенды и фальсификации, служившие основой идеологической работы, в течение длительного времени и по сей день широко используются политиками, преследующими свои корыстные цели.

По многим, в том числе и субъективным причинам, продолжается воспроизводство прежних схем исторического развития России. Более того, предпринимаются попытки обосновать, что коммунизм и советский социализм являются результатом “особого пути России”, “соборности и общинности”, “евразийской судьбой России”, что коммунизм является воплощением “народного патриотизма”. Все эти аргументы Вы могли услышать в ходе избирательной кампании от коммунистического кандидата.

Сказывается не только приверженность значительной части историков старшего поколения традиционным схемам и стереотипам, но и то, что их политические симпатии по-прежнему адресованы большевистскому режиму и его сегодняшним политическим защитникам. Представители этого направления по-прежнему занимают многие ключевые посты в руководстве академических институтов, исторических факультетов и кафедр высших учебных заведений. В ряде случаев именно исторические факультеты некоторых крупнейших вузов превратились, по существу, в центры притяжения оппозиционно настроенных политических сил. Несмотря на запрет политической деятельности в учебных и научных заведениях, в некоторых из них действуют партийные организации КП РФ, РКРП и др.

Утверждаю: в большинстве высших учебных заведений студенты обучаются истории России недавними преподавателями истории КПСС, не скрывающими своего неприятия существующего в России государственного строя и стремящимися в этом духе формировать студенчество.

В результате отсутствия единого центра координации управления историческим образованием сегодня совершенно разрушена системность и преемственность в историческом образовании и воспитании.

Отсутствуют современные учебные пособия по истории России в средней и высшей школе. Поэтому Комитетом по высшей школе Миннауки сейчас активно рекомендуются, издаются западные — английские, французские, итальянские исследования по истории СССР в качестве учебников для высшей школы (Верт Н. История советского государства. 1900—1991. Изд. 2-е. М., 1995; Хоскинг Д. История Советского Союза. 1917—1991. М., 1995; Боффа Д. История Советского Союза. Т. 1—2. М., 1994 и др.).

Позицию Комитета можно понять: издание западных историков служило заслоном против воспроизводства учебных книг по истории СССР, написанных с большевистских позиций, но сейчас уже нельзя изучать нашу историю по иностранным книгам, так как там, конечно, многие вопросы изложены с французской, английской, иной, но не российской позиции, мало учитывается тот факт, что русская история — это часть самосознания нашего общества.

На пороге нового, XXI столетия возникает особая необходимость осмысления опыта нашей страны за то столетие, которое стало самым бурным в ее тысячелетней истории. В XX веке Россия четыре раза пережила смену государственного устройства — монархию сменила на короткое время буржуазно-демократическая республика, после Октября 1917 г. — советский строй, а на смену ему пришла президентская республика.

В этих условиях в полной мере сохраняет свою политическую и общественную актуальность задача исследования исторического пути развития Рос-

сии — исследования объективного, базирующегося на строго документальных основах и, вместе с тем, отвечающего политическим целям строительства демократического общества в России. Только объективный анализ, исключающий налет дилетантизма, конъюнктурности, позволит вскрыть причины трагической истории России и будет способствовать преодолению мифологического сознания.

В связи с этим хотел бы высказать ряд предложений о государственной политике в отношении исторической науки:

1. Ни Академию наук, ни университеты невозможно сейчас заставить измениться. Прямые административные меры здесь не могут быть применены. Необходимо создать им конкуренцию, противопоставить им позитивный пример анализа истории России в XX в. В связи с этим полагаю целесообразным просить Вас вернуться к вопросу о создании Центра историко-документальных исследований при Президенте Российской Федерации.

Наиболее целесообразно было бы учредить этот Центр на правах Главного управления в Администрации Президента Российской Федерации.

2. Основной задачей Центра должна была бы стать подготовка 10-томной истории России в XX в. Это исследование должно стать своего рода “посланием в XXI век” Президента России.

3. Необходимо уделить особое внимание изданию важнейших документов по истории XX в., в большинстве своем недоступных историкам недавнего прошлого, так как только на строго документальной основе возможно подлинно научное изучение истории России XX в.

4. Необходимо подготовить и издать исследование “Президентская власть в России: первые итоги”.

5. Понятно, что Центр должен участвовать в подготовке учебных пособий, учебников, хрестоматий документов по отечественной истории XX в.

6. Центр должен вести аспирантуру. Это должно стать очень важной частью деятельности Центра, так как только таким способом можно повлиять на содержание исторических исследований и преподавания в ближайшем будущем и в XXI веке.

С глубоким уважением,
академик А.Н. Яковлев.

12.VII.96». (Личный архив А.Н. Яковлева; см. также: Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга вторая. С. 452—454).

Непосредственным результатом реализации программы Международного фонда «Демократия» стали первые три книги новой серии «Россия. XX век. Документы»: Кронштадт 1921: Документы о событиях в Кронштадте весной 1921 г. М., 1997; Филипп Миронов (Тихий Дон в 1917—1921 гг.): Документы и материалы. М., 1997; Катынь: Пленники необъявленной войны: Документы и материалы. М., 1997. 12 мая 1997 г. в Большом зале Центрального Дома кинематографистов состоялась их презентация, на которой выступили президент Международного фонда «Демократия» А.Н. Яковлев, Б.Л. Васильев, О.В. Басилашвили, Г.А. Явлинский, Ф.А. Искандер, Л.Э. Разгон, А.А. Вайнер, Э.А. Быстрицкая, М.Н. Полторанин и др. Приветственное обращение направил Б.Н. Ельцин. См.: «Литературные вести», июнь 1997 г.

В статье А. Веймарна «Новая правда старой истории» было сообщено, что, по уверению С.А. Филатова, «сейчас предпринимаются шаги, чтобы сделать издание сборников президентской программой» («Российские вести», 29 июня 1997 г.), однако осуществить этот план так и не удалось и на последующие тома серии пришлось искать финансирование везде, где возможно, но только не у государства.

№ 22. «Я больше уважаю демократов по убеждению, чем демократов по назначению»

¹ См. примечание 4 к документу № 20.

² См. примечание 3 к документу № 2.

³ См.: Яковлев А.Н. Горькая чаша: Большевизм и реформация в России. Ярославль, 1994.

⁴ См. примечание 3 к документу № 20.

⁵ Новая Конституция Российской Федерации была принята 12 декабря 1993 г. на всенародном референдуме. Согласно данным Центризбиркома, за нее было подано 58,4 % голосов, против — 41,6 %. Референдум не проводился в Челябинской области, Татарстане, Чечне.

⁶ См. примечание 3 к документу № 12.

⁷ На выборах в Государственную думу 12 декабря 1993 г. Российское движение демократических реформ во главе с Г.Х. Поповым и А.А. Собчаком не преодолело пятипроцентного барьера (набрав 4,1 %, или 2,1 млн голосов избирателей), и его общефедеральный список не прошел в состав нового парламента. Однако в мажоритарных округах от РДДР было избрано 5 депутатов в Госдуму (А.П. Брагинский, А.Н. Сарычев, В.М. Смирнов, Е.А. Федоров, Ю.Е. Воевода) и 2 — в Совет Федерации (Е.А. Гаер, К.А. Титов). Блок «Выбор России» получил в Думе 78 мест, ЛДПР во главе с В.В. Жириновским — 63 места, Аграрная партия во главе с М.И. Лапшиным — 55 мест, коммунисты — 45 мест, места в парламенте получили также Партия российского единства и согласия (ПРЕС) во главе с С.М. Шахраем (30 мест), «Яблоко» во главе с Г.А. Явлинским (27 мест), движение «Женщины России» (23 места) и ДПР (15 мест).

Отвечая впоследствии на вопрос о результатах, показанных РДДР на выборах 1993 г., А.Н. Яковлев отметил: «Тогда мы сами “успешно” это дело провалили. Своими собственными руками. Мною уважаемый Гавриил Харитонович Попов уехал, по-моему, в Америку, Собчак — в Германию, Святослав Федоров — на Ближний Восток... Нигде ничего не сказали, ни с кем не встретились. Ни один из них по телевидению даже не выступил. И мы хотим, чтобы на нас пала манна небесная? ... Басилашвили, включенный в первую “тройку”, тоже в это время в России не был, гастролировал где-то на Западе. Скажите, можно ли при таком “развале” рассчитывать на успех?» («Россия», 12 сентября 1995 г.).

№ 23. У нас свое место под солнцем

¹ См. примечание 3 к документу № 20.

² См.: Яковлев А. Мы все еще не распрямились // «Новое время», № 10, март 1993 г.

См. также примечание 11 к документу № 12.

№ 24. Архитектору перестройки предстоит перестраивать телевидение

¹ Указом Президента РФ «О совершенствовании государственного управления в сфере массовой информации» от 22 октября 1993 г. А.Н. Яковлев был назначен руководителем Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию. Этим же указом ликвидировались Министерство печати и информации и Федеральный информационный центр под руководством М.Н. Полторанина. Указом Президента Российской Федерации от 22 декабря 1993 г. на руко-

водителя Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию Яковлева А.Н. было возложено исполнение обязанностей председателя Российской государственной телерадиокомпании «Останкино». На этом посту А.Н. Яковлев сменил В.И. Брагина, работавшего в «Останкино» с декабря 1992 г. по декабрь 1993 г.

² А.Н. Яковлев занимал должность заведующего сектором радио и телевидения Отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС в 1965 г.

№ 25. «Если сказать жестко, я бы установил сейчас временную уголовную ответственность за нововведения»

¹ См. примечание 1 к документу № 24.

² См. примечание 5 к документу № 22.

³ Речь идет о чередовании руководителей телевидения: С.Г. Лапин (апрель 1970 г. — декабрь 1985 г.), А.Н. Аксенов (декабрь 1985 г. — май 1989 г.), М.Ф. Ненашев (май 1989 г. — ноябрь 1990 г.), Л.П. Кравченко (ноябрь 1990 г. — август 1991 г.), Е.В. Яковлев (август 1991 г. — ноябрь 1992 г.), В.И. Брагин (декабрь 1992 г. — декабрь 1993 г.).

⁴ См.: Яковлев А.Н. Реализм — земля перестройки: Избранные выступления и статьи. М., 1990.

⁵ ИТА — Информационное телевизионное агентство.

⁶ На выборах в Государственную думу 12 декабря 1993 г. Либерально-демократическая партия России во главе с В.В. Жириновским получила 63 места, заняв вторую позицию после пропрезидентского блока «Выбор России» во главе с Е.Т. Гайдаром (76 мест).

Результаты выборов вызвали шок в рядах демократического фланга, началось выяснение того, откуда вообще взялась ЛДПР. 12 января 1994 г. в «Литературной газете» прошло сообщение о том, что создание партии Жириновского было санкционировано Политбюро ЦК КПСС после отмены 6-й статьи Конституции СССР и лично поручено М.С. Горбачевым председателю КГБ В.А. Крючкову. 13 января 1994 г. М.С. Горбачев заявил газете «Известия», что не может ни подтвердить, ни опровергнуть участие каких-то структур КГБ в создании ЛДПР и политической фигуры самого Жириновского. «Известия» привели также следующую цитату из ответа М.С. Горбачева: «Я, во всяком случае, Жириновского в Конституционное совещание не приглашал, по правую руку от себя не сажал, никогда в глаза его не видел и видеть не хочу». По мнению М.С. Горбачева, сценаристы «Выбора России» пытались использовать Жириновского, чтобы выглядеть на его фоне более привлекательно для избирателей, и с этой целью преднамеренно вытащили его из политического небытия, однако созданное таким образом чудовище чуть было не пожрало их самих («Известия», 13 января 1994 г.).

По другой версии, возвышение ЛДПР явилось результатом намеренного, санкционированного Кремлем пиара В.В. Жириновского на телевидении и радио — задачи, порученной В.И. Брагину.

21 июля 1994 г. журнал «Euromean» обратился к А.Н. Яковлеву с просьбой ответить на ряд вопросов, касающихся истории ЛДПР.

«Уважаемый господин Яковлев!

В настоящий момент мы проводим сбор материалов об истории создания Либерально-демократической партии Владимира Жириновского.

В прессе приводились Ваши высказывания о том, что Михаил Горбачев и другие члены Политбюро были причастны к основанию и/или официальной регистрации партии ЛДП.

1) Соответствуют ли сообщения в прессе тому, что Вы в действительности сказали?

2) Если да, то не могли бы Вы подробнее рассказать о том, кто был в это вовлечен, какие действия были предприняты господином Горбачевым в частности (или же Политбюро в целом) и когда они были предприняты?

3) Какие у Вас есть доказательства, подтверждающие это (т.е. документы, переговоры с лицами, которые принимали в этом участие, переговоры с третьей стороной и т.д. и т.п.).

4) Есть какие-либо еще доказательства связей г-на Жириновского с Коммунистической партией и/или КГБ.

Питер Конради, шеф московского бюро «Юропиан».

В ответ А.Н. Яковлев написал:

«Шефу московского бюро «Юропиан»

Питеру Конради.

1. Какими-либо документальными данными на этот счет я не располагаю.

2. Каких-либо официальных обсуждений этого вопроса в моем присутствии не было.

3. Однажды во время обеденного перерыва между заседаниями Съезда народных депутатов председатель КГБ Крючков сказал, обращаясь к М.С. Горбачеву, что он, Крючков, работает над созданием организации — партии, которая была бы противовесом Межрегиональной депутатской группе. В ее названии должно быть что-то демократическое.

Какой-либо реакции со стороны Горбачева не последовало.

Председатель Российской государственной

телерадиокомпании «Останкино»

А.Н. Яковлев.

22 июля 1994 г.» (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 589).

⁷ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 37.

№ 26. Наступила пора прагматиков

¹ Речь идет об опубликованной 18 марта 1994 г. в «Общей газете» статье «Почки набухают. К путчу?» анонимного документа «Версия-1». Слухи о возможном государственном перевороте циркулировали по Москве за несколько дней до публикации статьи, а сам текст «Версии» начал распространяться с вечера 16 марта 1994 г. В тексте «Версии» сообщалось, что первый вице-премьер О.Н. Сосковец, начальник генштаба М.П. Колесников, мэр Москвы Ю.М. Лужков намерены отстранить Б.Н. Ельцина от власти. В составе группы назывались также В.Ф. Шумейко, М.Н. Полторанин, Б.С. Миронов, сообщалось о переговорах с П.С. Грачевым, В.Ф. Ериным, С.В. Степашиним. Кроме того, говорилось в тексте «Версии», Б.С. Миронов пытается наладить контакты с ближайшим окружением Е.М. Примакова. Поводом для начала акции должно было стать выступление по первому телеканалу известного общественного деятеля или промышленника с соответствующей инициативой, мотивированной ухудшением состояния здоровья президента, его физической неспособностью руководить страной. Затем вышеуказанные деятели намерены были инициировать в парламенте процедуру передачи временных полномочий президента В.С. Черномырдину и проведение в трехмесячный срок внеочередных президентских выборов. Предполагалось также введение чрезвычайного положения. Первая попытка — выступление Ю.В. Скокова по телевидению 10 марта сорвалась из-за отказа А.Н. Яковлева предоставить ему эфир. А.Н. Яковлев информировал о происходящем ближайшее окружение президента. В послесловии «Общей газеты» к публикации «Вер-

сии», в частности, сообщалось, что редакция справилась у А.Н. Яковлева, действительно ли намечалось выступление Ю.В. Скокова. «Александр Николаевич сказал, что Скоков к нему по этому поводу не обращался, но был “боковой” звонок, предупредивший Яковлева о том, что такое выступление намечается» («Общая газета», 18—24 марта 1994 г.) Публикация вызвала широкий резонанс, тем более что содержала ссылку на и.о. председателя «Останкино» А.Н. Яковлева. Против газеты и ее учредителя Е.В. Яковлева было возбуждено уголовное дело, Комитет РФ по печати официально предупредил «ОГ», что ее действия расцениваются как осознанный шаг, направленный на дестабилизацию общества, на подрыв конституционной власти. Проведя расследование, Генпрокуратура не усмотрела в действиях сотрудников «ОГ» состава преступления, а Судебная палата 7 июля 1994 г. подтвердила свое первое заявление от 4 апреля 1994 г. о «правомерности и общественной значимости публикации» и рекомендовала Комитету РФ по печати отозвать официальное предупреждение «Общей газете».

По сообщению «Российской газеты» от 30 марта 1994 г., текст «Версии» сочинил член редсовета «ОГ» Г.О. Павловский «для личного пользования».

² См. примечание 3 к документу № 20.

³ См. примечание 9 к документу № 1.

⁴ См. примечание 1 к документу № 24.

⁵ См.: Яковлев А.Н. Омуг памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга первая. С. 37—38.

⁶ См. примечание 3 к документу № 2.

⁷ См. примечание 3 к документу № 12.

⁸ См. примечание 2 к документу № 12.

№ 27. «Останкино» считает деньги

¹ См. примечание 1 к документу № 24.

² См. примечание 1 к документу № 26.

³ В январе 1948 А.Н. Яковлев был переведен из Ярославского обкома КПСС в областную газету «Северный рабочий» на должность заведующего отделом пропаганды марксизма-ленинизма и члена редколлегии. В этой газете он проработал до июля 1950 г., когда был назначен заместителем заведующего Отделом пропаганды и агитации Ярославского обкома партии.

№ 28. Государственному телевидению государство денег не дает

¹ См. примечание 1 к документу № 24.

² 24 ноября 1992 г. президентским указом Е.В. Яковлев был снят с должности председателя «Останкино» «в связи с допущенными недостатками» в освещении событий в районе чрезвычайного положения — осетино-ингушского конфликта. 30 ноября 1992 г. президент выпустил корректирующий указ, в котором говорилось, что Е.В. Яковлев освобождается от должности «в связи с переходом на другую работу».

³ См. примечание 7 к документу № 22.

В архиве А.Н. Яковлева отложилось письмо Б.Н. Ельцину:

«Борис Николаевич!

1. Прошу Вас сильно не печалиться из-за успеха скомороха. Конституция — это победа историческая.

Да и Жириновский сменил почти готовых вождей, и это было очень опасно.

Этому деятелю в “вождях” не бывать. Его задавит продолжение реформ.

2. У меня такое ощущение — в правительстве должны появиться 3—5 фигур от земли, от опыта, от практики, умеющие делать конкретные дела — и повседневно.

Время глобализма временно исчерпало себя.

Следующие президентские выборы будут не на пафосе реформ, что станет очевидным, а на пафосе практических дел, близких человеку и понятных ему.

3. Не мне Вам объяснять, какая сила в телевидении. Но оно должно поумнеть. А потому нужен профессионал. Человека со стороны назначать нельзя.

Я вижу сейчас трех человек, которые влиять не будут.

1. Лазуткин В.В. (телевидение)

2. Игнатенко В.Н. (ТАСС)

3. Лысенко А.Г. (телевидение)

4. Надо немедленно организовать ежедневные 10-минутные передачи с разъяснением Указов Президента и Правительства.

Это будет очень хорошо принято.

5. Можно было бы создать сильную инспекторскую группу при Вас для оперативного вмешательства Президента во всякого рода конкретные безобразия, именно президентского вмешательства.

Смысл, я думаю, понятен.

В целом же поздравляю.

А выбросы из могилы прошлого еще будут продолжаться, в той или иной форме.

Доброго Вам здоровья.

А.Н. Яковлев.

17.XII.93». (Личный архив. Авторизованная машинопись.)

⁴ См. примечание 5 к документу № 22.

⁵ См. примечание 3 к документу № 20.

⁶ В 1994 г. Олег Максимович Попцов занимал пост председателя Всероссийской государственной телерадиокомпании (ВГТРК).

⁷ См. публикацию текста подготовленной Контрольным управлением Администрации Президента Российской Федерации «Справки о результатах проверки финансово-хозяйственной деятельности РГТРК «Останкино»» в «Российской газете» от 7 апреля 1994 г. Проверка проводилась в январе — феврале 1994 г.

⁸ А.Н. Яковлев находился в Великобритании 26—30 июня 1994 г., встречался с руководством Британской телерадиовещательной корпорации (Би-би-си), представителями палаты лордов и палаты общин, министерства иностранных дел, другими регулирующими органами в сфере информации, 30 июня в Даремском университете был удостоен звания почетного выпускника этого учебного заведения.

№ 29. Нам все дано предугадать

¹ Речь идет о Ярославском восстании 6—21 июля 1918 г., связанном с планом Б.В. Савинкова и его Союза защиты родины и свободы развернуть движение сопротивления большевистской власти в Центральной России с опорой на международную помощь. См. подробнее: Ярославское восстание. 1918. М., МФД. 2007.

² Вероятно, журналистская ошибка. В списке членов Президентского совета, согласно Указу президента РФ от 15 сентября 1994 г. «О составе Президентского совета», А.Н. Яковлев не значится. Не было его и в составе предшественника Президентского совета — Президентского консультативного совета.

³ А.Н. Яковлев и директор Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО РАН) В.В. Мартынов находились в США 7—16 июня 1994 г. на открытии американо-российского Института информационных ресурсов (IRI)

в г. Сандуски (шт. Огайо), созданном для помощи в организации американских инвестиций в России. А.Н. Яковлев выступал в Центре международных и региональных исследований и издательстве Йельского университета в Нью-Хейвене, встречался с представителями Института демократии в Вашингтоне (ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 278).

⁴ А.Н. Яковлев занимал должность заведующего Отделом школ и высших учебных заведений Ярославского областного комитета КПСС с июля 1951 г. по март 1953 г., когда был переведен в Москву на должность инструктора Отдела школ ЦК КПСС, а затем назначен инструктором Отдела науки, школ и культуры ЦК КПСС по РСФСР.

⁵ См., например: Яковлев А.Н. Предисловие. Обвал. Послесловие. М., 1992; Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994.

№ 30. Дед эпохи

¹ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994.

² См. примечание 1 к документу № 24.

³ См. примечание 9 к документу № 1.

⁴ См. примечание 3 к документу № 20.

⁵ Речь идет о «почетной ссылке» А.Н. Яковлева послом в Канаду в 1973 г. после публикации 15 ноября 1972 г. имевшей широкий резонанс статьи «Против антиисторизма», в которой он выступил с критикой местного национализма и великодержавного шовинизма. В Канаде А.Н. Яковлев пробыл до 1983 г.

⁶ Речь идет о В.А. Коротиче и Е.В. Яковлеве.

⁷ Речь идет об отставке А.Н. Яковлева с поста старшего советника президента М.С. Горбачева в июле 1991 г. в связи с созданием независимого от КПСС Движения демократических реформ. См. также примечание 7 к документу № 1.

⁸ См. примечание 8 к документу № 1.

⁹ В аппарате ЦК КПСС А.Н. Яковлев работал с 1953 по 1956 г. в должности инструктора, затем с 1960 по 1973 г. в должности инструктора, зав. сектором, заместителя заведующего, и.о. заведующего отделом, а с 1985 по 1990 г. — заведующим отделом, Секретарем ЦК, кандидатом в члены Политбюро и членом Политбюро ЦК КПСС.

В марте 1984 г. был избран депутатом Верховного Совета СССР, членом Комиссии по иностранным делам Совета национальностей. С 1989 г. по 1991 г. был народным депутатом СССР.

С марта 1990 г. по январь 1991 г. А.Н. Яковлев был членом Президентского совета СССР.

¹⁰ Речь идет о 19 августа 1991 г., когда В.А. Коротич должен был прилететь в Москву из США, однако решил сдать билет, чтобы не попасть под возможные репрессии ГКЧП.

См. примечание 9 к документу № 1.

¹¹ См.: Олейник Б.И. Князь тьмы: Два года в Кремле. М., 1992.

¹² Речь идет о будущей Российской партии социальной демократии, созданной 18 февраля 1995 г.

№ 31. «Я в отставку не подавал и подавать пока не собираюсь»

¹ Имеются в виду выборы Президента РФ, состоявшихся летом 1996 г.

² Речь идет о состоявшихся в Баку переговорах между президентом Азербайджана Г.А. Алиевым и командующим погранвойсками России генерал-полковником А.И. Николаевым о возможном размещении российских войск на иран-

ской границе и восстановлении контроля над южными рубежами бывшего СССР. В 1992 г. по настоянию президента РА Абульфаза Эльчибея российские войска были выведены с азербайджано-иранской границы.

³ См. примечание 12 к документу № 30.

⁴ См. примечание 1 к документу № 24.

№ 32. Поздняя осень глазами патриарха

¹ См. примечание 7 к документу № 1.

² Первые шаги по созданию Российской партии социальной демократии были сделаны еще 14 января 1994 г. с принятием «Плана подготовки съезда партии социальной демократии (Социал-демократического объединения)» (Личный архив А.Н. Яковлева). План вписывался в заявленное тогда же Б.Н. Ельциным желание создать собственную политическую партию. 15 сентября 1994 г. было объявлено об образовании оргкомитета Единого движения социал-демократии во главе с А.Н. Яковлевым и Е.И. Шапошниковым при участии лидера СДПР А.Г. Голова, председателя партии «Демократическая инициатива» П.Г. Бунича, председателя Российской партии свободного труда И.Х. Кивелиди, председателя Крестьянской партии России Ю.Д. Черниченко, председателя РДПР Г.Х. Попова, С.С. Шаталина, С.Н. Федорова, Н.П. Шмелева, И.Д. Лаптева, Г.С. Хижи, Ф.М. Бурлацко-го и др. По инициативе руководителя администрации президента С.А. Филатова на места были разосланы директивные письма с призывом содействовать формированию региональных структур будущей партии.

Учредительный съезд РПСД прошел 18 февраля 1995 г. в Москве, в Центральном доме туриста. На нем присутствовало около 300 делегатов из 65 регионов страны. Съезд принял основные документы, избрал федеральный совет и правление. Председателем партии был единогласно избран А.Н. Яковлев. С.А. Филатов зачитал приветствие съезду от Б.Н. Ельцина. Приветствие съезду направил также спикер Государственной думы И.П. Рыбкин.

Создание РПСД вызвало волну откликов в прессе. «Московский комсомолец» в номере от 21 февраля 1995 г., не слишком высоко оценив перспективы новой партии, отметил, что «единственный козырь Яковлева — “Останкино”». Собственное телевидение в предвыборной борьбе — уже очень много». Газета «Труд» 21 февраля 1995 г. высказала мнение, что «президент, приветствуя РПСД, видит в ней свою опору, разочаровавшись в других демократических партиях, выразивших активное неприятие его политики в Чечне». «Вечерняя Москва» 21 февраля 1995 г. привела мнение лидера Объединенного демократического центра И.Б. Ройтмана: «Удивляться нечему — Горбачев создал партию Липицкого. Ельцин, в противовес, партию Яковлева. Президент не хочет, чтобы перед выборами его оппоненты заняли всю социал-демократическую нишу». Газета «Коммерсант-Daily» 21 февраля 1995 г. отметила, что «партия Яковлева в принципе могла бы отобразить голоса у коммунистов — если бы не ее явный номенклатурный оттенок. Получается, что форсированное создание новых демпартий приводит лишь к дальнейшему дроблению электората, а не к насущному объединению». Газета «Известия» 7 марта 1995 г., рассуждая о причинах «конструирования» в области телевидения и создания «ОРТ», заявила: «Вполне очевидна не только экономическая, но и политическая подоплека подобного конструирования: АО ОРТ было доверено совместному управлению “либерального” руководства “Останкино” и группировки “либерально ориентированных” экономических структур, связанных с определенными сегментами в системе исполнительной власти. Иначе говоря, здесь создавалась основа альянса элитарных либеральных сил, над формированием которого долго и безуспешно трудились многие политики. При таких

обстоятельствах уже не выглядела бессмысленной затеей и создаваемая А. Яковлевым при участии С. Филатова Партия социальной демократии».

Еще до образования избирательного блока «Демократический выбор России — Объединенные демократы» А.Н. Яковлев разослал письма руководителям 13 демократических организаций с предложением объединиться, но получил ответы только от Б.Г. Федорова, С.Н. Федорова и Г.А. Явлинского, которые, впрочем, посчитали, что порознь их объединения наберут больше голосов, чем вместе («Утро России», № 37, 4 октября 1995 г.).

Говоря впоследствии о причинах невысокой популярности РПСД, руководитель Администрации Президента РФ (1993—1995) С.А. Филатов в беседе с корреспондентом «Московских новостей» заявил: «Мы вместе создавали эту партию. У нее есть серьезный потенциал. К сожалению, несколько лет назад президент отказался от опоры на какую-либо партию. Мне очень печально, что окружение — не мое, другое — сумело внушить Борису Николаевичу, что он должен оставаться лишь отцом нации. В результате демократическое движение осталось без поддержки президента и фактически распалось. На мой взгляд, власть не должна быть номенклатурной, но, как и во многих других странах, должна опираться на партию, на идеологию» («Московские новости», 1—8 ноября 1998 г.).

Главным фактором неудачи РПСД на парламентских выборах 1995 г. стало инициированное Б.Н. Ельциным в конце апреля 1995 г. создание двух «центристских» избирательных объединений — правоцентристского во главе с В.С. Черномырдиным и левоцентристского во главе с И.П. Рыбкиным. Провалились оба проекта: «Наш дом — Россия», несмотря на привлечение большого количества чиновников и финансовой элиты, получил на выборах 10,13 % голосов, «Блок Ивана Рыбкина» — 1 % голосов, что во многом и обусловило высокие результаты КПРФ на выборах 17 декабря 1995 г. (22,3 % голосов).

А.Н. Яковлев, оценивая неудачу РПСД на выборах 1995 г. и стремясь реанимировать в преддверии президентских выборов первоначальную идею создания сильной социал-демократической партии, писал Б.Н. Ельцину 28 февраля 1996 г.:

«Вы сказали: “помочь по душе”. Я бы добавил, и по-крупному.

По Конституции, наше государство “социальное”, однако политического оформления “социальности” не произошло. Больше того, социальная сфера оказалась в заgone, что и привело к падению влияния демократии и к известному успеху реставраторов.

Чувствуя эту опасность, я еще в позапрошлом году предложил создать политическую организацию социал-демократической ориентации. Но что-то не сработало. Ваши указания о поддержке выполнены не были. В суеете возникла идея двух блоков, по сути верная, но практически оказалась нежизненной.

Сегодня социал-демократические движения растут как грибы после дождя. Коммунисты дрейфуют туда же, понимая, что без этого они долго не проживут.

Идем к выборам.

Проиграть их нельзя, иначе новая свалка, которую Россия не выдержит.

Необходим решительный и неординарный шаг, который обозначит новый этап демократического развития России.

Необходимо создание социал-демократической партии России на базе движения “Наш дом — Россия”, а также Партии социальной демократии, Социал-демократической партии, Крестьянской партии и некоторых других организаций. Сюда надо привлечь мэров Москвы и Петербурга, соответствующих губернаторов.

Что это даст?

1. Будет практически провозглашена социальная направленность политики нынешнего правительства. С идеологической неопределенностью будет покончено. Возникнет фактически социал-демократическое правительство.

2. Россия, общество получают ответы на вопросы: “Куда идем?”, “Что строим?” и т.д.

3. Неизбежно сузится социальное поле для КПРФ. Это очень существенно перед выборами. Немало избирателей могут изменить свои намерения.

4. Предвыборная борьба получит новый и в известной мере неожиданный импульс.

5. Появится мощный Центр независимого политического влияния даже для ситуации возможной оппозиции в будущем, о котором тоже надо подумать.

6. Уверен, что нынешняя фракция “Нашего дома” увеличится за счет независимых депутатов, которые не хотят прислоняться к чистой “партии власти”, но могут связать свою судьбу с социал-демократами.

Ведь по сути своей все нынешние партии демократического направления являются социал-демократическими. Именно это и должно найти политическое оформление.

Время терять нельзя. Учредительный съезд надо провести не позднее второй половины марта. На нем же официально поддержать Вашу кандидатуру на президентских выборах.

Объединительные конференции на местах надо активно использовать в тех же целях.

Полагаю, что осуществление данного предложения относится к разряду стратегических задач.

Уверен, что у людей это вызовет интерес и породит социальную надежду.

Если будет согласие в принципе, детали решаемы.

С уважением,

А. Яковлев» (Личный архив А.Н. Яковлева; см. также: Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга первая. С. 442—443).

³ См. примечание 8 к документу № 8.

⁴ См. примечание 9 к документу № 1.

⁵ См. программу и устав Российской партии социальной демократии в сборнике «Российская партия социальной демократии. Документы» (М., 1999). Учредительный съезд РПСД состоялся 18 февраля 1995 г., инициаторами выступили 65 регионов Российской Федерации. В основе создания партии лежала идея соединения либерализма и социал-демократизма.

⁶ Речь идет о партии Е.Т. Гайдара «Выбор России», партии С.М. Шахрая «Партия российского единства и согласия» (ПРЕС) и партии Г.А. Явлинского «Яблоко».

⁷ XXVIII съезд КПСС проходил 2—13 июля 1990 г. На съезде была образована Комиссия по подготовке новой Программы партии. Новая программа, которую А.Н. Яковлев оценивал как социал-демократическую, была принята на Пленуме ЦК КПСС 25 июля 1991 г.

⁸ «Демократическая платформа» в КПСС была образована 20—21 января 1990 г. на всесоюзной конференции партклубов, которые объединили коммунистов — сторонников многопартийности и радикальной демократизации КПСС, всего 60 тысяч членов КПСС из тринадцати союзных республик. Демплатформа включала членов Межрегиональной депутатской группы (МДГ) и представителей шахтеров-угольщиков. В состав рабочей коллегии Демплатформы вошли В.Н. Лысенко, Б.Н. Ельцин, Т.Х. Гдлян, Г.Х. Попов, Н.И. Травкин и др. См. текст Демократической платформы к XXVIII съезду КПСС в «Правде» от 2 марта 1990 г. На XXVIII съезде партии, проходившем, 2—13 июля 1990 г., один из лидеров «Демплатформы» В.Н. Шостаковский заявил о необходимости объединения демократически настроенных членов партии и их размежевания с консервативным лагерем в КПСС, «о начале разделения КПСС и выделения “Демократической платформы” в самостоятельную политическую партию».

⁹ Речь идет о парламентских выборах 17 декабря 1995 г. и выборах Президента РФ в июне — июле 1996 г.

№ 33. Моя война

¹ Речь идет о хранящейся в личном архиве А.Н. Яковлева копии «Журнала боевых действий 6-й отдельной бригады морской пехоты» (ЦА МО СССР. Ф. 1361. Оп. 1. Д. 5).

№ 34. Тот еще Яковлев

¹ См. примечание 1 к документу № 24.

² См. примечание 9 к документу № 30.

³ См. примечание 2 к документу № 13.

⁴ См. примечание 8 к документу № 8.

⁵ Речь идет об уходе А.Н. Яковлева с поста старшего советника президента СССР в июле 1991 г. в связи с созданием независимого от КПСС Движения демократических реформ (см. примечание 7 к документу № 1). А.Н. Яковлев вернулся к М.С. Горбачеву через месяц после путча: 19 сентября 1991 г. он был назначен Государственным советником по особым поручениям при Президенте СССР.

⁶ См. примечание 18 к документу № 1.

⁷ А.Н. Яковлев работал в Отделе пропаганды ЦК КПСС инструктором, заведующим сектором, заместителем заведующего, первым заместителем заведующего с 1960 г. по 1973 г., когда получил назначение послом СССР в Канаду. В 1985 г. он был назначен заведующим Отделом пропаганды ЦК КПСС, в 1986 г. был избран Секретарем ЦК КПСС, а в 1987 г. членом Политбюро ЦК КПСС.

Об этом более подробно см. примечание 3 к документу № 12.

⁸ См. примечание 3 к документу № 25. Не совсем ясно, о ком именно идет речь, за исключением Е.В. Яковлева, который 24 ноября 1992 г. президентским указом был снят с должности председателя «Останкино» «в связи с допущенными недостатками» в освещении событий в зоне осетино-ингушского конфликта.

⁹ Речь идет о президентских выборах, намеченных на 1996 г.

¹⁰ Речь идет о стажировке А.Н. Яковлева в Колумбийском университете (США) в 1958—1959 гг. и о работе послом СССР в Канаде в 1973—1983 гг.

¹¹ ИТА — Информационное телевизионное агентство.

¹² См. примечание 2 к документу № 31.

¹³ Речь идет об интервью, которое С.Л. Ломакин взял у Б.Н. Ельцина в январе 1991 г. и которое широко транслировалось с целью дискредитации на тот момент оппозиционного политического деятеля.

¹⁴ Речь идет об Указе президента РФ от 29 ноября 1994 г. «О совершенствовании эксплуатации первого частотного (г. Москва) канала телевидения и сети его распространения», первый пункт которого гласил: «Принять предложение Российской государственной телерадиокомпании “Останкино”, согласованное с Федеральной службой России по телевидению и радиовещанию, о вхождении этой телерадиокомпании на правах соучредителя в акционерное общество “Общественное российское телевидение” с закреплением 51 процента акций в федеральной собственности».

Предложение А.Н. Яковлева, которое он неоднократно высказывал при обсуждении этого вопроса, состояло в создании не полугосударственного канала, а частного канала с участием государства. В письме Б.Н. Ельцину от 5 марта 1994 г. он писал:

«Вношу предложение о преобразовании первого телевизионного канала “Останкино”. В чем его суть?

Вы, Борис Николаевич, хорошо знаете, что в условиях демократического строительства телевидение приобретает все более значительную роль в качестве рычага управления и средства формирования общественного мнения. Поэтому необходимо его резкое качественное улучшение.

В условиях бесконечных “скандалов” вокруг финансирования качественный рынок сделать невозможно. К тому же еще сильны традиции прежних времен, которые крайне отрицательно сказываются на качестве вещания.

Иными словами, Российское государственное телевидение переживает трудные времена.

Бюджетных денег не хватает на финансирование существующих 92 государственных телерадиокомпаний (включая три федеральные). Связисты бастуют, единое информационное пространство разрывается, телевещание дробится по регионам. На грани морального износа техническое оборудование телецентра, смонтированного 15—20 лет назад на комплектующих, поставлявшихся из различных государств-членов СЭВ. По экономическим причинам реальна угроза прекращения вещания первого и второго каналов за пределами России, включая страны СНГ.

В эфире государственных телеканалов из частных соображений нередко появляются сюжеты, не соответствующие требованиям нравственности и культуры, традициям информационной этики.

Молодые талантливые тележурналисты делают выбор не в пользу телеканалов “Останкино” и “Россия”, а по материальным соображениям предпочитают работу в небольших продюсерских фирмах или рекламных агентствах.

Растет конкуренция со стороны негосударственных телерадиокомпаний: НТВ, “6 канал”, “2×2”.

Сегодня представляется нереальным введение абонентской платы как дополнительного целевого налога на финансирование государственного телевидения и радио.

В связи с этим наиболее эффективным является преобразование Российской государственной телерадиовещательной компании “Останкино” в акционерное общество.

Это будет Общество особого характера, то есть государство оставляет за собой информационно-политические программы, включая кадры. У государства остается 20 процентов акций АО “Останкино-телевидение”, а заместитель Генерального директора по информационно-политическим программам утверждает Федеральную службу по телевидению и радиовещанию.

Другие программы — художественные, детские, просветительские — покупаются у производящих фирм на конкурентной основе.

Молодой российский национальный промышленный и финансовый капитал может и готов взять на себя часть высокой ответственности за сохранение единого информационного пространства в рамках СНГ, за бесперебойную работу этой важнейшей сферы культуры и информации» (Личный архив А.Н. Яковлева; см. также: Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга вторая. С. 440—442).

№ 35. На фоне лауреатов

¹ После провала операции, проведенной в ночь на 28 ноября 1994 г. якобы «силами чеченской оппозиции», а на деле — специально уволившимися с этой целью из российской армии военнослужащими, и подписания 30 ноября Б.Н. Ельциным указа «О мероприятиях по восстановлению конституционной законности и правопорядка на территории Чеченской Республики» российская армия вошла

на территорию Чечни, а в ночь на 1 января 1995 г. штурмовала Грозный. Началась первая чеченская война, в ходе которой только в марте — июне 1995 г. федеральные войска смогли установить контроль над территорией республики. Однако в Чечне развернулась партизанская война, которую вели отошедшие в горные районы отряды Д.М. Дудаева и А.А. Масхадова. В июне чеченские боевики под командованием Ш.С. Басаева захватили здание больницы в г. Буденновске Ставропольского края и, угрожая убийством заложников, потребовали окончания войны. В результате со своих постов были сняты главы МВД (В.Ф. Ерин) и ФСБ (С.В. Степашин), вместо них назначены А.С. Куликов и М.И. Барсуков. В начале 1996 г. боевики во главе с С.Б. Радуевым захватили больницу в дагестанском городе Кизляре и около 170 заложников, с которыми передислоцировались в село Первомайское на границе с Чечней, где взяли еще около 100 заложников. После штурма села силами ФСБ и МВД погибло множество заложников и бойцов федерального спецназа, однако самому Радуеву и большинству боевиков вместе с частью заложников удалось скрыться. После гибели Д.М. Дудаева в апреле 1996 г. начались трехсторонние переговоры о мире, завершившиеся соглашением о прекращении огня с 1 июня 1996 г., на конец августа 1996 г. был намечен вывод войск из Чечни и проведение в республике свободных выборов. Летом 1996 г. прошел ряд терактов в Москве и других российских городах, а после президентских выборов в июле 1996 г. вновь развернулись военные действия, в частности была предпринята попытка захвата Грозного. После назначения А.И. Лебеда полномочным представителем Президента РФ в Чечне мирные переговоры с сепаратистами были возобновлены, и 31 августа 1996 г. в дагестанском городе Хасавюрт на границе с Чечней Лебедь и Масхадов подписали соглашение о прекращении военных действий и начале восстановления Чеченской Республики. В январе 1997 г. А.А. Масхадов был избран президентом Чеченской Республики Ичкерия, а 12 мая 1997 г. был подписан мирный договор, завершивший первую чеченскую войну 1994—1996 гг.

² По состоянию на январь 1995 г. О.М. Попцов был руководителем ВГТРК и сохранял этот пост до своего увольнения 15 февраля 1996 г., после чего перешел на работу в «Общую газету» к Е.В. Яковлеву. Подробнее об обстоятельствах увольнения см.: Попцов О.М. Тревожные сны царской свиты. М., 2000. Поводом для слухов об отставке О.М. Попцова стала его позиция по «чеченскому вопросу». Кроме того, в течение 1993—1994 гг. периодически обсуждался вопрос о целесообразности существования (и финансирования) двух отдельных государственных компаний — «Останкино» и ВГТРК и их возможном слиянии при сохранении двух каналов. При этом в качестве руководителя единой структуры назывались разные имена. Однако в конце концов взяла верх идея акционирования «Останкино» и сохранения в качестве государственного Российского ТВ. По сообщению «Комсомольской правды» от 22 ноября 1994 г., О.М. Попцов на вопросы корреспондента газеты указал, что «всякая идея разрушения созданного не может восприниматься спокойно людьми, которые отдали этому часть своей жизни».

«Встает вопрос: Зачем? — подчеркнул О. Попцов. — Если надо убрать О. Попцова и и.о. председателя телерадиокомпания «Останкино» Александра Яковлева, то зачем дело рушить?»

№ 36. Деньги и власть на ТВ

¹ 1 марта 1995 г. в подъезде своего дома был убит Владислав Николаевич Листьев, популярный тележурналист и первый генеральный директор АОЗТ «Общественное российское телевидение» (ОРТ). Это преступление осталось нераскрытым. Новая телекомпания ОРТ начала вещание 1 апреля 1995 г.

См. также примечания 1, 2 к документу № 39.

² Вторым генеральным директором ОРТ в марте 1995 г. стал Сергей Евгеньевич Благоволин — руководитель информационно-аналитической службы телекомпании, доктор экономических наук, бывший заведующий отделом Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) РАН.

№ 37. Пора идти к человеку

¹ См. примечание 9 к документу № 1.

² См. примечание 2 к документу № 1.

³ 26 декабря 1990 г. IV Съезд народных депутатов СССР принял закон «Об изменениях и дополнениях к Конституции СССР в связи с совершенствованием системы государственного управления», упразднивший Президентский совет. Предложение об упразднении Президентского совета внес М.С. Горбачев в своем программном выступлении 17 ноября 1990 г. на сессии Верховного Совета СССР. 13 марта 1991 г. был образован заменивший Президентский совет Совет Безопасности СССР (Г.И. Янаев, В.С. Павлов, Б.К. Пуго, В.А. Крючков, А.А. Бесмертных, Е.М. Примаков, В.В. Бакатин).

⁴ См. примечание 5 к документу № 1.

⁵ На IV Съезде народных депутатов СССР 17—27 декабря 1990 г. была принята концепция нового Союзного договора, назначена дата проведения референдума об обновленном Союзе (17 марта 1991 г.). 17 марта 1991 г. состоялся Общесоюзный референдум, в котором участвовало около 80 % зарегистрированных избирателей, 76 % от их числа высказались за «обновленный Союз». В референдуме не приняли участия страны Балтии, Грузия, Армения и Молдавия. 23 апреля 1991 г. в Ново-Огареве было сделано заявление о мерах по стабилизации и принципах нового Союзного договора (формула «9+1»). 17 июня 1991 г. в Ново-Огареве лидеры девяти республик и М.С. Горбачев согласовали проект Союзного договора, который был внесен на рассмотрение ВС СССР. 12 июля 1991 г. проект был поддержан ВС СССР, а 23 июля президенты республик обсудили последнюю версию Договора, его подписание было намечено на 20 августа 1991 г., но было сорвано попыткой государственного переворота в Москве 19—21 августа 1991 г. Окончательно концепция Союза как федерации независимых государств при сохранении сильного центра провалилась в конце ноября 1991 г. и привела к подписанию Беловежских соглашений (см. примечание 1 к документу № 3).

⁶ См. примечание 3 к документу № 20.

⁷ См. примечание 5 к документу № 22. См. также примечание 6 к документу № 17 и примечание 9 к документу № 18.

№ 38. Покаяние

¹ Указ Президента РФ «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период» был подписан 24 января 1995 г.

² См. примечание 2 к документу № 13.

³ См.: Реабилитация: как это было. Февраль 1956 — начало 80-х годов. М.: МФД, 2003. С. 114—118.

⁴ Русская освободительная армия — воинские формирования из русских эмигрантов и советских военнопленных, воевавшие на стороне нацистской Германии против СССР в 1942—1945 гг. под руководством генерал-лейтенанта А.А. Власова.

№ 39. Бунт люмпенов и судьба реформ

¹ Речь идет об Указе президента РФ от 29 ноября 1994 г. о создании акционерного общества «Общественное российское телевидение» с закреплением 51 процента акций в федеральной собственности. 1 февраля 1995 г. на базе Российской государственной телерадиокомпании «Останкино» и ряда коммерческих структур было создано АОЗТ «Общественное российское телевидение» (ОРТ).

См. также примечание 14 к документу № 34.

² Согласно Указу Президента РФ от 17 марта 1995 г., А.Н. Яковлев по его просьбе был освобожден от должности руководителя Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию и исполняющего обязанности председателя Российской государственной телерадиокомпании «Останкино». Как отметила «Независимая газета» от 17 марта 1995 г., «с просьбой об отставке А.Н. Яковлев обратился к премьеру Виктору Черномырдину еще в декабре прошлого года, мотивируя ее невозможностью совмещать несколько важных постов».

Заявление об отставке А.Н. Яковлев сделал 16 марта 1995 г. на общем собрании коллектива «Останкино», требовавшего приостановить действие Указа Президента от 29 ноября 1994 г. об акционировании «Останкино»: «Я удовлетворяю ваше требование, я подаю в отставку... потому что больше не могу работать с демагогами» («Куранты», 17 марта 1995 г.).

Подробно о происходившем на собрании рассказали «Известия» от 18 марта 1995 г.: «Александр Яковлев заявил, что, если коллектив настаивает, он, конечно, подаст в отставку, о чем и заявил. Но считает необходимым уточнить, что он не участвовал в подготовке указа об акционировании и был против него. Однако, сказал он, надо понимать, чем вызвана необходимость акционирования: государственного бюджета, который был выделен на финансирование канала, хватает лишь на 5 часов вещания в день. Необходимо было предпринять действия, которые обеспечат полноценное суточное вещание».

6 октября 1995 г. Б.Н. Ельцин подписал Указ «О совершенствовании телерадиовещания в Российской Федерации», первым пунктом которого значилась ликвидация телерадиокомпании «Останкино».

³ Имеются в виду выборы в Государственную думу 17 декабря 1995 г.

⁴ См. примечание 9 к документу № 1.

⁵ Российская партия социальной демократии (РПСД) была учреждена 18 февраля 1995 г.

⁶ Ошибка журналистской записи. Учредительный съезд РПСД состоялся 18 февраля 1995 г.

⁷ Речь идет о II съезде РСДРП 17 (30) июля — 10 (23) августа 1903 г. в Брюсселе и Лондоне, на котором произошел раскол на большевиков (сторонников В.И. Ленина) и меньшевиков (сторонников Л. Мартова). А.Н. Яковлев считал решения II съезда РСДРП ошибочными и в этом смысле о желательности проведения «нового», на этот раз объединительного съезда, который мог бы перечеркнуть путь РСДРП после второго съезда.

⁸ См. примечание 2 к документу № 13.

№ 40. «Я думаю, нас губит культ безделья»

¹ А.Н. Яковлев находился в Республике Корея по приглашению Института дальневосточных исследований Университета Кьонгнам (г. Сеул) 23—31 мая 1995 г. 25 мая 1995 г. он выступил на научной конференции «Великие державы и будущая безопасность Северо-Восточной Азии» с докладом «Северо-Восточная Азия — региональная подсистема или центр международных отношений третьего

тысячелетия?», 26 мая встретился с министром иностранных дел РК Кон Ро Меном, а 27 мая был принят президентом Республики Корея Ким Ен Самом.

² См. примечание 4 к документу № 20.

³ См. примечание 5 к документу № 30.

⁴ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 28—38.

№ 41. Амбиции не будут в дефиците

¹ В августе — сентябре 1995 г. партия «Демократический выбор России», Крестьянская партия России, Конгресс национальных организаций России (КНОР) и Российская партия социальной демократии, а также объединения «Женщины за солидарность» и «Военные за демократию» создали избирательный блок «Демократический выбор России — Объединенные демократы». На выборах в Думу 17 декабря 1995 г. блок, в первую тройку федерального списка которого вошли Е.Т. Гайдар, С.А. Ковалев и Л.Н. Федосеева-Шукшина, не смог преодолеть 5-процентный барьер (3,86 %), хотя, по оценкам на сентябрь 1995 г., блок набирал 7—9 % голосов. ДВР—ОД сознательно противопоставил себя «партии власти» — блоку «Наш дом — Россия» (НДР). По словам Е.Т. Гайдара, «тезис о завершении этапа либеральных преобразований, провозглашенный НДР, совершенно неприемлем для ДВР» («Сегодня», 29 августа 1995 г.). В документах, посвященных предвыборной стратегии блока, все конкуренты делились на противников (КПРФ, КРО, Аграрная партия, ЛДПР) и оппонентов (ЯБЛоко, «Вперед, Россия!», «Наш дом — Россия» (партия Черномырдина). При этом НДР характеризовалась как организация, несущая ответственность за коррупцию и предельную социальную несправедливость, как партия номенклатурного капитализма.

Блок ДВР—ОД продлил свое существование и расширился, образовав накануне региональных выборов 1996—1997 гг. Коалицию либеральных и правоцентристских партий и движений (КЛППД), созданную в сентябре — октябре 1996 г. (Демократический выбор России, Крестьянская партия России, Российская партия социальной демократии, Конгресс национальных объединений России (КНОР), движение «Общее дело», партия «ДемРоссия», Всероссийское движение народных домов). Подписание соответствующих документов состоялось в Московском Центральном Доме журналиста на заседании под председательством председателя КНОР А.А. Руденко-Десняка.

См. также примечание 7 к документу № 67.

² См. примечание 8 к документу № 32.

³ См. примечание 9 к документу № 1.

⁴ См. примечание 1 к документу № 3.

⁵ См. примечание 7 к документу № 1.

⁶ См. примечание 1 к документу № 35.

⁷ См. примечание 5 к документу № 17.

⁸ Избирательное движение «Наш дом — Россия» во главе с В.С. Черномырдыным было создано по инициативе Б.Н. Ельцина 12 мая 1995 г.

№ 42. Скорпиончики

¹ АОЗТ «Общественное российское телевидение» (ОРТ) было создано 1 февраля 1995 г. и начало вещания 1 апреля 1995 г. Председателем Совета директоров ОРТ стал А.Н. Яковлев.

² Выборочная проверка финансово-хозяйственной деятельности «Останкино» за период 1994 г. и первого квартала 1995 г. проводилась Счетной палатой РФ по решению Государственной думы РФ от 10 марта 1995 г. В сопроводительном докумен-

те Счетной палаты, направленном 13 сентября в Госдуму, утверждалось, что проверкой «вскрыты серьезные недостатки в использовании бюджетных средств, включая валютные и на финансирование капитальных вложений, в организации коммерческой деятельности, учете расчетных операций и выполнении обязательств перед бюджетом, нарушениях при формировании уставного фонда АОЗТ «ОРТ»». Справка Счетной палаты от 9 сентября 1995 г. опубликована, например, в газете «Народная дума» (№ 2, ноябрь). Краткое изложение см. в статье Б. Кроткова «Останкино: вскрыт букет финансовых нарушений» («Деловой мир», 10 октября 1995 г.).

³ Письмо от 2 октября 1995 г. отложилось в личном фонде А.Н. Яковлева: «Председателю Государственной думы И.П. Рыбкину.

Уважаемый Иван Петрович,

1. Частным путем я ознакомился с документами Счетной палаты по результатам проверки финансово-хозяйственной деятельности телевидения «Останкино».

Приходится только сожалеть, что с этими материалами я не был ознакомлен раньше, хотя общепринятой нормой проверок является та, что руководители, деятельность которых подвергается проверке, ставились в известность о выводах проверок.

Более того, впервые я узнал обо всем из газеты «Московский комсомолец», которая опубликовала документы еще до рассмотрения данного вопроса Государственной думой.

Это тоже наводит на мысль о целенаправленной акции, имеющей вовсе не характер объективного исследования, а служит каким-то другим целям.

2. Я не собираюсь защищать финансово-экономическую деятельность «Останкино».

Более того, когда Президент Ельцин Б.Н. попросил меня поработать в этой компании, я попросил Президента дать поручение проверить хозяйственно-финансовую деятельность компании, что и было сделано Контрольным управлением Администрации Президента совместно с Минфином. Никаких существенных выводов эта комиссия не сделала. Все ее замечания были учтены в практической работе.

Не удовлетворившись этим, я запретил своим приказом бартерные сделки, которые фактически являлись каналом финансовых злоупотреблений. А в последующем создал независимую компанию «Реклама-холдинг», чтобы отделаться от многочисленных посредников, которые действительно прилипли к «Останкино». Эта компания проработала всего-навсего три квартала, но уже за это время доходы компании от рекламы увеличились в несколько раз.

Приходится сожалеть, что комиссия как бы не заметила этих решений, направленных на упорядочение финансово-хозяйственной деятельности.

3. Комиссия прошла мимо и того факта, что она проверяла деятельность компании в период ее преобразования в акционерное общество. И многие претензии предъявляются, как бы не замечая того, что организационный период проходил с трудностями, тем более что к этим событиям подключились и некоторые фракции Государственной думы, возражавшие против преобразования государственной компании в акционерную.

Причина преобразований одна: нехватка денег. В материалах комиссии не отражена бесконечная тяжба с Минфином по поводу денег. Неоднократно компания стояла на грани прекращения вещания. И только эпизодические вмешательства Президента и Правительства спасали компанию от краха.

Дальше в таком положении «Останкино» существовать не могло.

Выход был найден в организации ОРТ.

4. Когда я говорю о предвзятости, то хочу обратить внимание депутатов Думы, например, на такие вещи:

а) Мне предъявляется претензия, что нанес урон, выплатив одной из независимых телевизионных компаний 119 миллионов рублей за показ фильма «За-

вещание Сталина”. Я считаю это обвинение просто смешным. Если бы вместо этого фильма шел другой, все равно были бы заплачены деньги.

Кстати, в акте говорится, что указание о показе данного фильма дано мною. Но это полная чепуха. Фильм был показан до выборов в Думу в декабре 1993 года, а я был назначен в “Останкино” позднее.

Комиссия могла бы проверить этот факт.

Но, видимо, ее интерес лежал в другом.

б) Указывается, что я был в заграничной командировке во Франции и Португалии вместе с супругой и с Игнатьевым. Через запятую говорится, что они не являются работниками компании. Я отказываюсь понять этот упрек, поскольку “Останкино” не заплатило ни одной копейки за проезд моей супруги и Игнатьевы. Последний как офицер безопасности ездил за счет службы безопасности, и не только в эту командировку.

Зачем все это?

в) Делается упрек, что вместе со мной в США ездил Золотов, не работающий в компании. Золотов ездил со мной на встречу с Тэдом Тернером, руководителем CNN, для переговоров о производстве совместного фильма по холодной войне в качестве переводчика. Кстати, деньги, взятые в качестве аванса, возвращены сразу же после возвращения. Так в чем же тут вопрос?

Меня не столько раздражают эти натяжки, сколько огорчают.

5. Что же касается других замечаний, то мне бы хотелось обратить внимание на следующее.

В справке во многих случаях содержатся такие выражения, как: «видимо», «вероятно». Проверка финансово-экономической деятельности требует точности, а не предположений, которыми можно навести тень на плетень, но доказать ничего нельзя.

Обращает на себя внимание и такая сентенция. Через всю справку проходит мысль, что программы, мол, закупились, а не производились собственными силами.

Ну, здесь просто присутствует нежелание разобраться в ситуации в “Останкино”. Аппарат “Останкино” был значительно больше, чем это нужно. Но комиссии должно быть известно, что за эти годы образовалось еще несколько компаний, и все люди, или большинство из них, творчески способных делать что-то, ушли на другие каналы, где и заработная плата, да и вообще все остальное было значительно лучше.

За время своей работы в “Останкино” мне удалось сократить около 900 человек. То, что сокращались якобы творческие работники, а не чиновничий аппарат, просто неправда. Творческие работники, которые уходили из “Останкино”, образовывали самостоятельные студии. Они никуда не исчезали. А вот чиновничий аппарат сократить было трудно. В каждом случае надо было идти через судебные процедуры. Поэтому манипулирование процентами свидетельствует об элементарной некомпетентности проверяющих.

Верно, что мы предпочитали программы закупать, ибо многие в собственных студиях “Останкино” были просто не в состоянии сделать программы, которые было бы не стыдно показывать телезрителю.

Кстати, знает или нет Счетная палата, что, скажем, студия “Публицист” — собственная студия “Останкино” — 85 процентов своей продукции заказывала тоже на стороне. И только 15 процентов создавала сама, хотя в этой студии работало очень много народу. Получив деньги от спонсоров, она продавала снова эту продукцию “Останкино”, при этом все работники получали еще заработную плату. Вот что происходило с собственными студиями “Останкино”.

И если бы этот упрек был сделан Счетной палатой, я бы принял его без всяких возражений.

Прошу распространить эту записку и приложение к ней среди депутатов Государственной думы.

Приложение на 15 страницах.

С уважением, А.Н. Яковлев». (Личный архив А.Н. Яковлева; см. также: «Народная дума», № 2, ноябрь 1995 г.).

Упомянутое в письме Рыбкину «Приложение на 15 страницах» — это «Объяснительная записка по справке Счетной палаты», подписанная заместителем председателя ВГТРК, генеральным директором «Останкино» Г.И. Шипитько и заместителем председателя, генеральным директором финансово-экономической дирекции А.А. Дмитриевым.

⁴ См. примечание 1 к документу № 24.

⁵ См. примечание 7 к документу № 22.

⁶ После убийства В.Н. Листьева, ставшего, по замечанию газеты «Коммерсант-Daily», сделанному в редакционной статье под названием «Просьбы трудящихся как инструмент большой политики», «первым актом драмы», начался «второй акт — восстание трудящихся».

См. также примечание 1 к документу № 36.

⁷ Речь идет о депутатах Государственной думы С.В. Калашникове и И.А. Яковенко. См.: Калашников С. Диагноз: ОПТ // «Комсомольская правда», 18 марта 1995 г.; Калашников С. Широкий карман «карманного» ТВ // «Правда», 14 октября 1995 г.; Владимирова Е. Волнения в «Останкино» // «Независимая газета», 12 октября 1995 г.

⁸ Согласно Указу Президента РФ от 17 марта 1995 г., А.Н. Яковлев по его просьбе был освобожден от должности руководителя Федеральной службы России по телевидению и радиовещанию и исполняющего обязанности председателя Российской государственной телерадиокомпании «Останкино». По сообщению «Независимой газеты», 16 марта Б.Н. Ельцин, отвечая на вопрос корреспондента информационной программы «Время», заявил, что не стал возражать против намерения А. Яковлева «добровольно» уйти в отставку и даже считал целесообразным освободить его еще от одной высокой должности — руководителя ФСТР, оставив его во главе Совета директоров «ОРТ», добавив, что у А. Яковлева и так хватает работы, особенно в связи с попытками создать новую политическую партию, которая могла бы «объединить в своих рядах все демократические силы». Главой ФСТР стал первый заместитель А.Н. Яковлева — В.В. Лазуткин, ранее долгое время работавший в Управлении внешних сношений Гостелерадио СССР.

⁹ Речь идет о принятии 5 апреля 1995 г. Государственной думой сразу во втором и третьем чтениях законопроекта «Об особом порядке приватизации организаций государственного телевидения и радиовещания в Российской Федерации». Созданная после убийства В.Н. Листьева парламентская комиссия пришла к выводу о противоречии президентского указа от 29 ноября 1994 г. об акционировании «Останкино» Конституции и Гражданскому кодексу, который, по ее мнению, «приводит к монополизации информационного пространства» и «поэтому должен быть отменен».

Законопроект до лета «завис» в Совете Федерации, а после парламентских каникул его принятие стало бессмысленным в связи с ликвидацией «Останкино» указом Президента «О совершенствовании телерадиовещания в Российской Федерации» от 6 октября 1995 г.

№ 43. «Власть — не цель демократии, но и демократия — не мишень для борющихся за власть»

¹ См. примечание 3 к документу № 39.

² Конгресс демократических сил и Конгресс антифашистских сил не состоялись ни в 1995 г., ни в 1996 г.

См. также примечание 6 к документу № 64.

№ 44. Между Горбачевым и Ельциным

¹ См. примечание 3 к документу № 27.

² См. примечание 1 к документу № 35.

³ См. примечание 1 к документу № 24.

⁴ См. примечание 5 к документу № 39.

⁵ См. примечание 3 к документу № 8. На XXVIII съезде А.Н. Яковлев отклонил выдвижение его кандидатуры на пост Генерального секретаря, а также на вновь учрежденный пост заместителя Генерального секретаря.

⁶ См. примечание 9 к документу № 1.

№ 45. «Я с теми, кто честен до конца»

¹ Советские войска вторглись в Афганистан в 1979 г., через полтора года после прихода к власти в этой стране прокоммунистических сил. Вывод из Афганистана на основании Женевских соглашений от 14 апреля 1988 г. ограниченного контингента советских войск начался 15 мая 1988 г. и закончился 15 февраля 1989 г.

² 11 октября 1988 г. постановлением Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлеву было поручено возглавить Комиссию по дополнительному изучению материалов, связанных с репрессиями, имевшими место в период 30—40-х и начала 50-х годов. Ранее, с 28 сентября 1987 г., Комиссию Политбюро ЦК КПСС по реабилитации, в которую входил и А.Н. Яковлев, возглавлял М.С. Соломенцев. Новая, уже российская Комиссия по реабилитации жертв политических репрессий была образована Указом Президента РФ 2 декабря 1992 г. Председателем комиссии был назначен А.Н. Яковлев.

³ См. примечание 1 к документу № 42.

⁴ Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994.

⁵ См. примечание 5 к документу № 30.

⁶ Речь идет о либерализации цен. См. также примечания 11, 12 к документу № 1, примечание 5 к документу № 20 и примечание 13 к документу № 21.

⁷ См. примечание 4 к документу № 20.

⁸ См. примечание 3 к документу № 12.

⁹ После избрания на заседании ЦК КПЧ 3—5 января 1968 г. первым секретарем ЦК Компартии Чехословакии А. Дубчека начались демократические реформы, получившие название «пражской весны». 20—21 августа 1968 г. была совершена вооруженная интервенция стран ОВД — СССР, Болгарии, Венгрии, ГДР и Польши, — положившая конец концепции «социализма с человеческим лицом». См. подробнее о «чехословацком эпизоде» биографии А.Н. Яковлева в кн.: Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001. Книга первая. С. 276—283.

¹⁰ Антиалкогольная кампания была развернута в мае 1985 г. и продолжалась примерно до 1987 г. Были приняты постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения», Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством».

¹¹ Соглашение о предвыборном блоке «Демократический выбор России — Объединенные демократы» было заключено еще 5 июля 1995 г.

См. также примечание 1 к документу № 41.

¹² Антифашистский конгресс, проведение которого было намечено на декабрь 1995 г., так и не состоялся.

См. примечание 6 к документу № 64.

№ 46. «Нам нужна диктатура. Диктатура законности»

¹ См. примечание 1 к документу № 41.

² См. примечание 3 к документу № 39.

³ См. примечание 12 к документу № 1.

⁴ «Коричневая книга» осталась ненаписанной, однако сама идея не осталась без внимания. См.: Черная книга коммунизма: Преступления, террор, репрессии. М., 1999. Предисловие под названием «Большевизм — социальная болезнь XX века» написано А.Н. Яковлевым. Книга представляет собой перевод работ французских исследователей, ее выход был приурочен к 80-летию Октябрьской революции.

⁵ Речь идет о Первом съезде РПСД 26 августа 1995 г. См. также примечание 5 к документу № 39.

⁶ См. примечание 8 к документу № 41.

⁷ См. примечание 1 к документу № 35.

**№ 47. «Нет, не падать ниц я призываю,
а взойти на пьедестал совести и человечности...»**

¹ На выборах в Государственную думу 17 декабря 1995 г. КПРФ получила 22,3 % голосов, ЛДПР 11,18 %, блок «Наш дом — Россия» 10,13 %, «Яблоко» 6,89 %, «Женщины России» 4,61 %, блок «Коммунисты — Трудовая Россия — За СССР» 4,53 %, Конгресс русских общин 4,31 %, Партия самоуправления трудящихся 3,98 %, блок «ДемВыбор России — Объединенные демократы» (куда вошла и Российская партия социальной демократии А.Н. Яковлева) 3,86 %.

² См. примечание 1 к документу № 35.

³ См. примечание 1 к документу № 31.

⁴ Яковлев А.Н. По мощам и елей. М., 1995.

⁵ См. примечание 15 к документу № 21.

⁶ Речь идет о подавлении антибольшевистского крестьянского движения в 1920—1921 гг. в Тамбовской, части Воронежской, Саратовской и Пензенской губерний, т.н. антоновщины, названной по фамилии своего руководителя — начальника уездной милиции А.С. Антонова. В ходе подавления восстания начиная с мая 1921 г. регулярные войска под командованием М.Н. Тухачевского применяли, «зачищая бандитов», химическое оружие — удушающие и отравляющие газы.

№ 48. «Горбачева зарубеж очень сильно испортил»

¹ А.Н. Яковлев был избран действительным членом АН СССР в декабре 1990 г.

² А.Н. Яковлев был избран членом Политбюро на Пленуме ЦК 25—26 июня 1987 г. и занимал этот пост вплоть до XXVIII Съезда КПСС 2—13 июля 1990 г.

³ См. примечание 8 к документу № 1.

⁴ Имеется в виду издававшаяся многомиллионными тиражами книга: История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под редакцией Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). 1938 год. ОГИЗ, 1938.

⁵ Генеральный секретарь ЦК КПСС К.У. Черненко умер в Москве 10 марта 1985 г. Похороны состоялись 13 марта 1985 г.

№ 49. Думайте сами, решайте сами

¹ См. примечание 1 к документу № 35.

² Имеются в виду выборы Президента РФ, во втором туре которых 3 июля 1996 г. победил Б.Н. Ельцин. Кандидатами на выборы были зарегистрированы: Г.А. Зюганов, Б.Н. Ельцин, В.В. Жириновский, М.С. Горбачев, А.И. Лебедь,

Г.А. Явлинский, С.Н. Федоров, А.М. Тулеев (снял кандидатуру в пользу Зюганова), М.Л. Шакум, В.А. Брынцалов, Ю.П. Власов. В первом туре А.И. Лебедь набрал 14,52 %, Г.А. Явлинский — 7,42 % голосов. Для победы над Г.А. Зюгановым необходимы были дополнительные голоса, и с этой целью незадолго до второго тура А.И. Лебедь был назначен секретарем Совета безопасности РФ и помощником Президента по национальной безопасности, что и обеспечило значительную долю перевеса над претендентом от КППРФ Г.А. Зюгановым. Г.А. Явлинский в ходе второго тура выборов (в соответствии с результатами внутривнутрипартийного голосования: 40 % за то, чтобы поддержать Б.Н. Ельцина, 60 % — против всех) выступил против обоих кандидатов. В первом туре за Ельцина проголосовало 35,28 %, за Зюганова 32,03 %. Во втором туре претенденты получили соответственно 53,83 % и 40,3 %.

³ См. также обращение Второго съезда РПСД 1 июня 1996 г. к кандидату в президенты РФ Г.А. Явлинскому: «Не сомневаясь в честности Ваших намерений в борьбе за пост Президента России и способность возглавить реформаторский курс, Партия социальной демократии тем не менее призывает Вас во имя спасения России от нового нашествия большевиков снять свою кандидатуру в пользу Бориса Ельцина.

По нашему мнению, такой шаг открывает для Вас новые политические перспективы на выборах 2000 года» (Российская партия социальной демократии: Документы. М., 1999. С. 131).

После отказа Г.А. Явлинского поддержать Б.Н. Ельцина все силы власти были брошены на поддержку А.И. Лебеда, получившего в первом туре президентских выборов, состоявшемся 16 июня 1996 г., 14,52 % голосов против 7,42 %, отданных за Явлинского.

Вопрос о поддержке Б.Н. Ельцина на президентских выборах 1996 г. расколол «Демократический выбор России». В формулировке С.А. Ковалева: «Перед моими глазами — список кандидатов. Я не вижу среди них идеала, которого следует поддерживать безоговорочно, не греша против собственной совести и здравого смысла. Но я выбираю того из претендентов, кто все-таки заведомо лучше остальных. Фамилия его есть в списке. Это Явлинский... Мы говорим об опасности реставрации коммунизма. Однако уже сейчас нельзя не обратить внимание на тревожные тенденции политической эволюции России, на то, что происходит под руководством Бориса Николаевича Ельцина лично — или его команды, я уж не знаю, как там распределены роли... Я хочу спросить у Егора Тимуровича Гайдара и Анатолия Борисовича Чубайса: вы точно знаете, кто сегодня определяет политику страны?» Противоположную точку зрения выразил А.Б. Чубайс, подчеркнувший очевидность того, что Г.А. Явлинский не будет избран президентом, и напомнивший о реальной альтернативе «Зюганов — Ельцин»: «Мы обсуждаем вопрос, голосовать ли за Ельцина или за Явлинского, но забываем: за какого Ельцина мы будем голосовать? Я призываю всех подумать над этим. Видимо, многие из тех претензий, которые сегодня высказываются в адрес Президента, справедливы. Но важно понимать: каким будет Ельцин после выборов, зависит от того, кто поддержит Ельцина на выборах. Да, у нас, собравшихся за этим столом, были разные стадии отношений с Борисом Николаевичем. Работал в президентской команде и Сергей Адамович Ковалев. И я за то, чтобы Ельцин был вместе с Ковалевым и Гайдаром. За то, чтобы мы с вами избрали именно такого Ельцина» («Демократический выбор. Газета объединенных демократов», 18 мая 1996 г.).

№ 50. Лишь в большом обществе Сахаров оказывается в Горьком

¹ См.: Сахаров А.Д. Горький, Москва, далее везде. Нью-Йорк, 1990.

² Положение о «руководящей и направляющей роли КПСС» было удалено из 6-й статьи Конституции СССР 1977 г. на внеочередном III Съезде народных депутатов СССР, который проходил 12—15 марта 1990 г.

³ А.Д. Сахаров скончался 14 декабря 1989 г. Речь идет о I Съезде народных депутатов СССР, проходившем 25 мая — 9 июня 1989 г., в частности, о 9-м заседании 2 июня 1989 г., выступлении первого секретаря Черкасского горкома ЛКСМ Украины, бывшего майора ВДВ, служившего в Афганистане, С.В. Червонописского, зачитавшего обращение к президиуму съезда и М.С. Горбачеву с просьбой дать «разъяснение народным депутатам, на каком основании или по чьему поручению народный депутат СССР Сахаров дал интервью журналистам канадской газеты “Оттава ситизен” о том, что будто в Афганистане советские летчики расстреливали попавших в окружение своих же советских солдат, чтобы они не смогли сдаться в плен. Мы до глубины души возмущены этой безответственной, провокационной выходкой известного ученого и расцениваем его безличностное обвинение как злонамеренный выпад против Советских Вооруженных Сил. Рассматриваем их дискредитацию как очередную попытку разорвать священное единство армии, народа и партии. Мы восприняли это как унижение чести, достоинства и памяти тех сыновей своей Родины, которые до конца выполнили ее приказ...» (I Съезд народных депутатов СССР. 25 мая — 9 июня 1989 г. Стенографический отчет. Т. II. М., 1989. С. 343).

В своем ответе С.В. Червонопискому А.Д. Сахаров сказал: «Я меньше всего (*шум в зале*) желал оскорбить Советскую Армию. Я глубоко уважаю Советскую Армию, советского солдата, который защитил нашу Родину в Великой Отечественной войне. Но когда речь идет об афганской войне, то я опять же не оскорбляю того солдата, который проливал там кровь и героически выполнял приказ. Не об этом идет речь. Речь идет о том, что сама война в Афганистане была преступной авантюрой, предпринятой неизвестно кем, и неизвестно кто несет ответственность за это огромное преступление Родины. Это преступление стоило жизни почти миллиону афганцев, против целого народа велась война на уничтожение, миллион человек погибли. И это то, что на нас лежит страшным грехом, страшным упреком. Мы должны смыть с себя этот позор, который лежит на нашем руководстве, вопреки народу, вопреки армии совершившем этот акт агрессии. Вот что я хочу сказать. (*Шум в зале*). Я выступал против введения советских войск в Афганистан и за это был сослан в Горький. (*Шум в зале*). Именно это послужило главной причиной, и я горжусь этим, я горжусь этой ссылкой в Горький, как наградой, которую я получил. Это первое, что я хотел сказать.

А второе... Тема интервью была вовсе не та, я это уже разъяснил в «Комсомольской правде», но я повторю: речь шла о возвращении советских военнопленных, находящихся в Пакистане. И я сказал, что единственным способом решения этой проблемы являются прямые переговоры между советской стороной, кабульским правительством и афганскими партизанами, которых необходимо признать воевавшей стороной — они защищали независимость своей родины, и это дает им право считаться ее защитниками. Только так можно решить эту проблему, только на обмене мнениями, только на прямом признании их прав. Отвечая на этот вопрос, я упомянул о тех сообщениях, которые были мне известны по передачам иностранного радио, — о фактах расстрелов (*шум в зале*), «с целью, — как написано в том письме, которое я получил, — с целью избежать пленения». Эти слова — «исключение пленения» — это приговор для тех, кто мне писал, это приговор чисто стилистический, переписанный из секретных приказов. Сейчас этот вопрос расследуется. И до того, как этот вопрос будет прояснен, никто не имеет права бросить мне обвинения в том, что я сказал неправду. До того, пока этот вопрос не подвергнут объективному и строгому расследованию. А факты я получаю все новые и новые.

Вот пока все, что я хотел сказать. Я не приношу извинений всей Советской Армии, я ее не оскорблял. Я не Советскую Армию оскорблял, не советского солдата (*шум в зале, аплодисменты*), я оскорблял тех, кто дал этот преступный при-

каз послать советские войска в Афганистан. (*Аплодисменты, шум в зале*)» (Там же. С. 346—347).

«Вдогонку» по этому вопросу выступили также депутаты В.Н. Очиров («клевета и ложь на наших солдат, на честь нашего народа и нашей Советской Армии»), С.Ф. Ахромеев («чистая ложь, заведомая неправда»), Г.И. Кравченко («кто дал ему право оскорблять наших детей?»), Н.А. Поликарпов («клевета»), Т.Д. Казакова («Товарищ академик! Вы своим одним поступком перечеркнули всю свою деятельность. Вы принесли оскорбление всей армии, всему народу, всем нашим павшим, которые отдали свою жизнь. И я высказываю всеобщее презрение вам. Стыдно должно быть!» (*Аплодисменты*)) (Там же. С. 347—350).

№ 51. «Я был вождем индейского племени»

¹ Речь идет о хоккейной суперсерии 1972 г. между сборной СССР и профессионалами Канады (НХЛ). Всего было сыграно 8 матчей, первые 4 в Канаде (2, 4, 6, 8 сентября в Монреале, Торонто, Виннипеге, Ванкувере), вторые 4 в Москве (22, 24, 26, 28 сентября). Общий счет серии — 4:3 в пользу канадцев при одной ничьей.

² Премьер-министр Канады П.Э. Трюдо находился с официальным визитом в СССР в мае 1971 г. В конце октября 1971 г. А.Н. Косыгин нанес ответный визит в Канаду.

³ См. примечание 5 к документу № 30.

⁴ XXI Летние Олимпийские игры проходили 17 июля — 1 августа 1976 г. в Монреале (Канада). Елена Сергеевна Вайцеховская — олимпийская чемпионка этих игр, получила золотую медаль по прыжкам в воду.

⁵ Речь идет о второй «суперсерии» 1974 г. между сборной СССР и профессионалами Канады (ВХА). Всего было сыграно 8 матчей, первые четыре в Канаде (17, 19, 21, 23 сентября в Квебеке, Торонто, Виннипеге, Ванкувере) и Москве (1, 3, 5, 6 октября). Общий счет серии — 4:1 (при трех ничьих) в пользу сборной СССР.

⁶ Имеется в виду чемпионат мира по фигурному катанию 1996 г., проходивший в г. Эдмонтон (Канада).

№ 52. Подлежали уничтожению...

¹ См. примечание 2 к документу № 13. Согласно Положению о Комиссии, членами Комиссии по должности назначались главы МБ, МВД, МИД, МО и председатель Государственной архивной службы РФ. В качестве основной задачи этого консультативного органа ставилась координация от имени Президента РФ деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации Закона РСФСР от 18 октября 1991 г. «О реабилитации жертв политических репрессий», а также подготовка и представление соответствующих материалов и предложений Президенту Российской Федерации.

№ 53. Детубийцы

¹ См. примечание 15 к документу № 21.

² Федеральный Закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”» был принят 11 октября 1995 г. и подписан Президентом РФ 4 ноября 1995 г. Федеральный закон «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации “О реабилитации жертв политических репрессий”» был принят Государственной думой 22 января 2003 г., одобрен Советом Федерации 29 января 2003 г. и подписан Президентом РФ 9 февраля 2003 г.

№ 54. «Фашизм прост, как палка, поэтому с ним так сложно бороться»

¹ См. примечание 5 к документу № 30.

² См. примечание 9 к документу № 1.

³ См. примечание 2 к документу № 12.

⁴ Имеется в виду графа «национальность» в паспорте гражданина СССР. Статья 26 Конституции РФ 1993 г. гласит: «Каждый вправе определять и указывать свою национальную принадлежность. Никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности».

⁵ «Протоколы сионских мудрецов» на русском языке были опубликованы в 1905 г. Сборник сфальсифицированных документов, якобы свидетельствующих о существовании мирового заговора евреев. Один из важнейших инструментов антисемитской пропаганды, в том числе в нацистской Германии.

№ 56. «Если бы государство могло признать свое уголовное прошлое...»

¹ День памяти жертв политических репрессий (30 октября) был установлен Постановлением Верховного Совета РСФСР от 18 октября 1991 г.

² См. примечание 3 к документу № 20.

³ См.: Реабилитация: как это было. Середина 80-х — 1991. М.: МФД, 2004. С. 325—332; 459—506. См. также статью А.Н. Яковлева «О декабрьской трагедии 1934 года» в «Правде» от 28 января 1991 г.

⁴ См. примечание 9 к документу № 1.

⁵ См. примечание 5 к документу № 9.

⁶ 7 ноября 1996 г. Б.Н. Ельцин издал Указ «О дне согласия и примирения», согласно которому день 7 ноября объявлялся Днем согласия и примирения, а 1997 год, как отмечалось в Указе — «год 80-летия Октябрьской революции», — Годом согласия и примирения.

⁷ Имеется в виду празднование 7 ноября очередной годовщины Октябрьской революции.

⁸ По итогам встречи с руководителем Администрации Президента РФ А.Н. Яковлев написал В.Б. Юмашеву следующее письмо:

«Руководителю Администрации Президента Российской Федерации
В.Б. Юмашеву

Уважаемый Валентин Борисович!

В соответствии с договоренностью направляю Вам некоторые соображения о положении дел с архивами.

В последнее время научной и культурной общественностью страны, прессой все шире поднимается вопрос о том, что архивы постепенно становятся трудно доступными. «Нас опять хотят лишить исторической памяти», — [заявляют] по этому поводу 25 сентября с.г. «Известия». Участники недавно состоявшейся в Российской Академии наук встречи ученых и руководителей федеральных архивов констатировали, что возможности доступа к архивным материалам сужаются, процесс рассекречивания документов замедлился, большинство ведомств не выполняют требований законодательства в этой деликатной, но важной для демократического облика России информационной сфере.

Со всей ответственностью считаю необходимым пояснить, что для подобных высказываний есть все основания. Об этом свидетельствуют как статистика (если в 1991 г. было рассекречено 1150 тыс. дел, в 1992 г. — 2867 тыс., в 1993 и

1994 г. — по 800 тыс. ежегодно, то в 1995 г. — уже 663 тыс., а в 1996 г. — лишь 450 тыс.), так и нынешнее положение дел.

Не выполняется распоряжение Президента Российской Федерации от 22.9.1994 г. № 489-рп. Образованная в соответствии с распоряжением под председательством тогдашнего заместителя Руководителя Администрации Президента Российской Федерации С.Н. Красавченко Комиссия по рассекречиванию документов, созданных КПСС (действовала на правах структурного подразделения Межведомственной комиссии по охране государственной тайны) первоначально развернула активную работу: был разработан и принят “Порядок рассекречивания документов, созданных КПСС”, сняты ограничительные грифы с тысяч ценных документов. Однако со второй половины 1996 г. комиссия фактически прекратила существование (в 1997 г. состоялось лишь одно заседание). В результате многие десятки тысяч уникальных документов с давно просроченными сроками рассекречивания из таких центральных архивов, как Архив Президента Российской Федерации (бывший архив Политбюро ЦК КПСС), Центр хранения современной документации (бывший текущий архив ЦК КПСС) и Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (бывший Центральный партийный архив), до сих пор ждут рассекречивания.

Согласно указанному распоряжению Президента Российской Федерации, федеральные органы власти, руководители которых наделены полномочиями по отнесению сведений к государственной тайне, обязаны были “пересмотреть до конца 1994 г. хранящиеся в их архивах и архивах подведомственных им учреждений, организаций и предприятий архивные документы, созданные до 1963 года включительно, в части обоснованности их засекречивания и соответствия установленной ранее степени секретности”. Иными словами, ведомствам в сжатые сроки поручалось снять ограничительные грифы с основного массива документов с просроченными 30-летними сроками секретности.

Однако этот пункт распоряжения также оказался невыполненным. Приведу несколько примеров. В 1965 г., после четырех месяцев работы в хранящемся в Государственном архиве Российской Федерации фонде МВД СССР эксперты МВД РФ согласились на рассекречивание лишь 700 из 20 тыс. документов “Особой папки” Л.П. Берия (документы секретариата НКВД/МВД за 1946—1953 гг. с давно истекшим по Закону о государственной тайне сроком секретности). При этом никаких предусмотренных законодательством обоснованных мотивировок и предложений о продлении сроков секретности на старые документы в заключении комиссии не содержалось. Министерство здравоохранения РФ из 2 тыс. дел 1940—50-х гг., находящихся в том же Государственном архиве Российской Федерации, сняло ограничительные грифы лишь со 121.

Произошло ужесточение правил доступа в ведомственные архивы многих федеральных органов власти, в том числе в архивы Министерства внутренних дел РФ, Министерства иностранных дел РФ, Главной военной прокуратуры РФ, имеющие первостепенное значение для восстановления правды о политических репрессиях прежнего режима.

Дошло до того, что ранее открытые и уже опубликованные документы вновь стали засекречиваться. Как объяснял на встрече в Российской академии наук директор Института всеобщей истории РАН А.О. Чубарьян, отдельные в свое время рассекреченные и переданные зарубежным партнерам по научному сотрудничеству материалы отечественные ученые вынуждены теперь заново переводить, только на этот раз с английского языка на русский.

В готовящийся в настоящее время проект нового положения о Комиссии по рассекречиванию документов, созданных КПСС, ведомства пытаются внести такие формулировки, которые значительно расширили бы их права и еще более

усложнили и без того долгую и трудную процедуру рассекречивания партийных документов.

В этом же контексте следует рассматривать и те затруднения, которые встречаются в работе вверенной мне Комиссии. Так, под предлогом обеспечения вольно трактуемой “тайны оперативно-розыскной деятельности” Федеральная служба безопасности РФ отказалась предоставить в служебное пользование сотрудникам Отдела Администрации Президента РФ по обеспечению деятельности Комиссии, имеющим соответствующие допуски к работе с секретной документацией, следственное дело Л.П. Берия. Тем самым фактически не был выполнен Указ Президента Российской Федерации “Об образовании Комиссии при Президенте Российской Федерации по реабилитации жертв политических репрессий” от 2.12.1992 № 1509, согласно которому органы власти должны предоставлять комиссии “любые документы и материалы, относящиеся к проблеме политических репрессий”.

В зарубежной прессе недавно был задан вопрос: можно ли считать российские архивы наполовину открытыми или они наполовину закрыты? За игрой слов — реальная проблема. “Наполовину открыты” — значит, динамика изменений положительная и дело времени получить доступ ко второй половине. “Наполовину закрыты” — следовательно, перспективы плохие, впереди ждет новое “закручивание гаек” под аккомпанемент столь любимых нашими политическими оппонентами рассуждений о высших национальных и государственных интересах России.

В этой не очень радужной ситуации, когда органы власти не предпринимают мер, направленных на дальнейшую разумную информационную открытость нашего общества, хотелось бы все же остаться оптимистом.

С уважением

Председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации
по реабилитации жертв политических репрессий,
академик А. Яковлев.

24.X.97». (Личный архив А.Н. Яковлева. Авторизованная машинопись.)

№ 58. «Если денег нет, о чем разговор?»

¹ Сделка по приватизации пакета акций госкомпании «Связьинвест» состоялась 25 июля 1997 г. В конкурентной борьбе выиграла коалиция ОНЭКСИМ-банка, Дойче-банка и Дж. Сороса. В проигравших оказался Альфа-банк, партнерами которого были Б.А. Березовский (наиболее влиятельный акционер ОРТ) и В.А. Гусинский (владелец НТВ). После этого началась информационная война на ОРТ и НТВ с обвинениями в адрес главы Госкомимущества А.Р. Коха. Правительство в лице своих первых вице-председателей А.Б. Чубайса и Б.Е. Немцова нанесло ответный удар, подвергнув сомнению законность акционирования первого канала «Останкино» и выделения частот НТВ (распоряжением А.Н. Яковлева). Вскоре последовала отставка Б.А. Березовского с поста заместителя секретаря Совета безопасности РФ, а в конце года разразился скандал с гонорами, которые получили за книгу о приватизации А.Б. Чубайс, первый заместитель главы президентской администрации А.И. Казаков, бывший глава Госкомимущества А.Р. Кох, глава Минкомимущества М.В. Бойко и руководитель службы по несостоятельности П.П. Мостовой. На А.Р. Коха было заведено уголовное дело, все другие фигуранты этой истории, кроме А.Б. Чубайса, были уволены со своих постов.

² Речь идет о первом заместителе председателя Совета директоров ОРТ (впрочем, вскоре оставившем этот пост) и владельце 16 %, а к началу 2001 г. — 49 % акций акционерного общества Б.А. Березовском.

³ См. примечание 1 к документу № 42.

⁴ На собрании акционеров в начале декабря 1996 г. из состава Совета директоров были выведены А.Б. Чубайс и Б.А. Березовский. В Совет вошли председатель Госкомимущества А.Р. Кох, управляющий делами президента РФ П.П. Бородин, первый замминистра финансов А.П. Вавилов и заместитель главы Администрации Президента РФ М.В. Бойко. На собрании были перераспределены акции: 51 % остался за государством (из них 45 % отошли Госкомимуществу, 6 % — ИТАР-ТАСС и Телевизионному техническому центру). Из числа акционеров была исключена компания «Останкино». «Частный» пакет в 49 % был перераспределен следующим образом: состав ОРТ покинули Национальный фонд спорта и фирма «Микродин», «Газпром» получил 3 %, «ЛогоВАЗ» — 8 % и «ОРТ — консорциум банков» — 38 %.

№ 59. Плохой чиновник всегда в советской шинели

¹ См. примечание 6 к документу № 56.

² Имеется в виду IV съезд КПРФ 19 апреля 1997 г., на котором первый заместитель главы президентской администрации Ю.Ф. Яров под свист зала огласил приветствие Б.Н. Ельцина. На этом же съезде Г.А. Зюганов предложил начать сбор подписей граждан под требованием отставки Б.Н. Ельцина.

№ 60. Забыть нельзя. Покаяться

¹ По сообщению ИТАР-ТАСС, перепечатанному, например, «Российской газетой» от 3 апреля 1998 г., «Борис Ельцин распорядился передать огласке документы о деятельности “вождя народов”, которые до сих пор хранились в закрытом президентском архиве, и одобрил предложение об издании сборника документов о Сталине. С такой инициативой выступила Комиссия при президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий, которую возглавляет Александр Яковлев. В ответ на его обращение Борис Ельцин поручил своей администрации “передать документы из архива президента в комиссию”. Пресс-секретарь президента Сергей Ястржембский отметил: “Архив президента располагает многими еще не известными общественности материалами: документы карательных органов, присланные в ЦК компартии для согласования решений; письма арестованных и осужденных; списки репрессированных; протоколы допросов; стенограммы процессов; справки различных комиссий и т.д.”».

Фрагмент записки А.Н. Яковлева президенту был процитирован в «Российских вестях» от 8 апреля 1998 г.: «Обратиться к Вам заставляет беспокойство в связи с тем, что в последнее время усиливается стремление “вечно вчерашних” реставрировать под видом объективного изложения истории — взгляды на фигуру Сталина, а заодно и оправдать массовые политические репрессии, которые напрямую связаны с его именем».

См. также примечание 8 к документу № 56.

² Речь идет о заседании Президиума ЦК КПСС 18 июня 1957 г., когда большинство его членов — Н.А. Булганин, К.Е. Ворошилов, Л.М. Каганович, Г.М. Маленков, В.М. Молотов, М.Г. Первухин, М.З. Сабуров выступили с требованием отставки Н.С. Хрущева. На последовавшем Пленуме ЦК КПСС 22—29 июня 1957 г. это решение было отменено, а голосовавшие против Хрущева были окрещены «антипартийной группой». На Пленуме был избран новый состав Президиума, членом которого стал, в частности, Л.И. Брежнев.

№ 61. Завещание цареубийцы

¹ А.Н. Яковлев занимал должность заведующего сектором радио и телевидения в Отделе пропаганды ЦК КПСС в 1965 г.

² См. примечание 4 к документу № 20.

№ 62. Перестройка — без конца и начала

¹ 26 мая 1983 г. А.Н. Яковлев был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Официально приступил к новым обязанностям 16 августа 1983 г., после приезда из Канады, где он пробыл послом 10 лет. В «почетную ссылку» А.Н. Яковлев был отправлен после публикации в «Литературной газете» статьи «Против антиисторизма», в которой выступил с критикой местного национализма и великодержавного шовинизма.

² См. примечание 2 к документу № 48.

³ Ошибка журналистской записи: А.Н. Яковлев руководил не Ярославским обкомом, а Отделом школ и вузов Ярославского обкома КПСС в 1951—1953 гг.

⁴ К моменту принятия закона «О кооперации» 26 мая 1988 г. в кооперативном движении в стране было занято около 2 млн человек. Антиалкогольная кампания, развернутая в мае 1985 г., продолжалась примерно до 1987 г. Были приняты постановления ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма» и Совета министров СССР «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонарения», Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с пьянством».

⁵ Политбюро ЦК КПСС утвердило А.Н. Яковлева в должности заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС 5 июля 1985 г.

⁶ Установка на «ускорение» была высказана М.С. Горбачевым на Всесоюзном совещании по проблемам научно-технического прогресса 11—12 июня 1985 г. В качестве магистрального направления было выдвинуто ускоренное развитие машиностроения и внедрение новых технологий. Затем концепция «ускорения» была принята на XXVII съезде КПСС 25 февраля — 6 марта 1986 г. «Госприемка» — контроль качества продукции предприятий со стороны специальных государственных органов, введенный постановлением Совета министров СССР в мае 1986 г. Идея госприемки оказалась нежизнеспособной из-за отсутствия компетентных и реально независимых контролеров и сошла на нет в течение 1988 г.

⁷ См. примечание 9 к документу № 30, примечание 3 к документу № 12.

⁸ См. примечание 6 к документу № 14.

⁹ Имеется в виду конфликт между Арменией и Азербайджаном вокруг Нагорного Карабаха (Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской СССР, НКАО), начавшийся в феврале 1988 г. и унесший множество жизней как армян, так и азербайджанцев.

¹⁰ См. примечание 9 к документу № 14.

¹¹ После смещения 16 декабря 1986 г. первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д.А. Кунаева и назначения на этот пост первого секретаря Ульяновского обкома партии Г.В. Колбина в Алма-Ате начались массовые акции протеста против назначения русского на должность фактического главы казахской республики. При подавлении беспорядков несколько человек погибли, более тысячи получили телесные повреждения.

¹² 31 августа 1986 г. вблизи Новороссийска потерпел аварию пассажирский теплоход «Адмирал Нахимов».

¹³ 3 июля 1989 г. неподалеку от Уфы на перегоне Аша-Улю-Теляк произошел взрыв сжиженного газа на магистральном продуктоводе Западная Сибирь —

Урал — Повольжье. Мощность взрыва составила 3 килотонны, число погибших достигло 800 человек.

¹⁴ Авария на Чернобыльской атомной электростанции в г. Припять на Украине в 100 км от Киева 26 апреля 1986 г., имевшая катастрофические последствия для СССР и всего мира.

¹⁵ См. примечание 3 к документу № 1.

¹⁶ См. примечание 5 к документу № 37.

¹⁷ Например, согласно статье 72 Конституции СССР, принятой Верховным Советом СССР 7 октября 1977 г., союзные республики имели право на свободный выход из состава СССР. Это положение существовало также в советских конституциях 1924 и 1936 гг.

¹⁸ См. примечание 9 к документу № 1.

¹⁹ См. примечание 13 к документу № 21.

²⁰ Речь идет о пребывании А.Н. Яковлева в г. Барнаул (Алтайского края) 26—28 ноября 1997 г. 29 октября 1997 г. в крае было создано, а уже 4 ноября т.г. зарегистрировано Алтайское краевое отделение РПСД, которое возглавил председатель профсоюза работников локомотивного депо станции Барнаул А.П. Мавевич, в 1991—1993 гг. — помощник представителя Президента России по Алтайскому краю. В Барнауле А.Н. Яковлев встретился с городским советом, директорами предприятий, предпринимателями, казачеством, студентами АлтГТУ, журналистами, военными, выступил на краевом телевидении.

²¹ См.: Яковлев А.Н. Постигание. М., 1998.

№ 63. «Наша национальная идея — это свобода, достаток и права человека»

¹ 29 мая 1992 г. Верховный Совет РФ объявил 12 июня государственным праздником — Днем независимости. 12 июня 1991 г. состоялись выборы первого президента РСФСР, на которых победу одержал Б.Н. Ельцин.

² Имеется в виду начало перестройки в марте — апреле 1985 г. и радикальные реформы, развернутые после подавления государственного переворота 19—21 августа 1991 г.

³ 17 мая 1998 г. на выборах губернатора Красноярского края генерал А.И. Лебедь одержал победу, получив 59 % голосов избирателей. Ранее, 17 октября 1996 г., Лебедь был отправлен в отставку с поста секретаря Совета безопасности РФ.

№ 64. «Российских фашистов породил КГБ»

¹ См. примечание 5 к документу № 30.

² 9 ноября 1923 г. полиция разогнала нацистов, вышедших на демонстрацию после собрания в одном из пивных баров Мюнхена, где лидер НСДАП А. Гитлер объявил о начале «национальной революции» и «походе на Берлин» с целью свержения правительства. Этот инцидент получил наименование «пивного путча».

³ А.Н. Яковлев был избран Секретарем ЦК на Пленуме ЦК КПСС 6 марта 1986 г.

⁴ См.: ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 1. Д. 385.

⁵ Письмо в защиту А.Н. Яковлева было направлено в «Правду» и одновременно М.С. Горбачеву 20 марта 1990 г., однако осталось неопубликованным. См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 435.

⁶ В личном архиве А.Н. Яковлева отложено несколько документов, касающихся проведения несостоявшегося Антифашистского конгресса. Среди них — список решений, принятых на заседании Организационного комитета 10 октяб-

ря 1995 г., из которых следует, что конгресс должен был состояться 24—25 ноября 1995 г. в Москве в Парламентском центре и что в его организации самую активную роль играла Администрация Президента РФ и Правительство в лице, например, Г.А. Сатарова, С.Н. Красавченко, В.В. Волкова и др. Согласно другим проектам, конгресс должен был состояться 24 ноября 1995 г. в Мраморном зале Кремля, предполагались выступления представителей региональных антифашистских объединений, Генпрокуратуры, МВД, ФСБ, Е.Т. Гайдара, А.Е. Гербер и заключительное слово Б.Н. Ельцина. Всего в работе конгресса должны были принять участие около 1200 человек.

⁷ Речь идет об Указе Президента РФ от 23 марта 1995 г. «О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации».

⁸ В конце 1997 г. по протесту заместителя Генпрокурора Военная коллегия Верховного суда РФ пересмотрела дело бывшего министра МГБ и начальника контрразведки СМЕРШ В.С. Абакумова и переквалифицировала его деяния с измены родине на превышение полномочий и злоупотребление служебным положением. Мера наказания была посмертно изменена с расстрела на 25 лет лагерей.

⁹ Вместо С.А. Ковалева Уполномоченным по правам человека 22 мая 1998 г. стал член фракции КПрРФ в Госдуме О.О. Миронов.

¹⁰ 22 апреля 1998 г. социологический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова присвоил В.В. Жириновскому степень доктора философских наук за диссертацию «Прошлое, настоящее и будущее русской нации».

¹¹ Н.И. Кондратенко был избран губернатором Краснодарского края 26 октября 1996 г. и занимал этот пост до 2000 г., параллельно по должности был членом Совета Федерации. На президентских выборах 1996 г. был доверенным лицом Г.А. Зюганова. В 2000 г. награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

¹² См. примечание 3 к документу № 12.

№ 65. Освобождение правды

¹ См. примечание 18 к документу № 21.

² См. примечание 2 к документу № 13, примечание 2 к документу № 45.

³ См.: Лубянка. ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ: Справочник. М.: МФД, 1997; Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1998; 1941 год. В 2-х книгах. М.: МФД, 1998.

⁴ Том о событиях в Чехословакии 1968 г. не издавался в серии, выпускавшейся Международным фондом «Демократия».

⁵ См.: Лаврентий Берия. 1953. Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 1999.

⁶ См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1917—1960. М.: МФД, 2000; Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М.: МФД, 2002.

⁷ См.: Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М.: Вагриус, 2001.

⁸ Речь идет о 75-летию «пивного путча». См. примечание 2 к документу № 64.

⁹ Речь идет о взрывах у Рижской синагоги в мае 1996 г. и 2 апреля 1998 г. и у синагог в Москве 22 августа 1996 г. и 13 мая 1998 г.

¹⁰ Начиная с 1990-х гг. вандализм и осквернение могил на еврейских кладбищах приобрели систематический характер. Вероятно, А.Н. Яковлев имеет в виду осквернение еврейских могил в Иркутске в мае 1998 г.

¹¹ 4 марта 1998 г. в «Известиях» была опубликована статья «Куда смотрит партия. Кубанский губернатор провозгласил воинствующий антисемитизм целью молодежной политики», в которой приводились высказывания губернатора Краснодарского края Н.И. Кондратенко на Форуме кубанской молодежи.

См. также примечание 1 к документу № 70.

№ 66. «Реформы у нас начинали социал-демократы»

¹ III съезд РПСД проходил 30—31 октября 1998 г. в Москве.

² См. примечание 8 к документу № 8.

³ См. примечание 11 и 12 к документу № 1, примечание 13 к документу № 21.

№ 67. «Я называю нынешний строй демократурой»

¹ См. также интервью А.Н. Яковлева газете «Вечерняя Москва» от 21 апреля 1998 г. под названием «Демократура».

² См. примечание 9 к документу № 1.

³ См. примечание 3 к документу № 20.

⁴ См. примечания 11, 12 к документу № 1, примечание 13 к документу № 21.

⁵ Речь идет, в частности, о выступлениях А.М. Макашова 4 октября 1998 г. на митинге в Москве и 7 октября 1998 г. на митинге в Самаре, после которых Милюков возбудил против него уголовное дело по обвинению в разжигании межнациональной розни. Макашов, в частности, предлагал «отправлять жидов на тот свет по списку» и заявлял, что «мы — антисемиты и должны победить». 1 ноября 1998 г. он предложил также ввести квоту на представительство евреев в органах власти. В 1999 г. возбужденное против Макашова уголовное дело было прекращено «за отсутствием состава преступления».

См. также примечание 1 к документу № 70.

⁶ 11 сентября 1998 г. Госдума утвердила предложение Б.Н. Ельцина о назначении председателем правительства министра иностранных дел Е.М. Примакова вместо дважды проваленной парламентариями кандидатуры В.С. Черномырдина. В президентской администрации и Госдуме ожидали, что кандидатура Черномырдина, который был вновь выдвинут Ельциным после отставки правительства С.В. Кириенко, будет отклонена в Думе в третий раз. За этим должен был последовать роспуск Думы и назначение досрочных выборов. Кандидатура Е.М. Примакова была предложена Г.А. Явлинским и поддержана большинством депутатов. В правительство Е.М. Примакова вошли члены большинства фракций Думы, включая КПРФ, кроме «Яблока», лидер которого Г.А. Явлинский отказался от поста вице-премьера по социальным вопросам после назначения вице-премьером по экономике коммуниста Ю.Д. Маслюкова.

Еще в июле 1998 г. Российская партия социальной демократии (РПСД) выступила с заявлением «О путях выхода из кризисной ситуации в стране», призвав все демократические силы объединиться в поддержке кандидата в премьер-министры России Г.А. Явлинского, а в обращении к СМИ от 31 июля 1998 г. назвала отставку правительства С.В. Кириенко и предложение Б.Н. Ельцина назначить председателем правительства В.С. Черномырдина катастрофической ошибкой, сделанной под давлением прокоммунистической Государственной думы и кучки капиталистов — «олигархов». После выдвижения Е.М. Примакова РПСД поддержала его кандидатуру.

⁷ Речь идет о предшественнике блока «Союз правых сил» (СПС) — коалиции праволиберальных сил (с января 1999 г. — блоке «Правое дело»). 10 декабря 1998 г. в «Президент-отеле» состоялось заседание оргкомитета блока, в котором приняли

участие представители ряда партий, движений и организаций, в том числе партии «Демократическая Россия», движения «Демократическая Россия», Крестьянской партии России, Московской хельсинкской группы, Конгресса интеллигенции, объединения «Свободные демократы России», Партии экономической свободы, РПСД, «Вперед, Россия!», «Общее дело» и др. В оргкомитет коалиции были избраны Е.Т. Гайдар (глава программной комиссии), А.Б. Чубайс (глава организационной комиссии), Б.Е. Немцов (глава региональной комиссии), Б.Г. Федоров (глава комиссии по экономической политике), С.В. Кириенко, В.И. Платов и А.Н. Яковлев (руководитель политической комиссии).

Решениями политсовета Российской партии социальной демократии от 21 января 1999 г. и 18 мая 1999 г. партия вошла в состав коалиции «Правое дело». Представителем РПСД в Координационном совете коалиции стала заместитель председателя РПСД Е.М. Медведкова.

29 августа 1999 г. на учредительной конференции был образован избирательный блок «Союз правых сил», в который на неформальной основе вошла Российская партия социальной демократии. Учредителями блока СПС стали партия «Демократический выбор России», движения «Новая сила» и «Россия молодая», организация «Юристы за права и достойную жизнь человека» — коллективный член-учредитель «Голоса России». Были избраны руководящие органы блока СПС — Политсовет (председатель К.А. Титов), Координационный совет (С.В. Кириенко — председатель, Б.Е. Немцов, И.М. Хакамада, А.Б. Чубайс, К.А. Титов, В.Ю. Некрутенко), предвыборный штаб (руководитель А.Б. Чубайс). Несмотря на все усилия А.Б. Чубайса, от участия в блоке СПС отказалось движение «Наш дом — Россия» и «губернаторское» движение «Голос России». Создавший «Голос России» губернатор Самарской области, в прошлом член ДДР К.А. Титов вошел в СПС при поддержке коллективного члена-учредителя «Голоса России» — организации «Юристы за права и достойную жизнь человека». На выборах в Государственную думу 19 декабря 1999 г. блок СПС получил 8,52 % голосов.

⁸ См.: Российская партия социальной демократии. Документы. М., 1999.

⁹ Текст обращения был написан 21 августа 1996 г. См.: Александр Н. Яковлев. Обращение к общественности. М.: Материк, 1996.

¹⁰ См. примечание 2 к документу № 13.

¹¹ См. примечание 18 к документу № 21.

¹² См. примечание 2 к документу № 48.

¹³ Ошибка журналистской записи: А.Н. Яковлев подал заявление о приеме в партию, вернувшись с фронта в 1943 г. после тяжелого ранения.

¹⁴ А.Н. Яковлев стажировался в Колумбийском университете (США) в 1958—1959 гг.; в 1973—1983 гг. занимал пост посла СССР в Канаде.

¹⁵ См. ответ А.Н. Яковлева «Жириновскому и другим “патриотам” в жирных кавычках» в «Известиях» от 25 апреля 1995 г. и ответ А.М. Макашову в «Независимой газете» от 23 мая 1991 г.

¹⁶ См. примечание 9 к документу 1.

№ 68. «Меня спасает одно — чувство юмора»

¹ См. примечание 7 к документу № 67.

² См. примечание 5 к документу № 67; примечание 1 к документу № 70.

³ Партия «Яблоко» Г.А. Явлинского получила на парламентских выборах 19 декабря 1999 г. 5,93 % голосов (против 6,89 % на выборах в декабре 1995 г.), что явилось, в частности, результатом появления на политической сцене 29 августа 1999 г. «Союза правых сил» (СПС), «оттянувшего» на себя часть голосов демократически настроенных избирателей.

⁴ «Наш дом — Россия» (НДР) — правоцентристское пропрезидентское движение и избирательный блок во главе с В.С. Черномырдиным, Н.С. Михалковым, Л.Я. Рохлиным (первые три места в федеральном списке на выборах 1995 г.) и В.С. Черномырдиным, В.А. Рыжковым, Д.Ф. Аяцковым (первые три места в федеральном списке на выборах 1999 г.) и др. Учредительный съезд движения состоялся 12 мая 1995 г., на выборах в декабре 1995 г. НДР занял третье место после КПРФ и ЛДПР и составил депутатскую фракцию в парламенте из 66 человек. К концу 1999 г. движение практически сошло на нет, получив на парламентских выборах 19 декабря 1999 г. 1,19 % голосов.

⁵ Общероссийская политическая общественная организация «Отечество» была создана мэром Москвы Ю.М. Лужковым 19 декабря 1998 г. Коллективными членами «Отечества» стали Союз труда — актив ФНПР, Конгресс русских общин, Российское экологическое движение и др. Фактически вышедшее из НДР Движение сформировалось как центристское, но в то же время умеренно-оппозиционное. В августе 1999 г., объединившись с выделившейся из НДР «Всей Россией» М.Ш. Шаймиева, «Отечество» составило блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР) во главе с Ю.М. Лужковым, Е.М. Примаковым и В.А. Яковлевым. На парламентских выборах 19 декабря 1999 г. ОВР получил 13,33 % голосов, уступив КПРФ и созданному в начале октября 1999 г. движению «Единство» («МедВЕдь» — Межрегиональное движение «Единство») во главе с С.К. Шойгу. Значительную роль в поражении ОВР, который называли также «блоком Примакова», или «блоком Примакова — Лужкова», и возвышении «Единства» сыграли президентская администрация и пропагандистские усилия телеканалов ОРТ и РТР. После избрания В.В. Путина президентом 26 марта 2000 г. и в период до парламентских выборов 7 декабря 2003 г. произошло сближение ОВР и «Единства» и их объединение в партию «Единая Россия».

⁶ См. примечание 2 к документу № 12.

№ 69. Не подступиться!

¹ А.Н. Яковлев занимал должность заведующего сектором радио и телевидения в Отделе пропаганды ЦК КПСС в 1965 г.

² Речь идет об И.С. Черноуцане, заведующем сектором литературы в Отделе культуры ЦК КПСС.

³ На соискание Ленинской премии А.И. Солженицына выдвинул журнал «Новый мир» в лице его главного редактора А.Т. Твардовского, однако 11 апреля 1964 г., после появления в газете «Правда» статьи «Высокая требовательность» с «обзором читательских откликов», Комитет по Ленинским и Государственным премиям забаллотировал кандидатуру Солженицына. См. историю опубликования рассказов А.И. Солженицына в его книге: «Бодался теленок с дубом». Париж, YMCA-PRESS, 1975. С. 24—83.

⁴ См. примечание 5 к документу № 30.

⁵ См. об этом эпизоде также: Shulgan Christopher. The Soviet Ambassador. Toronto. 2008. P. 181—182.

⁶ В архиве А.Н. Яковлева отложилось письмо А.И. Солженицыну от 14 октября 1994 г.:

«Уважаемый Александр Исаевич!

Рад был получить Ваше письмо.

С большим интересом слушаю Ваши размышления по каналу “Останкино” относительно судеб и будущего России.

Что касается Вашей озабоченности музыкальной программой “Орфей”, то я полностью разделяю Вашу точку зрения. Программы подобного рода сокращать

просто недопустимо. По моему замыслу, программа “Орфей” должна быть круглосуточной. Но, увы, нынешнему правительству недостает понимания того, что означает телевидение в наших условиях, в том числе и для самого правительства.

И тем не менее я буду искать финансовые возможности для увеличения объема вещания, хотя у меня есть и определенные претензии к программе “Орфей” по существу. Но это уже внутренний вопрос.

С давним к Вам уважением.

До встречи.
А. ЯКОВЛЕВ».

Это письмо было написано в ответ на письмо А.И. Солженицына А.Н. Яковлеву от 15 сентября 1994 г.:

«Уважаемый Александр Николаевич!

Сейчас пишу Вам по частному поводу, который, как я понимаю, находится в Вашем ведении и возможностях.

Все 18 лет жизни в Вермонте мы постоянно слушали радиостанцию Новой Англии, передававшую 24 часа в сутки классическую музыку и притом без всякой перебивающей рекламы. Мы мечтали: о, если бы когда-нибудь удалось бы создать нечто подобное в России!

Приехав в Москву, мы с удивлением и радостью обнаружили, что такая станция — музыкальное радио “Орфей” телекомпания “Останкино” — уже существует: высококачественный подбор музыкальных произведений, с грамотными и в то же время доступными музыковедческими пояснениями, — культурное гнездо, в котором так нуждается наша дичающая страна.

Однако мне только что стало известно, что, в связи с общим сокращением бюджета “Останкино”, предполагается сократить передачи “Орфея” почти вдвое — с 18 часов до 10. Можно легко представить, что “освобожденное” время будет занято частью рекламой, а частью низкопробщиной.

Я очень и очень прошу Вас: найти иной выход и не сокращать этой программы, важнейшей для культурного развития России.

Передача эта еще и разительно выделяется среди сегодняшних программ радио и телевидения, угождающих нуворишам и аморальным слоям, развращающих и нравы и вкусы наших соотечественников — в такой критический момент нашей истории. (Обо всем этом я уже не раз упоминал публично, и охотно обсудил бы всю эту ситуацию с Вами детально — во второй половине октября, после моего возвращения из еще одной поездки по городам России, в которую отправляюсь сейчас.)

С уважением.
А.И. Солженицын»

(ГА РФ. Ф. 10063. Оп. 2. Д. 521).

№ 70. «Еще при советской власти я предлагал двухпартийную систему»

¹ 30 октября 1998 г. Российская партия социальной демократии провела в Москве свой III съезд. В одной из резолюций съезда — «О недопустимости призывов к межнациональной розни» — говорилось: «Мы, участники III съезда РПСД, возмущены антисемитскими высказываниями депутата Государственной думы, члена ЦК КПРФ Альберта Макашова, прозвучавшими на митингах в Москве и в Самаре... Антисемитизм присущ многим заметным представителям КПРФ и других прокоммунистических организаций. Яркий пример — губернатор Краснодарского края Н. Кондратенко, давно и открыто пропагандирующий пещерный антисемитизм» (РПСД. Документы. М., 1999. С. 200).

² См. примечание 7 к документу № 67.

³ В декабре 1998 г. на заседании Комитета Госдумы по безопасности коммунист В.И. Илюхин обвинил Б.Н. Ельцина в геноциде российского народа и заявил, что это было бы невозможно, если бы в окружении президента и правительства были бы представители основной этнической группы, а не только представители еврейской национальности.

См. также примечание 5 к документу № 67, примечание 11 к документу № 65.

⁴ См. примечание 5 к документу № 30.

⁵ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 37.

⁶ См. примечание 9 к документу № 1.

№ 72. «Революция — это тупик»

¹ См. примечание 12 к документу № 1.

² 11 сентября 1998 г. Госдума утвердила новым премьером Е.М. Примакова, ранее занимавшего пост министра иностранных дел. 12 мая 1999 г., перед голосованием в Государственной думе по импичменту президента, Примаков был отправлен в отставку, и новым председателем правительства стал первый вице-премьер С.В. Степашин, в свою очередь отправленный президентом в отставку 9 августа 1999 г. После отставки Степашина пост и.о. премьера получил вновь назначенный первый вице-премьер В.В. Путин — с 1998 г. глава ФСБ, а с 1999 г. секретарь Совета безопасности РФ. На досрочных выборах 26 марта 2000 г. В.В. Путин был избран президентом РФ.

³ В 1985—1989 гг. Е.М. Примаков был директором «мозгового центра» перестройки — Института мировой экономики и международных отношений АН СССР, а в 1989—1990 гг. — кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС.

⁴ Речь идет, вероятно, о «казусе» с журналистами в Куала-Лумпуре (Малайзия) в ноябре 1998 г., когда Е.М. Примаков с раздражением отказался отвечать на вопросы прессы. См.: Млечин Л. Евгений Примаков: История одной карьеры. М., 1999. С. 387—389.

⁵ В ночь с 24 на 25 марта 1999 г., когда НАТО начала бомбежку Югославии, Е.М. Примаков, направлявшийся в США на встречу с вице-президентом А. Гором, распорядился развернуть над Атлантикой самолет и вернуться в Москву.

⁶ См. примечания 4, 5 к документу № 68. После того, как НДР отказался войти в состав СПС, и несмотря на предложенное бывшему премьеру первое место в федеральном списке СПС, С.В. Степашин, покинув ряды НДР, дал согласие на 2-е место в списке «Яблока». На выборах в Государственную думу 19 декабря 1999 г. движение «Наш дом — Россия» (НДР) получило 1,19 % голосов.

№ 73. Лакмусовые кнопки

¹ На парламентских выборах 19 декабря 1999 г. 5-процентный барьер преодолели КПрФ (24,29 %) и «Единство» («Медведь») (23,32 %). Блок «Отечество — Вся Россия» (ОВР) получил 13,33 %, блок «Союз правых сил» (СПС) — 8,52 % голосов, Блок Жириновского 5,98 %, «Яблоко» 5,93 %. В январе 2000 г. КПрФ и «Единство» заключили «пакетное соглашение» (в частности, о выдвижении Г.Н. Селезнева — вместо предполагавшегося Е.М. Примакова — в спикеры Государственной думы, о передаче КПрФ трети портфелей председателей комитетов), которое поддержала фракция ЛДПР и отвергли фракции ОВР, СПС, «Яблоко», в знак протеста покинувшие 18 января 2000 г. здание Государственной думы. По инициативе СПС фракции объединившегося «меньшинства» вернулись 9 февраля 2000 г. для участия в заседаниях парламента.

В «Обращении Конгресса российской интеллигенции к исполняющему обязанности Президента России В.В. Путину» от 28 января 2000 г., в частности, говорилось: «Мы воспринимаем сговор в парламенте как ставку в расчетливой игре на раскол прогрессивных сил, в результате которого итоги мартовских выборов окажутся в пользу антиреформистских сил. Наше обращение продиктовано настоятельной необходимостью того, чтобы Вы, Владимир Владимирович, и.о. Президента, выразили свое отношение к происходящему, дали обществу ясное представление о Вашей общественно-политической позиции, об экономической программе, о взглядах на демократическое будущее страны, на ее роль в мировом сообществе. Ваши ответы будут важны для миллионов россиян, которым в марте надлежит сделать свой выбор».

² О Российской партии социальной демократии см. примечание 7 к документу № 1, примечания 2, 5 к документу № 32, примечание 1 к документу № 41, примечание 7 к документу № 67.

№ 74. «Менять надо было буквально все»

¹ См. примечание 3 к документу № 2; примечание 6 к документу № 14. См. также: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 354.

² См.: Георгий Жуков. Стенограмма Октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: МФД, 2001.

³ Речь идет о разгроме «правого уклona» Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского, которые выступили с резкой критикой курса И.В. Сталина. См.: Как ломали НЭП. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928—1929 гг. В 5-ти томах. М., 2000. Том 4. Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16—23 апреля 1929 г.

⁴ См. примечание 10 к документу № 45.

№ 75. Пьянство победить не удалось

¹ См. примечание 10 к документу № 45.

² 26 мая 1983 г. А.Н. Яковлев был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР. Официально приступил к новым обязанностям 16 августа 1983 г., после приезда из Канады, где пробыл послом 10 лет. Политбюро ЦК КПСС утвердило А.Н. Яковлева в должности заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС 5 июля 1985 г.

№ 76. Ловушка для президента

¹ В.В. Путин выступил с Посланием Федеральному Собранию РФ 8 июля 2000 г.

² После вторжения чеченских боевиков под командованием Ш.С. Басаева и Умара ибн аль-Хаттаба в Дагестан 7 августа 1999 г. началась вторая чеченская война. 9 августа 1999 г. С.В. Степашин был отправлен в отставку с поста председателя правительства РФ, на его место назначен В.В. Путин. 19 сентября 1999 г., после взрывов террористами домов в Москве, Волгодонске и Буйнакске, В.В. Путин заявил о прекращении действия Хасавюртовских соглашений.

См. примечание 1 к документу № 35.

³ См.: Российская партия социальной демократии: Документы. М., 1999. С. 49—64.

⁴ См. примечание 2 к документу № 13.

№ 77. «В создании новой оппозиции участвовать не собираюсь»

¹ Речь идет об опубликованном в «Известиях» 9 августа 2000 г. документе под названием «Россия на перепутье. Обращение к обществу», подписанном В.П. Аксеновым, Б.А. Березовским, С.С. Бодровым, С.С. Говорухиным, О.Р. Лацисом, Ю.П. Любимовым, О.Е. Миньшиковым, И.В. Шабдурасуловым и А.Н. Яковлевым. В обращении, в частности, говорилось: «Вполне понятное и естественное стремление нового президента создать эффективную и ответственную власть, остановив тем самым процесс распада государства, вызывает в кругу правящей бюрократии традиционный рефлекс “тащить и не пущать”. Под угрозой оказываются главные достижения последнего десятилетия: свободная пресса, свободное предпринимательство и самое главное — свободное мышление, дух независимости. Если эти тенденции не будут остановлены, логика конфликта между авторитарным инстинктом любой власти и демократическими чаяниями общества приведет либо к демонтажу основных завоеваний последнего времени, либо к параличу управления».

² О Российской партии социальной демократии см. примечание 7 к документу № 1, примечания 2, 5 к документу № 32, примечание 1 к документу № 41, примечание 7 к документу № 67.

№ 78. Угроза отката

¹ См. примечание 1 к документу № 77.

№ 79. Дни без чисел

¹ См. примечание 9 к документу № 1.

² См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 620—634.

³ Речь идет о состоявшемся 21—23 июля 2000 г. на Окинаве (Япония) саммите «восьмерки» индустриально развитых стран, в котором принял участие В.В. Путин.

⁴ См. примечание 1 к документу № 77.

⁵ См. статью А.Н. Яковлева «Перевернуть пирамиду» в газете «Версты» от 18 июля 2000 г.

⁶ См.: Яковлев А.Н. Горькая чаша. Ярославль, 1994.

№ 80. Добро должно обрасти мускулами

¹ Речь идет о V съезде РПСД 28 октября 2000 г., на котором первым заместителем председателя партии был избран В.В. Волков, заместителями председателя — О.И. Гарцев, И.А. Харичев, Е.М. Медведкова, председателем исполкома — В.Б. Леонтьев.

На IV внеочередном съезде РПСД 23 марта 2000 г. А.Н. Яковлев сложил с себя полномочия председателя партии, оставшись ее «лидером». Председателем РПСД был избран губернатор Самарской области, бывший первый заместитель председателя НДР и кандидат в Президенты РФ К.А. Титов (на президентских выборах 2000 г. Титов получил 1,47 % голосов). Март — апрель 2000 г. прошел под знаком консультаций о воссоздании широкой Коалиции демократических сил, в которых приняли участие РПСД, «Свободные демократы России», движение «Демократическая Россия», Крестьянская партия России, Партия экономи-

ческой свободы. 23 марта 2000 г. ими было принято заявление, в котором, в частности, говорилось о том, что «некоторые члены блока “Союз правых сил” без какого-то обсуждения данных вопросов с Политическим советом блока сначала безоговорочно поддержали не борьбу с терроризмом, но жесточайшие и кровопролитные действия федеральных властей в Чечне, а затем выдвинули лозунг “Кириенко — в Думу, Путина — в Президенты”, естественным образом переросший в безоговорочную поддержку политики Путина. Стало очевидным несовпадение конъюнктурной политики этих лидеров с последовательной демократической, либеральной позицией, которой придерживается значительная часть политических организаций, входящих в избирательный блок “Союз правых сил”».

Мы подчеркиваем, что безапелляционную, безоговорочную поддержку В. Путина, о которой неоднократно заявлял А. Чубайс, нельзя рассматривать как позицию блока СПС. Конференция СПС таких решений не принимала, а из 15 общероссийских организаций, входящих в блок, 6 приняли официальное решение о поддержке К. Титова и лишь “Новая сила” С. Кириенко поддержала В. Путина. Позицию некоторых деятелей СПС, заявлявших к тому же о необходимости роспуска большей части организаций-членов СПС, недопустимо выдавать за позицию всего блока» (Информационный вестник Свободных демократов России, 27 марта 2000 г.).

Из шести членов Координационного совета СПС поддержку В.В. Путину выразили двое — А.Б. Чубайс и С.В. Кириенко, один был против (К.А. Титов), трое воздержались (Е.Т. Гайдар, Б.Е. Немцов и И.М. Хакамада). После этого Политсовет СПС из 24 человек был распущен, а КС преобразован в оргкомитет по созданию на базе блока СПС новой партии. При этом К.А. Титов возглавил Координационный совет выразившей протест и «воссозданной» Коалиции демократических сил «Правое дело».

На IV съезде РПСД А.Н. Яковлев, говоря о месте партии в общественно-политическом спектре, заявил: «С одной стороны, с либерализмом нас сближает гуманистическая сфера человеческой деятельности и свобода человека. С социал-демократизмом — концепция социального партнерства, равный доступ к достойному качеству жизни. С теми и другими нас объединяет идея гражданского общества».

По моему убеждению, мы должны взять все самое полезное из опыта этих двух направлений, то, что адекватно грядущему веку и одновременно конкретным условиям России» (Личный архив А.Н. Яковлева).

7 апреля 2000 г. прошло совещание представителей организаций, выступивших за воссоздание Коалиции демократических сил: РПСД, «Свободные демократы России» (М.Е. Салье), движение «Демократическая Россия» (Л.А. Пономарев, Г.П. Якунин), Крестьянская партия России (Ю.Д. Черниченко). 12 мая 2000 г. на закрытом заседании политсовета РПСД было принято решение об участии в создании Общероссийской политической организации «Союз правых сил» только при условии приглашения РПСД в число учредителей, однако договориться о вхождении в число учредителей СПС в его новом формате РПСД не удалось. Не оказалось места РПСД и в объединенной демократической коалиции, заявленной Г.А. Явлинским, в рамках которой «Яблоко» заключило в июне 2000 г. соглашение с СПС о мерах по объединению усилий на выборах всех уровней и созданию недолго прожившего Объединенного политического совета. И хотя 12 мая 2000 г. состоялось заседание инициативной группы по созданию объединения «Демократическая коалиция» (ДК), принявшей решение провести в сентябре — октябре 2000 г. учредительный съезд, съезд ДК так и не состоялся.

В ходе V съезда РПСД 28 октября 2000 г. К.А. Титов объявил о возможном объединении социал-демократических организаций. Весной 2001 г. в начавшемся объединительном процессе (на который, по некоторым источникам, дал бла-

гословение В.В. Путин) участвовали не менее 16 организаций, в том числе Социалистическая партия России И.П. Рыбкина, движение «Духовное наследие» А.И. Подберезкина (еще одного кандидата в Президенты РФ, набравшего на выборах 26 марта 2000 г. 0,13 % голосов), Российская объединенная социал-демократическая партия (РОСДП) М.С. Горбачева и др.

23 июня 2001 г. председатель созданной в марте 2000 г. РОСДП М.С. Горбачев и председатель РПСД К.А. Титов подписали заявление о намерении создать новую единую партию, в которой предполагалось коллективное руководство, состоящее из пяти председателей ведущих социал-демократических образований.

Деятельность на посту председателя РПСД К.А. Титова не нашла единодушной поддержки у ряда членов партии, в том числе С.А. Филатова, который 26 июня 2001 г. в письме на имя А.Н. Яковлева сделал следующее заявление:

«Мы поддержали на выборах председателя РПСД Титова К.А., хотя хорошо знали неоднозначное (скорее отрицательное) к нему отношение лидеров других партий, политиков, политологов, губернаторов. Однако у него была возможность финансировать партию, чего не было у других, лучших по своим опыту и авторитету и способностям претендентов. И это оказалось решающим.

Мы активно готовили оба съезда, Программу и Устав. Однако после последнего съезда по непонятным мне причинам обстановка стала резко меняться. В нарушение Устава РПСД были отстранены от работы Волков В.В. и Харичев И.А., на мои и моих коллег запросы ответов не последовало. Титов К.А. стал избегать встреч. Фактически началось отторжение меня и группы моих коллег от практической работы. Мои разговоры с Вами также не внесли ясность в создавшееся положение. Очень сожалею, что с Вашей стороны не было предпринято шагов для изменения складывающейся ситуации.

Надеюсь, Вы понимаете, что изложенное выше делает невозможным мое дальнейшее пребывание в Вашей партии.

Что касается Титова К.А., то мои наблюдения за его деятельностью на посту председателя РПСД убеждают в том, что его мало интересует развитие РПСД, больше похоже, что он создает удобную команду на случай осуществления планов своей будущей карьеры» (Личный архив А.Н. Яковлева; см. также: Филатов С.А. По обе стороны... М., 2006. С. 331).

Не менее резко выступил в интервью АПН от 17 августа 2001 г. к тому времени уже бывший заместитель председателя РПСД И.А. Харичев: «Создается впечатление, что РОСДП и сам Горбачев нужны РПСД только для того, чтобы получить выход на международную социал-демократию. Создается впечатление, что после того, как эта задача будет решена, им не нужен будет даже сам Горбачев». 18 сентября 2001 г. пленум Центрального правления РПСД принял отставку членов Политсовета С.А. Филатова, Л.В. Куликова, А.П. Суркова, Вяч. В. Волкова, В.Д. Журавского.

Решение об объединении РОСДП и РПСД было подтверждено 3 ноября 2001 г. на VI съезде РПСД, хотя в ходе съезда А.Н. Яковлев неожиданно заявил о том, что РПСД намерена подождать с самороспуском до официальной регистрации СДПР, а после регистрации преобразоваться «в общественную организацию, которая была бы помощником партии в продвижении социал-либеральных идей». 24 ноября 2001 г. в Москве состоялся Учредительный съезд новой партии — Социал-демократической партии России (СДПР), ставшей 28 октября 2003 г. представителем России в Социнтерне. Председателем СДПР стал К.А. Титов, лидером — М.С. Горбачев, секретарем-координатором — В.И. Мироненко. За неделю до учредительного съезда в объединении отказались участвовать лидеры «Духовного наследия», Социалистической партии России, Союз за реалистов.

Важным для характеристики процесса «объединения» представляется следующий документ из личного архива А.Н. Яковлева от 22 ноября 2001 г.:

«Титову Константину Алексеевичу.

Будучи в курсе о том, что у г-на Горбачева М.С. появились сомнения относительно возможности моего выступления при открытии съезда (т.е. открытия съезда), я не хотел бы оказаться в положении, осложняющем процесс объединения. Кроме того, считаю оскорбительным для себя само участие в таком торге. Я ни разу в своей жизни не выпрашивал “слово” по своей инициативе.

В этой связи я снимаю свою просьбу о вступительном (5—7 мин) слове. Прошу также не включать мою кандидатуру ни в какие органы съезда и партии.

Никакой пиаровской сенсации я делать, конечно, не буду, наоборот, собираюсь продолжить пропаганду идей социал-либерализма.

Желаю успеха. С глубоким уважением. С надеждой на дальнейшее сотрудничество.

А. Яковлев» (Личный архив А.Н. Яковлев. Авторизованная машинопись. На документе помета рукой А.Н. Яковлева: «На съезде был. 24 ноября 2001 г.»).

Не было никаких идейных предпосылок для объединения и со стороны М.С. Горбачева, который в беседе с Б.Ф. Славиним заявил: «Если я остаюсь приверженцем социалистической идеи, то Яковлев, несмотря на то, что был партийным идеологом, давно ее похоронил» (Неоконченная история. Беседы Михаила Горбачева с политологом Борисом Славиним. М., 2001. С. 96—97). (Беседа о А.Н. Яковлеве, в ходе которой М.С. Горбачеву разъясняются взгляды бывшего члена Политбюро ЦК КПСС, проводится автором статьи «Идеолог лицемерия», опубликованной в «Правде» от 22 октября 1992 г.)

Присутствовавший на объединительном съезде зампреда политкомитета РОСДП Б.П. Гуселетов заявил, что «социал-либерализм вообще непонятен для России» («Коммерсант», 5 ноября 2001 г.).

На VII внеочередном съезде 6 июля 2002 г., проходившем в московской гостинице «Заря», РПСД в лице зампреда партии Е.М. Медведковой объявила о самороспуске (ранее, 23 мая 2002 г. СДПР была зарегистрирована в Минюсте). Е.М. Медведкова отметила при этом, что, на ее взгляд, президент России В.В. Путин идет именно по пути социального либерализма и поэтому «мы распускаемся не потому, что уже исчерпали политический потенциал партии, а потому что мы осознанно приняли решение идти на объединение. И мы собираемся развивать свою идеологию и дальше» (см.: «Коммерсант», 8 июля 2002 г.).

М.С. Горбачев покинул пост лидера СДПР в мае 2004 г., заявив о «приватизации партии» К.А. Титовым (одновременно с ним в отставку с поста председателя СДПР подал и К.А. Титов, вступивший в ноябре 2005 г. в партию «Единая Россия»); в сентябре 2004 г. на III съезде СДПР ее председателем был избран бывший полковник КГБ и доверенное лицо В.В. Путина на президентских выборах 2004 г. В.Н. Кишенин; в ноябре 2006 г. СДПР была близка к тому, чтобы войти в движение, получившее название «самые правильные левые» (В.Н. Кишенин, Г.В. Гудков — «Народная партия», Г.Н. Селезнев — «Партия возрождения России», Г.Ю. Семигин — партия «Патриоты России», А.И. Подберезкин — Партия социальной справедливости), однако после вступления Народной партии в «Справедливую Россию» идея коалиции потерпела крах; наконец, 13 апреля 2007 г. СДПР была ликвидирована решением Верховного суда РФ за несоблюдение закона «О политических партиях».

² Речь идет о предложении восстановить в качестве государственного «сталинский гимн» (музыка А.В. Александрова, слова С.В. Михалкова и Г.Г. Эль-Регистана). Измененный Михалковым текст нового гимна был утвержден Указом Президента РФ и решением Государственной думы в марте 2001 г.

³ Движение «Россия» было инициировано председателем Государственной думы третьего созыва членом КПРФ Г.Н. Селезевым в мае 2000 г. В состав нового объединения вошли движение «Май», Партия самоуправления трудящихся С.Н. Федорова и «Союз садоводов России». В мае 2002 г. Г.Н. Селезев был исключен из КПРФ за отказ оставить должность спикера после того, как коммунисты и аграрии были лишены руководящих постов в комитетах Госдумы, и стал председателем новой Партии возрождения России, преобразованной в сентябре 2002 г. из движения «Россия». На парламентских выборах 2003 г. блок «Партия возрождения России — Российская партия жизни» получил 1,88 % голосов.

№ 81. «Были вполне здоровые люди, которые контролировали эту шизофрению»

¹ Закон РФ от 21 июля 1993 г. «О государственной тайне». Изменения к закону были приняты 6 октября 1997 г., 30 июня 2003 г., 11 ноября 2003 г..

² См.: История Гражданской войны в СССР. Т. 1—6 / Под ред. М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова, А. Бубнова, Я. Гамарника, И. Сталина. М., 1935—1947.

³ Речь идет о работе А.Н. Яковлева в Отделе пропаганды ЦК КПСС в 1960—1972 гг., а затем в 1985—1990 гг. на постах заведующего Отделом пропаганды, Секретаря и члена Политбюро ЦК КПСС; работе послом СССР в Канаде в 1973—1983 гг.; работе директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР в 1983—1985 гг.

⁴ Речь идет о заведенном в 1997 г. деле на корреспондента газеты Тихоокеанского флота «Боевая вахта», капитане 2-го ранга Г.М. Пасько, который был обвинен в передаче японцам якобы секретной информации о сбросе отходов в море и коррупции на флоте. Не согласившись с решением суда, приговорившего его к тюремному заключению на три с половиной года по другой статье — превышение полномочий, Пасько, несмотря на объявленную амнистию, опротестовал вердикт, однако в декабре 2001 г. был признан виновным в шпионаже и осужден на четыре с половиной года в колонии строгого режима. Дело вызвало широкий международный резонанс, и в 2003 г. Пасько был выпущен из-под стражи в порядке условно-досрочного освобождения.

⁵ Речь идет о гибели 12 августа 2000 г. во время учений 118 моряков атомной подводной лодки «Курск», затонувшей в Баренцевом море в 157 км от г. Североморска.

⁶ Речь идет о взрыве емкости с ядерными отходами, который произошел 29 сентября 1957 г. на комбинате «Маяк» в г. Озерске Челябинской области, результатом которого стало радиационное загрязнение обширной территории в Челябинской, Свердловской и Тюменской областях, облучению подверглось более 100 тысяч человек. Информация об этой катастрофе, масштабы которой иногда сравнивают с масштабами Чернобыльской трагедии, была рассекречена только в начале 1990-х гг.

⁷ Речь идет прежде всего о взрыве 30 октября 1961 г. водородной бомбы мощностью в 57 мВт на высоте 4,5 км над Новой Землей. Бомба получила название «Кузькина мать». С 1955 г. острова Архипелага Новая Земля служили полигоном для нескольких сотен подводных, воздушных и подземных испытаний ядерного оружия, а после запрещения испытаний и рассекречивания в 1990-х гг. стали объектом самого пристального внимания природоохранных и правозащитных организаций.

⁸ См.: 1941 год. В двух книгах. М.: МФД, 1998.

⁹ См. примечание 1 к документу № 60.

№ 82. Право на память

¹ Поправки к Закону РФ «О реабилитации жертв политических репрессий», касающиеся детей репрессированных, были приняты Государственной думой 11 октября 1995 г. и подписаны Президентом РФ 4 ноября 1995 г. Изменения в Закон были приняты также Государственной думой 22 января 2003 г., одобрены Советом Федерации 29 января 2003 г. и подписаны Президентом РФ 9 февраля 2003 г.

² Речь идет об открытом 12 июня 1996 г. в Магадане монументе-мемориале «Маска скорби» (памяти погибших в колымских лагерях), созданном скульптором Э.И. Неизвестным и архитектором К.Т. Казаевым.

³ См. примечание 15 к документу № 21.

⁴ См. примечание 9 к документу № 1.

⁵ Беседа В.В. Путина и А.Н. Яковлева состоялась 2 ноября 2000 г.

№ 83. «Советский строй можно было взорвать только изнутри»

¹ См. примечание 9 к документу № 1.

² Речь идет о событиях, предшествовавших ГКЧП. 27 июля 1991 г. А.Н. Яковлев подал в отставку с поста старшего советника Президента СССР.

³ См. примечание 4 к документу № 29.

⁴ См. примечание 4 к документу № 20.

⁵ См. примечание 3 к документу № 12.

⁶ См. примечание 1 к документу № 3.

⁷ А.Н. Яковлев был директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР (ИМЭМО) в 1983—1985 гг., после 10 лет работы послом СССР в Канаде и до назначения летом 1985 г. на пост заведующего Отделом пропаганды ЦК КПСС.

⁸ См. примечание 2 к документу № 1.

⁹ См. примечание 12 к документу № 1 и примечание 13 к документу № 21.

¹⁰ См. примечание 2 к документу № 48.

¹¹ См. подробнее об обстоятельствах выхода А.Н. Яковлева из КПСС: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 823—824.

¹² См.: Яковлев А.Н. Омут памяти. В двух книгах. М., 2001.

¹³ См. примечание 8 к документу № 8.

¹⁴ Речь идет о Пленуме ЦК КПСС 27—28 января 1987 г.

¹⁵ См. примечание 3 к документу № 37.

¹⁶ Земельный кодекс РФ и закон о введении его в действие были подписаны Президентом 26 октября 2001 г. Новый кодекс частично разрешил продажу земли в частную собственность.

¹⁷ Имеется в виду Федеральная целевая программа «Развитие судебной системы России» на 2002—2006 гг. (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 20 ноября 2001 г.).

¹⁸ См. примечание 2 к документу № 13.

№ 84. «Вожди очень торопились, когда речь шла о расстрелах»

¹ См. примечание 5 к документу № 82.

² См. примечание 1 к документу № 38.

³ Указ «О мерах по реабилитации священнослужителей и верующих, ставших жертвами необоснованных репрессий» был подписан Президентом РФ 14 марта 1996 г.

⁴ Указом Президента РФ от 4 июля 1997 г. в состав Комиссии при Президенте РФ по реабилитации жертв политических репрессий были включены председатель Московского историко-литературного общества «Возвращение» С.С. Виленский и председатель Ярославского областного общества «Мемориал» Ю.Б. Марковин.

⁵ Речь идет о принятых в 1992—1994 гг. реабилитационных актах, касающихся шести народов: балкарцев (Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации балкарского народа и государственной поддержке его возрождения и развития» от 3 марта 1994 г.), калмыков (Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации калмыцкого народа и государственной поддержке его возрождения и развития» от 25 декабря 1993 г.), карачаевцев (Указ Президента РФ «О мерах по реабилитации карачаевского народа и государственной поддержке его возрождения и развития» от 30 мая 1994 г.), корейцев (Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских корейцев» от 1 апреля 1994 г.), немцев (Указы Президента РФ «О неотложных мерах по реабилитации российских немцев» от 21 февраля 1994 г. и др.), финнов (Постановление Верховного Совета РФ «О реабилитации российских финнов» от 29 июня 1993 г.).

⁶ См. примечание 15 к документу № 21.

⁷ См. примечание 18 к документу № 21.

⁸ Арестованный в 1953 г. и осужденный в 1958 г. на 15 лет лишения свободы генерал-лейтенант НКВД—НКГБ П.А. Судоплатов был реабилитирован 10 февраля 1992 г. Главной военной прокуратурой РФ по статье 3 Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий».

⁹ Речь идет об открытом 30 октября 1993 г. в г. Магадане Музее памяти жертв политических репрессий. Еще два аналогичных музея были открыты в Магаданской области.

№ 85. «Судить о правителе надо по делам, а не по словам»

¹ Имеется в виду письмо Б.А. Березовского, направленное из Лондона «господам А. Чубайсу, А. Волошину, М. Касьянову и другим, кого недруги Б. Ельцина называют “семьей”», опубликованное в «Независимой газете» 4 декабря 2001 г., в котором он заявил, что «воссоздание вертикали власти вместо перераспределения функций между Кремлем и субъектами Федерации, между Кремлем и другими ветвями власти в корне подрывает российскую государственность, конечно, в контексте демократической, а не авторитарной конструкции. Провозглашение “диктатуры закона” без подчинения закона главной ценности — свободе личности вырождается в “закон диктатуры” и разрушает главное достижение ельцинского правления — раскрепощение человека, создание условий для его максимальной самореализации и, следовательно, построения наиболее эффективного общества». В своем письме Б.А. Березовский призвал создать в России «реальную сильную либеральную оппозицию».

Позиция Б.А. Березовского вполне проявилась уже 31 мая 2000 г. в его статье «Личные свободы — главный закон демократического общества» в газете «Коммерсант», а 19 июля 2000 г. он заявил о сложении с себя полномочий депутата (в декабре 1999 г. Березовский был избран депутатом Госдумы по Карачаево-Черкесскому одномандатному округу) из-за нежелания участвовать в установлении в России авторитарного режима. 9 августа 2000 г. появилось «обращение девяти» (см. примечание 1 к документу № 77). В конце 2000 г. Б.А. Березовский, опасаясь ареста, уехал в Лондон, хотя продолжил активную политическую деятельность из-за рубежа, поддержав, в частности, партию «Либеральная Россия». В 2002—2008 гг. Б.А. Березовский был обвинен в пособничестве чеченским террористам, хищении автомобилей через компанию «Логоваз», хищении крупной сум-

мы денежных средств, принадлежавших авиакомпании «Аэрофлот», «СБС-Агро» и др., — всего в России за последние десять лет против Березовского было возбуждено более десяти уголовных дел.

² Речь идет о начавшемся весной 2001 г. процессе свертывания деятельности «бывшей» НТВ, принадлежавшей В.А. Гусинскому — под угрозой нового ареста выехавшему в августе 2000 г. в Испанию. После избрания на сомнительном собрании акционеров нового руководства — председателя совета директоров главы «Газпром-Медиа» А.Р. Коха, генерального директора Б.А. Йордана и главного редактора В.М. Кулистикова журналистский коллектив НТВ перешел частью на принадлежавший Б.А. Березовскому канал «ТВ-6», а частью на канал ТНТ. Осенью 2001 г. аналогичные проблемы начались и у «ТВ-6».

³ Речь идет о статье «Добивает лежачую Россию» в «Советской России» от 1 ноября 2001 г., представлявшей собой письмо В.В. Путину от некоей Е.В. Воронцовой, дочери политического ссыльного 1937 г., которая потребовала «серьезно разобраться с реабилитационной комиссией А. Яковлева. Если б это все делалось из соображений восстановить справедливость — это одно, но раздавать деньги — кому? Яковлев мертвых возлюбил в ущерб живым! — не корысть ли тут?... В нашем государстве на живых денег не хватает!.. Если вы, Владимир Владимирович, совсем не можете комиссию Яковлева запретить (думаю, это заказ Международной еврейской общины — ее почерк, так как и в реабилитационной литературе много евреев, уничтожавших русскую честь, русскую культуру), откажите Яковлеву в деньгах, бесплатно он потеряет интерес к этой проблеме».

№ 86. Хлеб и порох

¹ 17-й чемпионат мира по футболу проходил 31 мая — 30 июня 2002 г. в Японии и Южной Корее. Национальная команда России не смогла выйти в 1/8 финала, проиграв 9 июня команде Японии со счетом 0:1. После этого в центре Москвы на Манежной площади и прилегающих улицах начались погромы, в результате которых пострадали люди, были разбиты автомобили и витрины магазинов.

² Речь идет Федеральном Законе «О противодействии экстремистской деятельности», принятом Госдумой 27 июня 2002 г., одобренном Советом Федерации 10 июля 2002 г. и подписанном Президентом РФ 25 июля 2002 г.

³ См. примечание 7 к документу № 64.

⁴ Речь идет о встрече на высшем уровне 24—26 мая 2002 г. в Москве между президентом РФ В.В. Путиным и президентом США Дж. У. Бушем, в ходе которой были подписаны следующие документы: «Договор между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки об ограничении стратегических наступательных потенциалов», «Московская декларация о российско-американском антитеррористическом сотрудничестве», «Совместное заявление о развитии российско-американских экономических связей», «Совместное заявление о новом российско-американском энергетическом диалоге», «Совместное заявление о российско-американских контактах между людьми», «Совместное заявление о ситуации на Ближнем Востоке».

В личном архиве А.Н. Яковлева сохранилась запись, сделанная непосредственно после саммита, в которой, в частности, говорится: «Американский президент вернулся домой. Три дня в России были шумными, впечатляющими. Они закончились весьма достойными соглашениями. В мире станет меньше ядерных зарядов. Президенты двух стран договорились о стратегическом партнерстве. В России начались переговоры НАТО + Россия. У меня лично сложилось впечатление, что закончилось десятилетие игнорирования интересов России и, я бы

сказал, ее фактическое унижение. Иными словами, реальная жизнь взяла верх над геополитическими иллюзиями однополюсного мира.

Все это говорит об ответственном подходе руководства двух государств к решению мировых проблем в нынешних далеко не простых условиях.

Особенностью современной ситуации является то, что в государственных измерениях побежденные нацизм и большевизм нашли свое экстремистское продолжение в международном терроризме, стремящемся к мировому господству.

Терроризм — дитя холодной войны. США и Советский Союз в угаре многоголикого противостояния вели подготовку, обучали, финансировали террористов, поддерживали террористические режимы с одной целью — как можно больше навредить противнику. Одновременно велась ожесточенная психологическая война, которая держала мировое общество в постоянном страхе, а человечество теряло ощущение своего бессмертия. Главные актеры трагедии холодной войны демонстрировали высочайшую степень безответственности, насыщая нашу хрупкую планету все новым и новым оружием.

Что же в этом плане меня беспокоит больше всего? В эти дни Буш и Путин объявили об окончании холодной войны. Прекрасно! Но я слышу подобное по крайней мере уже третий раз. Заявляли об этом Горбачев и Рейган, Ельцин и Клинтон. Однако психологическая война продолжалась, взаимное недоверие продолжало свою разрушительную работу, малые войны вспыхивали одна за другой, террористическая деятельность наращивалась, она финансировалась в тех же интересах холодной войны.

Трагедия 11 сентября взорвала мировое сознание, заставила лидеров цивилизованного мира по-новому взглянуть на перспективы общепланетарного развития.

Я был участником первых практических переговоров по демонтажу холодной войны и хорошо помню, как тяжело, мучительно шли переговоры Горбачев — Рейган, как щедро они были посыпаны взаимным недоверием. И тем не менее с холодной войной в ее ядерном виде было покончено. Это была победа коллективного разума. Но, повторяю, психология, равно как и интересы различных групп, особенно военно-промышленных комплексов, остались.

Не исчезли они и сегодня. Вот почему необходима выработка механизмов окончательного демонтажа наследия холодной войны. Иначе рецидивы ее неизбежны. Я бы, вспоминая собственный опыт, не упрощал этот процесс, ибо сегодня речь идет о продолжающейся борьбе между демократией и тоталитаризмом, свободой и тиранией, но в другой конфигурации сил, чем прежде. Этот процесс требует колоссальных затрат времени на полное созревание как объективных усилий, так и человеческой мысли, а главное — готовности совместно действовать против общей угрозы».

⁵ Речь идет о встрече на высшем уровне «Россия — Европейский союз» 29 мая 2002 г. президента РФ В.В. Пугина, председателя правительства Испании, действующего председателя Европейского совета Хосе Мариа Аснара, председателя Европейской комиссии Романо Проди и Генерального секретаря Совета ЕС, Верховного представителя ЕС по вопросам внешней политики и политики безопасности Хавьера Соланы. По итогам встречи был сделан ряд совместных заявлений, в том числе о дальнейших практических шагах по развитию политического диалога и сотрудничества по вопросам безопасности.

⁶ Речь идет о принятом 17 октября 2001 г. решении вывести российские войска с базы Камрань во Вьетнаме и закрыть российский радиоэлектронный центр в местечке Лурдес на Кубе.

⁷ Речь идет об американской военно-воздушной базе Ганси, развернутой на аэродроме «Манас» в пригородах столицы Кыргызстана Бишкек в конце декабря 2001 г. — январе 2002 г. в рамках проводившейся США контртеррористической операции в Афганистане. Ранее, 24 сентября 2001 г. В.В. Путин сделал заявление

ние, в котором определил позицию по антитеррористической операции в Афганистане, сказав, в частности, что Россия готова к сотрудничеству и готова предоставить воздушное пространство для пролета самолетов с гуманитарными грузами в район проведения операции; Россия согласовала эту позицию с союзниками из числа центрально-азиатских государств: они «разделяют эту позицию и не исключают для себя возможности предоставления своих аэродромов».

⁸ Речь идет о заседаниях Верховного Совета СССР 17—21 июня 1991 г., на которых премьер-министр В.С. Павлов, министр обороны Д.Т. Язов, председатель КГБ В.А. Крючков и министр внутренних дел Б.К. Пуго подвергли критике политику президента, в том числе касающуюся заключения нового Союзного договора, и потребовали передать правительству некоторые существенно важные полномочия, закрепленные конституцией за президентом. После ответного выступления М.С. Горбачева 21 июня 1991 г. в Верховном Совете требования ключевых членов правительства не были удовлетворены, хотя формально и не были сняты.

⁹ См. примечание 9 к документу № 14.

№ 87. «Чекистская партия еще не распущена»

¹ См. примечание 9 к документу № 1.

² См.: Яковлев А. Сумерки. М., 2003. С. 546—580.

³ Речь идет о беседе Н.П. Патрушева с деятелями российской интеллигенции, которая состоялась 12 декабря 2002 г. и была опубликована в «Литературной газете» 18 декабря 2002 г. под названием «Мы служим России». В беседе приняли участие писатель и главный редактор «ЛГ» Ю.М. Поляков, режиссер В.В. Меньшов, писатель А.А. Вайнер, политолог А.С. Ципко, поэт А.Д. Дементьев, политолог А.Г. Дугин, артист А.А. Ширвиндт, писатель В.А. Карпов, певица А.Э. Цой.

№ 88. Есть только правда между прошлым и будущим

¹ Речь идет о так называемой революции роз в Грузии, начавшейся после парламентских выборов 2 ноября 2003 г. и отказа оппозиции признать официальные результаты голосования. 23 ноября 2003 г. Э.А. Шеварднадзе объявил о своей отставке. Президентом Грузии в январе 2004 г. был избран лидер оппозиционного «Национального движения» М.Н. Саакашвили.

² Речь идет о передаче власти от Гейдара Алиева к его сыну Ильхаму. 4 августа 2003 г. Ильхам Алиев, ранее первый заместитель председателя Государственной нефтяной компании Азербайджанской Республики (ГНКАР), был назначен премьер-министром, а после того как Г.А. Алиев заявил о снятии своей кандидатуры на президентских выборах, 15 октября 2003 г. подавляющим большинством голосов избран президентом Азербайджана. Г.А. Алиев умер 12 декабря 2003 г.

³ См. примечание 10 к документу № 45.

⁴ Речь идет о постановлениях Совета министров СССР от 15 мая 1986 г. «О мерах по усилению борьбы с нетрудовыми доходами» и Президиума ВС СССР от 23 мая 1986 г. «Об усилении борьбы с извлечением нетрудовых доходов».

⁵ 6 ноября 2003 г., в канун очередной годовщины Октябрьской революции, в центре города Ишим (Тюменской области) на Октябрьской площади по просьбе представителей коммунистических и ряда левых партий был установлен памятник И.В. Сталину. Бронзовый бюст был демонтирован в начале 1960-х гг. и находился в райкоме партии, а с 1999 г. в краеведческом музее, составляя часть экспозиции «Ишим в советский период».

⁶ Секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев был членом Политбюро с июля 1987 г. по июль 1990 г.

⁷ См.: Ближневосточный конфликт. 1947—1967. Из документов Архива внешней политики Российской Федерации. В двух томах. М., МФД. 2003.

⁸ См.: Александр Н. Яковлев. Обращение к общественности. М., 1996.

⁹ См. примечание 6 к документу № 56.

¹⁰ В сентябре 2002 г. влед за КПРФ, много лет подряд говорившей о необходимости вернуть Дзержинского на Лубянку, с инициативой восстановить на Лубянской площади памятник Ф.Э. Дзержинскому выступил московский мэр и один из лидеров «Единой России» Ю.М. Лужков.

№ 89. «Я говорил про обновление социализма, а сам знал, к чему дело идет»

¹ См. примечание 18 к документу № 21.

² Речь идет о работе А.Н. Яковлева с 1948 г. по 1950 г. в должности заведующего отделом в газете «Северный рабочий».

³ В 1958—1959 гг.

⁴ В 1973—1983 гг.

⁵ На июльском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС.

⁶ См.: Яковлев А.Н. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 28—38.

⁷ См. примечание 4 к документу № 88.

⁸ См. текст статьи «Ответ — в нас самих», написанной на основе выступления на областной партийной конференции в Перми, в книге А.Н. Яковлева «Реализм — земля перестройки» (М., 1990). Первоначально статья была опубликована в пермской газете «Звезда» (17 декабря 1988 г.) и, в сильно сокращенном виде, в газете «Правда», а затем в журнале «Вопросы экономики» (№ 2, 1989 г.). Выступление А.Н. Яковлева в Перми вызвало широкий резонанс внутри страны и значительный отклик за рубежом.

⁹ См. примечание 9 к документу № 1.

¹⁰ См. примечание 12 к документу № 1 и примечание 13 к документу № 21.

¹¹ См. примечание 2 к документу № 32.

¹² См. примечание 2 к документу № 80.

№ 90. Миллионы «сталиных» — страшная сила

¹ По итогам выборов 7 декабря 2003 г. в Государственную думу прошли четыре избирательных объединения. «Единая Россия» получила 37,57 % голосов, КПРФ — 12,61 %, ЛДПР — 11,45 %, «Родина» — 9,02 %. Не преодолели 5-процентного барьера «Яблоко» — 4,30 %, СПС — 3,97 %, Аграрная партия России — 3,64 %, «Российская партия пенсионеров и партия социальной справедливости» — 3,09 %, «Партия возрождения России — Российская партия жизни» — 1,88 %, «Единение» — 1,17 %.

² См. примечание 2 к документу № 80.

³ См. примечание 5 к документу № 22, примечание 6 к документу № 17 и примечание 9 к документу № 18.

⁴ Речь идет об Указе Президента РФ от 24 ноября 2003 г. и о создании, по инициативе М.М. Касьянова, Совета при Президенте РФ по борьбе с коррупцией и двух комиссий: Комиссии по противодействию коррупции и Комиссии по разрешению конфликта интересов. В январе 2004 г. Совет по борьбе с коррупцией возглавил М.М. Касьянов, однако 25 февраля 2004 г. правительство Касьянова было отправлено в отставку.

⁵ На выборах Президента Российской Федерации 14 марта 2004 г. В.В. Путин получил 71,31 % голосов избирателей.

№ 91. «О любви к родине не надо кричать»

¹ Беседа В.В. Путина и А.Н. Яковлева состоялась 2 ноября 2000 г.

² См. примечание 2 к документу № 80.

³ В отсутствие М.С. Горбачева и А.Н. Яковлева, которые находились с визитами соответственно в СФРЮ и Монголии, статья преподавателя химии Ленинградского технологического института Н.А. Андреевой «Не могу поступаться принципами» была перепечатана рядом республиканских и местных газет сразу же после ее публикации в «Советской России». 14 марта 1988 г. на совещании в ЦК с руководителями СМИ Е.К. Лигачев рекомендовал внимательно изучить этот «во всех отношениях замечательный документ». 24—25 марта 1988 г. состоялось заседание Политбюро, на котором с резкой критикой статьи выступили А.Н. Яковлев и Э.А. Шеварднадзе. 25 марта 1988 г. в заключительном слове М.С. Горбачев оценил статью как антиперестроечную. 5 апреля 1988 г. в «Правде» в виде редакционной статьи без подписи был опубликован санкционированный М.С. Горбачевым ответ — «Принципы перестройки: революционность мышления и действий» с критикой позиций, сформулированных в статье Н.А. Андреевой.

С 11 по 18 апреля 1988 г. М.С. Горбачев в три приема провел совещание с секретарями обкомов и ЦК нацкомпартий. «Формально в повестке дня — о подготовке XIX партконференции. На самом же деле — выяснение позиций в связи со статьей Нины Андреевой» (Черняев А.С. Шесть лет с Горбачевым. М., 1993. С. 209).

⁴ По свидетельству Н.Я. Петракова (помощника М.С. Горбачева в 1990—1991 гг.), «практически на каждом заседании Политбюро раздавались жесткие реплики, а то и просто ругань в адрес средств массовой информации (газет, радио, телевидения), в адрес демократов, Межрегиональной группы. У каждого участника этих заседаний были свои любимые сюжеты. Так, Александра Бирюкова постоянно призывала прикрыть газету «Московские новости». Все, что там писалось, вызывало ее раздражение. Секретарь ЦК Манаенков неоднократно требовал расследования, почему перед программой «Время» под традиционной заставкой с часами появляется реклама фирмы «Оливетти». Он считал, что это унижает достоинство страны и его лично. Егор Лигачев произносил гневные филиппики в адрес кооператоров, спекулянтов. Рыжков буквально вел досье по всем высказываниям в прессе в его адрес. Естественно, что большинство этих высказываний было не в его пользу. Он периодически требовал от Горбачева оградить его от нападков прессы. Лукьянов делал специальные подборки карикатур и заметок, посвященных непосредственно Горбачеву, и почти на каждом заседании передавал папочку с вырезками этих материалов. Часто на заседании Политбюро приглашался Ненашев, руководитель Гостелерадио, и выслушивал гневные упреки, а то и угрозы в свой адрес. Создавалось такое впечатление, что эти люди ничем другим не занимаются, кроме как непрерывно смотрят все телепередачи, читают все газеты и выискивают, что же пресса и телевидение пишут и говорят о них» (Петраков Н.Я. Русская рулетка: Экономический эксперимент ценю 150 миллионов жизней. М., 1998. С. 105).

⁵ См. примечание 3 к документу № 87.

№ 92. Историю надо знать

¹ Имеется в виду высадка 6 июня 1944 г. англо-американских войск в Нормандии и развертывание союзниками военных операций в Северо-Западной Франции.

² Речь идет о переговорах летом 1939 г. между СССР в лице В.М. Молотова, с одной стороны, и Францией и Великобританией — с другой, о заключении

политического и военного соглашения с целью противодействия германской агрессии. Одновременно СССР вел переговоры с Германией, которые завершились 23 августа 1939 г. заключением «пакта Молотова — Риббентропа», развязавшего Германии руки для нападения на Польшу, а затем и на другие страны Западной Европы. После подписания пакта переговоры с Францией и Великобританией были прекращены.

³ Решение о поставках по ленд-лизу — передаче в аренду или взаймы оружия и других товаров военного назначения со стороны Великобритании, США и Канады — было принято на Московской конференции 28 сентября — 1 октября 1941 г.

⁴ Корейская война 1950—1953 гг., начавшаяся с агрессии КНДР против Республики Корея, приобрела характер затяжного неофициального противоборства между СССР и США на Корейском полуострове. В конфликте участвовала, выполняя задачи прикрытия объектов и войск КНДР, советская истребительная авиация.

⁵ Речь идет, в частности, об отказе Екатерины II в удовлетворении просьбы британского короля Георга III об оказании помощи в борьбе с североамериканскими колониями — в частности, в письме от 23 сентября (4 октября) 1775 г. Целью данного шага императрицы было противодействие доминирующему торговому влиянию и морской экспансии Великобритании. Важным шагом стала также инициированная Екатериной Декларация о вооруженном нейтралитете 1780 г. (Россия, Пруссия, Дания, Норвегия, Швеция, Священная Римская империя, Португалия и Королевство Обеих Сицилий). Вплоть до образования этого блока, декларировавшего отказ от морской блокады восставших колоний, Россия рассматривалась как потенциальный союзник Великобритании.

№ 93. Кумир из «органов»

¹ Речь идет о 90-летнем юбилее Ю.В. Андропова, который состоялся 15 июня 2004 г.

² См. примечание 3 к документу № 2.

³ См. примечание 1 к документу № 62.

⁴ Вооруженное восстание в Венгрии под лозунгами демократизации началось 23 октября 1956 г., а в ночь на 24 октября в Будапешт были введены советские войска. После образования нового коалиционного правительства во главе с И. Надем войска были выведены из столицы. 1 ноября И. Надь заявил о восстановлении политического плюрализма и выходе Венгрии из ОВД, после чего, в ночь с 3 на 4 ноября 1956 г., советские войска были возвращены в Будапешт и началось жестокое подавление восстания по всей стране. События 1956 г. были охарактеризованы как «контрреволюционный мятеж», и лишь 30 января 1989 г. госминистр и член Политбюро ВСРП И. Пожгаи заявил о том, что это была не контрреволюция, а народное восстание. Во время венгерских событий Ю.В. Андропов был послом СССР в Венгрии.

⁵ О реорганизации КГБ в период после путча 1991 г. и до распада СССР см.: Бакатин В. Дорога в прошедшем времени. М., 1999. С. 287—309.

№ 94. Секретные протоколы

¹ См.: Фальсификаторы истории. (Историческая справка). М., ОГИЗ, Госполитиздат, 1948. Глава III. Изоляция Советского Союза. Советско-немецкий пакт ненападения. Ранее текст был распространен по каналам Советского информационного агентства как ответ на сборник документов, опубликован-

ный в начале 1948 г. Госдепартаментом США совместно с английским и французским министерствами иностранных дел под названием «Нацистско-советские отношения 1939—1941 гг.». Тираж «Фальсификаторов истории» составил 500 000 экз.

В СССР текст «дополнительного протокола» к пакту Молотова — Риббентропа от 23 августа 1939 г. был впервые опубликован в 1989 г. («Вопросы истории», 1989, № 6).

² Комиссия по политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г. и т.н. дополнительных протоколов к нему была образована постановлением Съезда народных депутатов СССР 2 июня 1989 г. в составе: А.Н. Яковлев — председатель комиссии, Ч.Т. Айтматов, Г.А. Арбатов, Л.А. Аругюнян, Ю.Н. Афанасьев, В.В. Быков, М.Г. Вульфсон, И.Н. Грязин, И.П. Друцэ, Г.И. Еремей, А.И. Казанник, И.Я. Кезберс, В.А. Коротич, В.А. Кравец, С.Б. Лавров, В.В. Ландсбергис, М.И. Лауристин, Э.Т. Липпмаа, Ю.М. Марцинкявичос, К.В. Мотека, Н.В. Нейланд, А.М. Ридигер, Э.Э. Сависаар, В.М. Фалин, В.И. Шинкарук, З.Л. Шличите. О работе комиссии, в частности, рассказал В.В. Ландсбергис в книге «Александр Яковлев: свобода — моя религия» (М., 2003. С. 198—206). Подробный рассказ о работе комиссии и роли А.Н. Яковлева содержится в статье В.А. Александрова «Сговор Сталина и Гитлера в 1939 году — мина, взорвавшаяся через полвека» («Вопросы истории», 1999, № 8); см. также изданную накануне II Съезда народных депутатов СССР брошюру «Альтернативы 1939 года. Документы и материалы» (М., 1989) и богатую воспоминаниями книгу «Балтийский путь к свободе. Опыт ненасильственной борьбы стран Балтии в мировом контексте» (Рига, 2006).

23 декабря 1989 г. на вечернем заседании II Съезда народных депутатов СССР А.Н. Яковлев выступил с сообщением о работе Комиссии и ее выводах, ответил на вопросы, после чего состоялось обсуждение проекта постановления и голосование. См.: II Съезд народных депутатов СССР 12—24 декабря 1989 г. Стенографический отчет. Том IV. М., 1990. С. 255—297.

24 декабря 1989 г. на утреннем заседании II Съезд народных депутатов СССР принял с поправками постановление «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.» (Всего проголосовало 1952, «за» — 1435, «против» — 251, воздержалось — 266.) Подробно о работе Комиссии и Съезда по этому вопросу см.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003. С. 415—419.

³ См. примечание 2 к документу № 80.

⁴ Речь идет о вооруженном мятеже «левых эсеров» 6—7 июля 1918 г. в Москве и ряде других городов, начавшемся во время работы 5-го Всероссийского съезда Советов. Целью мятежа был срыв заключенного большевиками Брестского мира. Мятеж был подавлен с помощью латышских военных частей.

№ 95. «Первая бархатная революция состоялась у нас»

¹ Речь идет об интервью заместителя главы Администрации Президента РФ В.Ю. Суркова «Комсомольской правде» от 28 сентября 2004 г. под названием «Путин укрепляет государство, а не себя», в котором он заявил о возникновении «в осажденной стране» «пятой колонны левых и правых радикалов».

² Речь идет о статье директора Федеральной службы РФ по контролю за оборотом наркотиков В.В. Черкесова в «Комсомольской правде» от 29 декабря 2004 г. под названием «Мода на КГБ?»

³ После трагедии 1—3 сентября 2004 г., когда в результате захвата террористами школы № 1 в г. Беслане (Северная Осетия) погибли сотни граждан, пре-

имущественно дети, Госдума 3 декабря 2004 г. приняла в третьем чтении президентские поправки в законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» и «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан РФ», которыми, в частности, отменялись прямые выборы губернаторов и вводилась система «наделения полномочиями» (т.е. утверждения законодательными собраниями в регионах кандидатов в губернаторы по представлению Президента РФ). Президент получил право распускать законодательные собрания, отклонившие представленных им кандидатов на пост губернатора. Федеральный Закон о внесении соответствующих изменений в законодательство был одобрен 8 декабря 2004 г. Советом Федерации, а 11 декабря 2004 г. подписан Президентом РФ.

№ 96. «Нам было не до Европы»

¹ См. примечание 8 к документу № 8.

² Организация Варшавского договора была ликвидирована 1 июля 1991 г. решением Политического консультативного комитета государств — участников блока в Праге.

³ В ночь на 13 января 1991 г. в Вильнюсе произошло столкновение штурмовавших телецентр бойцов подразделения КГБ «Альфа» и Советской Армии с мирными жителями города, пролилась кровь, было сообщено о 13 убитых и 144 раненых. После кровавых событий в Вильнюсе жители Риги 14 января 1991 г. приступили к охране госучреждений республики, в том числе радио и телевидения. 20 января бойцы рижского ОМОН совершили нападение на здание МВД, при этом были убиты и ранены несколько человек.

⁴ См. примечание 9 к документу № 1.

⁵ Речь идет об освобождении в октябре 1989 г. Э. Хонеккера от обязанностей председателя Госсовета и Генерального секретаря СЕПГ и избрании на эти посты Э. Кренца. 6—7 октября 1989 г. состоялся визит М.С. Горбачева в ГДР в связи с празднованием 40-летия образования республики, после которого встал вопрос о переизбрании Э. Хонеккера. 18 октября 1989 г. М.С. Горбачев направил приветственную телеграмму Э. Кренцу в связи с его избранием Генеральным секретарем ЦК СЕПГ. Э. Кренц прибыл в СССР 1 ноября 1989 г. (См. беседу М.С. Горбачева с Э. Кренцем: Михаил Горбачев и германский вопрос. Сб. документов. 1986—1991. М., 2006. С. 232.)

После отставки руководства СЕПГ 3 декабря 1989 г. председателем партии вместо Э. Кренца 10 декабря 1989 г. был избран Г. Гизи, СЕПГ была переименована в Партию демократического социализма. На выборах 18 марта 1990 г. в Народную палату победил «Альянс за Германию» (ХДС, Германский социальный союз и Демократическое движение), который набрал более 48 % голосов, ПДС набрала 16,33 % голосов.

⁶ Об обстоятельствах тюремного заключения Э. Кренца см. его интервью «Советской России» от 19 июня 2004 г. под названием «Или социализм, или варварство».

⁷ Речь идет о массовом выезде граждан ГДР в ФРГ, усилившемся после открытия 2 мая 1989 г. венгерско-австрийской границы. По оценкам, в конце августа количество беглецов доходило до пятисот человек в день. Кроме того, в июле 1989 г. граждане ГДР в массовом порядке начали обращаться в посольства ФРГ в Будапеште и Праге с просьбами о политическом убежище. Эти процессы в конечном счете привели к падению Берлинской стены 9 ноября 1989 г.

⁸ См. примечание 8 к документу № 86.

№ 97. Двадцать лет спустя

¹ См. примечание 4 к документу № 20.

² Речь идет об аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС, где А.Н. Яковлев учился в 1956—1960 гг. и защитил диссертацию на соискание степени кандидата исторических наук.

³ См. примечание 5 к документу № 22, примечание 6 к документу № 17 и примечание 9 к документу № 18.

⁴ См. примечание 12 к документу № 1 и примечание 13 к документу № 21.

⁵ См. примечание 10 к документу № 45.

⁶ См. примечание 14 к документу № 62.

⁷ См. примечание 9 к документу № 1.

⁸ См. примечание 4 к документу № 88.

⁹ Речь идет о принятом 26 мая 1988 г. законе «О кооперации».

¹⁰ См.: Александр Яковлев. Перестройка: 1985—1991. М.: МФД, 2008. С. 620—634.

¹¹ Речь идет о заявлениях ряда союзных республик о своей независимости в период августа — сентября 1991 г. после попытки государственного переворота (ГКЧП). 24 августа 1991 г. о своей независимости заявила Украина, 27 августа — Молдова и Беларусь, 30 августа — Азербайджан, 31 августа — Узбекистан и Киргизия, 9 сентября — Таджикистан, 23 сентября — Армения, 27 октября — Туркмения.

¹² Речь идет о состоявшейся в начале марта 2005 г. Ассамблее Форума мировой политики, посвященной теме «1985—2005: двадцать лет, изменившие мир» и проходившей в Турине (Италия) (блестящий и грустный обзор конференции написал О.Р. Лацис в статье «За что боролись?», опубликованной в газете «Русский курьер» от 10 марта 2005 г.). На форуме 4 марта 2005 г. выступил и А.Н. Яковлев.

¹³ В день 125-летия И.В. Сталина спикер нижней палаты Б.В. Грызлов, по сообщению агентства «Интерфакс» от 21 декабря 2004 г., заявил: «...Отмеряя различные исторические куски времени, меняется и отношение к этому незаурядному человеку. Безусловно, как лидер страны Сталин многое сделал во время Великой Отечественной войны. Он человек, который фактически был лидером в той “четверке”, которая впоследствии обсуждала вопросы и в Ялте и в Тегеране. Мы знаем, как уважаем он был со стороны всех. Те перегибы, как я считаю, которые были сделаны во внутренней политике, безусловно, его не украшают».

¹⁴ Речь идет о событиях в Украине в ноябре — декабре 2004 г., развернувшихся в ответ на фальсификацию результатов президентских выборов и получивших название «Оранжевой революции». В результате повторных выборов президентом страны был избран лидер оппозиции В.А. Ющенко.

¹⁵ Направленные В.В. Путину материалы предварило сопроводительное письмо А.Н. Яковлева от 14 июля 2003 г.:

«Президенту Российской Федерации
В.В. ПУТИНУ.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Поскольку у работников Администрации возникли какие-то трудности в организации встречи с Вами, о которой я попросил четыре месяца назад, обращаюсь к Вам письменно. Речь идет о серьезной проблеме, связанной с политической реабилитацией царской семьи. Глубоко убежден, что решение этого вопроса имело бы огромное нравственное и политическое значение.

Представляю Вам проекты соответствующих документов. Если Вы сочтете необходимым, готов дать необходимые пояснения.

Приложение: на 22 листах.

Председатель Комиссии при Президенте Российской Федерации
по реабилитации жертв политических репрессий,
академик РАН А.Н. Яковлев».

В состав направленных президенту документов входил проект соответствующего президентского указа и проект решения Комиссии по реабилитации:

«Рассмотрев вопрос “О реабилитации бывшего Российского императора Николая II (Романова Н.А.), его жены — Романовой А.Ф. и детей — Романова А.Н., Романовой О.Н., Романовой Т.Н., Романовой М.Н., Романовой А.Н.”, Комиссия решает:

1. Признать, что Российский император Николай II (Романов Н.А.), его жена — Романова А.Ф., их дети — Романов А.Н., Романова О.Н., Романова Т.Н., Романова М.Н., Романова А.Н. были подвергнуты политическим репрессиям в виде лишения прав и свобод, а затем и жизни без предъявления конкретных обвинений в совершении уголовных или административных противоправных деяний.

2. Учитывая, что репрессии против Романова Николая Александровича, Романовой Александры Федоровны, Романова Алексея Николаевича, Романовой Ольги Николаевны, Романовой Татьяны Николаевны, Романовой Марии Николаевны, Романовой Анастасии Николаевны носили политический характер, просить Президента Российской Федерации В.В. Пугина решить вопрос о политической реабилитации вышеуказанных граждан России.

Председатель Комиссии

А.Н. Яковлев» (Личный архив А.Н. Яковлева. Авторизованная машинопись).

¹⁶ См.: Яковлев А.Н. Сумерки. М., 2003.

№ 98. Родоначалник гласности — о контрреформах

¹ Речь идет о решениях, направленных на замену социальных льгот различных категорий граждан России денежной компенсацией, вылившихся в Федеральный закон от 22 августа 2004 г., который вступил в силу с 1 января 2005 г. «Монетизация льгот» вызвала в январе — феврале 2005 г. массовые акции протеста по всей стране, прежде всего со стороны пенсионеров и других малоимущих граждан.

² Речь идет об интервью Д.А. Медведева журналу «Эксперт», опубликованном 4 апреля 2005 г., в котором глава Администрации Президента РФ заявил, что, «если мы не сумеем консолидировать элиты, Россия может исчезнуть как единое государство».

³ Речь идет об очередном VIII Российском экономическом форуме, проходившем 10—12 апреля 2005 г. в Лондоне и собравшем около 2000 делегатов, главным образом из России. Главной целью форума было создание положительного имиджа России и привлечение иностранных инвестиций.

⁴ Речь идет о выставке «Осторожно, религия!», открывшейся 14 января 2003 г. в центре-музее им. Андрея Сахарова. 18 января 2003 г. был учинен погром и фактическое уничтожение экспозиции. В конечном счете решением Таганского суда г. Москвы от 28 марта 2005 г. наказание в виде крупного денежного штрафа понесли директор музея Сахарова Ю.В. Самодуров и сотрудница музея Л.В. Василевская, признанные виновными в разжигании религиозной и межнациональной розни.

⁵ Имеется в виду Указ Президента РФ от 23 июля 2003 г. «О мерах по проведению административной реформы в 2003—2004 гг.». В частности, предлагалось сокращение персонала министерств на 50 %, а также «укрупнение» ряда министерств и ведомств.

⁶ См. примечание 5 к документу № 81; примечание 3 к документу № 95.

⁷ См. примечание 17 к документу № 62.

№ 99. Власть опять спорит с историей

¹ См. примечание 2 к документу № 13.

² См. примечание 8 к документу № 8.

³ Речь идет прежде всего о секретном дополнительном протоколе к «Договору о ненападении между Германией и Советским Союзом» от 23 августа 1939 г., в котором стороны «обсудили в строго конфиденциальном порядке» вопрос о разграничении сфер обоюдных интересов в Восточной Европе, а фактически об аннексии Советским Союзом стран Балтии, части Польши и Бессарабии. См.: 1941. В двух книгах. М.: МФД, 1998. Книга вторая. С. 576—578. Подписание пакта Молотова — Риббентропа стало одним из важнейших факторов, развязавших гитлеровскую агрессию против стран Восточной и Западной Европы.

№ 100. «Это день, который мы ждали и приближали, как могли...»

¹ Показ 11-серийного фильма «Штрафбат» режиссера Н.Н. Досталю по сценарию Э.Я. Володарского начался на телеканале «Россия» в сентябре 2004 г.

² См. примечание 1 к документу № 38.

³ Речь идет о статье «Бой ведут балтийские автоматчики» в газете «Красный Балтийский флот» (газете Краснознаменного Балтийского флота) от 24 сентября 1942 г. и статье «Смелая атака» в газете «Красный флот» (органе Народного комиссариата Военно-морского флота) от 29 сентября 1942 г.

⁴ См. примечание 2 к документу № 92; примечания 1, 2 к документу № 94.

⁵ Речь идет о расстреле в апреле — мае 1940 г. органами НКВД около тридцати тысяч польских офицеров, взятых в плен осенью 1939 г. во время оккупации Красной Армией части территории Польши (западных областей Украины и Белоруссии), которая отошла СССР согласно секретным протоколам к пакту Молотова — Риббентропа. Основанием для этой акции стало Постановление Политбюро от 5 марта 1940 г., согласно которому поляки как потенциальные противники подлежали высшей мере наказания. Расстрел был произведен в Катынском лесу под Смоленском, куда поляков перевезли из Козельского лагеря для военнопленных. Останки были обнаружены немецкой армией 1 апреля 1943 г. Помимо Катыни, уничтожение польских офицеров производилось в Старобельском лагере, Осташковском лагере, тюрьмах Западной Украины и Белоруссии. Сам факт расстрела польских офицеров сотрудниками НКВД отрицался советской стороной вплоть до апреля 1990 г., когда президент СССР М.С. Горбачев признал ответственность советских властей за массовый расстрел польских военнослужащих в Катыни в 1940 г.

⁶ Празднование 9 мая в 2005 г. в г. Мирном (Якутия) ознаменовалось появлением на городской площади 30-летия Победы памятника И. Сталину, который был открыт по просьбе местных ветеранов и по инициативе мэра города А. Попова. На состоявшемся митинге его участники говорили, что считают Сталина «символом мощи» бывшего СССР.

Именной указатель

- АБАКУМОВ В.С. 255, 438,
АБАЛКИН Л.И. 206
АБРАМОВ Ф.А. 227
АВАЛИАНИ Т.Г. 62
АВЕРИНЦЕВ С.С. 395
АГАНБЕГЯН А.Г. 206
АГРАНОВ Я.С. 313
АДАМОВИЧ А.М. 157, 395
АДЖУБЕЙ А.И. 270
АДЖУБЕЙ Р.Н. 270
АДМИРАЛЬСКАЯ З.А. 311, 313
АЙТМАТОВ Ч.Т. 458
АКАЕВ А.А. 24
АКСЕНОВ А.Н. 410
АКСЕНОВ В.П. 291, 292, 445
АЛЕКСАНДР I 31
АЛЕКСАНДР II 31, 202, 205, 268
АЛЕКСАНДРОВ А.В. 448
АЛЕКСАНДРОВ В.А. 314
АЛЕКСАНДРОВ В.А. 458
АЛЕКСАНДРОВ-АГЕНТОВ А.М. 225
АЛЕКСЕЕВ С.С. 392, 401
АЛЕКСЕЙ МИХАЙЛОВИЧ ТИШАЙ-
ШИЙ 373
АЛИЕВ Г.А. 139, 329, 405, 414, 454
АЛИЕВ И.Г. 454
АЛЛИЛУЕВА С.И. 313
АЛЬБАЦ Е.М. 398
АНДРЕЕВ А.Н. 218
АНДРЕЕВ Л.Н. 190
АНДРЕЕВА Н.А. 7, 63, 345, 456
АНДРОПОВ Ю.В. 6, 62, 65, 129, 193, 247, 284,
287, 305, 306, 344, 349—351, 364, 394, 457
АНПИЛОВ В.И. 402
АНТОНОВ А.С. 202, 428
АНТОНОВ-ОВСЕЕНКО В.А. 232
АПТ С.К. 158
АРАКЧЕЕВ А.А. 31
АРАЛОВА Г. 199
АРАФАТ Я. 348
АРБАТОВ Г.А. 406, 458
АРИСТОТЕЛЬ 92, 136
АРТЕМ Ф.А. (Сергеев) 400
АРТУЗОВ А.Х. 313
АРУТЮНЯН Л.А. 458
АРХАНГЕЛЬСКАЯ Н. 272
АСНАР Х.М. 453
АСТАФЬЕВ В.П. 88, 175
АФАНАСЬЕВ А. 142
АФАНАСЬЕВ Ю.Н. 389, 458
АХМАДУЛИНА Б.А. 175
АХМАТОВА А.А. 386
АХРОМЕЕВ С.Ф. 431
АЯЦКОВ Д.Ф. 441
БАБИЧ Д.О. 236
БАБУРИН С.Н. 11, 17, 109, 178, 391
БАЗИХ М.Л. 222
БАЙТЕРЯКОВА А.А. (Яковлева) 95, 96, 126
БАКАТИН В.В. 113, 226, 421, 457
БАКЛАНОВ Г.Я. 175, 395, 406
БАКЛАНОВ О.Д. 382
БАЛЬЗАК О. ДЕ 331
БАНДУРА Ю.Н. 114, 139
БАРМАШ В.В. 218
БАРСУКОВ М.И. 420
БАСАЕВ Ш.С. 420
БАСИЛАШВИЛИ О.В. 381, 408, 409
БАТАРЧУК Б.А. 327
БАТКИН Л.М. 389
БЕЛОВ В.И. 227
БЕЛЯВСКИЙ Ю.И. 180
БЕЛЯЕВ А.А. 406
БЕЛЯЕВ С. 295
БЕН ЛАДЕН У. 348
БЕРДЯЕВ Н.А. 201
БЕРЕЗОВСКИЙ Б.А. 10, 236, 291—293, 315,
317, 318, 434, 435, 445, 451, 452
БЕРЗИН Я.А. 400
БЕРИША С.Р. 385
БЕРИЯ Л.П. 119, 164, 218, 223, 233, 258, 266,
305, 313, 314, 344, 433, 434, 438

- БЕРИЯ С.Л. 119
БЕРНШТЕЙН Э. 305
БЕССМЕРТНЫХ А.А. 421
БЖЕЗИНСКИЙ З. 25
БИККЕНИН Н.Б. 406
БИРЮКОВА А.П. 456
БЛАГОВОЛИН С.Е. 421
БОБКОВ Ф.Д. 55, 61, 270
БОГОМОЛОВ О.Т. 206
БОДРОВ С.С. 292, 445
БОЙКО М.В. 434, 435
БОЛДИН В.И. 64, 246, 287
БОЛОТОВ 87, 143, 144
БОНДАРЕНКО В.Г. 33
БОРИН А.Б. 81
БОРОДИН П.П. 435
БОФФА Д. 407
БРАГИН В.И. 103, 410
БРАГИНСКИЙ А.П. 84, 381, 404, 409
БРАЗАУСКАС А. 46, 91, 391, 405
БРАНДТ В. 388
БРЕЖНЕВ Л.И. 6, 37, 192, 193, 211, 225, 226, 287, 305, 306, 350, 378, 379, 435
БРЕЖНЕВ Ю.Л. 350
БРЕЖНЕВА Г.Л. 350
БРОДСКИЙ И.А. 245
БРЫНЦАЛОВ В.А. 429
БУБНОВ А.С. 400, 449
БУДЕННЫЙ С.М. 334
БУЛГАНИН Н.А. 435
БУНИЧ П.Г. 415
БУРБУЛИС Г.Э. 91, 92, 179, 384, 400
БУРЛАЦКИЙ Ф.М. 415
БУРТИН Ю.Г. 389
БУТРОС-ГАЛИ Б. 388
БУХАРИН Н.И. 305, 400, 444
БУШ ДЖ.У. 324, 355, 452
БУШИН В.С. 33
БЫКОВ В.В. 395, 458
БЫСТРИЦКАЯ Э.А. 408
БЭЭКМАН В.Э. 395
- ВАВИЛОВ А.П. 435
ВАЙНЕР А.А. 408, 454
ВАЙЦЕХОВСКАЯ Е.С. 210, 431
ВАНДЕНКО А.Е. 147
- ВАСИЛЕВСКИЙ А.М. 284
ВАСИЛОВСКАЯ Л.В. 461
ВАСИЛЬЕВ Б.Л. 395, 408
ВАСИЛЬЕВ Д.Д. 253, 323
ВЕЙМАРН А. 408
ВЕЛИХОВ Е.П. 95, 208, 406
ВЕРГАСОВ О.П. 406
ВЕРТ Н. 407
ВИЛЕНСКИЙ С.С. 451
ВИНОГРАДОВ Л.Я. 379
ВИРЕН Г.В. 85
ВИТТЕ С.Ю. 274
ВИШНЕВСКАЯ Ю.И. 386, 387
ВЛАДИМИРОВ Д.Г. 328
ВЛАДИМИРОВА Е. 426
ВЛАДИМОВ Г.Н. (Волосевич) 158
ВЛАДИНА К.В. 129
ВЛАСОВ А.А. 165, 421
ВЛАСОВ Ю.П. 429
ВОЕВОДА Ю.Е. 409
ВОЗНЕСЕНСКИЙ А.А. 175
ВОЙНОВИЧ В.Н. 158
ВОЛКОВ В.В. 438, 445, 447
ВОЛКОГОНОВ Д.А. 406
ВОЛОДАРСКИЙ Э.Я. 462
ВОЛОДИН Э.Ф. 33
ВОЛОШИН А.С. 451
ВОЛЬСКИЙ А.И. 15, 41, 44, 380, 381, 384, 385, 406
ВОЛЬТЕР (Мари Франсуа Аруэ) 31
ВОЛЬФ М. 360
ВОРОНИН Ю.М. 399
ВОРОНЦОВА Е.В. 452
ВОРОШИЛОВ К.Е. 313, 334, 435, 449
ВУЛЬФСОН М.Г. 458
ВЫЖУТОВИЧ В.В. 138
ВЫСОЦКИЙ В.С. 92
ВЫХОДЦЕВ 226
ВЯТКИН 303
- ГАЕР Е.А. 409
ГАЗМАНОВ О.М. 381
ГАЙДАР Е.Т. 10, 16, 44, 45, 91, 92, 177, 178, 186, 191, 194, 196, 268, 269, 338, 382, 385, 386, 389, 400, 410, 417, 423, 429, 438, 440, 446

- ГАЛИЧ А.А. 340
ГАМАРНИК Я.Б. 449
ГАМСАХУРДИЯ З.К. 24, 385
ГАРЦЕВ О.И. 445
ГАРШИН В.М. 245
ГДЛЯН Т.Х. 417
ГЕНЕРАЛОВ Б. 188
ГЕОРГ III 457
ГЕРБЕР А.Е. 438
ГИЗИ Г. 459
ГИТЛЕР А. (Шикльгрубен) 73, 227, 228, 311, 315, 347, 395, 437
ГОВОРУХИН С.С. 203, 292, 445
ГОГОЛЬ Н.В. 88, 129, 150, 160, 169, 186
ГОЛИК Ю.В. 59, 62, 399
ГОЛОВ А.Г. 415
ГОЛЬДАНСКИЙ В.И. 395
ГОР А. 443
ГОРБАЧЕВ М.С. 7—9, 12, 14, 18, 19, 28, 32, 35, 38, 39, 41—47, 54—56, 59—61, 63, 65—67, 74, 77, 78, 91, 95, 98, 113, 114, 137, 148, 149, 151, 160—162, 176, 178, 183, 186, 187, 193, 194, 198, 203—209, 236, 245—249, 254, 255, 259, 265, 267, 270, 274, 279, 283, 284, 286, 287, 290, 294—296, 304, 307—309, 326, 335, 337, 340—342, 344, 345, 352, 353, 359—365, 369, 371, 380, 382—389, 391, 393, 394, 398, 399, 403, 410, 411, 414, 415, 418, 421, 427, 428, 430, 436, 437, 447, 448, 453, 454, 456, 459, 462
ГОРБУНОВ А.В. 382
ГОРЬКИЙ А.М. 297, 327, 449
ГОРЯЧЕВ О. 160
ГРАНДОВА Е.В. 240
ГРАНИН Д.А. (Герман) 395
ГРАЧЕВ П.С. 335, 411
ГРИГОРЕНКО П.Г. 208
ГРЫЗЛОВ Б.В. 365, 366, 460
ГРЯЗИН И.Н. 458
ГУБАНОВ А.Г. 207, 214, 220, 230, 237, 278, 281, 294
ГУДКОВ Г.В. 448
ГУЛЬБИНСКИЙ Н.А. 283
ГУРНОВ А.Б. 387
ГУСЕЙНОВ Р.Д. 262
ГУСЕЛЕТОВ Б.П. 448
ГУСИНСКИЙ В.А. 434, 452
ДАНИЛЕВСКИЙ Ю.А. 388
ДАНИЭЛЬ Ю.М. 33, 386, 387
ДЕЙЧ М.М. 349
ДЕМЕНТЬЕВ А.Д. 454
ДЕМИЧЕВ П.Н. 225
ДЖАПАРИДЗЕ П.А. 400
ДЗЕРЖИНСКИЙ Ф.Э. 56, 216, 374, 400, 455
ДМИТРИЕВ А.А. 426
ДНЕПРОВ Э.Д. 128
ДОБРОДЕЕВ О.Б. 107, 387
ДОБРОЛЮБОВ Н.А. 119
ДОВЛАТОВ С.Д. 88
ДОЛГОЛАПТЕВ А.В. 406
ДОРЕНКО С.Л. 236
ДОРОФЕЕВ В.В. 73, 140, 177
ДОСТАЛЬ Н.Н. 462
ДОСТОЕВСКИЙ Ф.М. 26, 245, 270
ДРАННИКОВ В.Д. 270
ДРУЦЭ И.П. 395, 458
ДУБНОВ В.П. 296
ДУБЧЕК А. 192, 427
ДУГИН А.Г. 454
ДУДАЕВ Д.М. 420
ДУДИНЦЕВ В.Д. 395
ДУМБАДЗЕ Н.В. 88
ДЫБЕНКО П.Е. 313
ДЭН СЯОПИН 285
ЕВЛАХОВ А.А. 25
ЕВТУШЕНКО Е.А. 93, 185
ЕГОРОВ А.И. 313
ЕЖОВ Н.И. 222, 301, 312, 313, 314
ЕКАТЕРИНА II 31, 373, 457
ЕЛЬЦИН Б.Н. 8, 9—11, 17, 38, 41—44, 47, 56, 57, 62, 66—68, 71, 72, 75, 78, 98, 111, 112, 114, 117, 118, 124, 131, 137, 140, 149, 150, 157, 161—164, 180, 183, 185—187, 200, 203, 207, 227, 240, 249, 255, 265, 269, 278, 282, 284, 289—291, 295, 301, 307, 309, 315, 327, 335, 338, 340—342, 344, 353, 380, 383—385, 387—389, 391, 392, 394, 399—408, 411, 412, 415—419, 422—424, 426—429, 432, 435, 437—439, 443, 451, 453
ЕРЕМЕЙ Г.И. 458
ЕРИН В.Ф. 411, 420

- ЖДАНОВ А.А. 313, 449
ЖЕЛЕЗНОВА Н.Л. 256
ЖИВКОВ Т. 359
ЖИРИНОВСКИЙ В.В. 30, 108, 123, 124, 159, 181, 255, 267, 409—412, 428, 438, 440, 443
ЖУКОВ А.Д. 370
ЖУКОВ Г.К. 164, 201, 258, 266, 284, 333, 444
ЖУКОВ Е.М. 397
ЖУРАВСКИЙ В.Д. 447
ЖУРИН А.Я. 174
- ЗАВЕРЮХА А.Х. 140
ЗАМЯТИН Л.М. 383
ЗАМЯТИНА Т.Н. 346
ЗАСЛАВСКИЙ И.И. 389
ЗАТУЛИН К.Ф. 406
ЗВЕРЕВ А.О. 101
ЗИНОВЬЕВ Г.Е. 400
ЗОЛОТОВ Г.И. 425
ЗОРЬКИН В.Д. 67, 68, 399
ЗЮГАНОВ Г.А. 56, 109, 201, 227, 238, 262, 264, 282, 285, 428, 429, 435, 438
- ИВАН IV ГРОЗНЫЙ 31, 36, 175, 205, 268, 391, 397
ИВАНИДЗЕ В.Л. 388
ИВАНОВ А.А. 395
ИВАНОВ С.Б. 356
ИГНАТЕНКО В.Н. 406, 413
ИГНАТЬЕВ А.А. 425
ИИСУС ХРИСТОС 26
ИЛЬИЧЕВ Л.Ф. 242, 243, 271
ИЛЮХИН В.И. 273, 443
ИОФФЕ А.А. 400
ИСАКОВ В.Б. 178
ИСКАНДЕР Ф.А. 88, 395, 408
- ЙОРДАН Б.А. 452
- КАГАН Ю.М. 406
КАГАНОВИЧ Л.М. 164, 257, 258, 266, 313, 314, 435, 438
КАЗАЕВ К.Т. 450
КАЗАКОВ А.И. 434
КАЗАКОВА Т.Д. 431
- КАЗАННИК А.И. 458
КАЗАНЦЕВ М.К. 375
КАЛАШНИКОВ С.В. 426
КАЛАШНИКОВА М.И. 359
КАЛИНИН М.И. 221
КАЛМЫКОВ Ю.Х. 140, 392
КАЛУГИН О.Д. 64, 113, 394
КАМАКИН А. 362
КАМЕНЕВ Л.Б. 400
КАНТ И. 90
КАРИМОВ И.А. 269, 329, 405
КАРПОВ А.Е. 211
КАРПОВ В.А. 454
КАРЦЕВ А.С. 131
КАРЯКИН Ю.Ф. 381
КАСПАРОВ Г.К. 211
КАСТРО Ф. 242
КАСЬЯНОВ М.М. 451, 455
КАТЫШЕВА Л.Н. (Яковлева) 5, 146
КАФКА Ф. 298
КЕБИЧ В.Ф. 196
КЕДРОВ М.С. 220
КЕЗБЕРС И.Я. 458
КЕННАН ДЖ.Ф. 397
КИБИРОВ Т.Ю. 158
КИВЕЛИДИ И.Х. 381, 415
КИМ ЕН САМ 423
КИМ ИР СЕН 177
КИРИЕНКО С.В. 439, 440, 446
КИРИЛЕНКО А.П. 65, 225, 226, 273
КИРОВ С.М. 218, 231, 449
КИРПОНОС М.П. 334
КИСЕЛЕВ А.С. 400
КИСЕЛЕВ Д.К. 112, 387
КИСЕЛЕВ Е.А.
КИШЕНИН В.Н. 448
КЛИМОВ В. 163
КЛИНТОН Б. 453
КОВАЛЕВ А.Г. 352
КОВАЛЕВ С.А. 423, 429, 438
КОВАЛЕНКО О. 76
КОЗЛОВСКИЙ А.Н. 220
КОЛБИН Г.В. 436
КОЛЕСНИКОВ М.П. 411
КОЛЕСНИКОВА Е.Б. 31

- КОЛЛОНТАЙ А.М. 400
КОЛЧАК А.В. 129
КОЛЧИНСКИЙ М.И. 195
КОЛЬ Г. 361, 388
КОН РО МЕН 423
КОНДРАТЕНКО Н.И. 255, 261, 273, 438, 439, 442
КОНДРАТЬЕВ В.Л. 395
КОНРАДИ П. 411
КОНСТАНТИНОВ И.В. 11, 391, 402
КОРАБЕЛЬНИКОВА О. 291
КОРОЛЕВ А.В. 158
КОРОТИЧ В.А. 133, 136, 414, 458
КОСИОР С.В. 313
КОСТИКОВ В.В. 340
КОСТЮКОВ А.Е. 335
КОСЫГИН А.Н. 7, 136, 192, 211, 344, 431
КОСЫГИНА Л.А. 212
КОХ А.Р. 236, 434, 435, 452
КРАВЕЦ В.А. 458
КРАВЧЕНКО Г.И. 431
КРАВЧЕНКО Л.П. 43, 387, 410
КРАВЧУК Л.М. 196
КРАСАВЧЕНКО С.Н. 381, 433, 438
КРЕНЦ Э. 361, 459
КРЕСТИНСКИЙ Н.Н. 400
КРИЧЕВСКИЙ А.М. 275
КРОПОТКИН П.А. 218
КРОТКОВ Б.А. 424
КРУКОВСКИЙ В.С. 374
КРУЧИНА 223
КРЮЧКОВ В.А. 37—39, 54—56, 59—65, 89, 113, 161, 194, 226, 231, 249, 269, 326, 335, 351, 361, 362, 365, 380, 382, 393, 394, 397—399, 411, 421, 454
КУДРЯВЦЕВ В.Н. 395
КУЗНЕЦОВ А. 177
КУЗНЕЦОВ Н.Е. 121, 122
КУЗОВЛЕВА Т.В. 395
КУИН-ДЖАДЖ П. 386
КУЛИКОВ А.С. 420
КУЛИКОВ Л.В. 447
КУЛИСТИКОВ В.М. 452
КУНАЕВ Д.А. 436
КУНЯЕВ С.Ю. 33
КУПРИЯНОВ Г.Н. 349
КУПЦОВ В.А. 56
КУРСКИЙ Д.И. 218
КУШНЕР А.С. 183
ЛАВРОВ С.Б. 458
ЛАВРОВСКАЯ А.Ф. 222
ЛАВУАЗЬЕ А.Л. 315
ЛАЗУТКИН В.В. 413, 426
ЛАНДСБЕРГИС В.В. 40, 458
ЛАПИН С.Г. 410
ЛАПТЕВ И.Д. 415
ЛАПШИН М.И. 409
ЛАРИН С.И. 158
ЛАУРИСТИН М.Й. 458
ЛАЦИС О.Р. 292, 445, 460
ЛЕБЕДЕВ В.С. 270
ЛЕБЕДЬ А.И. 252, 269, 420, 428, 429, 437
ЛЕНИН (Ульянов) В.И. 26, 89, 90, 117, 142, 198, 218, 220, 226, 231, 232, 234, 235, 238, 240, 243, 258, 260, 273, 285, 304, 332, 334, 335, 351, 355, 357, 363, 369, 371, 374, 400, 422
ЛЕОНТЬЕВ В.Б. 445
ЛЕПСКИЙ Ю.М. 242, 251, 262
ЛЕРМОНТОВ М.Ю. 87, 129, 186, 372
ЛИ О.А. 177
ЛИГАЧЕВ Е.К. 7, 19, 33, 61, 63, 131, 132, 135, 136, 193, 203, 246, 266, 287, 344, 364, 386, 456
ЛИМОНОВ Э.В. 57
ЛИПИЦКИЙ В.С. 415
ЛИППМАА Э.Т. 352, 458
ЛИПСКИЙ А.Е. 356, 372
ЛИСТЬЕВ В.Н. 10, 149, 151, 159, 160, 180, 420, 426
ЛИХАЧЕВ Д.С. 395
ЛОБАНОВА Н.А. 67, 95, 157
ЛОМАКИН С.Л. 156, 418
ЛОМОВ Г.И. 400
ЛОШАК В.Г. 105
ЛУЖКОВ Ю.М. 269, 411, 441, 455
ЛУКАШЕНКО А.Г. 227
ЛУКЪЯНОВ А.И. 66, 161, 249, 306, 398, 456
ЛУЧИНСКИЙ П.К. 269
ЛЫСЕНКО А.Г. 413
ЛЫСЕНКО В.Н. 381, 417

- ЛЫСОВ 166
ЛЮБИМОВ А.М. 156
ЛЮБИМОВ М.П. 26
ЛЮБИМОВ Ю.П. 291, 292, 445
ЛЯПИН А.П. 396
- МАЕВИЧ А.П. 437
МАЗУРОВ К.Т. 192
МАКАШОВ А.М. 59, 62, 265, 267, 269, 273, 391, 398, 399, 402, 439, 440, 442
МАКСИМОВ А.М. 183
МАКСИМОВ В.А. 343
МАЛЕНКОВ Г.М. 257, 258, 266, 435, 438
МАМАРДАШВИЛИ М.К. 25
МАНАЕНКОВ Ю.А. 456
МАРКОВИН Ю.Б. 451
МАРКС К. 25, 26, 49, 89, 90, 129, 198, 203, 226, 273, 305, 363
МАРКУЗЕ Г. 65
МАРТОВ Л. (Цедербаум Ю. О.) 422
МАРТЫНОВ В.В. 413
МАРТЫНЮК 401
МАРЦИНКЯВИЧЮС Ю.М. 458
МАРЧУК Г.И. 209
МАСЛЮКОВ Ю.Д. 249, 269, 439
МАСХАДОВ А.А. 420
МАЯКОВСКИЙ В.В. 202
МЕДВЕДЕВ (Кудрин) М.А. 242, 243
МЕДВЕДЕВ В.А. 7, 206
МЕДВЕДЕВ Д.А. 461
МЕДВЕДКОВА Е.М. 440, 445, 448
МЕЙДЖОР ДЖ. 56
МЕНЬШИКОВ О.Е. 292, 445
МЕНЬШОВ В.В. 454
МИКОЯН А.И. 66, 370
МИЛЮТИН В.П. 400
МИРОНЕНКО В.И. 406, 447
МИРОНОВ Б.С. 411
МИРОНОВ О.О. 438
МИРОНОВ Ф.К. 257, 266, 408
МИТКОВА Т.Р. 112, 387
МИТРОФАНОВ А. 263
МИТТЕРАН Ф. 388
МИХАЙЛОВ Н.Н. 63
МИХАЙЛОВСКАЯ К.Н. 116
МИХАЙЛОВСКИЙ К. 319
- МИХАЛКОВ Н.С. 441
МИХАЛКОВ С.В. 273, 448
МЛЕЧИН Л.М. 405, 443
МОЛОДЦОВА В.Н. 120
МОЛОТОВ В.М. 47, 164, 257, 258, 260, 266, 273, 313, 333, 352, 353, 373, 379, 391, 435, 438, 449, 456—458, 462
МОРОЗ О.П. 304
МОРОЗОВ Г. 67
МОРУТИНА Е.С. 121
МОСКОВСКИЙ В.П. 309
МОСЛИ Ф. 397
МОСТОВОЙ П.П. 434
МОТЕКА К.В. 458
МОТЯШОВ В.П. 45, 167
МОЦАРТ В.-А. 26, 175
МУРАНОВ М.К. 400
МУРАШЕВ А.Н. 42
МУССОЛИНИ Б. 30
МУТАЛИБОВ А.Н. 24, 139
- НАДЖАРОВ А.Р. 37, 114
НАДЬ И. 457
НАЗАРБАЕВ Н.А. 24, 269, 329, 405
НЕИЗВЕСТНЫЙ Э.И. 254, 303, 450
НЕЙЛАНД Н.В. 458
НЕКРАСОВ Н.А. 86
НЕКРУТЕНКО В.Ю. 440
НЕМЦАНОВ С.В. 212
НЕМЦОВ Б.Е. 269, 434, 440, 446
НЕНАШЕВ М.Ф. 410, 456
НИКОЛАЕВ А.И. 414
НИКОЛАЙ II (Романов Н.А.) 242, 260, 274, 461
НИКОНОВ В.П. 345
НИ-ЛИ Г.П. 22
НИЦШЕ Ф. 90
НИЯЗОВ С.А. 329, 405
НОГИН В.П. 400
НОСТРАДАМУС М. 202, 244
НУЙКИН А.А. 395
НЬЮТОН И. 26
- ОВЕЧКИН В.В. 227
ОЗЕРОВ Н.Н. 211, 213
ОКУДЖАВА Б.Ш. 92, 175, 254, 395
ОЛЕЙНИК Б.И. 137, 414

- ОЛЬШАНСКИЙ Д.В. 384
ОРУЭЛЛ ДЖ. 372
ОСКОЦКИЙ В.Д. 395
ОСТАЛЬСКИЙ А.В. 19
ОЧИРОВ В.Н. 431
- ПАВЛОВ В.С. 326, 361, 380, 382, 421, 454
ПАВЛОВСКИЙ 146
ПАВЛОВСКИЙ Г.О. 412
ПАК ЧЖОН ХИ 176
ПАНКИН Б.Д. 225
ПАСЬКО Г.М. 299, 449
ПАТРУШЕВ Н.П. 327, 346, 454
ПАЦИЯ В.Я. 68
ПЕРВУХИН М.Г. 435
ПЕТР I ВЕЛИКИЙ 36, 175, 205, 268, 373
ПЕТРАКОВ Н.Я. 161, 380, 406, 456
ПЛАТОВ В.И. 440
ПОДБЕРЕЗКИН А.И. 11, 447, 448
ПОДГОРНЫЙ Н.В. 193
ПОЖГАИ И. 457
ПОКРЫШКИН А.И. 347
ПОЛЕВОЙ Б.Н. 301
ПОЛИКАРПОВ Н.А. 431
ПОЛИТКОВСКИЙ А.В. 139, 156
ПОЛТОРАНИН М.Н. 151, 179, 408, 409, 411
ПОЛЯКОВ Ю.М. 454
ПОЛЯНСКИЙ Д.С. 136
ПОНАРИНА Е.А. 14
ПОНОМАРЕВ Л.А. 389, 446
ПОПЛАВСКАЯ Е.Ю. 177
ПОПОВ А. 462
ПОПОВ В.Г. 158
ПОПОВ Г.Х. 10, 15, 142, 161, 177, 380, 381, 409, 415, 417
ПОПЦОВ О.М. 158, 160, 413, 420
ПОЧИВАЛОВ Л.В. 233
ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ Е.А. 400
ПРИМАКОВ Е.М. 11, 186, 265, 269, 279, 280, 282, 411, 421, 439, 441, 443
ПРИСТАВКИН А.И. 395
ПРОДИ Р. 453
ПРОСЕЛКОВ 145
ПРОСТЯКОВ П.А. 406
ПРОХАНОВ А.А. 33
- ПУГАЧЕВ Е.И. 91, 275
ПУГО Б.К. 326, 361, 382, 421, 454
ПУМПЯНСКИЙ А.Б. 406
ПУТИН В.В. 11, 282, 289—295, 311, 315—318, 324—326, 339—344, 356, 441, 443—448, 450, 452—456, 458, 460, 461
ПУШКИН А.С. 26, 178
- РАДЗИХОВСКИЙ Л.А. 386, 387
РАДУЕВ С.Б. 420
РАЗГОН Л.Э. 395, 408
РАЗИН С.Т. 91, 275
РАШИДОВ Ш.Р. 6, 226
РЕЙГАН Р. 7, 176, 360, 453
РИББЕНТРОП И. 47, 260, 333, 353, 373, 379, 391, 457, 458, 462
РИДИГЕР А.М. 458
РО ДЭ У 176
РОБЕСПЬЕР М. 315
РОГДАЕВ Н.И. 218
РОДЕН О. 256
РОЖДЕСТВЕНСКИЙ Р.И. 175
РОЙТМАН И.Б. 415
РОКОССОВСКИЙ К.К. 284
РОМАНЕНКО А.З. 33
РОМАНОВ А.Н. 461
РОМАНОВ Н.А. (Николай II) 461
РОМАНОВА А.Н. 461
РОМАНОВА А.Ф. 461
РОМАНОВА М.Н. 461
РОМАНОВА О.Н. 461
РОМАНОВА Т.Н. 461
РОСТОВ Ю.И. 387
РОСТОВА Н.В. 311
РОХЛИН Л.Я. 441
РУБЛЕВА Е. 35
РУДЕНКО-ДЕСНЯК А.А. 186, 423
РУДЗУТАК Я.Э. 222
РУЗВЕЛЬТ Ф.Д. 6, 39, 347
РУЛЕВА Е. 275
РУМЯНЦЕВ О.Г. 44
РУЦКОЙ А.В. 17, 67, 68, 380, 381, 383, 384, 399, 404
РЫБКИН И.П. 11, 180, 295, 296, 402, 415, 416, 424, 446

- РЫЖКОВ В.А. 441
РЫЖКОВ Н.И. 161, 193, 246, 287, 338, 339, 380, 456
РЫКОВ А.И. 400, 444
- СААКАШВИЛИ М.Н. 454
САБУРОВ М.З. 435
САВЕЛЬЕВ В.С. 395
САВИНКИН Н.И. 386
САВИНКОВ Б.В. (Ропшин) 413
САВИСААР Э.Э. 458
САДУР Е.О. 158
САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН М.Е. 45, 356, 370
САЛЬЕ М.Е. 389, 446
САЛЬЕРИ А. 175
САЛЬНИКОВА Е.В. 287
САМАРИНА А.Я. 302, 367
САМОДУРОВ Ю.В. 461
САРЫЧЕВ А.Н. 409
САТАРОВ Г.А. 438
САХАРОВ А.Д. 40, 192, 207—210, 349, 369, 429, 430, 461
СВЕРДЛОВ Я.М. 400
СЕЛЕЗНЕВ Г.Н. 11, 269, 282, 296, 448, 449
СЕЛЮНИН В.И. 33, 386
СЕМИГИН Г.Ю. 448
СЕМИЧАСТНЫЙ В.Е. 333
СЕРВАНТЕС С.М. ДЕ 186
СЕРГАЗИЕВА Р.Л. 79
СИЛАЕВ И.С. 380
СИМАНОВИЧ Г.С. 103
СИМОНОВ К.М. 175
СИНЯВСКИЙ А.Д. 33, 386, 387
СИСНЁВ В.И. (Самарин) 54
СКОКОВ Ю.В. 411, 412
СКРЫПНИК Н.А. 313, 400
СЛАВИН Б.Ф. 448
СМИЛГА И.Т. 400
СМИРНОВ В.М. 409
СМИРНОВ И.П. 381
СМИРНОВА Н.И. (Яковлева) 5, 13, 96
СОБЧАК А.А. 10, 15, 77, 161, 380, 381, 392, 401, 409
СОКОЛОВ М.Ю. 389
СОКОЛОВСКИЙ В. 397
СОКОЛЬНИКОВ Г.Я. 400
- СОЛАНА Х. 453
СОЛЖЕНИЦЫН А.И. 192, 208, 270—272, 349, 441, 442
СОЛОВЬЕВ В. 20
СОЛОВЬЕВ В.С. 255
СОЛОМЕНЦЕВ М.С. 246, 364, 427
СОЛОМОНОВ Ю.Б. 224
СОЛОМОНОВА О.Б. 267, 289
СОРОС ДЖ. 434
СОСКОВЕЦ О.Н. 411
СОФРОНОВ А.В. 226
СПЕРАНСКИЙ М.М. 31
СПИРИДОНОВА М.А. 216
СТАЛИН И.В. (Джугашвили) 6, 22, 27, 69, 70, 86, 89, 113, 144, 161, 163—165, 174—176, 196, 201, 202, 205, 218, 231—235, 238, 240, 241, 245, 258—261, 270, 273, 274, 283—286, 294, 296, 301—305, 311—316, 328, 330—332, 334, 341, 342, 344, 347, 348, 354, 356, 357, 365, 366, 368, 372—374, 376—379, 385, 395, 400, 425, 435, 444, 449, 454, 460, 462
СТАРКОВ В.А. 109
СТАРОДУБЦЕВ В.А. 382
СТАСОВА Е.Д. 400
СТЕЛЬМАКОВ Б.Г. 406
СТЕПАКОВ В.И. 6
СТЕПАНКОВ В.Г. 67, 399
СТЕПАНОВА 223
СТЕПАШИН С.В. 280, 411, 420, 443, 444
СТОЛЫПИН П.А. 264, 268, 274
СТРОЕВ Е.С. 269
СТУПАРЬ С.К. 96
СУВОРОВА Т.Н. (Яковлева) 5, 146
СУДОПЛАТОВ П.А. 314, 451
СУРКОВ А.П. 447
СУРКОВ В.Ю. 458
СУСЛОВ М.А. 6, 226, 271, 273, 301, 349
- ТАБАКОВ О.П. 350
ТАРАСОВ А.В. 211, 212
ТВАРДОВСКИЙ А.Т. 270, 271, 334, 441
ТЕРНЕР Т. 425
ТИЗЯКОВ А.И. 382
ТИТОВ К.А. 11, 295, 296, 409, 440, 445—448
ТОЛСТОЙ Л.Н. 372, 373
ТОМСКИЙ М.П. 444
ТРАВКИН Н.И. 140, 384, 417

- ТРОЦКИЙ Л.Д. (Бронштейн) 234, 285, 400
ТРЮДО М. 212
ТРЮДО МИХ. 212
ТРЮДО П.Э. 7, 212, 213, 272, 351, 431
ТРЮДО С. 212
ТРЮДО У. 212
ТУЛЕЕВ А.М. 429
ТУХАЧЕВСКИЙ М.Н. 202, 405, 428
- УМАЛАТОВА С.З. 59, 62, 109, 399
УМАНСКАЯ Т.А. 13
УРИЦКИЙ М.С. 400
УСОВА Л.Г. 183
УСТИНОВ Д.Ф. 305
УШАЦКАЯ Н.А. (Яковлева) 5, 13, 67, 96, 132, 157
УШАЦКИЙ П.Б. 67
- ФАЛИН В.М. 458
ФЕДОРОВ Б.Г. 179, 416, 440
ФЕДОРОВ Е.А. 409
ФЕДОРОВ С.Н. 44, 142, 381, 409, 415, 416, 429, 449
ФЕДОСЕЕВА-ШУКШИНА Л.Н. 423
ФЕЙХТВАНГЕР Л. 327
ФИЛАТОВ С.А. 408, 415, 416, 447
ФИЛИМОНОВ Д.В. 253
ФЛЯРКОВСКИЙ В.П. 387
ФОМЕНКО А.Т. 285
ФОРД Р. 84
ФРАНЦЕВ Г.П. 271
ФРИНОВСКИЙ М.П. 304
ФУЛБРАЙТ ДЖ. У. 355, 395, 396
- ХАЗАНОВ Г.В. 306
ХАЙЕК Ф. ФОН 25
ХАКАМАДА И.М. 440, 446
ХАРИЧЕВ И.А. 445, 447
ХАРЛАМОВ В.Б. 212
ХАРХАРДИН И.В. 218
ХАСБУЛАТОВ Р.И. 17, 67, 68, 71, 162, 381, 402
ХАТТАБ УМАР ИБН АЛЬ 444
ХИЖА Г.С. 415
ХИМЕНЕС Х. 204
ХОЛОДНАЯ В.В. 117
- ХОЛОПОВ Г.В. 123
ХОНЕККЕР Э. 359, 361, 459
ХОСКИНГ Д. 407
ХОХЛОВ С.А. 392
ХРУЩЕВ Н.С. 36, 89, 113, 175, 187, 192, 241, 242, 243, 258, 264, 270, 284, 305, 333, 344, 353, 396, 404, 435
ХРУЩЕВА Н.П. 270
- ЦИПКО А.С. 18, 25, 454
ЦОЙ А.Э. 454
ЦЫГАНОВ А.А. 160
- ЧАКОВСКИЙ А.Б. 190, 225
ЧАУШЕСКУ Е. 359
ЧАУШЕСКУ Н. 359
ЧЕБРИКОВ В.М. 55, 61, 113, 209, 226, 365
ЧЕКАЛОВА Е.Л. 105
ЧЕПОРОВ Э.А. 59
ЧЕРВОНОПИСКИЙ С.В. 430
ЧЕРКЕСОВ В.В. 356, 357, 458
ЧЕРНЕНКО К.У. 192, 193, 204, 287, 306, 428
ЧЕРНИЧЕНКО Ю.Д. 177, 185, 186, 395, 415, 446
ЧЕРНОМЫРДИН В.С. 11, 109, 114, 117, 118, 158, 167, 411, 416, 422, 423, 439, 441
ЧЕРНОУЦАН И.С. 270, 441
ЧЕРНЫШЕВ А.И. 211, 212
ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н.Г. 119
ЧЕРНЯЕВ А.С. 456
ЧЕРЧИЛЛЬ У. 284, 347
ЧЕХОВ А.П. 88, 116, 190
ЧИКИН В.В. 135
ЧИРКОВ Ю.Г. 203
ЧУБАЙС А.Б. 91, 92, 268, 269, 338, 400, 405, 429, 434, 435, 440, 446, 451
ЧУБАРЬ В.Я. 313
ЧУБАРЬЯН А.О. 433
ЧУВАЕВ П.Н. 123
ЧУРБАНОВ Ю.М. 119
- ШАБАЛИН М.Г. 53
ШАБДУРАСУЛОВ И.В. 292, 445
ШАЙМИЕВ М.Ш. 441
ШАККУМ М.Л. 429

- ШАПОШНИКОВ Б.М. 165
 ШАПОШНИКОВ Е.И. 381, 414
 ШАРИПОВ С.Г. 381
 ШАТАЛИН С.С. 8, 15, 206, 380, 381, 406, 415
 ШАУМЯН С.Г. 400
 ШАУРО В.Ф. 386
 ШАХРАЙ С.М. 140, 141, 401, 409, 417
 ШВАРЦ Е.Л. 83
 ШЕВАРДНАДЗЕ Э.А. 8, 14, 15, 19, 26, 177, 198, 269, 329, 353, 360, 361, 380, 381, 385, 386, 388, 405, 454, 456
 ШЕВЦОВ О.В. 43
 ШЕЙНИС В.Л. 13, 392, 393, 399, 402
 ШЕКСПИР У. 186
 ШЕЛЕПИН А.Н. 6, 271
 ШЕЛЕСТ П.Е. 6, 191, 193, 226
 ШИЛОВ Ю.Т. (Ю.Ш.) 244
 ШИНКАРУК В.И. 458
 ШИПИТЬКО Г.И. 426
 ШИРВИНДТ А.А. 454
 ШЛИЧИТЕ З.Л. 458
 ШМЕЛЕВ Н.П. 142, 206, 381, 415
 ШОЙГУ С.К. 441
 ШОЛОХОВ М.А. 88, 226
 ШОСТАКОВСКИЙ В.Н. 381, 384, 406, 417
 ШОХИН А.Н. 140, 400
 ШТЕМЕНКО С.М. 284
 ШУЛЬГАН К. (Schulgan Chr.) 5, 441
 ШУЛЬЦ ДЖ. 176
 ШУМЕЙКО В.Ф. 411
 ШУМЯЦКАЯ Е.Н. (Яковлева) 5

 ЩЕПКИН В.Г. 101
 ЩУПЛОВ А.Н. 157

 ЭЙЗЕНХАУЭР Д. 396
 ЭЙХЕ Р.И. 313

 ЭЛЬ-РЕГИСТАН Г.Г. 448
 ЭЛЬЧИБЕЙ А. (Алиев А.К.) 385, 415
 ЭНГЕЛЬС Ф. 26, 226, 305
 ЭРЕНБУРГ И.Г. 376

 Ю.Ш. (Шилов Ю.Т.) 244
 ЮДЕНИЧ Н.Н. 304
 ЮМАШЕВ В.В. 233, 432
 ЮЩЕНКО В.А. 460
 ЮШЕНКОВ С.Н. 389, 406

 ЯВЛИНСКИЙ Г.А. 8, 18, 44, 161, 179, 186, 206, 207, 268, 269, 274, 380, 408, 409, 416, 417, 429, 439, 440, 446
 ЯГОДА Г.Г. 221, 231, 313
 ЯЗОВ Д.Т. 39, 65, 135, 326, 361, 380, 382, 454
 ЯКОВЕНКО И.А. 180, 426
 ЯКОВЛЕВ А.А. 5, 13, 67, 96, 157
 ЯКОВЛЕВ В.А. 441
 ЯКОВЛЕВ Е.В. 116, 133, 406, 410, 412, 414, 418, 420
 ЯКОВЛЕВ К.Ф. 5
 ЯКОВЛЕВ НАЛ. 5, 85, 86, 113, 121, 122, 133, 145, 146, 158, 187, 203, 375
 ЯКОВЛЕВ НАН. 67, 95
 ЯКОВЛЕВ С.А. 67, 126, 188
 ЯКОВЛЕВА А.М. (Ляпушкина) 5, 85, 86, 121, 122, 127, 133, 146, 158, 187, 203, 375
 ЯКОВЛЕВА В.Н. 400
 ЯКОВЛЕВА Н.И. (Смирнова) 5, 13, 96, 107, 425
 ЯКУНИН Г.П. 389, 446
 ЯКУШЕВ А.С. 214
 ЯНАЕВ Г.И. 382, 421
 ЯРОВ Ю.Ф. 238, 435
 ЯСИН Е.Г. 380
 ЯСТРЖЕМБСКИЙ С.В. 435

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5

1992—1993 годы

1. «ВСЕ МЫ ЕЩЕ БОЛЬШЕВИКИ...», <i>Поиск</i> , 8—14 февраля 1992 г.	14
2. «ВОЗМОЖНО, МНЕ МСТЯТ ТЕ ЖЕ ЛЮДИ», <i>Известия</i> , 15 февраля 1992 г.	19
3. «АЛЬТЕРНАТИВЫ РЕФОРМЕ НЕТ», <i>Инженерная газета</i> , № 25, февраль 1992 г.	20
4. «ДЛЯ МЕНЯ МЕРИЛО ДЕМОКРАТИИ — ЧЕЛОВЕК», <i>Демократическая газета</i> , 4 марта 1992 г.	22
5. «МЫ ЖИВЕМ В СТРАНЕ РАЗРЕШЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ», <i>Россия</i> , 6—12 мая 1992 г.	25
6. «Я САМ ПРИШЕЛ К ОТРИЦАНИЮ ТОГО, ЧТО МЕНЯ ОКРУЖАЛО БОЛЬШУЮ ЧАСТЬ ЖИЗНИ», <i>Столица</i> , № 26, июнь 1992 г.	31
7. «РОССИЯ ВЫБЕРЕТСЯ ИЗ БОЛОТА И СТАНЕТ СИЛЬНЕЙШЕЙ ДЕРЖАВОЙ В МИРЕ», <i>Деловой мир</i> , 4 августа 1992 г.	35
8. «В СЛУЧАЕ МОЕЙ ВНЕЗАПНОЙ СМЕРТИ...», <i>Куранты</i> , 5 сентября 1992 г.	37
9. «ПО ДВЕ СТРАНИЦЫ В НАШЕЙ ИСТОРИИ УДАВАЛОСЬ ПИСАТЬ ТОЛЬКО ЗЛОДЕЯМ», <i>Комсомольская правда</i> , 23 октября 1992 г.	43
10. «ПОДЛИННОЙ И ПРОЧНОЙ ДЕМОКРАТИИ ПОКА НЕ СОСТОЯЛОСЬ», <i>Вечерняя Москва</i> , 6 ноября 1992 г.	45
11. КРЕСЛОЛОГИЯ КАК НАУКА, <i>Невское время</i> , 28 января 1993 г.	53
12. «ПОРА И ВЛАСТЬ УПОТРЕБИТЬ», <i>Труд</i> , 23 февраля 1993 г.	54
13. КАК Я БЫЛ АМЕРИКАНСКИМ ШПИОНОМ, <i>Литературная газета</i> , 24 февраля 1993 г.	59
14. «Я ВЫБРАЛ БЫ КЛУБ ПОРЯДОЧНЫХ ЛЮДЕЙ», <i>Вечерний клуб</i> , 27 марта 1993 г. ..	63
15. «БЕЗУМИЕ НЕ ДОЛЖНО ВОСТОРЖЕСТВОВАТЬ», <i>Аргументы и факты</i> , № 13, апрель 1993 г.	67
16. «25 АПРЕЛЯ — ДЕНЬ СЕРЬЕЗНЫЙ», <i>Неделя</i> , № 16, апрель 1993 г.	68
17. «ПОКА ДЕМОКРАТЫ СПОРЯТ, ОППОЗИЦИЯ НАБИРАЕТ СИЛУ», <i>Век</i> , 22 мая 1993 г.	73
18. «ИДЕТ ТО, ЧТО И ДОЛЖНО ИДТИ, ЕСЛИ МЫ ЭТО ДЕЛО НАЧАЛИ...», <i>Голос</i> , 7—13 июня 1993 г.	76
19. «ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ НАМ НЕ НУЖНА», <i>Российские вести</i> , 17 июня 1993 г.	79
20. «ТЕНЬ ПРАВИТ ДЕМОКРАТИЕЙ», <i>Литературная газета</i> , 27 октября 1993 г.	81
21. «СУДЬБА И ПОЛИТИКА», <i>Деловой мир</i> , 29 ноября — 5 декабря 1993 г.	85
22. «Я БОЛЬШЕ УВАЖАЮ ДЕМОКРАТОВ ПО УБЕЖДЕНИЮ, ЧЕМ ДЕМОКРАТОВ ПО НАЗНАЧЕНИЮ», <i>Независимая газета</i> , 2 декабря 1993 г.	96
23. «У НАС СВОЕ МЕСТО ПОД СОЛНЦЕМ», <i>Президент</i> , 15—17 декабря 1993 г.	101
24. АРХИТЕКТОРУ ПЕРЕСТРОЙКИ ПРЕДСТОИТ ПЕРЕСТРАИВАТЬ ТЕЛЕВИДЕНИЕ, <i>Известия</i> , 24 декабря 1993 г.	103

1994—1999 годы

25. «ЕСЛИ СКАЗАТЬ ЖЕСТКО, Я БЫ УСТАНОВИЛ СЕЙЧАС ВРЕМЕННУЮ УГОЛОВНУЮ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НОВОВВЕДЕНИЯ», <i>Московские новости</i> , 30 января — 6 февраля 1994 г.	105
26. НАСТУПИЛА ПОРА ПРАГМАТИКОВ, <i>Аргументы и факты</i> , № 13, март 1994 г.	109
27. «ОСТАНКИНО» СЧИТАЕТ ДЕНЬГИ, <i>Голос</i> , № 12, 1994 г.	114
28. «ГОСУДАРСТВЕННОМУ ТЕЛЕВИДЕНИЮ ГОСУДАРСТВО ДЕНЕГ НЕ ДАЕТ», <i>Куранты</i> , 15 июля 1994 г.	116
29. НАМ ВСЕ ДАНО ПРЕДУГАДАТЬ, <i>Учительская газета</i> , 9 августа 1994 г.	120
30. ДЕД ЭПОХИ, <i>Независимая газета</i> , 19 августа 1994 г.	129
31. «Я В ОТСТАВКУ НЕ ПОДАВАЛ И ПОДАВАТЬ ПОКА НЕ СОБИРАЮСЬ», <i>Известия</i> , 8 октября 1994 г.	138
32. ПОЗДНЯЯ ОСЕНЬ ГЛАЗАМИ ПАТРИАРХА, <i>Двадцать четыре</i> , 28 октября 1994 г. ...	140
33. МОЯ ВОЙНА, <i>Комсомольская правда</i> , 3 ноября 1994 г.	142
34. ТОТ ЕЩЕ ЯКОВЛЕВ, <i>Новый взгляд</i> , № 47, декабрь 1994 г.	147
35. НА ФОНЕ ЛАУРЕАТОВ, <i>Вечерний клуб</i> , 19 января 1995 г.	157
36. ДЕНЬГИ И ВЛАСТЬ НА ТВ, <i>Аргументы и факты</i> , 1—6 марта 1995 г.	159
37. «ПОРА ИДТИ К ЧЕЛОВЕКУ», <i>Аргументы и факты</i> , № 11, март 1995 г.	160
38. ПОКАЯНИЕ, <i>Труд</i> , 15 марта 1995 г.	163
39. БУНТ ЛЮМПЕНОВ И СУДЬБА РЕФОРМ, <i>Вечерняя Москва</i> , 23 марта 1995 г.	167
40. «Я ДУМАЮ, НАС ГУБИТ КУЛЬТ БЕЗДЕЛЬЯ», <i>Труд</i> , 11 июля 1995 г.	174
41. АМБИЦИИ НЕ БУДУТ В ДЕФИЦИТЕ, <i>Утро России</i> , 27 июля — 2 августа 1995 г. ...	177
42. СКОРПИОНЧИКИ, <i>Утро России</i> , 19—25 октября 1995 г.	180
43. «ВЛАСТЬ — НЕ ЦЕЛЬ ДЕМОКРАТИИ, НО И ДЕМОКРАТИЯ — НЕ МИШЕНЬ ДЛЯ БОРЮЩИХСЯ ЗА ВЛАСТЬ», <i>Российские вести</i> , 23 ноября 1995 г.	181
44. МЕЖДУ ГОРБАЧЕВЫМ И ЕЛЬЦИНЫМ, <i>Собеседник</i> , № 42, ноябрь 1995 г.	183
45. «Я С ТЕМИ, КТО ЧЕСТЕН ДО КОНЦА», <i>Открытая политика</i> , № 7, ноябрь 1995 г. ...	188
46. «НАМ НУЖНА ДИКТАТУРА. ДИКТАТУРА ЗАКОННОСТИ», <i>Возрождение России</i> , 16 ноября 1995 г.	195
47. «НЕТ, НЕ ПАДАТЬ НИЦ Я ПРИЗЫВАЮ, А ВЗОЙТИ НА ПЬЕДЕСТАЛ СОВЕСТИ И ЧЕЛОВЕЧНОСТИ...», <i>Призыв</i> , 29 марта 1996 г.	199
48. «ГОРБАЧЕВА ЗАРУБЕЖ ОЧЕНЬ СИЛЬНО ИСПОРТИЛ», <i>Деловой мир</i> , 29 марта 1996 г.	203
49. ДУМАЙТЕ САМИ, РЕШАЙТЕ САМИ, <i>Куранты</i> , 9 апреля 1996 г.	207
50. «ЛИШЬ В БОЛЬНОМ ОБЩЕСТВЕ САХАРОВ ОКАЗЫВАЕТСЯ В ГОРЬКОМ», <i>Российские вести</i> , 15 декабря 1996 г.	207
51. «Я БЫЛ ВОЖДЕМ ИНДЕЙСКОГО ПЛЕМЕНИ», <i>Спорт-Экспресс</i> , журнал, декабрь 1996 г.	210
52. ПОДЛЕЖАЛИ УНИЧТОЖЕНИЮ..., <i>Российские вести</i> , 15 января 1997 г.	214
53. ДЕТОУБИЙЦЫ, <i>Российские вести</i> , 8 июля 1997 г.	220
54. «ФАШИЗМ ПРОСТ, КАК ПАЛКА, ПОЭТОМУ С НИМ ТАК СЛОЖНО БОРОТЬСЯ», <i>Литературная газета</i> , 9 июля 1997 г.	224
55. В АМЕРИКЕ НЕТ СВОЕГО ШТИРЛИЦА, <i>Новое время</i> , 5 октября 1997 г.	230

56. «ЕСЛИ БЫ ГОСУДАРСТВО МОГЛО ПРИЗНАТЬ СВОЕ УГОЛОВНОЕ ПРОШЛОЕ...», <i>Российские вести</i> , 30 октября 1997 г.	230
57. ПОРЯДОК ПУЛИ И КНУТА, <i>Литературная газета</i> , 12 ноября 1997 г.	233
58. «ЕСЛИ ДЕНЕГ НЕТ, О ЧЕМ РАЗГОВОР?», <i>Век</i> , 14—20 ноября 1997 г.	236
59. «ПЛОХОЙ ЧИНОВНИК ВСЕГДА В СОВЕТСКОЙ ШИНЕЛИ», <i>Российские вести</i> , 20 января 1998 г.	237
60. ЗАБЫТЬ НЕЛЬЗЯ. ПОКАЯТЬСЯ, <i>Культура</i> , 9—15 апреля 1998 г.	240
61. ЗАВЕЩАНИЕ ЦАРЕУБИЙЦЫ, <i>Труд</i> , 22 апреля 1998 г.	242
62. ПЕРЕСТРОЙКА — БЕЗ КОНЦА И НАЧАЛА, <i>Панинтер</i> , № 7, апрель 1998 г.	244
63. «НАША НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ — ЭТО СВОБОДА, ДОСТАТОК И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА», <i>Труд-7</i> , 11 июня 1998 г.	251
64. «РОССИЙСКИХ ФАШИСТОВ ПОРОДИЛ КГБ», <i>Известия</i> , 17 июня 1998 г.	253
65. ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРАВДЫ, <i>Литературные вести</i> , июль — август 1998 г.	256
66. «РЕФОРМЫ У НАС НАЧИНАЛИ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТЫ», <i>Труд</i> , 31 октября 1998 г.	262
67. «Я НАЗЫВАЮ НЫНЕШНИЙ СТРОЙ ДЕМОКРАТУРОЙ», <i>Вечерняя Москва</i> , 2 декабря 1998 г.	263
68. «МЕНЯ СПАСАЕТ ОДНО — ЧУВСТВО ЮМОРА», <i>Труд</i> , 2 декабря 1998 г.	267
69. НЕ ПОДСТУПИТЬСЯ! <i>Коммерсант</i> , 11 декабря 1998 г.	270
70. «ЕЩЕ ПРИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ Я ПРЕДЛАГАЛ ДВУХПАРТИЙНУЮ СИСТЕМУ», <i>Известия</i> , 16 января 1999 г.	272
71. О СВОБОДЕ, КУЛЬТУРЕ ЗДОРОВЬЯ И НЕМНОГО О СЕБЕ..., <i>ДиаНовости</i> , январь 1999 г.	275
72. «РЕВОЛЮЦИЯ — ЭТО ТУПИК», <i>Версты</i> , 26—29 августа 1999 г.	278

2000—2005 годы

73. «ЛАКМУСОВЫЕ КНОПКИ», <i>Версты</i> , 1 февраля 2000 г.	281
74. «МЕНЯТЬ НАДО БЫЛО БУКВАЛЬНО ВСЕ», <i>Московская промышленная газета</i> , 30 марта — 5 апреля 2000 г.	283
75. «ПЬЯНСТВО ПОБЕДИТЬ НЕ УДАЛОСЬ», <i>Независимая газета</i> , 18 мая 2000 г.	287
76. ЛОВУШКА ДЛЯ ПРЕЗИДЕНТА, <i>Труд</i> , 13—19 июля 2000 г.	289
77. «В СОЗДАНИИ НОВОЙ ОППОЗИЦИИ УЧАСТВОВАТЬ НЕ СОБИРАЮСЬ», <i>Труд-7</i> , 10 августа 2000 г.	291
78. УГРОЗА ОТКАТА, <i>Версты</i> , 10 августа 2000 г.	292
79. ДНИ БЕЗ ЧИСЕЛ, <i>Версты</i> , 19 августа 2000 г.	294
80. ДОБРО ДОЛЖНО ОБРАСТИ МУСКУЛАМИ, <i>Вечерняя Москва</i> , 30 октября 2000 г. ...	295
81. «БЫЛИ ВПОЛНЕ ЗДОРОВЫЕ ЛЮДИ, КОТОРЫЕ КОНТРОЛИРОВАЛИ ЭТУ ШИЗОФРЕНИЮ», <i>Новое время</i> , № 38, 2000 г.	296
82. ПРАВО НА ПАМЯТЬ, <i>Общая газета</i> , 18—24 октября 2001 г.	302
83. «СОВЕТСКИЙ СТРОЙ МОЖНО БЫЛО ВЗОРВАТЬ ТОЛЬКО ИЗНУТРИ», <i>Литературная газета</i> , 10—16 октября 2001 г.	304
84. «ВОЖДИ ОЧЕНЬ ТОРОПИЛИСЬ, КОГДА РЕЧЬ ШЛА О РАССТРЕЛАХ», <i>Независимая газета</i> , 26 октября 2001 г.	311

85. «СУДИТЬ О ПРАВИТЕЛЕ НАДО ПО ДЕЛАМ, А НЕ ПО СЛОВАМ», <i>VIP-Premiere</i> , март 2002 г.	314
86. ХЛЕБ И ПОРОХ, <i>Гражданин</i> , № 16—17, 2002 г.	319
87. «ЧЕКИСТСКАЯ ПАРТИЯ ЕЩЕ НЕ РАСПУЩЕНА», <i>Новая газета</i> , 18—20 августа 2003 г.	327
88. ЕСТЬ ТОЛЬКО ПРАВДА МЕЖДУ ПРОШЛЫМ И БУДУЩИМ, <i>Российская газета</i> , 2 декабря 2003 г.	328
89. «Я ГОВОРИЛ ПРО ОБНОВЛЕНИЕ СОЦИАЛИЗМА, А САМ ЗНАЛ, К ЧЕМУ ДЕЛО ИДЕТ», <i>Независимая газета</i> , 2 декабря 2003 г.	335
90. МИЛЛИОНЫ «СТАЛИНЫХ» — СТРАШНАЯ СИЛА, <i>Аргументы и факты</i> , № 4, январь 2004 г.	340
91. «О ЛЮБВИ К РОДИНЕ НЕ НАДО КРИЧАТЬ», <i>Новые известия</i> , 8 апреля 2004 г.	343
92. ИСТОРИЮ НАДО ЗНАТЬ, <i>Эхо планеты</i> , 4—17 июня 2004 г.	346
93. КУМИР ИЗ «ОРГАНОВ», <i>Московский комсомолец</i> , 29 июня 2004 г.	349
94. СЕКРЕТНЫЕ ПРОТОКОЛЫ, <i>Вечерняя Москва</i> , 17 сентября 2004 г.	352
95. «ПЕРВАЯ БАРХАТНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ СОСТОЯЛАСЬ У НАС», <i>Новая газета</i> , 20—23 января 2005 г.	356
96. «НАМ БЫЛО НЕ ДО ЕВРОПЫ», <i>Коммерсант-Власть</i> , 28 февраля 2005 г.	359
97. ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ, <i>Итоги</i> , 15 марта 2005 г.	362
98. РОДОНАЧАЛЬНИК ГЛАСНОСТИ — О КОНТРРЕФОРМАХ, <i>Независимая газета</i> , 19 апреля 2005 г.	367
99. «ВЛАСТЬ ОПЯТЬ СПОРИТ С ИСТОРИЕЙ», <i>Новая газета</i> , 5—11 мая 2005 г.	372
100. «ЭТО ДЕНЬ, КОТОРЫЙ МЫ ЖДАЛИ И ПРИБЛИЖАЛИ, КАК МОГЛИ...», <i>Журналист</i> , № 5, май 2005 г.	374
ПРИМЕЧАНИЯ	380
ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	463

RUSSIA.
THE XXth CENTURY

D O C U M E N T S

ALEXANDER YAKOVLEV.

SELECTED INTERVIEWS: 1992—2005

The prominent Russian politician and statesman Alexander Yakovlev's interviews form a unique Post-Perestroika document, mirroring Russian history since 1991. Next to the struggle of various political forces within three different periods — 1992—1993, 1994—1999 and 2000—2005, the book features ideological evolution of Yakovlev himself turning from one of the top leaders of CPSU to a social-democrat and dissident liberal. The collection of interviews supplemented by in depth commentaries will undoubtedly arouse interest of expert historians, as well as of general public.

Книги серии «РОССИЯ. XX ВЕК. ДОКУМЕНТЫ»

- Кронштадт. 1921. М., 1997.
- Филипп Миронов: Тихий Дон в 1917—1921 гг. М., 1997.
- Молотов, Маленков, Каганович. 1957: Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.
- Лубянка: Органы ВЧК—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1960: Справочник. М., 1997.
- Лубянка: Органы ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД—НКГБ—МГБ—МВД—КГБ. 1917—1991: Справочник. М., 2003.
- Лубянка: Сталин и ВЧК—ГПУ—ОГПУ—НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936. М., 2003.
- Лубянка: Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937—1938. М., 2004.
- Лубянка: Сталин и НКВД—НКГБ—ГРУК «СМЕРШ». 1939 — март 1946. М., 2006.
- Лубянка: Сталин и МГБ. Март 1946 — март 1953: Документы высших органов партийной и государственной власти. М., 2007.
- 1941 год: В 2 кн. М., 1998.
- Катынь: Пленники необъявленной войны. М., 1999.
- 58/10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде. Март 1953—1991: Аннотированный каталог. М., 1999.
- Лаврентий Берия. 1953: Стенограмма июльского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1999.
- Экология и власть. 1917—1990. М., 1999.
- Как ломали НЭП: В 5 т. М., 2000.
- Реабилитация: как это было: В 3 т. М., 2000—2004.
- Сибирская Вандея: В 2 т. М., 2000.
- Георгий Жуков: Стенограмма октябрьского (1957 г.) пленума ЦК КПСС и другие материалы. М., 2001.
- Власть и художественная интеллигенция. 1917—1953: Документы ЦК РКП(б), ВЧК—ОГПУ—НКВД о культурной политике. М., 2002
- Дети ГУЛАГа. 1918—1956. М., 2002.
- Дело генерала Л.Г. Корнилова: В 2 т. М., 2003.
- Ближневосточный конфликт: В 2 т. М., 2003.

- Процесс над колчаковскими министрами. Май 1920.** М., 2003.
- Россия и США: Дипломатические отношения. 1990—1917.** М., 1999.
- Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1918—1926.** М., 2002.
- Советско-американские отношения: Годы непризнания. 1927—1933.** М., 2002.
- Советско-американские отношения. 1934—1939.** М., 2003.
- Советско-американские отношения. 1939—1945.** М., 2004.
- Советско-американские отношения. 1945—1948.** М., 2004.
- Советско-американские отношения. 1949—1952.** М., 2006.
- Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС. 1945—1953.** М., 2005.
- Государственный антисемитизм в СССР: От начала до кульминации. 1938—1953.** М., 2005.
- Поэзия узников ГУЛАГа: Антология.** М., 2005.
- Сталинские стройки ГУЛАГа. 1930—1953.** М., 2005.
- Сталинские депортации. 1928—1953.** М., 2005.
- Большая цензура: Писатели и журналисты в стране Советов. 1917—1956.** М., 2005.
- Немцы в истории России: Документы высших органов власти и военного командования. 1652—1917.** М., 2006.
- Никита Хрущев. 1964: Стенограммы пленума ЦК КПСС и другие документы.** М., 2007.
- Ф.Э. Дзержинский — председатель ВЧК—ОГПУ. 1917—1926.** М., 2007.
- Ярославское восстание. 1918.** М., 2007.
- «Очистим Россию надолго...»: Репрессии против инакомыслящих. Конец 1921 — начало 1923 г.** М., 2008.
- Военная разведка информирует: Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 — июнь 1941 г.** М., 2008.
- Александр Яковлев. Перестройка. 1985—1991: Неизданное, малоизвестное, забытое.** М., 2008.
- Аппарат НКВД—МГБ в Германии. 1945—1953.** М., 2009.
- Никита Сергеевич Хрущев. Два цвета времени: В 2 т.,** М., 2009.

РОССИЯ. XX ВЕК

Д О К У М Е Н Т Ы

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВ. ИЗБРАННЫЕ ИНТЕРВЬЮ: 1992—2005

Составитель А.А. Яковлев
Корректор В.И. Рубин

Оригинал-макет подготовлен
ООО «БЕТА-Фрейм»

ЛР № 061660 от 06.01.97 г.

Подписано к печати 21.05.2009 г.
Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 38,7.
Тираж 1000 экз. Заказ № 0910220.

Общественный фонд
«Международный фонд “Демократия”
(фонд Александра Н. Яковлева)»
123422, Москва, ул. Малая Грузинская, д. 15, стр. 3
Тел. 8-499-252-69-21. Факс 8-499-252-51-22
E-mail: mfdemo@idf.ru
<http://www.alexanderyakovlev.org>

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

